

N. P. KONDAKOV

PŘÍSPĚVKY

K DĚJINÁM STŘEDOVĚKÉHO UMĚNÍ

A KULTURY

PRAHA 1929

VYDALA ČESKÁ AKADEMIE VĚD

A UMĚNÍ

Н. П. КОНДАКОВЪ

11-B-14

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ

ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ИСКУССТВА

И КУЛЬТУРЫ

ПРАГА 1929

ИЗДАНИЕ ЧЕШСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

И ИСКУССТВЪ

3697-I

894.01/14

ПРЕДИСЛОВІЕ

Когда мы здѣсь, въ Чехіи, узнали въ концѣ 1921-го года, что академикъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ живетъ въ Софіи, гдѣ не имѣетъ возможности работать такъ, какъ бы ему хотѣлось, мы въ Прагѣ стали обсуждать, чѣмъ можно помочь этому великому русскому ученому. Послѣдствіемъ этого было согласіе Министерства Народнаго Просвѣщенія на предложеніе Фило-софскаго факультета пригласить Н. П. Кондакова сверхштатнымъ профессоромъ въ Карловъ Университетъ. Н. П. Кондаковъ принялъ это предложеніе и вступилъ въ новую должность 1-го мая 1922 года.

Чтеніе его лекцій и занятія его семинарія происходили сначала въ помѣщеніи „Клементинума“, а затѣмъ въ новомъ помѣщеніи Института Исторіи Искусствъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось очень недолгое время, отъ 1922/3 до 1925 г.¹

31-го октября 1924 г. Н. П. Кондаковъ, еще полный силъ, праздновалъ свой 80-тилѣтній юбилей (род. 1 ноября 1844 г. въ с. Халань Курск. губ.), горячо привѣтствуемый чешскими и русскими научными учреждениями, но уже вскорѣ послѣ этого, 17 февраля 1925 г., онъ скоропостижно скончался.

Мы любили Н. П. Кондакова за его золотое русское сердце и за симпатіи, пробужденныя въ немъ Бодянскимъ, которыя онъ питалъ къ чехамъ еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда встрѣчался въ Прагѣ съ Палацкимъ. Ко всему этому нужно добавить то чувство восхищенія, которое вызывали въ насъ его обширныя и глубокія знанія, импонировавшія всѣмъ, интересовавшимся искусствомъ и древностями. Поэтому-то Чешская Академія Наукъ и Искусствъ, членомъ которой Н. П. Кондаковъ былъ съ 1898 г., сочла своей обязанностью почтить память великаго ученаго изданіемъ курса, который онъ читалъ въ Карловомъ Университетѣ. Среди литературнаго наслѣдія Никодима Павловича была найдена рукопись очерковъ, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ частямъ этого курса.

¹) По официальнымъ обозрѣніямъ преподаванія Н. П. Кондаковъ читалъ въ 1922/3 г. о средневѣковомъ искусствѣ (3 часа въ недѣлю), съ 1923/4 г. въ зимнемъ семестрѣ о томъ же предметѣ, въ лѣтнемъ — исторію византійскаго искусства (3 часа въ недѣлю), которую продолжалъ и въ зимнемъ семестрѣ 1924/5 г. Кромѣ того, разъ въ недѣлю велъ занятія семинарія по христіанской иконографіи.

Чешская Академія, по своему уставу, издаетъ работы своихъ членовъ на чешскомъ языкѣ. Но изъ почтенія къ Н. П. Кондакову было постановлено издать рукопись на языкѣ оригинала — русскомъ. Академія поручила нижеподписавшемуся редактированіе труда, которому, согласно его разнородному содержанію, дали мы заглавіе: „Очерки и замѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры“, и раздѣлили его на 6 главъ.

Какъ извѣстно, всякое посмертное изданіе требуетъ спеціальной обработки. Такъ и въ данномъ случаѣ явилась необходимость нѣкотораго пересмотра неоконченнаго труда въ видѣ „Очерковъ“, соответствующихъ цикламъ лекцій, прочтенныхъ и записанныхъ или продиктованныхъ авторомъ въ разное время. За переписку рукописи и первую общую провѣрку мы должны быть благодарны сыну Никодима Павловича, С. Н. Кондакову. Однако, при детальномъ разсмотрѣніи оригинала выяснилось, что необходима болѣе глубокая и проницательная обработка, т. к. въ оригинальномъ текстѣ нашлось достаточно лакунъ, неясностей, неполныхъ и неточныхъ цитатъ, а также приписокъ на поляхъ и т. п. Со всѣмъ этимъ не представлялось возможнымъ издать книгу. Желая все-таки, чтобы и при посмертной, авторомъ неоконченной, формѣ новая книга Н. П. Кондакова выглядѣла какъ можно лучше и отвѣчала какъ можно болѣе намѣреніямъ своего великаго автора, я попросилъ одного изъ его послѣднихъ учениковъ, Д-ра Н. М. Бѣляева, который слушалъ лекціи Н. П. Кондакова до конца его жизни, предпринять новую окончательную провѣрку труда и взять на себя корректуры. Н. М. Бѣляевъ исполнилъ мою просьбу не только съ большой охотой и любовью къ своему учителю, но и съ большимъ знаніемъ дѣла, за что приношу ему здѣсь искреннюю благодарность.

Основной текстъ Н. П. Кондакова остался вполне безъ существенныхъ измѣненій, но былъ обработанъ, гдѣ было нужно, стилистически и дополненъ тамъ, гдѣ были очевидные пропуски, или гдѣ были неполныя цитаты и примѣчанія, наконецъ, гдѣ неясный текстъ требовалъ болѣе точнаго разъясненія. Всѣ дополненія, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніяхъ, обозначены прямыми скобками. Изъ почтенія къ автору всюду сохранено его правописаніе.

Мы старались дать какъ можно болѣе иллюстрацій къ тексту. Соображенія матеріальнаго характера принудили насъ ограничить ихъ число и въ особенности выпустить цвѣтныя репродукціи изъ-за ихъ непомерной дороговизны. Часть клише для V-го очерка намъ любезно предоставила редакція журнала »Byzantion« въ Брюсселѣ, для I-го очерка — Національный Музей въ Будапештѣ и для другихъ — Семинарій имени Н. П. Кондакова въ Прагѣ. За предоставленіе клише приношу свою благодарность Prof. Henri Grégoire, Dr. Nandor Fettich и Проф. А. П. Калитинскому.

Такимъ образомъ, очерки были приготовлены къ печати и въ теченіе 1928 г. отпечатаны. Чешская Академія Наукъ и Искусствъ представляетъ ихъ общественности славянской и русской съ надеждой, что, выполнивъ

долгъ свой передъ Н. П. Кондаковымъ, она сдѣлала тѣмъ самымъ дѣло цѣнности всеобщей и непреходящей. Имя Н. П. Кондакова пользуется славой во всемъ ученомъ мірѣ; его работы долгіе годы сохраняютъ свою цѣну, и болѣе того — время ее еще увеличитъ. Какъ и другія его работы, „Очерки“ останутся незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи исторіи искусствъ и древностей, даже и тогда, когда въ частностяхъ придутъ къ инымъ выводамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ Никодимъ Павловичъ.

Л. Г. Нидерле.

Іюнь. 1929.
Прага.

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНЫХЪ КОЧЕВНИКОВЪ И ЮЖНОЙ РОССИИ (СКИФО-САРМАТСКІЯ)

ВВЕДЕНІЕ¹

Въ своемъ краткомъ предисловіи мы встрѣчаемъ нужду высказать свой общій взглядъ на научную постановку исторіи искусства. Хотя избранная для настоящаго сочиненія задача относится цѣликомъ къ области археологіи быта и искусства, тѣмъ не менѣе тѣсная связь самой археологіи искусства съ его исторіей требуетъ опредѣлить ихъ взаимное отношеніе.

Общій взглядъ на научную постановку исторіи искусства

Въ современной литературѣ исторія искусства опредѣляется обычно, какъ исторія художественной формы, принимая эту послѣднюю въ широкомъ смыслѣ историческаго развитія формъ архитектуры, скульптуры, живописи и всѣхъ прикладныхъ искусствъ, и всякаго промышленнаго мастерства, связаннаго съ вещественной матеріей. Исторія формы во всѣхъ этихъ видахъ и областяхъ производитъ свои наблюденія надъ поступательнымъ движеніемъ формы, ея перемѣнами, традиціями, разносторонними вліяніями въ ней появившимися, упадкомъ и стаціонарнымъ повтореніемъ, разложеніемъ и исчезновеніемъ. Основная задача науки заключается въ историческомъ построеніи матеріала, и его сравнительной оцѣнкѣ, опредѣленіи времени cadaго памятника и отношеніи къ общей художественной дѣятельности опредѣленной эпохи. Историкъ искусства обязанъ при этомъ кратко обозначить содержаніе даннаго памятника, но не имѣетъ обязанности и нужды входить въ историческій анализъ этого содержанія, такъ какъ этимъ сложнымъ дѣломъ должна заниматься археологія искусства, строя въ своей области весь содержательный матеріалъ памятниковъ въ особыхъ группахъ, имѣющихъ свою исторію.

Уже на первый, общій, даже посторонній взглядъ, такое раздѣленіе формы и содержанія представляется не только бессмысленнымъ, но и, явно, вреднымъ для самого предмета. Современная литература исторіи искусства открыто направляется по такому одностороннему и ненормальному пути. Вполнѣ понятно, что такого рода крайность научнаго взгляда должна имѣть свои источники въ самой литературѣ предмета, о чемъ и приходится

¹) [Всѣ подраздѣленія въ очеркахъ, равно и указанія на содержаніе на поляхъ, сдѣланы для удобства читателя и автору не принадлежатъ. Примѣчанія редакціи всюду обозначены прямыми скобками.]

сказать предварительно. Вряд-ли мы ошибемся, если скажемъ, что основной причиной такого формальнаго построения нашей дисциплины является, именно, тотъ громадный научный успѣхъ, котораго достигла въ течение всего XIX столѣтія классическая археологія. Продолжительное сосредоточеніе нашей науки именно на этомъ отдѣлѣ имѣло въ результатѣ такую многостороннюю разработку, что не только вся художественная древность греко-римскаго міра была разсмотрѣна, опредѣлена, разсортирована и истолкована по группамъ и отдѣльнымъ памятникамъ, но даже вся ея терминологія стала, своего рода, азбучнымъ знаніемъ образованнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи древняго искусства достаточно назвать статую Зевса, Аполлона, Діониса, чтобы всѣмъ грамотнымъ людямъ было понятно значеніе и содержаніе такого имени. Иного рода дѣло имѣло мѣсто въ средѣ восточныхъ отдѣловъ исторіи древняго искусства, и понятно — тамъ и доселѣ занятія художественными памятниками Египта, Ассиріи, Персіи тѣсно связаны съ занятіями обще-археологическими по египтологіи, ассиріологіи и пр. И, нельзя не сказать, что даже, напримѣръ, сочиненіе столь знаменитаго египтолога, какъ Масперо, по общей исторіи искусства въ Египтѣ, предполагающее, какъ будто предварительное и достаточное знакомство съ египетской мифологіей и археологіей вообще, также даетъ чувствовать недостатокъ мифологическихъ и историко-бытовыхъ разъясненій по памятникамъ. Какъ извѣстно, далѣе, на широкомъ археологическомъ принципѣ была построена исторія искусства въ древности — Жоржа Перро, но такъ понимали задачу нашей науки ученые прошлаго вѣка, и уже въ концѣ его использованіе полученныхъ другими научныхъ результатовъ приняло совершенно иной оборотъ, прежде всего въ общихъ руководствахъ по такъ называемой исторіи искусства. Съ того времени и доселѣ появились десятки, такъ называемыхъ, популяризаторовъ и руководителей въ области исторіи искусства вообще. Сначала за это дѣло брались сами ученые изслѣдователи, пытаясь дополнять по работамъ другихъ ученыхъ свои собственные, а затѣмъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ настоящее время и во всѣхъ другихъ наукахъ, легкая задача резюмированія чужихъ работъ стала исполняться лицами, совершенно непричастными къ научному изслѣдованію и даже къ его результатамъ, и большинство подобныхъ общихъ обзоровъ выполняется лицами, едва заявившими себя въ литературѣ предмета. Вполнѣ понятно, что для такого рода спѣшныхъ поѣздокъ излишней помѣхой является тяжелый багажъ археологіи, и общее обозрѣніе становится голой статистической номенклатурой и изобилуетъ легковѣрными, или вовсе легкомысленными, заключеніями по памятникамъ и предметамъ. Историкъ отечественной или иностранной литературы въ своихъ обозрѣніяхъ даетъ краткое изложеніе содержанія и фабулы литературнаго произведенія, тогда какъ историкъ искусства считаетъ себя въ правѣ судить о достоинствахъ и недостаткахъ эпохи или знаменитаго мастера, познакомившись въ снимкѣ съ нѣсколькими произведеніями, ставшими ему доступными.

Предлагаемые вниманію читателей эпизодическіе очерки культуры и искусства Восточной Европы, не претендуя на опытъ всесторонняго изслѣдованія данной области, имѣютъ, однако, своею задачею направить археологическую науку въ ту сторону средневѣковья, которая наименѣе доселѣ подвергалась изученію. Духовное отчужденіе историческихъ изслѣдователей отъ средневѣковья, порожденное эпохою Возрожденія и философски поддержанное XVIII вѣкомъ, продолжалось такъ упорно, что само по себѣ способствовало развитію и превосходству классической археологіи Греціи и Рима съ примкнувшими къ ней отдѣлами египтологіи и ассиріологіи. Въ то же время услужливая теорія, вышедшая изъ классической школы, съумѣла почти сомкнуть упадочный періодъ классической литературы и культуры греко-римскаго міра въ романизованныхъ странахъ съ начальною эпохою Возрожденія. Промежуточная эпоха трехъ, четырехъ столѣтій средневѣковаго мрака, разсѣиваемаго временемъ Карла Великаго, оказывалась, такимъ образомъ, столь незначительною, что не требовала особыхъ усилій науки для ея заранѣе условленной характеристики. Руководясь исключительно исторіею средневѣковаго Рима, историческая наука опредѣлила, что исторія этого періода (IV-X вѣка) прошла „подъ знаменемъ церкви“, борьба съ которою начинается съ XI вѣка. Исторія средневѣковаго искусства ограничивалась исключительно „исторіею христіанскаго искусства“, и потому для народностей, принявшихъ христіанство только въ IX—X вѣкахъ, средневѣковой художественной жизни какъ бы не существовало.

Между тѣмъ, для той же Восточной Европы и политическая исторія и археологія древняго искусства и культуры знаетъ продолжительный и сравнительно богатый памятниками отдѣлъ древностей Босфора Киммерійскаго и скифо-сарматскихъ народовъ, который, начинаясь почти одновременно съ нарожденіемъ переднеазиатской культуры, какъ бы прерывается въ III вѣкѣ по Р. Х. и не имѣетъ, будто бы, дальнѣйшаго хода въ исторіи.

Подобныя историческія несообразности понятны въ европейскихъ построенияхъ Всеобщей Исторіи, которая пока руководится различными политическими взглядами и направленіями, но, очевидно, должны подчиниться прежде всего научнымъ требованіямъ полноты и связи, а затѣмъ естественному историческому интересу къ мало разработанной научной области средневѣковыхъ древностей.

Древности средневѣковья Восточной Европы тѣсно связаны съ древностями скифо-сарматскими, подобно тому, какъ древности Западной Европы съ греко-римскимъ міромъ, а сами скифо-сарматскія древности, въ свою очередь, связаны съ міромъ древняго Востока и съ тѣмъ же греко-римскимъ міромъ.

Отчасти въ силу послѣдней связи древностей скифо-сарматскихъ съ памятниками классическаго искусства и передней Азіи, Ассиріи и Персіи, также разработанныхъ, эти древности подверглись глубокой научной разработкѣ (преимущественно академика Л. Стефани), главнымъ образомъ, на основѣ

Древности
Восточной
Европы.

Изученіе скифо-
сарматскихъ
древностей.

изученія стилей и иконографических типовъ греко-римскаго искусства по времени поступления находокъ отъ ежегодныхъ раскопокъ.

Въ результатъ такой разработки стали возможны и такія систематическія обзорѣнія всего накопленнаго матеріала, которыя сами по себѣ закрѣпляютъ глубокую важность и характерность вѣковыхъ историческихъ процессовъ, залегшихъ, какъ широкая база и неотъемлемый фундаментъ быта и культуры, на обширной территоріи степей Восточной Европы и прилегающихъ къ ней степей азіатскихъ. Таково обзорѣніе всего историческаго и археологическаго матеріала, составленное Кембриджскимъ профессоромъ Е. Г. Миннсомъ.¹

Въ послѣднее время эти древности явились предметомъ замѣчательнаго опыта исторіи Южной Россіи,² начиная съ такъ называемаго доисторическаго и протоисторическаго періода и кончая періодомъ классическимъ вплоть до эпохи переселенія народовъ, т. е. до средневѣковья: этотъ научный опытъ, основанный на стилистическомъ анализѣ памятниковъ искусства и историческихъ данныхъ, на изученіи надписей и монетъ и въ то же время на основѣ общей науки классической археологіи и древней исторіи, принадлежитъ извѣстному академику М. И. Ростовцеву. Ежегодныя обзорѣнія поступающаго вновь скиѣскаго археологическаго матеріала, исполняемая русскимъ специалистомъ по греческому искусству Б. В. Фармаковскимъ, завершаются систематическимъ изслѣдованіемъ архаическаго періода скиѣскихъ древностей и обѣщаютъ дальнѣйшее его продолженіе.³

Итакъ, литература скиѣо-сарматской археологіи представляетъ настолько высокій уровень въ изученіи ея матеріаловъ, что даетъ уже достаточный базисъ, дабы строить на немъ разслѣдованіе средневѣковой исторіи народнаго искусства восточныхъ территорій Европы. Въ то же время архео-

¹) Древности Босфора Киммерійскаго. СПб., 1854, въ листъ. Переиздано С. Рейнакомъ въ 1892 г. въ 8-ую. Древности Геродотовой Скифіи. 1866 и 1873 въ 4-ую и въ листъ. Отчеты Имп. Археологической Комиссіи, 1859—1881 гг., 1882—8 г. въ 4-ую и въ листъ, 1889—1898 въ четвертую. Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи съ 1901 — въ 8-ую. [Матеріалы по археологіи Россіи, тт. 13, 31, 34, 37 и др.] А. Лаппо-Данилевскій. Скиѣскія древности. Записки Имп. Арх. О-ва. 1887. Н. П. Кондаковъ и графъ И. И. Толстой. — Русскія древности въ памятникахъ искусства. 1889—1890 г. вып. I, II и III, и на франц. яз. „Antiquités de la Russie méridionale“ въ 1891 г., въ сотруднич. съ С. Рейнакомъ. В. В. Латышевъ. Scythica et Caucasia. Ellis H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.

²) М. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford. 1922. Краткое предварительное изложеніе этого сочиненія на русск. яз. изд. въ Петроградѣ въ 1918 г., и статьи того же автора въ Journal des Savants 1920, въ American Historical Review 1921 и R vue des études Grecques 1921. [Также: М. И. Ростовцевъ: Скиѣя и Боспоръ. 1925, гдѣ стр. IV см. списокъ отдѣльныхъ статей того же автора за 1918—25; Сарматскія и индо-скиѣскія древности въ Recueil — Kondakov, стр. 239—258; Богъ-всадникъ на югѣ Россіи, въ Индо-Скиѣи и Китаѣ въ Seminarium Kondakovianum, I, стр. 141—6].

³) Б. В. Фармаковскій. Архаическій періодъ въ Россіи. Матер. по археологіи Россіи n° 34. 1914 г.

логъ, строяющій свою науку на изученіи памятниковъ, имѣетъ передъ собою почву историческаго періода и притомъ разрабатываетъ матеріаль исключительно объективный. Отсюда единственное условіе изслѣдованія — не терять связи съ древними источниками. Художественныя формы средне-вѣковыхъ памятниковъ будутъ измѣняться во времени, по территоріямъ, по народностямъ, но основа явленій останется непосредственно близкою къ древности, ея наслѣдіемъ. Показать историческія формы этой основы, суммировать культурное наслѣдіе древности, — такова задача краткаго введенія, намъ предстоящаго.

1.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на источникахъ и критическимъ анализомъ текстовъ Геродота усиливаться. Историческій взглядъ, установившійся какъ на текстахъ Геродотовой Скиѣи, такъ и на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ китайскихъ хроникъ, окончательно выяснилъ племенную и бытовую связь кочевниковъ Азіи и Восточной Европы. Кратко говоря, можно считать утвержденнымъ, что большинство Скиѣскихъ племенъ, помимо финно-угорскихъ народовъ, было тюркской расы, но также большинство Сарматовъ, если не цѣликомъ было иранцами, то относилось все-таки къ индоевропейской расѣ. Возможно, далѣе, что пришедшая позднѣе племенная дифференціация еще не имѣла мѣста, и тюркская раса не знала еще подраздѣленій на монголовъ, турокъ и татаръ, когда уже сложился вполне бытъ азіатскаго кочевья. Вообще всякіе опыты анализа извѣстій о кочевникахъ должны оставаться въ предѣлахъ предположеній, такъ какъ вполне ясно само по себѣ смѣшеніе расъ у кочевниковъ, и названія Монголовъ, Турокъ, Татаръ, какъ и древнихъ Аланъ, Аваровъ, Гунновъ, указываютъ вовсе не на расы, но на исторически соединившіяся или смѣшавшіяся племена, выдѣлявшіяся изъ другихъ своимъ господствомъ въ послѣдовательно сформировавшихся группахъ племенъ, а не національнымъ сплоченіемъ и размноженіемъ, которое наблюдается у земледѣльцевъ. Если Геродотъ зналъ въ Скифіи десятки племенъ, то и современная Сибирь насчитываетъ у себя 32 племени, и между ними главныя племена, напри- мѣръ, татаръ, оказываются также смѣшанными, какъ Турки и др. Несравненно важнѣе для опредѣленія подобныхъ племенъ ихъ образъ жизни, обычно наиболѣе консервативный, по сравненію съ языкомъ и даже религіею. Всѣ эти племена и нынѣ представляютъ частью почти примитивныя формы быта, какъ напри- мѣръ, оленеводы, звѣроловы и рыболовы, частью же достигли высокой культуры. Однако, эта самая примитивность есть ни что иное, какъ переживание примитивнаго быта племени, имѣвшаго ранѣе высокую культуру и постигнутаго упадкомъ ея, вслѣдствіе размноженія кочевниковъ и утѣсненія отъ земледѣльцевъ, а также собственнаго вырожденія. Идиллическія формы быта разныхъ Геродотовскихъ

Связь кочевниковъ Азіи и Восточной Европы.

Галактофаговъ, питающихся молокомъ, и Авіевъ, не знающихъ жизни, возможно, также были уже явленіемъ упадка и разложенія бывшей культуры. Возможно, далѣе, что формы быта кочевниковъ уживались въ примитивномъ видѣ рядомъ съ развитою культурою, промыслами и торговлею, и что въ степяхъ Европейской Сарматіи и въ равнинахъ Сибири существовали одновременно переходы отъ первобытнаго звѣроловства къ широкому скотоводству, коневодству и овцеводству, а равно и обратно, и притомъ съ переходами отъ земледѣлія къ кочевью. Точнѣе говоря, нѣтъ основаній представлять себѣ кочевниковъ Азіи и Южной Россіи, живущихъ собственно пастушескимъ бытомъ подобно ли библейскимъ праотцамъ или современнымъ Бедуинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, азіатское кочевье и доселѣ происходитъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ такъ называемый пастушескій бытъ, и, напримѣръ, точные свидѣтели сообщаютъ, что въ громадной Монголіи каждая кочевая семья владѣетъ, по крайней мѣрѣ, 20—25 конями, 50 баранами, 15 штукаами рогатаго скота, 10 верблюдами и проч.

Бытъ
кочевниковъ.

Вотъ какими яркими чертами набрасываетъ монгольскій эпосъ¹ идеальную картину кочевого хозяйства на территоріи Алтая и его отроговъ въ тѣ счастливыя времена кочевья, когда тамъ „господствовалъ миръ и всюду разливалось его благополучіе“, „вожди народа обладали неистощимыми добродѣтелями“, во времена богатейшей. „Возвышается пятидесятиголовый, сокровенный Хангай, выросшій сразу безъ скатовъ-уваловъ; поднимаются нагроможденныя алтайскія горы, выросшія безъ переваловъ, возвышаются глухіе бѣлые утесы, темнѣютъ непроходимыя заросли, чащи лѣса услаждаютъ глазъ, бѣлѣютъ снѣговые хребты, возвышаются ледяныя вершины. Вотъ радостная, прекрасная отчизна. Наполняя отроги Алтая и Хангая выросъ и завладѣлъ тою мѣстностью табунъ пестрыхъ и воронныхъ съ гнѣдыми коней, имѣли они видъ знаменитыхъ скакуновъ, много разъ теряли имъ счетъ. Красные и желтые верблюды выросли, наполнивъ Гоби на склонахъ Хангая; имъ товарищами черные верблюды; кладеные верблюды ходятъ отдѣльно табунномъ сотни тысячъ, трехъ-годовалые табунами въ десять тысячъ, однолѣтки, двухлѣтки режутъ табунками на мѣстахъ съ дикимъ чеснокомъ, кормятся и жирѣютъ. Красныя коровы, которымъ счетъ много разъ теряли, и безрогіе красныя быки наполнили ширину степныхъ равнинъ и рѣчныя ущелья. Черныя быки, куцые вола съ намордниками и безъ нихъ, бычки и телята бѣгаютъ по горнымъ те-

¹) Монголо-Ойратскій героическій эпосъ. Переводъ и вступленіе проф. Б. Я. Владимірцова, Петроградъ, 1923 г. Конечно, такія лирико-эпическія вступленія въ народномъ эпосѣ, былинахъ и пѣсняхъ повсюду не чужды подражательныхъ перепѣвовъ искусственной и письменной лирики, и въ данномъ случаѣ полезно было бы отъ знатоковъ слышать детальныя указанія отношеній монгольскаго эпоса къ литературамъ культурной Азіи. Любопытна, напримѣръ, близость этихъ вступленій къ китайской лирикѣ VII в. по Р. Х. отрывки которой изданы въ переводахъ въ журналѣ „Востокъ“, 1923 г., кн. I, стр. 39—45.

рассамъ. Трехлѣтніе прыгаютъ по балкамъ, двухлѣтки и малые телята скачутъ и трусятъ на сырыхъ лукорѣчьяхъ. Красный рогатый скотъ завладѣлъ всею тою стороною. Овцы бѣлыя какъ раковина выросли, наполнивъ подѣмы тринадцати алтайскихъ переваловъ; цѣлая область народа наблюдала за ними, бараны и козлы ходятъ отдѣльно, давно потеряли имъ счетъ, и невозможно сказать, какъ много этого скота.

Посреди Алтая и Хангая дымятся десять широкихъ равнинъ, синѣютъ разныя травы, плодовые и сандаловыя деревья качаются, птицы летаютъ стаями. Степная полынь и ковыль поднимаются вмѣстѣ, всюду повзросли разныя цвѣты, тѣсняются, переплетаются корнями. Бѣлыя антилопы кружатся, широко разбредаются и пасутся; бѣгаютъ, играя, тигры и медвѣди, шумятъ лебеди и разныя птицы, дикіе кони скачутъ съ грохотомъ. Черныя беркуты стелаются, подстерегая добычу. По склонамъ горъ колыхаются развѣсистыя деревья, щебечутъ пестрыя птицы, таетъ съ шипѣньемъ снѣгъ на высотахъ, густая трава колыхается стѣною.“

Далѣе знаемъ, что кочевники Средней Азіи, Алтая и Западной Сибири издревле жили рядомъ съ высококультурными странами: Согдіаною, Бактріею, Парѣіею, Персіею, Индіею и Китаемъ, и находились съ ними въ постоянномъ общеніи и равно въ непрестанной войнѣ. Равно и кочевники Южной Россіи близко знакомы или даже связаны были съ культурою Греціи, Іоніи, Сиріи и Арменіи. Кочевники развили у себя въ колоссальныхъ размѣрахъ коневодство, излюбивъ и самого коня, лучшія верховыя породы котораго (аргамаки) поставляли они на древній мѣръ, а его мясо предпочитали всякой иной пищѣ, равно какъ и кумысъ изъ молока кобылицъ. Алтай, Монголія, равнины Средней Азіи кормятъ и нынѣ колоссальное овцеводство, не требуя заготовки корма на зиму, когда стада переходятъ на горы. Окрестныя лѣса дѣлали кочевника звѣроловомъ или страстнымъ охотникомъ, и понятно, что именно кочевники издревле поставляли для культурныхъ странъ мѣха. Какъ скотоводы, кочевники стали поставщиками кожъ, заведя у себя мастерскія для ихъ дубленія и выдѣлки конской упряжи, ремней, сапогъ (по сіе время племена Кавказа, Лезгины и др.). Овцеводы стали шерстобитами, сосредоточиваясь въ кустарныхъ мастерскихъ на выдѣлкѣ войлока для палатокъ, кошмъ для половъ, мягкихъ шляпъ, затѣмъ грубыхъ видовъ сукна и т. д. Именно у нихъ развилось производство ковровъ, также сначала ограничивавшееся паласами (ковры безъ мохнатого верха), а въ Средней Азіи и обработка хлопка, выдѣлка пряжи и тканей бумажныхъ и вышивки, вмѣстѣ съ шитьемъ шелками, золотомъ и серебромъ, украшенія одеждъ, столовыхъ приборовъ и пр. Кочевники же, удаленные отъ городовъ, какъ напримѣръ, въ Западной Сибири и на Сѣверѣ, занялись рано выдѣлкою мѣдной посуды (доселѣ этимъ мастерствомъ славятся задвинутыя въ предгорья Кавказа народности, таково извѣстное село Кубечи и др. въ Дагестанѣ). Такимъ образомъ, совершенно ясно, что культура приходила къ кочевникамъ ранѣе, чѣмъ къ земледѣльцамъ, и таково

Культурный
уровень
кочевниковъ.

должно быть историческое положеніе. Но, въ противность этого очевиднаго вывода по историческому наведенію, въ современномъ обиходѣ доселѣ остается индуктивнымъ путемъ полученное (см., напр. въ соч. Вундта о „Народной психологіи“, томъ X) соображеніе, что культура и государственная жизнь создаются ранѣе у земледѣльца, какъ у осѣдлаго труженника. Впослѣдствіи мы увидимъ ясно ходъ нароженія культуры у Славянъ земледѣльцевъ въ результатѣ общенія съ кочевымъ бытомъ, а также появленія у нихъ же государственныхъ формъ, въ видѣ прикрѣпленія къ власти кочевой орды.

Государ-
ственность
кочевниковъ.

Основная причина такого историческаго факта заключается въ основномъ явленіи кочевого быта, подмѣченномъ еще Библиею въ пастушескомъ быту Востока: именно въ естественномъ наростаніи кочевого богатства, о которомъ въ идиллической формѣ повѣствуютъ первыя книги Бытія въ исторіи Авраама и Іакова. Шах-Наме рассказываетъ, какъ разъ богатырь Персіи Рустемъ съ семью товарищами задумали потѣшиться охотою въ „ловахъ“ Афрасіаба (у Турокъ или Туркменъ) и нашли такой рай, окруженный горами и рѣкою, что семь дней били тамъ всякую запасенную дичь: лвовъ, оленей, козъ, зайцевъ, фазановъ и пировали, и только тогда стали уходить оттуда, когда дошелъ слухъ, что узналъ Афрасіабъ о появленіи смѣльчаковъ и высылаетъ засаду на перерѣзъ имъ — сто тысячъ всадниковъ на панцырныхъ коняхъ. Богатства Турана и арабскихъ кочевниковъ воспѣваются поэмою Фирдуси въ рядѣ эпизодовъ, правда, также въ идиллической картинѣ кочевья: у мудраго мужа, всадника, изъ пустыни, могучаго владыки и благочестиваго челоуѣка, владѣльца дойныхъ стадъ, стояло на готовѣ десять тысячъ коней въ золотой упряжи, и сынъ молодой уже мечталъ о мировомъ завоеваніи. Но тѣ же самыя богатства вызвали рано постановку кочевья на военную ногу, ради охраненія занятой территоріи и еще болѣе ради приобрѣтенія новой.

Азіатскіе кочевники, захватившіе колоссальныя территоріи для своихъ пастбищъ, уже въ глубокой древности, какъ на примѣръ, Гунны,¹ по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, еще во II тысячелѣтіи до Р. X. перешли изъ мирнаго, но разрозненнаго быта, на военное положеніе, создавъ орду, а въ ней учредивъ ханство или царство, простиравшееся сначала отъ Урала до Китая, а затѣмъ раздѣлившееся на два: восточное и западное, и послѣ того дробившееся, въ силу формировки крупныхъ и мелкихъ ордъ. Орда представляетъ по существу сборъ кочевниковъ, ихъ кругъ, и въ то же время составляетъ ихъ лагерь, военную стоянку, съ которой весь кругъ, готовый къ походу, т. е. — точнѣе — набѣгу, по близости или даже за предѣлами Азіи, обязанъ идти за воеводою, какъ его свита (орда), или какъ вся военная сила народа, племени, или всего ханства. Остановившись, орда разомъ об-

¹ См. указ. соч. Minns p. 35—50, 91—130 и др., равно Rostovtzeff, p. 35—61, далѣе статьи и изложенія мнѣній де Гиня, Друэна въ Grande Encyclopédie, v. Huns.

разуется собою движущійся городъ, съ мечетями и рынками, а черезъ нѣкоторое время, формируетъ военный центръ новаго кочевья. Китайцы считали орды, по числу поставляемаго ими коннаго войска — отъ малыхъ чиселъ до ста тысячъ конниковъ и болѣе, съ примѣсю пѣхоты, образующейся уже на мѣстахъ. Раскопки, произведенныя академикомъ В. В. Радловымъ,¹ вполне подтверждаютъ наблюденія китайцевъ и представляютъ также часто находку большихъ конскихъ погребеній въ Сибири и на Кубани (въ иныхъ мѣстахъ Европейской Россіи рѣже) отъ 16 до 50 конскихъ скелетовъ въ одномъ курганѣ. Конечно, этою воинственностью отличались не всѣ кочевья племена, но немногія и достигнувшія господствующаго положенія, какъ на примѣръ, въ древности Гунны, Авары, Аланы, впослѣдствіи Турки, Татары, тогда какъ прочіе уже подчинялись поневолѣ и, въ свою очередь, развивались въ ту же сторону, какъ Печенѣги, Половцы или Куманы, но уже Аммианъ Марцелинъ знаетъ историческій типъ воинствующаго кочевника, говоря, на примѣръ, о Сарацинахъ;² онъ же сообщаетъ (XXIV, 6, 3), что видѣлъ въ Месопотаміи, среди сада, бесѣдку, украшенную живописью: разныя царскія охоты, и замѣчаетъ, что „тамъ и не рисуютъ впрочемъ ничего кромѣ охоты и войны“ — таковъ общій вкусъ Азіи въ началѣ средневѣковья. Чтò наиболѣе характерно, такое воинственное построеніе кочевыхъ ордъ, начавшееся за 1500 лѣтъ до Р. X., удерживалось ими до временъ Аттилы, аварскихъ нашествій, болгарскихъ набѣговъ на Византію, угорскихъ передвиженій и т. д., пока не началось вымираніе подъ неблагопріятными условіями или измѣненіе въ культурѣ подъ вліяніемъ христіанства. Какъ изображаетъ Іеремія (VI, 22—5) предстоящій набѣгъ на Сирію народа отъ Сѣвера, жестокаго, безчисленнаго, наполняющаго воздухъ храпомъ лошадей, избивающаго мирныхъ жителей, такъ описываютъ и очевидцы нашествія Чингиса и Тимура, подъ впечатлѣніемъ ужаснаго вида несущейся несмѣтной и озвѣрѣлой орды.

Основною причиною этой воинственности кочевниковъ и ихъ завоевательныхъ плановъ³ было раннее образованіе въ средѣ кочевья богатой аристократіи, предавшей охотѣ, звѣроловству, и выдѣлившей изъ себя классъ офицерства, о которомъ, подъ разными названіями, говорятъ китайскіе хроникеры и послы Византіи къ варварамъ позднѣе. Гунны уже въ глубокой древности имѣли ханомъ Сына Неба, то есть также, какъ китайцы и еще ранѣе Египтяне, чтили своего владыку богомъ, приписывая ему божественное или демоническое происхожденіе. У хана по сторонамъ его трона стояли ближайшіе чины, 12 слѣва и 12 справа, изъ нихъ было два хана, два великихъ генерала, два великихъ полковника, итого 24 вождя

¹ W. Radloff. Aus Sibirien, Leipzig, 1884. II, 129 сл.

² XIV, 4. — Saraceni... sunt bellatores seminudi coloratis sagulis pube tenuis amicti... errant semper per spatia longe lateque distenta;... dotis nomine futura conjunx hastam et tabernaculum offert marito...

³ В. В. Григорьевъ: Восточный и Китайскій Туркестанъ; въ: Землеуѣдѣніе К. Риттера, изд. Имп. Р. Геогр. О-ва, СПб. 1873. Herbelot Bibl. or. v. Tou-Kiou.

орды; первые командовали десятью тысячами коней, слѣдующіе тысячами, владѣли царствами и были наслѣдственными.

Извѣстно, что эта форма государственнаго устройства въ видѣ военнаго „круга“ или „орды“ оставалась навсегда связанной такъ или иначе съ личностью вождя, и орда дѣлилась или даже дробилась между наслѣдниками его или вовсе распадалась. Но существенно, повидимому и не случайно, сходство этой формы съ нѣкоторыми культурными государствами Азіи, какъ на примѣръ, на первомъ мѣстѣ съ Персією, управлявшеюся при Арсакидахъ и позднѣе при Сассанидахъ черезъ сатраповъ. И потому даже въ этой высшей формѣ у кочевниковъ наблюдается, если не самостоятельность, то своеобразіе, и въ вопросѣ о средневѣковой Персіи возможно, что не ей принадлежалъ починъ къ переходу на эту форму.

Вообще говоря, культура кочевья настолько своеобразна и потому консервативна, какъ то доказывается окончательно его бытовымъ укладомъ, что въ отношеніяхъ культурныхъ странъ: Китая, Индіи и Персіи къ азіатскому кочевью, вліяніе и заимствованіе имѣло мѣсто для обѣихъ сторонъ. Но, конечно, подвижность кочевника и также разбросанность или, точнѣе, отсутствіе отечества для него — не даромъ Скиѣи указывали Дарію на свои некрополи, которые они бы стали защищать — были причиною заимствованій съ его стороны. И въ силу этого кочевье ближе знало Китай, Индію и Персію, чѣмъ люди и правители этихъ странъ знали кочевье.

2.

Религіозныя
вѣрованія
кочевниковъ.

Важнѣйшею областью заимствованій и наиболѣе прочною была религіозная, что объясняется всего болѣе разрозненностью кочевья и отсюда рѣшительнымъ вліяніемъ его вождей въ дѣлѣ усвоенія вѣры, ея ученія, ея обрядовъ: вмѣстѣ съ вождемъ ее принимала дружина, т. е. высшій классъ, за нимъ все кочевье, поставленное на военную ногу. Понятно, однако же, что только немногіе чины кочевья знакомились съ самымъ ученьемъ и вѣрою, все прочее кочевье довольствовалось усвоеніемъ обрядовъ или культомъ, и скорѣе вѣрованіемъ въ своихъ идоловъ, въ новополученные амулеты, и даже въ своихъ жрецовъ и маговъ, чѣмъ въ новыхъ боговъ. Основная и рѣзкая разница съ новымъ культомъ въ греко-римскомъ мірѣ, особенно въ раннюю его эпоху, гдѣ развивается не столько обрядовая сторона, сколько миѣологическая. Вотъ почему бесполезно искать среди кочевниковъ слѣдовъ ученія Зороастра, Будды и Магомета. Идеалъ кочевой вѣры представленъ поэтому въ Тибетѣ, гдѣ семья ставитъ себѣ задачею воспитать одного ламу или духовное лицо. Какъ увидимъ ниже, религія азіатскихъ кочевниковъ отъ первобытнаго анимизма, т. е. исконнаго вѣрованія въ невѣдомую душу всего окружающаго человѣка и въ духовъ, наполняющихъ міръ, но невидимыхъ, какъ невидимъ духъ умершаго, перешла къ магизму, т. е. къ вѣрованію въ маговъ (шамановъ), которые путемъ

сверхестественнаго общенія съ духами, становятся владѣтелями или распорядителями демоническихъ силъ, при помощи заклинаній, обрядовъ и священныхъ предметовъ. Въ то же время маги были и вождями, вѣрнѣе, сами вожди становились магами и, посѣщая культурныя страны, вывѣдывали новые культы, магическія заклятія, формулы гаданій и распространяли все это среди своихъ дружинъ: такъ было у кочевниковъ, какъ у сассанидскихъ царей, у хановъ Индо-Скиѣи (буддистъ Канишка), такъ будетъ затѣмъ у Хазаръ, Руссовъ, Готѣовъ, Болгаръ и т. д. Но исконные обычаи и формы уцѣлѣютъ до позднѣйшихъ временъ. Такъ, на примѣръ, мы узнаемъ, что гвардія гуннскаго хана называлась хун-ли — волки и главное знамя этой гвардіи была голова волка изъ золота на древкѣ. Но и у Турокъ въ Европѣ были отряды, имѣвшіе на шлемахъ волчьи головы, и отсюда пошли германскіе термины Вольфа-Гвѣльфа.¹

Древности восточныхъ кочевниковъ и южной Россіи совмѣстили въ своихъ формахъ всю силу вѣкового уклада жизни и неизбежность исконнаго міровоззрѣнія, не затронутого, а лишь укрѣпленнаго культурными, но родственными вліяніями. Образъ мирно улегшагося на пастбищѣ оленя² представляетъ въ средѣ этихъ древностей и священный „тотемъ“ первобытнаго кочевья, и реальную обстановку быта, и магическую формулу, сопровождающую духъ умершаго въ будущую жизнь, въ среду благихъ боговъ неба и злыхъ демоновъ подземнаго мрака. Такой смыслъ имѣетъ пластина золотого налучья, положенная въ подпольный тайникъ царскаго склепа въ курганѣ Куль-Оба. Примитивный анимизмъ съ его страхомъ злой воли окружающихъ человѣка злыхъ духовъ земли является основою сложной магической системы и изошреннаго культурными доктринами шаманства. Если еще Геродотъ сообщаетъ о поклоненіи Скиѣовъ мечу и торжественныхъ актахъ освященія мечей, то и черезъ тысячу лѣтъ послѣ Прискъ говоритъ о находкѣ чудеснаго меча бога войны Аттиллою передъ его наступленіемъ на Западъ.

Основной анимизмъ не только порождаетъ формальный культъ мертвыхъ, какъ то было у Римлянъ и есть у Китайцевъ, но путемъ усвоенія культурныхъ построеній религіи и ея ученій приводитъ къ выдѣленію касты маговъ, волхвовъ, прорицателей и колдуновъ, заправляющей общеніемъ людей съ духами умершихъ, боговъ и демоновъ. Магъ или шаманъ знаетъ формулы и приемы „некрмантіи“ — вызова духа умершаго родственника ради помощи дому его въ бѣдѣ, болѣзни, защиты отъ злыхъ духовъ, и равно владѣетъ тайнами дѣла погребенія, какъ приготовленія къ встрѣчѣ со стражами загробнаго міра, секретами заклятій, силами молитвъ и обрядами жертвоприношеній. Понятно, что магія въ шаманствѣ

¹) Herbelot, Biblioth. or. v. Tuku. Minns, l. c., p. 94.

²) [Памятники сопоставлены: Fethich Nándor: A. Tápiószentmárton aranyszarvas, in Archaeologiai Értesítő, t. XLI, p. p. 138—145.]

не только чрезвычайно осложнилась усвоениемъ формъ послѣдовательно нарастающаго въ азіатскихъ ученіяхъ ритуала и формъ, но успѣла даже выродиться, породить своеобразныя и дикія формы и обряды. Утрачена, напри- мѣръ, роль торжественнаго магическаго жезла — барсома или баресмана — связки прутьевъ, которою гадали Персы и, по словамъ Геродота, Скиѳы, но появились идолы боговъ и подражательныя представленія и „ряженіе“.

Къ этому вырожденію первоначальной магіи, заключающейся почти исключительно въ обрядовыхъ вызовахъ души умершаго, присоединилось равно колдовство и кудесничество, составившее въ эпоху переселенія народовъ тѣневую сторону формировавшагося шаманства. Это было время внутреннихъ классовыхъ и бытовыхъ переворотовъ, государственныхъ потрясеній, когда взбаламученное море кочевья, сдвинутое съ родныхъ степей, бросилось на поискъ новой родины. То было время, когда самые верхи знати и просвѣщенія были подавляемы ужасами нескончаемыхъ войнъ, рѣзни и грабежей, производимыхъ солдатчиною и пиратами, и сами императоры римскіе, какъ напри- мѣръ, Констанцій и Юліанъ и персидскій воитель царь Сапоръ культивировали магію и ея artes nefandas,¹ какъ вѣрное средство охранять собственную жизнь, узнавать будущее, и Амміанъ Марцелинъ думаетъ, что отказъ и отреченіе Юліана отъ христіанства еще въ молодости было вызвано страстью гаданья;² Юліанъ изводилъ сотни быковъ и массы бѣлыхъ птицъ для гаданій, поощрялъ дѣла „оракуловъ“ и гадателей. По мнѣнію того же древняго и точнаго автора, родиною магіи и ея вѣтви — астрологии была Месопотамія; къ тайнамъ Халдеи много прибавилъ Бактріецъ Зороастръ, затѣмъ Гистаспъ царь, проникшій въ секреты верхней Индіи и ученіе Брахмановъ и пр. Такимъ образомъ, азіатское варварство сходилось въ данную эпоху съ утонченною культурою Греціи и Рима въ пристрастіи къ астрологии и магическимъ формуламъ.

Магія. Персы владѣли наукой магіи и ея приемами; исторія ихъ миѳическихъ царей въ героической эпопее Фирдоуси знаетъ царя Джемшида, у котораго изъ тѣла выростали змѣи, и Зогака³ — „драконьяго“ царя (IV, V). Но, ведя вѣковую борьбу съ кочевьемъ и могучею Парсеією, Персы отождествили „Афрасіабъ“ или „Туранъ“ съ Ариманомъ, богомъ злого начала въ мірѣ и владыкою безчисленныхъ демоновъ. Иранъ одолѣвалъ въ концѣ концовъ, благодаря чудеснымъ богатырямъ, но все время истекалъ кровью отъ набѣговъ и опустошеній и съ ужасомъ относился къ Мазендерану (южному побережью Каспійскаго моря), горному убѣжищу неукротимыхъ Парсеянъ. Эпопея повѣствуетъ, что во время счастливаго начала царствованія Кей-Кауга разъ пѣвецъ воспѣвалъ Мазендеранъ, страну вѣчной весны,

¹) Amm. Marcellini. Rerum gestarum. libr. XIV, 1; XIV, 7; XV, 7; XXI, 1, 3, 13, 15.

²) ibid, libr. XXI, 3; XXIII, 6.

³) [Въ рукописи имена царей: „Джемшира“ и „Догана“.]

прохлады и цвѣтовъ, моря розъ и тюльпановъ, и воспламененный юноша царь задумалъ тутъ же походъ на завоеваніе дивной земли. Но пришли въ ужасъ князья и совѣтники царства при мысли о войнѣ съ страшнымъ жилищемъ могучихъ дэвовъ, разомъ стали умолять царя не губить себя, войско и царство. Настояль на своемъ безуміи царь, пошли всѣ военныя силы, и вотъ началъ главный дэвъ Сипедъ, вызванный на битву шахомъ, свои волшебства: въ глазахъ персидскаго войска онъ выросъ какъ гора, явились черныя тучи, палъ великій мракъ, какъ море черной смолы, войска окуталь черный дымъ, стали падать песокъ и камни, двѣ трети войска и шахъ ослѣпли, и всѣ ослѣпшіе попали въ плѣнъ.¹ Избавилъ шаха и войско и будто бы возвратилъ имъ зрѣніе герой Рустемъ, совершивъ семь подвиговъ на походѣ и излѣчивъ глаза людей кровью того же волшебника Сипеда, котораго онъ намѣренно разрѣзалъ на мелкія части.

Злостные демоны въ монгольскомъ эпосѣ алтайскихъ Ойратовъ имену- ются Мангусами, что собственно значитъ: чудовище, пожирающее людей. Былина о богатырѣ Бумъ-Эрдени рассказываетъ о черныхъ мангусахъ, поселившихся въ равнинѣ и ставшихъ предметомъ ужаса въ запретномъ, заповѣдномъ мѣстѣ. Изъ пяти мангусовъ красный съ тьмою головъ, съ краснымъ знаменемъ, конемъ кроваваго цвѣта водить за собою тьмы воиновъ. Прочіе имѣютъ множество головъ и также ведутъ за собою тьмы воиновъ. Мать мангусовъ страшная шаманка, живущая у истоковъ рѣкъ, у подножья горы Онгонъ. Чародѣйствомъ матери узнали они о готовящемся нападении великаго богатыря и выѣхали навстрѣчу ему и его товарищу, и увидали богатыри, что небо и земля потеряли цвѣтъ, и потянулся туманъ разныхъ цвѣтовъ, и покаталися въ пастъ мангусу горки, деревья и камни, но не смогъ красный мангусъ всосать богатырей, и ударилъ Бумъ-Эрдени разомъ краснаго мангуса и его коня. Запылалъ тогда синій огонь, а мангусъ остался цѣлъ, какъ раньше былъ. Бились они и рубились мечами, трескъ и грохотъ стоялъ вокругъ семь сутокъ, ничего не могли другъ съ другомъ подѣлать, и понялъ бѣдовый конь, сѣрый Лыско, что завѣтная душа краснаго мангуса находится въ красной родинкѣ на головѣ. Бумъ-Эрдени рубанулъ голову мангуса и упалъ тотъ, руша скалы, выворачивая деревья, заваливая текущую воду. И сталъ биться богатырь съ горбатымъ чернымъ мангусомъ пять сутокъ, и понялъ Лыско, что душа мангуса находится въ недоступномъ мѣстѣ, и выскочилъ конь въ широкую бѣлую степь и научилъ богатыря, что душа мангуса находится въ двухъ змѣяхъ, высовывающихся изъ ноздрей коня мангуса, и что надо рубить коня по шеѣ. Мать мангуса шаманка схватилась съ богатыремъ, но по совѣту коня разрубилъ ей грудь богатырь, и изъ нея вылетѣлъ воронъ и понесся къ небу. Бумъ-Эрдени проявилъ свою вол-

¹) Ясно, что здѣсь изображаются ужасы громадныхъ нефтяныхъ пожаровъ, какъ въ сказаньяхъ о походахъ Александра.

шебную силу, и превратился въ беркута, и погнался за ворономъ, и, наконецъ, превратившись въ хорька, задавилъ сурка, въ котораго обернулась шаманка.

Шаманство. Конечно, доселѣ этнографы, усердно занимающіеся собираніемъ матеріаловъ, остаются совершенно чужды, а потому и враждебны научно-историческому изслѣдованію ихъ, а равно всякій археологъ стѣсняется сопоставить свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, съ данными, почерпаемыми изъ матеріаловъ по восточному шаманству, обслуживающему сибирскія кочевья. Но между тѣмъ и другимъ лежатъ ряды археологическихъ памятниковъ, а они, по своей объективности, могутъ пополнить и связать разрозненные матеріалы, а равно [дать явную повѣрку выводовъ. Мало того: та самая краткость и несложность свѣдѣній Геродота можетъ служить порукою вѣрности его сообщеній: кочевники и въ его время и нынѣ не могли сообщить многого по религіи: имъ нечего было рассказать, ибо у нихъ не было этихъ сказаній въ обиходѣ; они держали имя Божіе, или, по ихнему, высшаго бога (въ матеріальномъ смыслѣ — крайняго, отдаленнаго пояса небеснаго) только про себя, изъ страха, неизмѣнно связаннаго съ почитаніемъ, и открыто говорили только о почитаніи солнца и луны, матери земли, богъ войны, котораго чтили въ образѣ меча. Но они приносили высшему Богу, владыкѣ всѣхъ боговъ, и высшую жертву — коня, какъ единственную достойную жертву, и ставили идолы богинѣ земли и земныхъ благъ, представляя ее самое и ея жрецовъ и поклонниковъ съ сосудомъ-воронкою въ рукѣ, закрывающей воронку снизу, въ свидѣтельство того, что всякій плодъ или пища, или предметъ, упавшій на землю, освящается этимъ прикосновеніемъ, какъ даръ богинѣ. И если богъ солнца былъ богъ небесъ, то богиня земли была богинею нѣдръ земныхъ и всѣхъ преисподнихъ боговъ, тогда какъ богъ небесъ былъ владыкою моря, земного подобія небесамъ, и невѣдомаго края — жилища блаженныхъ духовъ лучшихъ людей. Какъ при Геродотѣ, такъ и во времена Аттилы скиѣи и гунны не имѣли храмовъ, но чтили горы, какъ мѣста, близкія къ небу, окутанныя небесными облаками, на которыхъ, во мракѣ пещеръ, обитаютъ демоны, подземные и огнедышащіе драконы. Именно на горахъ¹ избираются мѣста погребенія мертвыхъ (позднее толкованіе Иранцевъ, будто бы ради того, чтобы не оскверняютъ земли); на горахъ избираются „парадизы“, т. е. лovy и перевѣсища, заграды для звѣрей; оттуда сходятъ внизъ исполины, великаны и богатыри (Святогоръ), тамъ живутъ горные демоны „пустыни“ (кентавры).

Понятно, что гораздо болѣе умѣли рассказать маги или шаманы, черпавшіе изъ Персіи, Тибета и Средней Азіи свою космогонію и свои обряды, но существенно важно, что ни въ ихъ причитаніяхъ, гаданіяхъ и заклятійхъ мы не находимъ ни слѣдовъ культа Митры, или богини Ана-

¹) Andrian. Höhencultus asiatischer Völker. 1901.

гиты, или еще болѣе Кибелы (Кубебы, Реи, матери боговъ и Атиса), тогда какъ находимъ рядъ боговъ небесныхъ съ тюркскими именами-эпитетами или прозвищами. Намъ представляется даже вопросомъ, что ранѣе или первичнѣе: тимпанъ Кибелы, какъ музыкальное орудіе ея оргій, а по Варрону — образъ земного диска,¹ или барабанъ шамановъ, котораго ударами вызываются духи мертвыхъ и демоновъ и призываются боги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда кочевники южной Россіи нашли тамъ культъ матери боговъ, владычицы звѣринаго царства и природы, то пополнили значительно свои обряды родственнымъ культомъ и облюбили, видимо, изображенія этой богини для предметовъ убора, утвари и погребальнаго обихода.² Но существенно то, что образъ (представленіе) богини былъ извѣстенъ и азіатскому кочевью задолго до того, какъ оно, перейдя на территорію Кубани и Дона, ознакомилось съ культомъ Юнана и греческихъ колоній.

Остановимся на время, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, что принесла кочевникамъ магія. По общему понятію современной Азіи шаманъ³ можетъ исполнять весьма разнообразныя функціи, но имѣетъ одну основную: посредничество съ духами, что исполняется имъ при каждой, имъ совершаемой жертвѣ, малой или великой, и путемъ заклинаній, призывовъ, звона, мелодическихъ стуковъ и звуковъ, а равно криковъ, стонотъ, молений, угрозъ; вызывая благихъ, онъ изгоняетъ злого духа, будь то даже духъ умершаго хозяина дома, такъ какъ онъ, оставаясь въ домѣ, сталъ бы беспокоить живыхъ. Такъ какъ шаманами дѣлаются исключительныя особы, прошедшія періодъ болѣзненныхъ трансовъ, то сложное совершеніе высшей жертвы не обходится безъ подобныхъ трансовъ и припадковъ. Въ то же время шаманъ, благодаря духамъ, является отгадчикомъ тайнаго и представляется населенію колдуномъ, кудесникомъ и волшебникомъ. Брахманъ въ идеальномъ представленіи, прежде всего, мудрецъ-учитель, избравшій себѣ служеніе религіознымъ нуждамъ общины, собственную жизнь отдавшій конечной цѣли жизни, т. е. смерти и посвятившій эту жизнь изученію священныхъ формулъ, дающихъ власть надъ стихіями и злыми духами. Шаманъ, прежде всего, совершитель жертвъ и обрядовъ, съ ними сопряженныхъ, и самое его знахарство сопровождается также жертвами, какъ и его гаданія, заклятія. Немногосложная космогонія, съ явными чертами Зороастрова ученія, великими богами небесными, земными и водными, подземными, добрыми и злыми духами, осложняется въ устахъ

¹) Farnell. The cults of the Greek States. III, 1907.

²) Б. В. Фармаковскій. Архаическій періодъ въ Россіи. Мат. по арх. Россіи № 34, 1914, стр. 23—24. Основной типъ богини земли передается и каменными бабами: см. статуэтку сидящей женщины, вывезенную Мессершмитомъ изъ Сибири, нынѣ въ Эрмитажѣ. Каменные бабы, такъ назыв. Куртумъ-тай, стоящія въ Абаканской степи, составляютъ доселѣ предметъ поклоненія татаръ. См. Radloff. Aus Sibirien, II, 91 f. f.

³) W. Radloff. Schamanenthum. Его же. Aus Sibirien. II, 1884.

шамана множествомъ именъ духовъ или демоновъ благихъ и враждебныхъ человѣку, которыхъ шаманъ перебираетъ, смотря по мѣсту дѣйствія, по Алтаю Алтай-Ханъ, по рѣкѣ Яикъ-Ханъ, по источнику и т. д. И небо, и воды, и земля дѣлятся слоями, и каждый слой имѣетъ своего бога и подчиненныхъ ему духовъ, какъ и всѣ стихійныя явленія, какъ и подземное солнце. Есть главенствующіе боги зла, какъ Ерликъ, и есть рядъ злыхъ духовъ на болѣзни, но всѣ боги и духи нуждаются въ жертвахъ и преклоняются на просьбы. За плечами каждаго человѣка стоятъ два духа: благой и злой, и первыя моленія надо направлять къ нимъ, и на помощь звать духовъ умершихъ въ семьѣ, фамиліи всѣхъ ихъ шаманъ вызываетъ стуками по барабану и всѣхъ заключаетъ внутрь барабана. Барабанъ состоитъ изъ широкаго деревяннаго обода (въ 1 арш. въ поперечникѣ), согнутаго въ кругъ, который заклеенъ туго натянутымъ полотномъ съ одной стороны: съ другой стороны имѣется внутри барабана ручка въ видѣ человѣческой фигуры съ протянутыми руками, а снаружи на полотнѣ нарисованы всадники, птицы, деревца, знаки. Иные знаки попадаютъ изъ числа таинственныхъ эмблемъ тибетскаго буддизма. Для совершенія высшей жертвы верховному богу конемъ шаманъ исполняетъ въ домѣ своего рода сценическое представленіе съ помощью домашнихъ, участвующихъ въ дѣлѣ жертвоприношенія словомъ и дѣломъ, кликами и движеніями, и сопровождающихъ отвѣтными жестами всѣ усилія шамана исполнить сверхъестественную задачу. Шаманъ самъ оперируетъ жертву, которую требуется представить богу всецѣло, не проливъ капли крови, и коня привязываютъ къ длинному бревну, и постепенно стягивая къ бревну его ноги, выламываютъ ихъ, не руша кожи, и потрошатъ, не проливая крови, дробя на мелкія части, которыя варятъ и жарятъ для всей общины, оставляя цѣлымъ голову, ноги, хребетъ, какъ жертву богу. Шаманъ совершаетъ затѣмъ какъ бы подъемъ на небеса, летитъ отъ перваго слоя до послѣдняго, сопровождая моленіями и призывами ихъ боговъ, спускается въ подземное царство, устраняетъ съ пути чудовищъ и демоновъ, привлекаетъ къ себѣ духовъ, наполняетъ ими юрту, впадаетъ въ экстазъ, падаетъ на полъ безъ чувствъ, и возвратившись къ окружающимъ, заканчиваетъ жертву пиршествомъ и повальнымъ пьянствомъ мужчинъ дома и общины.

Академикъ В. В. Радловъ попутно сообщаетъ (томъ II) въ заключеніе своихъ сообщеній о шаманахъ, что заступающіе ихъ врачи (бакса) также всякую болѣзнь объясняютъ насланіемъ злого духа, лѣчатъ заклятіями и „наговорами“, и указываетъ такую подробность: если больной бѣденъ и принужденъ ограничить свою жертву овцою, то и въ этомъ случаѣ всѣ кости сохраняютъ и чистятъ, и затѣмъ бакса рисуетъ на черепѣ овцы: верблюдовъ, коней, быковъ, овецъ, затѣмъ кости кладутъ въ мѣшокъ и съ церемоніями хоронятъ. Стало быть, считается, что и рисунокъ идетъ къ богу, свидѣтельствуя ему о рвеніи больного принести большія жертвы, и, слѣдовательно, способствуетъ божеской помощи.

Приводимая рядомъ молитва также перечисляетъ пособниковъ и обращается такъ: „Ты чинше-ханъ, святой, что обитаешь (мертвый) на красной горной вершинѣ, вы, святые дѣвы, вы, святые быки и ты, драконъ, выходящій изъ темной глубины пещеры“ и пр. Въ числѣ замѣчательныхъ находокъ Синявки¹ на Россавѣ, въ Кіевской губерніи, имѣется черепъ, который былъ найденъ покрытымъ 15 золотыми пластинками съ изображеніемъ лежащаго сѣвернаго оленя и своего рода золотымъ очельемъ изъ орнаментированныхъ пластинокъ. Очевидно, что эти украшенія были нашиты на истлѣвшій колпакъ и что ихъ наборъ отвѣчалъ тому же благочестивому подобію приносимой жертвы. Отсюда, да и тѣмъ, и своеобразная манера скифскихъ древностей изображать на тѣлѣ оленя, рыбы, дракона — разныхъ животныхъ имѣла своимъ источникомъ религиозный смыслъ усердія въ приношеніяхъ богу и только въ послѣдствіи обратилась въ наивную декоративную форму.

Кочевникъ, какъ человѣкъ, живущій на волѣ, привычный ко всѣмъ переменамъ погоды, къ невгодамъ суровой природы, страстный охотникъ, любитель животнаго міра и звѣрей, враждебно относится къ человѣку, какъ къ чужому и врагу, не терпитъ общенія и даже имѣетъ страхъ къ человѣку. Соперничество своихъ, злоба къ чужимъ, соединенная съ презрѣніемъ къ быту земледѣльцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неутолимая жажда чудеснаго, волшебнаго вызываютъ въ кочевомъ быту основной культъ животныхъ вообще и излюбленныхъ видовъ, владѣющихъ божескими силами, наприкладъ, хищныхъ звѣрей, по преимуществу. Уже въ послѣдствіи — въ періодъ магизма сложился культъ предковъ, съ его торжественными продолжительными пиршествами, обрядовымъ размахомъ, переносомъ въ нѣдра могильнаго кургана всей домашней обстановки и почти всего кочевого жилища, съ женою и слугами, конями и оружіемъ, сопровождающими хозяина въ его будущую жизнь...

3.

Мы слышимъ отъ историковъ, равно греческихъ, какъ и китайскихъ, что могилы кочевниковъ какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, составляли для нихъ ихъ родину, „отечество“. Жизнь кочевника проходила въ странствованіяхъ, переѣздахъ по дѣлу, ради поисковъ новыхъ и обильныхъ пастбищъ, охоты, набѣговъ и войнъ, и если онъ самъ походилъ на вольную птицу, то все же культъ предковъ и страхъ Божій привязывалъ его къ могиламъ предковъ. Не даромъ наматывались и обкладывались камнями громадные курганы и совершались многочисленные тризны, какъ ни бѣдна была сначала жизненная обстановка кочевья и войлочной юрты. И что наиболѣе замѣчательно въ этой жизни и въ ея пониманіи самимъ номадомъ, это то значеніе ея конца, которое, можно сказать, росло съ самимъ кочевьемъ, порождая своего рода

Погребальные
обряды.
Могильный
инвентарь.

¹) Minns, l. c. рис. 84, стр. 58.

культъ могиль. Чѣмъ болѣе развивалось кочевье, его богатство и мощь, чѣмъ болѣе приходило оно въ связь и единеніе съ культурою сосѣднихъ государствъ, тѣмъ настойчивѣе стремилось кочевье къ запечатлѣнію своихъ силъ и народнаго духа въ могильной обстановкѣ вождя. Устраивался склепъ и даже съ коническимъ верхомъ, какъ юрта, обставлялся всѣмъ обиходомъ хана, его семьи, слугъ и ближайшихъ помощниковъ, его коней и конвоя, его кошевыхъ пировъ и складовъ оружія и утвари. По стѣнамъ склепа развѣшивались самыя драгоценныя одежды, уборы, помимо тѣхъ, въ которыя облачены были останки покойника, провожавшихъ его женъ, рабовъ; разставлялись амфоры, лучшая посуда, котлы, каганы, жаровни, свѣтильники. Многое, въ знакъ горя, разламывалось и складывалось рядомъ, какъ на примѣръ; колесницы, но верховые кони хоронились осѣдланными, тогда какъ въ особой могилѣ, какъ жертва высшимъ богамъ, убивались десятками кони и при нихъ складывались ихъ уборы. Определенною потребностью было снарядить покойнаго для будущей жизни, по образцу прожитой, въ лучшемъ облаченіи, окруживъ его лучшими вещами, по выбору и по смыслу его привязанностей. При немъ долженъ быть его колчанъ со стрѣлами, налучіе, его акинакъ (кинжалъ, короткій и колющій мечъ) въ золотыхъ ножнахъ, и все это главное снаряженіе должно быть снабжено и освящено эмблемами его быта и жизни: оленемъ, какъ тотемомъ кочевья азіатскаго сѣвера и южной Россіи, и львомъ, какъ эмблемою воина, освященною вѣковой борьбою Азіи съ царемъ звѣрей. Большой рельефъ лежащаго оленя на золотой пластинкѣ обычно украшаетъ его налучіе и иногда прячется въ особыя подпольныя помѣщенія, въ свидѣтельство подземнымъ богамъ и демонамъ, какъ и духамъ умершихъ предковъ, о сохраненіи вѣковыхъ обычаевъ ихъ потомкомъ. Башлыкъ хана и вождя и колпакъ его жены украшаются образами скиѳовъ, ихъ вѣрной службы, ихъ воинскаго рвенія, братанства. Самый уборъ жены ханской, или царицы,¹ сопровождается или золотыми бляшками на одеждахъ съ такими же темами, или даже такого рода атрибутами, какъ на примѣръ, золотыя гривны, браслеты, серьги, перстни, пояса и перевязи, ожерелья и діадемы или золотыя повязки вокругъ головы. Любовь и вѣковыя привычки дѣлаютъ то, что у кочевниковъ южной Россіи употреблялись и найдены въ могилахъ тѣ же маленькіе ножи, съ кривыми лезвіями, какіе, по древнимъ бронзовымъ образцамъ, дѣлали изъ древности еще въ Сибири (въ могилѣ Куль-Оба, близъ Керчи). Около покойниковъ складывали предметы, ихъ окружавшіе: мусаты, для точенія ножей и кинжаловъ, изъ шифера въ золотой оправѣ, нагайки, какъ и веретена при женахъ. И чѣмъ болѣе и шире развивались заимствованія при соприкосновеніи съ культурою Ассиріи и Персіи, или древнею Іоніею, а позднѣе Греціею, тѣмъ ярче сказывалась въ варварскихъ заказахъ ихъ національная привязанность къ кочевью (типы скиѳовъ и позднѣе сар-

¹) [См. Г. И. Боровка. Женские головные уборы Чертомлыцкаго кургана, Изв. Акад. Мат. Культ., I, стр. 169—192, тт. XVII—XIX].

матовъ), его быту (изображенія кочевого обихода съ конскимъ табуномъ на знаменитой серебряной вазѣ Чертомлыцкаго кургана), его охотамъ и на кабана, и на зайца, и стало быть не напрасно коней хозяина клали вмѣстѣ съ нимъ осѣдланными. Къ тому же и весь приборъ воинскій, и бунчуки хозяина, иные древнѣйшаго типа, съ еловыми шишками наверху, обозначающими плодородіе, точнѣе, распложеніе семьи хозяйской, съ ея многочисленнымъ „племенемъ“, или кланомъ, т. е. родомъ и родою дружиною хозяина, былъ тутъ же въ могилѣ. И для этого коша наготовѣ были котлы и мелкіе каганы, и громадныя серебряныя блюда для мяса (Чертомлыкъ), и большіе серебряные ритоны (курганъ „Семи братьевъ“ на Кубани). Для будущаго отряда убивали и клали въ могилу коней, какъ жертвы высшимъ богамъ, которые замѣняютъ ихъ живыми въ будущей жизни, съ ихъ удилами, псаліями въ видѣ конскихъ ногъ, ушей, головъ (образецъ шелъ еще изъ Ассиріи, гдѣ древніе рельефы представляютъ усикъ удила въ видѣ конька), съ нащечниками и налобниками, которые орнаментировались или крыльями и грифами, головами птичьими, козлами, или даже образомъ Персидской Артемиды, держащей двухъ львовъ, двухъ драконовъ. Замѣчательный нащечникъ Краснокутскаго кургана (рис. 1) представляетъ двѣ конскіе головы, шеи которыхъ извиваются узлами и образуютъ разводъ пальметки, напоминая собою позднѣйшія вѣтви этой орнаментики въ народныхъ издѣліяхъ скандинавскаго и русскаго сѣвера.

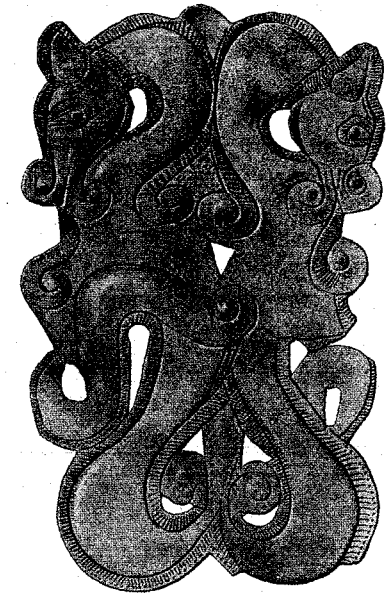

Рис. 1. Нашечникъ Краснокутскаго кургана.

Любопытны особенно тѣсныя связи конскихъ уборовъ съ личными уборами самихъ кочевниковъ и ихъ женъ и дочерей, тѣмъ болѣе, что эти связи наблюдаются и въ позднѣйшихъ уборахъ Хивы и Бухары. Такъ на примѣръ, обиліе цѣпей и цѣпочекъ, изъ металла, коралловъ и бусъ, всякаго рода кистей на тѣхъ же цѣпочкахъ, подвѣшивавшихся къ кикѣ и ниспадавшихъ на грудь по обѣ стороны головы. Такого рода уборы на коняхъ мотивируются желаніемъ предохранить верхового коня отъ степныхъ и болотныхъ мухъ, комаровъ, и обезпечить всаднику покой. Именно въ этомъ отношеніи особенно любопытны такъ называемыя въ старой Руси ворворки и вотолки, золотыя и серебряныя: ворворка есть верхній шарикъ, а вотолка круглая втулка, обѣ служатъ для держанія кистей или цѣпочекъ, при чемъ они могли дѣлаться изъ шелку или шерсти, представляя нитяное сплетеніе, равно съ жемчугомъ, кораллами, но также

Конскій уборъ.

изъ листового золота и серебра для прочности. Между подобными кистями выдается одна, та, что прикрѣпляется подъ шею лошади, на особомъ шнурѣ и отличается сравнительно размѣрами: ¹ понятно, потому что она имѣетъ назначеніе охранять отъ укусовъ потную шею и грудь коня, чтобы онъ не трясъ, и не дергалъ, и не качалъ ежеминутно головою. Такого рода большія кисти двухъ обычно цвѣтовъ — бѣлыя и красныя, изъ конскихъ волосъ, заправленныя въ шелковую ли, или даже металлическую втулку и затѣмъ связанныя шнуромъ, продернутымъ въ верхнюю ворворку, рано явились принадлежностью воинской знати. ²

Монгольскій эпосъ много характернаго можетъ сказать о коняхъ Алтая, выроставшихъ нѣкогда на его мѣстности несчетными табунами, пестрыхъ, вороныхъ, гнѣдыхъ дикихъ коней. Хохоть богатыря сравнивается то съ голосомъ тигра, то дикаго коня, но стоитъ, будто-бы, богатырю, даже трехлѣтку, загремѣтъ серебряною уздечкой, какъ вѣщій, ему судьбою предопредѣленный товарищъ, разумный и вмѣстѣ бѣдовый и громадный Лыско или Сѣрко слышитъ въ горахъ звонъ уздечки и скачетъ, колыхаясь и поднявъ красивыя уши, рысью, какъ овцы, лисьей скачкой, волчьимъ ходомъ, полной иноходью, къ своему будущему хозяину. Онъ же поможетъ богатырю въ крайней бѣдѣ его схватки съ врагомъ чародѣемъ и откроетъ хозяину, гдѣ скрыта душа его врага. Кони витязей сообщаютъ другъ другу дурныя вѣсти для ихъ хозяевъ, они перегрызаютъ горла конямъ враговъ. Конь богатыря ходитъ въ драгоценныхъ уборахъ: нѣжные, шелковые поводья завязаны счастливымъ узломъ, за восемь начальныхъ прядей гривы. Мягкій и широкій бѣлый потникъ положенъ на спину, крѣпкое черное сѣдло, серебряная падфѣя съ пуговицами поддѣта подъ хвостъ. Подгрудникъ натянутъ на середину груди, къ ней привѣшенъ красный бунчукъ, величиною съ конскую голову, подтянуты подпруги. Голова украшена пушистой челкой.

¹) Подобныя кисти на парадномъ конскомъ уборѣ ассирійскаго царя Ассурбанипала, Perrot et Chipiez. Hist. de l'art. t. II Assyrie fig. 5, fig. 115, царя Сенахериба f. 211.

²) Слово ворворка происходитъ отъ арабскаго *borca*, откуда византійцы сдѣлали *βορκαδιον*. Въ „приложеніи“ къ I кн. Константина Порфиророднаго „О церемоніяхъ“, изд. Бон., стр. 452, 462, 485, въ перечнѣ сборовъ на дорогу въ походъ самого царя читается: *περιελάτου εντροσθεν του βασιλέως... ἔλλοι μετὰ ἀληθινῶν βορκαδιῶν διὰ στύλων δύο* (р. 452). Эти кони для шествія, два, заготовленные и обряженные, имѣли кисти пурпурныя. Рейске объяснилъ *βορκαδιον* черезъ *stragula*, но въ комментаріяхъ указалъ, что *borcadium* = *rica*, *calyptra capitis*. Итакъ, это въ общемъ отличительныя кисти вождей, извѣстныя въ русской старинѣ подъ именемъ наузовъ, о которыхъ см.: у Савваитова въ Описаніи стар. русск. утварей, 1896, также о ворворкахъ, при чемъ происхождение этого слова ему неизвѣстно. Ворками или воркадіями назывались также и челки на головахъ лошадей, шарики съ кистями и перьями, также пурпурныя, „червены челки“. Слова о полку Игоревѣ. Какъ головное украшеніе, общее и людямъ (очелье), и конямъ, и у Грековъ называлось *κεφαλαῖον*. [См. N. P. Kondakov: Un détail des harnachements byzantins, in: Mélanges Schlumberger, t. II, p. 399—407].

Когда богатырь ѣдетъ покрасоваться среди кровныхъ и чужихъ, онъ надѣваетъ коню бѣлый подгрудникъ, а на немъ звенятъ пятьдесятъ колокольчиковъ, и навѣситъ красный шаръ большимъ пучкомъ, и звенитъ падфѣя въ вѣтряный и въ радостный день.

Такая втулка изъ согнутаго листового золота съ орнаментальными пальметками и грифами найдена среди вещей кургана Карагодеуашхъ. ¹ Кисть такого рода представлена у бѣлой лошади подъ шею китайскаго кавалериста XIV вѣка. ² Важна эта мелочь потому, что она объясняетъ и происхожденіе отъ конскихъ уборовъ особаго знака власти, который состоялъ въ конскомъ хвостѣ (бѣломъ или окрашенномъ въ красный), навѣшенномъ на древко ³ и, подобно значку, бывалъ возимъ передъ воеводою на походѣ. Интересно сопоставить и то, что такіе значки въ старой Руси получили названіе кутаса отъ тур. кутасъ — „воинскій хвостъ“, и у казаковъ подъ названіемъ боболевъ кутазъ имѣется знакъ атамана: древко съ золотымъ шаромъ, изъ котораго виситъ бѣлый (бобыль = бѣлый конь) конскій хвостъ. ⁴

Наряду съ удилами, псалиями, разными кистями, которыми обвѣшиваются Фалары. верховые кони, въ конскомъ уборѣ кочевниковъ играютъ большую роль разныя бляшки, укрѣпляющія соединенія ремней, мѣста сшивокъ и пр., въ видѣ фигурныхъ бляшекъ, увеличеннаго размѣра, называемыхъ въ античномъ искусствѣ фаларами. Обычно круглыя фалары украшаются рельефными изображеніями охоты на звѣрей, или погони хищныхъ звѣрей за мирными животными, оленями, быками, козами и т. д. Такіе фалары найдены въ Аму-Дарьинскомъ кладѣ, въ находкахъ мѣстечка Чми на Кавказѣ, Веттерсфельдскомъ кладѣ, въ Пруссіи, Александропольскомъ курганѣ, изъ неизвѣстныхъ находокъ въ Музеяхъ Парижа, Даніи, въ Болгаріи. ⁵ Характерно особое социальное (бытовое) значеніе, которое затѣмъ, уже въ европейской средѣ, получили эти фалары, перенесенныя съ конской сбруи на грудь конниковъ и ставшіе значками геніоховъ и византійскихъ димотовъ. Древнѣйшимъ образчикомъ такого знака (въ связи съ римскими фаларами — воинскими орденами) являются фалары Чулекскаго клада, ⁶ въ числѣ семи медальоновъ, по золотымъ листамъ выложенныхъ цвѣтными (гранатовыми)

¹) Minns, рис. 122.

²) Goloubev. Ars Asiatica. La peinture Chinoise au musée Cernuschi 1914, табл. XXIII.

³) Такого рода значекъ см. у воеводы Великаго Могола на индоперсидской миниатюрѣ, Racinet. Costume historique. pl. Inde. [= Mélanges Schlumberger, II, pl. XVIII; Byzantion, I, fig. 12].

⁴) См. у Савваитова: Боболевъ кутазъ.

⁵) Minns, v. phalerae. P. Древн. II, рис. 87, 110; III, рис. 138 — фаларъ изъ Чми, сибирскаго стиля, позднѣйшаго времени и близкаго къ болгарскимъ фаларамъ, о которыхъ см. ниже.

⁶) Рус. Древн. III, рис. 166. Ср. Рус. Др. IV, рис. Киевскихъ Фресокъ. Въ историческомъ порядкѣ фалары v. Phalerae разсмотрѣны въ книгѣ М. И. Ростовцева, отъ Ассиріи до Болгаріи. [См. также А. С(пицынъ). Фалары Южной Россіи, въ Изв. Арх. Ком., в. 29, стр. 18—53 и статью М. И. Ростовцева въ Recueil — Kondakov].

стеклами внутри перегородокъ. На фигурахъ димотовъ, представленныхъ въ сценахъ игръ византійскаго ипподрома въ фрескахъ лѣстничныхъ хоръ Кіевскаго Софійскаго собора, [изображено по пяти круглыхъ бляхъ того же типа].¹ Наконецъ, и переходъ фаларовъ къ роли восточныхъ зеркалъ является также характернымъ примѣненіемъ конской сбруи къ женскому убору.²

Втулки-
наконечники.

Оригинальнымъ бытовымъ предметомъ являются бронзовыя, иногда золоченыя втулки на концахъ дышла, оглоблей, на верху жезловъ, древковъ и угловъ колесницъ и повозокъ, какъ погребальныхъ, такъ и обиходныхъ кочевыхъ, сохранившіяся во множествѣ и составляющія, видимо, подборъ особаго смысла и внутренняго значенія. Нѣкоторыя изъ этихъ бронзовыхъ украшеній могли служить явно воинскими штандартами, другіе просто значками, но большинство относилось вообще къ украшеніямъ повозокъ, подобно тому какъ болѣе широкія и часто золотыя ленты, полоски и пластинки украшали сѣдла, служа обивкою ихъ деревянныхъ передковъ и задковъ.

Характеръ
орнаментаци
предметовъ.
Значеніе
отдѣльныхъ
формъ.

Если предметы этого подбора всего болѣе относились къ служебному разряду, то и рельефы, ихъ украшавшіе, въ большинствѣ играли декоративную роль, и лишь нѣкоторыя выдавали сами по себѣ символическую мысль. Очевидно, для кочевника олень есть и останется, даже послѣ того какъ онъ покинетъ Сибирь и Азію вообще, священнымъ тотемомъ кочевья; то же самое можно сказать о грифѣ, легендарномъ стражѣ сѣверныхъ горъ и Алтая. Быкъ становится на Кубани и въ Черноморьи замѣстителемъ оленя, и совершенно ясно, почему надгробный балдахинъ Майкопскаго кургана съ останками погребеннаго, покрытыми красною краскою, опирался на металлическія жерди, укрѣпленные въ четырехъ статуэткахъ быковъ изъ массивнаго золота, просверленныхъ для этой цѣли. Но птицы, сидящія наверху бронзовыхъ втулокъ, явно напоминаютъ окружающимъ ихъ ежегодные перелеты въ теплыя страны по широкому небесному пути и неизвѣстное странствованіе духа умершаго въ невѣдомыя обители. Еще опредѣленнѣе представленіе трехъ птицъ, сидящихъ по верхамъ таинственнаго трезубца, божеской грозы злему духу. Среди ажурныхъ пластинокъ, бывшихъ украшеніемъ деревянныхъ повозокъ и колесницъ, находимъ и священный образъ древа жизни, и богини земли, владычицы звѣрей, и фантастическихъ животныхъ, не то крылатаго быка съ однимъ рогомъ, не то священнаго въ средневѣковой Азіи и Европѣ крылатаго единорога.

Символы,
амулеты,
талисманы.

Словомъ, въ украшеніяхъ служебныхъ предметовъ мы встрѣчаемъ всюду религиозную мысль и чувство, которыя затѣмъ порождаютъ такое множество жертвъ богамъ конями, дорогими товарищами кочевника, и наряду съ яркимъ культомъ животныхъ, живымъ поклоненіемъ божескому могуществу, вызываютъ магію, пристрастіе къ символамъ, амулетамъ и талис-

манамъ, иначе говоря, къ магической обстановкѣ жизни, а потому и могильника. Именно эта сторона является и наиболѣе важною въ исторіи и, къ сожалѣнію, наиболѣе темною, такъ какъ мы не имѣемъ достаточныхъ источниковъ, чтобы понять религиозную мысль мага, содержимую имъ въ тайнѣ отъ самого кліента, какъ своего рода оккультную науку, а потому не можемъ охватить и чувство, руководившее устроителями могилы. Между тѣмъ, именно здѣсь требовалось бы наиболѣе вниманія, такъ какъ именно эта магическая сторона наиболѣе вліяла на племена, подпавшія кочевникамъ „подъ начало“ въ Европѣ. Конечно, мы легко понимаемъ общее значеніе амулетовъ или „обереговъ“, апотропеевъ и талисмановъ, т. е. всего того сложнаго арсенала, заготовленнаго азіатскими культурами для ихъ варварскихъ адептовъ по преимуществу, и равно легко можемъ усвоить себѣ мысль, что именно этимъ путемъ, который выдвинулъ кочевыя массы не только съ ихъ образомъ мыслей, но также ихъ вѣрованіями, обрядами и ихъ обстановкою, организовалось дѣло переноса азіатской культуры и въ среду греко-римскаго міра и въ культурную Византію. Историческій синкретизмъ религій восточныхъ на почвѣ новопринятаго христіанства былъ, повидимому, не менѣе широкимъ, чѣмъ то, что творилось въ первые вѣка христіанства и послѣдніе вѣка язычества. Новѣйшая археологія обратилась именно въ эту сторону скифскихъ древностей южной Россіи,¹ отыскивая въ украшеніяхъ композиціи съ опредѣленнымъ внутреннимъ смысломъ, и что ранѣе представлялось декоративнымъ, получаетъ, благодаря сравнительному изслѣдованію, то религиозное значеніе наглядныхъ образовъ вѣры, которое они имѣли для самого заказчика. Можно, далѣе, вполне точно утверждать, что украшенія скифскихъ утварей львиными головами, или бараными, кабаньими имѣли значеніе религиозныхъ „обереговъ“ отъ дурного глаза, нечистой силы, злыхъ и враждебныхъ демоновъ, и вообще бѣды, несчастія. Человѣческая маска въ центрѣ фалара, окруженная со всѣхъ сторонъ направленными къ ней головами быковъ, ясно выражаетъ эту мысль (см. рис. 2, внизу). Точно также фигуры кабана, медвѣдя, ибекса, тигра, должны имѣть свой смыслъ и значеніе, и если оно не указывается іоническими памятниками, то подобный смыслъ могъ быть данъ еще въ глубокой Азіи. Вотъ почему, признавая, что скифскія древности южной Россіи получали, видимо, многіе дополнительные образцы изъ Іоніи и Греціи, а можетъ быть, ранѣе еще отъ Ассиріи и Хеттовъ, мы не должны забывать исторической связи европейскаго кочевья съ азіатскимъ, а, слѣдовательно, связи древностей этого кочевья, равно и того исконнаго смысла, основаннаго на вѣрованіяхъ. Поэтому, нельзя отождествлять скифскій стиль съ іонійскимъ, или хотя бы опредѣлять его іонійскимъ стилемъ изъ Скиѳіи, пока существующій матеріалъ, достаточно

¹) [См. Русск. Др., IV, рис. 135, стр. 149 и 151.]

²) Minns, рис. 66.

¹) Б. В. Фармаковскій. Архаическій періодъ въ Россіи, стр. 20—26, 36, 42, 64—68, 76—78.

опредѣлившейся для Скифовъ въ южной Россіи, не пополнится научными сибирскими раскопками и изслѣдованіями и мы не будемъ имѣть матеріалъ для сравненія. Но, отлагая частный пунктъ до общаго вопроса объ источникахъ скиѣскаго стилия, укажемъ кратко, что, по раскопкамъ академика

Рис. 2. Фалары Александропольскаго кургана.

В. В. Радлова, ясно удостовѣрено существованіе въ могилахъ Алтая,¹ еще при бронзовыхъ ножахъ и бронзовомъ оружіи, такихъ же бронзовыхъ колокольцевъ съ ибексами, медвѣжьихъ головъ на ручкѣ кинжаловъ и орлиныхъ клювовъ. Все это не могло быть заимствовано Алтаемъ отъ Іоніи, а между тѣмъ та же орнаментака прошла, вмѣстѣ съ переходомъ кочевья, на предгорья Кавказа и составила тамъ оригинальное явленіе бронзовой культуры, представленной могильниками Казбека, Кобани, Ка-

¹) Minns, p. 248—252, fig. 150, 165, 166—171.

мунты и пр., и пробудившей пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ усиленный интересъ доисторической археологіи. Нельзя отрицать также полнаго своеобразія сибирскихъ древностей, которыхъ типъ не можетъ быть указанъ въ памятникахъ передней Азіи и потому требуетъ къ себѣ особаго вниманія и иныхъ путей изслѣдованія. А потому указаніе на скиѣское обиліе фантастическихъ животныхъ не можетъ быть отпарировано перечнемъ многочисленныхъ фантастическихъ формъ въ іонійскомъ стилѣ: многіе типы, какъ: химера, пегасъ, кентавръ, Нерей, Кекропъ, въ древностяхъ скиѣскихъ отсутствуютъ и появились въ звѣриномъ стилѣ средневѣковья черезъ книжную письменность. Скиѣскій типъ фантастическаго звѣря, подобнаго льву, крылатаго и съ человѣческой головою, долженъ быть рѣшительно отличенъ отъ греко-восточнаго сфинкса, равно какъ и другіе типы крылатаго льва, крылатаго единорога и пр.

Остановимся на любопытномъ, явно символическомъ значеніи рыбы въ скиѣскихъ древностяхъ. Оно утверждается, прежде всего, большою (0.41 м.) пластинкою изъ листового золота, оказавшеюся въ такъ называемомъ кладѣ Веттерсфельда,¹ т. е. въ могильной находкѣ въ мѣстечкѣ этого имени въ Нижнемъ Лаузицѣ, у притока Одера. Находка замѣчательна золотыми фигурными ножнами кинжала съ парюю глазъ — оберегомъ отъ врага, зеркаломъ изъ четырехъ пластинчатыхъ фаларовъ съ быками, баранами, козлами, собаками, шакалами, пантерами и львами, въ погонѣ другъ за другомъ, но и еще двумя рыбами, плывущими за звѣрями сзади. Какъ ножны меча, такъ и фалары сами по себѣ не представляютъ, помимо эмблематическихъ глазъ, ничего особеннаго и могутъ относиться приблизительно къ III—II в. до Р. Х. Иное дѣло пластинчатая рыба, въ типѣ тунца, съ тупою, почти округлою головою, характерная своимъ тяжелымъ контуромъ, и особенно неуклюжимъ хвостомъ, котораго два развода загнуты и представляютъ на чешуйчатыхъ шейхъ бараньи головы. Еще своеобразнѣе птица среди этихъ головъ, какъ бы летящая, съ распростертыми крыльями, но, начиная съ хвоста, чеканщикъ принимаетъ все тѣло рыбы за поле изображеній и представляетъ въ двухъ полосахъ: на верхней тигръ рветъ задъ бѣгущаго кабана и левъ оленя; на нижней плывутъ рыбы — тунцы и дельфины рядомъ и вперѣди нихъ тритонъ. Фуртвенглеръ развилъ здѣсь всѣ тонкости своего формальнаго анализа, чтобы подчеркнуть архаизмъ въ контурѣ головы тритона (Галіоса Герона, чтившагося и въ Византіи) и характерномъ очеркѣ головы тигра (пантеры?), равно въ манерѣ представленія гривы, чешуи, и доказать принадлежность этой работы къ переходному концу V вѣка до Р. Хр. Но если обязательно принять такую древность для этого предмета, то, въ виду почти обычной или, по крайней мѣрѣ, частой смѣси вещей разныхъ эпохъ въ скиѣскихъ могилахъ, намъ нѣтъ надобности при-

¹) Furtwängler. Goldfund v. Vetersfeld. 1883. Kleine Schriften I, 1912, p. 484, табл. 18—20. См. Миннсъ, рис. 146.

нимать эту дату для фаларовъ, и, слѣдовательно, для всего клада. Затѣмъ, въ виду рыбъ — тунцовъ, имѣющихъ особое значеніе для экономики милетскихъ колоній южной Россіи, естественно принять и южнорусское

Рис. 3. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (оборотная сторона).

происхожденіе скиѳа, погребеннаго въ предѣлахъ Лужицкихъ Славянъ. Но появленіе этой рыбы въ могильномъ нарядѣ имѣетъ еще и особое символическое значеніе. Такъ, у правой руки воина, погребеннаго въ курганѣ села Волховцы¹ со своими бронзовыми бунчуками, копіями, колчаномъ, доспѣхомъ, одеждами съ золотыми бляшками, также лежала фигура рыбы (типъ осетра) изъ листового золота. Наконецъ, золотая рыба была найдена въ кладѣ, найденномъ на берегу Аму-Дарьи, древняго Окса, весьма близкомъ къ сибирскимъ древностямъ и положенномъ приблизительно около 200-хъ годовъ до Р. Хр.

Припомнимъ кратко, что у Вавилонянъ и затѣмъ у Ассиріянъ былъ богъ Дагонъ = Еа Оаннесъ, котораго человѣчскій образъ представлялся покрытымъ сзади, съ головы и до ногъ рыбою,² что рыба была, быть можетъ, и въ Месопотаміи „тотемомъ“ и табу въ Сириі, а затѣмъ также тотемомъ у различныхъ народ-

ностей, и отсюда предметомъ благочестивой практики разныхъ сектъ и ученій. Но, помимо, бытовой важности рыбнаго промысла, религиозное почитаніе рыбы могло возникнуть отъ связи съ водою, съ представле-

¹) Миннсъ, рис. 76 — планъ, рис. 77 — рыба. Волховцы, близъ Смѣлы, раскопки и находка описаны графомъ А. А. Бобринскимъ.

²) Perrot, I. c. II, fig. 9. Богиня Атергатисъ считалась въ образѣ жены съ рыбимъ хвостомъ.

ніями загробной жизни, плаванія на отдаленные острова блаженныхъ, т. е. съ вѣрованіями о переселеніи души умершаго по рѣкѣ на мѣста вѣчнаго успокоенія. Въ связи ли съ идеями, или даже съ примитивными представ-

леніями загробной нильской ладьи, какъ и священной рѣки (Ганга), уносящей пепель сожженнаго родича по рѣкѣ на мѣсто вѣчнаго покоя, но въ Азіи вообще уже на первичной религиозной основѣ возникло, въ связи съ загробными вѣрованіями, особое представленіе о плаваніи человѣческой души. Рыба могла представляться въ этой связи, какъ пища блаженныхъ умершихъ, или вообще какъ пища умершихъ, считается поэтому священной пищею и даже образомъ самого духа умершаго, духа благодѣтельнаго предка, отсюда защитникомъ умершаго, его вождемъ и провожатымъ.¹ Въ самомъ дѣлѣ, счастливый случай сохранилъ для насъ путемъ простой покупки въ Сириі замѣчательную пластинку² рѣзной бронзы (изъ Пальмиры), еще вполне ассирійскаго стиля и ритуально магическаго содержанія (рис. 3 и 4). Рѣдкостная вещь представляетъ, съ одной стороны (рис. 3), въ рельефѣ демона, въ видѣ четырехкрылаго льва, поднявшагося на заднихъ орлиныхъ ногахъ, уцѣпившись передними за бортъ, и глядящаго поверхъ пластинки, какъ бы разсчитывая броситься на перваго, кто явится смотрѣть таинственную ма-

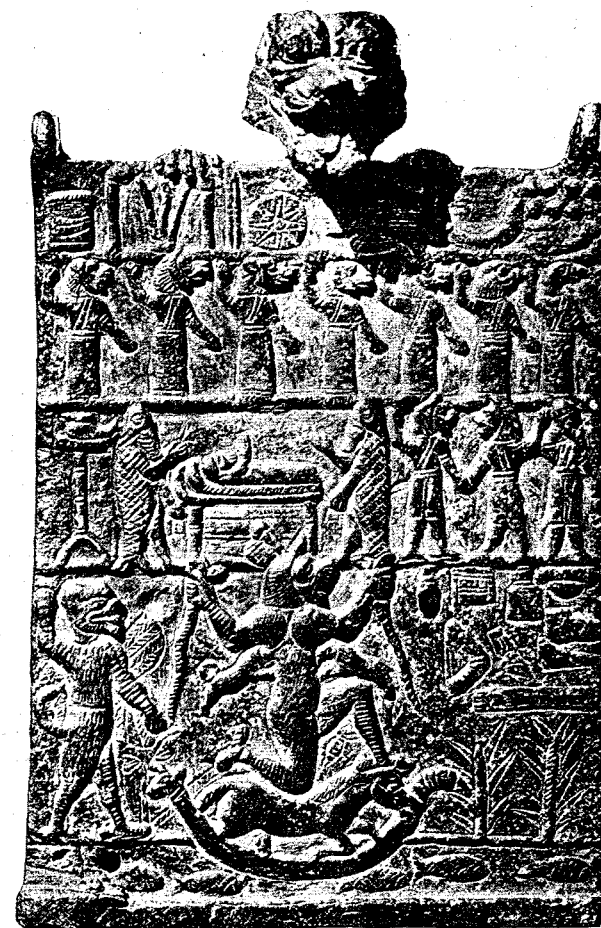

Рис. 4. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (лицевая сторона).

¹) Scheffelowitz. Das Fisch-Symbol in Judenthum und Christenthum. Archiv für Religionswissenschaft, XIV. 1911. Salomon Reinach. Cultes, mythes et religions. t. III. p. 43, 103.

²) Perrot et Chipiez. Hist. de l'art. II, fig. 161—2, p. 362—9. [Cp. Ch. Clermont-Ganneau: L'enfer assyrien; in: Revue archéologique, n. s. t. 38, 1879, p. p. 337—349, pl. XXV.]

гическую картину, расположенную въ пяти поясахъ и изображающую въ лицахъ магическое заклятіе противъ подземныхъ демоновъ на случай смерти человѣка. Это древнѣйшій типъ заклинательныхъ формулъ, которыя въ послѣдствіи развились въ Азіи (особенно въ Тибетѣ) въ формѣ такъ называемыхъ гадательныхъ таблицъ:¹ такъ и въ позднѣйшихъ тибетскихъ листкахъ изображается сверху голова и шея чудовища съ львиною маскою, и смыслъ этой головы въ наглядномъ представленіи наводящаго страхъ демона. Ассирійская пластинка дѣлится на пять поясовъ (рис. 4): поясъ неба со свѣтилами: солнцемъ, дискомъ Асура, полулуніемъ, семью планетами. Во второмъ поясѣ семь демоновъ съ головами звѣрей и животныхъ, идущихъ справа налѣво: подобная же вторая полоса въ тибетскихъ гадательныхъ таблицахъ. Третья, касающаяся нашего вопроса, представляетъ похоронную сцену: канделябръ или курильница, мумія, положенная на саркофагъ, и по ея сторонамъ два божества съ тѣломъ рыбы и человѣческою головою, или два Дагона, которые, поднявъ руки надъ мертвымъ, какъ бы привѣтствуютъ его; справа два борющіеся изъ-за мертвеца демона — духъ добрый и злой. Нижняя сцена совершается или въ нѣдрахъ подземнаго царства, или вблизи его, и сцена ограничивается снизу подземною рѣкою и рыбами. По рѣкѣ плыветъ ладья, на ней припавшая на колѣни лошадь, а на ней демонъ земли, жена волосатая со львиною головою, держитъ двухъ змѣй; къ ея сосцамъ устремляются два львенка. Слѣва крылатый и волосатый демонъ, справа растенія на берегу и столъ приношеній. Если мы обратимъ при этомъ вниманіе на то любопытное обстоятельство, что въ самой Ассиріи доселѣ не было открыто древнихъ могилъ, и что большинство археологовъ, производившихъ тамъ раскопки, пришли къ убѣжденію, что Ассирія посылала своихъ мертвыхъ въ Халдею, какъ древнѣйшій некрополь Месопотаміи, роль рѣки, по которой сплавливали останки, станетъ понятною. Если же возвратимся къ кочевникамъ Азіи и Южной Европы, то найдемъ также избранную родину кочевья — некрополь предковъ на лукоморьи Днѣпра, на Кубани и ея притокахъ, притокахъ Иртыша и т. д., и, возможно, что упоминаемые случаи отвода рѣкъ для погребенія вождя въ лонѣ рѣчномъ можно объяснить не однимъ желаніемъ скрыть могилу. Ко всему этому упомянемъ и любопытный, хотя на первый взглядъ странный текстъ поздняго историка Николая Дамасскаго,² что Синды, сосѣди Меотовъ, земледѣльцы и рыболовы, имѣвшіе столицей Фанагорію, клали въ могилу умершаго столько штукъ рыбы, сколько онъ убилъ враговъ.³

¹) Schlagentweit E, de. Le Bouddhisme au Tibet. Annales Mus. Guimet III, 1881, p. 166—200, табл. XXIX—XXX, XXXIV—XLI.

²) Fragm. hist. gr.; fragm. 121, ed. Didot. II, p. 460.

³) [Къ стр. рукописи приклеена слѣдующая выписка: о томъ „... что въ 753 г. приѣзжалъ ко двору (китайскому) старѣйшина кашгарскій Пейголянъ, который и пожалованъ былъ военнымъ чиномъ, краснымъ кафтаномъ и золотою рыбою“. Землевѣдѣніе К. Риттера. Григорьевъ В. В. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Изд. Имп. Р. Геогр. О-ва, в. II, отд. I. СПб. 1873., стр. 177—178.]

Итакъ, относится ли рыба, какъ символъ скифскихъ древностей, къ восточнымъ религіознымъ символамъ, или же находимыя въ этихъ древностяхъ золотыя рыбы только эмблема греко-восточныхъ и южнорусскихъ рыболововъ, остается пока неизвѣстнымъ.

Иное дѣло грифъ, который, дѣйствительно, представляетъ собою въ древности эмблему черноморскаго побережья и перешелъ туда еще при ассирійскомъ владычествѣ въ Месопотаміи, съ конца V-го вѣка, является на вещахъ южной Россіи, затѣмъ на монетахъ городовъ и, словомъ, сталъ эмблемою скифскаго кочевья. Уже отсюда легенда, что Аримасы должны биться съ грифами, чтобы гдѣ-то на далекомъ сѣверѣ добывать золото, а затѣмъ грифъ дѣлается эмблемою сѣвера, боевыхъ его воеводъ, и, на примѣръ, особымъ эпитетомъ Варяговъ въ Византіи, и ихъ начальниковъ,¹ чтобы съ началомъ государственныхъ формъ Восточной Европы стать эмблемою княженія и именно „великихъ князей“ — герцоговъ и кесарскаго чина Византіи. Азіатскія формы грифа² соединяютъ съ головою орла и рогъ и особо высокія торчащія уши, гребень, широчайшія крылья и львиное тѣло, съ заднею парю орлиныхъ ногъ. Итакъ, на первый взглядъ, сирійское происхожденіе эмблемы, привитой, казалось бы, уже искусствомъ и легендами грековъ варварамъ.³ Но, даже и въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемъ аналогичный и самостоятельный матеріалъ на Востокѣ, указываемый еще у Марко Поло: любознательный путешественникъ сообщаетъ, что на крайнемъ Востокѣ существуетъ любимая охота съ кречетомъ — тѣло мало, силы много, беретъ лебедей, дикихъ гусей. О томъ же кречетѣ восточные историки сообщаютъ, что ихъ специально дарятъ ханамъ, султанамъ, китайскому императору и пр., и средніе вѣка называли кречета⁴ — grifauson.

Если къ этому указанію присоединить обильныя восточныя фантазіи о существованіи гигантскихъ птицъ: н о г а (ногуй), р у х а, г у м а я (гумаяна), с и м у р г а, г а р у д ы и др., которыя въ восточныхъ сказаніяхъ, легендахъ и сказкахъ играютъ видную роль и черезъ книжную литературу переходятъ въ средневѣковое міровоззрѣніе: извѣстны и сказанія о происхожденіи отъ мифическихъ птицъ народныхъ героевъ и владыкъ, отъ Симурга въ Персіи, японскихъ микадо. Понятна фигура орла или вообще хищной птицы, какъ эмблемы въ сибирскихъ боевыхъ нагрудникахъ, но, чтобы сопоставить съ ними плечевую орлиную фибулу Петросскаго

¹) Эти начальники οὐ ἐπὶ βαρβάρωνъ какъ указываетъ акад. Schlumberger. Sigillographie byzantine p. 451, не всегда были изъ наемниковъ, но также изъ Византійцевъ, и имѣли особую канцелярію или приказъ.

²) Подробное изслѣдованіе Фуртвенглера въ Лексиконѣ Рошера: Γρύψ.

³) Основное имя Kerüb — откуда γρύψ — имя фантастическаго орла-льва — у Византійцевъ γρυτολάων, др. рус. гарафитъ, у виз. γρυτολάριον, γρυτονάγρον.

⁴) Кречетъ наз. sonkor, schonkon у Манджуровъ, schongar, grifalque, gerfaut. Pallas, Voyages. III, p. 16. Makrisi. Hist. des sultans mamel. 1887, I, 91—5. [Ср. Du Cange: Gloss. med. lat., s. v. grifalco, ed. F. Didot, Paris 1844, t. III, p. 567.]

клада, слѣдуетъ имѣть въ виду, что усвоеніе символовъ чужой культуры является часто лишь замѣною своихъ туземныхъ на основаніи родственной ихъ близости.

Символическіе
знаки.

Магическая практика еще въ глубокой древности выработала ряды символическихъ знаковъ, которыя способствовали охраненію человѣческой жизни отъ бѣдъ. А такъ какъ, съ одной стороны, обрядовая сторона религій и ученій Азии находилась въ постоянномъ общеніи,¹ и магія варваровъ усваивала послѣдовательно чуждые ритуалы, то скиѳосарматскія древности даютъ намъ въ разные періоды различные подборы этихъ знаковъ.² Проф. М. И. Ростовцевъ въ своей книгѣ (стр. 130—134) остановился специально на символическо-орнаментальныхъ бляшкахъ сарматскихъ могилъ Кубани, которыя онъ отличаетъ отъ скиѳскихъ и по времени преобладанія (приблизительно съ третьяго вѣка до Р. Хр. по третій же по Р. Хр.) сарматскаго кочевья въ южной Россіи и по новымъ формамъ. Въ „скиѳскихъ древностяхъ“ Приднѣпровья и вообще южной Россіи орнаментальныя бляшки были всегда или круглыми или четырехугольными, достаточно широкими, чтобы помѣстить цѣлую композицію растительнаго или животнаго царства или религиозную и бытовую сцену. Кубанскія могилы данной

Рис. 5. Магическій знакъ фурбу (по Schlagentweit'y).

эпохи доставили сотни декоративныхъ бляшекъ, но гораздо меньшаго размѣра, изъ тонкихъ золотыхъ листовъ и притомъ или разныхъ геометрическихъ формъ, или въ видѣ лилій, лунницъ, треугольниковъ, розетокъ и пр. Тѣ же самыя бляшки были находимы въ Ассиріи,³ и тождественные орнаменты въ сассанидскомъ и арабскомъ искусствѣ. Всѣ эти украшенія, какъ ассирійскія, такъ и сарматскія относятся къ мелочамъ личнаго убора, а именно къ ожерельямъ съ ихъ подвѣсками, низкамъ къ покрываламъ, наборнымъ цѣпочкамъ разныхъ назначеній, но большинство ихъ имѣетъ значеніе символическихъ, т. е. религиозныхъ знаковъ, амулетовъ, обереговъ, апотро-

¹) Schlagentweit, l. c. p. 32 — указываетъ, насколько мистическая система тибетскаго ламаизма близка къ шаманизму Сибири, по обрядамъ и формуламъ, и къ ритуалу Индіи.

²) Тотъ же Шлагентвейтъ указываетъ на Hodgson «Notice sur les symboles bouddhistes» въ J. R. As. Soc. Vol. XVIII — 110 символовъ; Вильсонъ, Ariana antiqua. pl. XXII — 168 значковъ и пр.

³) Perrot, l. c. II, fig. 424—440.

пеевъ противъ злыхъ силъ природы и демоновъ, дурного глаза и волшебства. Отсюда рога тура и быка, рогъ луны концами вверхъ или внизъ или менискъ — „лунница“ и „фенгій“, трезубцы всякаго рода, клыки и зубы и ихъ подобія, „клинцы“ (тибетскій знакъ фурбу — рис. 5)¹ въ видѣ кольца или ручки съ клиномъ внизу, когти, глазъ являются апотропеями или оберегами. Но этому ряду отвѣчаетъ подборъ благихъ знаковъ: кружка, розетки, звѣзды, какъ силъ покровителей человѣка — благостныхъ боговъ, знаки побѣды и торжества, плодородія и обилія, въ видѣ магическихъ круговъ, языка пламени, зигзага молніи, магическаго зеркала, нарождающагося крина, вѣнца, ромба, — знаковъ, повторяющихся типы лотоса, древа жизни, кедровой шишки. При этомъ обиліи знаковъ, дѣйствительно, они замѣняютъ собою прежніе обереги звѣринаго стиля: передъ (protome) быка, барана, или козла, голову льва или грифа, фигуру кабана, барса и сфинкса.

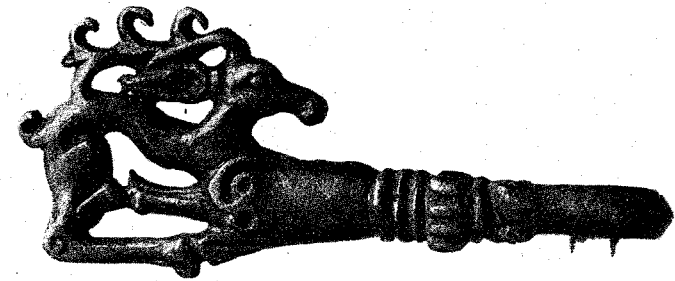

Рис. 6. Пряжка Александропольскаго кургана.

Сокращеніе композицій звѣринаго стиля въ геометрическія формы, несомнѣнно, отвѣчаетъ особому орнаментальному теченію съ Востока, за долго опередившему Исламъ съ его направленіемъ, и имѣетъ себѣ аналогію въ появленіи стекольчатыхъ украшеній въ золотомъ мастерствѣ древностей Аланскихъ и Готскихъ того же періода.²...

Композиціи
звѣринаго
стиля.

Наиболѣе характернымъ памятникомъ скиѳскаго погребенія является Александропольскій курганъ, иначе Луговая могила Екатеринославскаго уѣзда, въ степи, въ 70 верстахъ отъ Днѣпра, громаднхъ размѣровъ (10 сажень вышины и 150 саж. въ окружности) и обложеннаго огромными камнями, рвомъ и валомъ. Курганъ заключалъ въ себѣ, кромѣ катакомбы въ центрѣ, въ которой былъ погребень, повидимому, самъ царь Савроматовъ, вмѣстѣ съ женами, рабами, конскую могилу и рядъ сожженныхъ колесницъ похоронной процессіи.

Южно-русскіе
курганы.

Особо любопытна масса предметовъ личнаго и погребальнаго убора, также конскаго и колесничнаго, размѣщенныхъ по кургану на разныхъ уровняхъ и въ особыхъ складахъ, среди камней и подъ крышками, при чемъ подобные завалы указываютъ, что колесницы были или сожжены или разобраны и сложены кучами, такъ что, повидимому, похоронная

¹) Schlagentweit, o. c., p. 166, pl. XXX.

²) Русск. Др. III, рис. 149, 166—182.

процессія была оставлена съ покойникомъ, ради созданія полной жизненной обстановки. Масса золотыхъ вещей напоминаетъ сибирскія погребенія, но большинство предметовъ было изготовлено специально по случаю погребенія и по желѣзу украшено листовымъ золотомъ, въ видѣ про-

Рис. 7. Фалары Александропольскаго кургана.

рѣзныхъ пластинокъ, набитыхъ на дерево, на желѣзо, кожаные ремни и т. д. Таковы золотыя бляшки покрововъ и одежды, въ большинствѣ греческаго образца, съ изображеніями растительными и орнаментальными, но, главнымъ образомъ, звѣрей и животныхъ, птицъ и фантастическихъ образовъ какъ божествъ: Персидской Артемиды, Аѳины, такъ и сказочныхъ звѣрей. Но, что въ этомъ курганѣ характерно — повтореніе любимыхъ кочевниками типовъ (см. рис. 6 и 7): оленя, коня, быка, орла, грифа, льва, разсыпанныхъ повсюду: на втулкахъ дышлѣ, на уздахъ и ошейникахъ, бокахъ колесницъ, вмѣстѣ съ бубенцами и колокольчиками, какъ и личные

уборы съ бусами, когтями и рогами изъ золота — оберегами, съ лунницами въ видѣ подвѣсокъ, съ образами древа жизни, въ видѣ ажурныхъ пластинокъ, набитыхъ на кузовъ колесницы или повозки. Золотыя бляхи на уздѣ представляли голову варвара, окруженную головами быковъ (см. рис. 2 на стр. 24) — такъ же очевидный талисманъ или оберегъ, какъ и ажурная пластинка съ парю драконовъ. Наконецъ, достаточно сопоставить ажурныя золотыя накладки широкаго конскаго ремня съ изображеніемъ грифовъ, терзающихъ то кабана (рис. 8), то оленя, чтобы утвердить непосредственное преемство стилия сибирскихъ древностей въ нѣкоторой небрежности исполненія, понятной въ средѣ погребальнаго убора, а равно въ безконечныхъ декоративныхъ повтореніяхъ одного подбора типовъ.¹

Рис. 8. Золотая бляха (накладка на ремень) изъ Александропольскаго кургана.

Того же типа золотыя украшенія звѣринаго стилия съ борьбою звѣрей были встрѣчены въ Геремесовской группѣ кургановъ, въ 50 вер. къ югу отъ Александропольскаго, въ Толстой могилѣ близъ Краснокутска. Особо любопытны и здѣсь новый видъ гравированныхъ, или, точнѣе, рѣзныхъ и вмѣстѣ прорѣзныхъ орнаментальныхъ пластинокъ, по преимуществу изъ серебра, съ изображеніемъ или драконьихъ или конскихъ головъ въ декоративномъ соединеніи ихъ, или съ окончаніемъ изогнутыхъ тѣлъ пальметкою (рис. 1 на стр. 19). Въ 20 вер. отъ Никополя, по близости Днѣпра, разслѣдованъ былъ И. Е. Забѣлинымъ огромный Чертомлыцкій курганъ, который далъ еще болѣе пышную и въ то же время характерно-варварскую обстановку погребенія, видимо, царскаго. На этотъ разъ, однако, вся художественная сторона этого погребенія, видимо, была исполнена греческими мастерами или даже мастерскими, устроившимися вдали отъ греческихъ колоній, но на условіяхъ царски щедрыхъ и увлекавшихъ мастера даже вглубь степей. Въ самомъ дѣлѣ, сходство стилия, всей техники и частью даже самого выбора сюжетовъ между Чертомлыцкимъ курганомъ и курганомъ на хребтѣ Куль-Оба, проходящемъ у самой Керчи — древней Пантикапеи, столицы Босфорскаго царства, настолько ярко видно и сильно проведено, что нельзя было даже указать мелкихъ различій въ пошибахъ.

¹) [См. статью М. И. Ростовцева въ Recueil-Konjakov, стр. 241—3, табл. XXII.]

Въ то же время, одинаковое для обоихъ смѣшеніе высоко-художественныхъ вещей, какъ напимѣрь Чертомлыцкой вазы съ укрощеніемъ скиѳскихъ коней и Куль-обскихъ вазъ со сценами скиѳской жизни и быта, рядомъ съ кочевническими котлами и ихъ украшеніями и одинаковое, непонятное Греку или Римлянину, пестрое богатство скиѳскихъ похоронъ, выражающееся, прежде всего, въ массахъ вещей, утвари, одеждъ, посуды, оружія и пр. Сила религиозной увѣренности въ реальномъ продолженіи здѣшней жизни и въ загробномъ мірѣ — для однихъ, рабская привычка къ жизненной обстановкѣ — для другихъ, повиновеніе священнымъ обычаямъ — для прочихъ, все соединилось здѣсь, чтобы создать бытовое явленіе, непонятной для позднѣйшихъ временъ силы и невѣроятной, беззавѣтной наивности и простоты пониманія человѣческихъ судебъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ кургановъ извлекались кучи всевозможныхъ вещей, явно приготовленныхъ для погребенія, не одною семьею или родомъ царскимъ, но и буквально всѣмъ народомъ, подвигавшимся по случаю смерти царя на жертвованіе и своимъ имуществомъ, лишь бы обставить его будущую жизнь по царски. Послѣ ряда совершенныхъ жертвъ, отправленныхъ тризнъ, всѣ участвовавшіе разбирали на части колесницы и повозки, чтобы онѣ не служили больше никому, разбивали посуду, кромѣ той, которая находилась въ склепѣ для покойника, собирали и сваливали все разбитое, разорванное въ кучи, чтобы никому не досталось даже мелочныхъ блестяшекъ, ломали свои акинаки, луки и стрѣлы, сѣдла и попоны, узды и конскіе уборы, складывали котлы и жаровни, служившіе для тризны и проч. Отсюда ясно и то смѣшеніе вкусовъ и стилей въ исполненіи убора: при жизни у царя работали греческія мастерскія, дѣлали драгоценные сосуды изъ золота и серебра для пировъ, и, исполняя указы царскіе, исполняли на нихъ сцены жизни простыхъ кочевниковъ среди кочевья, или въ безконечныхъ походахъ на край свѣта. Но, рядомъ съ этими изящными работами греческихъ мастеровъ, представлявшими уже романтическія картины простого быта и вмѣстѣ образцы чуждыхъ идеаловъ Аѳины, Аполлона (напр. рис. 9), кустарныя мастерскія продолжали изготовлять на погребеніе всю народную, завѣтную обстановку кочевника, невольно впадаая въ старое, въ древнюю восточную и варварскую художественную среду. Вотъ почему мы видимъ въ этихъ курганахъ массы блестяшекъ съ изображеніями льва, лежащаго, идущаго на охоту, терзающаго жертву, но рядомъ и зайца, и массу оленей, птицъ почти повсюду, какъ украшеніе всего кочевого убора, и баранчиковъ, тельцовъ, козловъ и пр., и мало того, мы почти нигдѣ не встрѣчаемъ растительнаго или геометрическаго орнамента, повсюду изображенія фигуръ или головъ звѣриныхъ или птичьихъ. Что особенно слѣдуетъ замѣтить, погребальное убранство варварскихъ царей Босфора Киммерійскаго въ Куль-Оба представило одновременно съ тонкостью изящныхъ греческихъ вкусовъ, на этотъ разъ шедшихъ прямо изъ Аѳинъ, и столь опредѣленный варварскій характеръ, который не только

не ослабѣлъ отъ соприкосновенія съ античною культурою, но выразился какъ бы на показъ и усиленно, отчасти благодаря услугамъ греческихъ мастеровъ, сумѣвшихъ найти въ чуждомъ мірѣ варваровъ жизненные черты простого быта, создать образъ скиѳа, въ условныхъ эмблемахъ и символахъ выразить любовь кочевника къ своему быту.

Вотъ почему, напимѣрь, около царя Чертомлыцкаго кургана оказались воткнутыми въ землю три меча съ золотыми рукоятями варварской работы, и еще лежали два меча съ золотыми ручками, одинъ варварскаго, другой восточнаго, персидскаго стиля; одинъ изъ акинаковъ имѣлъ ножны высоко художественной работы фриза, представлявшаго битву грековъ со скиѳами; рукоять рядомъ лежавшая, стараго пошиба, изображала охоту на дикихъ козловъ (Кавказа и средней Азіи). Словомъ, сборный характеръ скиѳскаго художественнаго убора открывается слишкомъ ясно для

Рис. 9. Фаларъ изъ Янчокракскаго клада.

того, чтобы археологія не отмѣтила этого опредѣленнаго факта, какъ черты подлиннаго кочевья, сохраняющаго вѣками свои драгоценности и, конечно, особенно дорогое оружіе, передаваемое изъ рода въ родъ.

Несомнѣнно, конечно, что мастера кочевниковъ находили формы, подходящія къ быту, образу его мыслей и его чувствъ, и въ греческомъ, особенно малоазійскомъ искусствѣ, игравшемъ для нихъ роль высшаго художественнаго образца, такъ какъ само это искусство выработалось на типахъ и формахъ древне-восточнаго искусства, въ свою очередь. Но, помимо того, они ясно пользовались своими вѣковыми матрицами для литья и чекана по древнимъ образцамъ: такъ, въ Чертомлыцкомъ курганѣ можно найти самыя разнообразныя издѣлія отъ эпохъ IV до II вѣка до

Р. Хр., и множество звѣриныхъ сценъ по своему бѣшенству ползущихъ, грызущихъ и терзающихъ звѣрей — художественный приемъ Ассиріи, со своею условною стилистикою волосъ на гривахъ и шерсти на тѣлѣ — не могутъ быть относимы къ греческому искусству, но къ греко-восточному.¹

Рис. 10. Бляха неизвѣстнаго происхожденія.

Равно ряды другихъ, еще частью помнящихъ сибирскіе образцы по дикому звѣрству, выраженному грубо, но характерно, должны быть относимы прямо къ варварскимъ мастерскимъ и матрицамъ, при чемъ многія вещи идутъ не изъ Александропольскаго кургана (рис. вышеуказ.), но изъ керченскихъ могилъ,² даже изъ Чертомлыцкаго Кургана,³ Куль-Оба,⁴ Акме-

¹) См. Рус.: Др. II, рис. 101, 117—8, 122, 125.

²) Тамъ же, рис. 62.

³) Тамъ же, рис. 96, 122, 127—129.

⁴) Тамъ же, рис. 130—1.

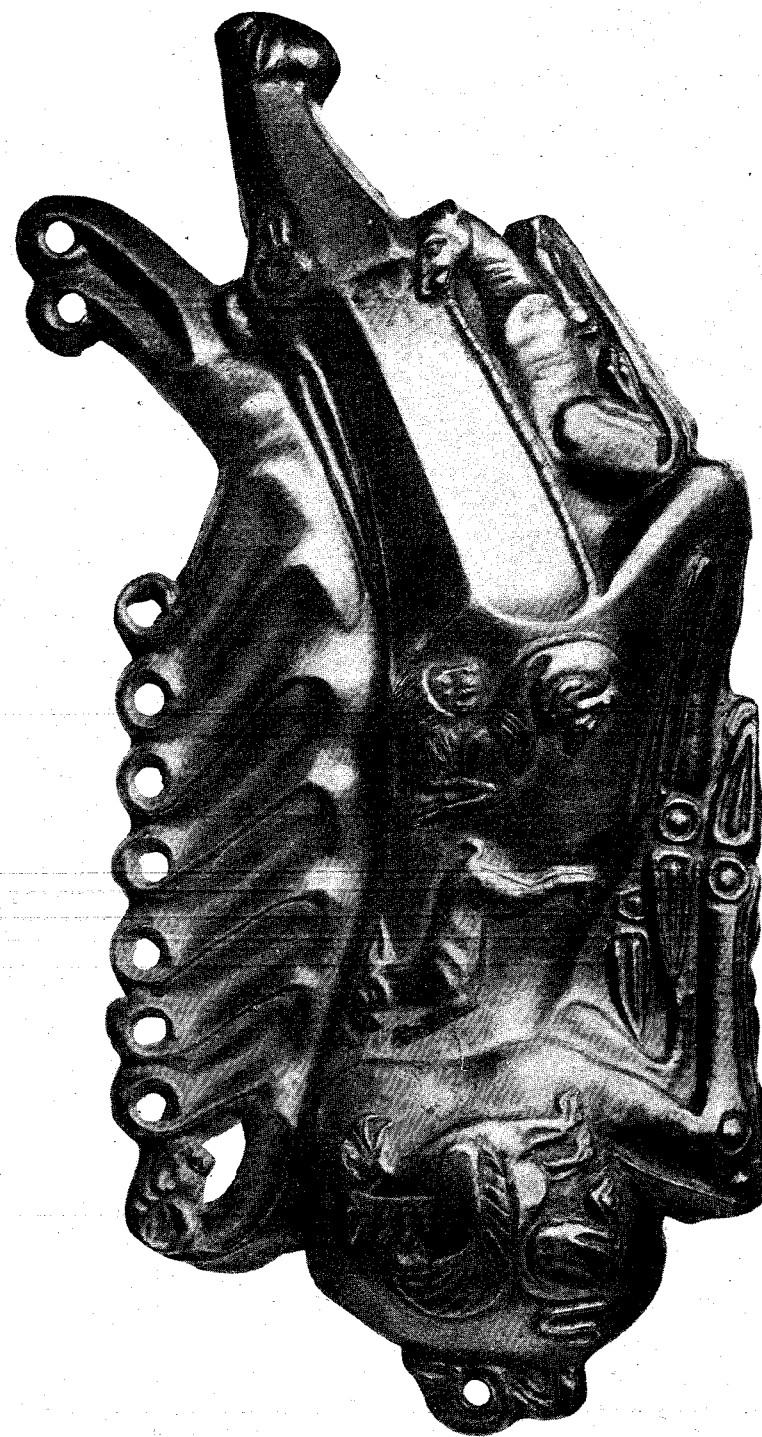

Рис. 11. Золотой олень (накладка налучія) изъ Куль-Оба.

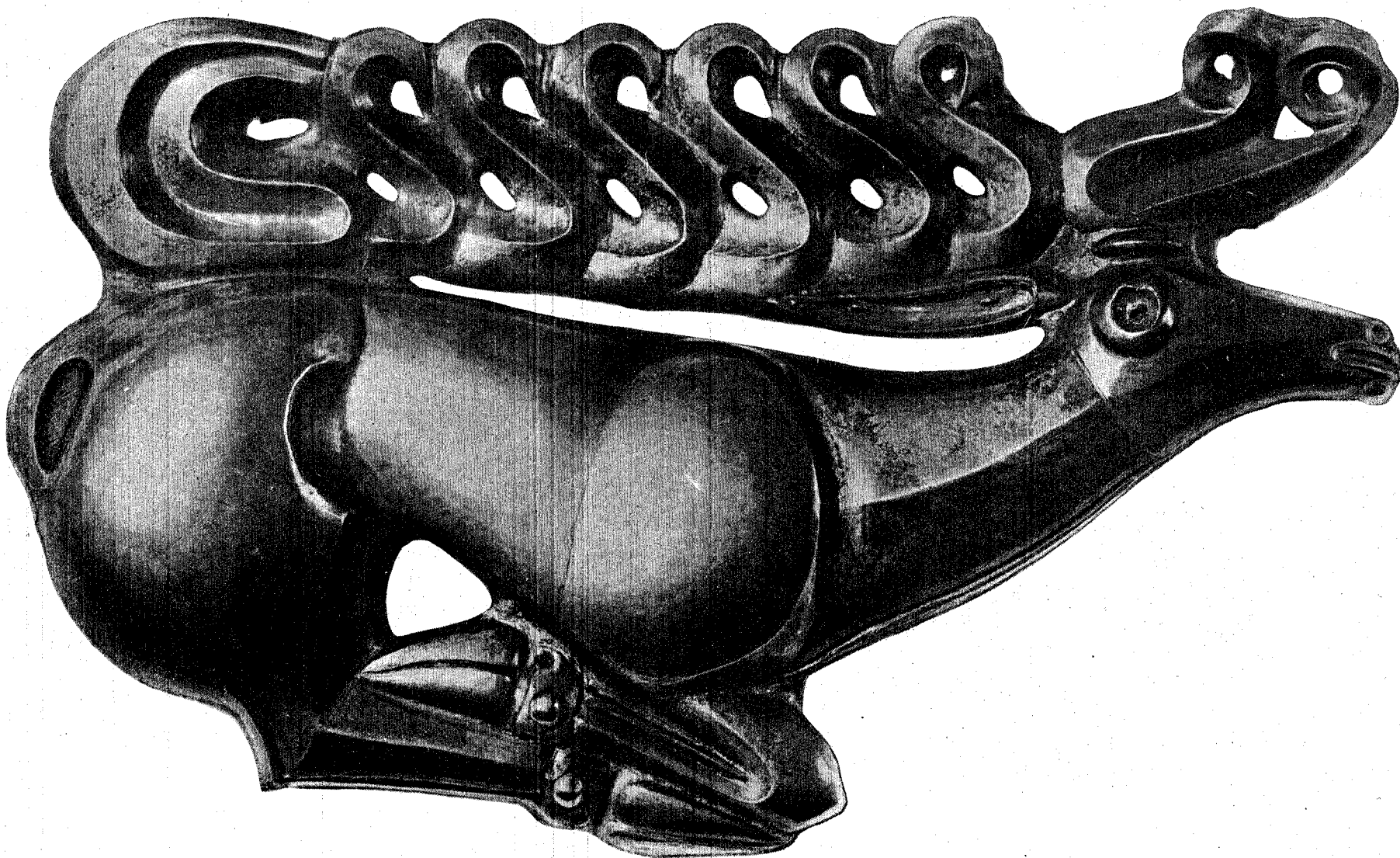

Рис. 12. Золотой олень из Костромской станицы.

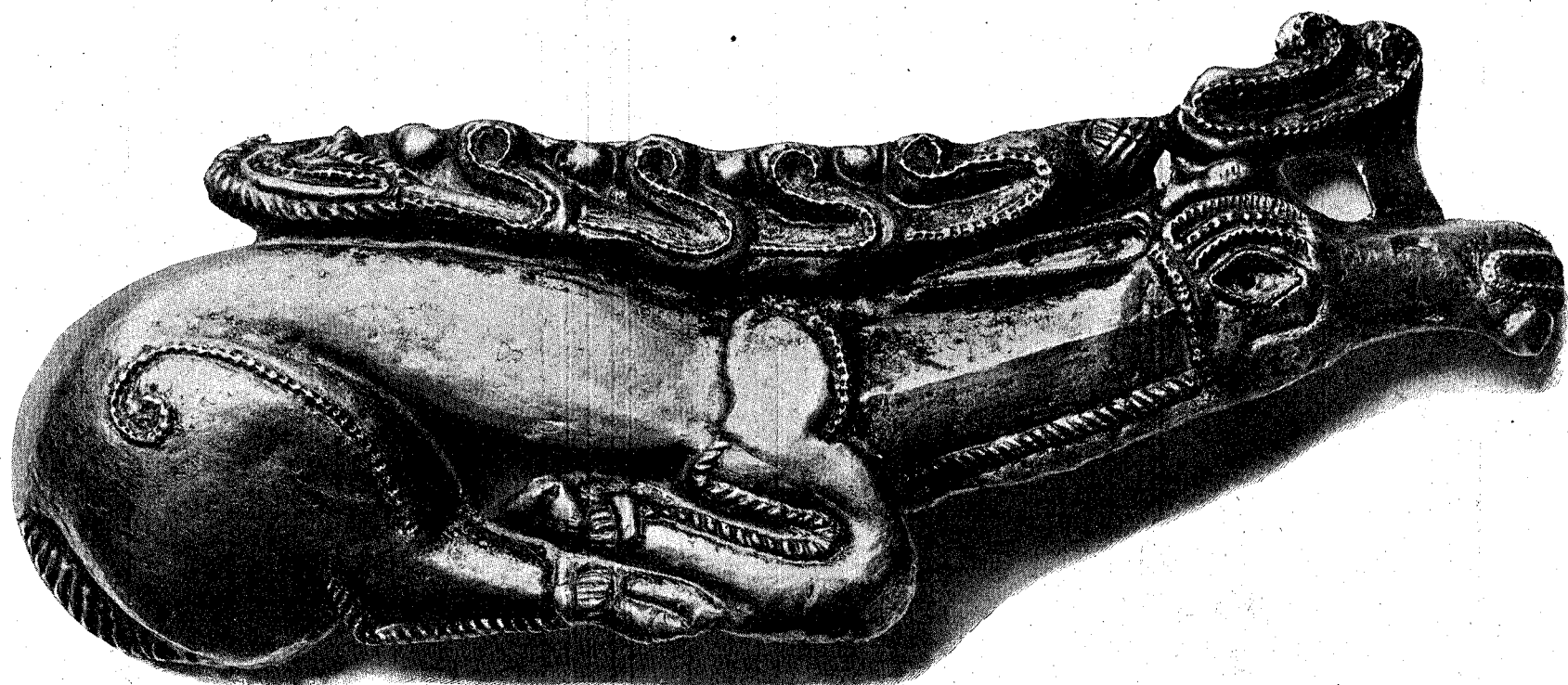
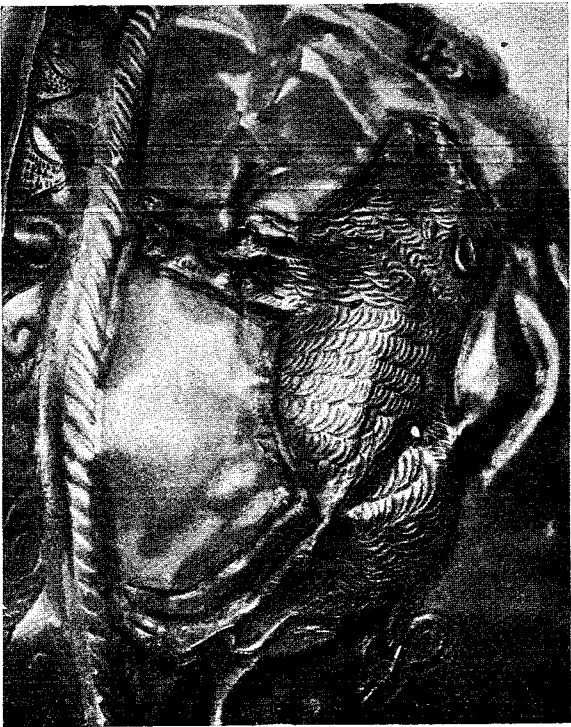

Рис. 13. Золотой олень, найденный в Венгрии (Тápiószentmárton).

четскаго кургана близъ Керчи,¹ изъ могильника близъ Смѣлы (замѣчательный олень — накладка съ налучіа). Характерна золотая накладка налучія изъ Куль-Оба въ видѣ лежащаго оленя, съ вычеканенными на немъ же: собакою, грифомъ, зайцемъ и львомъ (рис. 11).

Любопытство историка культуры естественно пробуждается при одномъ имени витязя, вспоминающемъ героическіе типы ранняго средневѣковья въ эпоху сложенія первыхъ государственныхъ формъ среди варварскаго міра. Основнымъ типомъ витязя былъ, конечно, вождь конной дружины, иногда бывшій только кочевымъ родоначальникомъ, иногда владѣльцемъ территоріи съ городами и земледѣльческимъ населеніемъ, но, какъ извѣстно, наиболѣе опредѣленный — это типъ скандинавскаго вождя, отъ котораго пошло, какъ именованіе витязя, такъ и тотъ вольный обликъ, придавшій романической интересъ самому типу. Норманскій викингъ — витязь былъ, однако, позднѣйшимъ типомъ, а наиболѣе ранній видъ витязя появился, повидимому, именно въ степяхъ Средней Азии и южной Россіи, почему и русскій „старшій“ богатырь представляется зачастую восточнымъ выходцемъ²: Полканомъ, Самсономъ, Сухманомъ и т. д. Для юго-восточнаго угла Россіи и, въ частности, для Тмутараканской Руси, V—VIII столѣтія были временемъ крайнихъ броженій, и устья Волги видали у себя тучи проходящихъ полчищъ и равно бродящихъ по степи дружинниковъ. Памятниками такихъ витязей остались по Кубани и ея притокамъ курганы съ громадными конскими погребеніями.

Замѣчательная группа кургановъ на возвышенномъ берегу Кубани въ Темрюкскомъ уѣздѣ, получившая названіе Семи братьевъ дала рядъ богатыхъ конскихъ могилъ, въ центрѣ кургана надъ могилою покойника, иногда крытыхъ бревнами, и даже съ каменными стѣнами. Въ одной изъ конскихъ могилъ найдены были кости тринадцати коней, а владѣлецъ ихъ погребенъ былъ въ особой оградѣ, сбоку, но обычно могила устраивалась внизу, на материкѣ. На конскихъ скелетахъ были бронзовыя бляхи, головки

Типъ витязя-богатыря.

Рис. 15. Фаларъ изъ Старобѣльскаго клада.

Кубанскіе курганы.

¹) Рис. 107—8.

²) См. Рус. Др. I. 57—8, 59—62.

олений на мѣстѣ налобниковъ, псаліи на удилахъ имѣли форму копыта, оленьей ноги, оленьяго уха, сѣкиры. „Наиболѣе замѣчательны пластинки и, прикрѣпившіяся къ уздамъ, въ видѣ головы фантастической птицы съ дыблящимся хохломъ, свернувшася въ комокъ оленя, кабаньей головы. Украшения личного убора отвѣчали также особою характерностью и сюжетовъ и стилия: нагрудное, на панцырѣ, изъ серебра, представляло въ крайне оригинальной формѣ горельефъ оленихи съ дѣтенышемъ, а внизу летающую птицу, золотыя накладныя пластинки колчана барса, грызушаго тѣло козла, орла, рвушаго шею зайца, барса, схватившагося съ дракономъ, чудище дракона съ орлиною головою на хвостѣ и пр. Особо любопытны фигурныя украшения (Гермесъ Кріофоръ, Горгонейонъ) и серебряный ритонъ съ крупною головою крылатаго козла, еще персидскаго типа. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ древностяхъ Семибратскихъ кургановъ своего рода полуархаическіе типы и стиль съ поискомъ художественнаго реализма, чуждый варварской декоративной небрежности“...

4.

Извѣстія
Геордота
о массагетахъ.

Геродотъ, изложивъ исторію похода Кира на Массагетовъ и смерть его, сообщаетъ (1,215) слѣдующія свѣдѣнія объ ихъ культурѣ: „По одеждѣ и образу жизни массагеты похожи на скиѳовъ. Сражаются они верхомъ на лошадахъ и пѣшіе — знаютъ оба способа войны, сражаются луками и копьями, вооружены обыкновенно и сѣкирами. Всѣ предметы у нихъ изъ золота и мѣди: все, что требуется для копій, стрѣлъ и сѣкиръ, готовится изъ мѣди; головные уборы, пояса и эксельбанты украшаются золотомъ. Также изъ мѣди дѣлаютъ они грудные панцыри для лошадей; напротивъ, уздечки, удила и фалары готовятъ изъ золота. Желѣза и серебра они вовсе не употребляютъ, потому что этихъ металловъ нѣтъ въ ихъ странѣ, тогда какъ золото и мѣдь у нихъ въ изобиліи.“ „Предѣла жизни (гл. 216) у нихъ не полагается вовсе, но кто очень состарится, къ тому сходятся всѣ родственники, убиваютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и разный скотъ, варятъ это вмѣстѣ и поѣдаютъ. Такой конецъ жизни они считаютъ счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни они не съѣдаютъ, но хоронятъ, горюя о томъ, что ему не пришлось быть убитымъ. Они ничего не сѣютъ, питаются домашними животными и рыбою, которую въ изобиліи доставляетъ имъ рѣка Араксъ. Они пьютъ молоко. Изъ боговъ чтутъ только солнце, которому приносятъ въ жертву лошадей. Смыслъ жертвы этой тотъ, что быстрѣйшему изъ всѣхъ боговъ подобаешь быстрѣйшее животное.“ Въ книгѣ IV, гл. 11 Геродотъ сообщаетъ дополнительно, уже по поводу происхожденія скиѳовъ припонтійскихъ, рассказъ, „которому онъ наиболѣе довѣряетъ“. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: „скиѳы кочевники жили сначала въ Азій, потомъ они были потѣснены во время войны массагетами и, перешедши рѣку Араксъ, удалились въ Киммерійскую землю“. Слѣдуетъ рассказъ о томъ, какъ киммерійцы уступили свою землю скиѳамъ.

Геродотъ говоритъ о массагетахъ по случаю похода на нихъ персидскаго царя Кира (1,201—214): „Народъ этотъ считается многочисленнымъ и воинственнымъ, живетъ на востокъ по ту сторону Аракса, противъ Исседоновъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это скиѳскій народъ. (202). Одни говорятъ, что Араксъ больше Истра, другіе, что меньше. На Араксѣ лежитъ, какъ рассказываютъ, много острововъ, по величинѣ, подходящихъ къ Лесбосу... Единственный изъ рукавовъ Аракса протекаетъ по открытой мѣстности и впадаетъ въ Каспійское море. (203). Море Каспійское имѣетъ въ длину 15 дней плаванія для весельнаго судна, а въ ширину восемь дней. Вдоль западнаго берега этого моря тянется Кавказъ, обширнѣйшая изъ горъ. (204). Съ запада Каспійское море ограничено Кавказомъ, съ востока къ нему примыкаетъ равнина на необозримомъ пространствѣ. Значительную часть этой обширной равнины занимаютъ массагеты“...

Кочевыя племена Сибири, выславшія свои орды въ южную Россію и западную Европу,¹ были сплочены могучею народностью Гунновъ, но объединяли нерѣдко на колоссальномъ пространствѣ земель до предѣловъ Галліи славянскіе и германскіе осѣдлые народы. Народы эти, начиная съ Массагетовъ, заправляли не только торговлею Византіи съ сѣверомъ и Китаемъ, но и болѣе отдаленною отъ нихъ Индіею, Кавказомъ, берегами Дона, Днѣпра и Дуная. Историковъ не даромъ поражаетъ богатство личныхъ уборовъ кочевыхъ вождей, ихъ конскихъ уборовъ, расточающихъ варварскимъ образомъ золото, изъ котораго отливаются фунтовыя пластины сѣдельныхъ украшеній. Мы уже говорили, что богатство, а также пестрота, мишурность цвѣтныхъ одеждъ, оружія и уборовъ, покрываемыхъ камнями или цвѣтными (гранатовыми и краснаго стекла) инкрустаціями, дивящая своимъ варварскимъ вкусомъ въ погребальныхъ уборахъ Сибири, нижней Волги и Дона, предгорьевъ Кавказа, нижняго теченія Дуная и восточной Венгріи, объясняется привычками и образомъ жизни кочевыхъ вождей, бравшихъ за образецъ царей Парѳіи, Сассанидской Персіи, державцевъ культурныхъ частей Средней Азій, Индо-скиѳскаго царства. Равнымъ образомъ эти древности кочевыхъ народовъ ранняго средневѣковья Восточной Европы и Сибири зависѣли и въ своихъ вкусахъ и пошибахъ, какъ и въ самомъ выборѣ предметовъ быта и тѣсно съ нимъ связаннаго погребальнаго убора, отъ постоянного перениманія варварами и ихъ художественными и ремесленными мастерскими всего того, что ихъ привлекало

Кочевники
Сибири
и Средней Азій.

¹) Русскія древности въ памятникахъ искусства. III. Древности времени переселенія народовъ. 1890 г. Француз. издан. Kondakoff, Tolstoi et S. Reinach. Antiquités de la Russie méridionale. 1892. [Въ рукописи это мѣсто имѣетъ слѣдующій видъ: „...этой культурѣ и принадлежавшее кочевымъ племенамъ Сибири, выславшимъ свои орды въ южную Россію и западную Европу“]. Племена эти были сплочены могучею народностью Гунновъ...“ и далѣе какъ въ текстѣ. Эта страница рукописи не сохранилась цѣликомъ, верхняя часть ея (около 6—7 строкъ) обрѣзана].

въ восточномъ быту послѣдовательно смѣнявшихся азіатскихъ державъ. Вожди ордъ Массагетовъ и позднѣйшихъ сплоченій гуннскихъ, или вообще говоря, тюркскихъ племенъ, не только политически распоряжались на громадной территоріи равнинъ отъ Китайской стѣны до Дуная, но и экономически завѣдывали добываніемъ золота и серебра, получая за то хлѣбъ, ткани, шелкъ, жемчугъ, бирюзу и драгоценныя камни, оружіе, домашнюю утварь, посуду. Массагеты имѣли личныя украшенія, пояса, наручи, узды и сѣдла съ золотыми наборами и бляхами, Аланы и Авары щеголяли золотую посуду, а любовь къ золоту у Гунновъ вошла въ поговорку, и именно потому Аттила щеголялъ своею умѣренностью и въ пищѣ и въ личномъ уборѣ. Очевидецъ Прискъ нашелъ у Гунновъ временъ Аттилы оригинальную культуру, своеобразный бытъ, привычку къ роскоши, къ коврамъ, къ разноцвѣтнымъ одеждамъ, къ золоту и драгоценнымъ камнямъ, къ золотымъ кубкамъ и серебрянымъ блюдамъ. Гунны завели у себя производство шелка, и въ IV—V вѣкахъ подъ именемъ „гуннскихъ завѣсъ, пологовъ и ковровъ“, разумѣлись, повидимому, наиболѣе роскошныя и пестро расцвѣченныя, а также и особенно пышныя и легкія изъ шелковыхъ тканей. Какъ видно изъ разсказа византійца Менандра о посольствѣ Византіи къ Дизовулу хагану въ 569 году, для испрошенія его распоряженій на Дунаѣ, въ Алтай (или Эк-тай — золотыя горы), шатеръ хагана былъ шелковый, самъ онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, имѣвшемъ колеса; ложе его было также изъ золота, но въ другой палаткѣ, гдѣ стояли идолы, а посреди находились сосуды, бочки, тоже золотыя, столбы даже были обиты золотомъ. Табари¹ передаетъ такое свидѣтельство о богатствахъ, оказавшихся у турецкаго князя изъ Средней Азіи Шава: когда онъ былъ разбитъ и убитъ персидскимъ полководцемъ Бахрамомъ, и взятъ его замокъ, то Бахрамъ долженъ былъ навьючить 250 тысячъ верблюдовъ, чтобы переслать царю Гормизду все золото, драгоценности, сосуды, оружіе и утварь. Арабскіе историки разсказываютъ, конечно, съ извѣстнымъ преувеличеніемъ, что золото, получавшееся отъ переливки женскихъ украшеній, взятыхъ въ городахъ Средней Азіи, нерѣдко вѣсило 50—150 тысячъ фунтовъ.

Сибирскія
древности

Но если были богаты золотомъ Парсія, Бактрія и Согдіана, то можно себѣ представить, насколько были богаче золотомъ племена, заправлявшія добычею золота на самомъ мѣстѣ его древняго добыванія, въ Сибири, на предгорьяхъ и въ долинахъ Алтая или Эк-тая. Суевѣрный страхъ, ожидавшій выхода духовъ умершихъ изъ ихъ могилъ и кургановъ, въ случаѣ ихъ разрытія и наполнявшій еще умы Калмыковъ и другихъ кочевниковъ, препятствовалъ долго разграбленію безчисленныхъ кургановъ Сибири по Иртышу и Енисею. Но, когда въ краѣ появились русскіе и плѣнные шведы, они стали промышленно этою добычею золота изъ кургановъ: даже у вое-

¹) Gesch. d. Persen und Araber zur Zeit d. Sasaniden übers. v. Nöldeke. 1879., 269.

водъ набирались капиталы „отъ бугровщиковъ“. Первыя извѣстія о драгоценныхъ и исторически замѣчательныхъ находкахъ въ Сибири, переданныя намъ добросовѣстными голландскими и нѣмецкими промышленниками и концессионерами, отчасти по инициативѣ все того же Петра Великаго, сообщаютъ о находкѣ въ могилахъ покрывалъ изъ листового золота, по 10 фунтовъ вѣсомъ, лицевыхъ масокъ изъ золота (какъ въ могилахъ пармянскихъ), золотыхъ украшеній съ рубинами и изумрудами, о случаяхъ находокъ, дававшихъ послѣ переливки, десятки фунтовъ чистаго золота и т. д. Понятно, что, когда въ 1730-хъ годахъ и позднѣе прибыли въ Сибирь ученые академики Миллеръ и Палласъ, то они съ горечью писали домой, что „всѣ могилы уже разрыты“, и для научныхъ раскопокъ остались только курганы съ бронзовыми вещами, истощены курганы съ золотомъ на Енисеѣ и притокахъ Оби и оказались съ грубыми издѣліями могилы по Иртышу съ его притоками.

Какъ бы то ни разрѣшилось впоследствии, когда Сибирь откроетъ у себя научное разслѣдованіе своихъ историческихъ сокровищъ, однако, и теперь уже можно сказать, что гигантская энергія великаго Петра, по первымъ слухамъ высланнаго своихъ агентовъ и добывшаго сибирскую коллекцію древностей для своей Кунсткамеры, нынѣ въ Эрмитажѣ, спасла для исторической науки рѣдчайшія драгоценности.¹ Кунсткамера имѣла въ 1726 году 250 предметовъ, всѣ изъ золота, вѣсомъ 74 фунта, и обогатилась послѣ пожара 1747 года пріобрѣтеніями акад. Миллера, и были уже заготовлены мѣдныя доски для гравюръ изданія „памятниковъ“, но ни вещей въ цѣломъ, ни изданія не было сохранено и выполнено. Тѣмъ не менѣе замѣчательны и тотъ рядъ поразительныхъ, по своей массивности, золотыхъ пластинъ съ прорѣзными рельефами, который наполняетъ нѣсколько шкаповъ Эрмитажа и представляетъ, за исключеніемъ 2—3 предметовъ, изображенія звѣрей и животныхъ.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ свидѣтельствъ о господствѣ звѣринаго стиля у тюркскихъ народностей Сибири и Средней Азіи является вышеупомянутый извѣстный разсказъ историка Менандра о посольствѣ византійскаго императора Юстина Младшаго въ 569 году къ Дизавулу хагану Турокъ, въ его резиденцію, носившую имя „Золотой горы“ (по китайскимъ источникамъ — Алтая). Посольство Зимархъ было принято, вмѣстѣ съ согдитами, торговцами Самарканда, хаганомъ съ благосклонностью и почтенъ пышными угощеніями въ нѣсколькихъ палаткахъ, пестро изукрашенныхъ коврами, шелковыми пологами, а также разными кумирами (*ἀγάλματα διάφορα τῆ μορφῆς*), сосудами золотыми, кропильницами, даже золотыми боченками; въ одной палаткѣ столбы были облицованы золотомъ, а золотое ложе или кресло хагана стояло на четырехъ павлинахъ; передъ палаткою стояли повозки, полныя всякаго серебра, блюди и ковшей, и множество было

Звѣриный стиль
у азіатскихъ
кочевниковъ.

¹) Русскія Древности, III, 43—66, рис. 43—76.

тамъ (*ivdalzata*) фигуръ четвероногихъ, тоже выполненныхъ изъ серебра, такъ какъ ни въ чемъ у нихъ тамъ нѣтъ недостатка.¹

По сообщенію А. А. Ешевскаго, императорская могила близъ Мукдена, въ 5 верстахъ отъ Тай Цу, представляетъ собою, среди громаднаго охотничьяго парка изъ лиственныхъ деревьевъ, обнесенный стѣнами, съ параднымъ входомъ и боковыми воротами, внутри, длинный паркъ вѣковыхъ сосенъ, прорѣзанный аллеями изъ паръ скульптурныхъ изображеній на поста-
ментахъ — слоновъ, верблюдовъ, лошадей — и дорожка-ми, ведшими къ часовнѣ съ котломъ для всесоженій, къ призмѣ на большой черепакѣ, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ молитвенныхъ часовенъ, къ холму съ сосною и могилою. Усыпальница была устроена и украшена какъ идеальное „вѣчное“ жилище императора, устроена, какъ „парадизъ“ восточнаго владыки, украшена любимыми звѣрями и животными.

Рис. 16. Бляха изъ Истяжскихъ Юртѣ на р. Тоболѣ.

Столь же поучительнымъ показался намъ въ идеѣ исконной привязанности азиатскаго кочевника къ міру звѣрей и животныхъ замѣчательный коверъ, приобретенный въ 1880-хъ годахъ близъ Кушки, прославленной побоищемъ англичанъ и афганцевъ русскимъ отрядомъ А. В. Комарова, В. В. Верещагинымъ. Этотъ текинскій коверъ изъ разряда тонкихъ „паласовъ“, тканый по синему фону, представлялъ — въ шести фризахъ или полосахъ, охватывавшихъ четыре огражденныхъ парадиза съ могилами и палатками и двумя фигурами людей, и состоявшихъ изъ побѣдныхъ шествій людей съ плѣнниками, рядами верблюдовъ съ идолами, на нихъ стоящими, рядами же слоновъ съ дѣтенышами — изображенія барановъ, свиней, собакъ, павиановъ, козъ и. т. д. Все это было уже изображено въ той грубой схемѣ, какую даетъ ремесленная ткань, но все повторяло, явно, излюбленные

¹) Exc. e Menandri Historia, ed. Bonn. p. 383. [См. также: Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. XV, страница 240—1, въ отчетѣ за 1909 г. о докладѣ о. С. Валье: «Projet d'alliance turco-byzantine au VIe s.»]

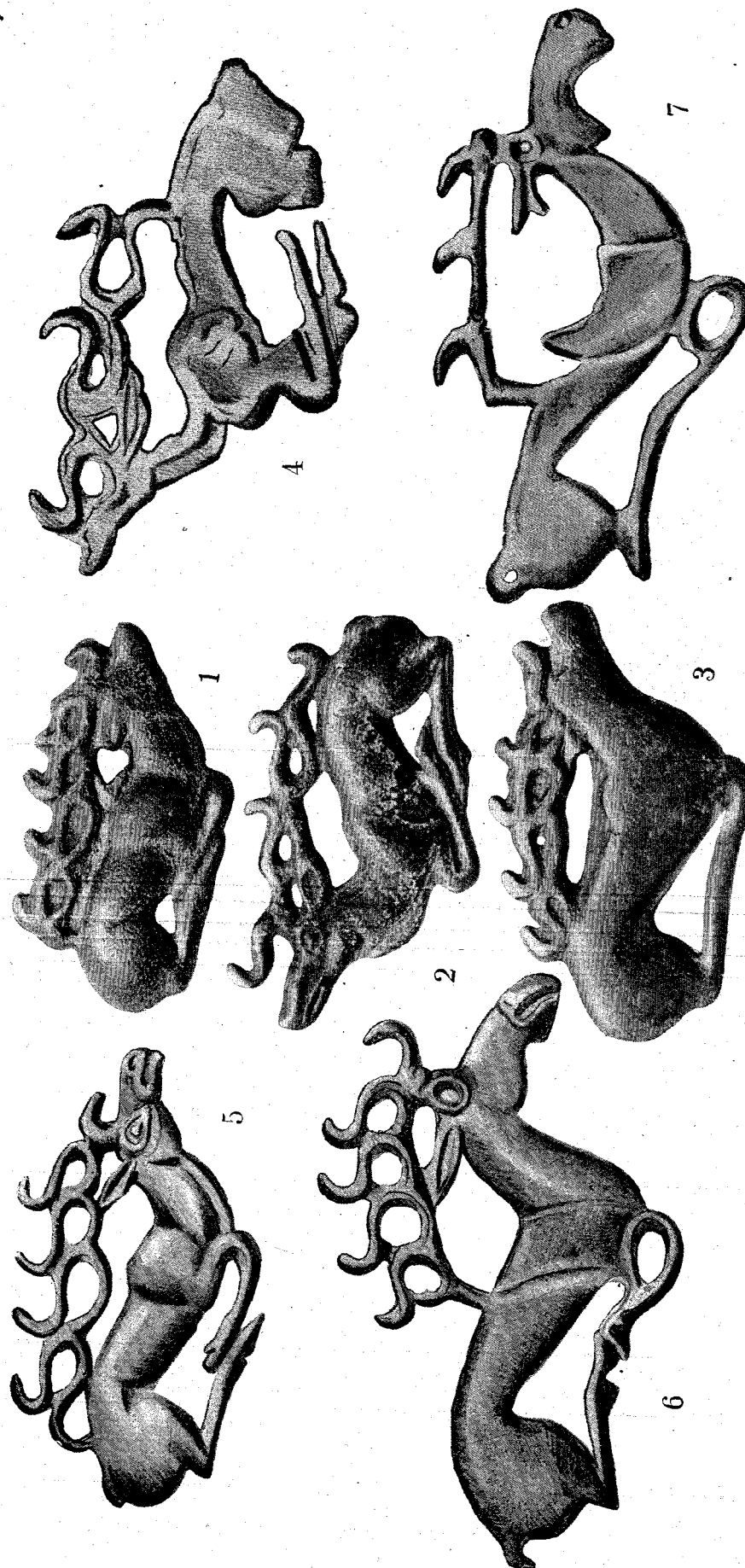

Рис. 17. Бронзовые олени изъ Сибири. 1—3. Будапештъ, Национальный Музей. — 4, 6. Эрмитажъ. — 5, 7. Гельсингфорсъ, Национальный Музей

образцы погребальных пологовъ, исполненныхъ по темамъ парадныхъ придворныхъ завѣсь.¹

Конечно, почти весь этотъ циклъ животныхъ повторяется и въ древностяхъ Босфора, которыя намъ даютъ даже болѣе раннюю по времени смѣсь азиатскихъ исконныхъ темъ съ тонкимъ художественнымъ вкусомъ греческихъ мастеровъ, работавшихъ для босфорскихъ и скиѣскихъ владыкъ. И тамъ мы находимъ лежащихъ оленей (см. рис. 11—12), сидящихъ сфинксовъ, идущихъ львовъ и грифовъ, козловъ, кабановъ, коней, какъ и орнаментированіе вещей конскими, бараными, львиными, орлиными, бычьими головами, но міръ этихъ представлений нарушенъ тамъ, прежде всего, своею декоративностью, а затѣмъ сліяніемъ съ новымъ міромъ, человѣческимъ, иного быта, иныхъ мировоззрѣній. Тоже должно будетъ утверждать, когда въ обзорѣннй звѣринаго стиля придется перейти и къ знаменитымъ кладамъ Петроссы въ Румыніи и Миклоша въ Венгрии.

Рис. 18. Золотая фигурка лани изъ Аму-Дарьинскаго клада.

Напротивъ того, какой характерный подборъ чрезвычайно стильныхъ изображеній животного и звѣринаго міра степей и оазисовъ Средней Азии и лѣсныхъ равнинъ Сибири даютъ намъ взятыя разомъ сассанидскія и сибирскія древности. Образъ степной жизни — это несущіяся стадами антилопы, лани (рис. 18), куланы, дикіе ослы и онагры; образъ лѣсныхъ зарослей — бро-

дящій въ нихъ тигръ, дикій якъ, великолѣпный баранъ — аргали, съ его громадными и тяжелыми рогами въ причудливыхъ завиткахъ, мощный вепрь, кроющійся въ густыхъ тростникахъ на берегахъ могучихъ и быстрыхъ рѣкъ, табуны дикихъ коней и верблюды, мощный тарандръ и тяжелый медвѣдь.

Несомнѣнно, однако, что сибирскіе рельефы животныхъ отличаются, сравнительно съ сассанидскими изображеніями царскихъ охотъ на львовъ, барсовъ и кабановъ, жизненностью и художественною правдою. Сасса-

¹) [Автору, съ интересомъ слѣдившему за газетными сообщениями о монгольской экспедиціи П. К. Козлова, не привелось дожидаться опубликованія найденныхъ въ Сѣв. Монголіи тканей, являющихся любопытной иллюстраціей высказанныхъ имъ мыслей объ изображеніяхъ „звѣринаго стиля“ въ Сибири и Средней Азии. См.: „Краткіе отчеты экспедицій по исследованію Северной Монголіи въ связи съ Монголо-Тибетскою Экспедиціей П. К. Козлова“ Академія Наукъ 1925. W. Perceval Yetts. Discoveries of the Kozlov expedition. The Burlington Magazine, XLVIII, n° CCLXXVII, april 1926, p. p. 168—187. G. Borovka. Die Funde der expedition Kozlow in der Mongolei 1924/25. Archäologischer Anzeiger, Jahrbuch d. D. Arch. Insituts 1926, b. XLI. h. 3—4, s. s. 341—368].

нидскія серебряныя блюда,¹ добываемыя доселѣ исключительно въ Пермскихъ краяхъ, представляютъ схематическое, декоративное повтореніе темъ и рисунковъ, созданныхъ еще древнимъ искусствомъ Востока и частью влияніемъ Греціи; реализмъ здѣсь, подобно византійскому искусству, ограничивается деталями одеждъ, все же прочее въ рисункѣ оказывается только условною манерою, не исключая фигуръ, пропорцій и условныхъ позъ не только царя охотника, но и звѣрей.

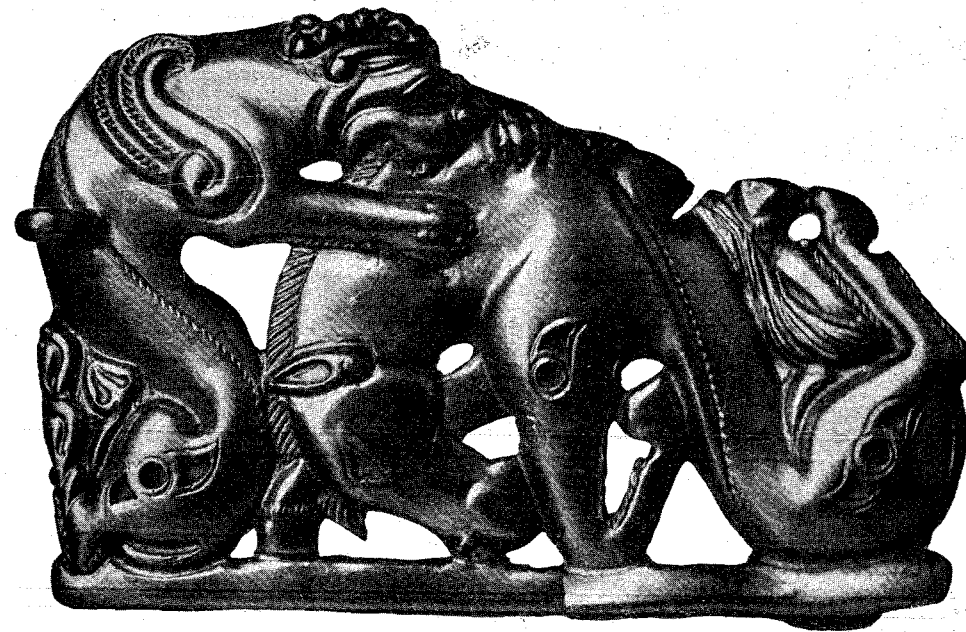

Рис. 19. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

Между тѣмъ, въ сибирскихъ древностяхъ Эрмитажа мы имѣемъ живой, только что выработанный, свѣжій стиль, которымъ порою услаждается самъ мастеръ, выполняющій въ этомъ стилѣ имъ зачастую вновь изобрѣтаемыя темы. Возьмемъ на первый разъ лучшія по отдѣлкѣ пластины:² первая схематична, извернувшійся тѣломъ тигръ рветъ и грызетъ шею лошади, упавшей передъ нимъ и тоже съ вывернутымъ задомъ (рис. 19), сухо, условно, но виртуозно въ своемъ мастерствѣ. Въ другой — кабанъ, попавъ въ узлы удава, пытается высвободиться, съеживается и подбирается и какъ то растерянно выжидаетъ, въ то время какъ змѣя вцѣпилась зубами ему въ ногу. При всемъ мастерствѣ исполненія, рассчитаннаго на заполненіе прорѣзнымъ рельефомъ точно опредѣленной формы мѣста, къ которому

¹) Я. И. Смирновъ, Восточное серебро.

²) Русск. Др. III, рис. 62 и 68.

рельефная пластинка должна быть прибита (может быть, правая сторона передка или задка сѣдла), мастеръ рѣжетъ всетаки на тѣлѣ звѣрей овалыныя ямки (репья по старорусски) для инкрустацій бирюзы.

Наиболѣе характерны, однако, сравнительно грубые рельефы.¹ Эта ихъ характерность заключается въ главной чертѣ стиля: въ напряженіи, порывѣ

Рис. 20. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

Рис. 21. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

на шеѣ звѣря, вскочилъ на него и терзаетъ, но и самъ звѣрь, какъ бы отошавшій отъ безкормицы, падаетъ на свои подкосившіяся ноги: какъ все это ни грубо, но любопытно по совершенно новой мысли въ передачѣ звѣринаго міра (рис. 25). Исконный типъ, переданный Востокомъ, Ассирією, Вавилономъ, изображалъ типъ звѣрей во всей ихъ природной силѣ, грузнаго, но могучаго быка, упругаго льва, порывистаго грифа, но если этотъ типъ и со-

¹) Тамъ же, рис. 54—56, 61, 64 и 65.

²) Тамъ же, рис. 54.

³) Тамъ же, рис. 55.

⁴) Тамъ же, рис. 63.

нападающаго, въ свалкѣ звѣрей, въ наваливаніи одного на другого. Кабанъ опять запутался въ когтяхъ удава, и его грузное тѣло инстинктивно осѣло, тронулось назадъ² (рис. 20), тогда какъ на другой³ онъ или иной звѣрь рвется изъ охватившихъ его колець. Грифъ и другой звѣрь, насѣвъ на льва, перевернувшись подъ нимъ, впились въ него и грызутъ, и рельефъ является сильнымъ въ напряженіи изогнутыхъ ногъ, шей, въ торчащихъ лапахъ. „Неизвѣстный“ звѣрь борется съ тигромъ, оба грызутъ другъ друга (рис. 22). Всюду чувствуется энергія тѣла, тяжелаго и массивнаго. Но есть и вещи совсѣмъ грубаго реализма: отошавшій, съ длиннымъ и необычайно тонкимъ тѣломъ тигръ,⁴ изверну-

храненъ здѣсь въ декоративныхъ рельефахъ, то нерѣдко замѣняется и своими собственными, жизненными типами. Таковъ, напримѣръ, этотъ „неизвѣстный“ звѣрь, въ которомъ думаютъ видѣть среднеазиатскаго тарандра, котораго, среди звѣрей, мѣняющихъ цвѣтъ, описываетъ Плиній: величина быка, голова больше, чѣмъ у оленя, и на него почти похожая, рога вѣтвистые, копыта двойныя, шерсть длинная, какъ у медвѣдя, но, когда ему пожелается, имѣетъ цвѣтъ подобный ослу; шкура на спинѣ такъ тверда, что изъ нея дѣлаютъ латы.¹ Именно такого тарандра можно видѣть на большинствѣ

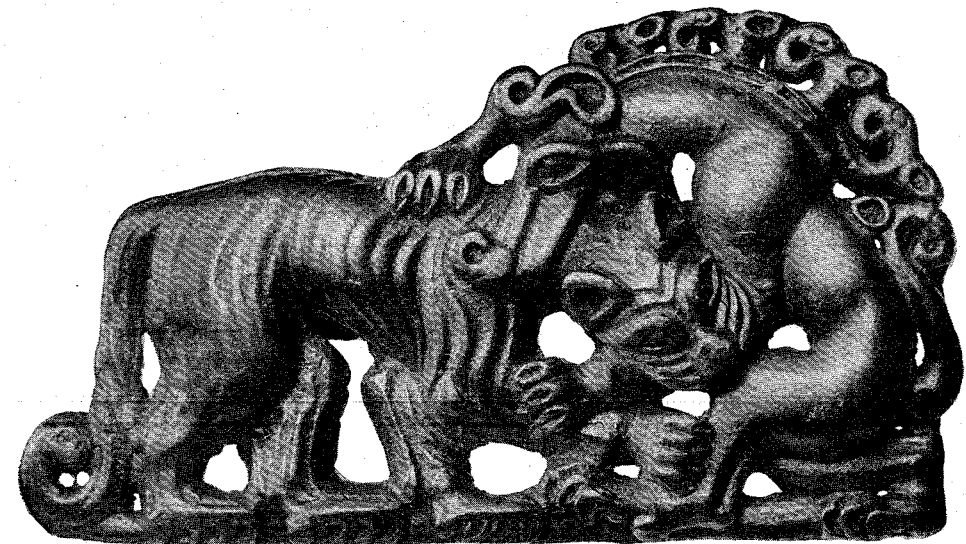

Рис. 22. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

рельефовъ въ борьбѣ съ тигромъ (рис. 22), и его неповоротливая, почти бычья, фигура, но съ далеко закинутыми, вѣтвистыми, но не длинными, какъ у оленя, рогами, повсюду имѣетъ надъ верхнею губою какой-то загибъ назадъ, который можетъ напоминать и гиппопотама, и даже носорога. Дѣло въ томъ, что по этому именно загибу губы можно угадывать вліяніе среднеазиатскихъ древностей черезъ переносъ ихъ типовъ мастерскими кочевниковъ въ области всѣхъ варварскихъ древностей восточной Европы, съ тою лишь разницею, что тутъ эта типичная форма будетъ отличать головы разныхъ звѣрей, драконовъ и даже лошадей. Далѣе, въ сибирскихъ древностяхъ встрѣчаемъ и всѣмъ извѣстнаго четвероногаго — яка, этого и дикаго, и одо-

¹) Plinii. Natur. hist. VIII, 34: mutat colores et scytharum tarandrus... tarandro magnitudo quae bovi est, caput majus cervino nec absimile, cornua ramosa, ungula bifidae, villus magnitudine ursorum, sed, cum libuit sui coloris esse, asini similis. Tergori tanta duritia, ut thoraces ex eo faciunt.

машенного, громаднаго и неуклюжаго быка холодныхъ плоскогорій Алтая и Центральной Азіи. Границы жительства яка, съ его длинною и волнистою шерстью, падающею длинными космами почти до земли, настолько опредѣленны, что въ отдаленіи отъ нихъ это животное неизвѣстно.

Такимъ образомъ, ясно, что къ звѣриному міру, созданному южной Азіею, культъ звѣрей, выработанный кочевниками и поведшій къ излюбленному стилю, прибавилъ и новые типы, жившіе у нихъ передъ глазами. Въ томъ же порядкѣ идей появились здѣсь и своеобразныя сцены охоты, происходящія въ глуши лѣсовъ, среди топей и чащъ, въ которыхъ гнѣздятся кабаны.¹

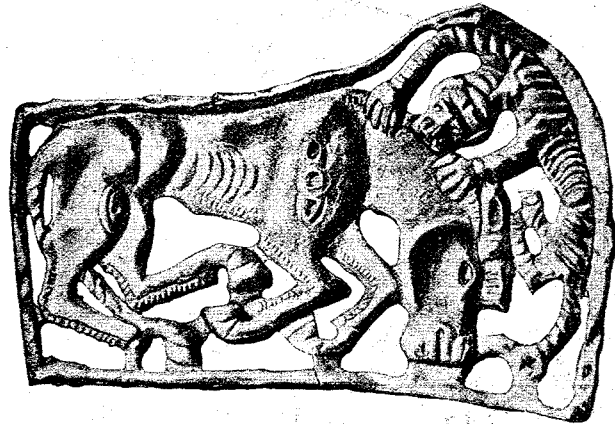

Рис. 23. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

Охотникъ, или въ засадѣ на деревѣ выслѣживаетъ кабана, или преслѣдуетъ вепря на лошади и стрѣляетъ изъ лука (рис. 25). Если способы охоты точно воспроизводятъ разсказъ объ охотѣ Иркочъ у Геродота (IV, 22), то типы охотниковъ напоминаютъ съ одной стороны изображенія Парянянъ (сцена охоты на оленя въ Аму-дарьинскомъ кладѣ) по узкому кафтану съ кавказскимъ башлыкомъ,² съ

другой извѣстныя гуннскія прически въ видѣ шапки волосъ, подрѣзанныхъ въ кружокъ, принятая, по указаніямъ Прокопія, въ VI вѣкѣ даже въ Византіи.

Заключая эту характеристику сибирскихъ древностей, скажемъ, что, конечно, онѣ не могутъ относиться къ эпохѣ переселенія народовъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. къ тому ограниченному историками Западнаго періоду европейской исторіи IV—V вѣковъ, когда уже въ концѣ этого переселенія кочевники, образовавъ колоссальныя военные союзы, потѣснили наконецъ и грекоримскій міръ. Напротивъ того, сибирскія древности могутъ относиться и къ эпохѣ до Р. Хр., однако, не къ VII—VI вѣкамъ до Р. Хр., а къ I до или I—II по Р. Хр.³, и не къ сферѣ древняго восточнаго міра. Правда, мы имѣемъ такъ мало матеріала по средневѣковому Востоку, что не могли бы опредѣлить болѣе точно эпоху сибирскихъ древностей Эрмитажа. Но указанная уже де-Линасомъ и позднѣе нами, въ выше-названномъ ихъ первомъ изданіи, связь съ древностями кочевыхъ племенъ

¹) Тамъ же, рис. 69 и 70.

²) Ср. статуэтку всадника, тамъ же, рис. 49.

³) См. соч. Ник. Витсена Noord en Oost Tartarye. 1692 г., съ указан. и рис. монетъ Нерона и Гальбы, найденныхъ, очевидно, съ подобными же сибирскими вещами.

юго-восточной и южной Россіи, а затѣмъ Венгріи, достаточна для того, чтобы сблизить тѣ и другія въ послѣдованіи, а такъ какъ эта связь опредѣляется наконецъ временемъ перехода Готовъ, Гунновъ и Венгровъ въ предѣлы Имперіи, болѣе или менѣе исторически установленнымъ, то естественно не настаивать нынѣ на болѣе точномъ выводѣ. Наконецъ, мы имѣемъ столь точныя указанія въ слѣдующемъ основномъ орнаментальномъ типѣ сибирскихъ личныхъ уборовъ: на золотой круглой бляхѣ¹ представленъ олень

Рис. 24. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

или лось, терзаемый барсомъ, туловища и ноги выкручены внутри бляхи также, какъ въ послѣдствіи въ варварскихъ древностяхъ Кавказа, Юга Россіи, Западной Европы. Наконецъ, между сибирскими вещами имѣются вещи, какъ украшеніе узды,² повторенное бронзою Ананьинскаго могильника.³ Стильное сходство и часто тождество звѣрей сибирскихъ древностей со скифскими южной Россіи и особенно Александропольскаго кургана, клада Новочеркаскаго (относимаго къ II—III в. по Р. Хр.), Петроссы (V вѣка по Р. Хр.) и пр., кажется, не должно бы оставлять сомнѣнія въ фактѣ послѣдовательной связи, которая, если и можетъ продолжаться нѣсколько столѣтій, все же ограничена и во времени и въ пространствѣ. Правда, скифскія древности южной Россіи были выработаны уже при помощи ма-

¹) Тамъ же, рис. 72.

²) Тамъ же, рис. 73.

³) Тамъ же, рис. 101.

стерскихъ Греции и Малой Азїи и приняли тотъ условный греческій обликъ, который съ конца IV вѣка до Р. Хр., охватилъ всѣ варварскія мастерскія. Такъ достаточно сравнить скиѳа охотника, метяющаго дротикъ въ зайца съ лошади — явно, породы аргамака, поднятаго на дыбы, по образцу скачущихъ лошадей Парѳенона, съ лошадьми¹ сибирскихъ древностей, чтобы понять значеніе перемѣны. Въ Сибири, гдѣ мастеръ оставался безъ чужой помощи, онъ поневолѣ брался даже за свое сочиненіе и работалъ въ золотѣ поразительную по наивности и грубому реализму сцену отдыха кочевниковъ на охотѣ или на дорогѣ: ихъ трое, мужъ съ женою и

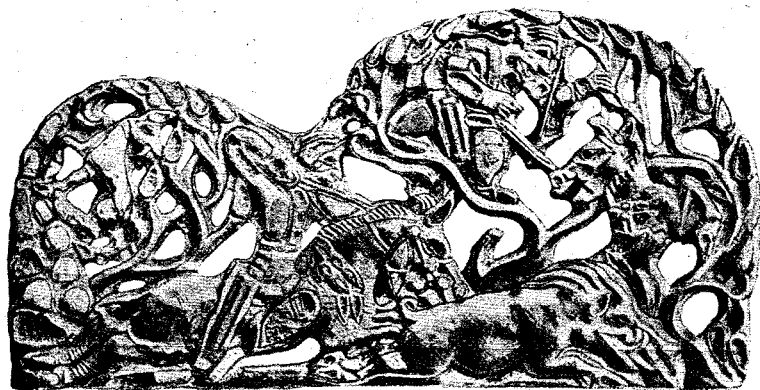

Рис. 25. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

слуга; мужъ прилегъ въ тѣни дерева, положивъ голову на колѣна жены, слуга держитъ коней въ поводу (рис. 27). Оба кочевника имѣютъ широкія лица, съ приплюснутыми носами, усы и безбороды, жена одѣта въ казакинъ, съ большимъ кокошникомъ на головѣ. Кони, ихъ камышевые сѣдла, съ ремнями для приторачиванія дичи или поклажи, переданы вѣрно и живо. Можно только жалѣть, что въ золотыхъ скиѳскихъ древностяхъ Россіи такъ много греческаго искусства, что мало чему можно вѣрить въ исторической передачѣ жизни и типовъ. Реализмъ возстанавливается развѣ только въ росписяхъ Керченскихъ катакомбъ.² Правда, есть и на югѣ Россіи работы мастерскихъ туземныхъ, какъ наприкладъ, находки Александропольскаго кургана,³ Керченскихъ кургановъ и могилъ⁴ и другихъ кургановъ Крыма, зачастую настолько близко сходныя съ сибирскими вещами, какъ будто онѣ принесены тоже изъ глубинъ Сибири, и не будь рядомъ вещей чисто греческаго или греко-римскаго стиля, можно было бы забыть ихъ различіе. Въ самомъ дѣлѣ, среди покойныхъ, величавыхъ фризозъ чисто греческаго характера, здѣсь видимъ также или рядъ звѣрей, ползущихъ другъ за другомъ, какъ бы цапая и разрывая въ неистовствѣ землю, или тоже находимъ рельефъ лежащаго оленя, отъ налучья,

¹) Тамъ же, рис. 69—71.

²) Рус. Др. т. II, рис. 45, 50.

³) Тамъ же, рис. 60, 74, 77, 81, 82, 86, 89.

⁴) Тамъ же, рис. 62, 92, 103, 107, 130 — находки кургана Куль-Оба въ Керчи.

скорчившагося отъ смертельной раны и какъ бы прикрытаго собакою, львомъ, грифономъ, даже зайцемъ, которыя вырѣзаны тоже на его тѣлѣ.¹

Итакъ, въ нашей задачѣ изученія формъ и содержанія звѣринаго стиля, отъ его началъ и перехода въ Европу до его развитія и истощенія, требуется, прежде всего, отличить то новое жизненное движеніе стиля въ

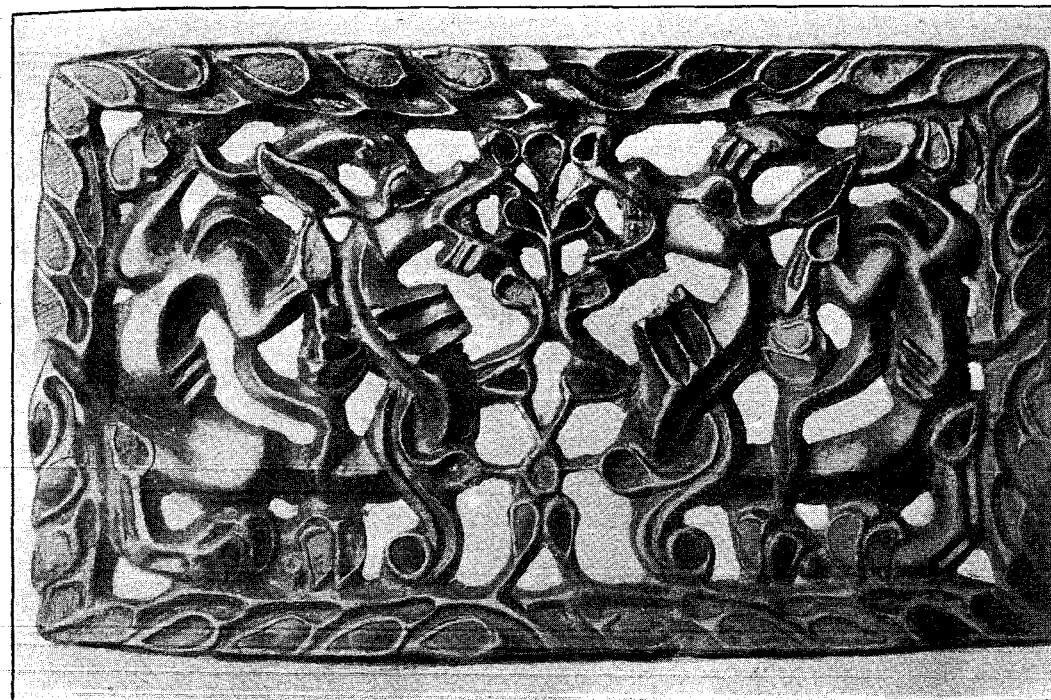

Рис. 26. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа.

искусствѣ азіатскихъ кочевниковъ.² Современное имъ культурное искусство сассанидской Персіи дало имъ лишь дополнительные мифологическіе типы и декоративныя формы, необходимыя для переноса на утварь. Но, кочевникъ былъ природенный охотникъ: его лукъ и стрѣлы были изобрѣтены

¹) Тамъ же, рис. 125 и 126.

²) См. рѣшительное заключеніе Вермана въ его „Исторіи искусства“ 2-ое изд., 1915 г. р. 428, въ согласіи со мною, относящаго позднѣйшіе предметы Сибирскихъ древностей СПб. Эрмитажа, эти замѣчательныя грубою („derber“), фантастическою пластикою звѣрей, украшенныя, декоративныя, прорѣзныя пластины къ эпохѣ переселенія народовъ. [Скиѳскому звѣриному стилю посвящены работы: G. Borovka: Der skythische Tierstil, Archäologischer Anzeiger, Jahrbuch d. D. Arch. Instituts b. XLI, 1926, s. s. 369—386. K. Malkina: Ein Motiv aus dem skythischen Tierstil, ibidem, s. s. 176—189].

и дѣйствовали для задачъ охоты, онъ привыкъ гоняться за всякою дичью, зналъ звѣрей, почиталъ ихъ въ глубинѣ своей души и бредилъ ими во снѣ, приручалъ ихъ, одѣвался ихъ мѣхами и торговалъ въ глубинѣ Сибири ихъ шкурами, доставлялъ вживѣ для „парадизовъ“ и охотъ восточнаго

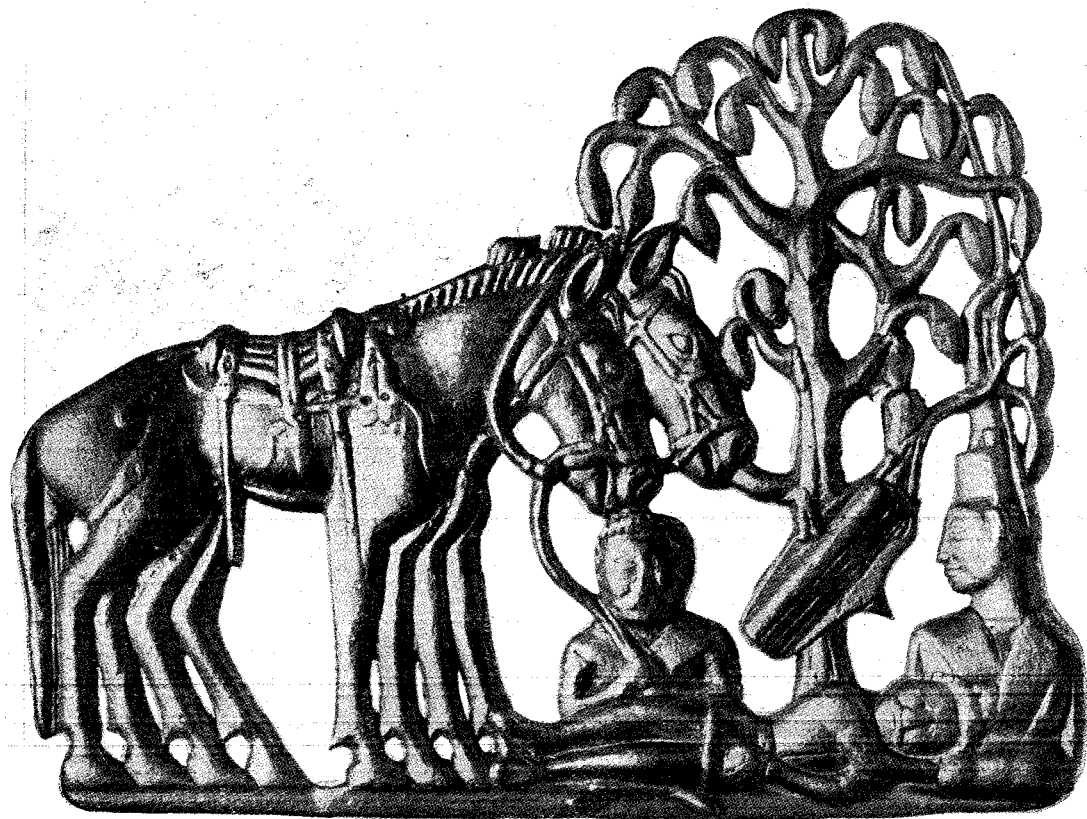

Рис. 27. Золотая бляха Сибирской коллекции Эрмитажа.

владыки. Вотъ почему кочевникъ заботился окружить своего умершаго хозяина или владыку рода или орды всѣми образами ему близкаго и знакомаго звѣринаго царства, не жалѣя рѣзать въ массивныхъ золотыхъ пластинахъ ихъ живыя фигуры, переданныя съ натуры, или замѣняя эту вѣрность природѣ живостью звѣриныхъ формъ, представленныхъ въ схваткѣ или нападеніи. Но сразу и столь же дорогими для его художественной памяти становятся и тѣ чудесныя, имъ усвоенныя изъ рассказовъ и религиозныхъ изображеній, животныя отдаленнаго юга, Китая и Индіи, Месопотаміи и Египта, съ которыми онъ знакомится по мѣрѣ своихъ передвиженій.

Вторымъ пунктомъ послѣ древностей береговъ Енисея, Минусинска и Томской губ. можно считать въ исторіи звѣринаго стиля древности Пермскаго края, извѣстныя также уже изъ статей и публикацій подъ именемъ древностей Пермской Чуди.¹ Все это предметы личнаго варварскаго убора изъ мѣди, бронзы или разныхъ сплавовъ, выполненные литьемъ или рѣзанныя грубо изъ листовой мѣди и снабженныя въ большинствѣ ушками для ношенія на тѣлѣ, на шкурахъ, въ ожерельяхъ, или же для набивки на деревянную утварь, для чего, видимо, служила прорѣзная ихъ работа или нерѣдко и просверленные дырочки. Сомнѣваться въ религиозно-суевѣрномъ назначеніи этихъ тѣльниковъ, или амулетовъ и апотропеевъ, конечно, нельзя, но, тѣмъ не менѣе, оригиналы, съ которыхъ эти кустарныя издѣлія были исполнены, видимо, такого значенія не имѣли. Затѣмъ, и говорить по поводу нихъ о фантазіи художника, придумывавшаго будто бы смѣлыя и странныя темы и формы движенія птицъ и крылатыхъ существъ, надо лишь по поводу тѣхъ оригиналовъ, съ которыхъ эти необычайно грубыя, небрежныя, прямо „дикія“ и чисто варварскія копии были сдѣланы. Близъ Перми, по Камѣ, было найдено костыще или жертвенное мѣсто давшее массу металлическихъ вещей, костяныхъ стрѣлъ, горшковъ, бусъ, желѣзныхъ стрѣлокъ и болѣе тысячи бронзовыхъ фигурокъ, среди которыхъ большинство изображало звѣрей, затѣмъ птицъ, змѣй, рѣдко людей или монстровъ. Разберемъ эти типы со стороны ихъ художественнаго представленія.

Главною темою является птица съ распушенными крыльями, повидимому, изъ крупныхъ хищниковъ, орелъ или коршунъ, или даже условный образъ гигантской птицы, ибо именно эта птица представляется несущою человѣка; во всякомъ случаѣ это видный типъ, отвѣчающій геральдическимъ орламъ. Далѣе мелкія птицы во время полета, съ придвинутыми къ тѣлу крыльями, вытянутою головою. Затѣмъ особо любопытный типъ большой птицы, съ распушенными крыльями и съ человѣческой фигурою, удерживаемой

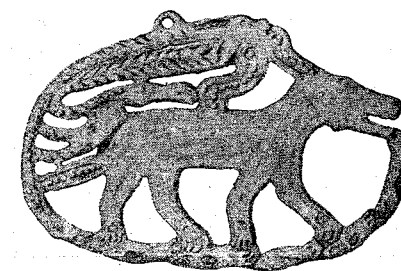

Рис. 28. Бронзовая пластинка изъ Минусинскаго округа.

своими руками. Затѣмъ особа любопытный типъ большой птицы, съ распушенными крыльями и съ человѣческой фигурою, удерживаемой

своими руками. Затѣмъ особа любопытный типъ большой птицы, съ распушенными крыльями и съ человѣческой фигурою, удерживаемой

¹) О. А. Теплоуховъ. Древности Пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ. Пермскій Край, II, 1893 г. Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской Чуди. Чудскія изображенія летящихъ птицъ и мифическихъ крылатыхъ существъ. Съ III табл. и 129 рис. Мат. по арх. вост. губ. М. 1899 г. А. А. Спицынымъ начатъ былъ сборникъ всего археологическаго матеріала по этому специальному отдѣлу Пермскихъ древностей въ систематическихъ таблицахъ. А. Спицына. Древности Камской Чуди по колл. Теплоуховыхъ. Мат. по археолог. Р. № 26, 1902 г. [Подробную библиографію за 1912—26 гг. см. въ статьѣ: А. М. Tallgren: Beschreibende archäologische Bibliographie von Osteuropa, Eurasia Septentrionalis Antiqua, t. I, Helsinki 1927, p. p. 139—188].

Древности
Пермскаго
края.

ея когтями, или же только съ человѣческой головою на груди,¹ иногда съ двумя человѣческими головами на крыльяхъ и одною на груди,² при чемъ подъ низомъ представляются одинъ или два дракона-змѣи, или же ящеръ. Изъ этой именно формы возникаетъ, конечно, типъ трехглавой птицы съ человѣческими лицами и съ драконьими головами и варианты подобнаго типа, особо загадочнаго для любителей символизма и глубоко-мысленныхъ толкованій. Типъ человѣка, иногда крылатаго и стоящаго на ящерѣ, иногда трехъ человѣкъ на ящерѣ, иногда нѣсколькихъ людей,³ встрѣчается часто, рѣже всадникъ на драконѣ или ящерѣ.⁴ Сравнительно рѣдки изображенія носорога,⁵ кабана, пантеръ, рвущихъ быка, крылатыхъ драконовъ, людей съ звѣриными головами.

Прежде всего, остановимся на указанномъ типѣ птицы съ человѣческой фигурою: оказывается при сличеніи, что въ этомъ типѣ повторена восточная тема Вознесенія Александра Македонскаго на небо, при чемъ онъ изображается или въ полной человѣческой стоящей фигурѣ, или же въ видѣ одной головы, выглядывающей изъ перьевъ колоссальной птицы. Какъ увидимъ, здѣсь царя несетъ только одна гигантская птица — будь то Гаруда мифическая или птица Ногъ, а не два грифа, какъ въ греческой версіи. Правда, иногда,⁶ къ человѣческой головѣ обращены по крыльямъ ряды драконьихъ тѣлъ головами, и, конечно, надо объяснить эту тему не декоративными прикрасами, но ясно мыслю усилить религиозное дѣйствіе предполагаемой въ этомъ амулетѣ таинственной или волшебной силы. Присоединенныя къ рисункамъ бронзы въ книгѣ Д. Н. Анучина рѣзныя изображенія гигантскихъ птицъ на верху скалъ, изъ дерева же на шестахъ и на головныхъ уборахъ шамановъ, рядомъ съ большими головами и тѣлами ящеровъ (крокодиловъ) достаточно иллюстрируютъ религиозный смыслъ этихъ символовъ, чтобы вполне оправдать основное содержаніе указываемаго трактата. Однако, является вовсе отрицаніемъ историческаго метода, если мы не изслѣдуемъ основной источникъ подобныхъ символовъ и амулетовъ, въ ихъ, нерѣдко, декоративномъ происхожденіи. Что значитъ, на примѣръ, триглавая птица или та же птица съ двумя человѣческими головами по сторонамъ птичьей? Въмѣсто того, чтобы глубокомысленно разсуждать объ этой троичности, не лучше ли обратиться къ древнему образцу? Въ рисункахъ плафона Палатинской капеллы

¹) Въ изд. Анучина рис. 5—8, 10, 13, 15. [См. хронологическую классификацію и объясненіе этого мотива въ статьѣ А. В. Шмидта: К вопросу о происхожденіи пермскаго звериного стиля, Сборникъ музея антропологии и этнографии, VI, 1927, стр. 125—164, тт. I—III; тамъ же указанія на литературу и разборъ высказанныхъ мнѣній].

²) Тамъ же рис. 20, 23—25, 38—39, 59, 66.

³) Тамъ же рис. 35—38, 42—43, 45.

⁴) Тамъ же, рис. 52.

⁵) Тамъ же, рис. 57.

⁶) Тамъ же, рис. 15.

имѣется какъ разъ образъ гигантской птицы, съ засѣвшимъ на ея тѣлѣ маленькимъ человѣкомъ, который держится при этомъ, сидя на ремняхъ, за ремни протянутые вокругъ его тѣла.¹ При этомъ въ верхней части ея крыльевъ помѣщены круглые медаліоны съ двумя женскими бюстами, въ нѣмбахъ, — явно, богини солнца и луны по арабской передачѣ

Рис. 29. Золотая бляха Сиверской станицы.
(Историческій Музей.)

древнѣйшаго намъ пока неизвѣстнаго „перевода“ этой темы: богъ солнца и богиня луны сопровождали возносящагося царя. Не понимая, рѣзчикъ пермскихъ бронзъ дѣлалъ то человѣческія головы, то три птичьи. Наконецъ, въ пермскихъ бронзахъ встрѣчаются имитации греческой редакціи вознесенія Александра двумя грифами,² хотя грифы или переданы неопредѣленными монстрами, или же драконами.

Укажемъ кратко, что свернувшееся въ кольцо животное,³ не есть драконъ,

¹) А. А. Павловскій. Палатинская капелла. Рус. Др. вып. V, рис. 16. Анучинъ, I. с. рис. 126.

²) Тамъ же, рис. 59 и 66.

³) Тамъ же, рис. 74 и 75.

но какъ видно по древнему образцу, въ сибирскихъ древностяхъ,¹ хищное четвероногое, грызущее свой хвостъ. Равно отъ сибирскихъ и ихъ производныхъ идетъ фигура звѣря, наступающаго на ящера, который его обвиняетъ сзади,² но все же такихъ именно типовъ, которые находимъ въ сибирскихъ древностяхъ, уже мало, и большинство пермскихъ вещей, видимо, имитируютъ иной, хотя тоже восточный подборъ формъ. Чтò роднитъ эти древности съ сибирскими, это именно таже страстная напряженность летящихъ птицъ, извивающихся гадовъ, бросающихся хищниковъ.³

¹) Русс. Др., III, рис. 73; въ Ананьинскомъ могильникѣ тождественная бляха съ головою лошади, рис. 101, ср. изогнутыя колесомъ фигуры барса и оленя, тамъ же, рис. 72.

²) Тамъ же, рис. 77.

³) См. тамъ же, рис. 30, 49, 67, 72, 77—78.

II

ИСКУССТВО СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ВАРВАРОВЪ ВЪ ЕВРОПѢ¹

Исторія средневековья издавна страдаетъ отъ ложно-односторонней постановки. Эта постановка или предаетъ полному научному презрѣнiю варварскій миръ средневековья, ограничивая свой кругозоръ исключительно культурнымъ наслѣдiемъ греко-римскаго мира, или же разсматривая этотъ варварскій миръ подъ ограниченнымъ полемъ и историческимъ поприщемъ германскихъ народовъ. Между тѣмъ нельзя ограничивать все средневековье періодомъ переселенія народовъ, меровингскимъ и эпохою викинговъ, при чемъ въ переселеніи народовъ активно участвовали будто бы только Готы, культура Меровингскаго періода и викинговъ также продолжала по существу оставаться германскою, и археологія среднихъ вѣковъ должна заниматься исключительно художественною жизнью германской расы. Таково цѣликомъ историческое построеніе этого отдѣла въ исторіи искусства² К. Вермана. Но, помимо Германцевъ, въ варварскомъ мирѣ, вдвинувшемся внутрь греко-римскаго мира и измѣнившемъ его культуру своею собственною, выработанною на собственной землѣ, или же принесенною съ С. В. и полученною отъ культурныхъ странъ Передней и Средней Азіи, были земледѣльческія племена Славянъ, въ иныхъ мѣстностяхъ болѣе культурныя, чѣмъ иные Германцы, и кочевыя племена Гунновъ, Болгаръ, Аваровъ и Венгровъ, принесшихъ съ собою на Волгу, Донъ и Дунай культуру восточную и своеобразно кочевую, а также художественныя формы своего быта.

Бытъ и искусство варварскаго мира Европы, въ эпоху переселенія, знали уже, помимо личнаго и конскаго убора, сооруженія, уцѣлѣвшія частью на территоріяхъ Азіи, береговъ Волги, Кавказа, и, какъ кустарное переживаніе стильныхъ образцовъ, оказались способными повліять на бытъ и искусство Византіи. Наряду съ варварскими модами и художественными вкусами греко-

¹) [Настоящій очеркъ имѣетъ въ рукописи наиболѣе черновой характеръ; послѣовательность страницъ рукописи не сохранилась въ первоначальномъ видѣ. Заглавія очерка нигдѣ авторомъ поставлено не было.]

²) К. Woermann, Geschichte d. Kunst II, 2: Die heidnische Kunst Europas, Vorder- und Hochasien seit der Völkerwanderungszeit (375—900 n. Ch.).

Научная постановка исторіи средневекового искусства.

римській мірѣ, починаючи съ VII вѣка, подвергся на громадному протяженіи — въ Египтѣ и по берегамъ Африки, въ Сициліи, Южн. Італіи и Іспаніи, а также на Кавказѣ, по Волгѣ и вглубь Россіи, на Балканскомъ полуостровѣ, — вліянію восточной культуры, распространяемой Исламомъ, какъ завоеваніями, такъ и путемъ возобновленной торговли той же Сиріи и Александріи, починаючи съ VIII вѣка и до конца XIII.

Історія середневѣкового искусства доселѣ удерживаетъ одностороннее скандинаво-германское построение тысячелѣтняго періода. Ибо нельзя связать древности Германіи съ сасанидскимъ искусствомъ, устранивъ славянъ и кочевниковъ, черезъ которыхъ оно передавалось въ Азіи и южной Россіи середневѣковому міру и самой Византіи. Приходится выбрасывать изъ історіи середневѣкового искусства всѣ древности и клады: Южной Россіи, Румыніи (Петроссы), Венгрии, Болгаріи (С. Миклоша), и ограничиваться скандинавскими древностями эпохи викинговъ, рассматривая звѣриную орнаментику внѣ ея історической связи, по эстетическимъ теоріямъ „народнаго искусства“. Наконецъ, приходится внѣ всякой связи говорить объ искусствѣ царства Сасанидовъ въ Персіи и относить половецкія могильныя бабы къ древнеславянскому быту и искусству, упоминая лишь въ краткомъ, ненужномъ, перечнѣ рядъ замѣчательныхъ памятниковъ. Равнымъ образомъ, удѣляя мѣсто для звѣриной орнаментики въ отдѣлѣ „искусства христіанской древности“, историкъ настойчиво указываетъ на первые памятники христіанскаго искусства „германской области“,¹ какъ напримѣръ, корону лангобардской королевы Теодоланды въ Монцѣ, вестготскія короны въ Клуни и Мадридѣ, крестики меровингскихъ могилъ, орнаментъ плетения и пр. Но въ тоже время забывается и остается въ сторонѣ отъ науки вся область славянскихъ древностей и восточныхъ племенъ, занявшихъ европейскія страны. Между тѣмъ древности германскихъ племенъ въ періодѣ ранняго и позднѣйшаго середневѣковья даютъ матеріалъ второстепенный, производный, къ которому нельзя научно приступить отъ сасанидскаго искусства, не изучивъ передаточной среды и обширной области древностей русскихъ, славянскихъ, венгерскихъ и пр. Отсюда, затѣмъ, ошибочное ограниченіе всего западнаго середневѣковья элементами греко-латинскими и германскими.

Очевидно, вносимое многими нѣмецкими изслѣдователями естественное желаніе отыскать въ европейскихъ древностяхъ духовно-вещественные слѣды родныхъ народностей — Готовъ въ южной Россіи и на Балканахъ, Лангобардовъ въ Італіи, не только сѣверной, но и южной, и иныхъ Германскихъ племенъ въ южной Европѣ вообще, является преждевременнымъ въ настоящее время. Пока не будутъ научно поставлены вопросы главныхъ культурныхъ теченій, вліяній и заносовъ, середневѣковая археологія должна временно двигаться внѣ національныхъ влеченій и притязаній.

¹) Ib. Woermann III, 83.

Научная постановка вопроса о звѣриномъ стилѣ въ середневѣковомъ искусствѣ требуетъ возможнаго расширенія горизонтовъ, т. е., прежде всего, пересмотра всего историческаго пути, которымъ прошелъ этотъ стиль отъ самыхъ началъ середневѣковья, и затѣмъ, кромѣ рельефовъ въ камнѣ, должна охватить звѣриную орнаментику середневѣкового европейскаго искусства, какъ предметовъ личнаго убора и бытовой утвари, такъ и раннихъ середневѣковыхъ, восточныхъ или византійскихъ и арабскихъ тканей съ рисунками того же стиля, равно какъ поливной посуды, ковровыхъ тканей, миниатюръ и декоративныхъ росписей, какъ, наконецъ, и малозамѣтныхъ въ історіи искусства инициаловъ середневѣковыхъ рукописей. Какъ увидимъ ниже, мы считаемъ, что всѣ опыты изслѣдованія звѣринаго стиля въ предѣлахъ одной избранной народности Европы, исключительно по установленнымъ теоретическимъ системамъ развитія орнамента, представляются совершенно искусственными и не достигающими цѣли. Равно и сравнительное изученіе орнаментики всей середневѣковой Европы и въ связи съ искусствомъ азіатскихъ странъ и народовъ, основанное на одной или нѣсколькихъ формахъ орнамента, представляя много любопытныхъ сопоставленій и полезныхъ обзрѣній, не даетъ истинно научнаго построения.

Въ то же время эта широкая постановка изслѣдованія звѣринаго стиля въ разныхъ фазахъ его по мѣстностямъ и эпохамъ дастъ опредѣленную группировку историческихъ явленій со стороны европейскаго варварства, въ противоположность группѣ памятниковъ христіанскаго искусства, сосредоточенныхъ въ предѣлахъ греко-римскаго міра почти до конечнаго середневѣковья.

Тотъ же Вѣрманнъ совершенно справедливо отказывается (тамъ же далѣе) различать постоянно галльскіе, германскіе, скиѳскіе, славянскіе элементы въ искусствѣ сѣверной и средней Европы, послѣ галльштатской эпохи: „расовое различіе чувствуется въ художественныхъ работахъ этого цикла гораздо менѣе, чѣмъ общность жизненныхъ условій“, говоритъ онъ, переходя къ позднѣйшей латѣнской эпохѣ (300—100 до Р. Хр.). Чтò же должны сказать изслѣдователи, имѣющіе дѣло съ древностями колоссальной равнины восточной Европы, служившей въ теченіи тысячи лѣтъ мѣстомъ броженія народовъ, самыхъ разнообразныхъ расъ и разныхъ культуръ?

Прежде всего, никто не сомнѣвается, напримѣръ, что было бы совершенно невозможнымъ дѣломъ попытаться приурочить точно къ извѣстнымъ народностямъ древности южной Россіи, носящія пока общее имя „скиѳскихъ“. Если и предлагалось условно выдѣлять изъ нихъ позднѣйшій періодъ, явно помѣчаемый римскими предметами, какъ древности сарматскія, то единственно съ простою цѣлью частнаго хронологическаго опредѣленія. Было бы также страннымъ назвать сибирскія древности именемъ народа, хотя бы и главенствовавшего въ извѣстныя эпохи, какъ Гунны и Аланы.

Звѣриный стиль
въ середневѣко-
вомъ искус-
ствѣ.

Въ пользу перваго имени говоритъ такъ многое, что было бы трудно исчислить всѣ доводы: прежде всего, колоссальныя орды Гунновъ, появившіяся въ Европѣ; неограниченное господство, по временамъ охватывавшее всю восточную Европу и Сибирь до границъ Китая; золотыя богатства Гунновъ, предводительство почти всѣми варварскими народами; раздѣленіе Гунновъ на многія великія и малыя, но самостоятельныя орды и захваты ими громадныя территоріи по Волгѣ, въ южно-русскихъ степяхъ, на Дунаѣ, въ Венгріи, до границъ Франціи и т. д. Наконецъ, преемственное мастерство у многихъ варварскихъ народовъ, вышедшихъ изъ того же корня. Получаетъ ли, однако, рядъ этихъ доводовъ такую силу, чтобы относить древности Сибири даннаго типа къ Гуннамъ? Какъ извѣстно, древніе называли племя, господствовавшее въ сѣверной и средней Азіи, Массагетами; именно имъ приписывали передвиженія, владѣніе золотыми богатствами, распоряженіе другими народами и исходъ въ извѣстное время на юго-западъ...¹

ВИЗАНТІЯ И ВАРВАРЫ²

Культурная перемѣна, совершившаяся въ Византійской Имперіи въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ со времени ея основанія, была тѣмъ глубже и рѣшительнѣе, чѣмъ менѣе была она замѣтною и чѣмъ важнѣе были ея историческія послѣдствія. Хотя перемѣна не вполне преобразовала былую Римскую Имперію въ восточную монархію, но все же преобразование исполнилось какъ бы само и столь быстро, что могло казаться даже, будто Константину достаточно было образовать вторую столицу Имперіи въ Византіи, чтобы собравшійся въ нее отовсюду восточный людъ поспѣшилъ отбросить ее отъ запада, и Юстиніанъ предпринялъ уже завоеваніе этого запада, какъ бывлыя цари Ассиріи. На самомъ дѣлѣ, Юстиніанъ представлялъ собою наружно образцовый типъ римскаго императора по высотѣ и широтѣ его монархическихъ идеаловъ и задачъ, но въ то же время онъ былъ и послѣднимъ представителемъ этого типа на византійскомъ тронѣ. Равно и Константинъ, по своимъ понятіямъ, вкусамъ и привычкамъ, былъ идеальный римскій полководецъ и устремился на Востокъ лишь вслѣдъ за своими славными предшественниками, особенно Діоклетіаномъ, и развѣ лишь отчасти по воспоминаніямъ дѣтства и своего рожденія. Въ то же время понадобилось еще три вѣка, длительный періодъ кризиса, чтобы имперія преобразовалась въ восточную военную монархію путемъ не только усилій талантливыхъ императоровъ изъ рода Исавровъ, но и продолжительной классовой борьбы, имѣвшей опять своимъ важнѣй-

¹) [Въ рукописи далѣе слѣдуетъ неоконченная фраза: „Но отождествлять Массагетовъ съ Гуннами нельзя уже потому,..."]

²) [Этотъ подзаголовокъ принадлежитъ самому автору].

шимъ послѣдствіемъ переносъ восточнаго люда и преимущественно образованной его части на западъ. Такимъ образомъ, съ IV вѣка явно возстановливается въ греко-римскомъ мірѣ интеллектуальное верховенство Востока надъ Западомъ и совершается своего рода культурное возрожденіе греческой его половины. Но такъ какъ эта греческая часть уже много вѣковъ была не чисто эллинскою, а только лишь эллинизированной, и въ силу племенной помѣси, и по руководящимъ въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ частямъ Имперіи: Сиріи, Малой Азіи и Египту, то естественно Византія была лишь въ малой долѣ греческимъ государствомъ, и въ ней изначала долженъ былъ расти извѣстный антагонизмъ племенного происхожденія. Византійское высшее общество было всегда смѣсью племенъ, откуда временный захватъ одной расы, ростъ ея въ столицѣ, внутренній раздоръ и вражда, которыми, однако, привычно пользовалась власть. Но внутренняя жизнь и бытъ не имѣли никогда прочнаго уклада, развѣ консервативными оказывались иные племенные круги, но формы внѣшняго быта легко подчинялись всякой со стороны приходящей модѣ.

Въ зависимости отъ политическихъ обстоятельствъ, постоянныхъ и непрерывныхъ войнъ и приготовленій къ нимъ, и первенствующей роли военного сословія, а въ частности роли наемной гвардіи византійскаго двора, и смѣнныхъ варварскихъ гетерій или дружинъ, такого рода моды, начиная съ IV вѣка, приходятся почти исключительно на варваровъ. Въ практическомъ складѣ ума византійца отлично уживались рядомъ и страхъ передъ варваромъ и презрѣніе къ нему, восхищеніе его силою, прямою и расчетъ на такія качества, какъ незнаніе языка и грамоты, равнодушіе къ лишеніямъ и роскоши, животная привязанность къ хозяину и воинская честь. А такъ какъ все отношеніе грека и восточнаго челоуѣка къ варвару сосредотачивалось въ алчной эксплуатаціи наемника, то естественно они предпочитали пользоваться свѣжими и новыми силами, пробуя попеременно тѣхъ, что поближе, Готовъ, Аланъ, Исавровъ, Армянъ, Македонцевъ, затѣмъ Аваровъ, Гунновъ, Хозаръ, Венгровъ. Такое вниманіе и пристрастіе началось, прежде всего, на верху, куда именно фортуна возносила и самихъ варваровъ, примитивный типъ авантюриста, изъ конюха становившагося царемъ. Какія бы непріятности ни причиняло присутствіе варваровъ утонченному кругу византійскихъ чиновъ, имъ все прощалось ради вѣрной ихъ преданности, и недаромъ византійскій дворъ охранялъ такъ настойчиво гуннскихъ перебѣжчиковъ, жестоко терпя за это отъ Аттилы. Сколько разсказовъ о томъ, какъ терпѣлъ Θεодосій Великій отъ пристрастія къ Готамъ, которыми онъ себя окружилъ и съ офицерствомъ которыхъ ежедневно проводилъ время, и какъ рисковалъ онъ даже жизнью въ ихъ лагеряхъ. Потому, или по другой причинѣ, но для Готовъ было затѣмъ сформировано особое ополченіе, конечно, подчиненное своимъ начальникамъ, и ихъ перестали брать въ легіоны, но это ничуть не ума-

лило ихъ роли. Уже въ V вѣкѣ византійская знать насчитывала у себя ряды варварскихъ фамилій и родовъ съ ихъ вѣтвями, преуспѣвавшихъ въ воинской и флотской карьерѣ. Императоръ Зенонъ былъ самъ родомъ Исавръ, но родъ его уже былъ знатный, хотя его родичи на мѣстѣ были разбойниками, какъ всѣ Исавры того времени, и даже родной братъ его былъ преступникомъ. Правленіе Зенона имѣло послѣдствіемъ выборъ Анастасія, какъ пожилого и богатаго патриція, „настоящаго Римлянина“, долженствовавшего избавить Византію отъ „ига исавровъ“. Правда, произошли высылки Исавровъ изъ столицы, которую они успѣли сдѣлать опасною для мирнаго люда, какъ свою родину, и шесть лѣтъ воевали въ самой Исавріи, чтобы укротить ее. Однако, затѣмъ императоръ Юстинъ и его знаменитый племянникъ Юстиніанъ, Тиверій Константинъ и отчасти Маврикій были пришельцами изъ Фракіи и Каппадокіи, а Левъ Исавръ открылъ собою, какъ величайшую рѣдкость, династію Исавровъ на византійскомъ тронѣ (717—802). Особо характерно то, что сподвижникъ Θεодосія Стилихонъ, самъ вандалъ и опекунъ Гонорія, составилъ свою личную охрану изъ Гуннскихъ отрядовъ. Побѣды Θεодосія были достигнуты, благодаря тѣмъ же Гуннамъ, Аланамъ и Готамъ, которые составили для него впервые многочисленную и образцовую, но совершенно варварскую кавалерію, поражавшую врага стрѣлами и налетомъ орды. Правду сказать, мода на Готовъ скоро прошла, благодаря тому, между прочимъ, что Готы явились при Валентѣ уже безпорядочными толпами, бѣжавшими послѣ жестокаго побоища отъ Гунновъ и молившими о спасеніи. Будучи допущены въ числѣ около двухсотъ тысячъ, черезъ Дунай, въ восточную береговую часть Балканскаго полуострова и разобижены жестокими вымогательствами византійцевъ, Готы смогли имъ жестоко отплатить за все — пораженіемъ арміи Валента и грабежомъ Фракіи, но все же скоро, послѣ ухода Вестготовъ, счумѣли сдѣлать свое пребываніе нестерпимымъ для жителей — повальнымъ пьянствомъ, звѣрствомъ и насиліями. Ради ихъ выдающагося мужества и беззавѣтной храбрости, готскіе отряды брались и въ Персію, но ихъ использованіе бывало часто сводимо къ нулю, вслѣдствіе отсутствія дисциплины. Что же касается ихъ культурности, то, видимо, она была значительно слабѣе, чѣмъ у кочевниковъ только что пришедшихъ изъ Азіи, съ насиженныхъ мѣстъ, по самой, конечно, простой причинѣ, большинство дружинъ бродили по западной и южной Россіи слишкомъ долго, не переходя къ кочевью и мало — къ земледѣлью, а пробавлялись службою, грабежомъ, рыболовствомъ, а также обычнымъ въ то время промысломъ — собираніемъ дани съ осѣдлаго населенія; значительная часть была надѣлена землею и осѣла на Балканахъ, меньшая на побережьяхъ южной Россіи и Крыма.¹

¹) [См. историческія данныя о разселеніи готовъ въ статьѣ А. А. Васильева, Готы въ Крыму, Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ., т. I 1921].

Древности, оставленныя Готами въ предѣлахъ южной Россіи, даютъ нѣкоторую характеристику ихъ тогдашней культуры, тѣмъ ярче, что эти вещи имѣютъ или тождество или чрезвычайное родство съ древностями Вестготовъ въ Венгріи, частью въ Италіи и затѣмъ въ Испаніи, а также съ древностями Остготовъ въ Равеннѣ. Въ предѣлахъ Россіи готскія древности¹ представляются по соображеніямъ стиля: Чулекскою находкою (такъ называемымъ кладомъ) близъ Таганрога, т. е. изъ центрального пункта готскихъ поселеній въ южной Россіи въ III—IV вѣкахъ, находками земли Войска Донскаго, Терской области и нѣкоторыми вещами Кіевской и Черниговской области. Ихъ тождество въ иныхъ случаяхъ и сходство въ другихъ съ такъ называемыми предметами *orfèvrerie cloisonnée*, т. е. золотыхъ дѣлъ мастерства, украшающаго перегородчатыми вставками изъ пиленого граната или стекла его цвѣта, представляется и формою вещей, на примѣръ фибулъ, и техникою. Почти всюду эти вещи погребальнаго наряда, выполненныя наскоро, для этого случая, безъ особой тщательности, и отчасти потому же крайнѣ однообразныя. Къ тому же это все вещи ношебнаго характера, относящіяся къ личному убору и конской сбруѣ, только исключительно роскошныя, т. е. даже въ бѣдной могилѣ, съ украшениями изъ листового золота, серебра по бронзѣ и проч. Затѣмъ мы въ этихъ вещахъ не видимъ вовсе звѣриныхъ формъ, лишь изрѣдка на пряжкахъ² орлиный клювъ и глазъ, все же прочее выполнено въ простѣйшихъ геометрическихъ формахъ, но взамѣнъ набрано на поверхности вещей и украшеній гранатовыми (рѣдко голубыми) стеклами въ устроенныхъ перегородкахъ. Такимъ образомъ подтверждается наблюденіе, сдѣланное археологами въ скиѣскихъ древностяхъ, что варваризація вещей порождаетъ уклонъ къ геометрическимъ формамъ. Причина ясная въ томъ, что варвары, какъ на примѣръ Готы, попавшіе въ центры греко-римскаго міра, теряютъ поневолѣ собственныя мастерскія, покупаютъ не только пищу, но и вещи на рынкахъ, вызываютъ быстро фабрикацію своихъ вещей и снаряженій, а такія мастерскія на продажу готовятъ для нихъ и римскія вещи, на примѣръ, извѣстныя фигурныя фибулки съ эмалью и типичныя варварскія, но упрощая и сокращая принятыя въ нихъ формы и украшения. Обычно, предметы личного убора суть перстни, серьги, браслеты и плечевыя фибулы для воинскаго плаща. Что характерно, конскіе уборы представляютъ или копировку въ бронзѣ съ красною мѣдью (конскій уборъ Калужской губ.³) или же наборъ большихъ украшеній изъ золота и гранатоваго стекла уздъ и фаларовъ. При этомъ, въ виду того, что мы не знаемъ условій и обстоятельствъ находки Чулекскаго клада, мы не можемъ рѣшить и того вопроса, были ли, на примѣръ, пять круглыхъ медальоновъ его, собственно конскимъ

¹) Рус. Др. III, рис. 166—180 и 183.

²) Тамъ же, рис. 172.

³) Тамъ же, рис. 182.

уборомъ или уже перешли съ него на грудь кавалериста и составляли такой же наборъ особой портупей на груди — и своего рода орденскій знакъ, какъ совершенно подобный наборъ тоже пяти круглыхъ щитковъ тождественно украшенныхъ, который видимъ на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора, представляющихъ игры константинопольскаго ипподрома.¹

Готѣиконъ. 83-я глава книги Константина Багрянороднаго „О церемоніяхъ византійскаго двора“ трактуетъ о томъ, что слѣдуетъ соблюдать на вечерѣ 19 аккумулятовъ при совершеніи „такъ называемаго Готѣикона“.² Подъ этимъ краткимъ терминомъ разумѣлось особое выступленіе готѣовъ на торжественномъ пиру, какъ развлеченіе, „готѣская игра“, собственно же готѣская воинская пляска въ честь императора. Игры шли издревле, конечно, еще съ IV вѣка, и продолжались до Константина въ X вѣкѣ (если не были возобновлены какъ священная старина Имперіи) а, быть можетъ, и позже. Эти игры имѣли мѣсто на пиру 3 Января, стало быть въ святочный день колядь, когда по древнѣйшему чередованію празднествъ учинялся пиръ „виноградья“ — τρυγητικόν. У обоихъ входовъ въ „великій триклинъ 19 столовъ“ (— возлежащихъ за столами) стоятъ тѣ, кто будетъ чинить готѣскія игры: слѣва, имѣя во главѣ друнгарія флота, стоитъ главарь (μαίστωρ) партіи Венетовъ, нѣсколько димотовъ (членовъ партіи), бандуристовъ съ бандурами, и позади два готѣа, одѣтые въ шубы (γούνας) мѣхомъ навыворотъ, и различные люди въ личинахъ (πρόσωπα), держа въ лѣвой рукѣ щиты, въ правой же палки; равно и въ правой сторонѣ, гдѣ стоитъ друнгарій ночной стражи (виглы), стоитъ главарь Прасиновъ и т. д. (одинаково). „И какъ будетъ по выходѣ съ гонки шаровъ, владыка прикажетъ стольнику ввести ихъ; тотчасъ стольникъ сообщаетъ начальнику игръ, и онъ распоряжается ихъ вводомъ. Они же на ходу, ударяя палками по щитамъ и учиня великій шумъ, кричатъ: тул, тул (лат. tolle! — прочь) и, все время крича, подходятъ къ царскому столу на нѣкоторомъ разстояніи, и тамъ слившись, обѣ части идутъ ширингами вокругъ него, одни наружнымъ рядомъ, другіе внутреннимъ, и исполнивъ это трижды, отходятъ и становятся на свои мѣста, Венеты налѣво, Прасины направо, съ прочими димотами, и вновь голосятъ готѣскіе стихи, при чемъ бандуры исполняютъ туземную мелодію (τὸ ὀργανὸν μέλος).“ Затѣмъ, въ отвѣтъ голосятъ Венеты и Прасины вирши греческія, славословя царя и царства; вновь Готѣы идутъ въ плясъ, и вновь архонты голосятъ акростихи, затѣмъ третья очередь готѣовъ и многолѣтіемъ димовъ заканчиваются игры. Стихи исключительно латинскіе, но въ крайне искаженныхъ формахъ и переданныхъ въ греческой передѣлкѣ, тоже съ

¹) Рус. Др. IV. рис. 135 Ср. соч. О фрескахъ Кіево-Софійскаго собора въ Зап. Рус. Археолог. О-ва. 1888 г., т. III.

²) Constantini Porphyrogeniti: De cerimoniis aulae byzantinae, I, 83; ed. Bonn. p. p. 381—386.

искаженіями: γαύζας — радуйтесь отъ gaudeo, βόνας βηκηδίας вмѣсто bonas vigiliis доброму пиршеству, gaudentes, bona ora, jubilares, съ крикомъ на, на, быть можетъ, имя божества, съ именемъ демона γυγγύβελε, криками tolle, retro и пр. Единственный интересъ всей вирши заключался бы въ томъ, если бы оказалась возможность сблизить заголовокъ вирши или первый кличъ gausas съ названіемъ колядной пѣсни подъ новый годъ въ Великороссіи — усень (авсень, баусень, таусень и пр.¹)...

Мало и только случайно доселѣ открывались варварскіе некрополи юго-восточной Россіи, памятники стоянокъ иранскихъ и урало-алтайскихъ народовъ, переходившихъ изъ Сибири черезъ Уралъ, поселявшихся на берегахъ Волги или спускавшихся къ Каспійскому и Азовскому морямъ, на привольныя для кочевниковъ степи. Конечно, здѣсь доселѣ еще цѣлы монументальныя руины Великихъ Болгаръ въ селѣ Успенскомъ, но эти руины нуждаются еще въ систематическихъ раскопкахъ, которыя разъяснили бы намъ мало понятные рассказы Ибнъ-Фоцлана о Руссахъ, будто бы обитавшихъ по Волгѣ. Близъ Елабуги, при соединеніи рѣкъ Тоймы и Камы, открытъ былъ съ 1856 г. Ананьинскій могильникъ, обширный некрополь племенной стоянки, давшій большой подборъ предметовъ личнаго убора, равно посуды, желѣзныхъ и каменныхъ орудій. Сибирскіе топоры и бронзовые кельты, кинжалы желѣзные, но съ бронзовою рукоятью, бронзовыя кирки съ концомъ въ формѣ головы кабана, бляшки въ видѣ головы барана и равно обильныя украшенія въ видѣ птичьей головы, въ формѣ лошадиного согнутаго тѣла, близко напоминаютъ извѣстныя намъ „сибирскія древности“...

Древности Кавказа,² или, точнѣе, обширнаго предгорья Кавказскаго хребта въ видѣ громадной равнины среди Чернаго и Каспійскаго морей, относятся къ древностямъ Европы, и народы, наполнявшіе это предгорье, съ начала среднихъ вѣковъ и принадлежавшіе или къ иранскимъ расамъ, или къ тюркскимъ, принесли съ собою сюда характерную восточную культуру, нынѣ изучаемую во множествѣ курганныхъ и могильныхъ находокъ. Древности эти, съ одной стороны, стоятъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ закаспійскими,

Варварскіе некрополи Россіи. Ананьинскій могильникъ.

Кавказскія древности.

¹) А. Н. Веселовскій въ своемъ изслѣдованіи колядь (Розысканія рус. дух. стиха, 1883) стр. 107, думаетъ, что названіе усень образовалось изъ пѣсеннаго припѣва: да-ту-усень, но не указываетъ на готѣское начало. [Того же автора см.: Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи, Журн. Мин. Нар. Просв., 1885 сентябрь (т. 241), стр. 1—18.]

²) Литература по археологіи Кавказа, начиная съ Путешествій академикомъ Клапрота, Бэра, Палласа 1793—4 гг., Дюбуа де Монпэрѣ, далѣе Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, Рейнеггса и Гана, атласа Шантра, позднѣе сосредоточилась на двухъ специальныхъ изданіяхъ: этнографіи или фольклора и записокъ по раскопкамъ. Вс. Миллера. Осетинскіе этюды, Матеріалы по археологіи Кавказа изд. М. Арх. Общ. Русскія древности, III, 96—135. Число раскопокъ и могильниковъ съ 1890 г. почти удвоилось. [См. указанія на литературу о кавказскихъ древностяхъ въ статьѣ А. П. Калитинскаго: Изъ исторіи фибулы на Кавказѣ, Recueil — Kondakov, стр. 40—42].

какъ то показываетъ, напримѣръ, замѣчательное сходство погребального клада Аму-Дарьинскаго (въ Британскомъ музеѣ) съ Новочеркасскими и варварскими находками восточной Россіи и даже Германіи, такъ и съ древностями Донской области, каковы, напримѣръ, Новочеркасскій кладъ. Возможно, что въ будущемъ умноженіе археологическихъ фактовъ дастъ возможность открыть племенные особенности въ этихъ памятникахъ быта и искусства разнообразныхъ народностей и различить древности Гунновъ и Алановъ отъ Аорсовъ и Готовъ, но въ настоящее время едва можемъ достигнуть хронологическаго анализа, руководясь стилемъ, техникою и общимъ художественнымъ движеніемъ.

Не будемъ говорить о звѣриныхъ формахъ, столь обильныхъ въ погребальной утвари древнѣйшей эпохи Кавказскихъ памятниковъ и заключающихся, главнымъ образомъ, въ золотыхъ издѣліяхъ и въ курганныхъ находкахъ по преимуществу. Эти древности находятъ себѣ иное мѣсто въ области древнѣйшаго греческаго искусства и служатъ предметомъ соответствующаго анализа.¹ Лишь когда эта античная основа восточнаго звѣринаго стиля будетъ изслѣдована въ ея историческомъ развитіи, возможно станетъ разбирать ея развѣтвленія во множествѣ находокъ и типовъ среди древностей мелкихъ некрополей Кубанской и Терской областей и, слѣдовательно, установить связь этой переходной ступени съ позднѣйшею средневѣковою формациею звѣринаго стиля. Мы видимъ въ эту переходную эпоху по преимуществу античные типы фигурокъ и головъ быка, льва, оленя, и легко различаемъ греческую работу этихъ образцовъ.

Совершенно иные типы и формы иного стиля наблюдаемъ въ бронзовыхъ издѣліяхъ, извлеченныхъ въ массѣ изъ большихъ могильниковъ Кобани,² Камунты и Кабульты, по близости Владикавказа, возбуждавшихъ къ себѣ въ прошломъ вѣкъ живое вниманіе специалистовъ примитивной доисторической археологіи, усмотрѣвшихъ родство этихъ могильниковъ съ бронзовою эпохою Галльштатской культуры. На самомъ дѣлѣ, преобладаніе бронзовыхъ украшеній и оружія среди древностей Кобанскаго могильника должно быть объяснено работами послѣдовательныхъ мастерскихъ, принесшихъ съ собою вѣковой обычай, технику и старыя формы, и удержавшихъ это наслѣдіе въ теченіи столѣтій. Именно на Кавказѣ мы встрѣчаемъ въ ясныхъ формахъ это вѣковое наслѣдіе, продолжающее старину, какъ напримѣръ, въ производствѣ кожаныхъ издѣлій у Лезгинъ, оружія и бронзовой утвари въ мѣстечкѣ Кубачахъ, филиграни серебряною и такъ называемой насѣчки (инкрустация серебряною, оловяною проволокою по бронзѣ, желѣзу) въ Дагестанѣ и т. д. Вотъ почему древности Кобани близки и съ древностями сассанидской Персіи и находками на Дону (слобод.

¹) Въ новѣйшее время капитальное сочиненіе Б. В. Фармаковскаго: Архаическій періодъ въ Россіи. Матеріалы по археологіи Россіи № 34. 1916 г. Равно см. Отчеты. Имп. Арх. Ком. съ 1900 г.

²) Русскія древности, III, рис. 107—137.

Недвиговки), и византійскій писатель XV вѣка Халкокондилъ, хотя изъ старыхъ источниковъ, говоря о живущихъ на Кавказскомъ предгорьи Аланяхъ и Гуннахъ, знаетъ о христіанскомъ просвѣщеніи Аланъ, ихъ особомъ языкѣ и искусствѣ въ военномъ дѣлѣ: „они изъ мѣди изготовляютъ оружіе, называемое аланскимъ“.

Среди Кобанскихъ вещей обращаютъ особое вниманіе топорики и поясныя пряжки въ формѣ длинныхъ пластинокъ, гравированныхъ и насѣченныхъ изображениями рядовъ звѣрей: оленей, барсовъ, коней, птицъ, рыбъ, рѣдко человѣческихъ фигуръ, напримѣръ, героя, бьющагося съ семью змѣями — вѣроятно, мифологическій образъ. Звѣри представлены внѣ всякой концепціи, рядами или одинъ надъ другимъ, стало-быть, въ древневосточной естественной схемѣ, покойно стоящими или идущими, слѣдовательно, внѣ варварскаго преданія, идущаго съ С. В. Но пара конскихъ головъ становится здѣсь обычною эмблемою жилья кочевника, серегъ его женъ, излюбленною формою. Подобно тому, и печатки съ геммъ, найденныхъ въ Кобани и Камунтѣ, представляютъ работу мастеровъ, учившихся у Грековъ, и даютъ типы быковъ, оленей, барсовъ, также льва и грифа. Фигура коня, исключительно верхового, съ уздечкою на шеѣ, или оленя — любимый типъ поясныхъ пряжекъ, какъ любимая форма амулетовъ — бронзовыя подвѣски въ видѣ роговъ оленя, барана, козла. Столь же характерны для горныхъ ауловъ колокольцы или бубенцы изъ бронзы въ видѣ оленей, коней, для скота, пасущагося въ горахъ. Для того же скота дѣлались обереги (апотропѣи) въ видѣ нанизанныхъ на палки роговъ съ идольчикомъ наверху, къ которымъ опять же прикрѣплены бубенцы. Словомъ, кавказскіе могильники могли бы доставить этнографу наиболѣе обильную поживу по части всякихъ „обереговъ“ быта кочевого и земледѣльческаго, какъ и всякихъ видовъ производства ремесла и мастерства въ Осетіи (др. Аланіи или Албани), Кабардѣ, Чечнѣ, Хевсуріи.¹ Любопытно и опредѣленно обиліе греко-римскихъ предметовъ убора и оружія въ Мцхетѣ, т. е. на главномъ пути римскаго вліянія, и въ противоположность этому могильнику, находки въ Чми и Хевсуріи, частью напоминаютъ образцы сибирскихъ древностей. Между тѣмъ, нельзя забывать и того, что среди находокъ Кобани, Камунты и пр. встрѣчаются монеты сассанидскія и византійскія...

Связи Кавказскаго предгорья съ Донскою областью и Крымомъ черезъ Кубань столь ясны въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, что прямо не нуждаются въ утверженіи, тѣмъ болѣе, что историческая связь этихъ мѣстностей указывается даже политическими историками,² и какъ

¹) Рус. Др. III, рис. 138, 148.

²) См. Прокопія. De bello Gothico, IV, 4 и 5; Ed. Vonn, p. p. 475, 478—81, о раздѣлѣ Крыма и Донской области между Готами и Гуннами и о присылкѣ первыми пословъ въ Византію, съ цѣлью найти помощь противъ Гунновъ, но подъ предлогомъ нужды въ епископѣ. [Ср. А. А. Васильевъ: Готы въ Крыму, Изв. Росс. Акад. Ист. Мат. Культ., т. I 1921, стр. 308—309].

разъ въ эпоху передвиженій народовъ, столь беспокоившихъ Византию, изъ-за ея нуждъ въ хлѣбѣ, соли и пр., получавшихся черезъ Херсонъ. Отсюда, и въ этой археологической области изслѣдованіе встрѣчаетъ тоже затрудненіе въ вопросѣ о національности древностей, принадлежавшихъ столь различнымъ народностямъ, какъ на примѣръ, Готы и Гунны, тѣмъ болѣе, что, какъ нынѣ окончательно доказано, Готы, поселившіеся въ южной Россіи и дѣлавшіе отсюда морскіе набѣги на Византию, настолько усвоили себѣ культурныя формы, принесенныя съ Востока другими племенами, что затѣмъ унесли съ собою и предметы этой культуры въ личныхъ уборахъ, и мастерскія, ихъ производившія, далеко на Западъ. Однако, выказываемое явно шовинистическое желаніе относить къ Готамъ всѣ древности южной Россіи отъ эпохи переселенія народовъ должно быть введено въ границы, тѣмъ болѣе, что если о набѣгахъ Готовъ историки много говорятъ, какъ о явленіяхъ, столь же тревожныхъ въ свое время, какъ походы Норманновъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это племя, по своемъ раздѣленіи на нѣсколько вѣтвей, было очень многочисленно, и чтобы позволительно было относить къ готамъ всѣ предметы съ стеклянной инкрустаціею и т. п.¹...

Древности Донской области. Новочеркасскій кладъ.

По счастью, въ средѣ драгоценныхъ по древности, художественному типу и также по своему матеріалу (золоту) находокъ Донской области, составляющихъ собственно одну нераздѣльную группу, связанную однимъ содержаніемъ и тождественнымъ стилемъ, мы имѣемъ одинъ богатый погребальный уборъ,² добытый близъ Новочеркасска, въ курганѣ, въ 1864 году. Этотъ уборъ, по подбору вещей, относится, во-первыхъ, къ женскимъ, а, во-вторыхъ, къ „царскимъ“ или „ханскимъ“ и, помимо предметовъ, принадлежавшихъ покойницѣ и съ нею положенныхъ, содержитъ нѣсколько предметовъ, явно исполненныхъ ad hoc, передъ самымъ погребеніемъ и потому сравнительно наскоро и поверхностно. Такова, на примѣръ, женская діадема или вѣнецъ, въ которой сама золотая повязка расширена втрое противъ обычной узенькой золотой тесьмы³ и украшена въ начельи рѣзнымъ въ халцедонѣ бюстомъ римской императрицы, на головѣ которой укрѣпленъ въ золотомъ вѣнкѣ гранатъ: вещь взята изъ запаса рѣдкостей художества, что само по себѣ уже отличаетъ мастера отъ его сибирскихъ товарищей (рис. 30). Но затѣмъ и репья рясенъ, или подвѣсокъ по волосамъ вокругъ, — греческаго антика и наборъ камней въ гнѣздахъ, какъ и золотая статуэтка Эрота со свирѣлью, относятся къ новымъ

¹) См. по этому вопросу Рус. Др. III, 144—147.

²) Въ силу случайнаго открытія въ курганѣ, и въ виду богатства предметовъ, уборъ названъ былъ кладомъ.

³) Такая золотая тесьма въ ширину лба, выложенная разноцвѣтными инкрустаціями и снабженная цѣпочкою, которою она удерживается на головѣ, изъ вещей покойницы, имѣется въ кладѣ. Тесьма повторяется многими металлическими имитаціями въ народныхъ древностяхъ русскихъ, балканскихъ и общеславянскихъ.

условіямъ туземнаго мастерства, оказавшагося въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ греко-римскимъ искусствомъ черноморскихъ колоній. Однако, это нисколько не измѣнило и не обезличило туземное мастерство, занявшееся по своему украшеніямъ римскихъ діадемъ, гривенъ, флаконовъ, дамскихъ коробочекъ, браслетовъ, футляровъ и пр. Все оказалось украшено на манеръ старозавѣтнаго быта и его преданій, вынесенныхъ изъ глубины Сибири и только освѣженныхъ новою модою кочевья южно-русскаго, съ его новою обстановкою и отчасти новыми вкусами.

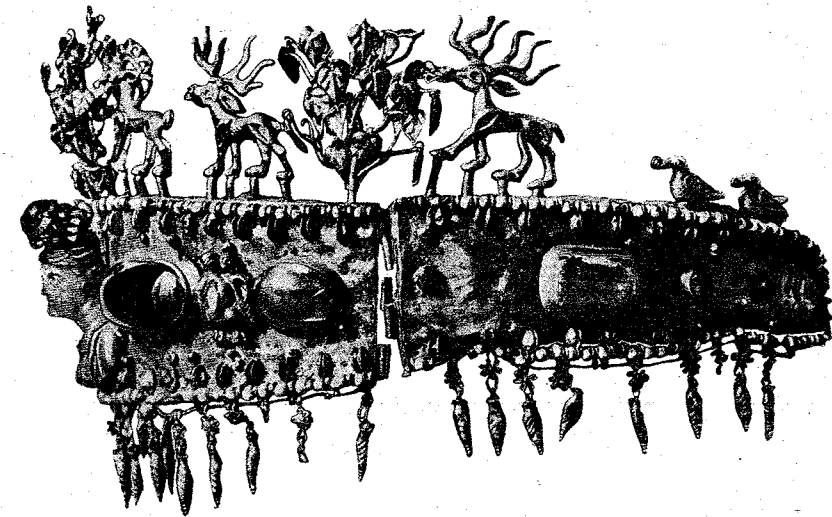

Рис. 30. Діадема новочеркаскаго кладъ.

Начнемъ эту краткую характеристику съ діадемы: по ея вѣнцу припаяны въ гнѣздахъ гранаты и аметисты, а межъ ними маленькіе орлы, ясно съ цѣлю указать образами хищной птицы на вѣнецъ державный, и то же самое показуется бюстомъ императрицы. Но дальнѣйшее украшеніе носитъ уже полуварварскій, полувосточный характеръ. Прежде всего, по низу прикрѣпленъ поясъ жемчужинъ изъ золота и проволока съ подвѣшеннымъ вокругъ всей головы пояскомъ рясенъ, изъ золотыхъ имитацій прядей, завитыхъ и образующихъ своего рода бахрому. Поверхъ вѣнца и также вокругъ его въ отдѣльныхъ фигуркахъ, посаженныхъ на шпеньки, представленъ рядъ сѣверныхъ оленей и монгольскихъ аргаловъ, мирно питающихся листьями азіатскаго саксагала. Растеніе это повторено трижды и возможно, что оно назначено напоминать восточное сакральное представленіе звѣрей парами, питающихся листьями „древа жизни“. Ибо безконечныя повторенія этой послѣдней эмблемы въ варварскихъ древностяхъ не могутъ быть объяснены только декоративною стороною, но и религіознымъ смысломъ самой эмблемы, а связь съ загробными представленіями ясна и сама

по себѣ. При всей небрежности исполненія растений и фигурокъ, мастеръ, видимо, желалъ сохранить народный характеръ своего мастерства въ типахъ, въ раздѣлкѣ мускуловъ бирюзовыми вставками на лядвеяхъ, въ жизненныхъ движеніяхъ. На задней части діадемы вмѣсто оленей сдѣланы птички съ колечками въ клювѣ, на которыхъ висѣли золотыя же ягоды.

Вмѣсто ожерелья сдѣлана была здѣсь гривна изъ нѣсколькихъ согнутыхъ золотыхъ трубочекъ, поверхъ которыхъ въ два пояса напаяны ряды рельефныхъ грифовъ, какъ бы ползущихъ густымъ стадомъ, цапая землю когтистыми лапами и чередующихся съ иными звѣрями. Манера изображенія кучи звѣрей, конечно, грубая и варварская, но не лишена характерности. Мастера и заказчика интересуетъ именно сила звѣря, его животненныхъ порывовъ, и на подобныхъ же браслетахъ представлены львы и имъ подобные хищники, неистово грызущіе другъ друга, прилегли на землю. Еще своеобразнѣе подобная орнаментация тѣлами звѣрей, какъ бы ползущихъ по предмету, его охватывающихъ, черезъ него перегибающихся, иногда же бѣгающихъ какъ бы вокругъ одного пункта, на такихъ вещахъ, какъ флаконъ для духовъ — по немъ бѣгутъ зайцы, барсъ и олень, или корбочка, на которой тигръ и орелъ пожираютъ оленя. По южно-русскому обычаю, покровъ былъ украшенъ наборомъ бляшекъ также въ видѣ оленей, и это обиліе должно было, очевидно, напоминать былую родину и сулить родственникамъ умершаго его возвращеніе къ завѣтнымъ пажитямъ и стадамъ. Вся звѣриная и какъ бы натужная орнаментация, забывающая о формѣ и практическомъ назначеніи предмета, извѣстная намъ въ искусствѣ Китая, Индіи и Японіи, явно идетъ отъ исходнаго пункта восточно-варварскаго искусства, привитого въ этихъ странахъ путемъ завоеваній или, точнѣе, захватовъ власти вторженіемъ колоссальныхъ ордъ...

Несомнѣнно, наиболѣе раннимъ явленіемъ зародившагося звѣринаго стиля были и должны были стать первые фазисы прививокъ варварскаго вкуса къ основнымъ культурамъ Востока, какъ то: Китая, Японіи и Индіи, на что соотвѣтственныя указанія и были уже даны при разсмотрѣннн стилистическихъ особенностей варварскихъ древностей и кочевниковъ. Но эта тема столь обширна и настолько удалила бы отъ нашей задачи изслѣдованія и обзора собственно звѣринаго стиля Европы, что она не можетъ быть здѣсь затронута. Вмѣсто того важно, однако, указать, что въ этой средѣ восточныхъ культуръ находилась и доселѣ состоитъ культура Восточнаго Туркестана, или Центральной Азіи въ широкомъ смыслѣ, тѣсно связанная, въ свою очередь, съ искусствомъ Индо-Скиѳии въ первыхъ вѣкахъ по Р. Хр.

Въ Кашгарѣ изслѣдованія германскихъ экспедицій Грюнведеля, Ле Кока, французскихъ — Пелліо, английскихъ — Штейна и русской экспедиціи акад. С. Ѳ. Ольденбурга открыли въ некрополяхъ Турфана, въ оазисахъ, ряды росписей, относящихся къ раннему восточному средневѣковью, начиная, быть можетъ, еще съ III—IV в. по Р. Хр. По опредѣленію Грюнведеля, наиболѣе раннія росписи еще примыкаютъ къ тому эллинистическому искусству, ко-

торое перешло нѣкогда въ древности въ Ср. Азію и Идію и составило періодъ стиля Гандара. Послѣдующій за нимъ индо-скиѳскій стиль, являющійся въ росписяхъ пещерныхъ храмовъ и открытыхъ моленныхъ (Минг-эй, Кизил) — въ изображеніяхъ жизни Гаутамы Будды, а затѣмъ мѣстный туркестанскій стиль съ чертами китайскаго искусства и его типовъ и быта, создали въ предѣлахъ Турфана блестящій рядъ расписанныхъ молеленъ и храмиковъ, съ небывалымъ въ лѣтописяхъ искусства, богатствомъ и роскошью красокъ, чарующихъ самыми нѣжными тонами, блѣдно-голубыми, бирюзовыми на палевыхъ фонахъ и золотой потали. Все это дало для дальнѣйшей восточной орнаментики образцы, перенятые ковровымъ мастерствомъ и ткацкимъ дѣломъ. Именно здѣсь, помимо религиозныхъ сценъ и мистическихъ представленій, мы находимъ, среди растительныхъ разводовъ бѣга гепардовъ за газелями, сады и цвѣтники среди горъ, съ озерками, источниками, бассейнами и фонтанами, наполненные рѣдкими птицами, слонами, медвѣдями, ищущими медовыхъ сотовъ въ лѣсу. Видѣнія сказочныхъ парадизовъ представляютъ здѣсь, вмѣстѣ съ рядомъ буддійскихъ легендъ, демоническихъ и волшебныхъ образовъ, также и охоту на гиппопотамовъ. Укажемъ, наконецъ, на скульптурные надвратные фризы буддійскихъ ступъ, со временъ Асоки (ступа въ Саччи), украшавшіяся рядами слоновъ, барановъ, козловъ и козъ, волшебныхъ драконовъ о 7 головахъ и пр., которые явно вспоминаютъ исконные вкусы кочевниковъ, создавшихъ царство въ Индіи...

Древности Венгрии уже въ раннемъ отдѣлѣ, по изданію Юсифа Гампеля¹ во II-й группѣ, даютъ уже совершенно ясныя имитаціи древностей сибирскихъ. Таковы поясныя пряжки, извлеченныя изъ некрополя Орда (Комитата Пешта), съ отлитыми, по стародавней формѣ, фигурами двухъ улегшихся звѣрей съ судорожно подобранными подъ себя ногами и когтями. Мы находимъ здѣсь какъ разъ то же напряженіе, то же сжатіе фигуры, какъ будто втиснутой въ узкую раму, и напряженіе звѣрей какъ будто повторяется даже въ орнаментальныхъ разводахъ (рис. 31).² Между тѣмъ этотъ отдѣлъ слѣдуетъ непосредственно за эллинистическими вазами, относящимися еще къ IV—V вѣкамъ. Правда, затѣмъ одновременныя находки множества комитатовъ Венгрии повторяютъ, вмѣстѣ съ меровингскими и лангобардскими некрополями, типъ грифа, также прилегшаго, рогатаго, съ крючковатымъ хвостомъ.³ Но наряду съ этимъ прямо античнымъ типомъ грифа, некрополи Keszthely даютъ чрезвычайно „варварскіе“ типы двухъ прилегшихъ медвѣдей съ длинными когтями ихъ лапъ, перевернувшимися тѣлами повер-

Древности
Венгрии.

¹) J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn III 1905, Атласъ табл. 80. Любопытная пряжка Больш. Шурани (Nagy-Surány), табл. 74. [См. также: Fettich Nándor: Az avarkori műipar Magyarországon (Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn). Archaeologia Hungarica. I. Budapest.]

²) [См.: F. Fettich, Die Tierkampfszene in der Nomadenkunst; in.: Recueil — Kondakov, p. p. 81—92, pl. IX—XIV.]

³) Табл. 96—7, 104, 112, 126, 134, 142, 154 (Keszthely и др.).

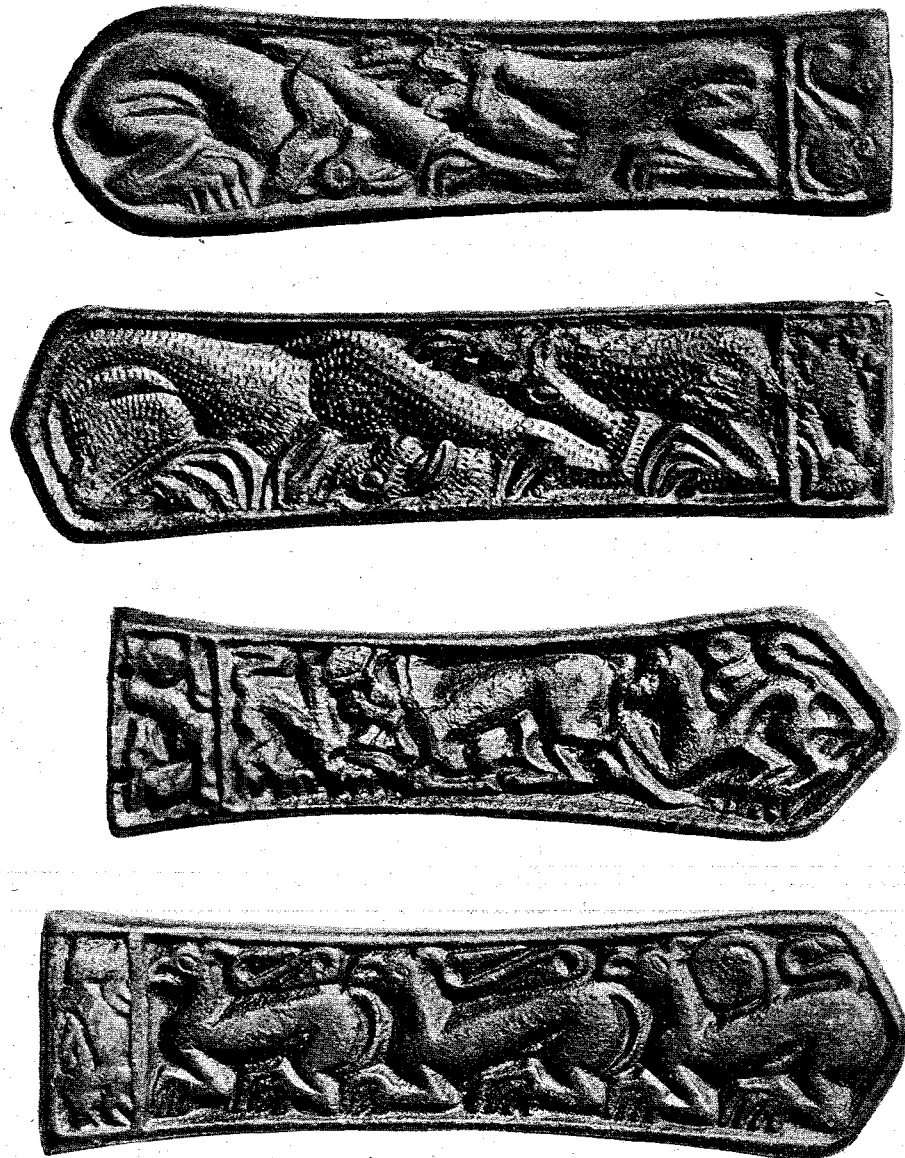

Рис. 31. Наконечники ремней из Венгрии.

женного звѣря или даже сдавленными фигурами грифа, барана и зайца. Тѣмъ рѣшительнѣе выступаетъ, наконецъ, въ той 3-ей группѣ, къ которой относится уже знаменитый кладъ С. Миклоша, о которомъ, въ связи съ древностями Болгаръ и Венгровъ, идетъ рѣчь особо, характерная орнаментика пришедшихъ съ Востока кочевниковъ и связаннаго съ ними звѣринаго стиля.

Здѣсь наряду съ золотыми византійскими монетами VII—VIII стол. (Фоки и др.) мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, украшенія византійскихъ типовъ, какъ то показываетъ обиліе имитированнаго крупнаго жемчуга въ серьгахъ и пряжкахъ (рис. 33), обнизяхъ,¹ во-вторыхъ, появленіе арабскихъ плетеній или ара-

Рис. 32. Наконечникъ ремня изъ Венгрии (Mindszent).

бесковъ на пряжкахъ, какъ бы гравированныхъ, сложныхъ и тонкихъ,² и, наконецъ, тотъ замѣчательный кладъ С. Миклоша, который требуетъ особаго мѣста въ нашемъ обзорѣ и вмѣстѣ открываетъ новую орнаментальную форму, господствующую въ группѣ 4-ой (и послѣдней). Эта форма является типомъ арабесокъ, заступающимъ мѣсто звѣринаго стиля въ восточной Европѣ и въ мусульманскихъ странахъ Азіи. Укажемъ лишь на характерную орнаментку плетеній изъ растительныхъ разводовъ въ формѣ ряда ромбовъ съ особою сложною пальметкою въ срединѣ, изъ Галгоша, окр. Нитры).³ Орнаментъ выполненъ чеканомъ и рѣзбою по гильошированному фону на кошеляхъ, носимыхъ на поясѣ, обычныхъ у кочевниковъ Сибири, Урала и Волги. Ранѣе, на примѣръ, эти кошели украшались металлическими бляшками въ видѣ лебедей, летящихъ рядами или плывущихъ гуськомъ. Здѣсь же среди ромба бываютъ и византійскіе кресоны⁴ или роскошные флероны (коническій верхъ шапки изъ серебра?)⁵...

Послѣ черниговскаго рога,⁶ быть можетъ, слѣдовали бы тотчасъ приснопамятные два золотыхъ рога, найденные въ Галлеусѣ въ Шлезвигѣ, но выкраденные изъ Королевской Кунсткамеры въ Копенгагенѣ въ 1802 г., и тотчасъ перелитые, съ чеканными и рѣзными изображеніями, оставшимися безъ объясненія. Въ дополненіяхъ къ древностямъ Венгрии, извлеченнымъ изъ могильниковъ и кургановъ, Юсифъ Гампель издалъ три любопытныхъ оліфанта или рога изъ слоновой кости, одинъ найденный тамъ въ Jász-Berény (ком. Jász-Kun-Kis-Szolnok), другіе сохраненные въ ризницѣ собора Св. Вита въ Прагѣ.⁷ Но собственно только первый представляетъ намъ хотя бы слабый образецъ древнихъ, по преданіямъ, великолѣпныхъ оліфантовъ, временъ Карла Великаго и его сподвиж-

„Оліфанты.“

¹) Табл. 263—4.

²) Табл. 270—272, 278, 280.

³) Табл. 338.

⁴) Табл. 360.

⁵) Табл. 400, 403, 416.

⁶) [Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, т. I СПб. 1896, стр. 14—17, рис. 2—4; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія древности, в. V, стр. 14—17, рис. 10—15.]

⁷) H a m p e l, Alterthümer der frühen Mittelalters in Ungarn, III Atlas, 1905 taf. 532—5. и 536—7.

никовъ. Увлекаемые воинскимъ паѳосомъ эпическихъ сказаній и поэмъ мы напрасно будемъ ожидать высокихъ темъ и художественныхъ замысловъ отъ подобныхъ предметовъ завѣтной утвари древняго рыцарства. Поясокъ на концѣ перваго, наиболѣе замѣчательнаго, даетъ въ кружкахъ разводъ рядъ обычныхъ темъ: геральдическаго орла, кентавра, пѣтуха, акробата, подносящаго ногу къ своему лицу, льва. Затѣмъ вокругъ рога идетъ поле сложной охотничьей сцены, начинающейся отъ замка (зубчатой стѣны), изъ котораго выѣзжаетъ на охоту владѣлецъ, а впереди бѣгутъ охотники (съ трещетками), выгоняющіе оленя, ручной орелъ уже на немъ, а далѣе ловчій рогатиною пронзаетъ пасть льва. Далѣе, представлены два дерущіеся кентавра, пара пѣтуховъ и два борца (только въ препоясаніяхъ) съ мечами и щитками, вновь два кентавра, пара грифовъ по сторонамъ орла, и, наконецъ, внизу хороводъ плясунуновъ, воинскій танецъ, ряженный въ восточномъ халатѣ, борцы, семья акробатовъ, исполняющіе лѣстницу люди и гусярь. Олифантъ можетъ относиться къ XII—XIII стол., но не даетъ вовсе сценъ византійскаго ипподрома.

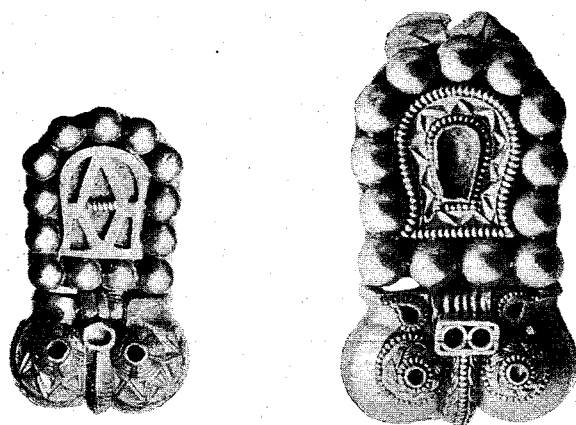

Рис. 33. Золотыя накладки на ремень изъ Венгріи.

Второй олифантъ уже чисто западнаго сочиненія, кромѣ орнаментальныхъ поясковъ, украшенный только наверху сценою коннаго выѣзда изъ замка. Третій представляетъ подобныя же выѣзды колесницъ и возвращеніе въ замокъ четверни, въ двухъ поясахъ, а по краямъ вновь орнаментальныя полосы съ кружками, и въ нихъ грифы, терзающіе лань, львы, охотники на коняхъ.

Помимо того, извѣстны болѣе или менѣе, нѣкоторые же изданы, рога: 1. Берлинскаго Музея — два рога, съ охотою на льва, оленя и медвѣдя; 2. Музея въ Анжерѣ, на льва; 3. Кенсингтонскаго Музея, съ изображеніями охоты на оленя, колесничниковъ; 4. Въ соборѣ Аахена, рогъ называемый Карла Великаго, изданный Фр. Бокомъ,¹ съ охотою на оленя; 5. Въ Гильдесгеймѣ; 6. Въ Вѣнскомъ Ист. Музеѣ; 7. Изъ колл. Базилевскаго въ Спб. Эрмитажѣ²; 8. Въ Луврѣ, восточной работы, XI вѣка,³ съ баснословными

¹) *Mittelälterliche Denkmäler d. Oesterreich. Kaiser-Staats* 1860.

²) [См.: А. Н. Кубе: Резная кость. Каталог. Государственный Эрмитаж. 1925, стр. 31, п^о 44].

³) Изд. Schlumberger, *Eporée*, II, 115.

звѣрями; 9. Въ Брюсселѣ; 10. Въ Тулузѣ; 11. Въ Кенсингтонскомъ Музеѣ, изъ собр. кн. Салтыкова, съ 30 звѣрями въ кругахъ; 12. Въ частныхъ собраніяхъ Штетцера-Шенгрея, въ Копенгагенскомъ Музеѣ и пр.¹

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ II ОЧЕРКУ²

Къ западу не существовало также рѣзкой границы между азіатскимъ, по мнѣнію древнихъ, Таманскимъ полуостровомъ и европейскимъ — Керченскимъ. Раздѣляющій ихъ проливъ, по узости и мелководью его съ одной стороны и по замерзанію съ другой, не составлялъ преграды не только для цивилизованныхъ народовъ Грековъ, Римлянъ, Византійцевъ, Турокъ и др., владѣвшихъ всегда обоими берегами его и обоими, весьма похожими одинъ на другой, полуостровами, но даже и для кочевыхъ варваровъ, стоитъ лишь вспомнить замѣчаніе Геродота (IV. 28), что „по льду Скиѣи ходятъ въ походы и перевозятъ повозки на другой берегъ къ Синдамъ“, и мифическое сказаніе о переходѣ чрезъ Меотиду Гунновъ, которымъ показала путь чрезъ проливъ во время мелководья лань, которую они преслѣдовали.

Понятны по этому и многія черты сходства между древностями Кавказа и Крыма, во многомъ представляющаго его миниатюрное подобіе.

Крымскія древности Керченскаго музея, относящіяся къ первымъ вѣкамъ Древности Крыма. по Р. Х., по тождеству формы, манеры и того употребленія, для котораго онѣ предназначались, весьма близко примыкаютъ къ древностямъ Кавказа. Послѣ узды съ накладкою³ мы имѣемъ тутъ рядъ бронзовыхъ позолоченныхъ пуговицъ, гладкихъ и рубчатыхъ, съ серебряными буколками въ родѣ жемчуга, съ сердоликами, гранатами и проч., топазовыя и гранатовыя пуговицы и пуговицы, бронзовые браслеты и колечки, серебряныя витыя колечки съ львиными головами, четыре пары фибулъ въ формѣ арбалета, такой же формы двѣ пары рѣзныхъ фибулъ съ птицами, овальную брошь-фибулу съ тончайшею рѣзью, рядъ серебряныхъ и бронзовыхъ пряжекъ съ рѣзью меровингскаго типа, маленькихъ пряжекъ съ гвоздиками для ремней, изъ коихъ нѣкоторыя украшены вставными гранатами

¹) [Къ этой группѣ примыкаетъ нѣсколько иной по своему характеру и западнаго происхожденія памятникъ, именно лосиный рогъ Эрмитажа; см. А. Н. Кубе: Лосиный рогъ IX века, въ: *Seminarium Kondakovianum* I, 1927, стр. 111—113; его же, Резная кость. Каталог, стр. 31, п^о 43.]

²) [Къ рукописи II очерка были приложены слѣдующія замѣтки на отдѣльныхъ листкахъ.]

³) См. Р. Др., в. II, рис. 137.

и красными стеклами, рядъ булавокъ съ гранатиками, золотыхъ треугольниковъ причудливой формы, бронзовыхъ колокольцевъ и большихъ колоколовъ и проч.

Большій подборъ фибулъ т. н. меровингскаго типа изъ окрестностей Керчи находится въ Эрмитажѣ, тутъ есть и такъ называемыя „перстатыя“ (digitées) фибулы, и фибулы, украшенныя птичьими головами, и со вставками изъ краснаго стекла и камней, и золотыя вещи со вставными гранатами, изъ которыхъ особенно выдается флакончикъ изъ гробницы царицы въ золотой маскѣ.¹

Тѣ же варварскія фибулы и иныя бронзовыя украшенія находятся и въ историческомъ музеѣ изъ раскопокъ Филимонова въ Керчи и Θεодосіи и изъ другихъ мѣстъ южнаго берега Крыма. Тѣ же типы находятся и на сѣверномъ склонѣ Крымскихъ горъ...

Древности
Великихъ
Болгарь.

Изъ Вел. Болгарь, развалины которыхъ сохранились въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губ., кромѣ архитектурныхъ деталей и болѣе крупныхъ находокъ, въ родѣ сосудовъ, мѣдныхъ котелковъ и пр., происходитъ нѣсколько замѣчательныхъ кладовъ (?), составленныхъ изъ предметовъ мужскаго и женскаго убора. Иные изъ этихъ кладовъ были находимы на мѣстѣ самихъ развалинъ, другіе по близости, но обстоятельства находки тѣхъ и другихъ обыкновенно неизвѣстны или смутны, такъ что нельзя рѣшить, откуда вещи происходятъ.

Одинъ кладъ былъ найденъ въ селѣ Косяковѣ, близъ м. Вел. Болгарь, (упомянутъ въ Рус. Вѣд. 1809, № 77) и поступилъ въ Имп. Эрмитажъ: кладъ содержалъ въ себѣ 48 сер: слитковъ, всего 7 фунтовъ вѣсу, и одну куфическую монету. Въ кладѣ было, затѣмъ, 3 большихъ и два малыхъ серебряныхъ браслета, скрученныхъ въ видѣ густого плетения ремней изъ толстыхъ дровъ; по концамъ большихъ браслетовъ по гнѣзду съ сердоликомъ. Пара золотыхъ серегъ изъ проволоки съ насаженными на нее тремя желудями (на среднемъ есть дужки для цѣпочекъ съ подвѣшенными репейками) подтверждаетъ, что мы имѣемъ передъ собою одинъ уборъ (изъ гробницы?). И потому другую пару серегъ бѣльшаго размѣра (0.47 м.) мы не должны считать собственно принадлежностью этого убора. Но къ убору (мужескому?) относится большая серьга изъ золота, имѣющая 0.051 въ поперечникѣ, и заполненная въ кругу тремя большими желудями и укрѣпленную въ срединѣ круга между нихъ фигурою птицы; къ нижнему желудю на цѣпяхъ привѣшены пара желудей. Все это густо покрыто бисеромъ обмотано тонкою сканью, тѣло птицы, голова, крылья и пр. выдѣланы при помощи той же скани, и къ нему подвѣшены золотыя жемчужинки, а одна, ообразая лодку, виситъ изъ клюва, держащаго другую ягоду или зерно. Далѣе идутъ монисто, частью состоящее изъ золотыхъ желудей, частью изъ тонкихъ круглыхъ бляшекъ, съ золотою жемчужин-

¹) См. Р. Др., в. I, стр. 66; в. II, р. 134.

кою въ срединѣ, на цѣпочкѣ. Три серебряныхъ перстня, изъ которыхъ два орнаментированы зернью, а одинъ съ гладкою шести-угольною печаткою украшенъ рѣзьбою въ видѣ пальметки и разводовъ по фону, наведенному чернью. И наконецъ, коробочка или капторга (0.065 м.), для храненія талисмана, покрытая рѣзными и наведенными чернью орнаментами, въ видѣ крайне грубыхъ схемъ акантоваго листка и цвѣтка въ поздне-арабской передачѣ; въ срединѣ арабскія буквы молитвы.¹

Какъ однообразенъ и бѣденъ типами и орнаментами стиль древностей изъ Вел. Болгарь, можно судить по сравненію этого клада съ находками въ развалинахъ...²

¹) В. К. Савельевъ: О кладахъ въ развалинахъ Болгарь, въ Трудахъ I Археологическаго съѣзда II, 494.

²) А. Ф. Лихачевъ: Бытовые памятники Великой Булгаріи, 1876, табл. VII, 2, VIII, 1, 2, 11, 18.

III

ДРЕВНОСТИ БОЛГАРИИ¹

1.

Древности
Болгарии
(могильные).

Несомненно, къ варварской заносной культурѣ должно отнести погребальные уборы изъ серебра и бронзы, найденные въ могилахъ около Брѣзова въ 1897 г. и Панагюрища въ 1903 г. въ Болгаріи и находящіяся нынѣ въ Софійскомъ музеѣ. Предметы этихъ гробницъ опредѣлены въ цѣломъ по оказавшимся среди нихъ прекраснымъ фаларамъ и особенно по драгоценнымъ римскимъ (по нашему мнѣнію II—I стол. до Р. Хр.) бронзовымъ сосудамъ къ IV—III стол. до Р. Хр., но, ради встрѣченныхъ въ той же средѣ ряда грубыхъ варварскихъ вещей (конскаго убора по преимуществу), отнесены къ древностямъ „эракійскимъ.“² Мы не будемъ ни оспаривать, ни подтверждать догадку о народности, которой принадлежали эти вещи, такъ какъ по вышеуказаннымъ причинамъ не видимъ пока никакой возможности

¹) [Настоящій (III) очеркъ о древностяхъ Болгаріи составленъ изъ: 1) отдѣльныхъ отрывковъ предыдущаго (II) очерка объ искусствѣ средневѣковыхъ варваровъ въ Европѣ, и 2) спеціального очерка (VI), имъ посвященнаго. Сдѣлано это какъ съ цѣлью соединенія всего матеріала, относящагося къ данной темѣ въ одно для удобства пользованія имъ, такъ и потому, что листки рукописи автора своей первоначальной послѣдовательности не сохранили, часто представляютъ лишь разновременныя черновыя записи сужденій (иногда другъ другу противорѣчащихъ) на ту или иную тему, наконецъ отпечатлѣли два различныхъ плана изложенія, видимо, смѣнившихся послѣдовательно у автора. Во II очеркъ входили слѣдующіе отдѣлы: 1) Курганныя древности Болгаріи (Брѣзово-Панагюрище), 2) Мадарскій конникъ и рельефы Старой Загоры, 3) Рельефы Дренова и 2-я редація сужденія о рельефахъ Ст. Загоры, причѣмъ послѣдній представляетъ собой лишь небольшую черновую замѣтку на отдѣльномъ листкѣ. Позднѣе авторъ, видимо, рѣшилъ расширить свою задачу, что и повлекло выдѣленіе Древностей Болгаріи въ отдѣльный очеркъ. Послѣдній сохранился въ видѣ записи на машинкѣ подъ диктовку автора съ многочисленными помѣтками его рукой, не на всѣхъ однако листахъ. Въ виду того, что отдѣлъ древностей Болгаріи по первоначальному плану автора [входилъ въ составъ II очерка, и было признано возможнымъ измѣнить послѣдовательность очерковъ, т. е. поставить соединенный очеркъ на III-е мѣсто. Повторяющіяся сужденія или разсмотрѣнія памятниковъ приведены въ качествѣ варианта въ концѣ очерка. Отдѣлъ, не имѣющій своей параллели, какимъ является обзоръ курганныхъ древностей Болгаріи, поставленъ первымъ.]

²) Б. Филовъ. Паметници на тракийското изкуство. Изв. на Болгар. Арх. Друж. VI, 1919 г. 1—56, табл. I—III. То же изд. въ Mitth. d. D. Arch. Inst. Röm. Abt. 1917. [См. также статью М. И. Ростовцева, въ Resceil-Kondakov, стр. 243, 244 и пр. 1.]

научно ставить подобные вопросы. Но и отрицать принадлежность этихъ вещей варварамъ, какъ бы ихъ ни называли, также не представляется возможнымъ. Все дѣло обстоитъ въ томъ, что въ этихъ древностяхъ есть съ одной стороны, рядъ сборныхъ предметовъ убора и утвари, а весьма понятно, что между сборными могутъ быть всегда, а у варваровъ въ особенности, вещи старинныя, скупленныя или награбленныя, какъ то удостоверяется почти для всѣхъ варварскихъ погребеній. Затѣмъ, въ данномъ случаѣ, нельзя отрицать тождества многихъ предметовъ личного и конскаго убора, во-первыхъ, со скиѣскими или сарматскими южной Россіи, и, во-вторыхъ, съ сибирскими или также съ тѣми древностями варваровъ, которыя были найдены въ Венгрии и Германіи (кладъ Веттерсфельда, вещи разныхъ музеевъ). Однако, какъ мы увидимъ уже значительная часть рисунковъ звѣринаго стиля въ настоящихъ отличается отъ своихъ оригиналовъ и по выбору, и по формѣ и представляетъ новый кустарный пошибъ, который требуетъ опредѣлить, хотя приблизительно, какое разстояніе во времени можетъ отдѣлять ихъ отъ оригинала и, слѣдовательно, должно дать научное основаніе догадкамъ, какимъ народнымъ передвиженіямъ или броженіямъ можетъ быть приписана эта группа. Но и съ этой стороны вопроса, отнесеніе этихъ варварскихъ древностей къ позднеимской эпохѣ II—III вѣковъ послѣ Р. Хр. выигрываетъ въ исторической постановкѣ, такъ какъ существованіе „варварскихъ“ поселеній въ эту эпоху бывшей Эракіи указано для Готовъ и сарматовъ.¹

Должно сказать, что обѣ могилы были открыты случайно и ихъ погребальная обстановка разобрана по рукамъ, сохранена же и попала въ музей только часть, и то, главнымъ образомъ, вещи серебряныя, сильно окислившіяся, мѣстами разрушившіяся, и затѣмъ бронзовые предметы утвари. Изъ золотыхъ предметовъ обѣихъ гробницъ сохранился лишь золотой перстень съ изображеніемъ женщины, встрѣчающей конника поднятымъ ритонномъ въ рукѣ, въ знакъ привѣтствія, домашней радости, ожиданія веселыхъ пировъ, но и только, и, очевидно, ритонъ не можетъ указывать на погребеніе хана, владыки, вождя и т. под. Мы находимъ ритонъ въ скиѣскихъ древностяхъ южной Россіи, на бляшкахъ одеждѣ, въ рукахъ женщины, подходящей къ сидящему мужу съ ритонномъ въ рукѣ,² и, если на перстнѣ мужъ еще сидитъ на лошади, какъ кочевникъ, проводящій жизнь верхомъ, это не мѣняетъ дѣла, и принимать его, какъ знакъ владѣнія, нѣтъ причинъ.

¹) См. Veure Bull. de corr. hell. XXV. 168 199. Minns Ellis, Scythians and grecks. 118.

²) [Здѣсь повидимому вкралось недоразумѣніе; на бляшкахъ всюду мужчина пьетъ изъ ритона стоя передъ сидящей женщиной. Подобныя бляшки были найдены въ курганахъ Чертомлыцкомъ, Куль-оба, у с. Верхній Рогачикъ и т. д.. См.: Русск. Древн., II, рис. 95; Е. Н. Minns, fig. 45; М. И. Ростовцевъ: Представленіе о монархической власти въ Скиѣи и на Боспорѣ, Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи, в. 49, т. II, 4; и рисунки съ большихъ увеличеній П. К. Степановъ: Исторія русской одежды, в. I. Петроградъ, т. т. IX, XII.]

Равно, ритонъ въ рукахъ одного изъ двухъ конниковъ тоже можетъ указывать на союзнической пиръ, братское согласіе, не болѣе.¹ Помимо того, обѣ могилы производятъ, сравнительно, жалкое впечатлѣніе по набору убогихъ предметовъ личного и даже конскаго убора, какъ бы въ дополненіе къ немногимъ шегольскимъ предметамъ, но именно между убогими имѣемъ характерныя детали звѣринаго стиля. Въ Брѣзовской могилѣ есть выпуклыя греко-римскія бляшки, на которыхъ вычеканены, отлиты и даже дополнительно рѣзаны довольно тонкіе, восточнаго типа, головы грифоновъ (рис. 34), львиныя масочки, но есть и плоскія пластинки съ извернутыми тѣлами (грифоновъ?) коней (рис. 35), а также ихъ оконечности, какъ украшенія конскихъ уздѣ. Формы эти стоятъ въ очевидной исторической связи съ такъ

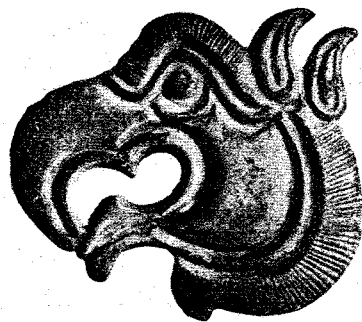

Рис. 34.
Голова грифона изъ Брѣзова.

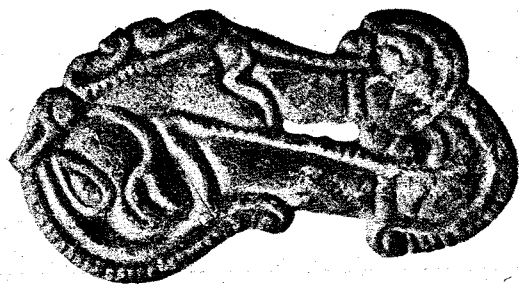

Рис. 35.
Пластинка изъ Брѣзова.

называемымъ скандинавскимъ орнаментомъ, но въ то же время даютъ только начальный періодъ, тѣсно примыкающій къ скиѣскимъ древностямъ южной Россіи. На иныхъ пластинкахъ выбиты по варварски увеличенные орнаменты сканнаго и филиграннаго мастерства и рядомъ съ ними найденъ бронзовый сосудъ тончайшей „помпеянкой“ техники.

Несравненно богаче и любопытнѣе находка могилы при Панагюрище, 1903 г., хотя также случайная и не разслѣдованная, съ конскимъ погребеніемъ. Изъ золотыхъ вещей убора, правда, уцѣлѣли лишь тонкія пластинки, или въ видѣ набитыхъ тонкихъ ленточекъ, или въ орнаментальной формѣ щитковъ, и бляшки съ головою Аполлона, монетнаго типа; должно сказать, что вычеканенные на серебрѣ головы Аполлона въ 6 пластинкахъ иного типа и времени; 2 пластинки листового серебра съ прекрасными въ кругу выпуклыми изображеніями Геркулеса, удушающаго льва. Всѣ эти предметы настолько маловажны въ вопросѣ о характеристикѣ находки, что хотя мы находимъ извѣстное преувеличеніе въ ихъ художественномъ

¹) Указ. ст. проф. Филова, стр. 5—6 и ст. проф. М. И. Ростовцева: Представленіе о монархической власти въ Скиѣи, въ Изв. Имп. Арх. Ком., 49 вып., стр. 1—62 и 133—140.

достоинствѣ и времени происхожденія, но считаемъ излишнимъ для нашего вопроса разборъ его. Напротивъ того, прочіе предметы погребальнаго убора, по формѣ напоминающіе фалары и т. п., предметы конскаго убора, относятся къ числу варварскихъ издѣлій. Большая пластинка изъ листового серебра, длиною 0,32 м. и въ ширину 0,6 м., вѣроятно конскій налобникъ, грубо раздѣлана четырьмя выбитыми фигурами: Геркулеса въ кафтанѣ, съ палицею въ рукахъ, держащаго сзади лѣвою рукою за гриву льва, ниже двухъ прыгающихъ грифовъ¹ и сирену съ птичьимъ тѣломъ, до ногъ, въ кафтанѣ, человѣческимъ торсомъ и лирою въ рукахъ. Все это исполнено съ полною беспомощностью, причѣмъ Геркулесъ и Сирена сдѣланы безъ оригиналовъ и только грифы, при всей грубости, напоминаютъ варварскіе типы. Круглыя пластинки (двѣ, родъ фаларовъ), съ подобіемъ жемчужной обниси вокругъ, украшены около умбона также фигурами звѣрей; на этотъ разъ мы видимъ здѣсь гепарда, которымъ травятъ носорога. Послѣдній представленъ со своимъ тяжелымъ и въ то же время неуклюже длиннымъ тѣломъ настолько точно, что самый рогъ его помѣщенъ вполне на мѣстѣ, звѣрь имѣетъ раздвоенныя копыта, характерную голову, маленькій завивающійся хвостъ и т. д. Эта фигура удостоверяетъ насъ окончательно въ томъ, что и на капители Ст. Загоры мы имѣемъ также сцену битвы грифа съ носорогомъ.

Итакъ, вещи кургановъ Панагюрище, Брѣзово (а также Бѣднякова, Радювене, съ бляшками тѣхъ же рисунковъ) нельзя относить къ IV—III в. до Р. Хр. и потому нельзя также именовать ихъ ѳракійскими, такъ какъ это имя указываетъ еще на „архаическій“ періодъ Балканскаго полуострова.² Съ другой стороны, нельзя и опредѣлить имя тѣхъ, явно, варварскихъ народностей, которыя, находясь въ общеніи съ варварами южнорусскихъ степей, получили отъ нихъ эти образцы: возможно, что это были Готы, но также возможно, что это были иныя племена. Мѣстность этихъ находокъ представляетъ плодородное „Пловдивское поле“, территорію южнѣ Среднихъ Балканъ. Византійскій историкъ Анастасій библ. (у Теофана, р. 42) сообщаетъ, что въ 450 г. сынъ Атилы покорилъ ѳракію, захвативъ Филиппополь.

Минцъ-кабинетъ Народнаго Музея въ Софіи владѣетъ обширнымъ собраніемъ варварскихъ имитаций серебряныхъ монетъ острова Ѳазоса и др., идущихъ по типамъ, отъ III в. до Р. Хр. до I-го и дающихъ много при-

¹) Между двумя грифами нѣтъ никакой разницы, но грубый чеканъ плохо передалъ у одного клювъ, и потому проф. Филовъ видитъ въ немъ крылатаго кабана, указывая на малоазійскія монеты съ этимъ типомъ.

²) [См. также о находкахъ: ок. с. Галиче ст. М. И. Ростовцева въ Recueil-Kondakov, стр. 244 слѣд., тт. XXIII—XXIV и кургана „Кукува могила“ ок. с. Дуванлий, тамъ же стр. 243 и пр. 1. Б. Дяковичъ. Антична гробница въ „Кукова могила“ при с. Дуванлий, Пловдивско. Изв. на Българск. Археол. Инст. III., 1925, стр. 111—130. Б. Филовъ: Нови находки отъ античната гробница при Дуванлий. Изв. Б. Арх. Инст. IV, 1926/7, стр. 27—60.]

знаковъ, общихъ съ описанными вещами по формамъ и техникѣ. Но, конечно, дальнѣйшія разслѣдованія кургановъ этой мѣстности разяснятъ сами по себѣ, что теперь должно оставаться темнымъ или даже спорнымъ. Но опредѣлять время курганныхъ находокъ положенными въ нихъ сосудами или мелочами уборовъ, которыя хранились вѣками въ древности и особенно у варваровъ, очевидно нельзя. Далѣе, подражанія античнымъ сюжетамъ и темамъ мы будемъ встрѣчать до X вѣка по Р. Хр. повсюду, и потому доказывать этимъ близость чисто варварскихъ древностей съ варварскими же темами къ самому антику по времени тоже нельзя. Именно тѣ же варварскія темы, указанные еще Дрекслемъ, приводитъ проф. Филловъ въ двухъ фаларахъ, тоже серебряныхъ и находящихся — одинъ въ Музеѣ Лейдена, другой въ Национальной библиотекѣ Парижа. Но пусть въ нихъ по кругу бѣгутъ тѣ же охотящіяся одинъ за другимъ звѣри, оба эти медальона относятся, по малой мѣрѣ, къ древностямъ варварской Германіи, не къ скиѣской эпохѣ; здѣсь не Геркулесъ, а, вѣрнѣе — Самсонъ, охвативъ шею льва, душитъ его такъ, какъ въ средневѣковыхъ мелкихъ фризахъ. Затѣмъ, вся фактура иная и имѣетъ много общаго, на примѣръ, съ извѣстною пластинкою морскихъ козчиковъ Музея въ Килѣ¹; самый рисунокъ звѣриныхъ фигуръ иной, безхарактерный, но старательный, до мелочей, до полного заполнения мѣста. Наконецъ, обратимъ вниманіе на особое гильшированіе (насѣчка, наколы орнаментовъ) фона, извѣстное вообще въ средневѣковой художественной промышленности...

2.

Вблизи болгарскаго села Мадара, находящагося въ окрестностяхъ руинъ Абобы-Плиски, которыя представляютъ пока древнѣйшій центральный пунктъ территоріи побѣдной кочевой орды, находится важный, единственный въ Европѣ монументальный рельефъ — памятникъ побѣднаго вторженія этой орды. Связь этого рельефа съ руинами ханскаго дворца несомнѣнна, и самое объясненіе факта появленія этого рельефа, кажется, должно базировать на историческихъ выводахъ, построенныхъ на содержаніи древнѣйшихъ болгарскихъ надписей, найденныхъ внутри Абобы. Эти надписи, какъ извѣстно,² идутъ отъ древняго хана болгарской орды Омортага (820—831 г.), и, конечно, именно связь рельефа съ развалинами дворца дала поводъ утверждать, что онъ относится, по надписи,

¹) См. W o e g m a n n, *Gesch. d. Kunst*, II, Ср. тамъ же, стр. 102 поздневарварскій рисунокъ Геркулеса (вѣрнѣе, Самсона) удушающаго льва, въ Музеѣ Копенгагена изъ Ютландіи, дающій тоже копію поздняго антика. Ниже придется часто указывать на подобную копировку позднѣйшихъ грекоримскихъ оригиналовъ, подобно восточнымъ, сохранившимся въ художественныхъ мастерскихъ у варваровъ.

²) Абоба-Плиска. Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ К-полѣ, т. X, съ атласомъ.

которая его окружаетъ, также къ IX столѣтію. Несомнѣнно, указанная связь проистекаетъ, между прочимъ, изъ того, что подобнаго же рода монументальные рельефы извѣстны близъ древне-персидскаго дворца Персеполиса.¹ Существенно отчасти и то обстоятельство, что окружающая барельефъ надпись, хотя достаточно длинная (до 20-ти строкъ), но почти совершенно истребленная временемъ, и доселѣ не поддавшаяся никакимъ попыткамъ разбора, по палеографическимъ признакамъ, относится именно къ IX—X вѣку. Съ другой стороны этотъ рельефъ не можетъ идти къ отождествленію, на примѣръ, съ персидскими барельефами Накш-и-Рустам (близъ Персеполя), представляющими, какъ извѣстно, историческое изображеніе триумфа сасанидскаго царя надъ императоромъ Валеріаномъ, тогда какъ рельефъ представляетъ болгарскаго хана на охотѣ.

Надпись, исполненная по сторонамъ рельефа съ нѣкоторою небрежностью, но, главное, на уже выбитыхъ поверхностяхъ его фона, даетъ поводъ заключить, что она была сдѣлана позднѣе самого рельефа и, быть можетъ, включаетъ въ себѣ только воспоминаніе о томъ событіи, которое побудило соорудить самый памятникъ. Болѣе или менѣе видно, что эта надпись дѣлалась уже по испорченному временемъ фону барельефа, и рѣзчикъ искалъ мѣста для продолженія строкъ въ выбитыхъ уже частяхъ, при томъ съ нѣкоторымъ беспорядкомъ размѣщая строки по обѣимъ сторонамъ всадника, и надъ животными, возлѣ него изображенными. Очевидно, далѣе, что самый барельефъ не даетъ монументальныхъ формъ персидскихъ побѣдныхъ памятниковъ съ ихъ тщательной высѣчкою. Правда, рельефъ помѣщается на нѣкоторой высотѣ отъ земли, что дѣлаетъ его видимымъ издали, но что, конечно, мѣшало его исполненію. Вполнѣ естественно также предположить, что извѣстнаго рода сродство этого барельефа съ персидскими монументальными памятниками указываетъ на нѣкоторое знаніе Востока, и его художественныхъ темъ. Однако, тутъ же, какъ мы увидимъ, наряду съ Востокомъ, ясно, и при томъ въ несравненно сильнѣйшей степени, можетъ быть указана варварская основа какъ самой темы, такъ и исполненія, и притомъ со стороны заказчика — ордынскаго хана и мастера, имѣвшаго собственный художественный опытъ. Дѣйствительно, что касается темы, то въ этомъ барельефѣ представлена ханская охота, въ одиночку на хищнаго звѣря, гдѣ-то въ предѣлахъ указанной территоріи происходившая, и память о которой имѣла быть монументально воспроизведена тутъ же, на подобіе того, какъ поступали сасанидскіе цари на своихъ походахъ. Съ одной стороны, такая тема сближаетъ рельефъ съ варварскими барельефами „ѳракійскаго конника“, весьма многочисленными въ южной Болгаріи отъ римской эпохи.² Какъ извѣстно, изъ разбора наиболѣе авто-

¹) Sarre Fr. *Die Kunst des alten Persien*, 1921, табл. 74, 78, 82, 85.

²) Проф. Г. Кацаровъ, Новъ рельефъ на тракийскія конникъ. Извѣстія на Българското Археологическо Дружество, т. III, 1912, стр. 125 и сл.; Антични паметници изъ България, III; то же, т. V 1915, стр. 11 и сл., насчитываетъ 350 рельефовъ.

ритетнаго знатока римскихъ древностей Болгаріи Г. И. Кацарова, культъ „божественнаго героя“, представленнаго въ юномъ всадникѣ обычно среди излюбленныхъ имъ охотъ, или даже безъ такой мотивировки, далъ такое обиліе памятниковъ, которое сообщаетъ этому культу исключительный интересъ и, равнымъ образомъ, указываетъ на унаслѣдованную отъ Рима художественную традицію. Отсюда возможно, до извѣстной степени, связывать эту античную традицію съ нашимъ памятникомъ. Существенное между ними сродство будетъ заключаться въ фигурѣ коня, который относится къ породѣ аргамаковъ, а существенное ихъ различіе, что на нашемъ памятникѣ вмѣсто юнаго типа античнаго героя представленъ ханъ кочевой орды и, слѣдовательно, все сродство ограничивается именно конемъ.

Переходя по этому къ разбору сюжета нашего памятника и стиля, которымъ онъ выполненъ, должно сказать, что, во I-хъ, аракійскій конникъ представляется ѣдущимъ или скачущимъ на аргамакѣ, и конь выступаетъ столь же величаво, какъ кони триумфаторовъ на соответственныхъ памятникахъ. Намъ слѣдуетъ отнестись съ извѣстной похвалой къ тому эскизу, который былъ набросанъ и который представляетъ живое и бодрое движеніе коня, но съ другой стороны, нельзя закрывать глаза на рѣшительныя ошибки въ рисунокѣ лошади, особенно переднихъ ногъ, а равно, и на тѣ источники, откуда былъ, до извѣстной степени, почерпнутъ настоящій эскизъ. Сассанидскія блюда, изображающія персидскаго царя на охотѣ, обычно представляютъ его несущимся съ быстротою или всдѣдъ за стаей кабановъ, козъ, туровъ, или среди нападающихъ на него львовъ и разбѣгающихся хищниковъ, собранныхъ въ „парадизѣ“ („ловище“ загороженное). Рѣдко представляется конь стоящимъ надъ приконченнымъ уже звѣремъ или въ поединкѣ царя съ нападающими на него двумя хищниками.¹ Въ данномъ случаѣ тема, избранная мастеромъ, такова: ханъ, поразивши звѣря, видимо, льва (по формѣ хвоста длиннаго, откинутаго, и съ шишкой на концѣ, какъ будто нельзя видѣть медвѣдя) двинулъ коня, который удаляется отъ мѣста схватки бодрѣе, а всадникъ совершенно покойнымъ, что видно по лѣвой рукѣ его, лежащей на шеѣ конской. Сзади коня бѣжитъ, догоняя, тонкій гепардъ, ручной барсъ, съ которымъ принято было охотиться на хищныхъ звѣрей и животныхъ, не только въ Персіи, но и въ Византіи, въ раннюю пору, а, затѣмъ, можно сказать почти навѣрное, и у хановъ кочевыхъ ордъ, перенимавшихъ отъ Персіи всѣ виды охоты, любимаго спорта кочевниковъ. Но, если здѣсь, дѣйствительно, представленъ левъ, съ всклоченной спиной, покрытой космами шерсти, то, невольно, приходитъ на мысль, что этотъ барельефъ могъ быть задуманъ и отчасти исполненъ по оригиналамъ тѣхъ, по преимуществу, шелковыхъ тканей, которыя, начиная съ VI вѣка, представляютъ въ изобиліи подражанія древнимъ

сассанидскимъ тканямъ, изображающимъ царскую охоту, именно на львовъ. Такое объясненіе естественно, такъ какъ въ средневѣковую эпоху Балканскій полуостровъ не имѣлъ львовъ, но въ изобиліи медвѣдей. Такого рода изображенія на тканяхъ въ настоящее время раздѣляются знатоками на собственно сассанидскія издѣлія и подражательныя, относящіяся, быть можетъ, не только къ византійскимъ мастерскимъ и александрійской мануфактурѣ, но также и къ мануфактурамъ Средней Азіи. Именно въ этихъ послѣднихъ мотивировка охоты приближается болѣе къ нашему оригиналу, чѣмъ первичныя сассанидскія темы. Укажемъ, на примѣръ, на любопытную ткань VII вѣка, но грубѣйшаго коптскаго рисунка, представляющую охоту съ гепардомъ.¹

Въ заключеніе разбора остается сдѣлать извѣстнаго рода догадки о фигурѣ самого всадника, которая пострадала наиболѣе и позволяетъ догадываться объ его одеждѣ только путемъ сравненія съ сассанидскими оригиналами. Но, одна деталь несомнѣнна: всадникъ представленъ съ непокрытою головою и съ очень длинными и густыми волосами на головѣ, которые отъ макушки тяжелыми космами спадаютъ на шею и плечи. Эта деталь представляетъ намъ, ясно, варвара кочевника — именно Гунна. Извѣстный историкъ Прокопій, бывший секретаремъ у Юстиніана и написавшій о немъ знаменитый памфлетъ, въ которомъ представляетъ императора злодѣемъ и извергомъ, ища всякихъ поводовъ для изображенія зла, имъ причиненнаго имперіи, останавливается въ этой своей „тайной“ исторіи съ особенною подробностью на извѣстномъ бунтѣ „Ники“ или цирковой смутѣ въ началѣ его царствованія. Прокопій говоритъ тамъ пространно о тѣхъ варварскихъ модахъ и обычаяхъ, которые были усвоены и распространены цирковыми партиями и особенно партией „Венетовъ“ или „Голубыхъ“, наиболѣе прославившейся безпорядками и злодѣйствами. Между прочимъ, онъ сообщаетъ о томъ, что они совершенно измѣнили греческій обычай ношенія волосъ на головѣ: они перестали ихъ стричь такъ, какъ прочіе греки, и давали расти усамъ и бородѣ, выращивая ихъ подобно персамъ, но затѣмъ выстригали до висковъ включительно переднюю часть головы, оставляя напротивъ на затылкѣ волосы расти навсегда, какъ дѣлаютъ массагеты, почему подобный видъ головы и обычай прозваны „гуннскими“. Мы не имѣемъ надобности въ настоящемъ случаѣ подкрѣплять это свидѣтельство Прокопія памятниками и многочисленными монетами, изображающими длинноволосыхъ скивовъ и сарматовъ въ древностяхъ и на монетахъ Босфорскаго царства. Въ этомъ не настоитъ нужды, важнѣе догадка по извѣстнымъ признакамъ, что варваръ или ханъ, здѣсь изображенный, одѣтъ почти по персидски, т. е. на немъ видны шаровары, такіе, какъ у сассанидскихъ царей, съ фалбалою по разрѣзу, и острый носокъ мягкихъ чувякъ на ногѣ, уставленный внизъ изъ стремени. Все прочее, кромѣ развѣвающагося сзади короткаго

¹) Sarre, F. I. с. табл. 104, 106—8, 112—3, 114. [Ср. также: А. Протичъ, Сассанидската художествена традиция у прабългаритѣ, Изв. на Българ. Арх. Институтъ. т. VI, 1926—27, стр. 217—218.]

¹) O. von Falke: Kunstgeschichte der Seidenweberei. 1913, рис. 80.

плаща, къ сожалѣнію, разрушено, какъ разрушена и рѣзьба, изображавшая конскую сбрую, кромѣ задней шлеи съ фаларомъ на ней. Данныя, извлекаемая разборомъ, приводятъ также къ догадкѣ, что рельефъ, быть можетъ, гораздо древнѣе IX вѣка: если мы сравнимъ тотъ скульптурный опытъ, который виденъ особенно на задней части коня, наиболѣе сохраненной, и чувствуется во всемъ стилѣ, съ рельефами серебряныхъ сассанидскихъ блюдеъ, а также съ рисунками тканей, то можемъ отнести этотъ памятникъ, къ указанному ранѣе подражательнымъ работамъ сассанидскому искусству. А поэтому и получаемъ возможность сблизить его со временемъ первыхъ хановъ начала VIII вѣка, когда Болгары, незадолго перешедшіе Дунай большою ополчившеюся ордою, заняли, кромѣ Добруджи, округъ — позднѣйшіи Шуменъ и Новы-Базаръ, всю мѣстность до Силистріи на Дунаѣ, гдѣ находится Абоба-Плиска, и у начала горъ исполнили въ отвѣсной скалѣ настоящій рельефъ.

3.

Барельефъ съ изображеніемъ цирковыхъ игръ.

Наглядная характеристика варварскаго населенія на сѣверѣ Балканскаго полуострова и его смѣшанныхъ съ варварствомъ вкусовъ дается замѣчательнымъ барельефомъ цирковыхъ игръ, найденнымъ въ самой Софії — древней Сердикѣ. Барельефъ найденъ былъ близъ площади Святой Недѣли, въ центрѣ современной болгарской столицы, позади соборнаго ея храма, на глубинѣ около 4-хъ метровъ, среди массивныхъ развалинъ древней постройки и небольшого, перекрытаго сводомъ, канала. Къ сожалѣнію, при работахъ тонкая плита была разбита, и куски разбросаны, а потомъ не найдены. Плита имѣетъ въ длину 0.77 м., и въ ширину 0.59 м., и эта тонкость плиты служитъ порукой, при ея размѣрахъ, того, что она служила облицовкою внутренней или наружной стѣны, очевидно, наряду съ другими декоративными же плитами. Въ верхней части плиты имѣлась греческая надпись, отъ которой, къ сожалѣнію, сохранилось только нѣсколько буквъ, и, по всей вѣроятности, она могла бы дать наиболѣе точное указаніе времени и мѣста, гдѣ и когда происходили цирковыя игры, на ней изображенныя. Но, предполагать, что эта плита воспроизводитъ какое-либо опредѣленное цирковое представленіе, трудно, такъ какъ, въ противность этому предположенію, мы знаемъ, что такого рода темы появляются обычно въ видѣ декоративныхъ типовъ и служатъ, скорѣе, воспоминаніемъ, чѣмъ точнымъ изображеніемъ. Недаромъ, поздняя римская эпоха II—III столѣтій по Р. Х. и ближайшихъ столѣтій ранней Византіи—IV и V-го такъ богаты цирковыми сценами и фигурами всякаго рода въ барельефахъ, фрескахъ, мозаикахъ и, особенно, на тканяхъ, что этого рода циклъ былъ не только модою печальной и сумрачной эпохи разрушенія римской имперіи на Западѣ, но и сложенія новой византійской міровой державы. Конечно, значительное большинство древнѣйшихъ памятниковъ искусства и быта съ данною темою во главѣ и подъ влияніемъ ея формъ мы должны относить

къ жившему еще и многочисленному язычеству, но, несомнѣнно, нахлынувшее варварство предавалось цирковымъ играмъ также съ нѣкоторымъ стихійнымъ азартомъ. И въ самой Византіи, наряду съ благороднымъ видомъ колесничныхъ состязаній, уживались какъ самые дикіе бои, такъ и всевозможные виды „потѣшныхъ игръ“, фигляровъ, фокусниковъ и скормороховъ обоюго пола, вплоть до безнравственныхъ и постыдныхъ представлений.

Характеристика барельефа и разборъ изображенныхъ въ немъ сценъ и фигуръ¹ исполнены уже въ болгарской научной литературѣ,² съ понятнымъ вниманіемъ къ памятнику, причемъ даны въ достаточномъ числѣ необходимыя справки изъ римской древности. Но, ссылаясь на указанную статью, надо сдѣлать къ ней рядъ особыхъ дополненій. Помимо римскаго цирка въ данномъ памятникѣ есть сторона спеціально варварская и исторически особо-важная, такъ какъ именно она перешла затѣмъ во вкусы и бытъ новыхъ государствъ Восточной Европы, основанныхъ уже самими варварами, а затѣмъ элементы этой стороны и сохранились въ ихъ быту и искусствѣ даже до настоящаго времени, какъ народная традиція.

Данная тема представляетъ происходящія въ провинціальномъ циркѣ битвы съ медвѣдями. Въ этихъ играхъ участвуютъ, какъ сами содержатели звѣрей (бестіаріи) и звѣринцевъ, такъ и присяжные охотники (венаторы) и борцы со звѣрями, а равно, принимавшіе въ борьбѣ съ медвѣдями участіе спеціальныя „мимы“ и фигляры, показывающіе въ циркахъ свою ловкость. Этого рода представленія, соединенныя съ комическими сценами и буффонадами всякаго рода, составляли собственно „потѣшныя игры“, какъ отдѣлъ цирковыхъ представлений обще-варварскаго характера, а частью и восточнаго происхожденія. Объ этомъ можно, отчасти, догадываться по данной обстановкѣ, которая, конечно, имѣетъ также и смѣшанный типъ: частью греко-римскій, и притомъ поэтому парадный, а частью балаганнаго рода. Такъ, внутри этого цирка изображена съ лѣвой стороны на барельефѣ наружная, видимо, выставочная часть его, въ видѣ деревянныхъ пьедесталовъ или пилястровъ, со столбами, на которыхъ цирковые слуги бьютъ короткими мечами по мѣднымъ тарелкамъ, чтобы привлечь вниманіе и, равнымъ образомъ, въ то же время, оживить самыя игры. На столбахъ же утверждены плакаты съ изображеніемъ божествъ Сераписа и Венеры съ

¹) [Отъ словъ „исполнены уже“ и до „гладіатора римскаго“ (на стр. 93.) текстъ извѣстенъ лишь по копии; въ оригинальной рукописи этого очерка (написанной на машинѣ подъ диктовку автора и снабженной многочисленными помѣтками его рукой) не достаетъ двухъ страницъ (7-ой и 8-ой).]

²) Велковъ Ив. Релиефъ с циркови игри от Софія. Изв. Бѣлг. Арх. Инстит. I, 1921—2, табл. IV. Литература греко-римской древности ограничивается по спеціальному вопросу о цирковыхъ зрѣлищахъ и борьбѣ со звѣрями статьями Реальныхъ Энциклопедій и общими книгами О. Келлера объ античномъ звѣриномъ мирѣ и др. [См. также: Л. А. Мацулевичъ, Рельефъ съ цирковыми сценами въ Эрмитажѣ, въ: Seminarium Kondakovianum, II, 1928, стр. 139—148.]

зеркаломъ въ рукахъ. Но, въ средней части цирка, у стѣны, представлена въ рельефѣ на пьедесталѣ балаганная потѣха: люди, костюмированные въ собачьи головы, представляютъ борьбу и игры съ трезубцами и мечами и съ приплясывающимъ медвѣдемъ на стулѣ подъ музыку металлическаго барабана. Ясно, что такого рода ряженіе кинокефалами должно быть связано съ разошедшимися среди ранняго средневѣковья повѣртіями о существованіи гдѣ-то, въ средѣ высокихъ горъ, людей съ песьими головами, которые отождествлены со сказочными народами „Гога и Магога“, заключенными Александромъ Македонскимъ „между Холмами и Сиверами“. Повѣртія эти, говорившія о 24 народахъ и столькихъ же царяхъ, распространились не только путемъ пересказовъ чудесъ романа „Александріи“, переполненныхъ разными „дивными“ людьми, но, даже, и Физиологами или Бестиаріями, которые также считали нужнымъ поддерживать вѣру въ существованіе сказочныхъ и волшебныхъ формъ людей и звѣрей. Въ данномъ случаѣ для насъ важно существованіе сказочныхъ представлений о гуннахъ, къ которымъ не задумались присоединить песье-главыхъ людей или кинокефаловъ, у которыхъ ротъ и глаза помѣщаются въ персяхъ. Эта вѣра въ существованіе песье-главыхъ людей представляла себѣ ихъ то живущими на сѣверномъ морѣ, то заключенными въ горахъ, то обитающими на отдаленномъ океанѣ. Но, на примѣръ, Плано Карпини придаетъ этимъ людямъ въ то же время бычачьи ноги и собачью морду. Чудовище въ видѣ чело-вѣка съ песьей головою въ коронѣ слилось съ представленіями крылатаго вѣнчаннаго Змія въ „Толкованіяхъ“ Апокалипсиса.

Такимъ образомъ, съ одной стороны въ настоящемъ изображеніи есть ясное указаніе на замаскированныхъ гунновъ, которые украшали, какъ известно, свои шлемы волчьими и собачьими головами, что дѣлаліи потомъ и отдѣлившіяся отъ нихъ въ Европѣ разныя кочевыя племена. Впослѣдствіи, въ народныхъ Колядахъ, играхъ поздравительныхъ группъ на праздники Рождества, стало за обычаемъ водить кромѣ козы или козла — чело-вѣка въ козлиной маскѣ, также чело-вѣка съ песьей головою, но уже послѣдняго на цѣпи, прицѣпленной къ ошейнику, какъ плѣннаго варвара.

Этимъ выставочнымъ группамъ кинокефаловъ отвѣчаетъ большинство представленныхъ въ циркѣ борцовъ и игрецовъ съ медвѣдями. Въ самомъ низу находится, по лѣвую и правую сторону описаннаго пьедестала, схватка двухъ медвѣдей съ быками, скомпонованная по шаблону схватки львовъ съ быками. Эта легкая побѣда хищнаго животнаго обозначала въ Персіи побѣду военнаго государства надъ окружающими скотоводами, и, какъ известно, такая тема прошла съ Востока до крайняго средневѣковаго Запада. Въ горныхъ лѣсахъ Балканскаго полуострова медвѣдь являлся своего рода главою звѣринаго царства, и, очевидно, тема избрана была въ угоду нѣ-которому народному самолюбію, но, помимо того, у кочевыхъ народовъ, нахлынувшихъ на Балканскій полуостровъ съ IV вѣка было распространено особое почитаніе медвѣдя, также какъ своего рода главы кочевыхъ племенъ.

Но, затѣмъ, мы уже видимъ, что медвѣдь играетъ здѣсь роль гладиатора римскаго, упорнаго борца, а также и, своего рода, „мима“ или „потѣшника“. Отсюда, здѣсь представляется цѣлый рядъ охотниковъ и борцовъ схватившихся съ медвѣдями въ потѣшной игрѣ. Эти охотники, какъ видно на рельефѣ, одѣты въ короткіе кабаты, узкіе штаны и высокіе сапоги съ голенищами, и все это изъ плотной кожи. Но, единственное ихъ оружіе заключается въ особомъ намордникѣ, изъ толстаго ремня съ завязками: мимъ можетъ подставлять руки, обмотанныя толстой кожей, даже подъ укусы звѣря, и если ему удастся накинуть намордникъ и привязать его такъ, чтобы закрыть медвѣдю глаза, то тогда борьба оканчивается его побѣдою. Соотвѣтственно этому мы видимъ нѣсколько группъ охотниковъ въ разныхъ позахъ, то выжидающихъ прыжка звѣря, то, даже охотника, поверженнаго на землю, то борющагося при помощи большой палки и т. д. Но, что особенно важно отмѣтить, именно этотъ видъ вѣнаторовъ (venatores) изображенъ съ длинными косами, или косматыми прядями волосъ, падающихъ на спину охотника и точно насъ удостовѣряющихъ, что передъ нами варвары изъ кочевниковъ, одинаково представлявшихъ, какъ вообще всѣ сарматы — длинноволосыми.¹ Какъ увидимъ, Византія не только узнала эту прическу въ V вѣкѣ, но и сдѣлала изъ нея у себя моду для цирковыхъ партій, а затѣмъ въ книгѣ Константина Порфиророднаго „О Церемоніяхъ“, по отдѣлу царскихъ пировъ, указывается, что были дни пировъ для „длинноволосыхъ“ т. е. для союзныхъ варваровъ. Мы имѣемъ затѣмъ, тутъ же на барельефѣ, изображеніе скачущаго кочевника, наряженнаго въ песью голову, а одѣтаго только въ короткій плащъ и, очевидно, разыгрывающаго роль „пикадора“, который своею поѣздкой по цирку дразнить медвѣдей, также какъ и выпущенныя въ циркъ антилопы. Особый видъ игры представленъ на барельефѣ, съ правой стороны, въ видѣ паравана изъ досокъ, вертящагося на вбитомъ въ землю столбѣ, кругомъ него и вертя имъ постоянно, бѣгаетъ вѣнаторъ, дразня неуклюжаго медвѣдя. Въ заключеніе мы должны остановиться на центральной сценѣ, наиболее характерной для даннаго цирковаго представленія. Посрединѣ цирка идетъ главный мимъ и, очевидно, начальникъ цирковыхъ мастеровъ и, повидимому, тащитъ съ собою длинное, но легкое чучело крокодила, на котораго уже спѣшитъ наброситься медвѣдь, вставшій на заднія лапы. Маэстро имѣетъ на лѣвой рукѣ круглый металлическій щитъ и металлическую палку, которой онъ стучитъ по щиту, зазывая медвѣдя на драку съ зубатымъ чудовищемъ. Маэстро одѣтъ въ высокій коническій (конечно, красный) войлочный колпакъ, какъ

¹ Прокопій подробно описалъ варварскія, по его сообщенію гуннскія моды и прическу, усвоенную цирковыми партіями, въ своей „Тайной Исторіи“ гл. 7-ая. Въ книгѣ же Константина Порфиророднаго De cer., II, гл. 52, стр. 749, Бонск. изд.) указывается даже особый день для царскаго пира въ честь варваровъ, этотъ „клиторій“ называется *πολύτριχον*, т. е. длинноволосый, а въ немъ участвовали Болгары — „друзья“ христіане (*φίλοι*), а также язычники (Фарганы, Хазары Агаряне, Франки).

обычно носили маги и шаманы Востока, за ними кудесники и фокусники площадей и балагановъ. Во многихъ городахъ, и не только Востока, но и Запада, подобныя чучела и уже не крокодиловъ, но волшебныхъ драконовъ, стали своего рода потѣшными палладіями городовъ и мѣстечекъ, сохранившимися отъ средневѣковья, какъ на примѣръ, пресловутая Тараска, мнимая эмблема Тараскона, прославленная Альфонсомъ Додэ.

4.

Роспись древне-христианской гробницы въ Софіи.

Древнехристианская гробница, открытая въ Августѣ 1909 года въ Софіи, улица Гурко № 13, при прорывѣ канала, представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ не только Болгаріи, но и вообще европейскаго Востока и въ то же время исторіи христианской церкви. Опредѣливъ, такимъ образомъ, посильно его значеніе, скажемъ кратко, что оно заключается въ живописныхъ изображеніяхъ четырехъ архангеловъ, представленныхъ внутри гробницы, сдѣланной въ видѣ большого саркофага. Такого рода высокіе сводчатые и сложенные изъ камня, а не выдолбленные въ монолитахъ, саркофаги находятся уже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, раскопанными или открытыми поблизости отъ Софійскаго собора, города Софіи, обычно имѣютъ около 3-хъ метровъ длины, 2,30 метра ширины и 2 метра вышины. Настоящій саркофагъ имѣетъ 2,68 метра въ ширину. Гробница была найдена уже ограбленной, пробитой и наполненной землею отъ проникшей въ нее воды, и найденъ былъ въ ней только одинъ дѣтскій черепъ. Видимо, гробница эта была не только разграблена, но и использована для другого или, можетъ быть, нѣсколькихъ погребеній. Между тѣмъ, уже въ древнѣйшую эпоху, при первомъ погребеніи въ ней, она была внутри вся росписана. А именно сводъ гробницы росписанъ весь рядами мелкихъ кружковъ 0.16 см., съ крестиками въ промежуткахъ, въ видѣ полога, закрывавшаго весь верхъ, и орнаментальными побѣгами аканѳоваго листа. Въ центрѣ свода округлый медальонъ съ вѣнкомъ изъ лавровыхъ листьевъ заключаетъ въ себѣ большой, византійской формы, крестъ, испускающій снопы бѣлыхъ лучей на фонѣ свѣтлаго окна, какъ бы открытаго на небо внутри купола. Въ четырехъ углахъ свода помѣщены въ сегментахъ погрудныя изображенія четырехъ архангеловъ, съ надписями ихъ именъ на латинскомъ языкѣ, явно, въ то время, когда латинскій языкъ во всей византійской имперіи былъ не только официальнымъ нарѣчіемъ, но и общепотребительнымъ. Стѣны же затѣмъ росписаны на подобіе облицовочныхъ мраморныхъ и пестромраморныхъ плитъ. Въ четырехъ треугольникахъ свода написаны голуби на южной сторонѣ, на сѣверной два голубя по сторонамъ люнета, въ которомъ изображенъ низкій сосудъ съ ручками. При сравненіи съ другими гробницами могила эта отличается, явно уже сравнительно позднѣйшими мотивами росписей, а именно, подобные саркофаги, росписанные внутри въ древнѣйшую эпоху на подобіе усыпальницъ, или гробничныхъ

камеръ, сначала представляли на стѣнахъ своихъ подобіе, такъ называемыхъ домовыхъ перистилей, съ разводами виноградной лозы, различныхъ растений, цвѣтовъ, лилій, тростниковъ и иныхъ трельяжей. Въ древнѣйшій періодъ эллинистическаго искусства, въ римскихъ и въ керченскихъ катакомбахъ, роспись представляла обычно облицовочныя панели, украшеніе стѣнъ на подобіе плитъ пестраго цвѣтнаго мрамора и т. п., представляя затѣмъ въ верхней части фигурныя изображенія религіознаго содержания. Соображая затѣмъ употребленіе латинскаго языка въ надписяхъ, можно только подтвердить далѣе и разборомъ стилистическимъ изображеній догадку перваго изслѣдователя памятника — проф. Г. И. Кацарова,¹ что гробница можетъ быть отнесена къ V, или не позднѣе, какъ къ VI вѣку по Р. Хр., причемъ по соображеніямъ внутренняго свойства, мы считаемъ гробницу не позднѣе первой четверти VI в.

Рис. 36. Архангелъ Уріилъ. Живопись гробницы въ Софіи.

Достойно сожалѣнія, что три фигуры архангеловъ сохранились слабо, благодаря течи, образовавшейся въ гробницѣ, и не были поэтому расчищены и сняты. Снятъ же одинъ ликъ архангела Уріила, срисованнаго также художникомъ Тачевымъ. Воспроизводимая фотография² (рис. 36) даетъ изображеніе, сохранившее еще всѣ тонкія художественныя свойства эллинистической античной живописи. Оригиналa, къ сожалѣнію, нельзя было видѣть, но, судя по нѣжной фактурѣ, это были работы энкаустической живописи съ ея необыкновенно воздушными и мягкими тѣнями и ея обычной живостью представленія,

¹) [Г. И. Кацаровъ и Х. Тачевъ: Новооткрыта старохристианска гробница въ Софія. Извѣстия на Бълг. Арх. Друж. т. I, 1910, стр. 20 и сл.]

²) [См. также К. Миятевъ, Декоративна живопись на Софійския некрополь. Софія 1925, стр. 86—105 и рис. 36.]

ставшей известной через погребальные портреты. Юный ликъ Уриила — чисто греческаго, почти аттическаго типа, съ мягкими волнистыми волосами и, въ то же время, съ известной строгостью религіознаго типа, упорнымъ взглядомъ въ сторону, нѣжнымъ письмомъ одежды, матово-желтоватой — хитона и гиматія.

Обращаясь затѣмъ къ внутреннему религіозному смыслу изображеній четырехъ архангеловъ въ сводахъ гробницы, мы должны сказать, что, прежде всего, это изображеніе является пока нѣкоторою новостью и требуетъ, явно, историческаго объясненія: каковъ этотъ смыслъ и почему именно архангелы изображены на стѣнахъ гробницы?¹ Всякаго рода общія догматическія объясненія будутъ только отговорками, и мы, лишь для полноты объясненія, укажемъ, что, напримѣръ, въ Сиріи было рано принято и снаружи и внутри обозначать христіанскіе дома изображеніемъ христіанскихъ символовъ на стѣнахъ — агнца съ крестомъ или прямо креста и монограммъ имени Иисуса Христа съ крестомъ, а также, напримѣръ, такимъ сигломъ, своего рода монограммою Х. М. Г., т. е. Христа среди Михаила и Гавріила архангеловъ, что образовывало уже неканоническую вторую Троицу и что обращало на себя критическое вниманіе церкви.² Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ домахъ было принято писать имена архангеловъ Михаила, Гавріила, Уриила, Рафаила уже тогда, какъ ангеловъ хранителей человѣка. Пока мы не знаемъ подбора подобныхъ могильныхъ памятниковъ; требуется для объясненія нашего дать нѣкоторый историческій очеркъ религіознаго идеала ангеловъ и архангеловъ въ древности.

¹) [Вопросамъ, касающимся почитанія и иконографіи архангеловъ и специально архангела Уриила посвящена работа P. Pedrizet: L'Archange Ouriel въ *Seminarium Kondakovianum* II 1928, стр. 241—275.]

²) [См.: De Rossi: D'un singolare bollo di mattoni trovato nell'emporio romano. *Bulletino di Archeologia Cristiana* 1870. Roma p. p. 7—31. Importanti aggiunti alla dissertazione sulle sigle ХМГ proprie delle epigrafi cristiane della Siria, *ibidem*, p. p. 115—121. Критическій разборъ предложенныхъ объясненій, съ наиболѣе полнымъ приведеніемъ матеріала и попыткой найти первоначальный смыслъ формулы въ изопсефическомъ толкованіи Трисвятого или въ передачѣ еврейскаго написанія формулы единобожія (Второзаконіе VI, 4), былъ сдѣланъ Я. И. Смирновымъ. См. J. J. Smirnov. ХМГ. *Berliner Philologische Wochenschrift* 1906 n° 33/4, ss. 1082—1088. Выводы Я. И. Смирнова, считавшаго, что толкованіе ХМГ какъ именъ Христа, Михаила и Гавріила не имѣетъ документальнаго обоснованія и во всякомъ случаѣ не является первоначальнымъ, не вполне сходятся съ высказаннымъ авторомъ мнѣніемъ. Толкованіе Н. П. Кондакова, сходное по смыслу съ высказаннымъ De Rossi, расходится съ послѣднимъ въ объясненіи причинъ примѣненія сигла. De Rossi считалъ его въ эпоху до торжества христіанства протестомъ противъ ереси (una protesta contro l'eresia), тогда какъ Н. П. Кондаковъ видитъ въ этомъ признакъ ереси. Интересно сопоставить мнѣніе Н. П. Кондакова съ данными изученія источниковъ иконографической композиции Ветхозавѣтной Троицы, въ особенности съ тѣмъ фактомъ, что большинство восточныхъ Отцовъ Церкви видѣло въ явленіи Аврааму 3-хъ ангеловъ, явленіе 2-го лица Св. Троицы въ сопровожденіи 2-хъ ангеловъ, а также и съ сохраненнымъ Евсевіемъ свидѣтельствомъ объ „языческомъ“ почитаніи мѣста явленія трехъ ангеловъ. Объ этомъ см.: Н. В. Малицкій: Къ исторіи композиции ветхозавѣтной Троицы, *Seminarium Kondakovianum* II 1928, стр. 36—38.]

Какъ известно, вообще почитаніе ангеловъ въ христіанствѣ было передано отъ древняго іудейства и Ветхаго Заветъ.¹ Вмѣстѣ съ тѣмъ оно было поддержано и греческимъ язычествомъ и даже греческой философией, прилагавшей немало усилий, среди своей мифологической паутины, отыскать идейные центры и къ нимъ разумные пути для построенія духовныхъ идеаловъ тамъ, гдѣ въ источникѣ были только матеріальныя концепціи. Затѣмъ, происшедшее на глазахъ историка сліяніе древнихъ языческихъ религій съ христіанствомъ, въ мысляхъ и чувствахъ каждой культурной народности средневѣковья, образовало тотъ неразрывный комплексъ идей и представленій, который является, собственно говоря, историческою почвою христіанской религіи, той необыкновенной устойчивости, какую имѣетъ традиція въ началѣ средневѣковья, и которая, умалившись отъ времени въ количествѣ, нисколько не ослабѣла въ живости своихъ религіозныхъ представленій. Именно, къ этому отдѣлу живыхъ, понятныхъ, вѣковыхъ традицій относится образъ ангела, какъ того промежуточнаго, сотвореннаго полубожескаго существа, какимъ являются ангелы, заступившіе мѣсто, по опредѣленію древнихъ грековъ, благихъ демоновъ, — посредниковъ между человѣкомъ и Богомъ. Традиція, остановившаяся на такомъ образѣ, придавши ему посланничество ради помощи людямъ, ихъ извѣщенія о Божьей волѣ во снѣ, ихъ исцѣленія и сохраненія, уже въ первый вѣкъ христіанства повела къ особому почитанію близкаго и доступнаго полубожескаго покровителя и вызвала уже порицаніе и наставленіе со стороны ап. Павла. Въ своемъ посланіи къ Колоссянамъ, гл. II, 18, онъ пишетъ: „никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ и служеніемъ ангеловъ, вторгаясь въ то, чего не видѣлъ, безразсудно надмеваясь плотскимъ своимъ умомъ“. Текстъ имѣетъ тотъ смыслъ, что уже въ то время въ христіанскихъ общинахъ явились любители философствованія по поводу вѣры и въ то же время организаторы нѣкотораго культа ангеловъ, причемъ они позволяли себѣ говорить о невидимыхъ существахъ и умствовать по поводу ихъ отношенія къ людямъ.

Это было замѣчено равно иными умами, не столь идеально настроенными въ пониманіи христіанской религіи, какъ ап. Павелъ, и принимавшими ее вмѣстѣ съ вѣковыми преданіями іудейства и тоже опытами философствованія, свойственнаго еврейскимъ книжникамъ. Доказательствомъ можетъ служить отраженіе той же мысли въ Апокалипсисѣ Іоанна, гл. XIX, 10. „Я палъ къ ногамъ его (ангела), чтобы поклониться ему; но онъ сказалъ мнѣ, смотри, не дѣлай сего; я сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Иисусово: Богу поклонись“. Переводы греческаго текста приблизительно вѣрны, но въ одномъ случаѣ вѣрны только буквально, сказано: „служеніе ангеловъ“, а по гречески *θρησκεία τῶν ἀγγέλων*, что значитъ, переводя на обыкновенный языкъ — „культъ ангеловъ“ или „почитаніе

¹) [См. упомянутую уже работу P. Pedrizet, p. 242—243.]

ангеловъ“, и, слѣдовательно, требовалось передать словами: „служеніе ангеламъ“, что вскрываетъ совершенно иной смыслъ, хотя и вполне каноническій.

Несомнѣнно, однако, что уже въ слѣдующіе два вѣка¹ каноническое почитаніе ангеловъ стало переходить въ особый культъ, а этотъ культъ, въ свою очередь, привлекалъ особое вниманіе къ языческимъ традиціямъ, къ восточному іудейскому почитанію ангеловъ, какъ посредниковъ между Богомъ и человекомъ. Въ частности, именно въ Сиріи и Египтѣ почитаніе ангеловъ соединилось съ выросшимъ вновь вопросомъ объ ихъ значеніи не служебномъ, не посредническомъ, но самостоятельномъ, и этотъ вопросъ, переходя изъ рукъ въ руки, выросалъ въ значеніи, становился въ первую очередь, вызывалъ построеніе религіознаго міросозерцанія и, своего рода, философскихъ теорій. Эти первыя построенія и толкованія принимались, понятно, съ такою же готовностью увѣрывать, съ тою же горячностью воспріятія и слѣдованія, и клиру первыхъ вѣковъ было невозможно и неудобно останавливать порывы христіанской мысли на первыхъ порахъ.

Такимъ образомъ, неоплатоническая философія, съ одной стороны, выступала, дѣйствительно, съ самовольными мудрованіями, прикрытая ложнымъ смиреніемъ, и съ другой, различнымъ истолкователямъ и книжникамъ представлялась возможность построить на данномъ вопросѣ свои собственныя дополненія и открыть новое христіанское міропознаваніе (гносисъ). По существу дѣла эти виды пониманія христіанской вѣры и углубленія въ вопросѣ объ ангелахъ основались на переносѣ въ него „демонологіи“ древняго Востока. И, дѣйствительно, главный изъ этихъ экзегетовъ Порфирій, какъ указываютъ, былъ самъ сиріецъ, звался у себя Малхомъ и внесъ въ свои сочиненія всю кабалистику, говоря точнѣе, іудейскихъ позднѣйшихъ трактатовъ. Принявшіеся послѣ за жестокую критику этихъ доктринъ Отцы Церкви, какъ Августинъ, указывали откровенно ихъ языческіе источники. Восточный характеръ подобныхъ трактатовъ удостовѣряется больше всего явнымъ матеріализмомъ этихъ ученій. Какъ извѣстно, восточная демонологія была построена вся на такомъ отводѣ каждому божеству матеріальной роли и особой сферы божественной его силы, или области матеріальнаго творчества, что, именно отсюда, и порождалось естественнымъ путемъ дробленіе боговъ и ихъ силъ, а, слѣдовательно, развивалось само многобожіе и всѣ тѣ многообразныя миѡы, которые о богахъ сочинялись. Именно этимъ путемъ получалось въ представленіи простого ума умаленіе божества, опасное въ дѣлѣ почитанія изъ-за соперничества мѣстностей, городовъ и общинъ, а вмѣстѣ съ этимъ соперничествомъ создавалась вѣра

¹) См. наиболѣе обстоятельное и обставленное документально изложеніе обширнаго историческаго матеріала по этой сторонѣ почитанія ангеловъ, изъ сочиненій неоплатониковъ, гностиковъ, экзегетовъ и Отцовъ Церкви, въ связи съ демонологическими ученіями, въ соч. Porfier, Th. Griechisch-Aegyptischer Offenbarungs-Zauber I, 1921, § 53—103 и спеціально: § 135—162.

въ магическую силу образовъ, созданныхъ исключительно на матеріальной почвѣ. Многобожіе, развиваясь, само себя уничтожало, лишало иныхъ боговъ смысла, порождало смуту. Въ извѣстную пору у каждого народа или, вѣрнѣе, у культурныхъ народностей, достигшихъ развитія религіозныхъ вопросовъ, возникало желаніе дать себѣ опредѣленный отчетъ въ своихъ религіозныхъ мысляхъ и чувствахъ. Иные переходили при этомъ къ критикѣ религіозныхъ построеній, протестуя противъ чуждыхъ заносовъ, къ утверженію единого міровоззрѣнія, другіе, напротивъ того, руководясь исключительно религіознымъ страхомъ, избирали среди людей особыхъ вождей вѣры, посредниковъ и помощниковъ въ ихъ религіозномъ служеніи. Такъ называемый магізмъ есть явленіе не только опредѣленнаго періода, но и большинства восточныхъ религій, какъ ученій сборныхъ и составныхъ, разобраться въ которыхъ чело- вѣкъ поручалъ другимъ, болѣе глубокимъ служителямъ боговъ. Благіе и злые демоны единственно занимали умы маговъ и тѣхъ, кто ими руководился. Такъ называемые высшіе или верховные боги удерживались въ своихъ основныхъ характеристикахъ, со стороны матеріальной области, значенія, дѣйствій и даже типовъ, отчасти благодаря тому, что этотъ верховный богъ былъ богомъ племени завоевателей, династіи побѣдителей, но лишь на то время, пока династія или царство существовало. Важнѣйшую роль въ собственномъ смыслѣ играли тѣ второстепенныя божества, которыхъ маги привлекали на сторону города, общинъ или частныхъ лицъ, испрашивая ихъ помощь жертвами.

Языческія уклоненія трактатовъ Порфирія, Ямвлиха и даже нѣкоторыхъ соображеній великаго Оригена явствуютъ, прежде всего, изъ этихъ попытокъ отвода ангеламъ областей и сферъ дѣйствія ихъ божественной силы, съ именами взятыми изъ древней традиціи, принесенными изъ Вавилонскаго плѣна и отличенными поэтому титуломъ архангеловъ: Гавріилу (или Михаилу) область огня, Михаилу — воды, Рафаилу — земли, Уриилу — воздуха. Оригенъ отводилъ Рафаилу дѣло врачеванія, Гавріилу — военное, Михаилу — предстательство у Бога. Было семь планетъ, и сообразно съ матеріальной демонологіей, ихъ отвели во владѣніе семи архангеламъ, причемъ Михаилу — солнце и особый день его почитанія, Гавріилу — луна и ближайшій день послѣ солнечнаго — понедѣльникъ, или такимъ назначеніемъ: первый день Рафаилу, второй — Гавріилу, 3-й планета Марсъ — Самаилу, 4-ый Меркурій — Михаилу, 5-ый планета Юпитеръ — Садакилу, 6-ой Венера — Анаилу, 7-ой Сатурнъ — Кафріилу. Понятно, всѣ подобныя вѣроученія или вѣрнѣе, мудрованія, какъ и всякія космогоніи, имѣли полный успѣхъ въ разныхъ руководящихъ сферахъ, и уже съ III вѣка историки Церкви указываютъ на появленіе въ Египтѣ и, вѣроятно, въ Сиріи, которая постоянно зависѣла отъ Египта, повсюду множества богато украшенныхъ часовенъ и молеленъ, даже внѣ городовъ, освященныхъ во имя ангеловъ.¹

¹) [См.: Didymi Alexandrini, De Trinitate lib. II, Migne, Patrologia Graeca, t. 39, col. 589.]

Самое имя „ангела“ получило магическую потенцію, и этою таинственной магической силой занялись специально гностики, ранѣе первыхъ построеній небесной іерархіи.

Гностики подѣлили ангеловъ на архонтовъ, которые стали вождями эоновъ, и построили особую теорію безсмертія души, открыли двухъ родовъ душу въ человѣкѣ: матеріальную, связанную съ плотскимъ тѣломъ, и собственно духъ, придавленный существованіемъ матеріальной души, живущей въ согласіи съ плотью. По смерти человѣка духъ его можетъ съ помощью ангеловъ, обеспеченной ему при жизни или послѣ смерти, совершить восхождение къ Богу, къ своему божественному источнику, и потому миновать то опредѣленіе судьбы, какое человѣкъ заслужилъ своею плотскою жизнью, и освободиться отъ неизбѣжнаго рока. Оригенъ самъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ діаграмму неба съ росписаніемъ планетъ и ангеловъ, ими правящихъ, и поясненіями путей ко спасенію, путемъ восхожденія духа по планетамъ къ Богу и путемъ помощи ангеловъ, въ ихъ сферахъ. Изъ всего этого ясно, что, напримѣръ, вѣроотступникъ Юліанъ, какъ то признаетъ и самъ Амміанъ Марцеллинъ, зналъ христіанство именно въ этихъ осложненныхъ язычествомъ вѣроученіяхъ: извѣстно, что онъ укорялъ своихъ сподвижниковъ, когда умирая, видѣлъ ихъ плачущими, потому что онъ, напротивъ, съ радостью думалъ, какъ его душа поднимется на небо, ища своей звѣздной обители. Такъ была использована мысль Платона о звѣздахъ, какъ родинѣ человѣческой души. И ученіе Пифагора было приспособлено къ новому очищенію душъ жизнью на звѣздахъ млечнаго пути, въ великой тверди отъ луны до солнца. Настолько сильно было и успѣшно подобное толкованіе идеи безсмертія, что и въ V вѣкѣ Отцы Церкви еще говорили о существованіи еретическаго вѣрованія въ посмертное восхожденіе душъ по планетамъ къ Богу. Достаточно сказать, что уже въ 363 году Лаодикейскій соборъ воспретилъ чрезмѣрный культъ архангеловъ и таинственные обряды и общины (мистеріи) во имя ангеловъ.¹

Возвращаясь къ нашему памятнику, мы должны сказать, что онъ съ достаточною ясностью построенъ именно на указанномъ образѣ мыслей и вѣрованій, что именно въ силу этихъ вѣрованій четыре архангела, помѣщенные въ четырехъ углахъ гробницы, какъ бы, призываются умершимъ и его близкими, къ помощи при восхожденіи души къ божественному источнику. Правда, и ранѣе четыре ангела, обычно въ мозаикахъ, поднимаютъ въ медальонѣ образъ возносящагося Спасителя, но тамъ они являются только въ согласіи съ древней традиціей, какъ бы властелинами четырехъ странъ свѣта, по назначенію Бога Творца.² Но, въ данной темѣ иная и, явно еретическая мысль руководила заказчиками, провожавшими своего близкаго

¹) [Mansi, Concilia, t. II, p. 570 и P. Perdrizet, o. c. § 11.]

²) [Ср. упом. раб. P. Perdrizet, §§ 3 и 4.]

въ могилу и, по всей вѣроятности, не знавшими того 35 канона Лаодикейскаго собора, которымъ культъ ангеловъ былъ воспрещенъ. Отцы Церкви любили указывать, что эта страсть къ ереси долго пребывала во Фригіи и Писидии, какъ извѣстно, столь близкихъ къ Балканскому полуострову. Извѣстно далѣе, что въ гробницѣ Маріи, дочери Стилихона и жены императора Гонорія, погребенной въ церкви св. Петрониллы въ Римѣ (какъ то записано у Канцельери)¹ была нѣкогда найдена золотая пластинка (laminula d'oro) съ надписью именъ Михаила, Гавріила, Рафаила и Уриила, то есть, сопроводительная магическая молитва четыремъ архангеламъ о принятіи души Маріи подъ покровъ четырехъ архангеловъ. Должно добавить еще одну надпись, найденную во Фригіи (сборникъ Рамзая II, 404²) и, явно, погребальную съ обращеніемъ къ Господу и архангеламъ Михаилу, Гавріилу, Истраилу, Рафаилу...

5.

Кубическая капитель изъ развалинъ Прѣслава (Новозагорско),³ церкви Болгарскіе или дворца, съ изображеніемъ грифа, терзающаго голову слона, представляетъ Болгарскіе наиболее любопытный памятникъ въ средѣ мелкихъ скульптурныхъ рельефы. работъ, самой ранней эпохи I-го Болгарскаго царства. Эта капитель можетъ принадлежать даже VIII или IX вѣку и, будучи не только декоративнымъ произведеніемъ, но и памятникомъ міровоззрѣнія варварскаго племени, заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія (рис. 37).

Какъ извѣстно, грифъ есть фантастическій звѣрь-птица, хищной породы, Грифъ. изобрѣтенный первичнымъ воображеніемъ народовъ Передней Азіи на нѣкоторой реальной основѣ. Согласно самому термину, грифъ есть видъ бурого коріуна, хищной птицы, обитающей на отдаленномъ сѣверѣ, въ горныхъ мѣстностяхъ. Но, уже фантастическая фигура грифа или грифона появляется въ памятникахъ⁴ скульптуры Хетитовъ и Ассиріи и, затѣмъ, обходитъ, какъ любопытное сказочное представленіе, искусство азіатскаго Востока и рано вырабатываетъ опредѣленный типъ. Типъ этотъ уже превращаетъ птицу въ четвероногое животное, котораго тѣло имѣетъ формы льва, но голову орла, съ длинными ушами, гребнемъ и рогами, снабжено широкими крыльями, начинающимися отъ ногъ. Заднія ноги грифа орлиныя.

¹) [Fr. Cancellieri: De secretariis veteris Basilicae Vaticanae, Roma 1786, I, p. 1000. Также: G. V. De Róssi, Bulletino di Archeologia Cristiana, Roma, 1863, n° 7, p. 54. См. перечисленіе аналогичныхъ памятниковъ у: P. Perdrizet, o. c., p. 245, и F. H. Marschall: Catalogue of the jewellery. British Museum. London 1911, n° 3153, p. p. 378—9.]

²) [W. M. Ramsay: The Cities and bishoprics of Phrygia, vol. I, part II, Oxford 1897, p. 541, n° 404; тамъ же приведенъ въ примѣчаніи къ этой надписи упомянутый выше 35-й канонъ Лаодикейскаго собора и даны указанія на свидѣтельства о распространеніи почитанія ангеловъ. См. также P. Perdrizet, o. c. §§ 2—4, 6 и 7.]

³) [См. Водачъ за Народния Музей въ Софія. 1923, n° 316, стр. 194, рис. 94.]

⁴) Статьи Фуртвенглера и Г. Принца въ Лексиконѣ Рошера и Реальной Энциклопедіи Паули-Виссова.

На известном барельефе из цветных изразцов на дворце Суз¹ орлиная голова грифа замѣнена львиною, но съ рогами, и съ Востока же идетъ представлѣніе крылатого дракона-льва, идущее отъ Персовъ, съ однимъ ли закинутымъ рогомъ, или двумя завитыми. Именно такого рода персидскій типъ грифа становится своего рода геральдической эмблемой Пантикапеи, съ конца V-го вѣка, а затѣмъ грифъ является излюбленною

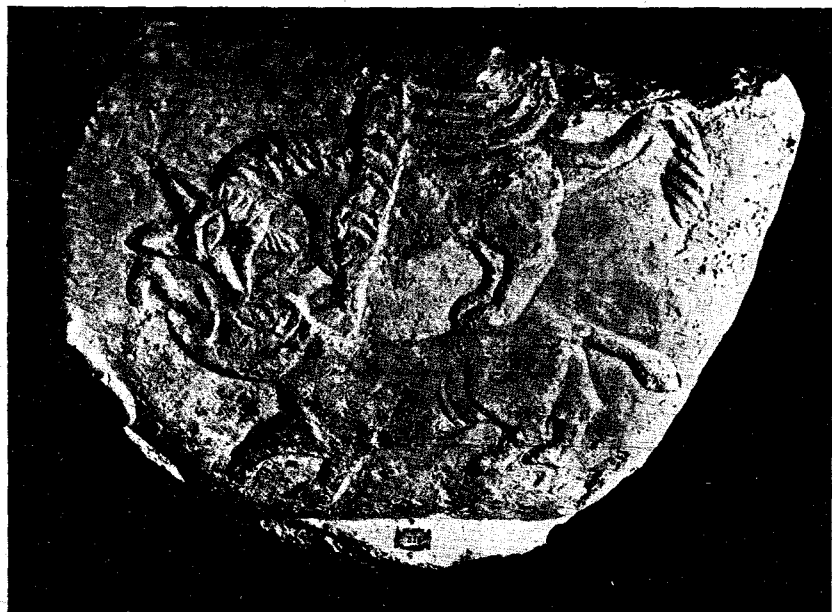

Рис. 37. Капитель изъ развалинъ Прѣслава.

декоративной эмблемой всего скиѣскаго міра² въ его распространѣніи по южной Россіи, Малой Азіи, а затѣмъ, и въ древней Греціи и Римѣ. Единственное объясненіе, которое дается литературой древняго міра этой фигурѣ, ея смыслу и значенію, есть известная басня, по которой грифы были сказочными стражами золотыхъ розсыпей сѣверной Азіи, или, точнѣе говоря, Сибири. Рассказывалось, что скиѣское племя аримасповъ, добывая золото, подвергалось нападеніямъ грифовъ и билось съ ними. Весьма естественно, что древняя Пантикапея, или нынѣшняя Керчь, имѣли на своихъ монетахъ въ IV вѣкѣ изображенія грифа, идущаго по колосу. Пантикапея поставляла древнему міру одинаково золото, какъ и хлѣбъ зерновой. Именно на золотыхъ монетахъ Пантикапеи изображается грифонъ, пры-

¹) Dieulafoy, L'acropole de Suze, pl. IV.

²) Ellis Minns, Scythians and Greeks, 1913. v. griffin.

гающій впередъ, держа въ зубахъ вырванную стрѣлу, или же передняя часть грифона поверхъ осетра, также бывшаго предметомъ торговли въ разныхъ видахъ. Фигура грифона при этомъ имѣетъ или два рога загнутые, или только острые уши и гребень, подобный острой рыбьей чешуѣ.

Образъ грифа перешелъ, въ свое время, черезъ посредство античнаго, а затѣмъ арабо-персидскаго искусства черезъ среду сказочныхъ чудесъ Востока во все средневѣковое искусство и, равно, литературу. Въ частности византійское и средневѣковое восточное искусство воспроизводило на завѣсахъ и коврахъ грифолъвовъ и грифо-онагровъ.¹ Затѣмъ, Физиологъ также сообщаетъ изъ греческой и восточной редакціи слѣдующее описаніе чудесной птицы: „Грифъ есть пернатое четвероногое животное, видомъ левъ съ крыльями и головою орла; онъ обитаетъ въ азіатской Скиѣи, гдѣ грифы владѣютъ золотомъ и серебромъ и яростно терзаетъ людей. Аримаспы бились съ грифами изъ-за драгоценныхъ камней; въ свои гнѣзда грифы кладутъ агаты, изъ когтей ихъ дѣлаютъ кубки, изъ перьевъ стрѣлы.“² Именно два грифа замѣняютъ орловъ, когда изображается въ средневѣковомъ искусствѣ Византіи, какъ орлы несутъ Александра Македонскаго на небесную высоту. Эіопскіе романы рассказываютъ, что громадныя птицы въ странѣ мрака носили спутниковъ Александра. Грифъ замѣняетъ орла въ битвѣ со змѣею (рис. 38).³ Отсюда вполне естественно, что именно кочевые народы, приходившіе въ Европу съ сѣверо-востока изъ Азіи, приносили съ собою одновременно известное почитаніе эмблемъ и символовъ, въ которыхъ грифъ играетъ верховную роль. Короны сассанидскихъ царей украшались наверху спускающимся надъ очельемъ золотымъ изображеніемъ головы грифа съ большимъ клювомъ.

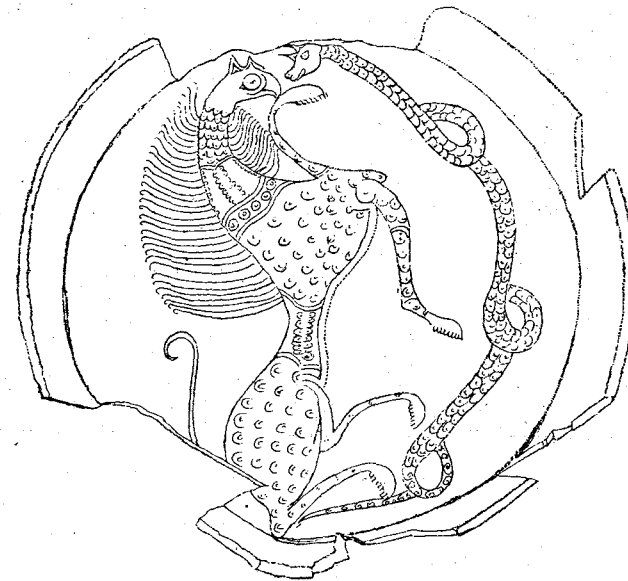

Рис. 38. Поливное блюдо изъ Херсонеса. Схватка грифа со змѣей.

¹) Const. Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae, ed. Bonn., p. 581, 589.

²) О. И. Буслаевъ, Сочиненія, изд. Акад. наукъ 1908. I, стр. 340: Цитата изъ Лѣчебника 1582 г.

³) Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, I, 1896, рис. 14. Русск. Др. V. рис. 18.

У гунновъ было обычнымъ названіе начальника конницы — птицею (хонин-сурис) и, очевидно, хищная птица, будь то орелъ, грифъ, коршунъ, ястребъ, кречетъ, соколъ, имѣла значеніе тотѣма различныхъ племенъ и отрядовъ кочевыхъ ордъ. Отсюда, затѣмъ, обильное распространеніе фигуры грифа-орла съ рогами, терзающаго оленя или сохатую лань, встрѣчающейся въ древностяхъ Венгріи¹ и, между прочимъ, въ томъ же Миклошскомъ кладѣ, который принадлежитъ самъ къ древностямъ болгарскаго народа (рис. 39).

Въ этомъ отношеніи полезно сравнить формы сказочной птицы въ этихъ варварскихъ древностяхъ. Грифъ, терзающій лань на золотомъ сосудѣ

Рис. 39. Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада.

Миклошскаго клада,² отличается отъ настоящаго рельефа тѣмъ, что львиное тѣло его покрыто все мелкою шерстью, имѣетъ малыя крылья, растущія изъ спины и, затѣмъ, вполне декоративный хвостъ, тогда какъ грифы на рельефахъ Прѣслава сохранили еще бородку и крылья, начинающіяся отъ переднихъ ногъ — широкія и большія. Хвостъ грифа на рельефахъ оканчивается, какъ у льва, шишкою съ завитыми на ней волосами. При этомъ должно сказать, что при всей своей грубости исполненія фигура грифа на капители болѣе натуралистична, чѣмъ фигура на плитѣ, крайне сухого шаблоннаго рисунка. Плита³ эта (рис. 41) по всей фактурѣ, сдѣланная изъ краснаго шифера, относится, какъ и прочія, уже къ позднѣйшему времени (XI—XII в.).⁴

Но, возвращаясь къ основному памятнику, должно сказать нѣсколько словъ и о томъ, что грифъ на капители терзаетъ слона, и что это изображеніе имѣетъ особый смыслъ. Слонъ, въ данномъ случаѣ, представленъ

¹) Hampel, J. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, III Atlas. Табл. 80, 84, 96—7, 104, 113, 126, 134, 135, 152, 154, 161—2, 243. Особенно слѣдуетъ отмѣтить множество одиночныхъ или парныхъ пряжекъ отъ пояса въ каждой могилѣ кочевника, наряду съ вещами, не орнаментированными и грубыми, — съ изображеніемъ именно грифа — явная эмблема кочевниковъ или народный символъ.

²) Hampel, J. Der Goldfund v. Nagy Szent-Miklos. 1885, fig. 2, 10, 11, 32.

³) Изъ Старой Загоры, Водачь, № 852—856, стр. 195, рис. 96].

⁴) [Ср. изображенія грифовъ на рельефѣ въ соборѣ Св. Марка въ Венеціи, рис. 40.]

весьма слабо и неуклюже, его тяжелое и грузное тѣло болѣе подобно носорогу, чѣмъ слону; правда, довольно натурально передана не только грузность, но и толщина кожи именно тѣмъ, что только въ одномъ мѣстѣ обозначены складки, но, явно, неудачно переданы короткія ноги, при излишне длинномъ туловищѣ. Голова большая, но съ малыми ушами, съ безобразно выпущеннымъ и согнутымъ хоботомъ и неправильно изобра-

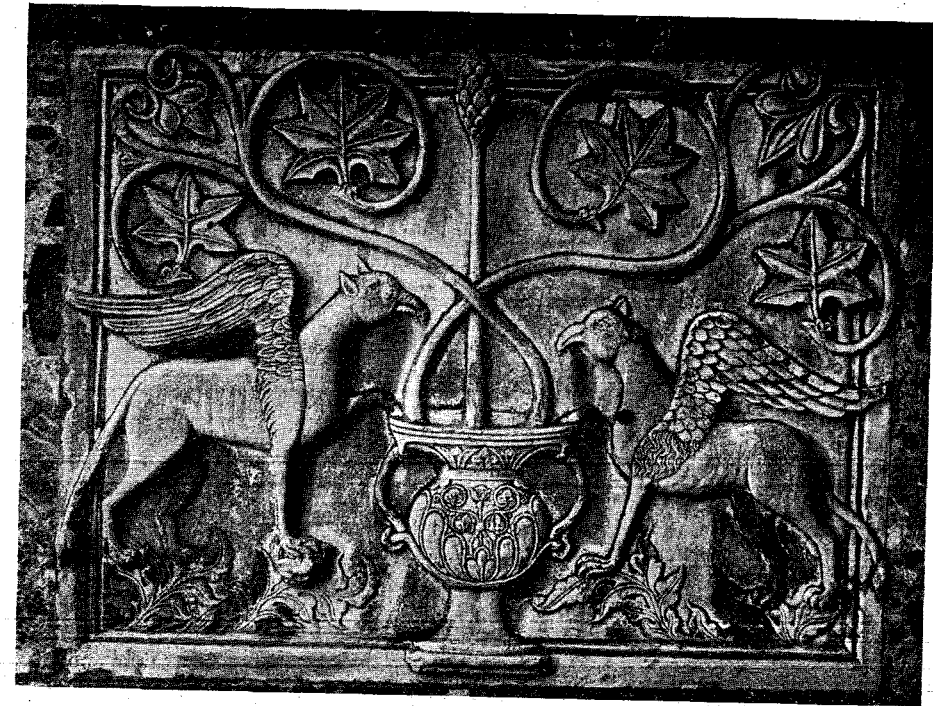

Рис. 40. Плита Собора Св. Марка въ Венеціи.

женнымъ клыкомъ: очевидно, въ рисунокѣ, съ котораго рѣзчикъ дѣлалъ эту фигуру, онъ спуталъ челюсть съ двумя клыками, и, равно, возможно, онъ имѣлъ передъ собою рисунокъ одновременно слона и носорога, и рогъ второго поставилъ въ видѣ длиннаго клыка. Во всякомъ случаѣ, однако, какого бы слона рисовальщикъ ни имѣлъ передъ собой: индійскаго или африканскаго, но онъ намѣренно представилъ нападеніе грифа на слона, или же копировалъ въ данномъ случаѣ эмблематическую композицію уже съ готоваго рисунка. Этотъ рисунокъ имѣлъ опредѣленный смыслъ — нападеніе и побѣду сѣвернаго народа, представляемаго грифомъ, надъ культурнымъ югомъ, а именно Индіею. Всѣмъ извѣстно, насколько, со времени Александра Македонскаго, слонъ и именно боевой сталъ эмблемою восточныхъ державъ, и любопытна та страсть, сначала Рима, а, затѣмъ,

по мѣрѣ появленія слона въ предѣлахъ Европы, въ Византіи и въ новыхъ державахъ европейскаго средневѣковья къ тому, чтобы имѣть у себя слона. Затѣмъ извѣстно, завоеваніе Индіи въ началѣ средневѣковья гуннскимъ племенемъ и утверженіе гуннской орды въ 535 году на сѣверѣ Индіи. Въ всякаго сомнѣнія, что въ настоящемъ изображеніи скрывается политическій смыслъ, и это есть эмблема, отвѣчавшая вполнѣ задачамъ и памятямъ Болгарской орды, вышедшей изъ нѣдръ гуннской вѣтви.

Рис. 41. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

Въ заключеніе должно замѣтить, что на византійскихъ тканяхъ эмблема грифа стала естественно отличать одежды начальниковъ варварскихъ дружинъ, и между ними варяжскихъ по преимуществу, которые даже и звались „грифами“. Отсюда, наконецъ, съ преображеніемъ варварскихъ вождей изъ хановъ, жупановъ, воеводъ въ князей и великихъ князей, эта эмблема перешла къ послѣднимъ по историческому праву.

Что касается второго, какъ было сказано, позднѣйшаго барельефа съ изображеніемъ грифа (рис. 41),¹ то въ немъ оказывается одна особенность, заслуживающая упоминанія, а именно, хвостъ грифа особымъ его движеніемъ продѣтъ между заднихъ ногъ и сильнымъ отбросомъ поднять наверхъ, причемъ большая шишка, съ завитыми на ней волосами, служила, такъ сказать, подвѣсною тяжестью, которая способствуетъ учинить подобный взмахъ. Эта деталь объясняется тѣмъ, что тѣло грифа сознавалось какъ львиное,

¹) [См. выше указаніе на: Водачь Соф. Муз.]

благодаря книжнымъ Физиологамъ и Бестиаріямъ это пояснявшимъ. Левъ же, готовясь къ нападенію, по рассказамъ древнихъ, передъ прыжкомъ развиваетъ въ себѣ одновременно ярость и напряженіе мускуловъ, взмахиваетъ хвостомъ, бьетъ имъ по себѣ, и хвостъ у него заскакиваетъ.¹ Ясно, что подобная, стало быть, тема нападенія грифа, какъ стража, на врага составляетъ содержаніе такихъ барельефовъ, которые назначены преграждать доступъ въ огражденное, недоступное или священное мѣсто.

Рис. 42. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

Въ этомъ случаѣ, стало-быть, прежняя тема изображенія львовъ, мирно идущихъ цѣпью возлѣ стѣны, ограждающей царскій дворецъ, или же баллюстрады и парапета залы царскаго дворца, замѣнилась отдѣльными плитами въ средніе вѣка, и при томъ немногими, при чемъ эти барельефы уже стали ограждать лишь алтарь въ православныхъ восточныхъ церквахъ, а въ римско-католическихъ такъ называемый пресвитеріумъ — мѣсто служенія клира. Въ данномъ случаѣ, очевидно, что плита съ изображеніемъ грифа является составною частью иконостасной преграды, т. е. она вдвигалась въ особый помостъ иконостаса и столбы или колонны, которыми отдѣлялся алтарь отъ храма.

Доказательствомъ дальнѣйшимъ того же обстоятельства является тождественная плита иконостасной преграды, вновь также съ барельефомъ, на этотъ разъ представляющимъ льва (рис. 42).² Изображеніе льва отли-

Плита съ изображеніемъ льва.

¹) [Ср. объясненіе аналогичной детали въ рельефѣ Юрьева-Польскаго, Русск. Др. VI, стр. 45, рис. 88—89.]

²) [Водачь, тамъ же.]

чается всѣми недостатками позднего средневекового (не ранѣе XII вѣка) типа, по связи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить такой же хвостъ, какъ у грифа, и такой же взмахъ его. По старой традиціи, идущей еще тоже отъ персидскихъ дворцовъ и византійскихъ тканей, левъ представленъ прыгнувшимъ, и въ тоже время онъ смотритъ на подходящаго человѣка. Его повернутая морда характерна именно для множества памятниковъ древности средневековья въ области промышленной: таковы, напримѣръ, блюда поливные и чашки съ изображеніемъ льва, далѣе глиняныя черепицы для украшенія стѣнъ.

Въ данномъ случаѣ, всѣ подобнаго рода подѣлки, ставшія характерными для второго періода среднихъ вѣковъ, начиная съ X-го вѣка, какъ на Востока, такъ, отчасти, на Западѣ, и широкой полосой идущія до конца XIII вѣка включительно, должны бы быть рассматриваемы въ средѣ книжнаго народнаго просвѣщенія, восточной Европы сначала, а затѣмъ и западной, породившаго новыя темы и сюжеты въ искусствѣ. Мы уже начали съ грифа, именно темы подобнаго рода и направленія, а за симъ въ древностяхъ Прѣслава должны будемъ остановиться на двухъ столь же важныхъ, а если имъ дать полное объясненіе, то еще болѣе значительныхъ и глубокихъ по содержанію и характерныхъ по отношенію этого книжнаго просвѣщенія къ древности и народнымъ преданіямъ.

Павлинь.

Начнемъ, прежде всего, съ барельефа, представляющаго двухъ павлиновъ,¹ какъ бы взлетѣвшихъ на подставку и клюющихъ еловую шишку (рис. 43). Какъ извѣстно, павлинь, родина котораго была нѣкогда въ Индіи, отнесенъ былъ древнимъ міромъ къ разряду міровыхъ чудесъ, наряду со сверкающими алмазами, слоновою костью, чернымъ деревомъ, бѣловатымъ золотомъ и т. д. Книга первая Царствъ въ Библии, въ главѣ X-ой, стихъ 22, передаетъ, что царю Соломону, посылавшему свой флотъ разъ въ три года въ Тарсисъ, привозили оттуда среди другихъ рѣдкостей обезьянъ и павлиновъ. (Названіе павлина въ Индіи — „туас“, въ Сириі — „тукким“ перешло въ греческомъ въ „таос“ и „паво“ у Римлянъ). Извѣстно, далѣе, что у грековъ павлинь посвященъ былъ Герѣ, богинѣ неба, ради его „глазковъ“ на хвостѣ. Рассказываютъ далѣе, что во времена Перикла было въ модѣ посылать городскимъ дамамъ Аѳинъ павлиновъ, и пара ихъ стоила 10 тысячъ драхмъ. У римлянъ павлинь такъ былъ дорогъ, что тщеславныя патриціи всѣ пиры соединяли съ подачею жаренаго павлина, и для этого промышленники разводили парки на пустынныхъ островахъ, гдѣ содержали павлины выводки. Павлинь перья мода приспособила не только къ шляпамъ, но и опахаламъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ стало за обычай именно съ подачею павлина на столъ произносить тосты, давать обѣты, что у французовъ послѣдствіи называлось въ рыцарской средѣ «voeu du râp», причемъ павлина въ перьяхъ подавала на столъ сама хозяйка. Всѣ эти

¹) [Водачь, тамъ же, рис. 95.]

обычай отчасти шли съ Востока, и потому павлинь перья украшали шляпы турокъ, татаръ и русскихъ кучеровъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно желаніе учителей христіанской церкви освятить міръ, еще наполненный демонами по мысли язычниковъ, и насадить въ немъ, на ихъ мѣстѣ, небесныя силы. Вотъ почему, св. Августинъ въ своемъ сочиненіи о „градѣ Божьемъ“¹ первый сообщилъ суевѣрное преданіе, что мясо павлина не

Рис. 43. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

поддается гніенію, и потому въ немъ божественная мудрость дала людямъ, стало быть, случай помышлять о безсмертіи человѣческой души. Такимъ образомъ, павлинь былъ по этому внутреннему смыслу сближенъ съ райскою птицею — такъ называемымъ фениксомъ, котораго родина была также Индія.

Связь павлина съ фениксомъ многообразная и нерѣдко, какъ напримѣръ, и въ данномъ случаѣ, она требуетъ при изображеніи павлиновъ припоминать основныя сказочныя черты этой баснословной райской птицы. Связь павлина съ фениксомъ такова, что ту и другую называютъ „райскими“ птицами, обѣ происходятъ изъ Индіи и, какъ видно изъ указаннаго текста Августина, книжные начетчики нерѣдко смѣшивали эти два вида волшебныхъ птицъ. Наружное сходство заключается у нихъ въ особомъ головномъ плюмажѣ или хохолкѣ, состоящемъ изъ двухъ или чаще трехъ торчащихъ

Связь павлина съ фениксомъ.

¹) [S. Augustini: De civitate Dei, l. XXI c. IV; ed. Teubner (Leipzig 1905), II, p. 492.]

Фениксъ. изъ головы птицы перышковъ. Въмѣстѣ эти перья явно сближались съ перистыми украшеніями коронъ и вѣнцовъ владѣтельныхъ и воинскихъ, и потому понятно, что натуральныя перья птицъ на головѣ феникса и павлина, какъ будто, замѣняются коронкою изъ трехъ лучей, съ шариками, а въ позднѣйшее время (въ славянскихъ народныхъ вышивкахъ) даже крестиками наверху. Фениксъ играетъ уже въ глубокой древности, въ странахъ Азіи, роль чудесной птицы и, въ своемъ родѣ, образа высшей божественной силы. Въ отличіе отъ другихъ сказочныхъ животныхъ и птицъ фениксъ не имѣетъ, однако, вовсе реальной основы, и воображеніе составило его, по догадкѣ Мюнстерберга,¹ изъ двухъ птицъ — павлина и фазана. Несмотря на такое отсутствіе реальной основы, уже въ эпоху до Р. Хр., или, точнѣе, вмѣстѣ съ династією Ханъ искусство Китая усвоило себѣ во всѣхъ отдѣлахъ живописи и скульптуры, художественной промышленности и на тканяхъ эмблему феникса, какъ священный знакъ высшей власти міра въ природѣ и въ людяхъ. Разсказы о чудесной птицѣ появились въ эпоху Р. Хр. и въ древнемъ мірѣ. Натуральная исторія Плинія Младшаго въ главѣ X, II передаетъ,² что Эѳіопляне и иудеи вѣрятъ въ существованіе необыкновенныхъ птицъ и, между прочимъ, въ замѣчательную птицу Аравіи — феникса, хотя, говоритъ онъ, вѣроятнo, сказочную, существующую неизвѣстно гдѣ и живущую одиноко во всемъ мірѣ, большихъ орлиныхъ размѣровъ, съ блестящею какъ золото шеей, и пышнымъ хвостомъ цвѣтовъ: пурпура, розы и лазури, и перистою „челкой“ (*apex*) на головѣ, какъ почетнымъ знакомъ. Изъ этого описанія болѣе или менѣе ясно, что чудесная птица, единственная въ своемъ родѣ, должна была стать рано предметомъ легенды, и потому фениксъ, явно, сталъ представлять собою солнечную птицу, которая одинока, какъ само солнце,

¹) Münsterberg, Chinesische Kunst, I. 1910.

²) С. Plinii: Hist. Natur., lib. X, c. II »De phœnice« даетъ точный перечень смутныхъ представлений греко-римской древности о фениксѣ, какъ можно видѣть и въ краткомъ извлеченіи его текста: *Aethiopes atque Indi discolors maxime (чрезмѣрно пестраго оперенія) et inenarrabiles ferunt aves, et ante omnes nobilem Arabiae phœnicem, haud scio ave fabulose, unam in toto orbe, nec visum magnopere. Aquilae narratur magnitudine, auri fulgore circo colla, cetero purpureus, caeruleam roseis caudam pennis distinguuntibus, cristis fauces, caputque plumeo apice honestante*«. Сенаторъ Манилій сообщаетъ о немъ, что никто не видалъ феникса питающимся, что онъ посвященъ въ Аравіи солнцу, живетъ 560 лѣтъ и, состарившись, строитъ себѣ изъ вѣтвей гнѣздо, и, наполнивъ его благоуханіями, въ немъ умираетъ. Изъ праха его рождается червь и становится птицею, хоронитъ умершаго и уноситъ гнѣздо въ городъ солнца близъ Панхай (*prope Panchaiam*) и кладетъ на алтарь. Кругъ временъ года совпадаетъ съ жизнью феникса, и возвращаются на свое мѣсто времена и знаки ихъ, какъ утверждаетъ Манилій, и бываетъ это возстановленіе въ день знака Овна въ полдень. Подобное свидѣтельство передаетъ Плиній о появленіи феникса въ Египтѣ и въ 800 году (*anno Urbis DCCC*) въ Римѣ, но этотъ случай могъ, по мнѣнію Плинія, произойти и съ мнимымъ фениксомъ (*sed quem falsum esse nemo dubitaret*). Къ этому можно прибавить, что отношеніе феникса къ гармоніи временъ года является указаніемъ на китайскій источникъ басенъ о фениксѣ.

и которая также вѣчна, какъ и оно само, но также умираетъ, какъ опять ежедневно умираетъ солнце. Было бы излишне по данному поводу отыскивать древнѣйшія залежи этого мифологическаго типа, и мы ограничимся указаніемъ на матеріалы, представляемые въ этомъ отношеніи иконографіей восточныхъ цилиндровъ Западной Азіи,¹ которые изображаютъ въ различные періоды древности неизвѣстныхъ мифологическихъ птицъ могучей силы, какъ ближайшихъ слугъ Бога-Солнца. На указанной основѣ естественно возникаютъ древнія сказанія о томъ, что фениксъ живетъ всегда одиночно, долго, но находитъ себѣ смерть въ огнѣ, какъ солнце въ вечерней зарѣ, и затѣмъ, тотчасъ изъ пепла воскресаетъ къ новой жизни въ обновленномъ видѣ. Затѣмъ, еще въ языческой мифологіи образовалось представленіе, что фениксъ прилетаетъ изъ Аравіи въ Египетъ, стораецъ въ храмѣ Бога-Солнца и возрождается изъ оставленнаго въ пеплѣ яйца. Дальнѣйшіе разсказы передаютъ болѣе подробно, что фениксъ живетъ 500 лѣтъ, питается каплями ѳиміама, вьетъ себѣ гнѣздо въ вѣтвяхъ пальмы изъ благовонныхъ растений. Затѣмъ, разсказывали, что, когда фениксъ прилетѣлъ въ Египетъ въ 34 году по Р. Хр., то его появленіе очень заняло тогдашнихъ греческихъ ученыхъ, потому, что его опереніе отличалось отъ всѣхъ прочихъ птицъ, и онѣ провожали его стаею, дивясь ему; что жрецы Гелеополя знали это появленіе феникса и провожали его прилетѣть по годамъ на основаніи древнихъ книгъ, отыскивая на его тѣлѣ тайные знаки. Равно передавали, что онъ живетъ въ Индіи и, имѣя фигуру орла, блеститъ какъ золото, что онъ болѣе прекрасенъ, чѣмъ даже павлинъ, больше размѣромъ, и что изъ его праха появляется червячекъ, который, будучи пригрѣтъ солнцемъ, становится новымъ фениксомъ.

Отсюда, для нашего памятника существенно важно значеніе феникса, какъ образа безсмертія, въ видѣ райской птицы, которое изображается на христіанскихъ саркофагахъ, и даже, въ монументальныхъ алтарныхъ мозаикахъ. Такъ на примѣръ, въ мозаикѣ римской церкви свв. Космы и Даміана, сирійскихъ святыхъ цѣлителей-врачей, по сторонамъ Спасителя, появляющагося въ небесахъ, свв. Косма и Даміанъ приводятся къ его образу апостолами Петромъ и Павломъ. Смыслъ торжественной сцены объясняется оживившеюся въ римскомъ народѣ вѣрой и надеждой на святыхъ врачей въ періодъ жестокаго чумнаго мора. Римская церковь, представляемая двумя апостолами, подводитъ врачей — божьихъ слугъ къ подножью Божества, которое въ образѣ Бога Слова, простирая руку, объявляетъ спасеніе. По сторонамъ сцены двѣ пальмы имѣютъ наверху символическіе образы безсмертія — двухъ фениксовъ. Головы ихъ въ сліяніи — нимбѣ. Въ этомъ смыслѣ даже и декоративныя произведенія знаютъ изображенія, если не самихъ фениксовъ, то павлиновъ, которые замѣняли собою райскую птицу, сначала исключительно съ декоративною задачею на тканяхъ,

¹) Ward, W. H. The Seal cylinders of Western-Asia 1910, гл. IV, XV, XXII, XIX и др.

а затѣмъ съ внутреннимъ религіознымъ смысломъ, такова, напримѣръ, знаменитая ткань, находящаяся въ соборѣ Тулузы.¹

Плита съ изображеніемъ павлиновъ.

Настоящій барельефъ изображаетъ павлиновъ въ опредѣленной сакральной обстановкѣ: два павлина взлетѣли на символическій фонтанъ, представленный чашею на столбѣ, изъ которой поднимается трубка, оканчивающаяся подобіемъ еловой шишки, точащей воду, но рѣзчикъ, копировавшій свой оригиналъ и задумавшій представить павлиновъ на лету или взлетѣвшими, изобразилъ самую чашу и, не понявъ того, что еловая шишка въ такихъ фонтанахъ бывала бронзовая, заставилъ одного павлина клевать ее, такъ какъ обычно пары птицъ на подобныхъ изображеніяхъ клюютъ плодъ или цвѣтокъ. Но все цѣлое даннаго изображенія, ясно, показываетъ намъ назначеніе этого барельефа украшать, въ качествѣ вставной плиты, также иконостасную преграду, чему отвѣчаетъ ея декоративный характеръ и наряду легендарный религіозный смыслъ...²

Памятники съ изображеніемъ того же сюжета.

Сушественно указать на стилистическія особенности даннаго барельефа по сравненію съ другими барельефами той же темы. А именно, мы имѣемъ для сравненія, во I-хъ — двѣ плиты средневѣковаго Рима и, равнымъ образомъ, двѣ плиты Венеціи, и, наконецъ, одну плиту мозаики древнехристіанскаго періода въ музеѣ Аквилеи, съ которой и начнемъ разсмотрѣніе другихъ изображеній для сравненія съ болгарскимъ.

Мозаика Аквилеи.

Древнехристіанская мозаика Аквилеи принадлежитъ къ IV или, по крайнему предѣлу, къ V вѣку, и даетъ изображеніе павлина, прогуливающагося среди разводовъ виноградной лозы, грозди которой щиплетъ птица. Лоза протянута шпалерами, птица пробирается среди побѣговъ, которыхъ грозди еще только завязались, рядъ побѣговъ мелкихъ усиковъ свиваются спиралями, не находя прицѣпки.³ Какъ то обыкновенно бываетъ, изображеніе павлина здѣсь вполне реально и, можно сказать, напоминаетъ рисунокъ въ атласѣ, настолько точно передана самая фигура птицы и ея оперенія, начиная съ чешуйчатой шеи и спины и кончая пышнымъ хвостомъ съ „глазками“, распределенными по золотистому фону. Важнѣйшая характеристика реального рисунка заключается въ томъ, какъ переданъ извѣстный хохолокъ птицы: онъ состоитъ изъ группы стерженьковъ, заканчивающихся малыми пѣрышками, что образуетъ такъ называемый „султанъ“. Число такихъ стерженьковъ въ натурѣ у павлина бываетъ до шести, и, какъ всѣмъ извѣстно, на этомъ признакѣ строятся, обычно, эгретки, или султаны и „таши“ — головныхъ украшеній владыкъ, изъ перьевъ съ драгоценными камнями наверху.

¹) O. v. Falke, рис. 250.

²) Ср. тождественную чашу — фонтанъ, среди разводовъ винограда, и съ такою же сосною шишкою наверху, но съ двумя пьющими изъ чаши зайцами, на плитѣ изъ Коніи, VIII или IX вѣка: Musées Ottomans. Catalogue des Sculptures par G. Mendel, t. II. 1914, рис. на стр. 484.

³) Фотографія Алиари № 20897. [См. также: G. Niemann a H. Swoboda: Der Dom zu Aquileia, Wien 1906, taf. X.]

Сравнительно съ этимъ художественно-реальнымъ наброскомъ мы имѣемъ уже въ Равеннѣ чисто декоративное представленіе вазы, изъ которой выходятъ двѣ лозы винограда, заполняющія фонъ плиты; посреди этихъ двухъ разводовъ изображена монограмма Христа, съ крестомъ вмѣсто буквы X и присоединеннымъ знакомъ P; два павлина помѣщены здѣсь на подымающихся вѣтвяхъ винограда по сторонамъ этой монограммы. Эти два павлина являются здѣсь уже символомъ безсмертія, а самая плита принадлежитъ саркофагу. На головахъ павлиновъ такой же хохолокъ, въ видѣ пучка пѣрышковъ. Плита относится къ VI вѣку.¹

Рельефы Равенны и Рима.

Въ церкви Маріи въ Космединѣ, въ Римѣ, имѣется уже декоративная плита съ крестомъ, орнаментально раздѣланымъ, и листвою аканѳовъ, и двумя розетками. На волнотахъ креста два павлина пьютъ изъ чашъ, поставленныхъ на рукава креста. Уродливый рисунокъ фигуръ этихъ птицъ и ихъ пышныхъ, свѣшивающихся хвостовъ отвѣчаетъ грубости обычныхъ ремесленныхъ скульптуръ лангобардскаго періода Италіи и относится къ IX вѣку. Въ силу грубости работы, или скрытаго символизма, хохолокъ павлиновъ представленъ въ видѣ трехъ перьевъ.²

Дальнѣйшее развитіе представляютъ рельефы плитъ церкви св. Марка въ Венеціи. На первой изъ этихъ плитъ³ по принятому уже шаблону изображена желобчатая ваза, изъ нее поднимается виноградный стволъ, образуя двѣ расходящіяся вверху вѣтви, но уже листья и грозди имѣютъ характеръ орнаментальной схемы, далекой отъ природы. Но, что особенно важно для насъ, въ центрѣ развода исполненъ одинъ листъ, какъ бы неразвитой пальмовой вѣтки, которая имѣетъ форму, подобную сосновой шишкѣ болгарскаго рельефа, и объясняетъ ея появленіе на стволѣ, выходящемъ изъ вазы.⁴ Два побѣга по сторонамъ этого листа даютъ профиль листьевъ аканѳа, или медвѣжьей лапы. Затѣмъ, самыя фигуры птицъ превращены тоже въ орнаментальную схему: короткіе хвосты съ рядами стержней и кружковъ, на нихъ идущихъ рядами, замѣняютъ натуральный хвостъ павлина. Крылья павлина несоразмѣрно коротки, лапы еще сохраняютъ натуральное строеніе птицъ куриной породы, но уже схематически одна нога приподнята и ищетъ опоры. Но еще важнѣе, въ смыслѣ символизма райской птицы, что ея хохолокъ сдѣланъ троичнымъ и представленъ въ видѣ трехъ стержней, съ тремя солнечными кружками наверху. Этого рода священная коронка павлина въ эту эпоху является уже у него общою со сказочною райскою птицею — фениксомъ, и она уже будетъ сопровождать

Рельефы св. Марка въ Венеціи.

¹) [Воспроизведенія см.: O. M. Dalton: East Christian art, Oxford 1925, pl. LXIX, 2. O. Wulff: Altchristliche und byzantinische Kunst, I, abb. 180. Ch. Diehl, Manuel, I, fig. 140; ср. плиту баллюстрады ц. св. Аполлинарія Новара, ibidem, fig. 142.]

²) [Воспроизведеніе см. у A. Colasanti: L'art byzantin en Italie. Milano, pl. 79.]

³) [Воспроизведеніе у Colasanti, o. c., pl. 87.]

⁴) [Деталь шишки имѣется также и на плитѣ съ изображеніемъ двухъ грифовъ, см. выше, рис. 40.]

образъ павлина повсюду, какъ райской птицы въ народномъ искусствѣ, не только средневѣковья, но и современномъ — вышивкахъ. Второй декоративный барельефъ (рис. 44) на лѣвой сторонѣ базилики св. Марка при-

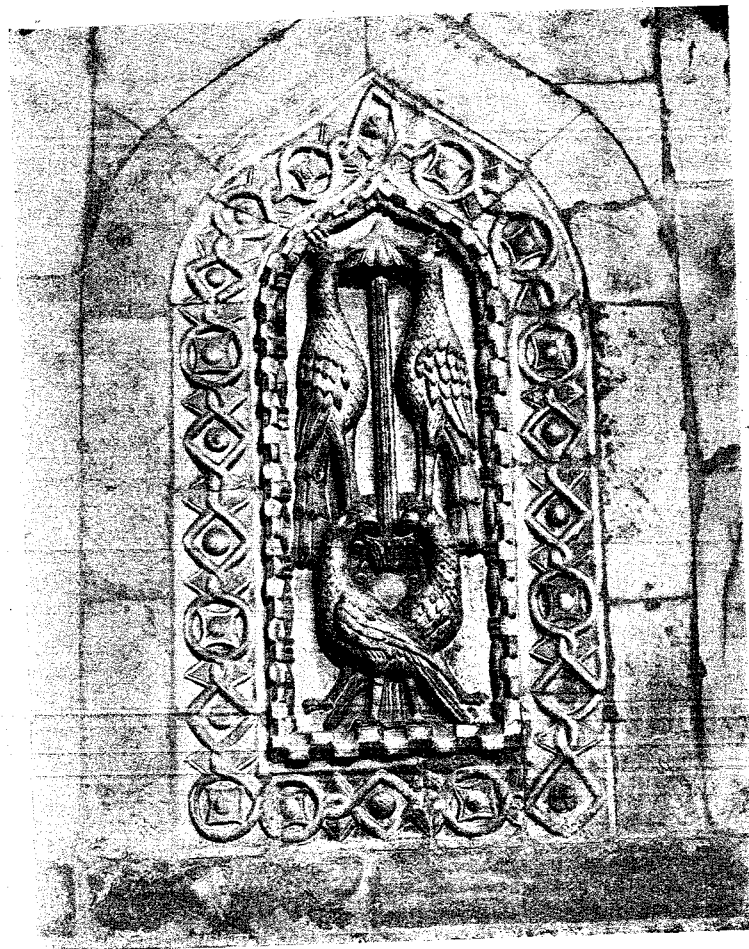

Рис. 44. Рельефъ на соборѣ Св. Марка въ Венеціи.

ближается къ нашему барельефу, потому что представляетъ здѣсь вновь фонтанъ, котораго средняя часть — въ видѣ вазы, верхняя часть въ формѣ ложбленнаго столбика съ раковиннымъ зонтомъ наверху. Двѣ птицы внизу, неестественно завернувъ головы, пьютъ изъ чаши (что доказываетъ, что и нашъ барельефъ представляетъ тотъ же фонтанъ), а два павлина наверху, стоящіе на головахъ этихъ птицъ, какъ бы клюютъ цвѣточный зонть, изъ фонтана поднявшійся. Эта плита принадлежитъ XII вѣку, тогда

какъ предъидущая, по всей вѣроятности, къ XI вѣку. И такимъ образомъ, болгарскій барельефъ является работою XI вѣка, но болѣе схематичной, чѣмъ всѣ нами приведенные. Что для насъ имѣетъ существенное значеніе, въ отличіе отъ указанныхъ памятниковъ Запада, это восточныя детали болгарскаго изображенія. А именно крылья птицы подѣлены на двѣ части: полукруглый щитокъ и собственно загнутое крыло. Первый щитокъ, съ чешуйчатою внутренностью, отличаетъ собою всякое восточное крыло,

Рис. 45. Шиферная плита изъ Старой Загоры.

какъ на примѣръ, у грифа, крылатаго льва или крылатаго коня, второй, загнутый въ одну сторону внутрь, какъ бы хвостъ, также идетъ изъ глубокой древности восточнаго искусства. Въ западныхъ изображеніяхъ нигдѣ нѣтъ подобныхъ щитковъ и крыло не загибается внутрь. Что же касается сосновой шишки, то мы уже указывали на ея сакральное употребленіе на Востока: на ассирійскихъ барельефахъ въ рукахъ царя и бога, и можемъ указать еще на распространеніе той же эмблемы въ средневѣковомъ искусствѣ Востока — Персіи, Тибета и пр...

Плита съ изображеніемъ въ рельефѣ двуглаваго орла¹ (рис. 45) является замѣчательной исторической эмблемой и подобно предъидущимъ требуетъ посильнаго историческаго объясненія, или, точнѣе говоря, хотя исторической постановки зародившихся сравнительно въ недавнее время въ археологіи объ этомъ орлѣ вопросовъ. Правда, вопросъ этотъ сначала не

Плита съ изображеніемъ двуглаваго орла.

¹) [См. Водачь Соф. Муз., стр. 195.]

былъ вовсе археологическимъ и научнымъ, и его, скорѣе, можно было бы назвать историческимъ анекдотомъ и даже не болѣе того. Историческій анекдотъ относился, какъ извѣстно, къ политической или государственной эмблемѣ или гербу двуглаваго орла, извѣстнаго какъ гербъ Византіи, нѣкоторыхъ славянскихъ державъ и русскаго царства. Сначала его объясняли, какъ образную композицію политическаго происхожденія и значенія, но, затѣмъ, оказалось, что двуглавый орелъ имѣетъ свою иконографію религіознаго происхожденія, идущую изъ глубокой древности передне-азиатскихъ государствъ. Такъ, на извѣстномъ барельефѣ въ мѣстности Богаз-Кей, въ Каппадокіи, на мѣстѣ древняго Птеріума, столицы Хеттитовъ или народовъ Хета, находится изображеніе двуглаваго орла, служащаго подножіемъ двухъ женскихъ божествъ съ коронами на головахъ и скипетрами въ рукахъ, встрѣчающихъ владыку Хеттитовъ, подходящаго къ нимъ, въ короткой одеждѣ, съ остроконечнымъ колпакомъ на головѣ и булавою въ рукахъ.¹

Эмблема имѣетъ здѣсь уже сложившуюся вполне композицію, а именно орла съ поднятыми и распростертыми крыльями и двумя головами орлиными, обращенными въ разныя стороны; по отношенію къ нашему рельефу эмблема совершенно также скомпанована, съ тою лишь разницею, что на рельефѣ въ Богаз-Кей крылья подняты кверху или, вѣрнѣе, вскинута наверхъ и загнута, тогда какъ на нашемъ рельефѣ они опущены внизъ. Естественно, затѣмъ, въ связи съ другими зооморфическими эмблемами и символическими фигурами Месопотаміи и Персіи, эмблема была приведена въ связь съ общимъ вѣрованіемъ въ различныхъ религіяхъ Азіи въ невѣдомыхъ или сказочныхъ и волшебныхъ птицъ колоссальнаго размѣра, которыя въ результатѣ обычнаго религіознаго процесса, превратились изъ божескихъ существъ въ ихъ слугъ, вѣстниковъ или демоновъ, благихъ для человѣка и связующихъ его землю съ небесною обителью, и которыя въ различныхъ мифологіяхъ получили рядъ названій, прозвищъ и даже собственныхъ именъ, тоже въ порядкѣ обычнаго мифологическаго процесса. Таковы „ногъ“ или „ногуй“, „гаруда“, „рох“ Арабовъ, „каршипта“ — Персовъ, „имгигъ“ у Хеттовъ, „симуургъ“ у Фирдоуси и мн. др. Эти варіаціи одного и того же типа, идущія изъ древнѣйшихъ основъ азиатскихъ религій, необходимо имѣть въ виду для соотвѣтственнаго выдѣленія различныхъ типовъ въ средневѣковомъ спискѣ греко-восточныхъ сказочныхъ птицъ книжнаго происхожденія, но того же религіознаго источника.

Среди множества мифологическихъ сюжетовъ колоссальной птицы, подымающей въ своихъ когтяхъ большихъ животныхъ и даже хищныхъ звѣрей, было обращено особое вниманіе на рядъ печатей — цилиндровъ Месопотаміи,² а затѣмъ и Сиро-хеттитскихъ, изображающихъ подобныя

¹) [Воспроизведение см.: G. Perrot et Ch. Chipiez: Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, pl. VIII.]

²) Ward, W. H. The Seal cylinders of Western Asia. Washington, 1910, IV: Archaic cylinders, The eagle of Lagash, fig. 56—75.

фигуры птицъ, хватающихъ добычу въ присутствіи божествъ, и, между прочимъ, древнѣйшихъ цилиндровъ съ подобною темою орла, такъ называемаго орла „Лагаша“ (города Месопотаміи). Правда, этотъ могучій орелъ, хватающій когтями двухъ ланей разомъ, или двухъ ибексовъ (каменный козелъ), или же двухъ змѣй, имѣетъ только одну голову, иногда подобіемъ львиную (на цилиндрѣ и на вазѣ Энтемены),¹ но, такъ какъ орелъ схватываетъ когтями обѣихъ ногъ двухъ животныхъ, а между тѣмъ голова смотритъ только въ одну сторону, то естественно предположить, что ради обычной симметріи и ради полноты изображенія, по шаблону, слѣдовало и пришлось составить фигуру этого орла съ двумя головами. Впослѣдствіи подобный орелъ сталъ эмблемою богини Иштаръ и вмѣстѣ съ распространеніемъ ея культа явился слѣдовательно, болѣе или менѣе, повсюду въ мѣстахъ ея культа. Богиня плодородія и въ то же время богиня смерти, сходящая подъ землю и вновь выходящая на поверхность ея, чтилась въ Месопотаміи и Финикіи, подъ именемъ Астарты и многочисленныхъ прозвищъ, въ образахъ ее представляющихъ и ее сопровождающихъ животныхъ, являясь первичною формою или оригиналомъ Афродиты и связанныхъ съ нею культовъ. Равно и самый орелъ является, по существу, воплощеніемъ солнечнаго божества и поднимается до солнца, чтобы взять, какъ бы небесный огонь. По правдоподобной догадкѣ, выработанной С. Рейнакомъ, орелъ первоначально представлялъ собою того титана (Прометея), который похитилъ огонь съ неба, подарилъ его людямъ и котораго Зевсъ поразилъ вѣчною казнью, приковавъ его къ скалѣ, гдѣ орелъ долженъ былъ пожирать его постоянно выросавшую печень.²

Какъ можно видѣть на изображеніяхъ, имѣющихся въ многочисленныхъ цилиндрахъ въ изданіи Ward'a, орелъ данной темы представляется постоянно со своею выставленною передъ нами грудью, крыльями, видными съ испода и распростертыми иногда даже въ линію, какъ эмблема солнечнаго божества (Ашура) и, наконецъ, съ двумя разставленными ногами, т. е. именно въ положеніи, напоминающемъ фигуру распятаго человѣка. Предлагая такое дополненіе къ мифологическому построенію внимательнаго историка культовъ древности С. Рейнака, мы можемъ указать еще на одно возможное соображеніе, которое подтверждаетъ такую догадку. Мало кто знаетъ, что русскій народъ называетъ „двуглаваго орла“ государственнаго герба — „орломъ пластаннымъ“, равно, по нашему, „орломъ распластаннымъ“, т. е. какъ будто считаетъ фигуру орла разрѣзанною на двѣ половинки и распластанныю.

¹) [См.: L. Heuzey: Le vase d'argent chaldéen d'Entéména, découvert par Mr Sarzec. Monuments Piot. t. II, 1895. Также воспроизведение большого (8—3½ фута) мѣднаго рельефа, найденнаго въ 1919 году, нынѣ въ Британскомъ Музеѣ, въ журналѣ Illustrated London News, May 14, 1927.]

²) [Sal. Reinach: Aetos Prometheus. Cultes, mythes et religions, t. III (IIe éd. Paris 1913), p. p. 68—91.]

Но, если иконография двуглавого орла может быть посылно и предположительно объяснена, то несравненно труднее смутный пункт о политическом использовании этой эмблемы. Прежде всего, не вполне достоверно определение этой эмблемы, как государственного символа Византии, развѣ только съ 1048 года, причемъ по рефлексу считаютъ возможнымъ въ двухъ головахъ такого орла прозрѣвать имперію восточную и западную. На монетахъ Византии употребилъ данную эмблему¹ впервые властитель Трапезунда Василій Комненъ (1333—1340), но только одноглавого орла, а двуглавого впервые властитель Метелина Гатилузіо (1400—1449), затѣмъ двуглавого орла имѣлъ на своихъ монетахъ деспотъ Иванъ Оливеръ XIV вѣка, и цари Болгарскаго царства Георгій Тертеръ (1279—92) и Михаилъ Шишманъ XIV же столѣтія, равно Тверской великій князь Михаилъ Борисовичъ. Въ то же время извѣстный болгарскій нумизматъ Н. А. Мушмовъ считаетъ ошибочнымъ указаніе, будто бы двуглавый орелъ былъ на монетахъ Мануила III Комнина Трапезундскаго (1390—1417 г.), и равно, ошибочною догадку извѣстнаго русскаго нумизмата барона Кёне — будто бы трапезундскіе императоры выбивали на своихъ монетахъ двуглавого орла.

Если эта политическая сторона сюжета остается смутной въ Европѣ, то декоративная тема этой фигуры является понятной для различныхъ прилѣповъ средневѣковой скульптуры,² и можно указать между ними на первомъ мѣстѣ настоящую фигуру, носящую на себѣ черты ранняго шаблона. Прежде всего, крылья орла въ данномъ изображеніи подѣлены на чешуйчатый верхъ и перистые хвосты по восточному загнутые, для сравненія имѣемъ рядъ изображеній на тканяхъ.³ Въ сводѣ средневѣковыхъ шелковыхъ тканей изданія Отто Фальке почти всѣ подобныя ткани принадлежатъ Багдаду, Ираку и Сельджукскимъ властителямъ. Въ царствѣ Ортакидовъ (Амида), около 1200 года двуглавый орелъ является предпочтительнымъ знакомъ или эмблемою, употребительною у туркменовъ и курдовъ Каппадокіи и Ирака, въ Каирѣ и Амидѣ, и при Саладинѣ въ Коніи.⁴ Въ сборникѣ Фальке двѣ ткани происходятъ изъ Багдада, начала XIII вѣка, третья имѣетъ куфическія письма на груди орла, также мусульманской работы, четвертая (№ 184) изъ Испаніи, пятая (185) также изъ мастерскихъ Андалузіи, слѣдующія двѣ (№№ 200 и 202) изъ Сициліи, и послѣдняя даже представляетъ двуглавого орла, подымающаго когтями двухъ львовъ. Въ дополненіе

¹) Монетитѣ и печатитѣ на Българскитѣ царе отъ Никола А. Мушмовъ, София 1924, 29—30.

²) [См. напр. скульптурныя изображенія двуглавого орла съ двумя змѣями на стѣнахъ церквей въ Episcopi и въ Volo, въ Эссалии, Bulletin de correspondance Hellénique 1920, p. 191, fig. 4—6, 12. Плита съ двуглавымъ орломъ геральдическаго типа имѣется въ митрополіи въ Мистрѣ, въ Пеллопонесѣ. См. также одноглавыхъ орловъ на плитахъ въ Св. Софіи въ Охридѣ и на рѣзныхъ дверяхъ въ ц. Св. Николая тамъ же, Н. П. Кондаковъ: Македонія, рис. 159, 160 и табл. III.]

³) O. v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei 1913, рис. 157—160, 163, 184, 185, 200—202. Одноглавого орла восточнаго типа рис. 144. Также одноглавого орла на имп. мантии см. въ сборникѣ Hefner-Alteneck, Trachten des Mittelalters, I, табл. 22.

⁴) [Также въ Эрзерумѣ, скульптурныя украшенія Якутье-медресе и Чифте-минаре-медресе.]

къ тканямъ тотъ же оборникъ приводитъ снимки гербовъ царства Ортакидовъ въ Амидѣ, герба Коніи и Багдада 1220 года. Далѣе извѣстно, что въ 1340 году императоръ Андроникъ далъ Андрею Музаки за его побѣду вмѣстѣ съ титуломъ деспота Епира гербъ съ фигурою двуглавого орла. Дюканжъ приводитъ въ своей византийской исторіи (XXXVII) гербъ Ласкариса 1206 года. Державный гербъ Византии съ 1048 года подобнаго типа принесенъ Комнинами изъ Пафлагоніи. Всѣ эти данныя убѣждаютъ насъ, что декоративныя плиты подобнаго рода, какъ восточные гербы, могли именно быть официально приняты болгарскими царями, происходившими изъ куманскихъ князей (Георгій Тертеръ и Михаилъ Шишманъ). Наконецъ, приведа нашъ барельефъ въ связь съ указанными тканями, а равно и скульптурными гербами той же темы — двуглавого орла, естественно заключить, что болгарская плита есть опредѣленное подраженіе гербамъ эмировъ и, можетъ быть, султановъ, съ которыми, уже по признаваемой старинѣ, могли признавать себя въ свойствѣ бывшіе ханы, ставшіе царями Болгаріи. На томъ же основаніи считаемъ, что плита съ вырѣзаннымъ двуглавымъ орломъ, заложенная въ позднѣйшій алтарь, у подножья престола, въ Марковомъ монастырѣ въ окрестностяхъ Скоплѣ, принадлежитъ, по своему происхожденію, Болгаріи¹...

Древности азиатскихъ кочевыхъ народовъ, перешедшихъ въ Европу, представляютъ собою уму историка любопытное явленіе опредѣленной политической реакціи въ сторону азиатскаго Востока и его традицій. Именно въ этомъ смыслѣ мы имѣли случай наблюдать рядъ различныхъ пунктовъ въ проявленіи такого возврата къ собственнымъ древностямъ и художественнымъ традиціямъ, какъ религиознымъ формамъ и обрядамъ у скивовъ и сарматовъ южной Россіи. Точно то же самое приходится археологу вивѣтъ въ древностяхъ Аланъ, Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ въ пору средневѣковья, и именно этимъ общимъ явленіемъ слѣдуетъ, прежде всего, руководиться, даже въ наблюденіяхъ частностей быта, религіи и искусства кочевыхъ народовъ. Въ противоположность тѣмъ историкамъ, которые, прикасаясь единственно къ политической оболочкѣ смутной поры европейскаго средневѣковья, видятъ въ кочевникахъ только грабителей и разбойниковъ, археологъ долженъ, прежде всего, принимать во вниманіе ту психическую реакцію, которая должна была лежать въ основаніи ихъ быта на новыхъ мѣстахъ. Мы уже констатировали фактъ подобнаго возвращенія къ Востоку въ появленіи барельефа съ грифомъ и слономъ, другого со львомъ, третьяго съ двумя павлинами и, наконецъ, четвертаго съ двуглавымъ орломъ, и должны были признать въ нихъ исконное восточное происхожденіе, или, по крайней мѣрѣ, ихъ восточную родину. Въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ орнаментальнымъ плитамъ (№№ 369, 371, 372, 374, 377,

Общій характеръ болгарскихъ древностей.

¹) [См. Н. П. Кондаковъ: Македонія, стр. 184, а также рѣзныя изображенія двуглавого орла на фрагментахъ отъ паникадила (съ надписью краля Влкашина) въ томъ же храмѣ. Др. Л. Мирковић и арх. Ж. Татић: Марков Манастир. Народни Музеј у Београду. Српски споменици III. 1925, стр. 6 и рис. 26 на стр. 27.]

380¹⁾ — Софійскаго Народнаго музея, происходящимъ изъ города Прѣслава, гдѣ онѣ были найдены въ развалинахъ княжескаго дворца X—XI вѣка, мы должны путемъ стилистическаго разбора выяснитъ ихъ историческій типъ.

Въ виду этого археологамъ Болгаріи въ будущемъ, при разслѣдованіи памятниковъ древнѣйшей болгарской территоріи, содержащей развалины первыхъ становъ кочевой орды, явно, придется сопоставлять памятники первыхъ становъ кочевой орды, явно, придется сопоставлять памятники другъ съ другомъ въ историческомъ порядкѣ. То самое уже сдѣлалъ извѣстный своими работами по болгарскимъ древностямъ К. Шкорпилъ, и его статья о Прѣславѣ съ планами этой древней столицы уже содержитъ сопоставленіе плановъ Абобы и Прѣслава въ одинаковомъ масштабѣ, ради показанія ихъ существенной близости или родства. Это родство плановъ построекъ, раздѣленныхъ временемъ, объясняется естественнымъ тяготѣніемъ, такъ сказать, къ историческому народному типу.

Вопросъ
о ханской
усыпальницѣ.

Какъ извѣстно, надпись Омортага указываетъ на существованіе гдѣ-то имъ устроенной царской усыпальницы между Прѣславомъ и Дунаемъ, но по неизвѣстному направленію. Восточныя усыпальницы кочевниковъ, видимо, имѣли въ основаніи типъ дома, юрты, царской усыпальницы, дворца съ опредѣленными оградами, дѣленіями огражденной территоріи и т. д. Типы азіатскихъ усыпальницъ воспроизводятъ, приблизительно, типы жилыхъ помѣщеній, а царскія усыпальницы — царскихъ дворцовъ, но, конечно, въ извѣстной сакральной формѣ, а эта сакральная форма есть форма традиціональная. И вотъ что, на примѣръ, сообщаетъ А. А. Ешевскій объ императорской усыпальницѣ близъ Мукдена: она представляетъ собою продолговатый большой дворъ, обнесенный оградой, въ которой имѣются только ворота въ передней части: триумфальные — въ узкой части — и — на боковой рядомъ — небольшіе служебные ворота. По обычаю ворота покрыты башней, съ тройнымъ входомъ, отъ нихъ начинаются аллеи, проходящія черезъ средину двора и одинъ разъ поперекъ него. По обѣимъ сторонамъ аллеи стоятъ пьедесталы съ парами (по обѣимъ сторонамъ аллеи двѣ статуи) слоновъ, верблюдовъ, коней и, затѣмъ, за ними, закрывая ограду, идетъ по обѣ стороны паркъ изъ вѣковыхъ сосенъ. Посрединѣ перваго двора стоитъ кіоскъ, внутри котораго водружена каменная призма или обелискъ на черепахѣ. Первый дворъ оканчивается оградой, въ срединѣ которой имѣются опять ворота и вратная башня. Этотъ второй дворъ является, какъ бы, приемою частью для родственниковъ и близкихъ людей, проходящихъ поминать покойника, и онъ малаго, сравнительно, размѣра, почти четверть размѣра большого двора, въ немъ съ лѣвой стороны отъ входа имѣется, какъ-бы, эдикулъ съ котломъ для сожженій. Дворикъ заканчивается опять оградой, за которой непосредственно имѣется ровъ и охотничій паркъ изъ лиственныхъ деревьевъ и, наконецъ, четвертый дворикъ, въ видѣ полукруга, устроеннаго на холмѣ и окруженнаго крѣпостными стѣ-

нами. На небольшомъ холмикѣ вѣковая сосна, подъ которой находится могила китайскаго императора. Весь планъ и все устройство усыпальницы, дворы, лѣсные парки, аллеи декоративнаго характера изъ статуй и животныхъ и звѣрей, устройство могилы на холмѣ, — все это составляетъ вѣковую традицію, общую большинству азіатскихъ культурныхъ державъ и, равнымъ образомъ, перенимавшихъ эти образцы кочевыхъ хановъ. Сравнивая, затѣмъ, изданные съ большимъ вниманіемъ планы Абобы, съ сараемъ внутри, и крѣпости Прѣслава со своимъ „сараемъ“, тождественные по существу, мы естественно должны ожидать, что нѣчто подобное должна будетъ представлять усыпальница Омортага, когда она будетъ найдена между Абобою и Дунаемъ, на указанной территоріи. Тою же традиціей должна быть объяснена и та звѣриная орнаментика, которую мы доселѣ разбирали.

Перейдемъ къ декоративнымъ рельефамъ того же Прѣслава, но найденнымъ не всегда въ его развалинахъ, а нерѣдко принесеннымъ въ сосѣднія мѣстечки, рельефамъ, которые обрисуютъ намъ нѣсколько иную сторону ордынскаго быта, зажившаго, въ качествѣ слагающейся державы, въ связи съ культурной Византіей.

Декоративные
рельефы
Прѣслава.

Эта другая сторона заключалась не только въ, такъ называемомъ, культурномъ вліяніи Византіи на бытъ кочевниковъ, но и въ перениманіи ихъ новыхъ бытовыхъ формъ, а также въ поискахъ со стороны высшаго кочевья всего того, чѣмъ поражалъ ихъ византійскій Константинополь. Несомнѣнно, вліяніе Византіи должно было начаться задолго до принятія кочевыми владыками христіанства и появленія болгарскаго царства. Въ этомъ смыслѣ тотъ рядъ барельефовъ, который мы здѣсь видимъ, мы могли бы смѣло назвать „имперскимъ стилемъ“, хотя нѣкоторые барельефы принадлежатъ, явно, не дворцамъ Прѣслава, но первымъ церквамъ его, такъ какъ недаромъ отмѣчены внутри крестами. Всѣ эти барельефы имѣютъ, приблизительно, одинаковый размѣръ и, въ то же время, имѣли, явно, одинаковое назначеніе быть оградой, вмѣстѣ съ тѣмъ и декоративнымъ украшеніемъ террасъ, лѣстницъ, хоръ, преградъ, пилястровъ, баллюстрадъ и карнизовъ болѣе мелкихъ. Большинство рельефовъ имѣетъ высоту 0.54 м., карнизы 0.42 м. Разбора заслуживаетъ лишь общій типъ ихъ орнамента. Въ немъ чередуются отдѣльными квадратами или квадратными полями двѣ основныя формы: пальметты, вписанной въ квадратъ, и округлаго креста съ пальметками же по угламъ квадрата. Разбирая первую форму, находимъ, что она составляется изъ схематичной пальметки внизу, какъ бы выросшей изъ двухъ побѣговъ, затѣмъ расходящихся внизъ и образующихъ поднимающіяся вновь большія пальметки, видныя въ профиль одной стороной, онѣ заканчиваются побѣгомъ, или разводомъ или усикомъ, который въ углу загибается и вновь образуетъ въ этомъ углу пальметку, опускающуюся внизъ; помимо того, изъ бутона нижней основной пальметки выходятъ вновь два побѣга, тоже образующіе малыя пальметки. Такимъ образомъ, каждый квадратъ долженъ какъ будто представлять въ выпук-

¹⁾ [См. Водачь, Соф. Муз., стр. 191 и рис. 87.]

ломъ рельефѣ живую обросшую листву вокругъ мраморнаго куба — художественный мотивъ, выработавшійся на привычныхъ формахъ кубовой капители.¹ Чередующаяся промежъ этихъ квадратовъ форма крестообразнаго и округлаго щитка даетъ также привычную орнаментальную схему изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ. Она составляется изъ квадрата, или, точнѣе, квадратнаго поля на четырехугольной площади, въ этомъ квадратѣ вписанъ ромбъ, а внутри ромба вырѣзана звѣзда шести или восьми лучевая, или же четвероконечный и равноконечный крестъ. Затѣмъ, углы малаго квадрата и самого ромба, будучи орнаментированы двойнымъ контуромъ, принимаются за растительный побѣгъ и пускаютъ, во 1-хъ, округлые разводы крестообразной формы вокругъ геометрическихъ схемъ, а, во 2-хъ, образуютъ внутри этихъ разводовъ вновь пальметки.

Недаромъ здѣсь всю орнаментуку приходится называть схемою, ибо она, дѣйствительно, уже утратила совершенно тѣ жизненные соки, которые ранѣе выражались и въ рисунокѣ и въ рельефности взятыхъ здѣсь растительныхъ формъ. И, дѣйствительно, существенный характеръ этихъ барельефовъ есть уже не ихъ растительный организмъ, но, исключительно, получающаяся при этомъ линейная игра, болѣе или менѣе, правильныхъ геометрическихъ формъ, т. е. именно та новая орнаментика, которая была уже выработана послѣ появленія Ислама, прежде всего въ Египтѣ, а затѣмъ въ Византіи, Малой Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ.² Въ этомъ отношеніи весьма существенно сходство, наблюдаемое между настоящими барельефами и ранними мавританскими, какъ равно, египетскими временъ установленія въ немъ халифата...

Христіанскіе памятники Болгаріи въ теченіе VII и VIII столѣтій принадлежатъ, какъ и указанные нами ранѣе памятники V—VI вѣковъ, къ греко-восточному отдѣлу древне-христіанскаго искусства. Это обстоятельство весьма существенное въ исторіи просвѣщенія и культуры Балканскаго полуострова, объясняется, конечно, прежде всего, его географическимъ положеніемъ, которое открываетъ всю его восточную половину въ сторону Чернаго моря, а по Черному морю торговля сношенія издревле шли со всего побережья Малой Азіи и культурныхъ мѣстностей побережья Азовскаго моря. Синопъ и Трапезундъ были не только поставщиками мѣстныхъ производствъ, но и транзитными пунктами для торговли сирійской и александрийской. Какъ, на примѣръ, слѣдуетъ объяснить себѣ кусокъ мозаическаго пола, который сохранился въ апсидѣ ц. св. Софіи въ Софіи?³ Онъ

Мозаика
св. Софіи.

¹) См. тождественныя конструкціи на малыхъ пилястровыхъ капителяхъ, съ тѣмъ же характеромъ мраморной облицовки, изъ Гераклеи, въ Музеѣ Константинополя, еще римской эпохи: Mendel, G. Catalogue de Sculptures II, 1914, рис. стр. 164—5, VII вѣка — № 726—8.

²) Предлагаемъ сравнить рельефы по рисунку и фактурѣ съ рельефами на церкви св. Марка въ Венеціи, представляющемъ павлина-феникса, O. v. Falke, ib., рис. 177.

³) [См. Б. Д. Филовъ: Софійската църква св. Софія, Материали за историята на София, кн. IV; табл. XVIII, I, рис. 35 и 39, стр. 54, 55 и 168.]

выполненъ, правда, мелкими кубиками, но, по широтѣ исполненія, наиболѣе походить на обычныя мозаическія украшенія половъ, какія уже въ значительномъ числѣ имѣются открытыми или сохраненными въ базиликахъ и древнихъ купольныхъ церквахъ Сиріи, Египта и многочисленныхъ развалинъ древнихъ городовъ Алжира и Туниса.¹ Можно сказать вообще, что кромѣ немногихъ аллегорическихъ темъ, представляемыхъ этими мозаиками, ихъ безусловное большинство относится къ орнаментальному, или, точнѣе сказать, къ декоративному разряду, причемъ, конечно, среди орнаментовъ избираются, однако, близкія къ христіанскимъ эмблемамъ темы. Древнѣйшее назначеніе подобныхъ мозаическихъ половъ было окружать мѣсто погребенія, во дворѣ церкви или монастыря, или даже въ ихъ внутреннихъ зданіяхъ, и отсюда понятно, что выборъ темъ былъ отчасти согласованъ съ подобнымъ назначеніемъ. Образецъ, подлежащій въ данномъ случаѣ нашему разбору, представляетъ какъ разъ подобную тему, а именно: внутри поля, обрамленнаго цвѣточною гирляндюю, образующей овалъ, представлена посрединѣ декоративная чаша, ложбленная какъ раковина, и изображающая чашу фонтана, изъ середины ея поднимается пальмовая вѣтка, а на краяхъ чаши сидятъ два голубя, изъ нея пьющіе. По обѣимъ сторонамъ чаши поднимаются побѣги виноградной лозы, обвивающіе два кипариса. Извѣстно, что чаша съ двумя голубями, изъ нея пьющими, относится къ числу тѣхъ декоративныхъ древне-христіанскихъ художественныхъ мотивовъ, которые, будучи заимствованы изъ греко-римскаго антика, употребляются уже въ смыслѣ христіанскомъ, какъ чаша живой воды христіанскаго вѣроученія, питающаго душу. Вѣтка пальмы являетъ собою побѣду одновременно и самой христіанской вѣры и, вмѣстѣ съ нею, идеи безсмертія и вѣчной жизни. Та же самая мысль заключается въ представленіи кипариса, древа вѣчно-зеленаго и вѣчно-живущаго, въ силу его, такъ называемой, нетлѣнности и недоступности разрушенію. Появленіе кипариса съ самаго начала въ христіанскихъ некрополяхъ и отъ нихъ затѣмъ въ некрополяхъ Ислама любопытно, какъ передвиженіе въ ту же самую Азію замѣчательнаго дерева, родиною котораго являются горные хребты Герата, Инда, Кабула — территоріи, въ которой кипарисъ и доселѣ достигаетъ колоссальной величины. Изображенія кипариса появляются на древнѣйшихъ цилиндрахъ Месопотаміи,² въ горахъ, что показываетъ, что и въ равнинѣ этотъ „свѣточъ Ирака“, „образъ пламени“, „эмблема священнаго огня“ и „священное древо алтарей огня“ было именно въ этомъ качествѣ сакральнаго дерева, какъ и финиковая пальма, пересажено въ Ливанъ и Кипръ, по имени котораго и названо греками. Уже въ греко-римскомъ мірѣ оно стало древомъ хтоническихъ божествъ и декоративнымъ древомъ могиль

¹) См. перечень и указаніе литературы въ соч. O. M. Dalton, Byzantine art and archaeology 1911, VI. Mosaic pavements, p. 420—430, [и добавленія въ книгѣ того же автора: East Christian Art, Oxford 1925, p. p. 295—298].

²) Ward, Seal cylinders 1910, рис. 177.

и кладбища. Съ тѣмъ же смысломъ принято было древо кипариса византийскою декорацией, а затѣмъ и арабской, въ ея многочисленныхъ вѣтвяхъ...

Находки
въ Патлейна.

Находки въ мѣстности Патлейна, въ окрестностяхъ Прѣслава,¹ составляютъ художественно-историческій памятникъ христіанскаго искусства особаго значенія, въ силу раскрываемыхъ имъ ходовъ восточно-европейскаго искусства въ средніе вѣка.²

Памятникъ этотъ составляетъ особую художественную важность со стороны техники, во-первыхъ, и орнаментальныхъ рисунковъ, во-вторыхъ, и требуетъ въ качествѣ перваго вскрытаго образца болѣе подробнаго разбора, чѣмъ памятники рядовые и уже опредѣлившіеся въ своемъ типѣ. Имя Патлейнъ происходитъ отъ сокращенія греческаго имени „Пантелеймонъ“ и относится къ монастырю и церкви во имя святого сирійскаго цѣлителя. Почитаніе его въ предѣлахъ Европы открылось уже въ V и VI вѣкахъ, но распространеніе его святилищъ слѣдуетъ относить уже къ VII и VIII вѣкамъ, когда сиро-палестинскіе выходцы и бѣглецы, послѣ завоеванія Сиріи Исламомъ, наполнили собою Грецію, Балканы и даже Италию. Почитаніе же святого цѣлителя вызывалось періодическими посѣщеніями южной Европы чумнымъ моромъ, какъ и церкви иныхъ святыхъ врачей, на примѣръ, Космы и Даміана. Повидимому, монастырь имени Пантелеймона былъ независимымъ отъ болгарской столицы и принадлежалъ къ тѣмъ христіанскимъ общинамъ Болгаріи, которыя уже были многочисленны въ указанный періодъ въ средѣ кореннаго славянскаго населенія и успѣвшихъ уже перейти въ христіанство болгарскихъ князьковъ или тархановъ и воеводъ, такъ какъ верховные ханы болгарской кочевой орды имѣли, какъ извѣстно, среди своихъ родовыхъ и племенныхъ соотчичей христіанъ и принуждены были относиться къ нимъ съ извѣстной политической терпимостью, что засвидѣтельствовано различными житійными повѣствованіями. Находки Патлейна сдѣланы въ предѣлахъ развалинъ тамошняго храма подъ склономъ холма, называемаго „Плоская Могила“. Церковь 12 метровъ длиною имѣетъ три алтарныя ниши и малое предверье или паперть. По сторонамъ преддверья два четырехугольника, вѣроятно, принадлежатъ двумъ костницамъ монастырскимъ. Судя по сохранившейся части пола, престола и, особенно, по нѣкоторому обилію мраморныхъ плитъ, карнизовъ и пилястровъ и кускамъ греческихъ надписей, церковь была устроена съ извѣстнымъ благолѣпіемъ, въ предѣлахъ обычныхъ украшеній мраморами и мраморными облицовками, принятыми въ византийскихъ церквахъ IX—X столѣтія. Но главнымъ и наиболѣе характернымъ украшеніемъ этой монастырской церкви явились изразцы, или, точнѣе сказать, цвѣтная полива, примѣненная, какъ новый техническій приѣмъ къ живописному украшенію стѣнъ.

¹) Извѣстія на Българското Археологическо Дружество, IV, 1915, табл. 24—45.

²) [См. спеціальныи разборъ Патлейнской керамики съ этой точки зрѣнія: A. Grabar: Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique; Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, t. 43, 1928; ch. I. Les céramiques de Patleina, p. p. 7—55].

Подобный техническій приѣмъ возобладалъ въ греко-римскомъ искусствѣ лишь въ томъ конечномъ его періодѣ, когда вмѣстѣ съ его распространеніемъ по Египту и Азіатскому Востоку въ него не замедлили влиться восточныя вліянія. Восточный техническій приѣмъ заключалъ въ себѣ опредѣленное стремленіе перейти отъ матовой фрески, удовлетворявшей древнихъ грековъ, къ прозрачнымъ глубокимъ цвѣтамъ поливныхъ изразцовъ, которые прославили собою дворцы древней Персіи (Сузы) и еще ранѣе Вавилона и Ассиріи, и которые замѣнили мраморную облицовку и энкаустическую живопись. По нашему убѣжденію, эти изразцы восточнаго типа принадлежали, однако, художественной промышленности Египта, древности котораго недаромъ славились блестящими стеклянными инкрустаціями, одновременно глубокихъ и яркихъ цвѣтовъ. Финикія, повидимому, только использовала въ своей художественной промышленности искусство цвѣтнаго стекла и связанной съ нимъ эмалевой живописи древняго Египта. Оговоримся кратко, что, тѣмъ не менѣе, за поливными изразцами, эмалевыми инкрустаціями и перегородчатыми стекольчатыми украшениями слѣдуетъ оставить терминъ „восточныхъ“ искусствъ. Въ настоящее время, съ разработкою древнѣйшихъ памятниковъ Вавилона и Месопотаміи вообще, и даже въ связи съ модными нынѣ древностями могилы Тут-Анх-Аммона, слѣдуетъ примыкать къ научнымъ догадкамъ ассиріологовъ, что самая культура древнѣйшаго Египта имѣла свои источники въ той же Месопотаміи.

Первая и главная находка, любопытная по своей рѣдкости (сохранилась въ кускахъ) — изразецъ, или, какъ говорятъ Болгары, „керамиченъ образъ“ съ изображеніемъ головы св. Θεодора Стратилата (по всей вѣроятности, но возможно смѣшеніе и замѣна его Θεодоромъ Тирономъ); онъ, какъ и Θεодоръ Тиронъ, чтился въ образѣ конника, всадника, которые въ этомъ смыслѣ были ближе сердцу христіанъ, сохранившихъ еще кочевыя формы въ жизни, чѣмъ другіе святые. Почитаніе конниковъ на восточныхъ Балканахъ свидѣтельствуется множествомъ дошедшихъ до насъ подобныхъ изображеній.

Изразецъ, во-первыхъ, замѣняетъ церковную роспись, а, во-вторыхъ, стремится воспроизвести икону энкаустическаго характера, во всѣхъ чертахъ прозрачной и глубокой живописи иконъ, распространившихся изъ сироегипетскаго угла. Этотъ образъ носитъ точный египетскій стиль и общій характеръ египетскаго аскета схимника; аналогіи ему см. въ церкви св. Савы и въ церкви Маріи Антиквы въ Римѣ (авва Киръ).¹ Здѣсь ярко выраженъ аскетическій овалъ схимника (въ греческомъ искусствѣ для него не былъ принятъ типъ схимника), но сравнительно молодой 40—45 лѣтъ, во всей силѣ

¹) [См. J. Wilpert: Römische Mosaiken und Malereien, B. IV, Taf. 171,2; 196,4; также икону аввы Авраама въ Берлинѣ Kaiser-Friedrich-Museum), O. Wulff — M. Alpatoff: Denkmäler der Ikonen-Malerei 1925, abb. 6].

„Керамиченъ образъ.“

извѣстнаго мужества. Здѣсь та же массивная шевелюра иконныхъ изображеній. Рисунокъ бровей и носа, сходящаго внизъ по наклонной линіи — сдѣланы противъ греческаго шаблона, опущенные углы усть, большіе глаза и темно-каштановые волосы. Темно-пурпурный гиматій по блѣдно-желтому

Рис. 46. Изразцовая икона св. Θεодора („Керамиченъ образъ“) изъ Патлейна.

фону изразца, охристый-желтоватый нимбъ. Настоящее изображеніе можно считать воспроизведеніемъ древней энкаустической иконы еще и потому, что этотъ изразецъ давалъ только бюстъ, какъ и подобаетъ древнѣйшей иконѣ святого, не воспроизводя его фигуры, а затѣмъ египетская иконография, въ отличіе отъ греческой, могла придать типъ схимника святому воину. Впрочемъ, догадка о томъ, что этотъ керамичный образъ представляетъ именно святого Θεодора основана, единственно, на томъ, что поблизости найдены были куски керамическихъ надписей съ именемъ святого Θεодора, которые, однако, могли относиться и къ другой иконѣ не найденной.

Всѣ прочіе куски изразцовъ относятся, къ со-

жалѣнію, исключительно къ орнаментальнымъ поясамъ и карнизамъ, но какъ рисунки, такъ и краски этихъ орнаментовъ представляютъ такую характерную группу мотивовъ, которая въ меньшей степени интересна, какъ мы уже сказали, для опредѣленія историческаго хода средневѣковаго искусства. Такъ напримѣръ, начиная съ перваго рисунка сообщенныхъ пока снимковъ (Извѣстія Бѣлгар. Арх. Друж. IV, табл. 34—42), мы видимъ обычную пальметку, но въ такихъ характерныхъ формахъ и краскахъ, на которыхъ необходимо остановиться. Мы видимъ, такъ называемую пальметку, но отъ листьевъ пальмы здѣсь не осталось и слѣда и, напротивъ того, изъ пальметки обра-

зовался какой-то чрезвычайно широкой листъ съ пятью широкими лопастями, имѣющій палево-розоватый цвѣтъ. Эта пальметка идетъ шеренгой по карнизу, характеризованному овами, въ данномъ случаѣ лепестками, отгибающимися по валику внизъ. Эта пальметка палеваго цвѣта помѣщена на глубокомъ пурпурномъ (темно-шеколадномъ) фонѣ и имѣетъ своимъ образцомъ подобную же египетскую пальметку въ сборникѣ тканей О. Фальке (рис. 40 и 41).

Таблица мелкихъ осколковъ за № 35 представляетъ намъ (въ реконструкціи, не вполне точной и излишне механической, на таблицѣ 40,2) характернаго типа цвѣточную декоративную чашу, которая, собственно, составлена изъ двухъ чашъ цвѣточныхъ, а каждая изъ нихъ изъ трехъ частей, средней почки или бутона и цвѣтка, и двухъ отогнувшихся налѣво и направо листьевъ, изъ которыхъ потомъ вновь выходитъ бутонъ, развивающійся въ цвѣточную почку и такіе же два листа, затѣмъ, каждая цвѣточная чашечка образуетъ, собственно говоря распуолку крина — полевой лиліи. Греческій кринъ, специфическое цвѣтущее растеніе юго-восточной Европы и Передней Азии, есть тотъ самый типъ полевой лиліи, мелкотравчатой, которая весною, а затѣмъ и во всякую пору года, послѣ сильныхъ дождей украшаетъ собою не только поля, но и каждую горную тропинку, какъ обыкновенная придорожная трава, и именно ради ея неприхотливости была помянута, вѣрнѣе указана, самимъ Спасителемъ въ извѣстномъ текстѣ Евангелія (Еванг. отъ Луки XII, 27). Слова Спасителя не только высоко духовны, но и основаны на совершенно реальной дѣйствительности. Въ сухихъ мѣстностяхъ Палестины отрадно видѣть послѣ дождя во множествѣ вышедшіе изъ подъ земли ярко красные бутоны съ двумя интенсивно сочными и зелеными листовыми почками, упруго отогнувшимися по бокамъ бутона. Кринъ есть единственно красная лилія и не имѣетъ бѣлаго вида, и именно эта лилія, а никакъ не бѣлая, стала столь излюбленнымъ орнаментальнымъ мотивомъ, что создала затѣмъ ту выдающуюся декорацію вѣчнаго обруча, которая потомъ выработала усложненную форму французской королевской эмблемы. Въ настоящемъ орнаментальномъ мотивѣ этотъ кринъ представляется, какъ можно видѣть на таблицѣ 35, краснымъ цвѣтомъ и зеленымъ для листьевъ, но сами листья уже загибаются здѣсь не въ видѣ лиліи, а, напротивъ, большихъ расходящихся листьевъ аканѳа, раструбистыми лопастями. Это орнаментальное сочетаніе является въ обычномъ творческомъ процессѣ орнамента, а аканѳъ играетъ также въ греко-римскомъ и во всемъ христіанскомъ искусствѣ Европы, а равно и во всемъ азіатскомъ искусствѣ, самую обширную и разностороннюю роль.¹ Затѣмъ, внутренность этихъ аканѳовыхъ листьевъ образуетъ, какъ будто бы, дѣйствительно, чашу и орнаментирована вѣточками

¹) См. мои „Очерки исторіи культуры и искусства средн. вѣк. восточ. Европы“, [Очеркъ о тканяхъ (VI)] глава объ орнаментѣ, кринѣ и аканѳѣ.

краснаго плюща, двумя побѣгами вползающаго по листу вверхъ. Этотъ красноватый плющъ образуетъ именно въ періодъ ранняго средневѣковья излюбленный орнаментъ Египта, Сиріи и Персіи въ живописи, тѣняхъ и серебряныхъ издѣліяхъ. Отсюда, въ силу этого, весь мотивъ встрѣчается болѣе или менѣе повсюду въ періодъ VI—VIII столѣтій и можетъ быть указанъ точно какъ въ египетскихъ, такъ и въ сасанидскихъ тканяхъ и на сасанидскихъ серебряныхъ блюдахъ и кувшинахъ.¹ Реконструкція таблицы 41 даетъ уже схематическую декоративную форму аканѳоваго развода, характернаго для узкаго карниза изъ двухъ побѣговъ аканѳоваго листа, образующихъ волоту и, кромѣ пластической формы, оживленныхъ еще вѣтками плюща и усиками винограда. Здѣсь имѣемъ уже своего рода схему аканѳоваго скульптурнаго характера, равно, какъ подобная же схема представляется на таблицѣ 42, дающей реконструкцію, составленную изъ различныхъ кусковъ. Въ цѣломъ такой изразецъ даетъ круглую форму, раздѣленную на внутренніе пояса растительнаго характера. Внѣшній поясъ состоитъ вночь изъ аканѳовыхъ лапъ съ центральнымъ бутономъ внутри; внутренній изъ тѣхъ же пальметокъ, но поднимающихся на рядѣ стержней. Ряды кусковъ, представленные на таблицахъ 37 и 38, даютъ такое разнообразіе мотивовъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же типическихъ формъ, котораго не даютъ даже ткани, и заставляютъ пожалѣть, что раскопки не были продолжены, ради полученія новой полной картины подобной облицовки церковныхъ стѣнъ. Сопоставленіе всего этого ряда мотивовъ съ однообразными панелями современныхъ имъ римскихъ и даже равеннскихъ церквей, ясно свидѣтельствуетъ, что и въ этой средѣ искусство средневѣковой восточной Европы первенствовало надъ западной...²

¹) Я. И. Смирновъ. Восточное серебро №№ 48, 88, 95.

²) [Очеркъ о болгарскихъ древностяхъ авторомъ не былъ законченъ. Въ его составъ входило также рассмотрѣніе Миклошскаго клада. Отдѣлъ этотъ, написанный авторомъ въ видѣ отдѣльной статьи по русски и переведенный на англійскій языкъ кн. Н. Г. Яшвилъ въ 1924 году, былъ данъ г-ну Т. Whittemore'у для опубликованія въ еще тогда готовившейся книгѣ о болгарскихъ древностяхъ. Насколько извѣстно трудъ этотъ въ печати еще не появился, какъ и неизвѣстно напечаталъ ли гдѣ либо г-нъ Whittemore упомянутую статью Н. П. Кондакова. Въ рукописи Очерковъ русскаго оригинала этой статьи не оказалось.]

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ III ОЧЕРКУ

Варианты изъ предыдущаго очерка

Наиболѣе яснымъ и знаменательнымъ свидѣтельствомъ храненія кочевниками своей старины и художественныхъ традицій являются памятники древней Болгаріи, точнѣе говоря, той болгарской державы,¹ которую основала кочевая орда приволжскихъ Гунновъ въ сѣверовосточной придунайской территоріи во второй половинѣ VII вѣка, когда эта страна была уже заселена славянами. Ханъ Исперихъ (по гречески Аспарухъ), уходя отъ хазарскаго нашествія изъ приазовскаго кочевья на Западъ, достигъ Дуная въ срединѣ VII вѣка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлилась на шесть рукавовъ, образуя дельту, островъ Певки, на которомъ и былъ устроенъ ордою укрѣпленный лагерь. Перейдя затѣмъ Дунай, конечно съ согласія Византіи, орда избрала мѣстомъ своего поселенія сѣверовосточный уголь Болгаріи и Добруджу, гдѣ затѣмъ центромъ кочевья, перешедшаго къ осѣдлому быту и земледѣлію, стала Абоба-Плииска, столица перваго болгарскаго царства.² Именно въ предѣлахъ этой территоріи, по близости развалинъ этой столицы и затѣмъ Прѣслава, въ Шуменскомъ округѣ, въ селѣ Мадара, на скалахъ, на высотѣ 23 метровъ отъ подножья, высѣченъ большой горельефъ³: всадникъ на охотѣ, лѣвою рукою осаживающій слегка мощнаго коня, шагающаго по скаламъ, и правою вонзающій рогатину въ спину льва, тутъ же падающаго; слѣва на льва бѣжитъ, слѣдовавшая за конемъ, большой аланскій догъ.⁴ Общее впечатлѣніе рельефа ясно указываетъ на близость его къ позднѣйшему римскому антику: такъ, несмотря на извѣстную небрежность широкой обработки рельефа, въ немъ характерная классическая композиція шагающаго монументальнаго коня, извѣстная легкость и свобода его движеній, рассчитанно выраженная, несмотря на грубость матеріала. Но такъ какъ по обѣ стороны коня и подъ нимъ насѣчена крупными буквами (палеографическіе признаки указываютъ на IX—X вѣкъ) греческая надпись, видимо, историческаго содержанія, но, къ сожалѣнію, на половину или болѣе истребленная разрушеніями скалистой поверхности и потому доселѣ не разслѣдованная и неизвѣстная по тексту.⁵ Правда, затѣмъ самый фактъ высѣчки въ скалѣ въ колоссальномъ размѣрѣ изображенія всадника (выс. 1.60 м.) на царской охотѣ на льва скорѣе всего приводитъ на мысль сравненіе съ извѣстными сасанидскими побѣдными

Мадарскій конникъ.

¹) В. Н. Златарски, История на българската държава, 1918, I, p. 123—133.

²) Абоба-Плииска. Изв. Рус. Арх. Инст. въ Кон-полѣ, X, 1905 г. съ атласомъ.

³) Filow, L'ancien art Bulgare. 1919, табл. I, p. 4.

⁴) Обѣ аланскихъ догахъ, употреблявшихся въ Азій въ охотѣ на львовъ, узнаемъ въ средніе вѣка и въ Европѣ.

⁵) Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Österreich-Ungarn, XIX (1896) 247—8.

рельефами и естественно сближаетъ памятникъ съ завоеваніемъ и основаніемъ перваго царства, при чемъ, однако, рельефъ по содержанію указываетъ только на послѣднее. Но стиль изображенія не отвѣчаетъ вполне столь поздней эпохѣ, и потому естественно предположеніе, что надпись была высѣчена по сторонамъ изображенія позднѣе и потому расположена въ нѣкоторомъ безпорядкѣ на стѣнѣ, тамъ гдѣ оставались свободными выглаженные поверхности. Но если представить себѣ рельефъ отдѣльно отъ надписи, то еще настоятельнѣе возникаетъ мысль сблизить его съ извѣстными рельефами такъ называемаго еракійскаго конника, дающими обычно вотивныя изображенія позднеимперскаго времени и представляющими также всадника на охотѣ, съ одной собакою или двумя, съ запованымъ зайцемъ въ рукахъ, или даже бьющимся со львомъ, съ копьемъ или дротикомъ въ рукахъ. Множество подобныхъ,¹ обычно мелкихъ и ремесленныхъ рельефовъ, въ сопровожденіи посвятительныхъ надписей, сообщающихъ чтимому во Фракіи богу-герою разныя имена или, вѣрнѣе, эпитеты (иранскихъ языковыхъ корней), представляютъ, дѣйствительно, данную тему всадника на охотѣ столь популярною, что сближеніе съ ними нашего рельефа вполне законно. Но, съ другой стороны, болгарскіе ханы и жупаны могли близко знать шаблонныя изображенія сассанидскихъ царей на охотѣ. Затѣмъ, въ данномъ рельефѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторыми реальными чертами болгарскаго хана: мы видимъ густые и длинные волосы, падающіе косою на шею, какъ принято было еще у скифовъ и сарматовъ въ южной Россіи, вмѣсто курчавыхъ волосъ шапкою у еракійскаго конника.

Далѣе, корпусъ фигуры данъ въ три четверти, сообразно движенію правой руки, но голова всадника представлена въ профиль, а не обращена къ зрителю (молебщику), какъ то видимъ на всѣхъ рельефахъ конника, и мало того: положеніе головы хана въ нашемъ памятникѣ отвѣчаетъ именно такъ называемымъ монументальнымъ памятникамъ, на которыхъ подобное положеніе мотивируется триумфальнымъ въѣздомъ въ столицу. Правда, это не соответствуетъ охотѣ, но врядъ ли эта тонкость могла приниматься во вниманіе въ ту эпоху искусства, когда оно еще жило только традиционными схемами антика. Притомъ въ средневѣковую эпоху тема представлялась въ два, три и болѣе момента, и здѣсь правая рука, какъ бы безсознательно ранитъ смертельно льва, въ то время какъ владыка ѣдетъ къ народу. Наконецъ, общій контуръ колѣнъ и ногъ всадника представляется, видимо, сассанидскіе шальвары...²

¹) Г. И. Кацаровъ. Новъ реліефъ на тракийския конникъ, Изв. на Българ. Арх. Друж., III, 122—9, *ibid.* I, 110—2; III, 197; V, 11. Музей Софіи имѣетъ около 350 рельефовъ съ изображеніемъ еракійскаго конника, также и Музей Варны.

²) См. шальва рыссанидскаго царя на блюдѣ изъ Перми: Русск. Древности, III, рис. 83, 84, 90. Что же касается ношенія Гуннами анаксиридъ, см. извѣстіе Прокопія, *Anecdota*, изд. Бон. р. 32 о заимствованіи Греками у Гунновъ этой части одежды, а равно изображеніе Юліана на конѣ, въ шальварахъ, въ византійской миниатюрѣ IX вѣка: Dalton, *Byz. art and arch.* рис. 433.

Такимъ образомъ, отрицая прямую связь съ изображеніями еракійскаго конника, мы должны считать памятникъ историческимъ заказомъ и даже связывать его съ надписью, объясняя ея безпорядочное размѣщеніе условіями высѣчки на высотѣ, а ея длину воспоминаніями о подобныхъ памятникахъ Востока. Въ виду же капитальнаго историческаго интереса этой лѣтописи, повидимому, относящейся къ началу IX вѣка, слѣдуетъ ожидать, прежде всего, разслѣдованія остатковъ надписи...

Наряду съ памятникомъ по древности и характерности стоятъ рельефы происходящіе изъ Старой Загоры, и вполне правъ ихъ издатель проф. Рельефы Филовъ,¹ издавшій эти рельефы, какъ древнѣйшіе памятники того еще восточнаго типа, который принесли съ собою Болгары на Балканскій полуостровъ. Важнѣйшій изъ этихъ рельефовъ, относящійся также, быть можетъ, къ началу IX вѣка (врядъ ли къ VII—VIII, какъ думаетъ издатель), уже не знаетъ вовсе ни античнаго, ни византійскаго искусства и даетъ огрубѣлую имитацию рѣзьбы по дереву въ плоскомъ рельефѣ, довольствуясь, равно, и стародавними темами, воспоминающими еще сибирскія и южнорусскія издѣлія восточнаго типа. На грубой капители корзиночнаго типа высѣченъ грифонъ съ восточными загнутыми крыльями, львинымъ хвостомъ съ кистью, стоящій на четвероногомъ и клюющій его голову (или въ глаза). Это четвероногое имѣетъ морду жвачнаго животнаго съ длинными челюстями и длиннымъ, выпущеннымъ языкомъ: оно напоминаетъ всего болѣе носорога, особенно своими челюстями и раздвоенными копытами, но признака — рога не видно, хотя и принимать языкъ за хоботъ, а животное за слона, какъ думаетъ проф. Филовъ, тоже нельзя, такъ какъ вовсе нѣтъ ушей, характерныхъ для слона, и хвостъ толстый, хотя и короткий. Словомъ, видимо, оригиналъ, служившій мастеру, былъ и самъ мало реаленъ. Но весь рельефъ чрезвычайно напоминаетъ грубые рисунки металлическихъ издѣлій сарматскихъ могилъ. На двухъ боковыхъ малыхъ сторонахъ капители представленъ павлинъ или фениксъ въ ореолѣ собственнаго распущеннаго въ кругъ хвоста, по другую сторону два звѣрка, поднявшіеся по сторонамъ древа, четвертая, тоже лицевая, обломана.

Иной, уже сравнительно позднѣйшей и мастерской работы, два рельефа изъ Дренова, которые проф. Филовъ относитъ къ VII—VIII вѣкамъ, руководясь, главное, ихъ „восточными“ темами. Это мраморный наличникъ или антаблеманъ каменнаго иконостаса съ восточными звѣрями: грифами и львами, но по сторонамъ крестовъ и ряда схематическихъ древъ, на крестахъ сидятъ птицы. Здѣсь, правда, есть прямое двоякое соединеніе фантастическихъ монстровъ съ христіанскими символами и возможно, что въ этихъ фрагментахъ имѣемъ образецъ довольно ранній, конца X или первой половины XI вѣка, этой уже щеголеватой, по своей technikъ выглаженныхъ скульптуръ, византійской рѣзьбы, которую знаемъ во множествѣ образковъ

Рельефы изъ Дренова.

¹) B. Filow, *L'ancien art Bulgare*, fig. 3—4.

слоновой кости X—XII стол. Стоит затѣмъ, обратить вниманіе на преувеличенія крыльевъ грифона, одно изъ которыхъ даже волочится по землѣ, львиного хвоста, на перевины растительныхъ формъ крестовъ и древъ жизни, чтобы увидѣть родство этого фриза съ византійскими шкатулками XI—XII вѣковъ...

Рельефы
Ст. Загоры.

Далѣе, вполне ошибочно было бы ради грубости формъ считать большія плиты отъ иконостасной преграды изъ Старой Загоры древнѣйшими болгарскими памятниками: схематическія формы изображеннаго здѣсь льва, двуглаваго орла и пары большихъ птицъ, правда, имитируютъ деревянную кустарную рѣзбу, но столь общи всякимъ предметамъ художественной промышленности X—XII вѣковъ, напримѣръ, поливной посудѣ, рѣзбѣ по металламъ и т. д., что ихъ условно опредѣляютъ греко-восточными издѣліями. Типы эти особенно обильны въ находкахъ береговъ Чернаго моря, древностяхъ Крыма, Кавказа и пр., а схема типовъ исполнена съ тою грубою кустарностью, которая не позволяетъ строго различать эпоху исполненія. Но уже съ концомъ IX вѣка основаніе новой столицы въ Прѣславѣ вызвало столь опредѣленное господство византійскаго искусства, что всѣ остатки построекъ, преимущественно церковныхъ того времени, ничѣмъ не выдѣляются отъ ряда греческихъ церквей. Что же касается развалинъ Абоы-Плиски, которыя дали пока почти исключительно надписи, правда, первокласнаго историческаго значенія, требуется разширенное разслѣдованіе какъ самой столицы, такъ и особенно могильныхъ памятниковъ.

IV

О ЗВѢРИНОМЪ СТИЛѢ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОМЪ ИСКУССТВѢ¹

1.

Издавна исторія искусствъ среднихъ вѣковъ обращала вниманіе на обильное украшеніе романскихъ соборовъ рядами рельефныхъ изображеній звѣрей, фантастическихъ чудовищъ и на столь же причудливые образы, среди орнаментальныхъ плетеній инициаловъ въ рукописяхъ. Русскіе археологи (Буслаевъ) ранѣе всѣхъ другихъ отмѣтили въ рукописяхъ періодъ такого звѣринаго стилия; скандинавскіе, наблюдая въ своихъ средневековыхъ древностяхъ господство подобныхъ формъ, называли ихъ звѣриною орнаментикою, тогда какъ западные историки отмѣчали въ немъ лишь тератологическій, или, проще говоря, чудовищный элементъ. Первое названіе этого явленія проще другихъ, шире въ своемъ содержаніи и, какъ увидимъ, имѣетъ право на существованіе, коль скоро будетъ приложено къ періоду искусства, болѣе обширнаго, чѣмъ славяно-русскія рукописи (XII—XIV в.) и рельефы средневековыхъ соборовъ (XII—XIII в.). Второе будетъ точно для скандинавскихъ древностей, въ которыхъ эта форма орнаментики, занесенная на крайній сѣверъ Европы, была разработана до крайностей народнаго ремесла, заматорѣлаго въ кустарномъ повтореніи. Третье обязано своимъ появленіемъ эстетическому взгляду историковъ, воспитанному чистымъ ренессансомъ, ошибочно по существу и не можетъ упрочиться въ наукѣ, какъ увидимъ въ особой главѣ этого разсужденія. Для начала достаточно знать, что представляемое разсужденіе, не претендуя быть всестороннимъ изслѣдованіемъ, назначено лишь способствовать необходимой постановкѣ въ наукѣ вопроса о звѣриномъ стилѣ въ его сущности и исторической полнотѣ.

Научная постановка вопроса о звѣриномъ стилѣ и его опредѣленіе.

¹) [Настоящій очеркъ представляетъ собой лишь черновыя замѣтки, касающіяся различныхъ отдѣловъ т. н. звѣринаго стилия. Отдѣльныя части этого очерка при чтеніи авторомъ лекцій входили въ тѣ отдѣлы курса, которымъ посвящены глав. образ. I и II очерки, и непосредственно связаны съ послѣдними. Напр. отдѣлъ о драконѣ входилъ въ разсмотрѣніе скифо-сарматскаго искусства и религіозныхъ вѣрованій кочевниковъ. См. программу курса въ біографіи Н. П. Кондакова, въ *Recueil — Kondakov*, стр. XXVI—XXVII, прим. 3].

Постановка вопроса въ археологической наукѣ должна пользоваться, прежде всего, историческимъ методомъ, т. е. путемъ изысканія и представленія историческаго происхожденія даннаго явленія въ рядѣ послѣдовательныхъ группъ опредѣленно указывать его источники. Лишь въ результатѣ исторически проложенныхъ путей явленія станетъ доказательно яснымъ и неоспоримымъ, что задолго до того позднѣйшаго, такъ называемаго „романскаго“ періода, и уже въ самомъ раннемъ періодѣ восточнаго средневѣковья сложился особый звѣриный стиль, который пришелъ вмѣстѣ съ новымъ варварскимъ міромъ, вклинившимся въ среду греко-римскаго orbis terrarum, и принесъ какъ обширную область знанія и морали, такъ и своеобразный стиль орнаментальный и декоративный.

Источники звѣринаго стиля.

Несомнѣнно, какъ все въ области мірового искусства, такъ и звѣриный стиль средневѣковья имѣетъ свои источники въ исторіи древняго, какъ и восточнаго, такъ и греко-римскаго искусства, но лишь въ элементахъ, а не въ цѣломъ стилѣ. Такъ, обращаясь къ египетскому искусству, мы должны признать яснымъ, что его центромъ является человѣкъ и его фигура. Правда, мы знаемъ человѣческія фигуры египетскихъ божествъ съ головами кошки, копчика, аиста, крокодила, шакала, и несомнѣнно, эти формы легли въ основаніе будущаго суевѣрнаго ритуала „ряженныхъ“ представлений, какъ фигуры львовъ и барановъ съ человѣческою головою въ образѣ сфинкса дали первообразъ монстра чудовища. Извѣстно, далѣе, что сиро-халдейское искусство, создавшее типъ грифа, геніевъ съ головою льва, орла или съ тѣломъ льва и человѣческою головою,¹ звѣриныя формы въ украшеніяхъ мечей, колесницъ, утвари домашней, и рядъ декоративныхъ фризовъ охоты на звѣрей, равно орнаментъ звѣриный, особенно въ конскомъ уборѣ и личномъ, а также символическія соединенія формъ человѣческихъ и звѣриныхъ.² Именно сирохалдейская орнаментика послужила образцомъ многимъ формамъ средневѣковаго орнамента, какъ укажемъ ниже, ибо здѣсь же находимъ и ткани для одеждъ съ фигурными украшеніями.³ Многое шло и изъ промышленныхъ мастерскихъ Финикіи, усвоившихъ своимъ издѣліямъ соединенные типы Египта и Ассиріи въ личныхъ уборахъ: браслетахъ, серьгахъ, височныхъ кольцахъ, наушныхъ бляшкахъ, фибулахъ, ожерельяхъ съ подвѣсками,⁴ а также образы сирены, гарпіи, кентавра.⁵ Различныя части Малой Азіи, Лидія и Фригія въ своихъ культурахъ азіатскаго пошиба, а также на основѣ древней культуры Іоніи, передали греко-римскому міру вкусъ къ разноцвѣтнымъ тканямъ и украшенію одеждъ. Однако, греко-римскій міръ принципиально отстранялъ отъ себя⁶ восточное пристрастіе къ пестротѣ и богат-

¹) G. Perrot—Ch. Chipiez: Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II, f. 278.

²) См. Perrot—Chipiez, Hist. de l'art, II, fig. 265, 272, 277—9, 280—1, 430 и т. д.

³) Тамъ же II, f. 437—8.

⁴) Perrot—Chipiez, Hist. de l'art, III, fig. 590, 604.

⁵) Тамъ же, III, f. 411—4.

⁶) Л. Стефани въ Отчетѣ И. Арх. Ком. за 1864 г. стр. 127 и 1866, стр. 145, указ. слѣд.

ству личныхъ уборовъ, одеждъ, конскихъ уборовъ, переводя любовь къ украшениямъ въ декорацию дома, площади, храма, и еще доселѣ европейскій вкусъ не знаетъ болѣе чистой любви къ искусству, какъ той, которую уже воплотили греки. Однако, именно, классическое искусство оставило изъ своего восточнаго запаса въ наслѣдство и восточному и западному средневѣковью рядъ усвоенныхъ восточныхъ образовъ религіозныхъ и символическихъ, какъ то: грифа, сирены, гарпіи, феникса, сфинкса, кентавра, василиска, дракона и наборъ чудовищныхъ и „дивныхъ“ людей, какъ циклопы, сатиры, силены, фавны, кинокефалы, пигмеи. Въ силу этого крупнаго факта такой передачи греко-римскимъ искусствомъ, или такъ называемымъ антикомъ, установилось почти общее археологическое воззрѣніе, признающее доселѣ лишь одно античное наслѣдство въ исторіи средневѣковаго искусства и отсюда не только полное непониманіе, но и нежеланіе понимать значеніе „варварскихъ“ древностей Сибири, Средней Азіи, Россіи, Западныхъ Славянъ, Венгріи, Болгаріи, Сербіи, Румыніи и пр., въ связи затѣмъ съ древностями Западной Европы, куда перешли народы Восточной Европы. Тѣмъ не менѣе и несмотря на господство этого воззрѣнія, оставляя до времени опроверженіе его путемъ доказательствъ, обратимся прямо къ древностямъ Восточной Европы въ началѣ средневѣковья, съ цѣлью показать, что существовала въ эту эпоху и другая культура, имѣвшая основные источники не въ антикѣ, но въ сассанидской Персіи и Средней Азіи.¹

Несомнѣнно, что пока звѣриный стиль наблюдается въ раннемъ искусствѣ древняго Востока или же на почвѣ средневѣковаго Востока и въ передачѣ его же средневѣковыми варварами, не можетъ быть и вопроса о его внутреннемъ смыслѣ и значеніи или о какомъ либо скрытомъ въ этомъ стилѣ человѣческомъ поученіи. Вездѣ тамъ мы имѣемъ дѣло съ представленіями животнаго міра, какъ реальнаго такъ и сказочнаго или фантастическаго, самодовлѣющаго художественнаго смысла, находящаго наслажденіе въ искусствѣ изображеніи хищнаго звѣря, дивнаго оперенія птицы, сверкающихъ на солнцѣ извивовъ змѣи, причудливыхъ формъ кентавра или грифа. Но, когда мы переходимъ къ рельефамъ звѣринаго стиля, рядами набранныхъ на стѣнѣ средневѣковаго собора, невольно возникаетъ вопросъ объ отношеніи этихъ рельефовъ къ христіанской вѣрѣ и церковному ученію. И въ то же время мысль естественно отказы-

Смысль изображеній звѣринаго стиля.

мѣста: 1) Еврипида, Ἴων, 1158—9)61—2: τοῖχοισιν δ' ἐπι ἤμιπυθεν ἄλλα βαρβάρων ὑφάσματα, ... καὶ μιξόθηρας αἰῶτας ἱπλείας τ' ἀγρὰς ἐλάφων λεόντων τ' ἀγρίων θηράματα, 2) Аристофана, Ραπae 937: οὐχ ἱππαλεχτρούνας μὰ Δι' οὐδὲ τραγελάφους ἀπερ σὺ, ἀν τοῖσι παραπετάσμασιν τοῖς Μηδικοῖς γράφουσιν. Таковыя свидѣтельства о восточныхъ тканяхъ, одеждахъ, завѣсахъ и коврахъ, украшенныхъ непонятными и вымышленными звѣриными формами, умножаются со времени Александра Македонскаго. [См. Ф. Розенберг: Аристофан о персидскихъ тканяхъ. Восточные Записки, т. I 1927, стр. 37—45.]

¹) [Далѣе въ рукописи неоконченная фраза: „Мы уже пробовали представить искусство, обязанное“...]

вается видѣть въ длинномъ ряду звѣриныхъ типовъ, совершенно въ перемежку, безъ всякаго порядка, вставленныхъ въ стѣну или идущихъ длиннымъ, но тоже безпорядочнымъ фризомъ, какую либо мораль или поученіе. Дива-дивныя, звѣри невиданныя и рѣдкостныя, любопытныя, оживленные собственною охотою, ползающіе, прыгающіе, присѣвшіе, чтобы прыгнуть и т. д. — вотъ что видитъ зритель. Тоже и въ средневѣковыхъ сказаніяхъ, поэтическихъ сравненіяхъ; также точно, безъ подозрѣнія нѣкоего скрытаго смысла, говорится о дивахъ: грифахъ, пантирахъ, саламандрѣ, иптамахъ, ногояхъ — птицахъ громадныхъ, что гнѣздо выютъ на пятнадцати дубахъ, слоновьяхъ, дремедарахъ — верблюдахъ колмолахъ, сиринахъ, метаголынаряхъ — кочетъ, на немъ же люди ѣздятъ могутъ (*πλάλεκτρον*), бовешахъ о пяти ногахъ (воспоминанія очевидцевъ ассирійскихъ барельефовъ или персидскихъ¹⁾), о звѣряхъ человѣкообразныхъ — крылатыхъ, птицахъ, имущихъ обличье человѣческое, сиринахъ и фениксахъ. Точно также говорится о „дивныхъ людяхъ“ — со скотыми главами, съ многими главами, рогатыхъ, шестирукихъ — о циклопахъ одноокихъ, тинсиритахъ (тѣлорозѣхъ), сагиттаріяхъ — полптицы и полчеловѣка — мѣткихъ стрѣльцахъ, пигмеяхъ со скотыми ногами, гигантахъ, сатирахъ, „трепастцѣхъ“ человѣческихъ, фавнахъ четырёхрукихъ, о кинокефалахъ — песьглавыхъ, имѣющихъ глаза и ротъ на персяхъ, и пр.

Сказочная литература.

Всему этому сказочному матеріалу посчастливилось именно въ эпоху центрального средневѣковья, въ VIII—XI столѣтіяхъ, когда просвѣщенный книжнымъ ученіемъ народности Европы получили въ свое вѣдѣніе обширную переводную литературу всякаго рода статей и сборниковъ, вродѣ „мнимаго“ Епифанія Кипрскаго, Дамаскина Студита о свойствахъ животныхъ, когда затѣмъ въ среду европейской литературы влился потокъ литературы Востока, черезъ посредство Ислама и сожительство мусульманъ съ греками и итальянцами въ Сициліи и Южной Италіи. На первомъ мѣстѣ въ этой сказочной литературѣ о чудесахъ міра стала такъ называемая Александрія — сказаніе о походѣ Александра Македонскаго въ Индію.²

„Александрія“.

Уже въ первой книгѣ этого романа животный міръ играетъ видную роль: ястребъ, появляющійся въ сновидѣніяхъ, змѣй въ образѣ царя, левъ, какъ воинственный царь, конь съ воловьею головою на стегнѣ, олень колоссальный, орелъ гигантскій, Орфей, окруженный звѣрями, стада и огни въ лагерѣ Александра и т. д. Но главный романическій интересъ сосредоточивается во II и III книгахъ, описывающихъ чудеса, видѣнныя Александромъ въ Средней Азіи, въ близкихъ къ Индіи мѣстностяхъ, которыя послѣ именовались областями мрака, окружавшими „земной рай“, перенесенный туда же за предѣлы „вселенной“, въ странахъ необитаемыхъ.

¹⁾ [См. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, t. II, pl. VIII—IX.]

²⁾ [См. объ иллюстраціи „Александрія“ по рукописи Болгарской Народной Библиотеки въ Софіи: А. Grabar: Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique, ch. III: Le roman d'Alexandre illustré de la bibliothèque de Sofia, p. p. 108—133, pl. XII—XVI.]

Итакъ, здѣсь встрѣчены были въ лѣсу¹ дивніи человѣци, 24 локтей вышины, но тихіе и мудрые „яблокоядцы“. Были тамъ и дивные люди, власатые,² косматые, „чермни“ обли, обличіе имущее львово, другіе „охлопи, древа нагибающе“, ломающіе себѣ эти древа на оружіе и „тѣмъ мещуще“ — чрезвычайно любопытное представленіе „первобытныхъ“ людей³ или дикарей, которое мы встрѣчаемъ въ иллюстраціи Библии въ книгѣ Бытія и равно въ изображеніяхъ древнихъ царствъ. Этихъ дикарей окружали звѣри, похожіе на псовъ, по 20 локтей вышины, 3 глаза, громадныя блохи, величиною съ жабъ, косматые люди, лаявшіе подобно псамъ. Тамъ же были звѣри о шести ногахъ, и съ тремя глазами и съ пятью глазами, были и „человѣци безглавіи“, косматы, рыбаодцы. Эти сказки вспоминаютъ, стало быть, древніе рассказы о благочестивыхъ браманахъ, державшихъ всю жизнь посты, природныхъ вегетаріанцахъ и постникахъ, питавшихся только рыбою. Было тамъ древо чудное, растущее до шестого часа и уходившее затѣмъ назадъ въ землю; черные камни, къ которымъ если кто прикоснется, тоже становится камнемъ, рыбы и змѣи, не жарившіяся въ огнѣ и т. д. Это было начало области мрака, вмѣстѣ съ тѣмъ начало земли блаженныхъ, куда провела войсковою избранной отрядъ Александра ослица съ жеребенкомъ, гдѣ во мракѣ скрывался свѣтлый источникъ — источникъ жизни, въ которомъ ожила и превратилась въ живыхъ рыбъ соленая икра. Тамъ были даже сады, въ которыхъ два подобія говорили человѣческимъ голосомъ, походили на мужчину и женщину, „прикрытыхъ кожами“ (Адамъ и Ева, въ подобіи древнихъ миниатюръ, по грѣхопадению), видны были въ полдень и полночь, подъ солнцемъ и луною; одно древо называлось еврейскимъ терминомъ, означавшимъ „познаніе“. Тамъ же увидали грифонеса иже есть ногъ, бовеша о пяти ногахъ, тигриса — песь и человѣкъ вмѣстѣ, червей каламандръ, рождающихся въ огнѣ. Тамъ же встрѣтили и двухъ птицъ, имѣющихъ человѣческое обличье, озеро, наполненное людьми; мужа, прикованнаго къ горѣ и палимаго, 100 локтей въ высоту (Прометей); земля была мѣдная. Тамъ Александромъ были поставлены многіе столпы и комары съ надписями (рѣчь идетъ, конечно, объ остаткахъ дворцовъ Персеполя). Далѣе былъ островъ съ крокодилами и „птицы незнаемы, обличье ихъ человѣческое“, острова Тапробанъ (Цейлонъ) и Маниолуй (магнитъ), приближеніе къ которымъ грозило кораблямъ, будто бы, вытяжкой гвоздей изъ дерева. Здѣсь видѣли зелье, отъ котораго бѣсы убѣгаютъ, и „разожженные противъ слоновъ болваны“. На Цейлонѣ же видѣли птицъ райскихъ, рѣки молочныя, полныя рисомъ и всякою овощью, но есть дикари, ходящіе только въ овчи-

¹⁾ Въ изложеніи чудесъ соединяемъ двѣ редакціи русской Александріи по изд. акад. Истрина, Чтенія Общ. Исторіи и Древности и отдѣльно, Москва 1893.

²⁾ Брандта А. Ф. Волосатость. Журналъ Врачъ. 1897 г. № 45. Рассказы объ Айносахъ, аборигенахъ Японскаго архипелага.

³⁾ [Въ рукописи около этого мѣста на поляхъ написано: „Гога и Магога“.]

нахъ, натянутыхъ на лядвіи. „Ту аспидъ сушится на берегу, на цѣлбу и красоту“. На рѣкѣ Гангѣ встрѣтился звѣрь одонтотуринъ „обояно живой на суцѣ и водѣ“ — „зуботомитель, иже слона пожрети можетъ“. Тамъ и змѣи въ 70 локтей и „мравіи въ пядницу“ (пядь — локоть), и скорпіи (скарпіи) „локотницы“, и слоны, которыхъ ловятъ, когда они спятъ, прислонившись къ дереву, и падаютъ вмѣстѣ съ подрубленнымъ деревомъ. Тамъ и градъ Прасипскій, и Семирамидины палаты, въ которыхъ „болваны и звѣріе учинены отъ драгого камня“. Тамъ видятъ въ морѣ и „безголовыхъ людей“ (собственно съ головою на груди и однимъ глазомъ), которые перевертываютъ корабли, но тотчасъ удаляются, когда имъ закричатъ: „бѣги — Александръ идетъ“.

Какъ извѣстно, „Александрія“ или романъ объ Александрѣ заключаетъ въ себѣ и память объ его вѣчныхъ подвигахъ: испытанія высоты небесной и испытанія глубины морской, но, какъ и все остальное, въ немногихъ словахъ; по поводу перваго подвига о клѣткѣ металлической, устроенной искуснымъ художникомъ, и птицахъ-звѣряхъ (грифахъ), возносившихъ къ небу героя, ихъ питавшаго „мясомъ необаренымъ“, и по поводу втораго испытанія о стеклянномъ сосудѣ, въ которомъ Александръ опустился въ море. Какъ увидимъ ниже, испытаніе небесной высоты Александра явилось въ цѣлой серіи памятниковъ средневѣковаго искусства, притомъ въ двухъ редакціяхъ: восточной и греческой.¹

Но, въ заключеніе своего обзора легендарныхъ чудесъ „Александріи“, остановимся еще на одномъ вѣчномъ подвигѣ Александра — поискахъ источника жизни или источника безсмертія, такъ какъ эта легенда еще яснѣе очерчиваетъ тотъ кругъ, къ которому относятся легендарныя животныя и люди земли блаженныхъ, охватившей земной рай. Въ восточной (синкретической) редакціи легенда озаглавляется именемъ Хадгира,² визиря „Двурогаго“, т. е. Александра, такъ какъ именно этотъ визирь открылъ источникъ и, выпивъ его воды, вмѣсто владыки, сталъ безсмертнымъ (по хроникѣ Табари, I, 44).

Псевдо-Калисѣенъ также сообщаетъ эту легенду, но въ иной версіи: поваръ Александра чистилъ соленую рыбу и вымылъ ее въ источникѣ, въ области мрака, и рыба уплыла отъ него. Поваръ выпилъ воды, сталъ безсмертенъ, самъ того не зная, но не сказалъ о чудѣ самому владыкѣ; тотъ въ ярости приказалъ его убить, но это не удавалось, и тогда Александръ приказалъ опустить его въ озеро съ жерновомъ на шеѣ, и поваръ сталъ морскимъ демономъ.³ Наилбогѣе подробно излагаетъ легенду та ре-

Версіи легенды
объ источникѣ
жизни.

¹) [См.: G. Millet: L'ascension d'Alexandre, 1^e partie: Le textes. I — Le roman grec; dans Syria 1923, p. p. 87—119. Тамъ же литературу, p. 85, п. I.]

²) Friedländer, Israel. Zur Gesch. d. Chadhir-Legende. Alexanders Zug nach dem Lebensquelle u. d. Chadhir-Legende. Archiv f. Religions-Wissenschaft XIII, 1910. См. также изданіе Псевдо-Калисѣена К. Миллера, соч. Родэ, Кампера, Аусфельда по „роману Александра“.

³) Фридендеръ сопоставляетъ Хадгира-зеленаго съ Гильгамешемъ, Главкомъ, вѣчнымъ жидомъ Агасѣеромъ, далѣе съ Мельхиседекомъ, которому приписывали безсмертіе и т. д.

дакція, которая формировалась въ видѣ письма Александра къ матери Олимпіадѣ. Двинувшись въ необитаемыя страны, Александръ на своемъ пути съ отборнымъ отрядомъ встрѣчалъ рѣки, текшія по временамъ пескомъ, людишекъ въ полтора локтя, исполиновъ, питавшихся яблоками, брахмановъ на островѣ, однодневныя деревья, отвратительныхъ чудищъ. Не было свѣта дневного, откуда то проникавшій ненадолго блескъ освѣщалъ невѣдомыя пустыни у моря. Это была страна блаженныхъ, *ἡώρα τῶν μακάρων*. Отсюда началась полная тьма; чтобы найти назадъ дорогу, взяли съ собою только кобыль и оставили позади жеребятъ. Напали на источникъ, блестящій во тьмѣ, какъ молнія. Александръ захотѣлъ ѣсть, приказалъ повару приготовить что-либо, поваръ пошелъ мыть сушеную рыбу въ водѣ, а она уплыла отъ него. Поваръ взялъ воды, выпилъ, ничего не сказавъ Александру. Появился свѣтъ, но безъ солнца и мѣсяца. Двѣ птицы съ человѣческими лицами приказали вернуться, ибо это была земля Божья.

Итакъ, мы видимъ ясно, что всѣ удивительныя и многообразныя чудовища, уроды и монстры, исполины и разныя страшила сосредоточены народною фантазією, а затѣмъ книжными записями хроникъ, поученіями сирійскихъ Гомилій, персидскими и магометанскими сказаніями и сказками, такъ и позднѣйшими (Alexandri Magni iter ad paradysum, XII в.) благочестивыми легендами, гдѣ то на азиатскомъ Востоку, въ отдаленной прародинѣ, куда Господь перенесъ земной рай. Туда напрасно стремятся смѣлые странники, ибо эта дорога заказана, путь обставленъ всѣми страшилами, которыя сами тамъ укрываются отъ взора человѣческаго, это земля запретная, священная. Стало-быть размѣщеніе образовъ этого запретнаго міра не только не оскорбляло церкви, на стѣнахъ ея снаружи или на капителяхъ колоннъ и столбовъ главнаго нефа, но сообщало художественному образу поучительное значеніе и имѣло близко извѣстный всякому просвѣщенному чтеніемъ христіанину смыслъ...

2.

Драконъ, фантастическое чудовище, созданное еще въ глубокой древности воображеніемъ, стало миѳическимъ типомъ въ искусствѣ Азіи, задолго до начала переселенія ея кочевниковъ. Мы находимъ этотъ типъ въ Сибирскихъ древностяхъ: такова пара прорѣзныхъ пластинокъ (рис. 47) изъ массивнаго золота, служившихъ, вѣроятно, оковкою драгоцѣннаго конскаго сѣдла, устроеннаго для богатаго и знатнаго покойника.¹ Типъ этихъ пластинокъ съ изображеніемъ такихъ же драконовъ повторенъ на четырехъ парахъ пластинокъ меньшаго размѣра.² Фигуры драконовъ даютъ типъ ящера съ четырьмя ногами и удлиненнымъ тѣломъ, которое представ-

Драконъ.

¹) Русскія Древности, III, рис. 57.

²) Тамъ же, рис. 58. [См. также бляху Александропольскаго кургана, Р. Др. II, рис. 86, и выше, стр. 33].

лено (по обычной варварской формѣ) отъ двухъ переднихъ лапъ до заднихъ изогнутымъ и перевернутымъ; длинный хвостъ загнуть и падаетъ змѣинымъ концомъ на шею дракона. Головы драконовъ имѣютъ одинъ загнутый назадъ рогъ, длинныя торчащія уши и пасть, подобную пасти большой змѣи, съ завернутою наверхъ губою; пасти драконовъ хватаютъ плоды съ символическаго древа жизни или священнаго древа, съ вѣтвями, растянутыми, какъ на шпалерѣ, правильными отводами вверхъ и загибами, падающими на землю. Наконецъ койма пластины состоитъ изъ вѣтвей съ

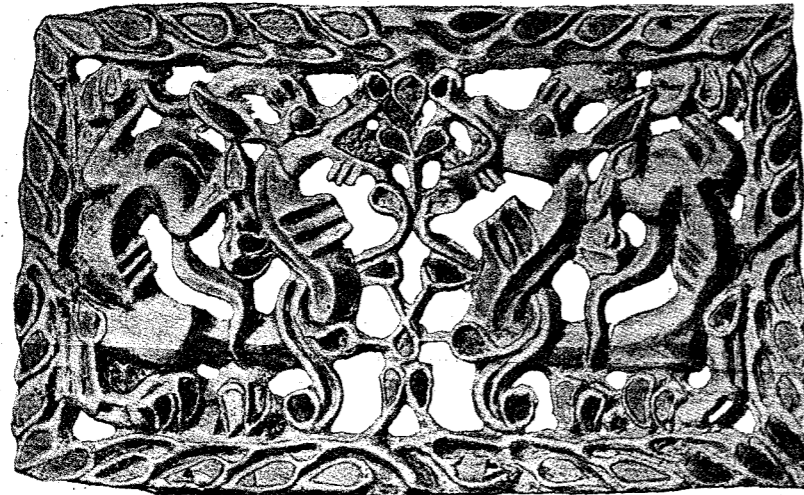

Рис. 47. Золотая пластина съ изображеніемъ пары драконовъ Сибирской коллекціи Эрмитажа.

остроконечными листьями, которыхъ внутреннія ямки, также какъ плоды древа и ногти драконовъ, заполнены эмалевой цвѣтною пастою. Еще оригинальнѣе золотая ажурная или прорѣзная трубка, по предположенію нашедшаго ее археолога Н. И. Веселовскаго въ курганѣ Бесленевской станицы на Кубани, происходящая отъ убора тиары (быть можетъ не золотой, но мягкаго сукна съ узкою верхушкою, обрамленную золотомъ).¹ На трубкѣ, расчлененной тремя полосами (подражаніе матерчатымъ колпакамъ), рѣзбою изображены въ двухъ пары драконовъ, также поднявшихся на дыбы по сторонамъ древа жизни, а также крылатыхъ и рогатыхъ, а въ третьей рядъ или фризъ пальметъ, аканѳоваго типа. Слѣдуетъ прибавить, что назначеніе подобной трубки можетъ быть сближено съ оправами деревянной палицы, булавы или бунчука, и даже съ подвѣсными кистями подъ лошадиною шеею, о чемъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

¹) E. H. Minns: Scythians and Greeks, fig. 11.

Характерный вариантъ типа дракона имѣется на золотой пластинкѣ отъ колчана изъ кургана группы Семи братьевъ,¹ причемъ, драконъ имѣетъ только двѣ лапы, его хвостъ оканчивается головою большой птицы, а на спинѣ, вмѣсто крыльевъ, орнаментальная голова птицы съ выходящею изъ нея улиткою.

Могильникъ, открытый близъ Уфы (Истор. Муз. заль 5), далъ также любопытную бронзовую бляху съ двумя драконами, поднявшимися на своихъ узловыхъ сплетеніяхъ по сторонамъ священнаго древа.

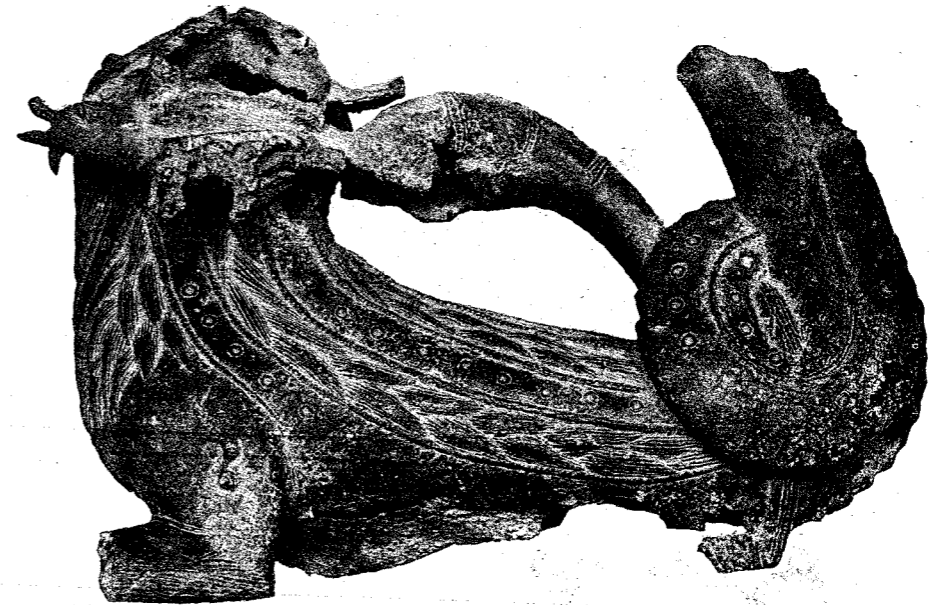

Рис. 48. Бронзовый акваманиль въ видѣ дракона. Румянцевскій Музей въ Москвѣ.

Основной смыслъ изображенія эмблематической пары драконовъ заключается, конечно, въ значеніи общаго амулета или талисмана, но, помимо того, типъ эмблемы относится къ геральдикѣ крайняго Востока.²

Тѣ же формы тѣла повторены въ бронзовой фигурѣ дракона (рис. 48) Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, относящейся къ X—XII вѣкамъ, но копирующей явно восточный оригиналъ и принявшей видъ типичнаго средневѣковаго „акваманиле“, т. е. рукомойника: драконъ перехватилъ зубами своей разинутой широкой пасти всползшаго на него ящера и изъ разинутаго рта ящера, котораго тонкое тѣло послужило ручкою сосуду, должна

¹) Русск. Древ. II, рис. 103.

²) [См. рѣзную плиту съ изображеніемъ пары переплетшихся драконовъ изъ собранія О. Сирена въ музеѣ Чернуски въ Парижѣ, изданную въ: Ars Asiatica, t. VII. Collection Oswald Siren.]

была литься вода. Однако, западная передѣлка сохранила орнаментацию чешуйчатой, полосатой, съ пупырями спины дракона и космы щетины, покрывающей его на груди и по бокамъ. Четыре лапы обломаны, а равно и змѣиный хвостъ. Но голова дракона имѣетъ иной типъ и ближе къ ки-

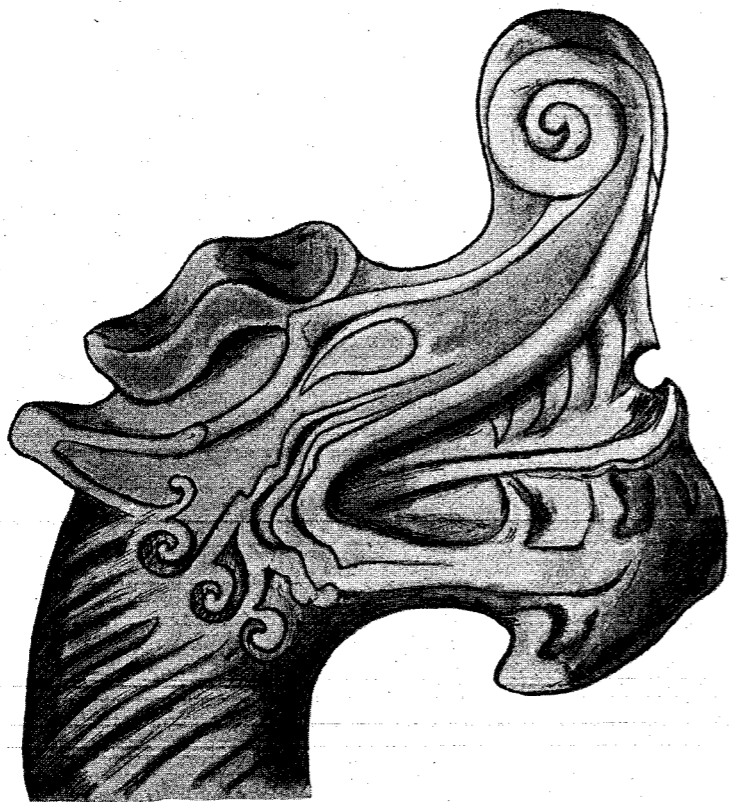

Рис. 49. Голова дракона изъ бронзы. Собраніе Высоцкаго Казань.
(По рисунку Д. В. Айналова.)

тайскимъ образцамъ. Напротивъ того, голова дракона изъ бронзы въ Казанскомъ собраніи Высоцкаго (рис. 49), въ видѣ полого рельефа, покрытая изнутри (рис. 50) рѣзами (рунами?), воспроизводитъ всѣ подробности варварскаго типа, а затѣмъ и фактура щетины на шеѣ, орнаментальные завитки и т. д. близки къ сибирскимъ вещамъ. Наконецъ, въ числѣ варварскихъ древностей Венгрии кладъ Силаги Шомльо даетъ золотую фибулу съ изображеніемъ 2 драконовъ съ яхонтовыми глазами.¹

Явно декоративное значеніе получаетъ восточный типъ морскаго дракона

¹) Hampel, Jos. *Alterthümer d. frühen Mittelalter in Ungarn I*, 1905, стр. 69, рис. 74.

въ Персіи и передней Азіи: такія фигуры со львиною или даже конскою или верблюжьєю головою, туловищемъ льва, коня или верблюда до груди, двумя крыльями и большимъ, закрученнымъ перистымъ хвостомъ и двумя лапами хищнаго звѣря, встрѣчаются десятками: на сассанидскихъ сосудахъ

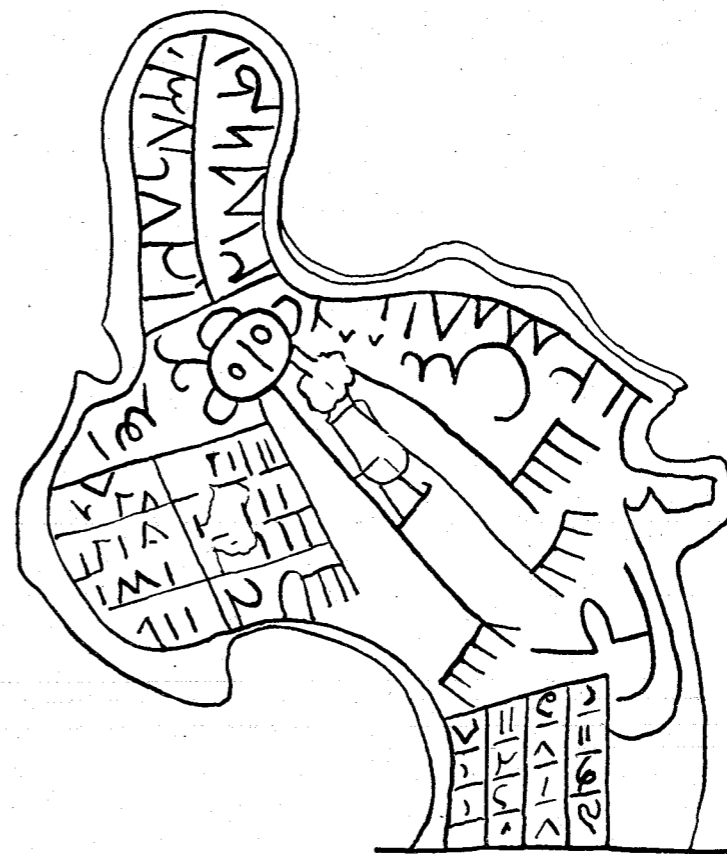

Рис. 50. Обратная сторона бронзы собранія Высоцкаго.

и блюдахъ, мраморныхъ рельефахъ и на сассанидскихъ, а затѣмъ и вообще на восточныхъ, тканяхъ и ихъ западныхъ копіяхъ.¹

Но отъ этого декоративнаго типа рѣзко отличается и по формамъ своимъ и по смыслу изображеніе дракона, какъ длинной исполинской змѣи — ящера, съ длинною головою, зубастою пастью крокодила, снабженнаго и рогами, и распространенное Исламомъ въ завоеванныхъ имъ странахъ. На вратахъ

¹) Я. И. Смирновъ *Восточное серебро*, рис. 70, 82, 83, 126, 128, 132. Рус. Др. III, рис. 94, 96. Рельефы: G. Mendel, *Catalogue des sculptures gr. rom et byz. Musée Imp. Ottoman № № 790—791*. На тканяхъ: O. v. Falke, о. с., рис. 91, 96, 236; др. рисунки указаны въ каталогѣ Г. Менделя.

Багдада, Амиды доселѣ сохраняются рельефы съ парю драконовъ, стражей Востока.¹ Въ музеѣ Коніи имѣется подобный сельджукскій рельефъ XIII вѣка, и драконъ имѣетъ здѣсь на концѣ хвоста змѣиную голову (рис. 51).² Подобные рельефы драконовъ находятся на стѣнахъ церкви Михаила Архангела въ Павіи и въ другихъ романскихъ соборахъ. Въ неизвѣстныхъ времена въ Византіи поставили бронзоваго дракона на мосту черезъ Золотой Рогъ Константинополя и въ обычномъ порядкѣ и тамъ повторили сказаніе о чудовищѣ, которому жертвовала страна людей, быковъ, птицъ.³

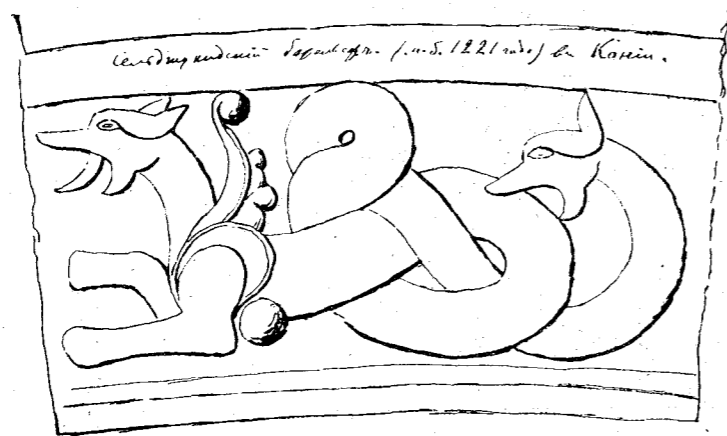

Рис. 51. Рельефъ съ изображеніемъ дракона въ Коніи.

Эмблематическое значеніе дракона въ Китаѣ.

Извѣстно, затѣмъ эмблематическое значеніе дракона для Китая, и Гизелеръ могъ написать цѣлый трактатъ художественно-религіознаго содержанія объ этомъ значеніи и его происхожденіи отъ древняго мифа.⁴ Китайскій драконъ чуждъ палеонтологіи, и его историческое образованіе есть результатъ деформации ящеровидныхъ, а значеніе началось со времени народженія въ земледѣльческомъ Китаѣ символическихъ образовъ въ астрологическихъ — астрономическихъ мифахъ. Наблюденія созвѣздій создали соотвѣтственное имъ представленіе переходящихъ амфибій, затѣмъ символа равноденствія, гармоніи сухости и сырости въ природѣ, борьбы добрыхъ вліяній съ злыми.

¹) Стржиговскій, Амиды, рис. 30—31. [Jos. Strzygowski und M. v. Berchem: Amida. Beitrag zur Kunstgeschichte des Mittelalters von Nordmesopotamien, Hellas und dem Abendlande. Heidelberg 1910.]

²) [См. также бронзовую ажурную бляху съ парю драконовъ. E. Diez: Ein seldschukischer Türklopfer, Zeitschrift für bildende Kunst B. 32, S. 18 f. f.]

³) [На слѣдующей страницѣ рукописи имѣется та же фраза, затѣмъ вычеркнутая самимъ авторомъ, въ слѣдующемъ видѣ: „Въ неизвѣстныхъ времена Византіи умудрились поставить бронзоваго дракона, также какъ стража, на мосту черезъ Золотой Рогъ Константинополя,*) и конечно, въ народѣ сложилась легенда о памяти живого чудовища, которому жертвовали когда то дѣвъ, быковъ и птицъ.“ *) Codinus, De signis, ed. Bonn., p. 30.]

⁴) Hieseler, Le mythe du dragon en Chine. Revue Arch. 1918, VIII.

Отсюда въ эпоху династіи Ханъ драконъ сталъ ритуальнымъ символомъ въ культѣ предковъ, въ погребальныхъ обрядахъ, амулетомъ въ личномъ уборѣ, фетишемъ земледѣльческой культуры. Подобно тому, какъ осетры уходятъ отъ рѣчныхъ устьевъ къ ихъ истокамъ, порогамъ и лукамъ, такъ и драконы, и созвѣздія переходятъ и возвращаются, и этими ихъ передвиженіями управляется, руководится жизнь природы въ разныя времена года. Драконъ превращается и въ коня, получаетъ въ китайскихъ вещахъ формы коня, съ гривой, рогами, оттопыренными ушами, широкою головою, разинутою пастью, крыльями. Изъ жада доселѣ исполняются въ Китаѣ ритуальные амулеты и символы дракона для молитвы, для сопровожденія души умершаго въ предстоящемъ ей небесномъ плаваніи, молитвы небесному стражу храмовъ по случаю дарованія дождя, вскрыванія рѣкъ, озеръ. Извѣстно — пять цвѣтовъ дракона, рядъ формъ дракона чешуйчатого, крылатого, рогатого, скрутившагося вокругъ себя, летящаго по облакамъ и т. д.¹ Драконы и фениксы часты на китайскихъ древнихъ зеркалахъ.

Имѣется образъ дракона и иной, болѣе фантастическаго типа и на этотъ разъ принадлежащаго крайнему Востоку, а именно Китаю и сосѣднимъ странамъ.² Драконъ имѣетъ туловище крокодила, съ четырьмя лапами, но короткое, и хвостъ ящера съ птичьей головою на хвостѣ, а голова дракона похожа на хамелеона, съ широкою пастью и двумя бараньими рогами. Таковъ образъ дракона, изданный по бронзовой вазѣ (вѣроятно, ритуальной) Нью-Йоркскаго собранія мистр. Е. Мейеръ (рис. 52) проф. М. И. Ростовцевымъ въ указанномъ уже сочиненіи.³ Помимо оригинальной формы, короткаго и толстаго ящера, на четырехъ орлиныхъ лапахъ, бронза музея Чернуски (рис. 53) представляетъ львиную голову дракона съ острыми ушами. Въ орнаментации всего туловища чудовища человѣческими головами и фигурами животныхъ и гадовъ встрѣчаемъ тождественныя формы тѣла дракона. Орнаментации эти имѣютъ варварско-скифскій типъ: по фону, орнаментированному завитками, разбросаны на спинѣ, бокахъ, на хвостѣ и на груди тѣ же драконы, но въ формѣ змѣи, извивающейся, свившейся въ клубокъ или даже принявшей геометрическую форму завитка, а также прямо змѣи, рыбы, головъ людей, грифовъ или орловъ и пр. Ясно, что эти магическія формулы цѣликомъ принадлежатъ уже Китаю, и хотя сформированы по варварскимъ образцамъ искусства, но были бы уже непонятны кочевникамъ, ибо ихъ смыслъ кроется въ символическомъ толкованіи этихъ фигуръ и знаковъ. Тѣмъ не менѣе, хитроумные жетоны изъ жада съ пастью дракона съ двумя рогами и гребешкомъ попадали къ кочевникамъ, и покойный

Дальневосточный типъ дракона.

¹) См. Strehlneck, Pictorial Chinese art, 1914, p. 82 sq. [См. также B. Laufer: Jade. A study in chinese archaeology and religion. Chicago 1912, s. v. Dragon.]

²) Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, 1922, pl. XXXI, . 198—200. Münsterberg, Chinesische Kunst, fig. 203. Подобная фигура въ видѣ бронзовой вазы Музея Чернуски эпохи Чэу (X—III в. до Р. X.).

³) См. предыдущее примѣчаніе.

академикъ В. В. Радловъ добылъ изъ могилы на рѣкѣ Катанда — притокѣ Катунджи, копію такого амулета изъ кости и также рѣзной талисманъ съ изображеніями свившагося дракона, съ хвостомъ въ видѣ птичьей головы и шеи.¹

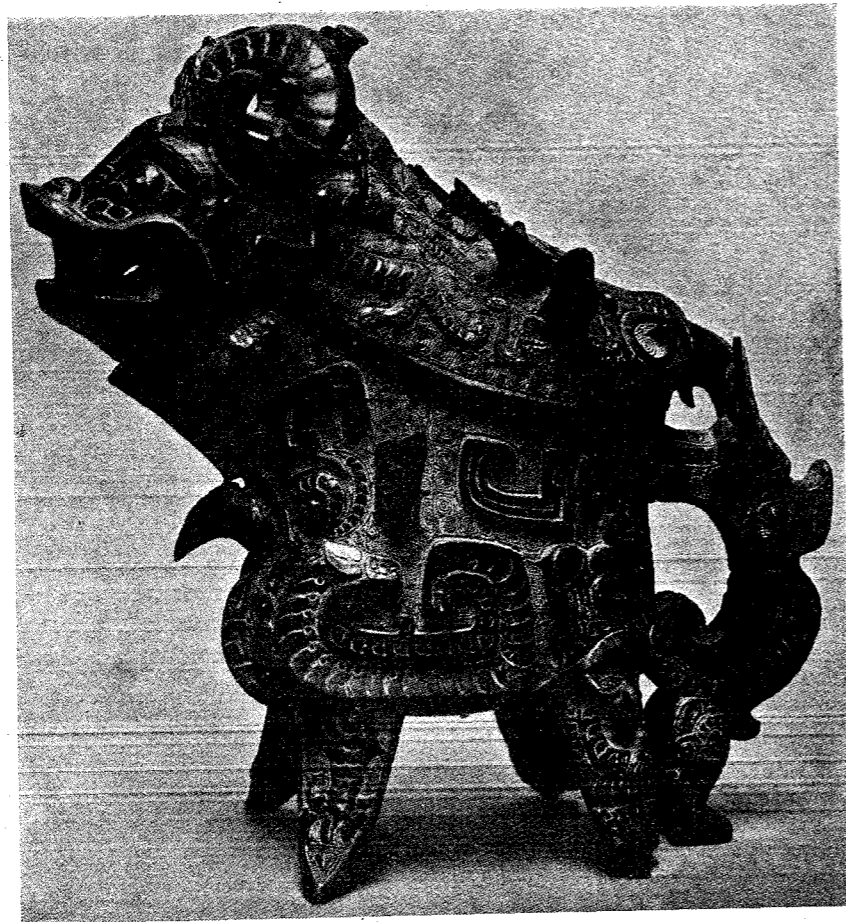

Рис. 52. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Нью-Йоркъ, собр. Е. Мейеръ).

Къ этимъ фактическимъ указаніямъ мы должны прибавить, что большія сержныя лунницы изъ Великихъ Болгаръ № 3547 въ Моск. Оруж. Пал.² представляютъ явно маску того же дракона, причемъ №№ 9559 и 9562 того же собранія также даютъ фигуры драконовъ.

Кратко замѣтимъ здѣсь, что орнаментація Черниговскаго рога³

¹) W. Radloff: Aus Sibirien, II, 104, воспр. у Minns, p. 251, fig. 172, XII, 5.

²) [См. Опись Оружейной Палаты, табл. 78.]

³) Русскія Древности, вып. V, p. 10—15, стр. 14—16; Русскіе Клады, p. 2—4, стр. 14—17.

(ритона) изъ серебра находки Д. Я. Самоквасова также представляетъ три фигуры драконовъ, тождественныхъ съ древностями Китая и варваровъ эпохи переселенія народовъ. Но, помимо того, намъ придется разбирать разнообразныя варіаціи дальневосточнаго типа дракона, изображенныя на чашкѣ венгерскаго Миклошскаго клада.¹

Прежде всего, восточные типы мифическихъ животныхъ, какъ и вся восточная мифологія, имѣютъ свое собственное мѣстное происхожденіе, а драконъ принадлежитъ къ числу этихъ типовъ. Его образъ тѣсно связанъ, съ

одной стороны, съ натуральною фигурой большой азіатской змѣи или змѣевиднаго ящера, съ другой, родственъ съ огнемъ, темною, громоносною и изборужденною молніями тучею, а потому съ языкомъ пламени, стихіею вырывающагося изъ сопки, вулкана, пламени, несущаго съ собою черный дымъ и смрадъ. Таково въ основаніи представленіе дракона въ персидской мифологіи и эпическихъ сказаніяхъ. Драконъ есть слуга Аримана или воплощеніе его, это дивъ или демонъ, духъ зла. Область Турана Мазандеранъ служитъ жилищемъ дракона, верховнаго владыки демоновъ и его слугителей, которые слѣпятъ персидскія арміи густымъ дымомъ, поражаютъ ихъ ливнями песка и камней, окутываютъ страну густымъ мракомъ. Страшныя изверженія пламени нефтяныхъ озеръ и источниковъ и темнаго дыма въ странахъ мрака рисовались сказаніями, какъ о походѣ Александра выше Окса въ области кочевниковъ, такъ и о походахъ персидскихъ армій противъ Мазандерана или Афрасіаба, и первая страна сѣверовосточной Парфіи называется у Фирдоуси когтями дракона, жилищемъ дракона, странюю волшебниковъ и злыхъ чародѣевъ. Всего яснѣе рисуетъ самый образъ дракона-владыки разсказъ о битвѣ Рустема съ верховнымъ дракономъ — волшебникомъ Сипедомъ, владыкою Мазанде-

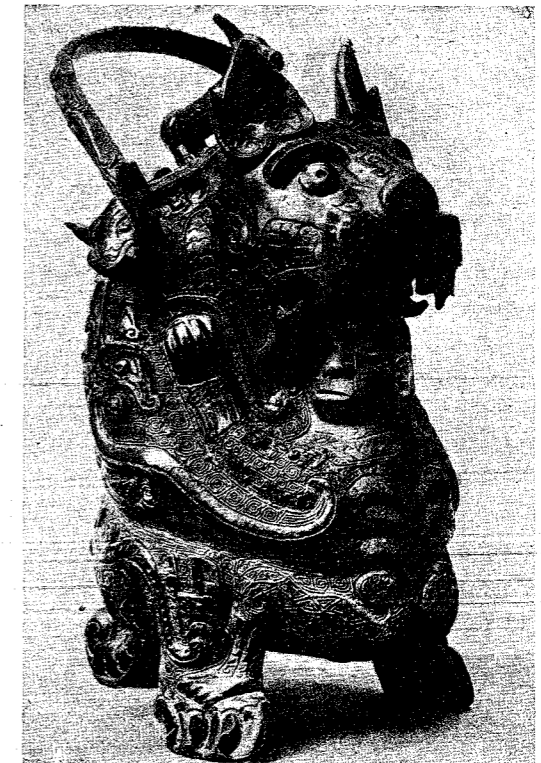

Рис. 53. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Париж. Музей Чернуски).

Значеніе дракона въ восточной мифологіи.

¹) Hampel, J. Goldfund. v. Nagy-Szent-Miklos, 1885, fig. 27—29.

рана (Фирдоуси, XII, 360 сл.). Ожидая встрѣчи съ дракономъ, ложась спать, Рустемъ приказалъ своему коню будить его, если нападетъ левъ или хищникъ. Увидавъ дракона, конь будилъ хозяина дважды, но драконъ исчезалъ во тьмѣ, и Рустемъ, сердясь, что его будятъ напрасно, угрожалъ даже коню срубить голову, если еще разъ разбудитъ его ни къ чему. Но конь, увидавъ опять дракона, всетаки побѣждалъ къ хозяину, а дракона выдалъ во мракъ исходившій изъ его пасти пламень, и Рустемъ убилъ дракона.¹ Итакъ, въ основѣ персидскихъ и среднеазиатскихъ понятій о драконѣ значилось всегда его огневое дыханіе, и въ связи съ этимъ представленіе огнедышащаго чудовища или огненного змѣя, живущаго въ пещерахъ, похищающаго женъ и дочерей — области, оборотня и волшебника. Когда шахъ Кей-Каусъ задумалъ покорить Мазандеранъ, пошелъ въ эту страну съ арміей, то дѣвъ Сипедъ разомъ выросъ въ цѣлую гору, до неба, черную, все покрылъ густымъ чернымъ дымомъ, и море стало какъ смола, съ чернаго неба падали камни, и двѣ трети арміи ослѣпли и попали къ чародѣю въ плѣнъ.

Персидское и китайское представленія о драконѣ.

Итакъ, персидское представленіе придаетъ дракону — волшебнику, и равно Туркамъ, вообще Турану, черный цвѣтъ или пристрастіе къ нему. Герой или богатырь у Турокъ, по Шахнамэ (XI, 35), подобенъ огнедышащему дракону, черной тучѣ, у него черное знамя и черная одежда. Разъ пехлеваны Персіи задумали охотиться съ ястребами на рукахъ и ручными барсами (гепардами) въ парадизѣ (или въ загражденномъ паркѣ) и набили дичи на 40 дней; близко жили Турки, мѣсто „почернѣло“ отъ ихъ палатокъ (Шахнамэ, XV). Принявъ чистое ученіе Зороастра, Персы считали магію дѣломъ противнымъ Ормузду, причастнымъ злу Аримана, враждебнымъ чародѣйствомъ, а Туранцевъ богопротивниками. Напротивъ того, Китай, принявъ дракона, какъ эмблему, сближавшую его съ древнею отчизною былого кочевья, находилъ у монгольскихъ владыкъ ту же эмблему пары священныхъ драконовъ, гармонию суши и воды на ихъ тронахъ.²

Отсюда понятно и разнообразіе цвѣтовъ китайскаго дракона отъ бѣлаго и желтаго, краснаго и золотого до пурпурнаго и чернаго, и ихъ пониманіе какъ видовъ дракона земноводнаго, очищающаго рѣки, вскрывающаго потоки и озера, до драконовъ бури вѣтра и темныхъ тучъ и пр., свивающихся въ бурю, раскидывающихся по небу огненнымъ облакомъ зари утренней и вечерней, стражей незыблемой Имперіи, ея храмовъ и владыкъ. По китайскому словарю драконъ, владыка неба и небесной силы на землѣ, имѣетъ всѣ черты земли и неба: драконъ бываетъ блестящій и темный, тонкій и толстый, длинный и короткій и т. п., весною подымается къ небесамъ, осенью погружается въ воду. Его формы измѣнчивы, онъ крылатъ, рогатъ и бываетъ безногимъ, или летитъ по небу, раскинувшись какъ облако,

¹) Firdousi, Königsbuch (Schahname) üb. v. Fr. Rückert, 1894, I, XII, 250.

²) Сцена приема пословъ Китая у монгольскаго хана XIV в., въ рукописи XVI вѣка, изданной В. В. Стасовымъ въ „Миниатюрахъ рукописей“, 1902, табл. VII.

или свертывается кругомъ себя или своей головы въ комокъ и въ кружокъ. На восточныхъ коврахъ съ трудомъ различишь среди декоративныхъ облачныхъ завитковъ фигуру летящаго среди нихъ дракона.

Но, если обратимся къ Библии, а слѣдовательно, и къ тому религиозному поученію, которое Библия дала христіанскимъ народамъ Европы, то встрѣтимъ уже съ первыхъ библейскихъ сказаній понятіе о змѣй-демонѣ, первобытномъ искусителѣ, зломъ демонѣ, исконномъ врагѣ челоуѣчества. На той же основѣ строятся представленія змѣя великаго, исполинскаго Левіаѳана (Исаи, XXVII, 1), змѣя въ исторіи пророка Даниила, змѣиныхъ чадъ — народовъ Гога и Магога, змѣя Александріи и колоссальной змѣи, живущей на днѣ Нила, семиглаваго змѣя, уносимаго исполинскою птицею Гарудою въ небеса.

Въ христіанскую эпоху уже опредѣленно драконы тракуются воплощеніемъ злыхъ духовъ, и если Іоаннъ Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ на Дѣянія Апостольскія упоминаетъ изображенія драконовъ на шелковыхъ одеждахъ византійскихъ царей, съ цѣлью явнаго порицанія языческихъ и притомъ демоническихъ эмблемъ, то это обстоятельство легко объясняется китайскими матеріями, приходившими въ Византію. Но, одновременно съ демоническимъ характеромъ сказочнаго дракона въ началѣ христіанской эры распространялись уже книжнымъ путемъ басни о крокодилахъ Египта и Индіи (dracones indici), китахъ морскихъ, и получалось неизбѣжное сближеніе этихъ рѣчныхъ и морскихъ чудовищъ и фантастическихъ формъ дракона въ однородныя фигуры. Такъ, и переводъ древняго текста Іоанна, экзарха Болгарскаго, соединяетъ китовъ и драконовъ въ одно существо, а древніе толковники такъ поясняютъ это животное: „лежасы (лежагы), киты, смокы, китьстїи животи, еже ся рекутъ лежаси, иже равни творятъ съ острова и киты, иже лежасы безгода велици“ и пр. Далѣе, изъ гадовъ въ ту же эпоху стали упоминать два вида змѣй: аспиды и василиски, ставшіе образами враговъ христіанства („глухой аспидъ“ Лицевой Толковой Псалтири, затыкающей отъ гласа трубнаго хвостомъ свои уши) и самого Христа. Имѣется раннее изображеніе (VI вѣка) Христа путника, въ воинскомъ доспѣхѣ и съ крестомъ на плечѣ, попирающаго ногами аспиды-змѣя и василиска въ архіепископской капеллѣ Хризолога въ Равеннѣ.¹ Что особо любопытно, впоследствии василиска изображали и въ видѣ льва съ косматою гривой и вѣнцомъ съ челоуѣческою головою на тѣлѣ крокодила.

Въ заключеніе приводимъ два археологическихъ памятника и одно историческое свидѣтельство. На западной стѣнѣ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ, среди различныхъ рельефовъ имѣется одинъ, особо любопытный: представленъ крылатый драконъ, двулапый и со змѣинымъ хвостомъ, но съ туловищемъ челоуѣка, бьющійся со львомъ; рельефъ напоминаетъ сказанія Фирдоуси о демонахъ Мазандерана — Парѣи, оборачивающихся то людьми,

Библейскій образъ дракона.

Представленія о драконѣ въ христіанскую эпоху.

Драконъ въ русскихъ памятникахъ и въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ.

¹) См. это открытое реставраціею мозаическое изображеніе въ изд. Вильперта, J. Wilpert: Römische Mosaiken und Malereien, B. III. Taf. 89.

то драконами. Второй памятникъ — деньга кн. Бориса Александровича Тверского (1425—61 г. г.); на оборотной сторонѣ ея, среди надписаннаго кругомъ имени, оттиснуто изображеніе крылатаго дракона, указаннаго поздне-персидскаго типа, идущаго отъ сассанидскихъ образцовъ (сосудовъ — см. Рус. Др., III, рис. 94 и 96).¹

Историческое свидѣтельство читается въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1091 г. (= 6599) такъ: „се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣюще звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе, ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша.“² Объясненіе этого, очевидно, реальнаго факта можетъ быть дано такое: во время лова, когда всѣ были въ сборѣ и напряженіе было столь сильное, что всѣ видѣли и слышали, упалъ гдѣ то по близости пылавшій огнемъ аэролитъ, проводя на полетѣ полосу огня и произведя стукъ земли при паденіи, и мгновенно потухнувъ, исчезъ какъ бы изъ глазъ людей въ окрестности. Привычное толкованіе тотчасъ же было дано свѣдущими людьми: упалъ огненный великій змій, драконъ. Недаромъ, какъ намъ сообщила кн. Н. Г. Яшвилъ, въ окрестностяхъ Черкаскаго уѣзда, въ имѣніи Сунки, есть глубокій яръ, по названію Джеуровъ Яръ, куда, по преданію, живущему въ народѣ, въ канунъ Воздвиженія Креста собираются всѣ окрестные змѣи къ ихъ царицѣ,³ живущей въ глухомъ лѣсу ущелья, гдѣ имѣется, однако, церковь и кладезь имени Николая Чудотворца...

III.

Изображенія
звѣрей
въ искусствѣ
эпохи элли-
низма.

Намъ, конечно, ясно, какой разительный контрастъ представляло собою міровоззрѣніе варваровъ съ идеологіею греко-римскаго міра, уже успѣвшаго забыть жизнь среди природы, ради жизни городской съ ея тѣсными и однообразными предѣлами. Недаромъ греко-римское искусство стало исключительно антропоморфическимъ, повинувшись вкусамъ и бытовымъ формамъ жизни среди форума, цирка, гимназіи и термъ. Міръ животныхъ, красоты природы, пейзажа и сельской тишины стали доступны лишь владѣльцамъ виллъ, высшему классу путешественниковъ и являлись уже избранными темами для стѣнныхъ росписей въ пиршественныхъ залахъ.

Но въ то же время колоссальное устремленіе греко-римскаго міра, уже задыхавшагося въ своихъ узкихъ рамкахъ, на захватъ старо-азіатскаго

¹) [А. В. Орѣшниковъ: Русскія монеты до 1547 г., Импер. Росс. Ист. Муз. Описаніе памятниковъ I. Москва 1896. №№ 234—237, 239—242, табл. III, 103—107, 110—113. Также и на монетахъ кн. Михаила Борисовича Тверскаго (1461—1486), тамъ же №№ 295—315, табл. IV, 158—172].

²) П. С. Р. Л., т. I (I-е изд. СПб. 1846), стр. 92.

³) Царицы змѣй изъ женщинъ, похищаемыхъ драконами-чародѣями, упоминаются въ сказаніяхъ и легендахъ о святыхъ. Иконы Θεодора Тирона представляютъ его мать, вѣнчаемую двумя драконами въ пещерѣ, когда святой убиваетъ семиглаваго змія. [См. Kop-dakov — Minns, The Russian Icon, Oxford 1927, p. 170, pl. LIII.]

міра, начатое завоеваніями Александра и поддержанное экономическими богатствами необъятнаго эллинистическаго міра, повлекло за собою громадное расширеніе умственнаго кругозора древности. Поражающая историка умственная дѣятельность „александрійскаго періода“ литературы, философіи и точныхъ наукъ возстановила съ избыткомъ узкую односторонность греческой жизни, давъ ея испытаннымъ силамъ необъятный просторъ всего „круга земнаго“ для мірового пониманія. Въ этомъ кругѣ почетное мѣсто занялъ міръ животныхъ, растений и даровъ природы, ставшій на нѣсколько вѣковъ важнѣйшимъ предметомъ наблюденія, отъ Аристотеля до Плинія Младшаго. На монетахъ, стѣнныхъ росписяхъ появляются изображенія рѣдкихъ и неизвѣстныхъ звѣрей отдаленныхъ странъ Азіи и Африки, сѣвера и юга, слона, носорога, гиппопотама, тюленя, зебу, страуса, ибиса, попугая, крокодила и пр.,¹ иллюстрируются мастерами книги объ охотѣ, составляются энциклопедическія обзоренія фауны, флоры, рѣдкихъ дорогихъ камней и минераловъ. Ктезій у грековъ, Плиній у Римлянъ передаютъ въ краткихъ и сжатыхъ перечняхъ любопытные рассказы о сказочной мантихорѣ, скиѳскомъ тарандрѣ, африканскомъ хамелеонѣ, аравійскомъ фениксѣ, киринейскомъ василискѣ, индѣйскомъ единорогѣ, эіопскомъ водяномъ конѣ, большихъ птицахъ, баснословныхъ пегасахъ и грифахъ. Всѣ эти списки и рассказы увеличивались и разрастались въ области звѣриной міеологіи, сказаній о божескихъ и чело-вѣческихъ метаморфозахъ, которыя несли съ собою въ устную словесность и письменность религіи Египта, Сиро-Финикіи, Вавилона и Персіи. Одинъ Египетъ² приносилъ искусству рядъ зооморфическихъ типовъ божества путемъ сочетанія чело-вѣческаго образа со звѣриною или птичьею головою: гиппопотама, собаки, шакала, крокодила, льва, быка, копчика, кошки, коровы, барана и пр., фигуры сфинкса съ львинымъ тѣломъ и головою то чело-вѣческою, то бараньею и т. д. Но еще длиннѣе списокъ изобрѣтенныхъ искусствомъ сказочныхъ звѣрей и животныхъ, воплощенныхъ міромъ античной древности: химеры, пегаса, грифа, гарпіи, сирены, гиппокампа, гидры, кербера, минотавра, гликона, скиллы, тритона, кентавра, горгоны, дракона, равно міеологическихъ демоновъ, какъ сатира и силена, фавна и титана, циклоповъ и кинокефаловъ.

Еще важнѣе въ данномъ періодѣ исторіи то обстоятельство, что всѣ перечисленные античные образы путемъ искусства и, главное, письменности, иллюстраціи, стали, такъ сказать, азбукою образованнаго чело-вѣка, фигу-

¹) O. Keller, Antike Tierwelt. Imhoof-Blumer und O. Keller, Tier u. Pflanzenbilder auf Münzen u. Gemmen des Klassischen Altertums mit 1352 Abbildungen. Leipzig 1889.

²) Hünter, Das ägyptische Pantheon. Archiv f. Relig. Wiss., XV, 1912 даетъ списокъ животныхъ: быкъ, гусь, кошка, левъ, волкъ, павіанъ, ибисъ, ястребъ, ласточка, коршунъ, фениксъ, крокодилъ, рыба, змѣя, шакаль, собака, скорпіонъ, жукъ, равно составные типы: сфинкса, грифа, звѣря съ головою жирафа и стрѣлою на хвостѣ и пр. Специальное изслѣдованіе типовъ см. Wildemann, Tierkult d. alt. Aegypten, 1914. Zimmermann, Der ägyptische Tierkult. 1912.

рами и формами привычными съ дѣтства, условными терминами литературнаго языка, знаками съ опредѣленнымъ разѣмъ навсегда значеніемъ. Если затѣмъ кратко указать на привычное антику въ эллинистическую эпоху упражненіе въ причудливыхъ комбинаціяхъ формъ звѣриныхъ, змѣиныхъ, птичьихъ и пр., родившихъ такъ называемые гротески, то успѣхъ сказочныхъ и фантастическихъ образовъ былъ заранѣе обезпеченъ. Исторически понятно и то, что выработка художественныхъ формъ для этихъ образовъ, велась главнымъ образомъ въ поздне-античное время, когда напримѣръ, мифы о подвигахъ Геракла стали интересоваться съ романической стороны: удушеніе героемъ змѣи, льва, битва съ кентаврами, съ Нессомъ, гидрою, вепремъ, быкомъ, конями, Керберомъ и пр.

На геммахъ античнаго міра мы видимъ живой, характерный міръ звѣрей, поднявшихся на дыбы, извернувшихся въ схваткѣ, несущихся за добычею, терзающихъ ее, пожирающихъ, прыгающихъ. На монетахъ избранные, какъ эмблемы странъ и городовъ, звѣри — въ монументальныхъ постановкахъ, покойно идущіе. Въ концѣ античнаго искусства видимъ новый интересъ къ звѣриному царству и животному міру, въ любительскомъ и охотничьемъ родѣ, какъ и любованіе фантастическими композиціями. Можно было бы сказать, что путемъ книжнаго просвѣщенія, александрійской литературы энциклопедій и географическихъ описаній устанавливалась заранѣе извѣстная связь съ исконными вкусами и интересами варварскаго міра, возвращалась жизнь среди природы.

Физиологи
и бестіаріи.

Несомнѣнно таково значеніе литературнаго памятника ранняго средне-вѣковья, называемаго физиологомъ, выдѣлившимся изъ александрійскихъ энциклопедій сборника поучительныхъ рассказовъ о животныхъ и звѣряхъ, рѣдкихъ и невиданныхъ растеніяхъ, драгоценныхъ камняхъ и минералахъ, и впослѣдствіи, уже специально на Западѣ, еще болѣе обособившагося подъ названіемъ бестіарія. Сборники эти и по составу своему, и по характеру рассказовъ далеко отошли отъ первоначальнаго матеріала и его характеристикъ, но съ самого начала получили характеръ дидактической, поучительной, сначала въ предѣлахъ общей морали и общевосточной символики, и только позднѣе символики христіанской и богословскаго поученія. Такимъ образомъ, физиологи, извѣстные намъ подъ именемъ Мелитона Сардійскаго, Епифанія Кипрскаго, относятся уже къ позднѣйшимъ передѣлкамъ раннихъ списковъ и, только изъ благочестиваго усердія, приписаны чтимымъ писателямъ и Отцамъ Церкви. Такъ, вообще говоря, списки физиологовъ русскихъ, переведены частью съ греческихъ оригиналовъ или же передѣланы съ болгарскихъ переводовъ, а эти самые образцы и греческіе и болгарскіе не восходятъ ранѣе XIII—XIV вѣковъ и въ свою очередь являются переработкою оригиналовъ VIII—IX стол.¹

¹) Физиологъ Мелитона, изд. въ *Spicilegium Solesmense t. t. II—III* кардинала Питра (J. B. Pitra. — Parisii 1855) подъ заглавіемъ: *Clavis pene universa rei Symbolicae Antiquorum*

Физиологъ Мелитона не лишенъ древнехристіанскихъ чертъ: онъ слишкомъ часто вспоминаетъ язычниковъ въ своихъ уподобленіяхъ, чтобы не видѣть извѣстной тревоги церкви (явно, притомъ — западной) по поводу ихъ упорнаго существованія среди христіанской общины. И, тѣмъ не менѣе, памятникъ не ранѣе времени папы Григорія I Великаго — настолько характеръ сравненія и символическихъ уподобленій сталъ риторическимъ, общепедагогическимъ и утратилъ живыя черты времени. Рядъ животныхъ уподобляется, въ силу ихъ добрыхъ свойствъ, кротости, беззащитности и въ то же время неустанной бодрости, рвенія, непреоборимости, самому Богочеловѣку, какъ конь, телець, олень, агнецъ, левъ и львенокъ (скимнъ), единорогъ, онагръ, жеребенокъ, лань. Быкъ долженъ напоминать народъ Іудей, вола — надменныхъ фарисеевъ, козлы — грѣшниковъ, вепрь — діавола, свинья — еретика и вѣроотступника, барсъ — антихриста, медвѣди, тигры и волки — нечистыхъ духовъ, тогда какъ вѣрная собака — апостоловъ и олень — мужа, живущаго духовно. Еще болѣе характерными являются птицы, изъ которыхъ голуби представляютъ невинныхъ людей, а горлицы — чистыхъ душою и тѣломъ, куры же, убивающія скорпіоновъ — учителей Церкви, орелъ и Христа и Іоанна, его любимаго „благовѣстника“, пѣтухъ и Христа и Апостоловъ, соколъ — вообще святаго человѣка. Но совы напоминаютъ человѣку волшебниковъ и чародѣевъ, коршуны — и діавола и лже-монаховъ, сороки — лъстцовъ, гагары — пьяныхъ, цапля — забывчиваго человѣка, струѣй — лицемѣра, куропатка — нечистаго человѣка. Пеликанъ — птица, живущая заботами о чадахъ, становится образомъ самого Іисуса Христа въ „Страстяхъ“. Вотъ почему образъ пеликана весьма часто встрѣчается на западныхъ рельефахъ романскаго стиля, между которыми особо выдается изображеніе пеликана, (съ крупною подписью: *Pellicanus*) на амвонѣ ц. св. Амвросія въ Миланѣ XII вѣка, какъ большой птицы, рвущей собственную грудь, чтобы напитать дѣтенышей въ гнѣздѣ, на краю котораго она сидитъ. Съ другой стороны, мы въ свое время должны будемъ утвердить, что изъ этого моралистическаго списка крайне мало животныхъ и птицъ изображаются въ барельефахъ и въ рукописяхъ съ указаннымъ смысломъ, что ясно доказывается, что все это морализованіе естественной исторіи прошло мимо средне-вѣковаго искусства и просвѣщенія. Равно, пресловутый Ключъ открываетъ намъ, что гора есть образъ Христа, скала — образъ Церкви Христовой и камень — образъ Христа и по его слову Апостола Петра и утвержденной на немъ Церкви. Правда, мы увидимъ въ миниатюрахъ Толковой Псалтыри образъ скалы съ надписью имени Іисуса Христа, но

Символическія
значенія
звѣрей.

арсапогитъ, былъ нѣкогда объявленъ древнѣйшимъ, но, какъ принято нынѣ, ошибочно. Въ spurіяхъ Епифанія Кипрскаго см. *Fabricii Bibl. gr. VII* p. 427. Глава 57 II-й книги Сборника Константина Порфиророднаго *De cerim. aulae byz.* озаглавлена: *Τοῦ φυσιολόγου ἢ τῶν ἐχαστοῦ θηρίου θαυμαστικῆ ἐξίς (πραγμάτων)* — ed. Bonn. p. 515.

нигдѣ внѣ текста не увидимъ горы съ этимъ символическимъ смысломъ. И если, по Мелитону, двѣ горы напоминаютъ два завѣта, то нельзя толковать въ этомъ таинственномъ смыслѣ иконный типъ пустыни съ двумя горками, на заднемъ планѣ, или даже двумя скалами, лѣвою въ тѣни и правою въ свѣту: мы имѣемъ здѣсь только декоративный типъ, издревле сложенный и вѣчно повторяемый.

Древность физиолога легко и точно опредѣляется самыми памятниками искусства: стоитъ только сравнить декоративную роспись Равеннского баптистерія V вѣка съ мозаическою росписью усыпальницы Галлы Пладиі середины V вѣка тамъ же. Въ баптистеріи кромѣ пластическихъ сценъ, извлеченныхъ изъ цикла христіанскихъ представленій Крещенія, Апостоловъ, Пророковъ есть также декоративныя украшенія аркадъ, которыя развѣ только изображеніями голубей напоминаютъ христіанскія темы, но относятся цѣликомъ къ языческимъ источникамъ эллинистическаго искусства. Напротивъ того въ усыпальницѣ имѣются уже прямо аскетическія темы, и среди нихъ, въ пышныхъ мозаическихъ разводахъ листвы, долженствующей представлять болотистую заросль, представлены два оленя, устремляющіеся къ источнику водному, скрытому въ чащѣ.

Образъ оленя, „стремящагося къ источнику водному“, сталъ уже азбучнымъ символомъ души, жаждущей христіанскаго ученія, напоющаго душу вѣрою въ жизнь вѣчную, и потому является въ этомъ памятникѣ наряду съ образомъ великомученика Лаврентія, взявшаго Евангеліе и крестъ и самоотверженно и рѣшительно идущаго къ своему смертному одру съ пылающимъ огнемъ. Такъ и греческій физиологъ въ одной изъ первыхъ главъ трактуетъ объ оленѣ, по слову Давидову, стремящемся къ источникамъ воднымъ. Ясна разница между древне-восточными и сѣверо-варварскими образцами, которые представляютъ стада оленей, пасущихся или убѣгающихъ отъ охотника, или сернъ, газелей и антилопъ, длинною вереницею бѣгущихъ, прыгающихъ въ травѣ, и тѣми христіанскими темами, въ которыхъ видимъ пары оленей, антилопъ по сторонамъ древа жизни, воднаго источника...

Русскій физиологъ представляется переводною статьею греческаго оригинала¹ или же передѣлкою болгарскаго перевода, но уже съ XIV вѣка, явно, подвергся, самъ или же въ молдо-влахійскихъ спискахъ, переработкѣ подъ наплывомъ западныхъ вставокъ.² Сборникъ уже полностью разукрашенъ всевозможными баснями о нравахъ звѣрей, животныхъ, птицъ и гадовъ, и всѣ эти басни заканчиваются поучительными экскурсами въ сторону праведниковъ и грѣшниковъ, добродѣтелей и пороковъ здѣшняго міра.

¹) [См.: текстъ греческаго Физиолога Московской Синодальной библиотеки — А. Карнеjev: Der Physiologus der Moskauer Synodalbibliothek; Byzantinische Zeitschrift III, 1894, s. s. 26—63; о текстѣ и миниатюрахъ Физиолога библиотеки въ Смирнѣ. — J. Strzygowski: Der Bilderkreis des griechischen Physiologus; Byzantinisches Archiv, N. 2, 1899, s. s. 1—45, t. t. I—XXIII.]

²) Карнѣевъ А., Физиологъ, 1890.

Такъ, олень ведетъ исконную борьбу со змѣею и, увидавъ его, бѣжитъ Звѣри. она въ распалыны земныя, но онъ наноситъ и нальетъ туда воды, она выползетъ и будетъ имъ затоптана. Такъ и Господь затопилъ змѣя адскаго небесными водами. Подобна оленю антилопа (уподропъ — ἄντροψ), но „гнѣвлива зѣло“, „рога имѣетъ“ „долги, какъ пилы“, „препираетъ ими великое дубье“, живетъ на Ефратѣ, гдѣ заплетается въ тонкихъ вѣтвяхъ мѣстныхъ

Рис. 54. Рельефное изображеніе слона на стѣнѣ собора въ Юрьевѣ — Польскомъ.¹

дерева, куда приходитъ на водопой. Кроткій нравъ имѣетъ серна, живущая на высокихъ горахъ и потому развившая свое зрѣніе.

Физиологъ особенно занимается чудными свойствами разумнаго слона, какъ въ рожденіи чадъ (въ водѣ), такъ въ жизни: онъ такъ великъ и такъ построенъ, что когда упадетъ, не можетъ подняться самъ, но даже и двѣнадцать слоновъ, принявшихъ поднимать его, не смогутъ того, а подниметъ легко, подперевъ снизу, дѣтенышъ. Естество малаго слона таково, что если покадить подоженнымъ прахомъ его костей, то не выдерживаютъ того ни змѣи, ни бѣсы. Левъ также „имѣетъ три вещи“: когда на ловъ

¹) [См. Гр. А. А. Бобринскій: Рѣзной камень въ Россіи, Москва 1916, табл. 40, 7].

идеть, хвостъ кроетъ слѣды; когда спитъ въ пещерѣ, вѣжды его отверсты (отсюда изображеніе льва въ притчѣ: Спасъ Недреманное Око); львица рождаетъ дѣтеныша мертвымъ и стережетъ его три дня, придетъ отецъ, дунетъ на лицо ему и возставитъ его. Она грѣ— дивій осель, является пастухомъ стада, а потому даже образомъ Спаса, но также по своей дикой волѣ — „кто оставитъ его на свободѣ“ по восклицанію Іова — становится въ средніе вѣка образомъ нечистаго духа. Напротивъ того единорогъ, въ позднегреческомъ (съ XIV вѣка) Физиологѣ и оттуда въ русскомъ, уже совершенно ничего не имѣетъ общаго съ дѣйствительнымъ носорогомъ, отъ котораго по существу происходитъ. Въ полное отличіе отъ первобытнаго единорога, громаднаго Индрика нашихъ духовныхъ стиховъ, царя звѣрей, по Физиологу это „малъ животь, подобенъ козляти, зѣло кротокъ“, но ловець къ нему не можетъ приблизиться, „зане силенъ“, а желая уловить его, „повергають передъ нимъ чистую дѣвицу“ (такова редакция русская — иначе передаютъ западные bestiarii), и „приползаетъ къ пазухѣ и персемъ ея и сосетъ ихъ, и ведетъ его дѣвица въ палату“. Здѣсь очевидно западная вставка. Всѣхъ животныхъ любезнѣе панѣиръ (пантера), пестръ и красивъ, тихъ и кротокъ, послѣ долгаго сна возопіетъ отъ голода, и животныя сами идутъ на его крикъ.

Птицы. Но, конечно, всего болѣе занимается Физиологъ, въ силу своихъ моралистическихъ задачъ, птицами небесными и гадами, прячущимися въ нѣдрахъ земныхъ.

Во главѣ птицъ, конечно, стоитъ орелъ, обновляющійся, по Давиду, въ старости; ослѣпнувъ отъ старости, ищетъ источника чистой воды, найдя его возлетитъ къ солнцу, сожжетъ свои крылья и „тму очей“, и павъ, погрузится въ воду трижды и прозрѣетъ. Но, послѣдую восточному міровоззрѣнію, Физиологъ прославляетъ чудесную птицу Индикіи — феникса — живетъ 500 лѣтъ, по прошествіи ихъ погружается въ „древа Ливанскія“ и наполняетъ крылья свои ароматами ихъ, летитъ въ градъ Іліополь, возлетитъ на приготовленное для нея іереями града требище (костеръ) и, возгорѣвшись, сгораетъ; утромъ очиститель требища обрящетъ въ прахѣ червя, который на третій день возлетитъ птицею, въ прообразѣ Спаса; фениксъ имѣетъ крылья цвѣтовъ сафира, изумруда и иныхъ свѣтящихся камней и вѣнецъ на головѣ. Такими же красотоми блещетъ тѣло райской птицы Сирина, но, извлекая сказанія древнихъ о Сиренахъ, Физиологъ, видимо, колеблется сообщить о райскомъ пѣніи Сирина, чарующемъ гдѣ-то, по близости рая земного, смѣлыхъ путниковъ, предпочитающихъ погибнуть въ областяхъ полного мрака, окружающихъ мѣсто запретнаго рая, нежели вернуться къ мирскимъ пѣснямъ. Мы увидимъ, что въ вопросахъ о Сиринѣ, Алконостѣ и прочихъ чудныхъ птицахъ авторитетомъ и источникомъ остались чисто восточныя сказанія (напримѣръ, Александріи), а не греческіе физиологи. Алконостъ — образъ птицы, живущей на морѣ (ἀλκων отъ ἄλς и κω), „выводящей на морѣ чадъ своихъ, среди зимы, въ семь дней“

(Аристотель, Василій Великій въ Гом. на Шестодневъ). Но тотъ же альціонъ (alcedo hispida) является своднымъ образомъ также Струфима-Страуса, который ѣстъ и пьетъ и плодъ творитъ на синѣ морѣ.

Понятно особое увлеченіе Физиолога голубемъ, символическимъ образомъ Духа Святаго, сходящаго въ видѣ голубинѣ и пребывающаго на главѣ Спаса. Голуби есть ловственные и мирные, черные и золотозрачные, бѣлые и червленые, какъ червленая хланида Христова и пр. Извѣстны и чудные нравы чистой горлицы, живущей уединенно въ пустынѣ (зѣло отходична — ἀναχωρητική), какъ Спасъ „на горѣ Элеонстѣй“. Извѣстны и хвалы, воздаваемые „чистымъ дѣвамъ“ въ Житіяхъ: „чистая агница“, „нескверная голубица“, „благотлагодивая ластовица“, „Христу уневѣщенная дѣва“ и т. п. Ластовица „весну являетъ“, „возбуждаетъ утромъ на работу.“ Дивная птица неясить-пеликанъ, чадолюбець; по русскимъ сказаніямъ, когда голодные птенцы его начнутъ клевать тѣло родителей, то избиваетъ птенцовъ и потомъ три дня плачетъ по нихъ, и тогда мать источитъ кровь свою на мертвыхъ чадъ и оживутъ. Чадолюбивъ и аистъ, наичистѣйшая птица, но нечиста цапля и ибисъ, хотя въ глубинахъ водныхъ питается чистыми рыбами. Но подобныхъ мудрыхъ птицъ возглавляетъ харадръ — χαράδριος, извѣстный у насъ подъ названіемъ щегла, у итальянцевъ — Calandrini, Cardellino, фран. Chardonneret. Объ этой птицѣ будто-бы и во „Второзаконіи“ читается, но еще болѣе рассказывается въ средневѣковыхъ bestiariis, Тезоро Брунетто Латини и т. д., включая даже тайнопись Леонардо да Винчи и его Bestiarii.¹ Птица описывается и въ bestiariis, и въ позднѣйшемъ физиологѣ чертами не принадлежащими реальному щеглу: „вся бѣла“ (смѣшивается съ бѣлымъ голубемъ), не имѣетъ на себѣ „пестроты“ оперенія. Внутренности птицы исцѣляютъ очи слѣпымъ. Если кто въ царскихъ палатахъ заболѣетъ, то черезъ харадра можно узнать, останется въ живыхъ онъ или умретъ. Если ему суждено умереть, то „отвратитъ лицо свое харадръ отъ болящаго“ и всѣ поймутъ, что онъ умретъ. Если жить челоуѣку тому, харадръ возьметъ (вытянетъ) „язву болящаго“ — болѣзнь, возлетитъ на эфиръ и выброситъ ее. Такъ и Спасъ, взявъ на себя недуги людей, вознесся на древо крестное. Въ западныхъ стихотворныхъ передѣлкахъ (Чекко д'Асколи) передается, что такъ узнается, будетъ ли живъ ребенокъ: каландринъ весело смотритъ на ребенка, и родители радуются. Щегленка живого и юркаго давали дѣтямъ, какъ игрушку: онъ веселилъ ихъ, летая, привязанный веревочкою, и птичка, изображаемая въ рукахъ Святого Младенца, есть именно щеголь, весь черный, а затѣмъ бѣлый или бѣлый птенець голубиный, отсюда и названіе русской иконы Богоматери, представляющей собственно списокъ съ итальянской Мадонны — „Голубицкая“.²

¹) A. Springer, Physiologus des L. da Vinci. Ber. d. K. Sächs. Ges. d. Wiss 1884, 244—271.

²) [См. Kondakov — Minns: The Russian Icon, p. p. 80—82, pl. pl. XVI, 2 & XVII.]

Гады. Образами зла и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрости, по евангельскому слову, являются гады. Изъ нихъ змѣя, обновляющая свою кожу въ старости, оставляющая свой ядъ въ логовѣ, когда пьетъ, прячущая голову, когда ее убиваютъ, стала эмблемою зла, скрытаго и неразгаданнаго, коварнаго и смертельнаго. Виднымъ типомъ, даже среди рѣзныхъ камней средневѣковыхъ соборовъ, представляется сказочный образъ — ехидна (*virga*), имѣющая женское лицо и тѣло до чреслъ и ошибъ крокодила, ставшая эмблемою фарисейства. За нею слѣдуетъ образъ аспида, злобнаго гада, затыкающаго себѣ уши и ротъ въ припадкѣ злобы (напоминаетъ Евреевъ для Отцовъ Церкви), если слышитъ крики или звуки органовъ, почему и зовется „глухой аспидъ.“ Но тутъ уже физиологъ вступаетъ въ предѣлы сказочныхъ гадовъ, каковъ, на примѣръ, василискъ, образъ дракона съ человѣческой головою, тѣломъ ящера, оканчивающимся хвостомъ змѣинымъ, со змѣиною головою на концѣ и съ короною царскою на первой головѣ. Всѣ волшебныя формы таинственнаго нильскаго крокодила и каймана — „ящерицы иліакиской,“ и хневмона и саламандры, и рассказы о томъ, какъ ослѣпнувшій въ старости кайманъ ищетъ стѣны на Востокъ и, влѣзши въ разсѣлину ея, зреть на солнце восходящее, и отверзаются его очи, или какъ саламандра гаситъ горящую печь, подобно тремъ отрокамъ Вавилона, даютъ крайне произвольныя и декоративныя формы драконовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и смутное понятіе о чудовищныхъ гадахъ, гнѣздящихся гдѣ-то въ таинственныхъ областяхъ мрака и глубокихъ пещерахъ горъ. Самый китъ есть тоже громадный драконъ (аспидохель), живущій въ морѣ, имѣющій тѣло ящера-крокодила и голову съ громадными челюстями, полными острыхъ зубовъ-клыковъ, засыпаетъ у берега, привлекаетъ корабельщиковъ къ высадкѣ и затягиваетъ ихъ въ глубину морскую. Типъ дракона вообще, пришедшій съ Востока еще въ древности, повторенный множествомъ „даровъ“ Индіи, Китая, Ислама, былъ принятъ, какъ образъ грѣха.

Сложныя
формы гадовъ.

Взамѣнъ древнихъ образовъ Химеры, Пегаса, Кентавра, Грифа и пр. средневѣковье стало питать свое воображеніе образами древняго Востока, почерпая ихъ или въ Библии или въ мудростяхъ Египта и Вавилона, переданныхъ арабскими хрониками, персидскими сказками. Библия говорила¹ о раздѣленіи животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ, и вотъ сложныя формы гадовъ, насѣкомыхъ, хищныхъ звѣрей и птицъ стали почитаться нечистыми, запрещенными, табу, какъ было у грековъ по разнымъ мѣстамъ, въ Египтѣ и Іудеѣ.

На этой древнѣйшей основѣ летающіе гады, по Второзаконію, XIV, 19, считаются нечистыми, и потому образъ василиска въ средніе вѣка представляетъ сочетаніе, придуманное изъ ряда чертъ. Змѣинообразный

¹) Второзаконіе, XIV, 3—20. Wigand, K. Unreine Tiere. Archiv für Religionswissenschaft, 1914, XVII.

ящеръ, одаренный чрезвычайной силой и ужасающаго своимъ безобразіемъ вида, неестественно порожденное существо, выведенное земноводными, злобное и зловредное. Пѣтухъ, змѣя и жаба произвели его на свѣтъ, и потому у василиска крылья, гребень и вѣнецъ природный на головѣ — пѣтушья, ноги ползающаго ящера, змѣиный хвостъ. Ядъ его челюстей и глазъ заражаетъ воздухъ, убиваетъ смертныхъ, пожигаетъ траву и цвѣты, убиваетъ птицу на лету. Но, заслышавъ пѣніе пѣтуха, василискъ прячется вглубь земли. Фигура василиска, какъ дракона, составляетъ необходимую принадлежность звѣриныхъ фризовъ, отчасти въ силу того, что даетъ наиболѣе ясную и пластическую комбинацію змѣи и гада, но, конечно, потому, прежде всего, что это признанный образъ зла, вмѣстѣ съ ехидною и аспидомъ, въ Толковыхъ Лицевыхъ Псалтыряхъ, въ орнаментаціи инициаловъ въ рукописяхъ...

Правда, всѣ эти сказочно-чудесныя формы колоссальныхъ ящеровъ, Чудища. невѣдомыхъ слоновъ и носороговъ или единороговъ, „струфокамиловъ“ или „камилолеопардовъ“ (жирафовъ), манихоръ волшебныхъ, наряду съ птицами, существами невѣдомыхъ областей: сиренами и кентаврами, левіаѳанами и бегемотами, птицами гарудами и грифами занимали воображеніе средневѣковья. Недаромъ, начиная съ бл. Іеронима, перечисляющаго „чудищъ земныхъ“, всѣ Отцы Церкви, послѣдуя апокрифическимъ сказаніямъ самой Библии, пользовались волшебными типами „дивныхъ“ тварей земли въ своихъ риторическихъ ссылкахъ, въ панегирикахъ Творцу Вселенной, въ хваленіяхъ Господа Бога и Спаса Вседержителя въ вышнихъ, въ силахъ Его, въ твари земной и чудесахъ земныхъ. Явно, не прописная мораль физиологовъ занимала умы и воображеніе средневѣковья, когда оно, въ своей жадѣ общаго, энциклопедическаго познанія переходило отъ богословія къ земному міру, къ естественной исторіи, но иное міровоззрѣніе, намъ уже чуждое и образованною Европою уже пережитое.

Общіе обзоры средневѣковой исторіи намъ говорятъ, что даже высшія сословія того времени жили какъ бы внѣ земнаго міра своею обособленною душою. Люди были преисполнены вѣрою въ реальность будущей жизни, чуждались прелестей и соблазновъ жизни земной, считали чудо своимъ и близкимъ, понятнымъ и естественнымъ для вѣрующаго, таинства его собственною средою, міръ небесныхъ откровеній доступнымъ предметомъ его мысли...

4.

Происхожденіе мифическаго единорога отъ реальнаго носорога Единорогъ. Индіи (*Rhinoceros indiens unicornis*) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ настоящее время, благодаря памятникамъ Востока и Восточной Европы. Принимая лишь античныя памятники въ расчетъ, классическая археологія предпочла выдѣлить единорога въ разрядъ мифологическихъ существъ фантастическаго сложенія.¹ Древніе узнали индійскаго носорога, какъ отъ

¹) O. Keller, Antike Tierwelt. 1909, 1, 383 и 415 и сл.

Аристотеля, давшаго ему имя единорога, но опредѣлившаго его индійскимъ осломъ, такъ и отъ Курція и Псевдо-Каллисѳена, но уже тогда рассказывали о звѣрѣ много разныхъ басенъ: живетъ онъ въ тростниковыхъ лѣсахъ, Индія будто бы не знаетъ самокъ, звѣри эти только забѣгаютъ въ нее, они ведутъ постоянную вражду со слонами, рогъ свой этотъ звѣрь точитъ объ скалы такъ, что онъ остеръ какъ мечъ.¹ И такъ какъ весь баснословный матеріалъ становился сразу достояніемъ книж-

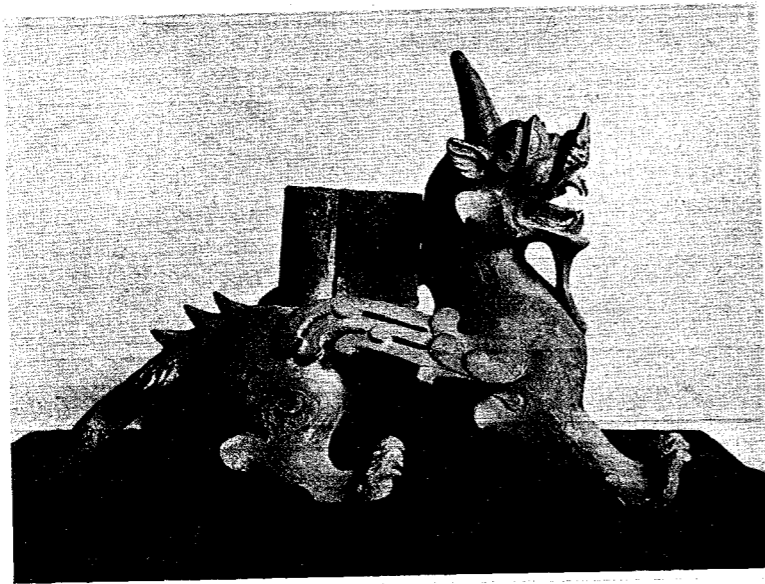

Рис. 55. Бронзовая фигура единорога въ музеѣ Чернуски въ Парижѣ.

ныхъ передачъ, естественно и самыя изображенія древности осложняли реальный типъ. Фактически узнали носорога Римляне на аренѣ въ 5-й годъ по Р. Хр.² Изображенія на рельефахъ Ассиріи (обелискъ Салманассара II) представляютъ видъ большого быка съ прямымъ рогомъ, поднятымъ отъ лба вверхъ,³ на вавилонскомъ цилиндрѣ съ клыкомъ, впередъ протянутымъ,⁴ и только на помпейскомъ рельефѣ близко къ дѣйствитель-

¹) [Plinii: Nat. Hist. VIII, 20 (носорогъ — врагъ слона), 21 (единороги — индійскіе быки); XI, 46 (единорогъ — индійскій оселъ); XVIII, 1 (носорогъ — точитъ рогъ о скалы) и т. д.]

²) [Dionis Cassii Cocceiani: Historia romana, I, 51, с. 22].

³) Ib. рис. 133, также въ Хорсабадѣ, Perrot et Chipiez, Histoire de l'Art, vol. II табл. XV, Ed. Schrader, Die Vorstellung von *monókeros* und ihr Ursprung Abh. d. Pr. Akad. 1892, табл. V, 8.

⁴) О. Келлеръ, рисун. 134: большая птица клюетъ носорога, сѣвши на спину, какъ на болгарскомъ рельефѣ. Вѣроятно, по баснямъ о птицахъ, клевавшихъ у носорога насѣкомыхъ, какъ у крокодила.

ному носорогу.¹ Что же касается золотой пластинки Аму-Дарьинскаго клада, идущаго отъ начала II вѣка до Р. Хр., представляющей крылатаго быка съ загнутымъ назадъ небольшимъ рогомъ, въ обычномъ ассирійскомъ типѣ, то явно, это уже фантастическое животное, изъ разряда декоративныхъ чудовищъ.² Именно такого звѣря поражаетъ мечомъ царь на рельефѣ Персеполя, ухвативъ за рогъ лѣвою рукою, и его же представляетъ золотая пластинка Александропольскаго кургана,³ какъ бляшка отъ покрыва, играющая роль или апотропея (оберега), или же декоративную.

Постараемся кратко показать, что, помимо античныхъ типовъ и средне-вѣковыхъ западныхъ, существовало еще представленіе восточное, своего рода также средне-вѣковое, ибо оно принадлежитъ Китаю и Центральной Азіи и въ то же время перешло въ Восточную Европу и можетъ быть прослѣжено въ средне-вѣковыхъ памятникахъ...

Остановимся на одномъ мелкомъ памятникѣ: великолѣпномъ бронзовомъ звѣрѣ восточной работы (такъ называемой арабской) IX—X столѣтія, еще недавно находившемся въ собраніи извѣстнаго знатока русской археологии Г. Д. Филимонова и найденномъ еще въ 50-хъ годахъ въ Рязанской губерніи. Въ этомъ звѣрѣ мы видимъ пресловутаго единорога или инрога, Индрика „Голубиной Книги“, которая описываетъ страшнаго зрѣря, „всѣмъ звѣрямъ отца“, такими фантастическими чертами: ходитъ звѣрь по бѣлу свѣту, копаетъ мать сыру землю, выкапываетъ ключи глубокіе, воды кипучія, живетъ за океаномъ моремъ, проходитъ по подземелью, аки ясное солнце по поднебесью, происходитъ всѣ горы бѣлокаменные, прочищаетъ ручьи и проточины, пропускаетъ рѣки, кладези студенные, когда рогомъ поворотится, вся мать земля подъ нимъ всколыбается, и пр. Всѣ эти прикрасы прикрываютъ собою реальное представленіе индійскаго носорога, извѣстнаго римлянамъ, но оставшагося послѣ нихъ неизвѣстнымъ Европѣ до XVI вѣка. Эліанъ подъ именемъ единорога (картазона) описываетъ индійскаго носорога приблизительно вѣрно, какъ животное, ростомъ въ лошадь, съ желтою холкою и волосами, быстро бѣга и, подобно слонамъ, съ нерасчлененными ступнями и хвостомъ какъ у вепря; промежъ бровей черный рогъ, съ заостреннымъ концомъ; голосъ нестройный и пронзительный; звѣрь живетъ въ густыхъ заросляхъ и бродитъ одиноко, и т. д.⁴ Но всѣ дальнѣйшія описанія, теряя реальную почву, знаютъ только общія черты: свирѣпость звѣря, быстрый бѣгъ его и неукротимость нрава. Затѣмъ, когда восточная торговля стала доставлять извѣстный рогъ нарвала или „роизуба“, и этотъ витой рогъ или бивень, высоко цѣнив-

Восточный
типъ
единорога.

¹) Ib. рис. 135.

²) Рус. Др., вып. II, рис. 109.

³) О. Keller, fig. 143 [ср.: Perrot—Chipiez: Hist. de l'art, V, fig. 352. Fr. Sarre: Die Kunst des alten Persien, Taf. 16] и Русск. Древн. II, рис. 83.

⁴) [Cl. Aeliani: De natura animalium, I, XVI, с. 20; см. также I, XVII, с. 44 о борьбѣ носорога со слономъ.]

шійся по вѣрѣ во врачебную силу его порошка или по рѣдкости, какъ „дорогъ рыбій зубъ“, которымъ инкрустировались деревянныя рѣзные издѣлія, сталъ извѣстенъ средневѣковой Европѣ (съ XII вѣка), единорогъ получилъ также рогъ нарвала и появляется съ нимъ въ различныхъ памятникахъ этого времени. Кратко говоря, въ византійскомъ искусствѣ (миніатюры Псалтыри, фізіологъ Смирнской бібліотеки и пр.) и въ Италиі

Рис. 56. Бронзовая курительница въ видѣ единорога.

(базилика Зенона въ Веронѣ) единорогъ подобенъ медвѣдю, страшному туру, а въ западномъ искусствѣ обыкновенному коню, какъ представляютъ его, начиная съ XVI—XVII в.в. и наши азбуковники. Напротивъ того, арабская бронза тѣмъ и важна, что стоитъ чрезвычайно близко къ тѣмъ восточнымъ образцамъ, въ которыхъ звѣрь впервые сталъ „легендарнымъ“ звѣремъ, страшиломъ. Ясное доказательство мы находимъ въ близости этой фигуры къ китайскому „единорогу“, священное значеніе котораго свидѣтельствуется множествомъ памятниковъ во всякихъ коллекціяхъ и почти во всѣхъ видахъ производства. Издаваемая здѣсь старинная бронзовая курительница изъ буддійскихъ святилицъ представляетъ такого единорога (рис. 56); въ спинѣ его, подъ крышкою, треугольное отверстіе для наполненія внутренности углями и куреніями; звѣрь воетъ и корчится отъ огня, сжигающаго его внутренности. Связь

этого типа съ реальнымъ носорогомъ еще разительнѣе въ формѣ головы, двухъ роговъ, гривки, волосатой спинки, чешуйчатой кожи, напряженныхъ на ея поверхности жилъ, наконецъ, въ характерѣ копытъ. Между тѣмъ, именно подобный звѣрь изображенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Дмитріевскомъ соборѣ, а слѣдовательно, наше сопоставленіе указываетъ намъ иную дорогу для изученія нашихъ древностей, чѣмъ мы ранѣе думали.

Отношенія русскаго искусства къ восточному оригиналу мало измѣнились и для Руси Московской. Такъ, находки 1895 года въ Московскомъ Кремлѣ представили намъ, хотя въ кускахъ и черепкахъ, рядъ замѣчательныхъ ввозныхъ издѣлій Востока. Мы наскоро разсмотрѣли въ витринахъ Историческаго Музея арабско-византійскія стеклянныя издѣлія съ эмалевыми и золочеными орнаментами отъ XIV—XV вѣковъ; куски чашъ и блюды пер-

сидскаго фаянса того же времени, покрытаго рисунками внутри и снаружи, то одноцвѣтными, то двухъ цвѣтовъ: зеленаго и голубого; куски сосудовъ сарайскаго или средне-азіатскаго типа, повидимому, изъ сиро-арабскихъ мастерскихъ; наконецъ, куски семи, восьми, а можетъ быть и болѣе, блюды и чашъ извѣстнаго вида китайскихъ „селадоновъ“ съ превосходными тиснеными рисунками, разводами, меандрами и пр., по всей вѣроятности, персидскаго производства. Всѣ эти куски требуютъ точнаго опредѣленія эпохи путемъ сличенія съ однородными, но болѣе цѣльными памятниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядно показываютъ, какія сложныя и важныя задачи представляются наукѣ древняго русскаго искусства, когда она отъ общей, „книжной“ археологіи перейдетъ къ частному историческому анализу стилей.

Какъ и всѣ фантастическія животныя, единорогъ имѣетъ въ основѣ его представленія реальныя черты и ведетъ свое происхожденіе отъ носорога, типа толстокожихъ, обитающаго нынѣ въ Азіи и Африкѣ и насчитывающаго даже въ современной фаунѣ нѣсколько видовъ, тогда какъ малоизвѣстные виды носороговъ внутренней Африки и указанные уже остатки ископаемыхъ видовъ этого животнаго заставляютъ Брема полагать, что со временемъ число видовъ увеличится, а съ ними и разнообразіе въ характеристикѣ этого толстокожаго. Правда, тотъ же ученый отвергаетъ туземные разказы того нѣмецкаго путешественника, своего современника, который, переиначивъ ихъ по своему вкусу, отнесъ къ баснословному единорогу и тѣмъ ввелъ въ заблужденіе европейскій ученый міръ. Но и для Брема „нѣтъ сомнѣнія, что это животное, а не другое какое-нибудь, называется въ Библии единорогомъ“¹. Дѣйствительно, кн. Юва (глава 39, ст. 9—12) описываетъ именно свирѣпаго жвачнаго — животное колоссальной силы — дикаго и неукротимаго носорога, когда задаетъ вопросы о ничтожествѣ челоуѣка и силѣ Божьей природы: „Захочетъ ли единорогъ служить тебѣ и переночуетъ ли у яслей твоихъ. Можешь ли веревкою привязать единорога къ бороздѣ и станетъ ли онъ боронить за тобою поле. Понадѣешься ли на него, потому что у него сила велика, и представишь ли ему работу твою. Повѣришь ли ему, что онъ сѣмена твои возвратитъ и сложитъ на гумно твое“. Словомъ, здѣсь единорогъ изображается подобнымъ коню и быку, но неизмѣримо сильнѣйшимъ и неизмѣримо дикимъ и неукротимымъ, какъ и позднѣе рисуютъ его всѣ арабскія восточныя сказанія, но не западныя, имѣющія свой особый источникъ.

Весьма важно достовѣрное свидѣтельство древнихъ писателей, что римляне знали однорогаго и двурогаго носорога, выводя ихъ на аренахъ своихъ цирковъ со времени Помпея. Библия называетъ своего носорога-единорога Ремомъ и приписываетъ ему то одинъ, то два рога. Но съ начала Византіи знакомство съ реальнымъ носорогомъ прерывается на-

Реальныя черты въ основѣ представленія объ единорогѣ.

¹) А. Бремъ. Жизнь животныхъ, II, 1874 г., стр. 751.

долго, вплоть до 1513 года, когда впервые былъ привезенъ живой носорогъ изъ Остиндіи въ Португалію подъ именемъ ринокероса или индійскаго gomda.¹ Очевидно, по причинѣ этой неизвѣстности уже арабскіе писатели и сказочники выставляютъ носорога волшебнымъ животнымъ, какъ и доселѣ, по словамъ того-же Брема, суданскіе арабы видятъ въ обоихъ видахъ носорога: аназа и фертидъ — оборотней, что только поверхностно объясняется слѣпою яростью этого животнаго при видѣ чловѣка²...

Обезьяны. Между обезьянами, издревле игравшими въ народномъ суевѣріи роль „оборотней“, такъ или иначе почитавшимися въ древнемъ Египтѣ и Индіи, пиѣики или лѣсовики, нынѣ называемые гориллами, принимались долго за дикихъ людей, дикарей, и ихъ жизнь обществами, нападенія на леопардовъ, львовъ, даже слоновъ, все рано подало поводъ къ сочиненію всякаго рода легендъ о „дикихъ охотахъ“, о хижинахъ и деревняхъ, возводимыхъ дикими людьми, и о томъ, какъ „они ходятъ, опираясь на палку, и дерутся палками и пр.“ еще со временъ Ганнона и Плинія. Также превращены были и орангутанги Борнео, въ разказахъ индусовъ, въ дикихъ людей: по этимъ разказамъ обезьяны защищаются сломаннымъ сукомъ, какъ палкою, но еще болѣе разказовъ было пущено о павіанахъ, носившихъ въ древности названіе кинокефаловъ.

А. Никитинъ (у Сахарова, VIII, стр. 173) [говоритъ]: „А мамоны (змѣи) ходятъ въ нощи да имають куры, а живутъ въ горѣ или каменьѣ. А обезьяны то тѣ живутъ по лѣсу, а есть у нихъ князь обезьянскій, да ходитъ ратью своею, да кто ихъ заимаетъ, а они ся жалуютъ князю своему, а оны пришедъ на градъ дворы развалиютъ и людей побьютъ; а рати ихъ, сказываютъ, велми много, а языкъ есть у нихъ свой, а дѣтей родятъ много; да который родится ни въ отца ни въ мать, а они тѣхъ мечуть по дорогамъ, ино Гундустанци тѣхъ имають да учатъ ихъ всякому рукодѣлію“³...

5.

Пока можно было оставаться на почвѣ общаго историческаго интереса, возбуждавшагося вновь открытыми памятниками средневѣковаго искусства, пока этотъ интересъ былъ, скорѣе, теоретическимъ литературнымъ принципомъ, допускалъ болѣе наслажденіе въ романтическомъ духѣ, чѣмъ былъ потребностью знанія, до тѣхъ поръ не было и надобности въ научномъ анализѣ этого періода, который было принято называть романскимъ.

¹) На рисунокѣ, съ котораго А. Дюреръ сдѣлалъ гравюру: Thausing, A. Dürer II, 1884, стр. 126, прим. 2.

²) Можно считать также греко-восточнаго или „арабскаго“ (по времени и мѣсту) происхожденія изображеніе единорога на ложкѣ изъ Кипра, въ видѣ не то кабана, не то иного звѣря, въ соч. Dalton, Byzantine Silver treasure въ Archaeologia, LVII, табл. 18.

³) О героѣ царѣ обезьянъ Хануманѣ см. у И. П. Минаева — Замѣтки къ Хожденію Никитина: „Старая Индія“ 1881, стр. 71.

Чѣмъ легче и неопредѣленнѣе былъ накидываемый на эти памятники романтическій флѣръ, тѣмъ туманнѣе была ихъ характеристика, — тѣмъ, пожалуй, живѣе и могущественнѣе вырабатывался идеалъ, сквозившій за этимъ флѣромъ въ отдаленной перспективѣ, тѣмъ шире и глубже захватывала зрителей таинственная, мистико-символическая обстановка средневѣковой старины. Въ этомъ мастерствѣ представленія столько же блистали первоклассные мыслители Франціи — Ренанъ, Литтре, Тэнъ и др., сколько ученые Германіи — братья Гриммы, и Англии. Блестящая своими, какъ бы эпическими красотами, рѣчь Ф. И. Буслаева была нужна, въ свое время, не только для того, чтобы установить точку зрѣнія на бытовую и поэтическую старину и древность, какъ на важнѣйшія и самобытныя народныя основы, но и для того, чтобы выработать новые эстетическіе принципы и взгляды.

Въ то время было важно указаніе,¹ что въ романскомъ искусствѣ заключаются варварскіе элементы, смѣсь христіанскихъ воззрѣній и художественныхъ формъ съ языческими преданіями средневѣковыхъ европейскихъ племенъ, что въ романскихъ барельефахъ между сценами изъ Священной Исторіи помѣщаются грубѣйшіе намеки на языческія преданія сѣверныхъ племенъ. Въ этомъ случаѣ интересъ возбуждался только тѣмъ кажущимся (но въ сущности мнимымъ) хаотическимъ смѣшеніемъ разнообразныхъ элементовъ, затемненныхъ и запутанныхъ, благодаря ихъ сочетанію, подобно тому, какъ глазъ зрителя покорно и неотступно слѣдитъ за непонятными арабесками.

При первомъ эстетическомъ наблюденіи этотъ романтическій стиль опредѣляется однимъ общимъ понятіемъ — чудовищностью. Эту чудовищность ранняго средневѣковаго стиля видѣли и въ „народныхъ сказаніяхъ объ огненныхъ драконахъ, многоглавыхъ змійхъ, объ уродливыхъ существахъ получеловѣческихъ, полуживотныхъ и множество эпизодовъ такъ называемаго Животнаго Эпоса, а въ книжной литературѣ Бестиаріевъ или Физиологовъ“. Источникъ этихъ сказаній заключался въ „тревожномъ и смутномъ настроеніи духа, запуганнаго необъяснимыми, страшными силами окружающей природы. Съ принятіемъ христіанства, разорвавъ дружескую, непосредственную связь съ природою, чловѣкъ прежде всего съ ужасомъ и отвращеніемъ взглянулъ на нее, и этотъ внезапный ужасъ отразилъ въ своихъ чудовищныхъ видѣніяхъ, которыми наполнилъ поэтическія легенды и барельефы романскихъ порталовъ. Чловѣкъ изображался опутаннымъ этими грозными страшилами, то многоглавымъ змиемъ, то хвостомъ какого-нибудь чудовища. Чловѣкъ былъ одержимъ темными силами природы, находился у нихъ въ плѣну. Для пуцаго ужаса самыя чудовища изображались въ непрерывной борьбѣ: они терзають

¹) Ф. И. Буслаева, Народная поэзія. Историческіе очерки. 1887. Статя „Русскіе духовные стихи“ 1861 года, стр. 456 слѣд.

другъ друга и пожираютъ. Этотъ стиль, самыми очертаніями выразившій наглядно полную зависимость человѣка отъ тяжелыхъ узъ внѣшней природы, обозначился даже въ письменности, которая въ заставкахъ и въ

Рис. 57. Капитель изъ церкви Св. Евтропія въ Saintes (Charente Inférieure).

заглавныхъ буквѣхъ изображала человѣческія фигуры, перевитыя какъ бы цѣпями, сдѣланными изъ змѣиныхъ хвостовъ и звѣриныхъ хоботовъ.

Иногда человѣческія фигуры, въ самыхъ напряженныхъ позахъ, отчаянно дерутся съ чудовищами, запуская имъ мечъ въ гортань или изнемогая въ этой сверхъ-естественной борьбѣ.

Такова лучшая характеристика романскаго стиля и его прилѣповъ, сдѣ-

ланная *Э. И. Буслаевымъ* съ обычнымъ мастерствомъ этого вождя нашей науки родной старины и едва-ли не полнѣе всѣхъ западныхъ критикъ исчерпывающая всѣ детали темной эстетической картины европейскаго средневѣковья. По крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не находимъ въ западной литературѣ такой наглядности въ противопоставленіи звѣриному стилю послѣдующаго за нимъ стиля готическаго, съ его „роскошною и разнообразною (послѣднее едва-ли точно) листвою“, съ изяществомъ въ изображеніи человѣческихъ формъ: „готическій стиль выражаетъ во всей послѣдовательности освобожденіе человѣческой личности изъ-подъ гнета природы, онъ успокоилъ встревоженное воображеніе, примиривъ его съ природою постояннымъ напоминаніемъ о ея безвредности въ нѣжной растительности, которую разнообразилъ съ такою любовью въ своихъ прилѣпахъ“. „Этому стилю въ литературѣ соотвѣтствуетъ сантиментальное творчество трубадуровъ, сознание личности, предъявленное рыцарствомъ, хотя и смѣшиваемое съ необузданностью самоуправства, нѣжныя легенды о Мадоннѣ, возможность образованія лирики и драмы, возбуждающихъ участіе къ личности“. „И потому“, замѣчаетъ русскій ученый и мыслитель, „главнымъ недостаткомъ въ нравственномъ развитіи русской народности было отсутствіе эпохи, соотвѣтствующей готическому стилю“. Звѣриный, чудовищный стиль (тератологическій), соотвѣтствующій романскому, широко захватившій древнюю русскую жизнь и столь же сильно господствовавшій у насъ въ XVII вѣкѣ, оставилъ свои неизгладимые слѣды въ народной поэзіи религіознаго содержанія. И этимъ то стилемъ, преимущественно, и отличаются мистическія гаданія раскола „О звѣриномъ вѣнѣ семиглаваго звѣря-антихриста“...¹

Шнаазе, [говоря] о звѣриныхъ арабескахъ, о всемъ стилѣ зооморфическаго типа, господствовавшемъ на протяженіи XII—XV вѣковъ въ сѣверной Европѣ (потому что въ это время только и знали, что сѣверную Европу въ археологическомъ отношеніи и Италію), выражается весьма опредѣленно: „духовные писатели то рѣзко порицали, какъ Св. Бернаръ, эту орнаментику за ея неумѣстность въ церквахъ, то хвалили за живое исполненіе, при этомъ ни разу не помянувъ ея, будто-бы, символическаго значенія. Стало быть, эти вполне посвященные въ дѣло люди или не принимали этой символики, или считали эту послѣднюю столь мало распространенною, что не стоило противъ нея говорить. Мы не должны бы заходить дальше этихъ людей, и должны считать символическое значеніе не правиломъ, а, наоборотъ, исключеніемъ. Веселый смыслъ, радость видѣть разнообразныя формы, а не мрачныя тенденціи, породили эти образы. Конечно, духовенство могло даже оправдывать свое расположеніе къ этому орнаменту тѣмъ, что оно вселяетъ зрителямъ спасительный

¹) [Въ рукописи фраза не кончена и имѣетъ слѣдующій видъ: послѣ словъ „звѣря-антихриста“ стоитъ запятая, а далѣе „и лубочныя сказки о борьбѣ съ“...]

страхъ, но для художниковъ символика была только предлогомъ, чтобы изливаться въ фантастическихъ образахъ. Во многихъ случаяхъ гротески и звѣриныя формы объясняются игрою фантазіи, возбуждаемой особенными формами камня или части зданія“ (напримѣръ, капители, консолей и проч.).¹

Послѣ этихъ, вполне ясныхъ, словъ писателя странно встрѣчать въ деталяхъ его книги почти постоянныя выраженія, изъ сферы символично-мистической, накаплиющія общую укоризну среднимъ вѣкамъ за ихъ страхъ (мнимый) передъ природою, аскетизмъ и любовь къ уродливому и монструозному. Приведенная нами тирада навѣяна была новыми изслѣдованіями декоративныхъ формъ средневѣкового искусства у Шпрингера, а эти выраженія общимъ еще уцѣлѣвшимъ отъ старины взглядомъ...

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ IV ОЧЕРКУ.

1.

Рельефы
ц. Св. Мины
въ Солуни.

Мы уже имѣли случай² описать замѣчательныя скульптуры, рѣзаныя въ мягкомъ известнякѣ отдѣльными горельефными кусками или плитами малаго размѣра (отъ 30 до 70 сант. въ длину), вмазанныя въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ перестроенной въ прошломъ вѣкѣ церкви вм. Мины въ Салоникахъ. Церковь вм. Мины была въ числѣ древнѣйшихъ базиликъ Солуни, но сгорѣла и частью переложена, а бывший ранѣе декоративный фризъ съ рядомъ звѣрей былъ разобранъ, часть плитъ и кусковъ сложена въ сараѣ, нѣкоторая же часть вмазана въ стѣны, по исконному греческому обычаю. Побѣлка известью скрыла въ большинствѣ плитъ фонъ, и только въ нѣкоторыхъ можно еще видѣть, что фонъ былъ раздѣланъ растительными разводами въ греко-восточномъ пошибѣ X—XII вѣковъ. Именно этотъ растительный фонъ требовалъ горельефа, и потому эти рельефы связаны не съ западными барельефами романскаго стиля, но съ восточными памятниками этого рода. Очевидно, далѣе, что при помѣщеніи рельефовъ въ стѣну фонъ сбивали, ограничивая кусокъ фигурую звѣря. Всего сохранилось до 15 рельефовъ: пять даютъ обычный типъ птицы, это или перепелка, или дроздъ и т. п., изъ крупныхъ птичьихъ породъ. Затѣмъ, мы находимъ здѣсь фигуры: барана, собаки, медвѣдя (два раза), льва, зайца, льва, терзающаго ланя, аспида. Но, что насъ наиболѣе занимаетъ, это характерная реальность звѣриныхъ фигуръ, напримѣръ, тяжеловѣснаго, но настойчиво лазающаго по лѣсамъ медвѣдя въ поискахъ лакомага меда.

¹) C. Schnaase: Geschichte der bildenden Künste, B. IV, S. 272 ff.

²) Н. П. Кондаковъ. Македонія. Археологическое путешествіе 1909, стр. 121—9, рис. 63—66.

2.

Декоративная красота восточныхъ, такъ называемыхъ персидскихъ ковровъ, появившихся въ европейской торговлѣ не болѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, настолько прельстила, однако, вкусы собирателей, что сдумѣла даже побѣдить тиранію принятой гигиены и вызвать появленіе восточныхъ кабинетовъ и распространеніе оттоманокъ. Восторженное преклоненіе художниковъ передъ свѣжею силою гармоническихъ красокъ быстро создало специальное любительство, но и доселѣ не настало еще время опредѣленнаго археологическаго интереса къ тѣмъ историческимъ рѣдкостямъ въ этомъ отдѣлѣ художественной промышленности, который уже по своей громоздкости не могъ занять своего мѣста рядомъ съ кусками древнихъ тканей въ музеяхъ. Благодаря этому рядъ дѣйствительныхъ „историческихъ памятниковъ“, а именно драгоцѣнныхъ по оригинальности рисунковъ и древности, выброшенныхъ съ Востока, изъ мечетей и домовъ, въ силу ихъ плохой сохранности, пока идетъ мимо музеевъ и нигдѣ не начато дѣло историческаго собиранія.

Краткое руководство къ разслѣдованію восточныхъ ковровъ Вильгельма Бодэ¹ указываетъ ясно на крайнія трудности историческаго анализа, стоящаго еще на первой ступени пониманія. Консерватизмъ восточнаго мастера, сохраняющаго свои образцы, несмотря на крушительные перевороты въ среднеазиатской территоріи, и возобновляющаго на пространствѣ тысячелѣтія старую технику, обезоруживаетъ изслѣдователя непрерывнымъ копированіемъ древности и старины. Въ то же время переносы мастерскихъ изъ одной территоріи въ другую, благодаря переворотамъ, не даютъ возможности различать по стилю или по принятымъ формамъ издѣлія Малой Азіи, Персіи, Бухары, Хивы и Туркестана отъ издѣлій Кавказа. Арабскія надписи не даютъ требуемыхъ указаній мѣстности, не общають годовъ и называютъ имена обычнаго разряда, безъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Главнымъ основаніемъ, по необходимости, должны служить изображенія ковровъ на старыхъ картинахъ венеціанской, фламандской и голландской школы. Такимъ образомъ, В. Бодэ указываетъ только одинъ коверъ XIII вѣка, немногіе ковры XIV—XV вѣка, 1 коверъ 1539 г. и большинство ковровъ относить къ XVI—XVIII вѣкамъ. Выводы В. Бодэ, будучи вполне правильными, не могутъ, однако, касаться нагляднаго различія мастерства Дагестана и Гокчайскаго озера, текинскаго и собственно персидскаго и т. д., изъ которыхъ каждое кустарное производство усвоило себѣ извѣстный видъ мастерства и вмѣстѣ съ нимъ опредѣленные образцы или рисунки. Въ силу этого, надо добавить и эти кустарныя мастерства, такъ какъ, напримѣръ, большинство кавказскихъ ковровъ относится къ

¹) Wilhelm Bode, Vorderasiatische Knüpfteppiche aus älterer Zeit. L. s. a.

разряду паласовъ, т. е. завѣсь церковныхъ или домовыхъ и служащихъ нынѣ равно и полосовыми коврами на кошмахъ.

Характерно, прежде всего, то обстоятельство, что наиболѣе ранніе и лучшіе по художественнымъ достоинствамъ ковры относятся къ шелковымъ и что ихъ сюжетомъ являются охотничьи сцены. Среди роскошныхъ полей цвѣтовъ, въ срединѣ и по угламъ представлены схватки фантастическихъ драконовъ съ исполинскою птицею — по типамъ — явно, китайскаго происхожденія, какъ тамошняя тема битвы дракона съ фениксомъ, гербъ династіи Минго (съ 1368 г.), воспроизводимый, по традиціи, и на среднеазиатскихъ и даже кавказскихъ и болгарскихъ коврахъ. Въ срединѣ охотники верхомъ прелѣдуютъ львовъ, антилопъ, оленей, кабановъ, зайцевъ, лисицъ, шакаловъ, все по уборамъ коней и одеждъ персидское, какъ и крылатые гении по борту. Явно, рисунки охоты идутъ изъ миниатюръ и разработаны со свойственнымъ миниатюрамъ Персіи и царству Великой Монголіи причудливымъ разнообразіемъ, часто европейцу непонятными сценами, какъ традиціонной стрѣльбы изъ луковъ, такъ и пикниковъ или роздыховъ и пр.¹ Для насъ важна лишь реалистическая основа подобныхъ охотъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ и рощахъ-парадизахъ, идущая еще отъ временъ сассанидскихъ царей, которая лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и то заимствованныхъ, допускаетъ изображенія символическія, и то съ характеромъ геральдическихъ знаковъ. То же было и въ древнеперсидскомъ искусствѣ, но ковры съ охотничьими сценами, дѣлавшіеся для шаховъ и султановъ, чаще замѣнялись столь же великолѣпными по растительному убору коврами, оживленными лишь звѣрьми, охотящимися за разными животными, въ полѣ разводовъ и цвѣтовъ, украшенномъ схематическими щитами и по угламъ щитками съ рѣдкими птицами.² Здѣсь леопарды, желтые и черные, гоняются за газелями; львы терзаютъ газелей, быковъ, изъ фантастическихъ звѣрей преобладаютъ драконы, но главное достоинство ихъ въ изумительной декоративности красокъ и ихъ оттѣнковъ, превосходящихъ донинѣ и европейскую живопись и ея технику и самое научное постиженіе красотъ истиннаго декоративнаго искусства. Возвращаясь къ нашей задачѣ, мы должны признать, что искусство восточныхъ ковровъ собственно не знало „звѣринаго стиля“, какъ формы исключительно варварской, и лишь изрѣдка вспоминало о ней.

Иное дѣло кустарныя мастерства, воспроизводившія во множествѣ мѣстностей Средней и Передней Азіи, Кавказа, въ шерстяныхъ исключительно издѣліяхъ, геометрическіе типы древнихъ ковровъ съ кониками, оленями, львами и грифами, но ихъ изданіе почти только начинается.³

¹) W. Bode, l. c. Abb. 1—3. J. Kimberly Mumford, The Verkes Collection of oriental carpets, 1911, pl. III, VII (XIII вѣка?).

²) Bode, Abb. 4—8. Kimberly Mumford, pl. I, III, VI, VII, IX, XXI и XXV. Sarre, Vieux tapis d'Orient, pl. III, VII, XXIII.

³) Бодѣ, рис. 73, 77—79.

3.

Ранѣе мы уже отмѣчали, что даже на русскихъ монетахъ XIV—XV вѣковъ мы находимъ среди эмблемъ рядъ изображеній греко-восточнаго происхожденія и звѣринаго стиля. Изображенія на русскихъ монетахъ.

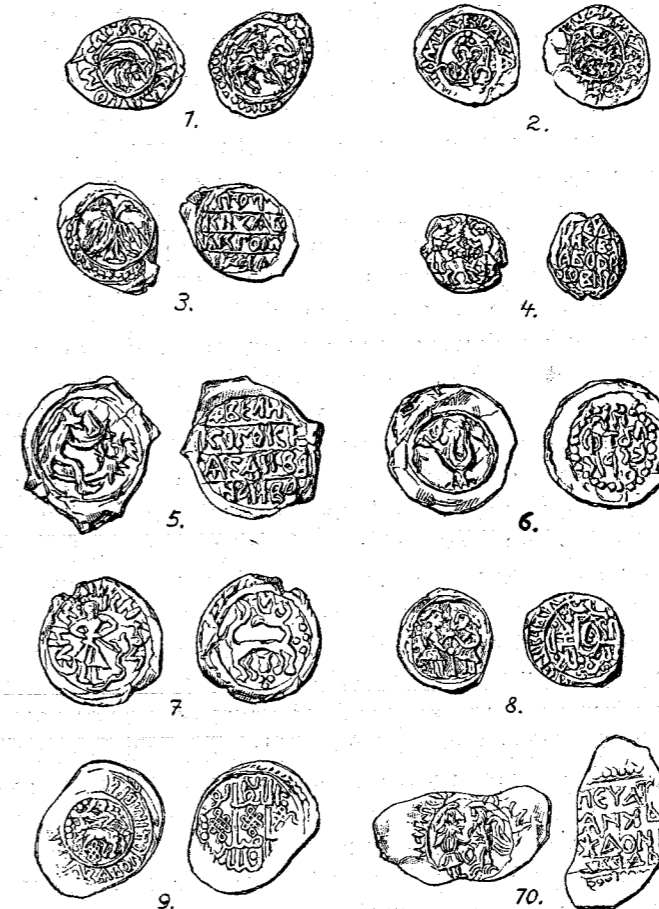

Рис. 58: 1—3. Деньги кн. Мих. Бор. Тверскаго (1461—1485). 4. Деньга кн. Ив. Бор. Кашинаго (1412 г.) 5. Пула кн. Ив. Ив. Тверскаго (1485—1490). 6. 7. Пулы Тверскія XV в. 8. Деньга кн. Сем. Боровскаго (1420—1426). 9. Деньга кн. Вл. Андр. Серпуховскаго (1358—1410). 10. Деньга кн. Андр. Дм. Можайскаго (1389—1432).

На серебряной деньгѣ Михаила Борисовича Тверскаго, помимо обычной фигуры всадника (князя, баскака),¹ видимъ птицу типа коптскаго (рис. 58, 1), двуглаваго орла (рис. 58, 3),² обезьяну — диваго (дивьяго) челоуѣка,

¹) [А. В. Орѣшниковъ: Русскія монеты до 1547 г. №№ 250—258, т. III, 120—127.]

²) [Тамъ же, №№ 321—322, т. IV, 181—182.]

бьющагося съ дракономъ,¹ охоту на кабана, битву со змѣемъ, воинское братанье (какъ у скиѳовъ), китовраса,² мечущаго брата своего на обѣтованную землю, странника и человѣка-птицу (изъ Александровскихъ походовъ), всадника, поражающаго змія³ и бѣгущаго звѣря.⁴ На суздальской деньгѣ — схватку грифа со змѣемъ,⁵ что можно сопоставить съ поливнымъ блюдомъ изъ Херсонеса Таврическаго, льва въ типѣ рельефовъ на владимірскихъ соборахъ. На деньгѣ Василя Дмитріевича видимъ льва⁶ и охотника, стрѣляющаго изъ лука въ птицу на деревѣ.

Словомъ, на великокняжескихъ монетахъ нѣтъ западныхъ средневѣковыхъ эмблемъ владѣтельныхъ графовъ, епископовъ, городовъ, замковъ, гербовъ, храмовъ, башенъ, коронъ, крестовъ и пр., и взамѣнъ того мистическія и миѳологическія темы, являющіяся общенароднымъ, сохраненнымъ издревле запасомъ явленій и сказаній изъ древняго быта и окружавшей его сосѣдской жизни и усвоенныхъ преданій...

На монетахъ тверскихъ князей можно видѣть изображенія охотника, идущаго съ копьемъ или даже, быть можетъ, поражающаго копьемъ большую птицу, сидящую „на верху дерева“.⁷ Что значитъ это изображеніе, неизвѣстно, но преданія Новгорода рассказываютъ, что на верху большой Покровской башни Новгородскаго кремля было нѣкогда гнѣздо огромной птицы, похищавшей на улицахъ дѣтей, которыми она и кормила своихъ птенцовъ; нашелся, наконецъ, смѣльчакъ, влѣзъ на башню, убилъ шестомъ птицу, а щитъ оставилъ на башнѣ на память.⁸ Однако, и самая легенда, по всей вѣроятности, возникла изъ толкованія довольно обычныхъ сюжетовъ звѣринаго стиля: такъ, на Дмитровскомъ соборѣ въ числѣ прилѣповъ мы встрѣчаемъ человѣка, бьющаго птицу, и какъ одинаковые размѣры фигуръ, такъ и еще болѣе оружіе въ рукахъ человѣка-палица — указываютъ на величину птицы. Затѣмъ, конечно, остается еще вопросомъ для будущаго знакомства съ восточными сюжетами: какого рода птица здѣсь разумѣлась съ самаго начала, напримѣръ, страусъ или же одинъ изъ обычныхъ хищниковъ-орелъ, грифъ и пр., но опять таки бьющійся человѣкъ есть, конечно, пигмей, и сюжетъ этотъ первоначально античнаго происхожденія, затѣмъ уже въ восточной редакціи, вновь перешедшей черезъ посредство сарацынскаго искусства въ Западную Европу.

¹) [Тамъ же, № 320, т. IV, 178—179.]

²) [Тамъ же, № 319, т. IV, 177.]

³) [Тамъ же, № 259, т. III, 128.]

⁴) [Тамъ же, № 274—288, т. III, 139—141; IV, 142—151.]

⁵) [Тамъ же, № 847—848, т. XV, 710—711.]

⁶) [Тамъ же, №№ 493—504, т. VIII, 352—360, IX, 361.]

⁷) [Тамъ же, № 107—119, т. II, 48—53.]

⁸) Наумовъ: Трое сутокъ въ Новгородѣ, 1842, стр. 4.

4.

Извѣстно, какое характерное упорство въ сохраненіи культа отечественныхъ боговъ представило въ XI вѣкѣ славянское населеніе Поморья, даже когда въ эту страну явилась отъ польскаго князя Болеслава большая миссія извѣстнаго Оттона епископа Бамбергскаго. Какъ то обыкновенно бываетъ, эта славянская своеобразная колонія, какъ бы оторванная отъ славянскихъ племенныхъ корней, предававшаяся на берегахъ моря мореходству и пиратству, оказалась болѣе консервативною, чѣмъ крупныя родственныя ей націи, и здѣсь возможно было видѣть на островѣ Рюгенѣ храмъ съ идоломъ Святовита, на половину человѣкообразнымъ, но, повидимому, съ нѣсколькими головами. Въ Поморьѣ все расцѣнивалось на коня и богатства опредѣлялись числомъ коней: приливъ колоссальныхъ кочевыхъ ордъ въ восточной Европѣ вызвалъ оживленіе разбойничьихъ бандъ, появленіе кавалерійскихъ отрядовъ и извѣстный культъ лошади. Около идола держали на-готовѣ сѣдло и узду для бѣлой лошади бога. Тотъ же культъ лошади и бога Триглава въ Штеттинѣ со священнымъ золотымъ сѣдломъ въ храмѣ. Не только извѣстія, но и сохранившіеся въ бывшихъ славянскихъ земляхъ грубые идолы представляютъ фигуры многоголовыя, съ рогами и т. п.

Какъ извѣстно, затѣмъ, наши свѣдѣнія по славянскимъ языческимъ религіямъ ограничиваются или одними именами боговъ, или ходячими слухами, переданными въ хроникахъ средневѣковыхъ монаховъ и книжниковъ. Въ этомъ отношеніи ярко выдѣляются свѣдѣнія о поморскихъ славянахъ, сохраненныя спутниками (Гербордомъ и др.) миссії и переданныя въ жизнеописаніяхъ Оттона. Такъ, въ нихъ передается¹, что въ Штеттинѣ было четыре общественныхъ зданія-континны, частью для сходокъ и совѣщаній, пировъ и игръ, но одно было посвящено религіозной отечественной старинѣ, видимо, особенно чтимой у поморянъ. Эта континна наибольшаго размѣра была построена съ удивительною отдѣлкою и искусствомъ (похвала цѣнная, въ виду строительной славы самого Оттона, созидателя соборовъ въ Шпейерѣ и Бамбергѣ). Внутри зданія и снаружи по стѣнамъ были скульптуры, выдающіяся отъ стѣнъ (горельефы): изображенія людей и птицъ и звѣрей, настолько вѣрно ихъ естеству и привычкамъ представленныя (*tam proprie suis habitudinibus expressas*), что, кажется, они дышатъ и живы. Что особенно рѣдко встрѣчается, краски наружныхъ изображеній (*colores imaginum extrinsecorum*) не были затемнены, но разжижены непогодю, снѣгами или дождями: таково было искусство (*industria*) живописцевъ. Въ это зданіе по старому обычаю предковъ (*ex prisca patrum consuetudine*) снесены были богатства и оружіе вра-

¹) А. А. Котляревскій. Первая проповѣдь Оттона въ Поморьѣ. Сочиненія, Сб. Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н., т. 49, 1891, стр. 355.

Извѣстіе
о поморскихъ
славянахъ
въ житіи
Оттона еп.
Бамбергскаго.

говъ и все то, что по закону десятины, приносилось сюда отъ добычи морскихъ или сухопутныхъ боевъ. Здѣсь сберегались золотые и серебряные сосуды (crateres), изъ которыхъ гадали, пировали и пили знатные и властные люди, вынося ихъ въ торжественные дни. Большіе рога дикихъ быковъ (туры), позолоченные и украшенные драгоценными камнями, устроенные для питья и рога, приспособленные для музыки (cantibus), кинжалы, ножи и множество драгоценной утвари, рѣдкой и красивой на видъ, хранилось тамъ для украшения и въ честь боговъ. Оттонъ съумѣлъ упросить власти и народную толпу сокрушить эти святилища, уничтожить изображенія, нетерпимыя истиннымъ Богомъ, и со своими близкими принялся разрушать храмы и континны, а наконецъ, и народъ сталъ грабить святилища.¹

5.

Фрески
потолка
Палатинской
капеллы.

Врядъ ли существуетъ на свѣтѣ памятникъ, столь же поразительный по красотѣ и роскоши исполненія, какъ деревянный, весь росписанный золотомъ и красками, потолокъ придворной или Палатинской капеллы, сооруженной въ 1143 году норманскимъ королемъ Рожеромъ во имя ап. Петра. Явно, король желалъ одновременно утолить свое собственное пристрастіе къ арабской культурѣ и ея просвѣтительному, цивилизаторскому почину, создавшему въ Сициліи своего рода земной рай или „парадизы“ плодовыхъ садовъ, и угодить мусульманской части ея населенія, призвавъ и ее къ терпимости и мирному сожительству. Середина потолка или плафонъ его, протянувшійся длиннымъ прямоугольникомъ, подѣленъ, по образцу самыхъ пышныхъ „мечетныхъ“ ковровъ, геометрическимъ хитрымъ рисункомъ на два ряда крупныхъ звѣздообразныхъ розетокъ, съ необычайно сложными арабесками, въ которыхъ изображены сцены восточныхъ увеселеній, чудныя птицы и дивныя звѣри. Каждая розетка окружена куфическими надписями, которыя вмѣстѣ содержатъ перечень добродѣтелей и славныхъ дѣлъ строителя. Потолокъ опускается на стѣны сводомъ, сочиненнымъ изъ массы консолей, громоздящихся другъ на друга для подъема плафона или виснущихъ въ воздухѣ, какъ пещерные сталактиты. Вся поверхность и повсюду во всѣхъ выгибахъ, изломахъ и плоскостяхъ расписана искусными живописцами, какъ безконечная серія кар-

¹) [Далѣе въ рукописи слѣдуетъ вычеркнутый самимъ авторомъ абзацъ: „Для нашей задачи вдвойнѣ интересно это мѣсто житія: съ одной стороны мы имѣемъ здѣсь подражаніе европейскихъ варваровъ восточнымъ святилищамъ, въ которыхъ прежніе круги звѣрей или сфинксовъ были замѣнены горельефами, покрывавшими стѣны средневековаго святилища варваровъ. Съ другой мы находимъ въ началѣ XII вѣка варварское украшеніе раскрашенными рельефами священнаго зданія, которое, происходя, по словамъ очевидцевъ изъ древнѣйшей эпохи, хотя бы отъ X—XI вѣка, предшествовало открывшемуся въ XII в. во всей архитектурѣ Запада обычаю скульптурныхъ украшеній храмовъ, и стало быть“...]

тинокъ, миниатюръ, карнизовъ, панелей, растительнымъ орнаментомъ и арабесками, въ живыхъ краскахъ и по сплошному золотому фону, и живописными темами восточной жизни, изображеніями сказочныхъ звѣрей и монстровъ, любимыми символическими и мифологическими сценами. Все это богатство изображеній, сохраненное почти чудомъ отъ древности, остается пока изданнымъ только въ небольшой части.¹

Напрасно только сочиненіе Павловскаго претендуетъ на то, что въ этой богатой и чрезвычайно разнообразной росписи плафона нѣтъ цѣльнаго содержанія: какъ нѣтъ никакой цѣльности въ композиціи рисунковъ восточнаго ковра, хотя бы онъ изображалъ царскую охоту, такъ нѣтъ и на восточныхъ шкатулкахъ, украшенныхъ рѣзбою, и на фризахъ сосудовъ, въ украшенияхъ восточныхъ сулей, лампъ и пр. Роспись плафона любопытна этою случайностью выбора темъ, ихъ разносторонностью, и даже напоминаетъ старинные русскіе и нѣмецкіе сундуки, съ выпуклою крышкою, во внутренность которой хозяйки наклеивали самыя разнообразныя гравюрки, но вообще сочинена по образцу раннихъ арабскихъ ковровъ, дающихъ на фонѣ разводовъ и арабесокъ, и бытовыхъ сцены, и звѣриный циклъ, и сказочный міръ.

Но исполнителями этой росписи не были Арабы²; въ XII вѣкѣ они не могли бы наполнять изображеніями людей самыя видныя кессоны и лю-

¹) Трудности исполненія какихъ бы то ни было снимковъ тому причиной, а высота потолка препятствуетъ фото-механическимъ воспроизведеніямъ, для которыхъ надо было бы сооружать особыя лѣса. Но это чудо исполненія точныхъ снимковъ калькою сдѣлала два пенсионера (впослѣдствіи извѣстные архитектора) Имп. Академіи Художествъ въ Россіи: Ѳ. И. Чагинъ и А. Н. Померанцевъ, въ теченіе полутора лѣтъ ежедневно работавшіе въ капеллѣ. Потолокъ калькировали они, сидя подъ нимъ на подвѣшиваемыхъ къ нему доскахъ, равно, какъ и всѣ мозаики трехъ нефовъ. Уже въ С.-Петербургѣ оба художника особымъ механическимъ приводомъ перевели всѣ кальки на особый большой рисунокъ разрѣзовъ капеллы, начиная съ средней линіи плафона и кончая поломъ. Въ послѣдніе годы Академія Художествъ начала изданіе (Комиссія изъ членовъ ея: Н. П. Кондакова, Г. И. Котова, А. Н. Померанцева, В. В. Сулова, Ѳ. Г. Беренштама) въ атласахъ изъ великолѣпныхъ по точности и мягкой живописности гелиографюръ (вышло 3 выпуска), но изданіе было остановлено отсутствіемъ китайской бумаги во время войны. Немногія цинкографическія клише съ рисунковъ и росписи въ цѣломъ даны были при соч. А. А. Павловскаго: „Живопись Палатинской капеллы въ Палермо по снимкамъ пенсионеровъ И. А. Х. А. Н. Померанцева и Ѳ. И. Чагина, 1890, рис. 1—3, 46—110.

²) Для доказательства того, что исполнителями могли быть арабы, пок. А. А. Павловскій далъ себѣ трудъ (въ общемъ полезный) свести всѣ свидѣтельства объ изображеніяхъ людей въ „арабскомъ“ искусствѣ, главнымъ образомъ по хроникамъ, описямъ „восточныхъ“ сокровищъ у Макризи и Массуди. Но, самъ же, попутно слѣдя за указаніями арабистовъ: Карабачека, Шака, Лавуа и др., указываетъ, что это были или сирійскія, или персидскія, или среднеазиатскія (ковры), или египетскія работы. Сокровища сарацынскихъ халифовъ состояли изъ награбленныхъ отовсюду и заказанныхъ всѣмъ областямъ міроваго халифата рѣдкостей и драгоценностей культуры и искусства за тысячелѣтній періодъ. Для древностей Востока правильнѣе удерживать термины территорій: Сиріи, Египта, Персіи, Средней Азіи, Мавританіи и т. д.

неты, а именно арабы, удерживавшіе рядъ завоеванныхъ міровъ въ силу законовъ и проповѣдей Ислама, были „иконоборцами“, какъ позднѣе таковыми сдѣлались „нехотя“ турки, ради принципа и политики. Исполнителями были явно персидскія мастерскія, и это легко установить, всмотрѣвшись въ стиль всѣхъ рисунковъ, какъ человѣческихъ, такъ и звѣриныхъ фигуръ. Въ данномъ случаѣ, прежде всего, надо припомнить, что дѣло украшенія было предпринято предприимчивымъ норманномъ, что онъ былъ расположенъ именно къ вызову лучшихъ мастерскихъ „съ мѣста“, тѣмъ хвалился и передъ греками Италіи, что работали у него византійцы, и передъ арабами Сициліи, что онъ призвалъ искусниковъ Персіи, и передъ норманнами, что сцены битвъ сдѣланы часто по сѣвернымъ образцамъ. Корпулентныя, коротконогія, большеголовыя, тупоносыя, или круглолицыя, или квадратнолицыя, присѣвшія на корточки фигуры владыкъ, визирей въ почетныхъ облаченіяхъ, западныхъ королей, виночерпівей, музыкантшъ (альмей), исполняющихъ тихую и нѣжную музыку на лютняхъ, гусяхъ, цитрахъ, балалайкахъ, флейтахъ, бубнахъ и пр., наконецъ, даже толстоногихъ и полногрудыхъ танцовщицъ, исполнены всѣ въ одномъ основномъ персидскомъ типѣ, господствующемъ въ миниатюрахъ XII—XVI стол.¹ Карабачекъ окончательно остановился на выводѣ, что искусство арабовъ охватываетъ три школы: византійскую (скорѣе, надо было бы назвать греко-египетскую), персидскую и китайскую, выдѣляя изъ нихъ для „арабскаго“ или „сарацинскаго“ періода особенно персидскую.²

Возвращаясь къ своему спеціальному сюжету, замѣтимъ, что звѣриный циклъ въ росписи Палатинской капеллы играетъ вообще роль чисто декоративную, какъ въ коврахъ, и при томъ второстепенную. Правда, эта декорация выдаетъ любимые предметы кочевника, и вотъ почему бѣгушія гуськомъ газели, которыхъ онъ видитъ передъ собою, среди пустыни, являются здѣсь привычною орнаментациею для самыхъ причудливыхъ плоскостей, заставокъ и фризовъ по тягамъ, люнетамъ и карнизамъ (Павловскій, рис. 59—60). Но также находимъ здѣсь и верблюдовъ, идущихъ въ караванѣ (ib. рис. 61), и слоновъ (ib. рис. 57), но главнымъ предметомъ, конечно, являются охотничьи сцены. Любопытна особенно (ib. рис. 81) схватка всадника съ медвѣдемъ, закончившая охоту за козулями — егеръ несетъ уже убитую козу на шеѣ впереди. Затѣмъ рядъ рисунковъ (ib. рис. 82—85) представляютъ именно егерей, несущихъ домой дикаго козла, газель, павлина, охоты за птицей и мелкими звѣрками съ прирученными орлами, соколами и вѣронами.³ Вотъ почему прирученные сокола и орлы (черные) съ ошейниками, терза-

¹) См. въ томъ же изданіи рис. 63—79, 82—85.

²) Karabacek, *Über einige Benennungen mittelalterlicher Gewebe*. 1882.

³) См. любопытное указаніе у Кодина *De off. pal. C—p.*, p. 40, что „протоіеракарій“ (обер-егермейстеръ, начальникъ охоты) идетъ впереди ловчихъ, которые несутъ птицъ, имѣя при себѣ на поясѣ хирортій.“ Стало быть, мы видимъ и здѣсь своего рода процессію охотничьей свиты. Персидскія данныя въ книгѣ Павловскаго, стр. 204—5.

юшіе газель или мелкое животное, такъ часто представляются въ восточной и византійской живописи и на предметахъ убора, одеждахъ и шкатулкахъ, и въ Палатинской капеллѣ (ib. рис. 88—92). Но, что особенно замѣчательно — рисунки (ib. рис. 96 и 97) львовъ, схватившихся бороться съ змѣями, даютъ вовсе не хитрое измышленіе мастера, но передачу реальныхъ боевъ, которые, вмѣсто римскихъ гладіаторскихъ, устраивались, какъ между соколами и газелями, такъ и между могучимъ львомъ и громаднымъ удавомъ, въ парадизѣ — на потѣху владыки. И даже сибирскія древности безсознательно копировали персидскіе и вавилонскіе рисунки подобныхъ потѣхъ. Менѣе понятны, но также реальны, фигуры ловцовъ или укротителей, всовывающихъ руку въ пасть ручного льва (ib. рис. 102), св. Герасима, ѣдущаго на львѣ и облеченнаго нимбомъ вокругъ головы. Итакъ, мы и здѣсь получаемъ объясненіе варварскаго искусства Сибири, привитого затѣмъ Византіи, притомъ объясненіе, идущее вглубь исторіи восточнаго быта, породившаго столько чудныхъ сказокъ, такую живость воображенія, душевной жажды волшебства, чудесныхъ подвиговъ и приключеній, того очарованія, которое давали религіи Востока, его сказки, его богатства и поддерживали его ковры, арабески и росписи. Вотъ почему, наконецъ, въ Палатинскомъ плафонѣ представлены и Самсонъ, разрывающій львиную пасть, и св. Георгій, поражающій змѣя (ib. рис. 99 и 100).

V ВИЗАНТІЙСКІЯ ОДЕЖДЫ

ВВЕДЕНІЕ

Начиная очеркъ византійской одежды, необходимо очертить ту группу людей, которые различными, прямыми или окольными, путями способствовали ея выработкѣ или ея заимствованію изъ иныхъ культурныхъ мѣстъ и которые сѣмбли придать ей затѣмъ такое значеніе, что византійская одежда и приспособленная для нея восточныя и византійскія ткани стали образцомъ для всей Европы въ средніе вѣка. Коротко говоря, такою группою былъ византійскій дворъ съ его главою — царемъ, но также, какъ увидимъ, и всѣ прочіе дворы Европы, а равно и ихъ владыки, и, наконецъ, владыки и вожди варварскихъ ордъ и племенъ, и тѣ ихъ приближенные, которые по-своему (т. е. по восточному образцу, напримѣръ, персидскому, или же индо-скиѣскому, или же китайскому) также составляли кругъ кагана или хана. Если же когда либо будетъ, дѣйствительно, построена подлинная исторія одеждъ и тканей византійскаго двора, то это станетъ важнѣйшимъ отдѣломъ исторіи средневѣковой культуры, ибо станетъ исходнымъ и опорнымъ пунктомъ частныхъ и мѣстныхъ изслѣдованій средневѣковаго искусства. Въ этихъ, правда еще весьма отдаленныхъ отъ современной науки, видахъ книга Константина Багрянороднаго, которую онъ собралъ, разсмотрѣлъ и, гдѣ могъ, дополнилъ, является для византійской древности драгоцѣннымъ складомъ фактическаго матеріала.¹ Важность его нисколько тѣмъ не умаляется, что это — книга церемоній византійскаго двора: т. е. (I, главы 1—37) выходовъ царскихъ въ церкви на праздники и процессій²;

Значеніе византійскаго двора.

Книга о церемоніяхъ Константина Багрянороднаго.

¹) Книга эта не получила отъ самого составителя заглавія и значащееся въ Лейпцигской рукописи есть, явно, хвалебный, чужой заголовокъ: *Σύνταγμα τῆ καὶ βασιλείου σπουδῆς δυνάτος ἄξιον λόγιον*. Боннское изданіе 1829 г. не имѣетъ полныхъ индексовъ и такъ затрудняетъ научное пользованіе текстомъ и его мелочными справками, а также и деталями остроумнаго комментарія ориенталиста I. Рейске, что тотъ, кто со временемъ займется большою задачею, долженъ будетъ для нея составить самъ и особый указатель. Причина, почему книга эта и не была пока источникомъ крупныхъ работъ. [О составѣ и времени составленія отдѣльныхъ частей книги о церемоніяхъ см.: J. V. Burg: The Ceremonial book of Constantine Porphyrogenetos, in: The English Historical Review, t. XXII, 1907, p. p. 209—227, 417—439. K. Krumbacher: Geschichte der Byzantinischen Litteratur (München 1891) s. 61 ff. Страницы при цитация указаны всюду по Боннскому изданію.]

²) [Эта часть книги о церемоніяхъ изложена систематически Д. Θ. Бѣляевымъ въ его Byzantina I—III: Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Кн. I. Обзоръ

далѣе — формъ: царскихъ вѣнчаній и т. п. церемоній (I, 38—42); рукоположеній (хиротоній) кесаря, новилиссима (I, 43—44)¹; производствъ въ достоинство куропалата (дворцоваго начальника или коменданта), магистра (министра части), патрикія, анеипата (проконсула), опоясанной патрикіанки (ст. фрейлины), паракимумена (пер. лат. assubitor), препозита (церемоніймейстера), гипарха или префекта столицы, квестора, димарха; назначеній логоетовъ (министръ вѣдомствъ), протоспаѳарія — начальника меченосцевъ или мечниковъ (I, 45—59). Все производство представляется въ порядкѣ или чинѣ (τάξις) его исполненія, съ перечнемъ формальностей, записью всѣхъ дѣйствій, словъ и пѣснопѣній или „актовъ“, провозлашаемыхъ обѣими частями или партіями Голубыхъ и Зеленыхъ, какъ представителями народа. Но также подробно освѣдомляется порядокъ приемовъ въ дворцѣ,² въ ипподромѣ, на городской площади, игръ ипподрома, актовъ геніоховъ,³ порядокъ званныхъ пировъ во дворцѣ, большихъ и малыхъ (I, 62—83). Далѣе слѣдуютъ: изложеніе по матеріаламъ, собраннымъ еще отъ древности магистромъ Петромъ (временъ Юстиніана), [производствъ различныхъ чиновъ (I, 84—86); записи, касающіяся приема пословъ (I, 87—90) и, наконецъ, описанія: восшествій на престолъ императоровъ Льва I (I, 91), Льва II (I, 94), Анастасія (I, 92), Юстина (I, 93), Юстиніана (I, 95) и, добавленные позднѣе⁴ — Никифора Фоки (I, 96) и производства предсѣдателя (проэдра) всего синклита (I, 97).⁵ Въ отдѣльномъ сочиненіи (appendix ad I. I)⁶] излагается столь же обстоятельно, какъ должно приготавливать все нужное къ далекому походу, дабы изъ разныхъ недостающихъ мелочей не вышло большихъ неприятностей и не были бы

главныхъ частей Большого Дворца византійскихъ царей. 1891 (также Записки Русскаго Археологическаго общества, н. с. т. V). Кн. II. Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X в. 1893 (также З. Р. А. О., н. с. т. VI). Кн. III. Богомольные выходы византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя. Записки Классическаго Отдѣленія Р. А. О., т. IV, 1907, 1—188. Обзору Большого Дворца посвященъ специально трудъ: J. Ebersolt: Le grand Palais de Constantinople et le livre des cérémonies. Paris, 1910.]

¹) [О времени гл. 41—44 см. спеціальныя соображенія Burg, о. с., p. p. 429, 431 и Ch. Diehl: Études byzantines, p. p. 298—304.]

²) [Нѣкоторые изъ этихъ приемовъ рассматриваются въ статьѣ М. А. Андреевой: О церемоніи „Прокиписисъ“, въ Seminarium Kondakovianum I 1927, 166 слѣд.]

³) [См. критическій разборъ этого отдѣла въ статьѣ: G. Millet: Les noms des auriges dans les acclamations de l'Hippodrome (Étude critique sur le livre des cérémonies). Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. 1926, 279—295.]

⁴) [По мнѣнію Burg, о. с. 211—212.]

⁵) [Матеріалъ касающійся перечисленныхъ церемоній, изложенъ кратко, но съ систематическимъ указаніемъ источниковъ и литературы — J. Ebersolt. Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines. Revue de l'histoire des religions t. LXXVI, n° 1. Paris 1917, 1—105.]

⁶) [Въ рукописи оно занимаетъ листы 1—21 и только въ изданіяхъ Лейпцигскомъ и Боннскомъ (444—508) помѣщено какъ приложение къ I книгѣ. Burg выдѣляетъ его, какъ отдѣльное сочиненіе, подъ заглавіемъ: о царскихъ походахъ. См. о. с., V The Treatise περί τῶν βασιλικῶν ταξιδίων. (§ 41), p. p. 438—439.]

примѣнены необходимыя средства для удачі дѣла однимъ только мечомъ. Кромѣ того, явилось особое къ I книгѣ приложеніе, посвященное самимъ Константиномъ его сыну Роману (App. ad I. I, 455 sqq). Мы увидимъ в послѣдствіи, что эта часть освѣщаетъ много существенныхъ сторонъ въ быту Византіи. Вторая книга является дополненіемъ въ особомъ, болѣе дѣловомъ или секретномъ родѣ, безъ литературной отдѣлки, но зато среди ея главъ имѣется даже точный порядокъ ежедневнаго царскаго выхода у себя во дворцѣ утромъ (гл. I-ая), нарядъ, устраиваемый по случаю царскаго омовенія въ священной купели во Влахернахъ (гл. 12), замѣчательная записка о приѣмѣ самимъ Константиномъ Багрянороднымъ пословъ изъ Тарса и Ольги русской (гл. 15), наряды по случаю дворцовыхъ пировъ, рожденія сына у императора, по случаю дворцоваго бала, дѣловые списки выдачъ (рогъ), титуловъ при сношеніяхъ съ иноземцами, перечень облачений, заготавливаемыхъ для подарковъ. Въ концѣ важнѣйшая статья — въ главѣ 52-й (702—783) — записка о порядкѣ и мѣстахъ чиновъ двора, составленная въ 900 году и носящая громкое названіе¹: Точное описаніе (акривологія) наряда (τῆς καταστάσεως) царскихъ званныхъ приемовъ (κλητορίων) и призыва каждаго чина и его части (мѣста), составленное по старымъ описаніямъ приѣмовъ при Львѣ, боголюбивомъ и мудрѣйшемъ царѣ нашемъ, въ мѣсяцѣ Сентябрѣ, индикта 3, года отъ сотворенія міра 6408, Филоөөемъ, царскимъ протоспаѳаріемъ и архитриклиномъ. Конечно, и слѣдующее затѣмъ предисловіе Филоөөя (II, 52, 702—705), обращенное къ друзьямъ, просившимъ его составить по старымъ документамъ такую записку, отличается обычною византійскою высокопарностью, но, тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ серьезную и вполне искреннюю подкладку. Очевидно, положеніе самого архитриклина при исполненіи его обязанностей по двору Льва Мудраго было и сложнымъ и крайне тревожнымъ, и къ тому же его время было своего рода эпохою возстановленія „чина и наряда“ царскаго и дворцоваго, въ результатѣ реакціи, открытой при Василіи Македонянинѣ и завершенной при Львѣ Мудромъ. Какъ ни смотрѣть на эпоху иконоборства, она все же была, въ своемъ родѣ, временнымъ погромомъ грекоримской культуры и отозвалась крайне тяжело на всемъ чиновномъ строѣ Византіи. Иныя учрежденія, а съ ними и чины, ихъ представлявшіе, были совсѣмъ забыты, а на ихъ мѣсто вихремъ ворвались другіе (ἐφευρεθεῖσαι ἀξιομάτων διαφοραὶ σύγχυσίν τινα παρεϊάγουσιν), вызывая недоумѣніе и путаницу. Пришлось обратиться къ старому укладу (ἐκ τῶν πρώην ἐγχεμένων), чтобы уяснить себѣ иное, а дѣло архитриклина требуетъ именно точнаго знанія чиновъ и ихъ порядка. Честь и достоинство чиновъ ни въ чемъ иномъ не явствуетъ, какъ въ строгомъ и точномъ распредѣленіи чиновъ и ихъ мѣстъ, въ пред-

¹) Ἀκριβολογία τῆς τῶν βασιλικῶν κλητορίων καταστάσεως, καὶ ἐκάστου τῶν ἀξιομάτων πρόσκλησις καὶ τιμὴ. — p. 702.

сѣдательствѣ или предшествіи другимъ низшимъ чинамъ на многолюдныхъ императорскихъ приемахъ и пирахъ. Припоминая, что творилось изъ-за мѣстничества въ старой Руси, легко понять крайнюю сложность задачъ Филоөөя, когда узнаемъ его списки.¹

1.

Всѣ чины византійскаго двора суть царскія удостоенія, при чемъ высшій отдѣлъ, 18 чиновъ, удостоивается (αἱ διὰ βραβείων ἀξίαι) получения особыхъ знаковъ, которые никогда послѣ не отбираются²: одинъ разрядъ ихъ составляютъ чины синклита, всѣ прочіе участвуютъ въ выходахъ. Слѣдующій отдѣлъ, 60 чиновъ, назначается царскимъ эдиктомъ (διὰ λόγου), и по сему ихъ должности переходятъ отъ нихъ по указу къ инымъ лицамъ. Высшимъ чиномъ или саномъ и во главѣ двора является кесарь (цесарь, отсюда — царь), обычно братъ, сынъ императора, котораго слѣдуетъ отдѣлить или отличать отъ соправителей императора. Императоръ и его младшій товарищъ — оба называются βασιλεὺς — или вмѣстѣ — οἱ δεσπῶται, при чемъ, однако же, младшій сидитъ на маломъ боковомъ тронѣ. Но разъ и достоинство кесаря стало удостоеніемъ „Августа“ (какъ долго именовался василевсъ), понятно, какой устанавливался при дворѣ Византіи взглядъ на королей, великихъ князей, которые тоже приравнивались къ чинамъ, раздаваемымъ отъ единственнаго императора. Однако, рядомъ съ кесаремъ уже въ X вѣкѣ, имѣлся второй санъ новелиссима, какъ и кесарь, скорѣе достоинство, чѣмъ чинъ или должность, а в послѣдствіи тоже сочиненныя наименованія севастократора,³ василеопатора,⁴ паниперсеваста (послѣднее достоинство значитъ только у Кодина⁵). Уже непосредственно затѣмъ значитъ въ X вѣкѣ чинъ куропалата,⁶ дворцоваго коменданта, котораго значеніе объясняется, стало быть, тяжелыми условіями жизни царя во дворцѣ, т. е. опасностями дворцоваго переворота, тогда какъ у Кодина, который, кстати, самъ былъ куропалатъ, эта

¹) [Клиторологию Филоөөя посвящена специально работа: J. V. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a revised text of Kletorologion of Philothei. London. 1911. О спискахъ чиновъ по инымъ рукописямъ см.: Ф. И. Успенскій. Византійская табель о рангахъ. Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. III, 1898, 103 слѣд. V. Benešević. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De Cer. lib. II, с. 52) und den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert. Byzantinische-Neugriechische Jahrbücher, t. V. Athen 1926, 114 sqq. О соотношеніи списковъ см.: М. А. Андреева: Къ вопросу о составѣ клиторологіи Филоөөя, въ Seminarium Kondakovianum II 1928, 161—170.]

²) II, 52, 707.

³) [Установленъ Алексѣемъ Комниномъ, см.: Codini De officiis, II, 7; и комментарий, р. 174.]

⁴) [Установленъ Львомъ Мудрымъ для своего тестя, см.: II, 52, 712—713; и комментарий, р. 833.]

⁵) [De off, II, 7, и комментарий, р. 177.]

⁶) [По восходящей лѣстницѣ 18 чиновъ, получавшихъ враніи, занимаетъ 16-ое мѣсто, см. II, 52, 711.]

Чины византійскаго двора.

Высшіе чины.

Куропалатъ.

должность значится на 15 мѣстѣ.¹ Всѣ эти лица по одеждамъ приближались къ императору, ибо получали хламиду или мантию, поясъ и пурпуровый или же красный дивитисій или хитонъ. Тѣмъ не менѣе удостоеніе чиномъ куропалата уже называется производствомъ (*προαγωγή*), и 45 глава описываетъ все, нѣкогда происходившее во дворцѣ, торжество по этому дѣлу: собираются, какъ и для рукоположеній, вилы (*τὰ βῆλα*), т. е. представители частей, допускаемые къ присутствію: синклитики, ипаты, комиты, силенціари, т. е. всѣ чины сената, патриціи, начальники гвардіи, всѣ приказы, и куропалатъ получаетъ пурпурныя одежды. Но тутъ же рядомъ особая записка въ 4 строки (I, 45, 231) сообщаетъ, къ свѣдѣнію (*χρη εἰδέναι*), что при производствѣ въ куропалаты не бываетъ силенціи (т. е. совѣщательнаго собранія, въ которомъ присутствуетъ императоръ), но царь у себя принимаетъ то лицо и, взявъ отъ привратника жезлъ, передаетъ его будущему куропалату, и тѣмъ учиняется производство.² Нельзя было мѣнять процедуру возведенія въ достоинство кесаря (I, 43), которое совершалось при собраніи всего двора, съ рѣчами (условленными) въ пользу царскаго выбора, съ возложеніемъ на новаго кесаря хламиды, кесарскаго вѣнца (*καίσαρικήον*) и особой фибулы, застегивавшей мантию. Но требовалось также отличить кесаря, какъ чинъ, не дававшій правъ на преемство трона, и отсюда слѣдовали особыя распоряженія по выборамъ наследника, „меньшого“ царя или деспота, и правила по отличіямъ кесаря и деспота, въ цвѣтахъ мантий въ будни и праздники.

Торжество осложнялось участіемъ такъ называемаго дима, т. е. представителей народа, главъ выборныхъ его или димотовъ съ ихъ собственными чинами, которые должны были кликами и гимнами дополнять выборы: это была оборудованная клика крактовъ (*οἱ κράκται*), сопровождавшая дѣйства разнаго рода и даже церковные обряды возгласами народа (*ὁ λαός*): „Господи помилуй“, „аминь“, „многая лѣта“ и пр. Когда избирался новеллиссимъ, происходила та же церемонія, и только хламида его была не пурпурная, а красная (гл. 44). Итакъ, дворъ съ царемъ во главѣ учинялъ, собственно, театральное представленіе, которое давалось во дворцѣ, но въ присутствіи не только всего двора, но также и представителей народа.

Но не менѣе торжественный характеръ принимало назначеніе высшаго служебнаго чина магистра (гл. 46), „если царь прикажетъ устроить это производство при выходѣ въ Великую Церковь“, т. е. въ Св. Софію: оно начинается съ церемоніи во дворцѣ, гдѣ присутствуютъ всѣ патриціи, члены синклита (сената), и гдѣ самъ царь появляется въ мантии и стоя принимаетъ поклоненіе земное и многократное самого магистра и всего собранія, а новый чинъ, уходя въ закрытое помѣщеніе, облачается

¹) [По нисходящей лѣстницѣ чиновъ, начиная съ деспота, см. *De off.* II, 9.]

²) При Юстиніанѣ куропалатомъ былъ его родной племянникъ Юстинъ, но указанное измѣненіе занесено магистромъ Петромъ Юстиніанова времени въ его запискѣ, см. I, 84, p. 387.

въ стихарь, шитый золотомъ, и мантию съ золотымъ тавліемъ и надѣваетъ широкой поясъ (*βαλτίδιον*) военного образца. Словомъ, и назначеніе министра дѣлается тоже, какъ бы всенародно. Не менѣе сложно происходить Стратиги. (гл. 47) назначеніе патриціевъ стратигами, и также въ полномъ облаченіи является царь или оба деспота, и вводятся семь очередей (по византійски: семь разъ завѣсы — *βῆλα*, поднимаются для ихъ входа), и, получивши документы по назначенію, стратиги расходятся по своимъ частямъ, при чемъ стратиги имѣютъ пурпурный сагій (*σαγίον*)—военный плащъ, патриціи въ бѣлыхъ хламидахъ, а назначенія эти обычно совершаются на рождественскихъ и вообще большихъ праздникахъ. Очевидно, въ ранніе вѣка византійскаго царства оно озабочивалось придать сословію патриціевъ хотя бы Патриціи. внѣшнее значеніе, за отсутствіемъ внутренняго, и даже Филоею называется ихъ *περιβλέπτοι*¹ (эпитетъ иконы Богоматери²), и имъ цари выдавали, при назначеніи, диптихи изъ слоновой кости (*πλάκες ἐλεφάντιναι*³), украшенные снаружи рельефами церемоніальнаго содержанія, какъ бы причисляя ихъ къ консульскому достоинству (гл. 48). Ранѣе, какъ видно изъ приложенной записки, полагалась даже актологія димовъ новому патрицію — настолько было еще сознание о необходимости сенаторскаго контингента для выбора чиновъ. Видимо, та же иконоборческая эпоха смела остатки римскаго наслѣдія, тоже ставшаго чиновничествомъ, какъ Анеипаты. и самый чинъ ипатовъ-консуловъ, или анеипатовъ-проконсуловъ, получавшихъ пурпурныя кодикеллы⁴ (тетради⁵). Особо любопытна глава 50 о назначеніи опоясанной патриціанки: статья эта появилась, повидимому, при Юстиніанѣ и по опредѣленному желанію императрицы Θεодоры имѣть при себѣ также высшій чинъ своего двора для непосредственныхъ сношеній съ чинами и постами двора царскаго, но сохранилась и значится у Филоея даже на четвертомъ мѣстѣ послѣ кесаря.⁶ Поясъ, именно широкий и съ характеромъ портупей, сталъ съ IV в. знакомъ государственной службы вообще, по типу ли персидскому или варварскому (см. ниже), и сталъ, понятно, модою высшихъ классовъ въ женской одеждѣ, и вся процессія святыхъ дѣвъ и женъ въ равеннской церкви Св. Аполлинарія Новаго представляетъ опоясанныхъ патриціанокъ. Производство совершалось въ глубинѣ дворца, около церкви Божьей Матери Фароса (большаго маяка рядомъ, свѣтившаго черезъ Босфоръ другимъ маякамъ Малой Азіи, ради передачи свѣдѣній съ ея границъ).⁷ Царь являлся безъ вѣнца, присутствовали синклитъ и чины, и получала избранная изъ царскихъ рукъ делматикій, еоракій и бѣлое покры-

¹) [II, 52, 710: δωδεκάτη ἡ τῶν περιβλέπτων πατρικίων ἄξια.]

²) [См.: Н. П. Кондаковъ: Иконографія Богоматери, II, 230—235.]

³) II, 52, 710.

⁴) II, 52, 710.

⁵) [τὸ πορφυροῦν τετράδιον — I, 49, 256.]

⁶) [Иначе говоря на 15-омъ по восходящей лѣстницѣ Филоея — II, 52, 711.]

⁷) [О мѣстоположеніи храма Б. М. Фароса см. Д. Θ. Бѣляевъ: *Byzantina*, I, 39—40.]

Кесарь.

Новеллиссимъ.

Магистръ.

Патриціи.

Анеипаты.

Опоясанная патриціанка.

вало (μαφόριον): первая одежда съ широкими рукавами, вторая — родъ широкой полосы изъ плотнаго шелка или золотнаго бархата, обходившаго всю фигуру сзади и поднимавшагося какъ бы поясомъ къ лѣвой рукѣ, черезъ которую, затѣмъ, конецъ этой полосы — лорона перебрасывался¹; лоръ былъ принадлежностью царскаго облаченія, но впослѣдствіи, какъ хламида, перешелъ также къ высшимъ чинамъ. Записка сообщаетъ, что когда опоясанная патриціанка идетъ на поклоненіе къ царямъ, то изъ за своего лора и высокаго кокошника (προπόλωμα) она не можетъ уже дѣлать земныхъ поклоновъ, а склоняется немного и, взойдя по ступенькамъ, цѣлуетъ колѣна владыкъ и получаетъ отъ нихъ диптихъ и документы. Со временемъ, число чиновъ при особѣ царицы состоящихъ, все росло, и къ X вѣку, на примѣръ, при ней состояло даже 4 особыхъ силенціарія, т. е. высшихъ чиновъ съ золотымъ жезломъ, особый референдарій и т. д. (гл. 86). Однако, иныя чисто дворцовыя военныя должности, появившіяся въ V и VI вѣкахъ, напротивъ, или были замѣнены иными, болѣе обширными по кругу дѣлъ, имъ ввѣрившихся, или исчезали сами по себѣ.

Доместики. Такъ, на примѣръ, любопытный чинъ такъ называемыхъ доместиковъ, т. е. приближенныхъ лицъ, изъ военнаго званія, обычно начальствовавшихъ гвардейскими отрядами (доместики схоль, доместики екскувировъ), сошелъ изъ прежде высокаго поста на обыкновенный служебный чинъ, какъ увидимъ ниже. Все исчезли протекторы изъ военныхъ, приближенныхъ къ царю. Ихъ замѣнили отряды спафаріевъ-мечниковъ, уже не съ короткимъ, но длиннымъ и тонкимъ, колющимъ мечемъ (шпагою), при чемъ въ миниатюрахъ изображаются протоспафаріи рядомъ съ царемъ, держащіе широкой и длинный, почти церемоніальный мечъ.² Протоспафаріи дѣлились на „бородатыхъ“ (изъ варваровъ) и евнуховъ; молодежь, которая со временемъ получала всѣ привилегіи заслуженныхъ спафаріевъ, имѣла чинъ спафарокандидатовъ; наконецъ, чинъ спафаріевъ имѣлъ тоже соотвѣтствующій ему — спафарокувикуларіевъ — изъ евнуховъ.³

Спафаріи.

По списку Филовея (II; 52) ἡ ἀξία, т. е. чинъ протоспафаріевъ, получаетъ, какъ свой почетный знакъ, золотую шейную гривну, украшенную драгоценными камнями, которая смыкается вокругъ шеи самимъ царемъ⁴; мы уже видѣли, что скифо-сарматскія и персидскія древности также представляютъ гривну⁵ обычнымъ почетнымъ знакомъ воинскаго

¹) [О делматикіи и еоракіи см. Н. П. Кондаковъ: Изображенія княжеской семьи стр. 108 и сл.]

²) [См. изображение спафарія, сопровождающаго Св. равноапостольную царицу Елену на миниатюрѣ Ms. gr. 510 Нац. Библ. въ Парижѣ: J. Ebersolt: Les arts somptuaires, f. 36, или Ch. Diehl: Manuel, II, f. 299.]

³) [См. II, 52, 721.]

⁴) Текстъ (709): κλοιός χρσοῦς περὶ τὸν αὐχένα ἐκ λίθων τιμίων κεκοσμημένος, διὰ χειρὸς βασιλέως ἐπισυγκλείεται. То же, что у Римлянъ torques, рус. гривна, даруемая князьями своимъ сыновьямъ, вождемъ.

⁵) [О гривнѣ см.: Русскія Древности, V, 151 и слѣд., а также s. v.]

вождя, а также знаемъ, что, при провозглашеніи византійскихъ царей въ лагеряхъ, не имѣя ничего иного, брали у кого-либо золотую гривну и надѣвали ее на царя.¹ Уже совсѣмъ далеко было то время, когда κλοιός и torques были сначала желѣзными кольцами рабовъ, наглухо замыкавшимися у нихъ на шеѣ, а равно и почетнымъ знакомъ преданныхъ рабовъ. Возможно, что эмблемою воинской преданности гривны продолжали быть и въ Византіи, ибо не даромъ царь самъ смыкаетъ гривну, такъ сказать, навсегда, какъ будто. Извѣстенъ случай въ русской исторіи, когда, спѣша снять гривну, челоуѣку отрубили голову. Драгоценные камни помѣщались на гривнѣ въ особыхъ большихъ гнѣздахъ, которыя тяжестью удерживались напередѣ. Именно въ такихъ гривнахъ изображены Св. Сергій и Вакхъ, которые были — первый примикиріемъ, второй помощникомъ.² Чинъ кандидатовъ имѣлъ своимъ знакомъ золотой маниакъ, о трехъ пуговицахъ (τρίκομβον), свѣшивающійся на грудь (μέχρη τέρονων), дается изъ рукъ царя.³ Это было оплечье, изъ золотнаго галуна, шитое еще шелками, застегивавшееся и носимое поверхъ хитона-стихаріона, или кабадія, при чемъ украшенія этой нижней одежды должны были по чину ли, или по случаю праздника, также, конечно, соотвѣтствовать маниаку, быть шире, украшены камнями, обнизаны жемчугомъ и пр. Въ старой Руси называли это почетное оплечье — бармами⁴ и считали ошибочно принадлежностью царскаго сана, тогда какъ оно было весьма обычнымъ украшеніемъ и къ тому же было своего рода необходимымъ дополненіемъ для одеждъ, не имѣвшихъ ворота или „воротника“. Дю-Канжъ⁵ нашель въ глоссахъ: *μανιάκην τὸ τοῦ ἱματίου περιστόμιον*, оплечье, закрывающее устья одежды, обычно изъ болѣе тонкой, а потому шелковой, но въ то же время плотной матеріи, и ради практичности — съемной, не пришитой; въ спискѣ заготовляемыхъ для похода облаченій и одеждъ значатся колобѣи *μανιακάτα λιτά* (App. ad I. I, 470), т. е. съ оплечьями, но простыя. Прочіе военные чины, какъ страторы — получали значки,⁶ стратилаты — только хартіи, ибо и безъ того носили при себѣ оружіе, и ихъ облаченіе тѣмъ болѣе должно

Гривна.

Маниакъ.

¹) [См. о возложеніи маниака на Льва, I, при его провозглашеніи царемъ, въ: De ser. I, 91, 411. Аналогичный случай описанъ Аммианомъ Марцеллиномъ (XX, 4, 18) — на Юліана Отступника, при его провозглашеніи августомъ, была возложена цѣпь знаменосца за неимѣніемъ діадемы.]

²) [См. объ этомъ: Д. В. Айналовъ, Синайскія иконы восковой живописи, Византійскій Временникъ. IX, 1902, стр. 358, прим. 4; тамъ же воспроизведеніе иконы Св. Сергія и Вакха — табл. III.]

³) II, 52, 708. Знаменитый Рейске, хотя и путался (стр. 190, 292) въ исторіи маниака, однако, на стр. 543—4 нашель, наконецъ, истинный смыслъ, разбирая терминъ *ἱμάτια μανιακάτα* (App. ad I. I, 469), ибо нельзя было представить себѣ *vestis aureis torquibus instructa*. [См. также Recueil — Kondakov, p. 223 слѣд.]

⁴) [О бармахъ см.: Н. П. Кондаковъ: Русскіе клады, 159—165. Русск. Др. V, 129—132. Изображенія княжеской семьи, 102.]

⁵) Du Cange: Glos. Gr., v. *Μανιάκης* [Ed. alt. 1905, t. I, col. 869; Gloss. MSS. ex Cod. Regil. 2062.]

⁶) [II, 52, 709: φραγέλιον χρυσοῦν ἐκ λίθων τιμίων κεκοσμημένον.]

быть воинскимъ, чѣмъ болѣе было параднымъ. Прочіе чины высшаго рода, судебные, административные, какъ и собственно, придворные, имѣли своими знаками разнаго рода жезлы, болѣе или менѣе украшенные золотомъ, серебромъ, камнями и пр. и даже различавшіеся по цвѣту, которымъ окрашивалось дерево — красному, зеленому.¹ Но тѣмъ болѣе эти чины разнообразили въ своихъ облаченіяхъ, которыми они щеголяли, чтобы отдѣлиться отъ множества низшихъ. Ниже мы увидимъ, какія заботы прилагались на праздничные дни по нарядамъ синклита, патриціевъ, но, не соблюдая ихъ мѣстъ, натуральнѣе разсматривать ихъ по группамъ, по ихъ должностямъ (ὑποθήκια), при чемъ можно принять число 60, перечисленное Филоеомъ (II, 52, 705), вмѣстѣ съ военными чинами, и отчасти дѣленіе оффицій или службъ на три вида (II, 52, 706): тагматиковъ — по войску, ѳематиковъ — по ѳемамъ или провинціямъ, синклитиковъ — чины гражданскіе и придворные, или на семь.²

Дѣленіе чиновъ.

Военные чины.

Чины военные: стратиги, комиты, domestici, друнгаріи стражи и флота, гетеріархи имѣли ряды имъ подчиненныхъ низшихъ чиновъ,³ иные по десяти чиновъ и при нихъ канцеляріи, какъ напримѣръ, турмарховъ, комитовъ крѣпостей, комитовъ конюшенъ (χοῖτης τοῦ στάβλου, comes stabuli — контоставль, отсюда connetable), при чемъ стратиги ѳемъ были также въ числѣ сначала 8, затѣмъ умножившемся у Филоея до 25 стратига. Надо сказать, что среди нихъ были чины по существу номинальные, такъ какъ ѳемъ ихъ, напр. Сициліи, уже не было во владѣніи, и все же всѣ стратиги въ X вѣкѣ значатся на первомъ мѣстѣ. Уже послѣ нихъ идутъ: сакелларій — контролеръ, логоѳетъ государственной казны (τοῦ γενικοῦ), квесторъ — министръ правосудія, логоѳетъ

¹) [Напр. вравіемъ (βραβεῖον) силенціарія былъ золотой жезлъ (χρυσά ῥάβδος) — II, 52, 708; вравіемъ мандатора — красный (ῥάβδος ἐρυθροδαυμένη) — ibidem; у ѳіарія — снова золотой — II, 52, 721; и т. д.]

²) [II, 52, 714: διαρῶνται οὖν αὐταὶ λαοὶ εἰς μέρη ἑπτὰ, οἷον εἰς στρατηγοὺς, εἰς domesticiους, εἰς κριτάς, εἰς σεκρητικούς, εἰς δημοκράτας, εἰς στρατάρχας, καὶ εἰς εἰδικὰς μόνας ἀξίας. Это какъ бы дѣленіе на классы должностей не по чиновной лѣстницѣ, а по ихъ характеру. Въ число 26 стратиговъ входили также представители схольт (гвардейскихъ отрядовъ) — οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν. Доместиковъ было 7: схольт, экскувитовъ, числа (τοῦ ἀριθμοῦ) иканатовъ, нумеровъ, оптиматовъ и стѣнь (τῶν τευχέων). Судейскихъ должностей (εἰς κριτάς) было три — эпархъ города, квесторъ и нач. канцел. по прошеніямъ (ὁ τοῦ δεήσεως). Приказными (должностей которыхъ было 11) считались логоѳеты госуд. казны, военный и путей, сакелларій, хартуларій сакеллія и вестіарія, протоасикритъ, начальникъ идика, кураторы великій и манганъ, орфанотрофъ. Димократами были начальники партій — димархи Венетовъ и Прассинъ. Стратархи: гетеріархъ, друнгарій флота, логоѳетъ стадъ (τῶν ἀγελῶν), протоспаѳарій василиковъ, комитъ ставла. Наконецъ, чины идика — личной царской службы — перечислены ниже. Изъ этого перечисленія ясно, что должность стратиговъ имѣла военно-административный характеръ, domesticiовъ и стратарховъ — военный, остальныхъ — судебный, административный, общественно-организационный и наконецъ узко придворный. Подробно, слѣдующаго схемѣ Филоея, изложена система чиновъ въ вышеупомянутой книгѣ Вугу.]

³) [Объ этомъ трактуетъ спеціальныи отдѣлъ записки Филоея — II, 52, 716—720.]

военный (τοῦ στρατιωτικοῦ), друнгарій стражи (τῆς βίγλας), логоѳетъ дрома — или путей и иностранныхъ дѣлъ, друнгарій флота (τῶν πλωτιμῶν), протоспаѳарій — имперскихъ войскъ (τῶν βασιλικῶν), логоѳетъ стадъ (τῶν ἀγελῶν) — царской казны, domesticiовъ иканатовъ, domesticiовъ нумеровъ, таковой же оптиматовъ, комитъ крѣпостей (τῶν τευχέων), хартуларій казны (τοῦ σακελλίου), таковой же царскаго вестіарія, таковой же царской чернильницы (τοῦ κανικλείου), протостраторъ, протоасикритъ — начальникъ дворцовой канцеляріи, докладчикъ по ѳемамъ (ἡ ἀξία τοῦ ἐκ προσώπου τῶν ѳεμάτων), комитъ конюшни, начальникъ идика (ὁ τοῦ εἰδικοῦ) — частнаго царскаго имѣнія, великій кураторъ по царскимъ имѣніямъ — главный управляющій, начальникъ канцеляріи по прошеніямъ (ὁ τῶν δεήσεων), начальникъ Манганъ (арсенала, κουράτωρ τῶν μαγγάνων), начальникъ сиротскихъ пріютовъ (ὄρφανοτρόφος), димархъ Венетовъ и димархъ Прасиновъ. При этихъ чинахъ есть подотдѣлы съ начальниками или чинами. Списокъ особо поминаетъ (αἱ δὲ εἰς εἰδικὰς μόνας ἀξίας εἰσὶ и т. д.) только семь сановъ и чиновъ, какъ василеопаторъ — санъ, придуманный для одного экстреннаго случая (см. выше), ректоръ — малопонятный санъ, которому, однако, посвящена глава объ его производствѣ (II, 4), синкеллъ, постъ относившійся къ духовному сословію, главный распорядитель церемоній (ὁ τῆς καταστάσεως) и другіе, какъ протостраторъ хартуларій чернильницы и domesticiовъ василиковъ (царскихъ слугъ). Это, конечно, почетныя должности разнаго рода. Въ Византіи такого рода постовъ было много, и чѣмъ дальше, тѣмъ появлялось ихъ больше; появились всякіе: прото-асикритъ — „начальникъ всѣхъ приказовъ“, протопроэдръ — главный предсѣдатель сената, протонотарій.

Казалось бы также были должны расти и множиться чины придворные въ собственномъ смыслѣ слова, но, очевидно, жизнь еще настолько была несложна и даже проста, что царь, видимо, внѣ двора ограничивался весьма несложнымъ обиходомъ, немногими комнатами (κοιτῶν) для себя лично, и развѣ особымъ болѣе сложнымъ помѣщеніемъ для царицы и дѣтей. Пока еще не выработался вовсе домашній комфортъ, не только сельскіе жители и владѣтели большихъ помѣстій жили просто, но и горожане вели хозяйственный образъ жизни, не имѣя пріемовъ у себя и проводя день или на службѣ, или по торговымъ заведеніямъ всякаго рода при дѣлѣ, и, точнѣе говоря, частная жизнь шла еще по укладу древности. Но взамѣнъ тѣмъ шире росла жизнь на показъ, тѣмъ пышнѣе обставлялся всякій пріемъ во дворцѣ, а также всякій выходъ царя, всякая процессія царская, церковная, всякая церемонія. И потому надо отдать полную справедливость первымъ держателямъ греко-римскихъ бытовыхъ преданій среди царей, чиновъ и ихъ двора, что среди всего множества сановъ и чиновъ всякаго рода мы сравнительно менѣе слышимъ о чинахъ придворныхъ, кромѣ необходимыхъ посредниковъ между

Придворные чины.

Препозиты. хозяиномъ пріема и присутствующими. Это такъ называемые препозиты,¹ „приставленные“ начальники дворцовыхъ слугъ, привратниковъ, при чемъ одинъ видъ ихъ приравнивается даже къ церемоніймейстеру; за ними идутъ разные кураторы, т. е. смотрители дворцовъ и ихъ хозяйства, которыхъ, однако, никогда на пріемахъ (кромѣ большихъ пріемовъ по праздникамъ) не бываетъ, а колуѳы — изъ военныхъ, которые идутъ за царемъ на процессіяхъ и о которыхъ опять иначе не слышно. И такъ какъ личное хозяйство царя было связано съ его семьею, то большинство придворныхъ чиновъ значитъ у Филооѳа въ запискѣ о евнухахъ (II, 52 720 sqq), — которыхъ было восемь видовъ: банъщики (νιψιστῆσιν) или прислужники при его умываніи; кубикуларіи — собственно камердинеры, прислужники при спальнѣ; у тѣхъ и другихъ знакомъ ихъ званія или должности были камисіи (нижній длинный до полу хитонъ; откуда chemise) съ пурпурными украшеніями по поламъ, вороту и еще (у послѣднихъ) выходная стола съ парагавдами; они же бываютъ подъ рукою у препозитовъ; спаѳарокувикуларіи — чинъ, соотвѣтствующій спаѳаріямъ; остіаріи — привратники, съ золотымъ жезломъ, и пятый чинъ примикиріевъ (впослѣдствіи этого званія чины считались вельможами, и не были изъ евнуховъ), у которыхъ облаченіе было бѣлый хитонъ съ оплечьемъ (σὺν ἐπιόμοις) и златотканными рисунками (πρόλοις?). Далѣе идутъ: помянутые протоспаѳаріи (изъ евнуховъ), имѣвшіе хитонъ бѣлый (покроемъ дивитисія), красный (κόκκινος) плащъ (διπλόης) съ златотканными тавліями (tabulae, таблетки, шитыя по золоту шелками) и золотой съ камнями маніакъ; уже упоминавшіеся препозиты и патриціи евнухи.

Понятно, что въ этомъ рядѣ придворныхъ чиновъ евнухи играли, какъ довѣренныя лица, важнѣйшія роли, хотя бы на самыхъ низменныхъ, чисто служебныхъ мѣстахъ.¹ Отсюда и полная невозможность, однако, для исторіи дать себѣ отчетъ въ значеніи должностей и точно опредѣлить, напримѣръ, роль такъ называемаго папія — собственно дворцового привратника, ибо Рейске точно указалъ,² что имя происходитъ отъ арабскаго — пап—врата, папи — вратарь, а никакъ не отъ греческаго папас, какъ думали тѣ, которые хотѣли видѣть въ папіи духовное лицо. Если папіи носилъ по консисторіи курильницу (I, 48, 244), или приносилъ изъ ризницы древохранительницу (II, 52, 723), изъ этого еще нельзя сдѣлать такого заключенія. Что папіи былъ изъ евнуховъ (II, 52, 725), какъ многія при-

¹) Особые препозиты, именовавшіеся свѣтлѣйшими (λαμπρότατοι), получали, какъ знакъ своего чина, диптихи патриціанскіе (πλάγες πατριχότητος — II, 52, 722); доселѣ, однако, археологія не знаетъ диптиховъ иныхъ, кромѣ „консульскихъ“. [Они набирались изъ евнуховъ (ibidem); о производствѣ препозитовъ см. I, 52, 261—263, гдѣ указывается, что даваемая ему πλάγας — ἀνευ κωδικελλίων; если же препозитъ одновременно возводится въ патриціанское достоинство, то получаетъ πλάγας μετὰ τῶν κωδικελλίων.]

²) [См. комментарий, стр. 39 и слѣд. О папіи специально см. Д. Θ. Бѣляевъ. Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ. Приложение къ Byzantina кн. I, 145—182.]

дворныя должности были изъ нихъ вплоть до X вѣка, возможно, равно и то, что былъ онъ лицомъ довѣреннымъ. Рассказывали, что папіи погубилъ Льва Армянина, впустивъ заговорщиковъ въ число пѣвчихъ, что именно у папія вырвали силою ключи, когда друзья Василия убили ночью Михаила Пьяницу, также и то, что Левъ Хазаръ казнилъ папія за доставку иконъ императрицѣ Иринѣ. Хотя папіи только привратникъ и носитъ при себѣ ключи отъ дворца, запираетъ и отпираетъ его поутру на весь день (I, 1, 6 и II, 1, 518), конечно, по указу царскому, ранѣе или позже, но опредѣленнаго часа и царь не могъ бы назначить навсегда, въ виду пировъ званыхъ, продолжавшихся далеко за ночь. Титулы папія — μέγας, οὐκειαχός — великій и домовый; по чину онъ стоитъ рядомъ со стольникомъ (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης)¹ и по Кодину (с. IV, 21) его облаченіе тождественно съ domestikомъ трапезы, именно: золотный скиадій, каввадій пурпурный, скараникъ бѣлый съ золотомъ и пурпуромъ; знакомъ для него былъ жезлъ съ золотыми шариками. Иоаннъ Кантакузень былъ великимъ папіемъ и кубикуларіемъ, но должно имѣть въ виду, что Кодинъ (с. V) сообщаетъ, что служба (ὀπηρεσία) великаго папія существовала нѣкогда, но „осталась неизвѣстна, нынѣ же нѣтъ никакой“.² Наряду съ папіемъ стоялъ по довѣрію и извѣстной службѣ девтеръ, который имѣлъ подъ завѣдываніемъ дворцовую прислугу и долженъ былъ при случаѣ быть на лицо, чтобы замѣщать всякій другой недостающій служебный чинъ.

Итакъ, дворцовая часть чиновъ была, видимо, не только въ меньшинствѣ, но и въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ вся остальная партія гражданскихъ, а тѣмъ болѣе военныхъ чиновъ, и государственный смыслъ византійскихъ царей, съ одной стороны, и общественное воспитаніе или понятія о такомъ, воспріятыя еще отъ гражданскихъ порядковъ римской имперіи, были настолько всесильны и еще управляли высшими сословіями, что отклоненія въ сторону отъ нихъ не повліяли на организацію придворной части. Кратко говоря, въ Византіи кубикуларіи, т. е., спальники, не были столь важнымъ чиномъ, какъ въ древней Руси; вовсе не было стольниковъ и конюшій — бояринъ вовсе не отвѣчалъ комиту конюшенъ X вѣка: комиты были наиболѣе подвижными и занятыми помощниками царей и магистровъ, логоѳетовъ военныхъ и т. д. по всевозможнымъ сторонамъ военнаго дѣла и соотвѣтствовали современнымъ начальникамъ штаба. Далѣе, Византія знала, кромѣ того, спальниковъ подъ именемъ койтонитовъ, слугъ при внутреннихъ покояхъ дворца и въ частности покоевъ самого царя, но они упоминаются только въ особыхъ случаяхъ, когда на празднествахъ или по случаю большой массы приглашенныхъ, или по случаю зимы и холода, царствующаго въ парадныхъ залахъ, занимаются даже внутренніе покои.

При этомъ обзорѣ не идутъ, конечно, въ счетъ экскувиторы. Слово,

¹) [Codini De off. II 10.]

²) [Ibidem, p. 35.]

явно, изобрѣтено отъ термина аккувиторы, которымъ обозначались чины, возлежащіе за пиршественными столами вмѣстѣ съ царемъ, откуда названіе зала-триклина или столовой 19 аккувиторовъ, хотя позднѣе возлежалъ лишь царь во главѣ перваго стола, прочіе сидѣли. Экскувиторами же назывался отрядъ гвардіи (схоль), имѣвшій свои спальни рядомъ съ царскимъ покоемъ. Не идутъ въ счетъ и паракимомены,¹ высокій титулъ одиночныхъ довѣренныхъ людей изъ военныхъ, избиравшихся царями. (не всегда всѣми), для того, чтобы охранять сонъ царя, ложась въ сосѣдней, прикрывавшей его покой залѣ; такимъ *параκωμῶμενος* были Василій Македонянинъ у Михаила III и Василій, незаконный сынъ Романа Лекапена, низвергнувшій Романа Младшаго въ 963 г.

Равно, при неизбѣжныхъ сопоставленіяхъ съ русскимъ дворомъ, не слѣдуетъ отождествлять разныя хозяйственныя стороны византійской администраціи съ дѣлами царской казны въ древней Руси. Тамъ, какъ превосходно это было разъяснено по архивнымъ документамъ И. Е. Забѣлинымъ,² русскій царь былъ самъ первымъ помѣщикомъ, и его хозяйство наполняло Москву всякими мастерскими, складами и своими артелями, начиная отъ ткацкихъ издѣлій и кожевенныхъ и кончая иконописными мастерскими. Въ Византіи весь упоминаемый въ книгѣ Константина заводъ и обиходъ былъ общегосударственнаго характера, и развѣ только мастерскія перегородчатой эмали и шелковыхъ тканей были собственными у царя; все остальное исполнялось въ государственныхъ мастерскихъ, которыя имѣли своихъ начальниковъ: *ἀρχοντες τῶν ἐργοδοσίων* (II, 52, 720). Также различныя *ἐξυπόβοι* — принимавшіе чужеземныхъ гостей и бывшіе „приставами“ въ Никомидіи, на примѣръ, состояли на государственной службѣ (II, 52, 720)...

Сочиненіе Кодина. Кодинъ куропалатъ составилъ (въ XIV вѣкѣ?) собственное сочиненіе о должностяхъ,³ вѣрнѣе, о должностныхъ чинахъ Константинопольскаго двора (*περὶ τῶν ὀφφικιαλίων*) и о церкви, съ тѣмъ же вниманіемъ, какое онъ выказываетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ о византійской древности и старинѣ. Было ли ему извѣстно „Твореніе“ Константина, или какое либо иное сочиненіе по тому же предмету, Кодинъ не упоминаетъ, а то, что онъ сообщаетъ историческаго въ дополненіе своихъ списковъ и перечней, какъ матеріалъ, сходится съ лѣтописями, но имѣетъ обычный анекдотическій характеръ. Все же любопытно и то, что въ своихъ гаданіяхъ о происхожденіи иныхъ обычаевъ или облаченій Кодинъ категорически указываетъ на Персію, родину инога царскаго обихода Византіи. Характерно

¹) [Первый чинъ „по царскому слову“ (*διὰ βασιλικῆς λόγου*) изъ евнуховъ (правило повидимому не всегда соблюдавшееся) — II, 52, 725.]

²) [Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст., ч. I (изд. 3-е Москва 1895) стр. 437 и слѣд..]

³) [См. о принадлежности Кодину сочиненія о должностяхъ у К. Krumbacher: *Gesch. d. byz. Litt.*, 166 (München 1891); J. Ebersolt: *Melanges etc.*, p. 5. Также: М. А. Андреева: *Очерки по культурѣ византійскаго двора въ XIII вѣкѣ* (V Prage 1927), 16.]

и то, что какъ въ X вѣкѣ, вышихъ сановъ было 18, а главныхъ чиновъ еще 60, итого 78, и у Кодина списокъ всѣхъ офицій 78,¹ при чемъ, явно, въ послѣдній списокъ перешли разные второстепенные чины, упоминаемые Филоооемъ въ качествѣ подчиненныхъ чинамъ второй категоріи: актуаріи, вестіаріи, разные стратопедархи, т. е. интенданты, прокаоимены великаго дворца и Влахернскаго, логаріасты, кабалларіи, аднуміасты, хотя было бы трудно, впредь до научнаго изслѣдованія по исторіи чиновъ, сопоставлять ихъ съ чинами X вѣка. Въ культурномъ отношеніи любопытенъ чинъ великаго дуки — начальника флота,² далѣе созданіе Алексѣемъ Комнинымъ новыхъ сановъ: севастократора и паниперсеваста, а затѣмъ рядъ должностныхъ начальниковъ тоже получилъ прибавку: великій логооеть — министръ иностранныхъ дѣлъ, великій папій, великій дунгарій виглы, великій этеріархъ — дружины, великій хартуларій, даже великій дьерминевтъ, великій аднуміастъ и великій чаушъ.³

Византійскому краснорѣчію обязана въ значительной степени витіеватая форма обращеній и величаній, возобладавшая затѣмъ и въ средневѣковой Европѣ вообще: отъ величанія царей и патріарховъ до различныхъ чиновъ двора, для которыхъ также придуманы не только званія, но философски опредѣлены и провозглашены ихъ добродѣтели и заслуги. Но гораздо болѣе вниманія и значенія приложено было къ ихъ облаченіямъ и отличительнымъ знакамъ (у Кодина гл. III—IV вообще *φορέματα* — „носильное“). Далѣе, списокъ Кодина носитъ болѣе придворный характеръ, чѣмъ перечень чиновъ у Филооою, и стало быть, или государственная сторона и особенно общественная нѣсколько обѣднѣли, или сильнѣе стала и выступила дворцовая часть: почти на первыя мѣста стали протовестіарій, великій приммикирій, великій контоставль, виночерпій *ὁ ἐπιπέρινης* (*πιπέρινης*), паракимомень печати (*σφραγιδόνης*) и паракимомень койтонить, появился доместикъ трапезы, приближенный военный чинъ мистика (*ὁ μυστικός*, какъ былъ во дворцѣ внутренній павильонъ или фіала *μυστική*), приммикирій дворца (*ἀλλής*), великій архонтъ (?), и подобный ему *τατᾶς τῆς ἀλλῆς* и пр. Появились чины, которые, повидимому, не успѣли въ свое время получить опредѣленной должности, но удостоились извѣстнаго порученія или функціи, и въ этомъ, явно временномъ, порученіи началась и заключалась ихъ роль при дворѣ. Такъ протокинигъ сталъ начальствовать надъ „доѣзжачими“ и подавать царю, когда онъ садится на лошадь, скамью,⁴ а протоіеракарій начальствуетъ надъ „сокольничими“.⁵ Другимъ чинамъ и притомъ именно приближеннымъ выпадали, помимо должности, самыя разнообразныя функціи и обязанности, какъ на примѣръ, приммикирій двор-

Измѣненія въ списокѣ чиновъ.

Измѣненія въ характерѣ чиновъ.

¹) [De officiis, с. II, 6—13.]

²) [Объ его обязанностяхъ см: id. V, 28.]

³) [Объ измѣненіяхъ въ составѣ чиновъ см. также въ вышеупомянутой работѣ М. А. Андреевой, гл. II, 27—55.]

⁴) [См. с. V, 39.]

⁵) [См. с. V, 40.]

цовый потому такъ и назывался, что ему поручалось завѣдывать разстановкою и размѣщеніемъ всѣхъ чиновъ во дворцѣ на своихъ мѣстахъ,¹ очевидно, потому, что разные архонты не слушались церемоніймейстеровъ. По этому поводу Кодинъ сообщаетъ самое размѣщеніе гетерій или дружинъ Варяжскихъ у дверей царскаго покоя и триклина, стационаріевъ пѣшихъ и конныхъ, цаконровъ съ фигурами львовъ на ихъ панцыряхъ, Вардаріотовъ (турокъ² съ р. Вардара) въ красныхъ плащахъ и въ высокихъ колпакахъ, похожихъ на огурецъ, лимоннаго цвѣта, съ палицами — манклавіями, висящими на поясѣ и жезлами на рукахъ.³

2.

Цари. Цари Византіи въ эпоху ея процвѣтанія или золотого вѣка IX-XII стол. не только стояли во главѣ византійскаго двора по своему положенію, но были его душою, творцами, представителями во всѣхъ его собраніяхъ и актахъ и его образцомъ во внѣшности. Къ характеру и темпераменту царя, его вкусамъ и привычкамъ прилаживался, повидимому, и весь его дворъ, становясь болѣе набожнымъ или болѣе свободомыслящимъ, культурнымъ или поклонникомъ варваровъ, послѣдователемъ старины или новой моды. Между тѣмъ, за немногими исключениями, какъ, на примѣръ, цари смутной эпохи VII вѣка, цари не были, по множеству причинъ, деспотами у себя дома и при дворѣ, отчасти потому, что находили массы дисциплинированныхъ и раболѣпныхъ слугъ, какъ бы впитавшихъ съ дѣтства духъ подданства и подчиненія; иное дѣло, чѣмъ иногда это поклоненіе кончалось. Важно отмѣтить, что какъ сначала была извѣстная форма учтиваго и внимательнаго признанія царемъ за всѣми достоинствами — „ἀξιώματα“ — или санами (ἀξία) ихъ правъ, такъ и продолжалось это отношеніе все время. Было бы историческою неточностью говорить объ азіатскомъ деспотизмѣ при византійскомъ дворѣ; была введена азіатская и даже варварская пышность, и помпы процессій слагались уже не по римскому, а по персидскому образцу, но жизнь двора держалась въ рамкахъ и сохранялась форма, выработанная при римскихъ „августахъ“. Царь всегда наблюдалъ и въ своемъ облаченіи, и въ своемъ обращеніи всѣ манеры, узаконенныя его отношеніемъ къ собранію синклита, къ совѣщанію, а потому, или самъ предстоаялъ въ залѣ собраній или на особой эстрадѣ, или же сидѣлъ на тронѣ при совѣщаніи. Хотя послѣ Юстиніана вышло изъ обычая, чтобы царь самъ шелъ походомъ на опаснаго врага, но онъ долженъ былъ и тогда помнить, что онъ „римскій императоръ“ и прочіе титулы его: деспотъ, Августъ, автократоръ — хвалебные, что ему совершаютъ земныя метанія

¹) [С. V, 36—37.]

²) [Въ текстѣ Кодина стр. 38 говорится о ихъ персидскомъ происхожденіи.]

³) [Id., 38: ἐπὶ κεφαλῆς δὲ Περσικὸν φόρεμα, ἀγγουρωτὸν ὀνομαζόμενον, ἔχον αὐτὴ μαργαλλίων πάλιον ζίτηνον.]

при представленіяхъ, пожалованіяхъ и производствахъ, что онъ, правда, василевсъ, единственный въ мірѣ по титулу, а прочіе цари, короли и князья только кесари, архонты, но что онъ solutus legibus только въ принципѣ, ἰσαλόστολος, до перваго уклоненія въ ересь и т. д.¹ Несомнѣнно, сила его въ томъ, что всѣ важнѣйшія производства и пожалованія принадлежатъ ему, но назначеніе наслѣдника, кесаря, даже дарованіе сыну титула „нобилиссима“ обставлено разными условностями и формами, и хотя онъ стоитъ во главѣ двора, но не можетъ владѣть и распоряжаться имъ, и онъ такъ окруженъ ежеминутно дворомъ, что совершенно отдѣленъ отъ народа и если не имѣетъ своей собственной полиціи, то узнаетъ о смутѣ въ столицѣ позже другихъ.

Правда, большинство византійскихъ царей въ эпоху процвѣтанія, видимо, любили свой постъ, наслаждались имъ, иные даже всю жизнь, хотя бы и долгое царствованіе, исполняли болѣе чѣмъ старательно всѣ положенныя выходы (προέλευσεις); приемы (δέξιμα) и парады по сложному, уставному этикету, задавали великолѣпные пиры, устраивали игры въ Ипподромѣ, стоившія колоссальныхъ издержекъ, нерѣдко за счетъ личнаго богатства, и въ противность личнымъ наклонностямъ. Цари быстро убѣдились, какъ опасно для нихъ стремленіе къ сбереженію, къ уменьшенію издержекъ на войско, на содержаніе двора, на подарки и праздничныя клиру, на пріюты и особенно на игры и развлеченія столицы. Цари Византіи старательно усваивали царскую науку, ибо въ большинствѣ попадали на тронъ со стороны, неожиданно, или, если по расчету, то невзначай, но со страстнымъ желаніемъ, при полномъ напряженіи силъ, средствъ и воли. Но, что бы ни приводило претендента или случайнаго избранника къ цѣли, его военная выслуга, смѣлая авантюра во время, сложная и тонкая интрига, а главное — достиженіе цѣли такъ мѣняло все предъидущее, возносило и патриція и стратига, и комита, и простого центуріона на такую недосыгаемую высоту, что имъ всѣмъ оставалось только любить свое царское ремесло, чтобы заставить забыть прежнее. Царю надо было всю его жизнь, каждый день или страстно любить свою службу, или играть все время роль и притомъ легко и искусно, ибо столько опытныхъ глазъ его наблюдали, а роль эта заключалась не въ общихъ правилахъ царскаго этикета, но въ соблюденіи и исполненіи царской роли съ полнымъ благожеланіемъ и всѣми приличіями, именно въ томъ идеалѣ или образцѣ, какой въ данное время при дворѣ, въ обществѣ и у народа и арміи установился, словомъ, въ тонкомъ пониманіи, чего отъ царя ожидали и требовали. Можно сказать, что сама небывалая по своей высотѣ и сложности задача, заложенная въ судьбахъ

Отношеніе царей къ церемоніалу.

¹) [О царскихъ титулахъ см. статью L. Bréhier: L'origine des titres impériaux à Byzance, in Byzantinische Zeitschrift, b. XV, 1906, 161—178. О характерѣ царской власти и спеціально о соотношеніи ея съ Церквью см.: Г. В. Вернадскій: Византійскія ученія о власти царя и патриарха (Recueil — Kondakov, 143—154), гдѣ по всѣмъ важнѣйшимъ отдѣльнымъ вопросамъ указана литература.]

Восточно-Римской Имперіи, такъ сказать, сама исторія Имперіи выработала и развила такіе яркіе типы, какъ Константинъ, Θεодосій, Юстиніанъ, Ираклій, Левъ Исаврянинъ, Василій Македонянинъ, Никифоръ Фока, Іоаннъ Цимисхій, Василій Болгаробойца, Алексѣй и Мануиль Комнины, Іоаннъ Кантакузенъ. Подобнаго ряда типовъ, близкихъ героизму по силѣ воли и характера не даетъ ничья иная исторія; этому героизму не чужды черты варварства, но оно было развито въ средневѣковьи и было необходимо для существованія Византіи. Подобные типы приносили въ истощенное общество грекоримскаго міра цѣльную, неукротимую энергію и вѣру въ себя и въ свое дѣло, и готовы были нести новое „рабство своему долгу“, какъ выражались сами цари (Константинъ и Тиверій), ярмо этикета и тяжесть нагроможденныхъ на царя надеждъ и обязательствъ. Исторія долгихъ царствованій въ Византіи свидѣтельствуетъ объ утомленіи царей: Константина, Юстиніана, Василія II, Алексѣя и Мануила Комниныхъ, но не знаетъ на этомъ престолѣ Діоклетіана и Карла V.

Церемоніаль. Между тѣмъ, если только приблизительно прикинуть счетъ всѣхъ церковныхъ выходовъ, процессій, застѣданий, консисторій и силенцій,¹ приемовъ во дворцѣ и въ городѣ, званыхъ пировъ, общественныхъ игръ, и затѣмъ всевозможныхъ производствъ, которыя, конечно, не всегда можно было устраивать на праздничныхъ выходахъ, то приблизительно почти половина года уходила на такого рода представительство, ибо пиры, напри- мѣръ, зимою въ Ноябрь дѣлались подъ рядъ по буквамъ алфавита, Январскихъ календъ — 12 дней, Пасхальные праздники и Пятидесятницы также по недѣлямъ и пр.² Но къ этому надо прибавить продолжительность всѣхъ собраній, совѣщаній и особенно приемовъ съ актологіями, т. е. словесіями димовъ или партій, исполнявшимися на два крыла, съ музыкою и рѣчами и т. д., а также и то, что были выходы и ежедневные, ради привѣтствій сената царю, ради переговоровъ съ логоѣтами, отдачи распорядженій и приказовъ.

Царскій выходъ. Чтобы представить себѣ сложность всего церемоніала выходовъ, достаточно прослѣдить описаніе главнаго царскаго выхода въ праздникъ въ Великую Церковь, т. е. въ Св. Софію, данное въ I-й главѣ I-й книги Константина, занимающей, правда, 30 стр. Боннскаго изданія. Уже, накануне, кратко говоря, препозиторы даютъ знать всѣмъ чинамъ и приказамъ (σχεῆτες) приготовиться, равно городскому и парху приготовить всѣ пути процессій, убравъ плющемъ и лавромъ, и по времени цвѣтами. Утромъ веститоры вынимаютъ Моисеевъ жезлъ (μοσαϊκῆν ράβδον) изъ часовни Св. Θεодора, сундукъ съ царскимъ облаченіемъ, круглыя коробки съ царскими

¹) A m m. Marcell., XXI, 13: apud Persas nemo consiliorum est conscius praeter optimates taciturnos et fidos, apud quos silentii quoque colitur numen. Подъ fidos разумѣются варвары союзные, греч. φίλοι.

²) [Годичное расписание приемовъ и т. п. см. въ четвертой части записки Филовея, II, 52, 740—783.]

стеммами, спаѣаріи же готовятъ царское оружіе, чины раздѣвальные (ἢ τὸν ἀλλαξίμων τάξις) приносятъ царскую столу. Владыки выходятъ одѣтые въ скарамангій изъ своихъ покоевъ, творятъ молитву въ нишѣ Золотого Триклина передъ иконою Спаса на престолѣ, облачаются въ золотыя сагіи и выходятъ въ Сигму, гдѣ принимаютъ ихъ дружины (манглавій и гетерія) съ логоѣтомъ и другими чинами, оттуда идутъ въ „первозданный“ храмъ Божьей Матери, затѣмъ въ часовню Троицы, и съ тройнымъ со свѣщами преклоненіемъ святымъ мощамъ, въ крещальню и триклинъ Августея, гдѣ принимаютъ ихъ, хрисотриклиты и царскіе люди съ манглавитами и гетеріотами, въ часовнѣ Стефана молятся передъ великимъ крестомъ Константина, идутъ въ покой Дафны (дворца), выжидаютъ извѣщенія изъ Великой Церкви, и въ Октагонѣ препозиторъ громко вызываетъ веститоровъ, деспоты облачаются въ хламиды и препозиты ихъ увѣнчиваютъ. Въ триклинѣ августея стоитъ логоѣтъ дрома и дружины, стоятъ служащіе въ умывальнѣ, „держа золотыя, украшенныя драгоценными камнями“ рукомошники,¹ а цари, умывъ руки, становятся въ портикъ внѣ „великихъ вратъ“ и препозиторъ вводитъ магистровъ, анѣипатовъ, патриціевъ и стратиговъ, они преклоняются, выходятъ вмѣстѣ съ деспотами въ Оноподій, гдѣ преклоняются друнгарій флота, спаѣаріи и препозиторъ возглашаетъ „повелите“ (κελεύσατε), и бываетъ выходъ въ Консисторій, гдѣ стоятъ „секреты“, и становятся деспоты на эстрадѣ близъ балдахина (καμελαύχιον), и вновь „повелите“ (κελεύσατε), тогда выходятъ въ триклинъ кандидатовъ, гдѣ находится церковный клиръ, деспоты цѣлуютъ Крестъ, подносимый ризничимъ, оттуда идутъ въ купольный залъ съ 8-ью колоннами, гдѣ поставленъ серебряный крестъ, трижды преклоняются и идутъ въ триклинъ экскувитовъ: тамъ поставлены ширингами вилы и Римскіе скипетры, знамена и значки, знамена драконаріевъ, лабары, лагерные знаки, чтобы провожать царей. Тамъ же стоятъ: первый чинъ — канцелярій квестора, возглашая по гречески, что подобаетъ празднику; второй чинъ — дипаниты, также славословящіе; третій — номики (законники), приносящіе поздравленія. Идутъ въ залъ Лихны, гдѣ также поставленъ серебряный крестъ, преклоненіе и затѣмъ первый приемъ (δοχή): въ трибуналѣ принимаетъ димократъ Венетовъ, т. е. доместикъ схолъ, слѣдуетъ актологія дима, при чемъ доместикъ (онъ же начальникъ дима) креститъ рукою деспотовъ (κατασφραγίζει); трибуналъ же весь украшенъ серебромъ, шелками, коврами, пурпуромъ, усердіемъ городскихъ торговцевъ; тутъ же стоятъ иноземцы (ἐθνηκοί), и чиновники городского управленія и коллегій. Отсюда деспоты идутъ до триклина схолъ и тамъ также принимаетъ ихъ димократъ Прасиновъ, онъ же

¹) Χερνιβασέστα = χέρνιβα и ξέστα — тазики и рукомошники; о слияніи въ одно слово см. Рейске, р. 61. [О подобныхъ приборахъ см. у J. Ebersolt: Les arts somptuaires 55—56 — разсужденіе по поводу тазика и кувшина Перещепинскаго клада, гдѣ — на ручкѣ тазика — указано его названіе. В. Н. Бенешевичъ: Къ изученію Перещепинскаго клада, Изв. Арх. Комм. 49, 105; и R. Zahn: Spätantike Silbergefäße, Amtl. Berichte XXXVIII, 287.]

екскувить; близъ вратъ Халки принимаетъ снова димократъ Венетовъ, и стоятъ тамъ лѣкаря (τό ἰατροῦ), атлеты (οἱ τῆς παλαίστρας) и также возглашаютъ „многая лѣта“. Снаружи ожидаютъ по сторонамъ бронзовыхъ вратъ музыканты (δρυανάρχοι), славословятъ, и димархъ Венетовъ съ партією „бѣлыхъ“, дальше димархъ Прасиновъ съ димомъ красныхъ „и восьмой приемъ у вратъ Св. Софіи“. И когда войдутъ деспоты въ Пропилей на реика (притвора) принимаетъ ихъ патріархъ со своимъ клиромъ у вратъ, и лобызаетъ Евангеліе и патріарха, идутъ до царскихъ дверей, трижды преклоняются и входятъ въ храмъ. Съ царями входятъ воинскіе чины и всѣ вышеупомянутые, и становятся на мѣстахъ по лѣвой и правой сторонѣ, съ крестомъ Константина справа отъ алтаря¹: магистры и синклитъ направо. Когда деспоты передъ святыми дверями станутъ на порфировомъ омфалѣ, патріархъ входитъ одинъ внутрь алтарной преграды и держитъ лѣвую створку святыхъ дверей открытою, и входятъ въ нее и деспоты, прикладываются къ тавлію святой индитіи (покрова) и, полагаютъ на престолъ два бѣлыхъ воздуха и два потира и два диска и св. пелены, обходятъ справа св. престолъ, гдѣ стоитъ золотое Распятіе, и даетъ патріархъ великому царю кадило и кадитъ онъ святое Распятіе, и затѣмъ облобызавъ патріарха, цари идутъ въ придѣлъ (εὐκτήριον) гдѣ крестъ содержитъ въ себѣ „всѣ символы Страстей Господнихъ“ и входятъ въ мутаторій (раздѣвальня — mutatorium въ гр. μῦτατόριον). И какъ бытъ выносу святыхъ даровъ, деспоты держа лампы, сопровождаютъ дары съ синклитомъ и придворными, а затѣмъ входятъ на соленю, становятся по сторонамъ святыхъ дверей, и послѣ того благодарятъ патріарха, и принимаютъ затѣмъ агапу и святое причащеніе, лобызаетъ патріарха и высшій клиръ, и провожаетъ ихъ патріархъ до двери, выводящей къ святому Кладезю; у двери препозитъ отъ аргира (кассира выдачъ) принимаетъ кошельки съ золотомъ и происходитъ вызовъ клира, кому слѣдуетъ выдать, и раздача отъ дяконовъ до нищихъ; патріархъ надѣваетъ царю вѣнецъ, царь беретъ отъ него просфоры, отдаетъ препозитамъ, патріархъ передаетъ миро (ἀλλειτά) и принимаетъ апокомбій (выдачу). Послѣ того деспоты уходятъ изъ двора святого Кладезя и за нимъ ихъ ожидаетъ первый приемъ Венетовъ съ актологією, и второй около Халки приемъ Прасиновъ и т. д. по тому же порядку, только обратно и съ нѣкоторыми перемѣнами въ персоналѣ и кличахъ царю многолѣтій и пожеланій.²

¹) Крестъ Константина приносится въ Св. Софію, явно, въ знакъ и свидѣтельство не только вѣры царей, но и ихъ вѣковой приверженности къ вѣрѣ.

²) [Матеріалъ, касающійся выходовъ въ Великую Церковь, критически и систематически изложенъ въ II-ой книгѣ Вузантина Д. О. Бѣляева. По степени торжественности соблюдаемаго церемоніала выдѣлены три чина подобныхъ выходовъ: большого, средняго и малаго, а равно указано когда по какому чину они совершаются. О значеніи отдѣльных частей партій (димовъ) и ихъ возглавителей см. специальную статью О. И. Успенскаго: Партіи цирка и димы въ Константинополѣ, Византійскій Временникъ, I 1894, 1—16.]

Такъ совершаются выходы на Пасху, Пятидесятницу, Рождество Христово и Крещеніе,¹ еще сложнѣе и отдаленнѣе бываютъ выходы на Пасхальное Воскресенье, Благовѣщеніе, Великую Субботу, при чемъ совершается литія патріархомъ, бываетъ приемъ на форумѣ у колонны Константина и пр. Послѣдующія главы книги „О церемоніяхъ“ наполнены перечнями актологій димовъ на приемахъ и иногда на обѣдахъ царскихъ по возвращеніи съ парада или изъ церкви. Сравнительно, описанія выходовъ у Кодина указываютъ на постоянное сокращеніе церемоніаловъ, пока они не пришли къ сноснымъ для главы этихъ церемоній размѣрамъ. По Кодину (гл. 15) царь еще участвовалъ въ цѣломъ рядѣ крестныхъ ходовъ по городу: на 1 сентября къ порфировой колоннѣ на форумѣ, на праздникъ Рождества Богородицы въ мон. Лива, на память вмч. Димитрія въ мон. Палеологовъ, въ день Іоанна Златоуста съ вечера и до слѣдующаго дня — на службахъ въ Св. Софіи и ночуетъ у патріарха, Введенія во храмъ — въ мон. Б. Матери Перивлелты, въ день Василия Великаго въ монастырь его имени, на Срѣтеніе — во Влахерны, въ день Георгія въ Манганы, въ дни св. Константина и свв. Апостоловъ въ храмъ Апостоловъ, Рождества Предтечи и усѣкновенія его главы — въ мон. Петріона, на Преображеніе въ ц. Спаса Вседержителя, Успеніе — въ Софію, Положеніе ризъ — во Влахерны, день Православія — въ Софію, Лазарево Воскресенье — въ мон. Лазаря.² Уменьшеніе выходовъ въ XIV вѣкѣ зависѣло уже отъ умаленія церковей въ Константинополѣ: многія древнія церкви лежали въ развалинахъ или совсѣмъ исчезли. Помимо того, крестные ходы обязательно сопровождались — для Великой церкви и другихъ важнѣйшихъ — вкладомъ отъ царя отъ 10 до 100 фунтовъ золота, которые несли въ процессіи въ шелковыхъ кошеляхъ въ монетѣ (72 золотыхъ солида на фунтъ).³

[Примѣромъ выхода, связаннаго съ богомольнымъ выѣздомъ въ одинъ изъ храмовъ (въ данномъ случаѣ загородный) можетъ служить выходъ, совершаемый на праздникъ Вознесенія, когда царь отправлялся въ храмъ Пресвятой Богородицы Источника (моремъ до Золотыхъ Воротъ, а оттуда верхомъ), откуда возвращался черезъ городъ въ торжественной процессіи.⁴]

¹) De ser. I, I, p. 22: κατά τὴν τάξιν ταύτην καὶ τὸν τύπον ἐπιτελεῖται ἢ τε ἁγία καὶ μεγάλη χριστιανική τοῦ πάσχα, καὶ ἡ ἁγία πεντηκοστή καὶ ἡ θεολαμπής μεταμόρφωσης ἢ τε ἁγία καὶ γενέθλιος τοῦ Κυρίου ἡμῶν καὶ Θεοῦ ἑορτή καὶ ἡ ἁγία ὑπεράλαμπρος τῶν φάτων ἡμέρα. Но затѣмъ присоединяется далѣе порядокъ христосованія царя съ чинами на Пасхальное Воскресенье, при чемъ чины вводятся, по очереди, „вилами“, т. е. подниманіемъ или открытіемъ завѣсы одной или двухъ, и на этотъ разъ, начиная со старшихъ чиновъ, сперва облеченные въ лоры, и они цѣлуютъ колѣна, руки, а затѣмъ уста царскія. Затѣмъ второй виль: анѳипаты и патриціи въ бѣлыхъ мантияхъ, 3-й протоспаатаріи, 4-ый „секреты“ и его нотаріи; см. ibid. 23—25.

²) [См. Codini, de offic. XV, 79—82.]

³) [О кентинарии (выдача въ 100 фунтовъ см.: I, 1, 33—34; I, 35, 182, и II, 52, 712. Объ апокомвияхъ — у Д. О. Бѣляева, Вузантина II, (Зап. Арх. О-ва VI, н. с., 157—161.)

⁴) [См. I, 18, 108—114. Разборъ и изложеніе выхода на Вознесеніе см. въ статьѣ Д. О. Бѣляева: Облаченіе Императора на керческомъ шитѣ. Журн. Минист. Народнаго Просвѣщ. т. 289, 1893, 335—336.]

Приемы у царя.
Приемы
пословъ.

Приемы на праздник Вознесения [при возвращении во дворец] происходили (I, 8) последовательно, въ портикъ великаго эмвола, у водопровода, у ц. св. Мокія, у шести колоннъ, на Ксиролофъ, на форумъ Быка, въ Амастрианахъ, на Филадельфії, на Таврѣ, на хлѣбномъ рынокѣ, на форумѣ, въ преторіи, на Миліи. И всѣ эти приемы исполнялись отъ лица димовъ партиями четырехъ фракцій города попеременно.¹ При этомъ пути черезъ весь городъ, всѣ улицы увѣшивались и убирались вѣтвями лавра, въ видѣ вѣнковъ, крестовъ, рѣшетками и балюстрадами, прямо поставленными растеніями, цвѣтами и деревьями; мостовая усыпалась листьями плюща и лавра и розами, дома увѣшивались персидскими коврами (*ἀπλώματα περσικά*) и т. д.² Въ отвѣтъ на эти народные приемы (*δοχαί*), царь у себя устраивалъ также церемоніальные приемы по торжественнымъ случаямъ т. н. *δέξια* (I, 62—67), о которыхъ см. ниже, или же для приема пословъ. Въ древней Византіи приѣзжали еще легаты Италіи (I, 87) съ объявленіями о новомъ императорѣ Запада, привозя съ собою портреты его, обвитые лавромъ (*εἰκόνας λαυρεάται* или *λαυρεάτα*), которые затѣмъ рассылались по городскимъ форумамъ имперскихъ центровъ. Все это учинялось сообразно съ величіемъ посланнаго и чиномъ самого посла, равно какъ и по политическимъ расчетамъ, съ проявленіями обычной византійской дипломатіи, надменной и мелочной. Произносились панегирики обоимъ императорамъ на приемѣ и отсылалось посланіе восточнаго съ общаніемъ „воздать образу“ (*χαράτῃρα*) дружественнаго „архонта“ тѣ же почести, что подобаютъ собственному. Но это происходило и въ большемъ и маломъ консисторіи.³ Вышние приемы персидскихъ пословъ были уже рассчитаны на впечатлѣніе варварскихъ, обычно многочисленныхъ пословъ (I, гл. 89), при чемъ самый приѣздъ посла отъ границы въ Византію, въ сопровожденіи высланнаго своего соотвѣтственнаго по рангу чина, нужно было обставить со всѣмъ почетомъ и всякими удобствами и осторожностью, чтобы Персы на границѣ, войдя въ городъ, имъ не овладѣли, однако. Денежные расчеты полагаются соображать и дѣлать по запискѣ изъ „скриніи варваровъ“ (приказа по дѣламъ съ Персами и варварами). Если царь пожелаетъ почтить посла, то поручаетъ его, кому-либо изъ оптиматовъ Галатіи и Каппадокіи, или пишетъ ему на дорогѣ посланіе съ любезными вопросами о здоровьѣ, о нуждахъ и пр. Дома у себя готовить послу помѣщеніе и

¹) [О топографіи перечисленныхъ пунктовъ см. главу о Средневѣковомъ Константинополѣ и Средней улицѣ въ немъ въ *Byzantina* Д. О. Бѣляева, кн. III, гл. I (Зап. Клас. Отд. Р. Арх. О-ва, IV, 1—56); а также планъ церкви К-ля, приложенный къ книгѣ Н. П. Кондакова: *Византійскія церкви и памятники Константинополя*. Труды VI Арх. Съѣзда въ Одессѣ, т. III, стр. 102—103.]

²) [Объ украшеніи пути хода процессіи см. I, 1, 6; о поднесеніи царю крестовъ изъ розъ (*σταυροὺς ῥοδοπέδικους*) и благовоній (*δωφράδια*) димократами и димархами во время приемовъ см. I, 18, 111. См. также: J. Ebersolt: *Mélanges*: 41—42.]

³) [См. I, 88, 399.]

все потребное, заставляя, какъ повинность своего рода, поставлять кровати, утварь столовую, фабрикантовъ, содержателей гостинницъ. По приѣздѣ посла, съ нимъ сносится магистръ, но легатъ долженъ придти самъ къ нему, а пришедшіе съ посломъ творятъ метаніе. Бываютъ при приемѣ царемъ посла всѣ „архонты“ въ шелковыхъ облаченіяхъ (*δλοσηρόκων*); когда посолъ войдетъ во дворецъ, его опрашиваютъ, имѣетъ ли онъ — *ξένια* — дары царю, и какіе, если есть кони, то открываютъ трое дверей консисторіи. Самъ магистръ возглашаетъ имя посла и его владыки, поднимается завѣса, и легатъ, стоя на кругломъ порфириномъ омфалѣ внѣ завѣсы, преклоняется земно, войдя внутрь, вновь творитъ земной поклонъ и цѣлуетъ ноги царя. Слѣдуетъ обмѣнъ привѣтствій и посолъ представляетъ царю дары, при чемъ что-либо особо рѣдкое или драгоценное показываетъ особо и по одному предмету изъ прочихъ даровъ.¹ Такова церемонія VI вѣка.

Съ полною помпою устроень былъ приемъ (De seret. II, 15) въ триклинѣ Магнавры при царяхъ Константинѣ и Романѣ по случаю прибытія пословъ Багдадскаго халифа и эмира Тарса въ 946 году, для обмѣна плѣнныхъ и заключенія мира. Царь возсѣдалъ на „Соломоновомъ тронѣ“, и потому приемъ былъ устроень по образцу наиболѣе торжественныхъ собраній, когда весь синклитъ съ утра приходитъ въ Магнавру, и соберутся препозиты и чины кувуклія, владыки облачатся въ дивитисіи и сагіи и со свѣчами въ рукахъ войдутъ въ триклинъ, гдѣ лежатъ ихъ стеммы и хламиды, и они переблчатся въ нихъ и возсядутъ на троны. И весь сонмъ воскликнетъ имъ многолѣтіе, и начнется входъ магистровъ, патрикіевъ, синклитиковъ и пр., какъ должно быть всему собранію чиновъ, и распорядятся о впускѣ „иноземца“, и введутъ его катепанъ гвардіи и контоставль и логоетъ дрома. „И какъ падетъ иноземецъ на полъ, преклоняясь, и тотчасъ заиграютъ органы, войдутъ его люди, и какъ начнетъ логоетъ обычный опросъ иноземца, начинаютъ рычать львы и кричать орлы трона и пѣть мелодично птицы на деревьяхъ, и встанутъ на дыбы звѣри на ступеняхъ трона, вносятъ сундуки иноземца, и вновь играютъ органы, усаживаются львы, и птицы и звѣри“ и пр; въ томъ же видѣ продолжается когда посолъ уходитъ.²

Помимо этой записки сдѣлано въ 15 главѣ II книги, Константина большое дополненіе о томъ, какъ былъ убранъ дворецъ во время этого приема. Въ триклинѣ развѣшены были бронзовыя посеребренныя (*ἀσπροχάλμα*) цѣпи изъ церкви свв. Сергія и Вакха, по семи цѣпей съ каждой стороны и четыре между четырехъ большихъ колоннъ, а на цѣпяхъ висѣли большія серебряныя „поликандила“; среди колоннъ стоялъ золотой органъ и два се-

Приемъ
пословъ халифа
и эмира
Тарса.

Украшеніе
дворца.

¹) [Эти главы кратко изложены у J. Ebersolt, *Mélanges*, p. 77—78, гдѣ также указывается и ихъ принадлежность VI-му вѣку. Ср. стр. 395 и 405.]

²) [Общій обрядъ приема въ большемъ триклинѣ магнавры, когда цари садятся на Соломоновъ тронъ составляетъ первую часть 15-й главы II книги стр. 566—570.]

ребряныхъ органа. Садъ (*ἀναδενδράδιον*) триklinія весь былъ убранъ шелками на подобіе витой лѣстницы,¹ и между колоннъ тамъ и сямъ висѣли большіе скарамангіи, выданные изъ дворца, а при приѣмѣ Испанскаго посольства садъ не украшался шелкомъ, а только скарамангіями и висѣли эмалевыя вещи (*τὰ χαρτεντὰ ἔργα*) изъ складовъ (*τοῦ φύλακος*). Триklinъ кандидатъ былъ убранъ скарамангіями и „серебромъ“ изъ казны, а висѣли въ немъ серебряныя цѣпи изъ Новой базилики. Ипархъ убралъ схолы и конюшни коврами, парчею, покровами, серебромъ чеканнымъ изъ приютовъ, странно-пріимныхъ домовъ и храмовъ; подобное же убранство триklinа гвардіи экскувитовъ; трибуналъ ипархъ украсилъ пурпуромъ и шелковыми пологами, золотыми вещами и эмалевыми издѣліями и чеканнымъ серебромъ, и 12 поликандилами изъ Новой Базилики, также и триklinъ схолъ завѣсами и серебромъ. Въ вратъ дворца Халки до рѣшетки наружной было украшено пурпуромъ, и шелками, и пологами и висѣло большое поликандило изъ Влахернъ. Также пурпурными и иными тканями были убраны Оноподій, портикъ Августея (Золотая Рука) и его корридоры убраны шитыми завѣсами (*βήλων κεντητῶν*). Ипподромъ украшенъ пурпуромъ и равно всѣ улицы — лавромъ, миртомъ и другими растеніями, какъ бы для процессіи. Послѣ ввода чиновъ весь триklinъ Магнавры засыпается розами. Полъ сада и эстрада были покрыты многоцѣнными (*πολύτιμα*) персидскими коврами (*ἀπλώματα πέρσικα*).²

На другихъ подобныхъ же торжественныхъ приѣмахъ были развѣшены въ 8 нишахъ Золотого триklinа стеммы изъ храма Б. М. Фароса и прочихъ церквей дворца и различныя эмалевыя вещи филака и царскія хламиды, платаніонъ³ (верхняя широкая одежда — русское — платно) — весь золотой парчи съ жемчугомъ изъ ц. ап. Петра, хоросанхорій⁴ изъ св. Θεодора съ грифо-львомъ (*τοῦ γρουτολέοντος*) и грипариемъ изъ трапезной, платаній тройной пурпурной парчи изъ Пантеона, кабалларій (?), царскій пологъ (*ἡπλησίον*) изъ ниши трапезной, завѣса или пологъ, шитый павлинами (*ὁ τάων*), кабалларій кесарикій (мантія кесаря) съ серебряныхъ вратъ, завѣса съ павлинами (*τὸ ταώνιον*) и за нею другая съ орлами (*τὸ ἀετάριον*). Выше серебряныхъ дверей Золотого триklinа висѣлъ золотой сагій, называемый „кесарикій“.⁵ Все это, такъ сказать, мелочныя уборы, но были еще болѣе детальныя украшения, такъ на примѣръ, былъ выставленъ пере-

¹) [II, 15, 571: τὸ ἀναδενδράδιον ὅλον ἐποίησαν οἱ παστολοιοὶ δίξην τροπικῆς ἀπὸ σενδές.]

²) [II, 15, 574. Далѣе слѣдуетъ описаніе формы облаченій присутствующихъ на приѣмѣ чиновъ и ихъ размѣшенія.]

³) II, 15, 580. Догадки Рейске (Коммент. 682 — *πλατώνια* — ad 579, 11) о значеніи слова неудачны, какъ и Дюканжа см. v. *Πλατώνιον*. Русскій терминъ устанавливаетъ покрой одежды, но происхожденіе слова остается вопросомъ.

⁴) Вновь догадки Рейске (Комм., 685) о вепряхъ и коршунахъ, изображавшихся на одеждѣ этого названія, по арабскому словарю, неприемлемы.

⁵) [II, 15, 581.]

носный пятибашенный шкапъ (*πενταπύργιον*),¹ изъ дерева по пяти сторонамъ котораго устраивалась выставка мелкихъ, но особо драгоценныхъ и художественно отдѣланныхъ вещей, въ нишахъ (*μεσοκαρδία*) подвѣшенныхъ на цѣпочкахъ, на примѣръ: „различныхъ эмалевыхъ работъ“ (*διάφορα ἔργουμοῦκια* = вмѣсто *ἔργομουσαίγια*) изъ церкви вмч. Димитрія и складовъ филака, брачныя опоясанія (*τὰ νυμφικὰ ζωνάρια*) съ драгоценными камнями и жемчугами. [На среднее поликандило Золотого триklinа вѣшались] два царскихъ нагрудника (съ латъ (?) — *τα στηθοκαράκαλα*)² и два другихъ, одинъ брачный, другой изъ складовъ, двѣ царскихъ подвѣски (*κατασειστόα*) и два августѣйшихъ казакина-корсажа (? *πικιτάκια*); по „великому антаблеману“ всего Золотого триklinа (*ἐν τῷ μεγάλῳ κοσμητήρῳ*) висѣли блюда и чаши (*μυσοῦρια καὶ μεσοκοῦτελλα*) большія, чеканныя (съ выпуклыми или рельефными изображеніями — *ἀνάγλυφα*) изъ складовъ вестіарія дворца Каріана; выше въ оконныхъ нишахъ (*φωταγωγοὺς καμάρας*) купола (*τοῦ τρούλλου*) висѣли малыя блюда по 7 въ каждомъ и тѣ всѣ чеканныя.³

Всѣ эти украшенія свидѣтельствуютъ о высокомъ художественномъ вкусѣ Византіи, сохранившемъ всѣ тонкія работы греческаго антика, продолжавшемъ управлять и новымъ мастерствомъ. Если принять къ ближайшему свѣдѣнію только эту выставку, то придется считать десятками эмалевыя вещи IX—X вѣка и сотнями серебряныя издѣлія, художественно исполненныя. Какъ велико было за то и варварство современнаго западнаго міра, столь безпощадно истребившаго эти культурныя богатства Византіи въ 1204 году, если отъ нихъ остались только немногіе десятки подобныхъ вещей.

Не менѣе сложны собственно царскіе приѣмы (*δέξιμον* — какъ будто придуманное слово, въ отличіе отъ *δοχή* = приѣма димовъ), сопровождающіеся пирами у себя во дворцѣ, зваными, въ меньшемъ или большемъ числѣ, съ развлеченіями пирующихъ, музыкою и плясками.⁴ О томъ, что эта сторона дворцовой жизни давала еще болѣе труда его персоналу, естественно себѣ представлять, даже еслибы къ клиторологію не было приложено двухъ списковъ всѣхъ чиновъ, которымъ подобаешь быть звану на пиръ (II, 52, p. 726—730 и 730—740), какимъ и съ кѣмъ полагается быть за столомъ, кого и какъ именно надо вызывать по имени чину къ занятію мѣста, именно ему по чину принадлежащаго (*οἰκείαν καθέδραν*).

Тотъ же архитриklinъ Филоеѣй приложилъ и перечень обычныхъ пиршественныхъ приѣмовъ (*τόμος δ'* — 740—783), начиная съ дня Рождества

„Пентапиргій.“

Царскіе приѣмы.

Перечень пировъ.

¹) [О пентапиргій см.: I, 10, 70; 39, 200; II, 15, 580, 582; II, 52, 767; а также комментарий Рейске, 171 и 683.]

²) Вѣроятно, того же типа, что извѣстный остготскій золотой нагрудникъ VI вѣка, украшенный перегородчатыми стекольными инкрустаціями, сохраняемый въ Музеѣ Равенны.

³) [II, 15, 582.]

⁴) [Матеріалъ, касающійся этихъ приѣмовъ, изложенъ въ главахъ 62—54 и 66—67 I-ой книги *De cerimoniis*. Въ главѣ 65-ой излагается что слѣдуетъ соблюдать, когда происходитъ съ пиръ пляской (*οἰκείων*).]

Христова, когда пиръ имѣеть мѣсто въ залѣ 19-и аккумулятивъ и бываетъ разнообразнымъ и несравненнымъ (πολυσχεδεῖς καὶ ἑξαισίοι ἐκδέσεις), при чемъ днемъ царскій столъ бываетъ въ св. Софїи, а приглашаются къ нему только 12 человекъ изъ сената, магистровъ, препозитовъ, проконсуловъ, стратиговъ, и полагается быть только въ камисіяхъ. Напротивъ того, на пиру 19 аккумулятивовъ, обычаи иные: столъ для царя отдѣльный и на возвышеніи назначается для особо выдѣляемыхъ чиновъ: двухъ магистровъ, шести проконсуловъ патриціевъ и стратиговъ, двухъ друзей Болгаръ, двухъ изъ приказа логовета военного дѣла, итого 12 по числу апостоловъ, и стоятъ они вокругъ стола, пока царь самъ не укажетъ имъ мѣста. Затѣмъ приглашаются всего 168 чиновъ, преимущественно военныхъ и начальниковъ части, Агарянь (или Сарацынь) 24, Болгаръ 12 и 12 бѣдныхъ. Чинамъ полагается быть въ полномъ ихъ облаченіи, въ мантияхъ и кампагіяхъ (походные сапоги). Агаряне должны являться въ бѣломъ (λευχοφόρους), безъ поясовъ (ἀζώνους), обутыми (ὑποδεδεμένους). Садиться полагается, какъ начнется музыка, и требуется прислушиваться къ особеннымъ повышеніямъ (φθέγμα), чтобы во время встать, сбросить съ себя мантию и участвовать въ благопожеланіяхъ царю, равно повторяютъ вставаніе, когда начнется музыка, или представление (θυμελικόν τι) откроется, или съ царскаго стола пришлютъ какого-либо кушанья черезъ вѣдающаго пиромъ (διὰ τοῦ τετραυοῦ καστρησίου). Ибо надо ожидать указаній начальника, вставать и сходить внизъ предъ лицо царское.¹ Равно и въ послѣдующіе дни созываются приблизительно въ томъ же числѣ (около 200). На шестой день, если будетъ Суббота, приглашается архіепископъ Константинополя съ 12 игумнами, и царь не возлежитъ, а сидитъ въ креслѣ рядомъ; на дальнѣйшіе столы приглашаются аввы (ἀββάς) изъ различныхъ монастырей іеромонахи, числомъ 216, „по имѣющемуся списку“, по 12 на столъ, и исполняется пѣніе псалмовъ подъ руководствомъ (χειρονοία) [двухъ великихъ domestikовъ церкви].² Въ особый день исполняется также клиторій длинноволосыхъ³ (τὸ πολύτριχον κλητόριον), на который приглашаются помимо магистровъ, стратиговъ, друзья Болгары двое и двое димарховъ Голубыхъ и Зеленыхъ; приходитъ имъ въ мантияхъ, а къ нимъ зовутъ царскихъ слугъ изъ иноземцевъ каковы Фарганы (изъ Ферганы), Хазарь, Агарянь, Франковъ, сколько найдется. Слѣдуетъ быть имъ въ ихъ собственномъ народномъ одѣяннїи μετὰ τὸ ἐθνικὸν ἴδιον σχῆμα, именно въ кавадіи.⁴ Затѣмъ приглашаются флотскіе, всего 204, въ скарамангіяхъ. На восьмой день бываетъ τὸ βωτὸν παύδορῶμιον, для артистовъ и шутовъ (παυνοῖται) всякаго рода, съ приглашеніемъ всего придворнаго

¹) [II, 52, 741—744.]

²) [II, 52, 747—748.]

³) Варварскій обычай носить длинные волосы, завивать въ косы, не стричь сохранился въ теченіе, стало быть, двухъ или болѣе тысячъ лѣтъ и прошелъ изъ Азіи черезъ кочевниковъ: Аланъ, Аваровъ, Готовъ, Гунновъ, Угровъ, Варягъ, Хазарь и пр. до X вѣка и далѣе, уже какъ подражаніе средневѣковью, или своеобразное переживаніе.

⁴) [Ibidem, 749.]

персонала.¹ На девятый день бываетъ клиторій на ужинъ, называется τρυπητικόν² — жатвеннымъ и бываетъ тамъ 12 друзей (φίλους); и такъ на каждый день приглашается особый составъ чиновъ. День Св. Крещенія (ἡμέρα τῶν φώτων) отмѣчается наиболѣе блестящимъ приемомъ: царь принимаетъ своихъ друзей, всѣхъ іереевъ церкви въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ бы чинъ ангельскій, при нихъ 12 высшихъ чиновъ, но первымъ бываетъ патриархъ, за нимъ митрополиты, синкеллъ, въ облаченіяхъ, но безъ омофора; приглашаютъ также пресвитеровъ дворцовыхъ церквей и городскихъ, при чемъ дѣти сиротскихъ домовъ участвуютъ въ пѣніи.³

Во время Льва Мудраго на этомъ послѣднемъ пирѣ исполнялся его собственный гимнъ Богу, инструментованный для хорового пѣнія съ замѣчательнымъ искусствомъ.⁴ [По окончаніи двѣнадцатидневія (δωδεκαήμερον) праздниковъ происходитъ особое послѣпраздничное торжество — приемъ (δέξιμον) съ плясками (μετὰ σαξίμον) и послѣ него пиръ въ триклинѣ Юстиніана. На слѣдующій же день устраивается] конное состязаніе (ἵππικὸν ἀθλον) и послѣ того ужинъ для высшихъ чиновъ.⁵ Февраля 2-го, въ день Срѣтенія, бываетъ званая трапеза во Влахернахъ, въ триклинѣ, называемомъ Океанѣ, и военные чины являются въ кампагіяхъ.⁶ Въ Мясопустъ въ Воскресеніе къ трапезѣ приглашаются только бѣдные и не приглашаются вовсе союзники (φίλους); на третій день Сырной недѣли (τυροφάγον) бываетъ трапеза въ патриархіи, читается поученіе о постѣ, вводятся псалты и чтецы и исполняются священные гимны Хвалы Господней, и въ Пятницу приглашается къ трапезѣ уже во дворецъ патриархъ и духовные чины.⁷ Въ Воскресеніе Недѣли Православія бываетъ званый столъ въ патриаршемъ секретѣ.⁸ 25 Марта въ Благовѣщеніе послѣ службы въ храмѣ Халкопратійскомъ бываетъ званый столъ въ триклинѣ Юстиніановомъ и приглашаются только высшіе чины и архонты арміи только въ скарамангіяхъ. Въ Вербное Воскресеніе столъ во дворцѣ, и кромѣ чиновъ, приглашаются службы страннопріимныхъ домовъ, пріютовъ и благотворительныхъ домовъ, и тогда чинамъ быть въ бѣлыхъ мантияхъ, и раздаются при этомъ честные кресты, и совершается крестный ходъ отъ Б. М. Фарской до Троицы во дворцѣ Дафны, и на пиру надо чинамъ быть только въ скарамангіяхъ, безъ мантий. Въ 5-й день Страстной, въ день Тайной Вечери, чинится выходъ во дворцѣ и приглашеніе на вечерю высшихъ чиновъ, и около девяти часовъ расходятся съ факелами. Въ В. Субботу выходъ въ Св. Софїю и званый ужинъ (ἑσπερίω δείπνῳ) для чиновъ послѣ литургіи въ храмѣ Фара и послѣ того, какъ „прозвучитъ

¹) [Ibidem, 750.]

²) [Ibidem, 751—752; ср. I, 83, 881—884, гдѣ описывается специальная церемонія Готѣиконъ (о ней выше стр. 68—69) происходящая за этимъ пиромъ. Т. к. Филовей не упоминаетъ уже объ этой церемоніи, то, возможно, что при немъ она уже больше не соблюдалась.]

³) [Ibidem, 754—756.]

⁴) [II, 52, 759.]

⁵) [II, 52, 757.]

⁶) [II, 52, 760—761.]

⁷) [II, 52, 757—759.]

⁸) [II, 52, 761—762.]

органъ мистика“, чины снимають „столы“ и облачаются въ скарамангіи и бываетъ столъ въ Триклинѣ Юстиніана.¹

Пасхальные
пиры.

„День Святого и Славнаго Христова Воскресенія“ создаетъ царю случай учредить торжественную службу Господу въ церкви, гдѣ владыка появляется въ лорѣ,² держитъ в рукѣ крестъ, трофеей побѣды въ правой, а какію (о чемъ ниже) — мѣшокъ съ землею, и приглашаются избранные члены сената, равно союзники, чины магистровъ къ участию въ трапезѣ. При этомъ магистры, анаѳипаты и патриціи приходятъ въ лорахъ и золотыхъ ѳоракіяхъ (панцыряхъ, латахъ?), и подобаетъ имъ сидѣть выше прочихъ, стратиги же только въ скарамангіяхъ; устраивается трапеза въ Золотомъ Триклинѣ, и выставляется пентапиргій, и въ немъ драгоцѣнности, и приглашаются (къ первому столу) два Болгарина, затѣмъ плѣнныхъ Агарянь 18, Болгаръ 18 изъ союзныхъ, всѣ въ своихъ одеждахъ и хламидахъ; Агаряне — въ бѣлыхъ, Болгаре — въ народныхъ одеждахъ (οἰκείων σχημάτων). Соблюдается и вставаніе во время музыки и уходъ послѣ сладкаго блюда (τοῦ μίνσου τῶν δουλκίων). На второй день Пасхи выходъ въ храмъ Св. Апостоловъ и пиръ въ В. Триклинѣ, быть безъ мантий; на третій день пиръ въ Золотомъ Триклинѣ по чину перваго дня, протоспаѳаріамъ быть въ красныхъ плащахъ: также и на четвертый и на пятый день идутъ званые пиры; послѣдній отведенъ для патріарха и духовенства и всѣмъ пресвитерамъ полагается быть въ бѣлыхъ фелоняхъ. На шестой день полагается приемъ союзниковъ Болгаръ съ дарами изъ Болгаріи и бываетъ званый обѣдъ въ Триклинѣ, при чемъ Болгарамъ полагается быть въ ихъ обычныхъ скарамангіяхъ (μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν σκαραμανγγίων — II, 52, 772). На седьмой день также бываетъ выходъ и званый столъ, къ коему приглашаются на нижніе столы иноземцы дружинники (οἱ ἔθνηκοὶ τῆς ἑταιρείας), какъ Турки, Хазары и проч., въ числѣ 54, въ своихъ кавадіяхъ (οἱ δὲ ἔθνηκοὶ μετὰ τῶν αὐτῶν καβαδίων). Въ воскреснѣ Ѳоминой недѣли (τῇ δὲ νεῇ κυριακῇ τῇ μετεόρτῳ τοῦ πάσχα) — выходъ въ храмъ Апостоловъ и званый обѣдъ для духовныхъ лицъ; на слѣдующій — торжественный приемъ безъ танцевъ (δεξιῶσις δεξιῶσις ἀνευ σαξίμου), на слѣдующій день бываютъ конскія состязанія, званый обѣдъ и отпускаются домой Болгары. [Въ день Преполовенія праздника бываетъ выходъ въ церковь Св. Мокія (отмѣненный затѣмъ Львомъ VI³) и затѣмъ званый пиръ въ триклинѣ при церкви при участи

¹) [II, 52, 762—765.]

²) Равно въ кн. I, гл. I, р. 25 имѣется добавленіе, соотвѣтственное текстамъ кн. II, 52, 765 sqq. а именно, что и у себя во дворцѣ на христосованіи съ высшими чинами (4 вила), послѣ приѣма чиновъ, владыки облачаются въ лоры, и дѣлается это среди серебряныхъ колоннъ великаго зала аккумулятовъ, „при спущенныхъ завѣсахъ“, послѣ чего владыки надѣваютъ вѣнцы и берутъ въ правую руку акакію, въ лѣвую крестъ и начинается выходъ. И тутъ же (ibid. 26) прибавляется отмѣна, что сперва цари являются въ хламидахъ, а уже послѣ завтрака надѣваютъ лоръ.

³) [См. Д. Θ. Бѣляевъ. Byzantina, II, 232, прим. 4.]

патріарха и чиновъ.] На день Вознесенія процессія въ храмъ Божіей Матери у источника (Пиги), и столъ для патріарха и чиновъ.¹

Въ день Пятидесятницы бываетъ выходъ въ Великую церковь и обѣдъ въ Юстиніановомъ Триклинѣ; то же 1 Мая, въ праздникъ обновленія Новой церкви, обѣдъ съ патріархомъ и митрополитами; 11 Мая — день основанія Константинополя — игры въ Ипподромѣ и клиторій, 8-го Мая выходъ въ Евдомъ² на память I. Богослова и обѣдъ. 20 Іюля — на память Иліи пророка — дворцовый выходъ въ его церковь, и въ тотъ же день память призыва изъ заключенія Льва Мудраго (ἀνάκλησις τῆς περιορήσεως),³ причемъ накануне на вечернѣ въ Фарской церкви раздаются серебряные крестики (σταυροῦτζια), и бываетъ приемъ чина страннопріимныхъ домовъ и пріютовъ, а также пиръ званый. [На другой же день устраивается приемъ (δεξιῶσις δεξιῶσις) съ танцами (μεγάλου σαξίμου) [и пиръ въ Юстиніановомъ триклинѣ]; къ нему приглашаются чины: препозитовъ, патриціевъ, должностныхъ (оффиціаловъ) и секрета въ кампагіяхъ, по числу трапезующихъ (κατὰ τὸ ποσὸν τῆς τραπέζης — т. е. около 200 чел.); „прочихъ же магистровъ, анаѳипатовъ, патриціевъ и всѣхъ людей царскихъ“ требуется сохранить (ταμείειν) съ ихъ латами и наплечниками (μετὰ θωρακίων καὶ κονδομανίκων) для пиршественной пляски (εἰς τὸ σαξίμον τῆς τραπέζης), а всѣмъ пляшущимъ вокругъ царскаго стола и прославляющимъ освобожденіе мудрѣйшаго владыки выдается отъ его имени апокомбій трехъ фунтовъ золота. Кромѣ того на другой день совершается вотъ пѣшій (πεζοδρομίον βωτόν), причемъ раздаются значки (σφραγίδια — тессеры для полученія денегъ или вещей), столъ бываетъ для [препозитовъ, евнуховъ протоспаѳаріевъ и примикиріевъ, всего въ числѣ шести, и получившихъ значки изъ рукъ вельможъ (μεγιστάνων)] бѣдныхъ, которымъ раздаются деньги, а черезъ два дня бѣга въ ипподромѣ (ἵπλικὸν ἵπποδρομίον). 6-го Августа — выходъ въ Великую церковь и званый обѣдъ. 15-го Августа — выходъ во Влахерны и обѣдъ въ нижнемъ триклинѣ приморскаго дворца,⁴ вечеромъ того же дня въ ц. св. Діомида [гдѣ на другой день совершается литургія и клиторій по чину]. 29-го — память святого (τοῦ ἁγίου) и великаго царя Василія — [полагается выходъ (верхомъ съ полнымъ парадомъ) въ храмъ св. Апостоловъ и по возвращеніи клиторій въ Юстиніановомъ триклинѣ], а на другой день приемъ по случаю дня царей Льва и Александра, со званымъ столомъ, и бываетъ тутъ круговой танецъ (χόρευσις) въ зо-

¹) [II, 52, 765—775.]

²) [О мѣстоположеніи Евдома см.: Д. Θ. Бѣляевъ. Byzantina, III (Зап. К. О. Р. А. О. т. IV), 57—92.]

³) [Здѣсь имѣется въ виду событіе конца царствованія Василія Македонянина, описываемое хронистами вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Константина, старшаго сына Василія. См.: Georg. Mon., (in Theoph. Cont.) Bas. Maced., 24, 846—847, о связи этого событія съ памятью Св. пророка Ильи; также: Theoph. Cont., V, 100—101, 348—351; Georg. Cedren., II, 245—248; комментарий Reiske, 890 и J. B. Bury: A history of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I. London 1912, p. 169, note 5.]

⁴) [II, 52, 779 — ἐν τῷ κάτω τρικλίνῳ τῷ ὄντι ἐπὶ τὰ παλάτια τῆς θαλάσσης.]

лотыхъ латахъ, и дается всѣмъ въ качествѣ подарка 16 фунтовъ золота, на утро же происходятъ бѣга въ ипподромѣ. 8-го Сентября — выходъ въ храмъ Халкопратій и возвращается оттуда царь верхомъ, облаченный въ золотный скарамангій; 14-го — рано утромъ выходъ въ св. Софію и званый обѣдъ.¹

Врумаліи. Въ Ноябрь сь 24 и въ Декабрѣ до 15 имѣли мѣсто особые приемы и пиры, сопровождавшіеся также пляскою, съ перерывами, или даже ежедневно, какъ традиціонныя Врумаліи,² которыя праздновались отдѣльно каждымъ владыкою и августою.³ Какъ объясняютъ историки (см. комментарий Рейске 701 sqq.) празднованіе Врумалій должно было идти по буквамъ греческаго алфавита сь 24 Ноября по 17 Декабря — 24 дня, и стало быть, главными днями были именно тѣ, которые выпадали на имя царя или царицы, но кромѣ того и на другія, наиболѣе обычныя имена святыхъ, въ дни которыхъ именинниками были высшіе чины, вельможи и пр., приглашавшіеся обычно, и потому Врумаліи стали именными пирами. При этомъ, говоритъ историкъ, Константинъ довелъ эти пиры, по ихъ богатству, разнообразію зрѣлищъ, щедрой раздачѣ шелковыхъ тканей и серебряной посуды безъ счету, пурпурныхъ облаченій, благовонной индійской коры, до пышности невиданной и даже неслышанной.⁴ Агаѳій называлъ эти пиры „именинными попойками“ τὰ ἑτέρω τῶν ὀνομάτων συμπόσια,⁵ и, конечно, всѣ эти условности были только прикрытіемъ традиціонныхъ осеннихъ пировъ. Началось празднованіе Врумалій приблизительно сь 24 или сь конца Ноября, и по справкѣ у Рейске, на 28 Ноября приходилась буква *E*, кончалось же около 20 Декабря. Остроумный Рейске (705) не желаетъ даже разбираться, что здѣсь идетъ отъ греческой или римской древности, отъ Врумалій или Сатурналій, отъ Ромула или кого другого, но сущность дѣла въ поискахъ людьми, по долгимъ зимнимъ вечерамъ, развлеченій, ужиновъ, плясокъ, музыки, шутовства, чтобы время скоротать, и, дѣйствительно, Врумаліи ясно продолжаютъ еще полмѣсяца Колядами, т. е. Календами январскими, при чемъ придумываются сь обѣихъ сторонъ: дарующей и даримой — всякаго рода случаи и формы раздачъ. На Врумаліяхъ цари дарили деньги, ткани, готовые одежды, коней и пр., то же дѣлала женамъ чиновъ Августа, даря пурпуръ τὸ δῶδ,⁶ благовонія. Фіалы или пустые бассейны въ Ипподромѣ наполняли миндалемъ, фишашками, а также виномъ.⁷ Указанный у Рейске текстъ Гри-

горія Богослова въ словѣ на Крещеніе¹ перечисляетъ рядъ памятныхъ дней у христіанъ первыхъ вѣковъ: на день рожденія (γενέθλια), нареченія имени (ὀνομαστήρια), появленія бороды (κουρόσυνα), поселенія въ домѣ (κατοικέσια) и пр. По отрывку, сохраненному въ гл. 18 кн. II (599—607) Константина, приемъ на Врумаліи дѣлался въ мистической фіалѣ триконха (внутренней части дворца), гдѣ въ сигмѣ помѣщались полукругомъ исполнители хороводнаго танца и особыхъ пѣснопѣній, τὰ τοῦ βρουμαλίου βασιλίσια. Затѣмъ танцуетъ одинъ изъ царскихъ людей солистъ (εἷς ἐκ τῶν βασιλικῶν... ὀρχεῖται), а стоящіе кругомъ чины славословятъ, и раздаются апокомбій; чины флотскіе сходятся во дворцѣ Вуколеона (на берегу морскомъ) и также славословятъ, также и аграріи. Это все происходило въ 9 часовъ, а вечеромъ въ 11 часовъ бывалъ столъ въ буфетномъ залѣ (ἐν τῷ ἀριστηρίῳ), царь провозглашалъ славу Пр. Богородицы и пилъ чашу, послѣ чего бывала раздача и всѣ уходили сь факелами домой. Затѣмъ бывали ужины въ болѣе тѣсномъ кругу (μυστικώτερα) у владыкъ² и прославляли царя и августу при „общемъ весельи и увлеченіи“ (πάντων εὐφραϊνομένων καὶ ἀγαλλομένων). На слѣдующій день столъ въ триклинѣ Юстиніана и чинится по ритуалу (κατὰ τὸν τύπον) при маломъ числѣ пирующихъ „тактической саксимъ“ (τὸ τακτικὸν τὸ σαξίμιον) — пляска, и выступаютъ въ танцѣ магистры, анѳипаты, патрици, протоспаѳаріи, и пляшутъ, какъ полагается. Одни сидятъ, другіе пляшутъ, затѣмъ тѣ начинаютъ, а эти садятся, сь разрѣшенія царя. И поютъ „царскіе канты“ не всѣ разомъ, но партіями. При Львѣ Мудромъ устраивались столы сь близкими чинами, особо столъ великаго царя сь одними и особо — малаго царя сь другими чинами.³ При Михаилѣ, сынѣ Теофила, бывали столъ жестокия зимы и глубокіе снѣга, что фіала становилась недоступна, и собирались въ триклинѣ Лавзіака (боковой дворець⁴); уходили же безъ свѣчей изъ-за бури.⁵ [При Романѣ Лекапинѣ празднества Врумалій не соблюдались, какъ это указано въ небольшой замѣткѣ, повидимому служащей указаніемъ на принадлежность главы перу самого Константина Багрянороднаго, отнесшагося къ такому нарушенію традицій неодобрительно.⁶] При Константинѣ на Врумаліяхъ раздавались щедро и золото и ткани или цѣликомъ одежды: парчевые пологи, домашнія одежды сь парчевыми лорами и т. д.⁷

3.

Во всѣхъ текстахъ, разбросанныхъ по книгѣ Константина, ничего не говорится о потѣшныхъ или шутовскихъ развлеченіяхъ на перечис-

Игры и представленія.

¹) [II, 52, 775—783. Подробное изложеніе чина отдѣльныхъ упоминающихся здѣсь выходовъ см. у Д. Θ. Бѣляева, Byzantina: II, по указателю подъ слов. выходы (стр. 266); III, 92—138 (въ Халкопратійскій храмъ) и 138—186 (въ храмъ Св. Апостоловъ).]

²) Tomaschek. Uber Brumalia u. Rosalia. 1868. А. Н. Веселовскій. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха VII, Рум., Слав. и Греч. Коляды. 1883 г.

³) [II, 52, 782—783.]

⁴) [Theophanes Continuatus, VI, 35, 456—457.]

⁵) [См. комментарий Рейске, стр. 704.]

⁶) [Theoph. Continuat., III, 44, 147.]

⁷) [Theoph. Continuat., III, 43, 142.]

¹) [S. Gregorii Theologi: Oratio in S. Baptismo, I; Migne, P. G. 36, с. 360.]

²) [... καὶ καθέζεται ὁ μέγας βασιλεὺς καὶ ὁ μικρὸς καὶ ἡ αὐγούστα μετὰ καὶ τῶν πορφυρογενήτων καὶ τῶν ἰδίων καὶ μάλιστα οἰκιοτέρων ἀρχόντων καὶ οἰκείων ἀνθρώπων, ἤγουν τοῦ παρακοιμισμένου, τοῦ προτοβεσπιαρίου καὶ ἄλλων... II, 18, 603.]

³) [II, 18, 604—605.]

⁴) [См. Д. Θ. Бѣляевъ, Byzantina I, 46—54.]

⁵) [II, 18, 605.]

⁶) [Ibidem, 606.]

⁷) [Ibidem, 607.]

ленныхъ пирахъ: какъ царскія славословія димовъ и чиновъ, такъ, очевидно, и пляски чиновъ, димовъ, имѣли характеръ столько же приличный, сколько даже церемоніальный. Между тѣмъ потѣшныя игры были уже и при византійскомъ дворѣ, какъ были онѣ и при персидскомъ, гдѣ развлеченія музыкальными инструментами, героическимъ эпосомъ и пѣснями особенно процвѣтали и давали тонъ дворамъ варварскихъ царей. Но, повидимому, всему этому отведено было мѣсто въ Ипподромѣ,¹ какъ въ промежутки бѣговъ, такъ и въ особыхъ сценахъ, подъ именемъ *θημέλι*, такъ и въ отдѣльныхъ выступленияхъ мимовъ или ряженныхъ, скурровъ, позднѣе — масхаровъ или скамраховъ, жонглѣровъ, атлетовъ, потѣшниковъ и пр. Правда, несмотря на весь интересъ историческихъ источниковъ народнаго и художественнаго театра, научное изслѣдованіе осталось при первыхъ, наскоро сдѣланныхъ, наблюденіяхъ, и придано слишкомъ много вѣры тѣмъ текстамъ, въ которыхъ церковники всѣхъ племенъ и временъ проклинали всѣ народныя развлечения, безнравственныя за одно съ музыкальными. Въ этомъ смыслѣ нельзя принимать огуломъ, какъ то дѣлаетъ Рейске,² подъ однимъ терминомъ и музыкантовъ, и шутовъ, и мимовъ. Кодинъ, напимѣръ, упоминаетъ присутствіе пайгніотовъ (*παυγνιώται*) передъ царемъ на праздникъ Рождества Христова (Боннск., изд. стр. 49, гл. VI), когда выставляются торжественно царскія знамена и штандарты, то среди чиновъ, держащихъ эти знамена (*τὰ βασιλικά φάκουλα*) и клира „стоятъ всѣ такъ назыв. пайгніоты, или свирѣльщики (флейтисты — *σαλλιγγῆται*), трубачи (*βουκκινάτορες*), цимбалисты (*ἀναχαρισται*) и сурулисты (суравлисты — играющіе на корнетѣ — *σοφρούλισται*). Правда, это имѣло мѣсто при чтеніи часовъ наканунѣ праздника, не въ церкви, повидимому, а во дворцѣ — текстъ Кодина неясенъ, и въ поздней Византіи возможно было даже участіе свѣтской музыки при такомъ случаѣ. Что же касается игръ въ Ипподромѣ, то изъ книги Константина мы узнаемъ подробно всю процедуру появленія (I. 64, 284—293) царя на играхъ, съ того вечера вторника на Оминой, т. е. второго дня послѣ перваго Воскресенья на Пасхѣ (Антипасхи), когда оба главные дима: Голубыхъ и Зеленыхъ представляются царю по случаю игръ въ процессіи съ факелами; далѣе на утро бываетъ сходъ чиновъ двора, высшихъ въ бѣлыхъ мантияхъ, патриціевъ въ пурпурныхъ съ золотыми тавліями, и въ свою очередь димарховъ съ партіями своего дима, обычное преклоненіе въ триклинѣ Юстиніана

¹) На это обстоятельство было обращено вниманіе многими изслѣдователями, и остроумный Лабартъ придумалъ даже ту причину, что кромѣ Большого Ипподрома былъ еще свой дворцовый ипподромъ, въ которомъ и происходили всякаго рода мелкія и среди нихъ и потѣшныя представленія, которымъ, пожалуй, и, правда, не было особаго удобства въ Большомъ, по его размѣрамъ. Однако, послѣ разъясненій всѣхъ текстовъ по этому спеціальному вопросу Д. Э. Бѣляевымъ въ его книгѣ о „Выходахъ царей“ нѣтъ, явно, никакихъ основаній строить воображаемый внутренній ипподромъ. [См. *Byzantina* I, 70—83.]

²) [Comment. ad Const. Porph. 363 sqq.]

царю, стоящему на омфалѣ, затѣмъ царь поднимается на тронное возвышеніе, препозитъ свертываетъ уголокъ его мантии (*ποιεῖ τὸ ῥωσθελίον?*) и подаетъ край царю, и благословляетъ царь трижды народъ (*τὸν λαόν*), и всѣ поднимаютъ кличъ: *ἄγιος*. Царь садится на престолъ, играетъ органъ, начинаются славословія, имъ отвѣчаетъ музыка, — затѣмъ бываетъ своего рода прощанье (*ἀπελατικόν*¹) — поютъ тѣ же партіи димовъ — и, послѣ церемоніальной перестройки всего предстоящаго двора, царь проходитъ черезъ строй сената къ себѣ переодѣться къ обѣду и снять корону. Роль такъ называемаго народа, исполняемая партіями двухъ димовъ, голубыхъ и зеленыхъ, бывала на пріемахъ и саксимахъ, очевидно, чисто декоративная, т. е. заключалась въ исполненіи указанныхъ и, конечно, сочиненныхъ для всѣхъ случаевъ славословій, далѣе въ декоративныхъ построеніяхъ, причемъ димы были обязаны носить однообразные костюмы „своихъ“ цвѣтовъ, т. е., однако, не одной только своей партіи, но двухъ: голубой и бѣлой, такъ какъ голубой димъ представлялъ собою на обычныхъ собраніяхъ эти двѣ партіи, а прасины или зеленые присоединяли къ себѣ красныхъ (о томъ свѣдѣніе имѣемъ въ I, гл. 65).² Мы увидимъ ниже, какъ стало поэтому у византійцевъ обычнымъ гармоническое соединеніе зеленого съ краснымъ (*πρασινοκόκκινον*). Болѣе значенія получали димы, ихъ димархи, трибуны и викаріи при играхъ въ Ипподромѣ.

Препозитъ утромъ получаетъ распоряженіе (*κομβίαν*) черезъ силенціарія, Ипподромъ. идетъ къ царю, и если тотъ прикажетъ начать приготовленія, то извѣщаютъ всѣхъ, собравшихся въ ожиданіи во дворцѣ; царь въ сагіи съ золотыми коймами, идетъ въ часовню св. Стефана и оттуда, по витой лѣстницѣ, входитъ въ покой своей каѳизмы, что въ Ипподромѣ и остается тамъ невидимымъ, пока все приготовятъ тамъ къ играмъ.³ Каѳизмою назывался верхній этажъ надъ зданіемъ выѣздныхъ конюшенъ цирка, имѣвшихъ широкія ворота въ него и называвшихся *στάμα* (стойла). Каѳизма имѣла посреди большую открытую внутрь цирка ложу съ балкономъ, въ которомъ стоялъ царскій тронъ, и закрытые покои для царя и охраны. И когда препозитъ узнаетъ, что въ конюшняхъ готовы начать бѣга, димархи усялись на свои мѣста сзади партій, военные части и чины ихъ стоятъ въ рядахъ, народъ наполнилъ мѣста и все готово, царь сходитъ по каменнымъ ступенямъ каѳизмы и говоритъ препозиту: „давай метастазимъ“ — т. е. „начинай представленіе“, облачается въ хламиду и стемму, впускаютъ патриціевъ, они падаютъ ницъ и встаютъ; царь входитъ въ триклинъ, гдѣ будетъ имѣть столъ въ этотъ день, входятъ силенціаріи, затѣмъ комиты, члены сената, магистры. Царь, приподнимая край своей мантии, правою рукою благословляетъ народъ

¹) [Объ апелатикѣ см. Д. Э. Бѣляевъ: *Byzantina* II, 83, прим. 1.]

²) [О значеніи и характерѣ отдѣльныхъ частей партій: голубыхъ и бѣлыхъ, зеленыхъ и красныхъ см. упомянутую выше статью Э. И. Успенскаго въ *Визант. Временникѣ*, I, 1—16.]

³) [См. I, 68, 303 sqq.]

по обычаю, трижды, стоя передъ трономъ, сперва середину, затѣмъ димъ Венетовъ и димъ Прасиновъ и садится. Входятъ патрициі, преклоняются и становятся понизу передъ большою дверью. Послѣ четырехъ бѣговъ (или „побѣдъ“ — *βαίτων*) царь уходитъ въ триklinъ къ обѣду, а затѣмъ возвращается въ ипподромъ; если же бѣга начинаются вечеромъ, то уxo-

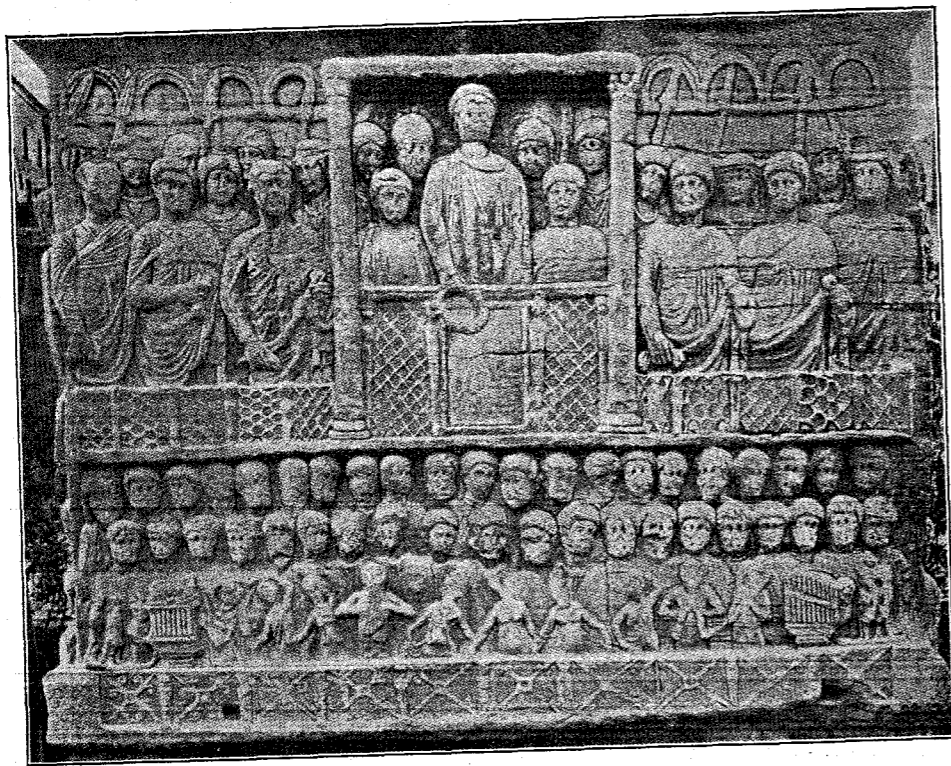

Рис. 59. Сцена ипподрома (раздача царемъ вѣнцовъ).
Изображеніе на базѣ обелиска Феодосія.

дитъ во дворецъ.¹ Изъ книги Константина можно узнать въ подробности, какъ дѣлается каталогъ конямъ и геніохамъ и пр. въ стамбѣ для всѣхъ четырехъ партій,² какъ надо качать урны съ шарами партій,³ какіе полагались клики и привѣтствія при побѣдѣ геніоховъ,⁴ какъ величали побѣдителя „опоясаніемъ“ (*βηγάριος ζωννυμένος*),⁵ какія полагались — „диверсіи“ — возничій Голубыхъ ѣхалъ на коняхъ Зеленыхъ или обратно и пр.,⁶ но всѣ эти формы и формальности, видимо, перестали быть въ связи съ ходомъ куль-

¹) [Ibidem, 308 sqq.]

²) [См. I, 69, 310—312.]

³) [Ibid., 312—320.]

⁴) [Ibid., 320—324.]

⁵) [Ibid., 329—331.]

⁶) [Ibid. 336—337.]

туры или быта.¹ Историческій интересъ представляетъ, напротивъ, описаніе игръ въ ипподромѣ въ день основанія города — 11 Мая.² [Наканунѣ люди обѣихъ партій (*οἱ τῶν δύο μερῶν*) приводятъ лошадей въ, украшенныхъ золотыми сегментами, пополахъ (*χρυσοσήμεντα σαγίσματα*), нагрудникахъ (*μανιάνια*) и недоуздкахъ (*καλιστοάκια*), каждая партія — въ свою фіалу, гдѣ и происходитъ распредѣленіе коней. На утро царь выходитъ въ каоисму съ обычными въ такихъ случаяхъ церемоніями; старшины партій (*τὰ πρωτεία τῶν μερῶν*) приходятъ съ крестами изъ розъ (*μετὰ σταυρῶν ῥοδοπλόκων*) которые затѣмъ передаютъ царю;] побѣда въ этотъ день приноситъ двойную награду, царь разсылаетъ вѣнцы и одежды побѣдителямъ, ихъ приводятъ въ каоизму предъ лицо его, партіи исполняютъ въ ипподромѣ между бѣгами хоровой танецъ, туда же сходятъ со своихъ мѣстъ и народныя массы, и разбираютъ овощи и всякія печенья, принесенныя туда въ мѣшкахъ, рыбу, наложенную въ лодкахъ. Такъ называемый овощной ипподромъ (*λαχανικόν*) шелъ еще отъ временъ Константина Великаго, удерживая римскій обычай раздачи на Масляницѣ и въ Маѣ тессеръ на полученіе хлѣба, масла, овощей и вина; какъ указываетъ Рейске,³ обычай держался еще въ Неаполѣ въ его время.

Любопытная подробность по снаряженію бѣговъ и самихъ димотовъ, „Фенгіи“, какъ у Венетовъ, такъ и у Прасиновъ, а, вѣроятно, и у прочихъ двухъ партій, сообщена (ср. гл. I, 65, р. 294) въ 15-ой гл. II книги⁴ Константина и относится къ такъ называемымъ фенгіямъ (*τὰ φεγγία τοῦ σαξίμου*), особымъ жезламъ, въ рукахъ димотовъ. Путемъ филологическаго разбора Рейске (коммент., 696—7) устанавливаетъ, что эти жезлы должны были какъ-то изображать луну, ибо др. греч. *σελήνη* замѣнилось въ срв. *φέγγος*, *φεγγίον*, что, стало быть, это своего рода *lunulae* — наши лунницы. Полагая, что, однако, это долженъ быть жезлъ, зажатый въ рукѣ, ибо, дѣйствительно, текстъ гласитъ (р. 589): *οἱ δημόται στάντες... ἐβάστασαν τοῦ σαξίμου τὰ φεγγία*. Поэтому Рейске догадывается, что жезлъ долженъ былъ имѣть видъ греч. Ψ, но затѣмъ далѣе, чертитъ слѣдующее обратное положеніе лунницы на жезлѣ †. Идя путемъ археологіи, я уже заранѣе въ своей запискѣ о фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора⁵ указалъ, что изображенныя въ раскрытыхъ аркадахъ лунницы въ кругахъ и на палкахъ представляютъ именно значки геніоховъ въ стамбѣ надъ каждымъ изъ четырехъ возницъ, уже стоящимъ въ готовой къ выѣзду колесницѣ. Здѣсь должно прибавить, что именно эти лунницы въ кругахъ и крупнаго размѣра тоже

¹) [См. разборъ и попытку датировать эту часть книги о церемоніяхъ въ упомянутой уже статьѣ G. Millet въ *Recueil-Kondakov*, 281—285 и 295.]

²) [I, 70, 340—349.]

³) [См. комментарий, 338—339.]

⁴) [588—592 — въ описаніи игръ, устроенныхъ при приѣмѣ сарацинскихъ пословъ въ 946 году.]

⁵) Записки Рус. Арх. Общ. III 1888 г., 287—306, табл. XI. [Также Русск. Древн., IV, 150 и рис. 135.]

знаки димовъ, но практично приспособленные къ освѣщенію конюшенъ: на той же палкѣ, но подъ рогомъ луны изъ серебра, дѣлалась чаша для масла съ фитилемъ. Восточное происхождение лунницы и фенгій указывается этимъ символомъ, само по себѣ, и, вмѣстѣ съ нимъ логически, переносъ эмблемы варварами, и именно кочевыми, и, наконецъ, его исконное магическое значеніе. Можемъ прибавить, что затѣмъ фенгій получили особое значеніе и въ христіанскихъ украшеніяхъ, именно съ IX вѣка: такъ называемые вѣнчики иконъ, вокругъ головы, и подвѣсныя къ „головнымъ иконамъ“ лунницы, но характерно и то, что оба украшенія получили уже иное названіе и у Грековъ и у насъ (вѣнчики и цаты¹⁾). Такимъ образомъ, церковныя украшенія, явно, идутъ отъ магическихъ скипетровъ, какими вооружались геніохи при своихъ бѣгахъ, какъ знаками богини луны и ея бѣга, символами всякаго номада.

„Вотъ“. Глава 72 I книги (359—364) одна даетъ опредѣленные, но краткія, указанія зрѣлищъ ипподрома въ такъ называемый день вота (τοῦ βωτοῦ), т. е. жертвъ, обѣтовъ или пожеланій народныхъ царю и имперіи, причемъ, однако, этотъ день, благодаря краткости текстовъ и ихъ критической шаткости, не могъ быть пока установленъ: одно указаніе на 1 Января, другія на Февраль, третьи на Май (см. комментарий Рейске, стр. 343—344, также 327). Записка гласитъ обычно о томъ, какъ еще за день дѣлается наказъ быть воту завтра, и потому еще вечеромъ накануне собираются „части“ обоихъ димовъ или партій, и при этомъ „димархи стоятъ внизу, говоря другъ другу шутки“ (λέγοντες σκολπικῶς), а такъ какъ эти димы — Венеты и Прасины — въ постоянномъ соперничествѣ или даже борьбѣ и враждѣ жили въ Византіи, то шутки могли быть и злыя и доходить до насмѣшекъ. Было бы понятно это мѣсто, если бы дѣло происходило въ ипподромѣ, передъ публикою, здѣсь же смыслъ остается подъ вопросомъ, хотя и даетъ просторъ подбору у Рейске цитатъ изъ римской древности и аттической, хотя примѣръ Геліогабала, желавшаго выслушивать откровенную брань Римлянъ,² врядъ ли примѣнялся въ Византіи послѣ кроваваго конца „Ники“. На другой день съ утра собираются во дворцѣ: начальники придворной части въ пурпуровыхъ (τύρρα) мантияхъ, и патрици и синклитъ въ темно-лиловыхъ (ἀτραβατικῶς, о чемъ см. ниже), и царь, въ ихъ сопровожденіи, идетъ въ ипподромъ, въ клувій (τὸ κλουβιον), закрытый покой, раздаетъ тамъ чинамъ „сфрагидіи“, чтобы они раздали въ свою очередь бѣднымъ, для впуска ихъ на царскую трапезу въ залѣ 19 аккумулятовъ „по древнему обычаю“. Особый день бѣговъ въ ипподромѣ носилъ названіе Луперкаліева,³ явное переживаніе древнихъ февральскихъ языческихъ Луперкалій, уже, повидимому, въ Маѣ, съ состязаніями конскими и людей бѣгуновъ. Такимъ образомъ и въ эти

Луперкаліи.

¹⁾ [О нихъ см.: N. P. Kondakov — E. H. Minns The Russian Icon, Oxford 1927, 36—37.]

²⁾ [См. Aelii Lampridii, Heliogabalus, c. 11, 6; Script. Hist. Aug. I, ed. Teubneri, L. 1884, p. 228.]

³⁾ [I, 73, 364—369].

народные праздники книга Константина ничего не сообщаетъ о потѣшныхъ представленіяхъ, акробатахъ, мимахъ и пр. Равно, и объ игрѣ шаками на коняхъ, которая происходила на обширной и ровной площади за дворцомъ, надъ морскимъ берегомъ, и называлась поэтому циканистириемъ (τῆς κυκανιστηρίου),¹ и которою увлекались многіе цари Византіи, видимо по персидской и варварской модѣ, вводящей атлетическія упражненія, ни объ царскихъ охотахъ, за исключеніемъ именъ, попавшихъ въ исторію.

Циканій.

Краткій текстъ о сценическихъ представленіяхъ (II, 15), сообщенный въ книгѣ Константина по случаю пріема Сарацыновъ (см. выше) и второго пріема (Ἐτέρα δοχὴ τῆς Ἐλγας τῆς Ῥωσένης) княгини („архонтиссы“) Ольги Русской, нѣсколько восполняетъ пробѣлъ, вызванный церемониальнымъ характеромъ книги. Пріемъ состоялся 9-го Сентября, и былъ, наряду съ другими, повтореніемъ пріема (предшествовавшаго) Сарацынскихъ пословъ, съ тою, конечно, разницею, что Ольгу принимала и царица и что она была христіанка. Какъ архонтиссу, Ольгу, явившуюся со своими „архонтиссами“ родственницами и служанками, шедшими за нею по одной, посадили ожидать выхода въ портикъ Августея; въ триклинѣ Юстиніана былъ поставленъ на возвышеніи, крытомъ пурпурными тканями, большой тронъ царя Теофила для царицы и кресло для ея невѣстки: два серебряныхъ органа димовъ и музыканты съ духовыми инструментами находились въ сосѣдней залѣ; вызванная архонтисса ожидала во дворцѣ скилы. На тронѣ сѣла царица и на креслѣ ея невѣстка, по сторонамъ расположились чины кувуклія были введены: опоясанныя патриціанки, жены магистровъ, патриціанки, жены протоспаѳаріевъ и т. д., затѣмъ вошла архонтисса и учинено было привѣтствіе съ вопросами препозитомъ, и затѣмъ архонтисса вернулась въ скилы; [послѣ этого августа вернулась въ свои покои, а архонтисса отдыхала во дворцѣ кенургіи]. Затѣмъ царь сѣлъ на тронѣ съ царицею и дѣтьми, позвали архонтиссу, и по слову царя, она сѣла и говорила съ царемъ. Въ тотъ же день былъ обѣдъ, сидѣли царица съ невѣсткою, а архонтисса въ сторонѣ около нихъ стояла, а затѣмъ, когда вошли и совершили преклоненіе архонтиссы (прибывшія съ Ольгою), она, склонивъ слегка голову, пошла и сѣла за особый столъ съ опоясанными патриціанками; пѣли пѣвчіе храма Апостоловъ и Софіи „славословія“ царю, играли и представляли всякія сцены артисты (ἔπαιξαν δὲ καὶ τὰ θυμελῖα πάντα παίγνια). Былъ еще столъ въ Золотомъ Триклинѣ, обѣдали всѣ секретари архонтовъ Россіи (Ῥωσίας) и люди ихъ и торговцы (πραγματευταί) и получили: племянникъ

¹⁾ [См. II, 13, 557, гдѣ упоминается τῆς κυκανιστηρίου, какъ одно изъ мѣстъ отправленія царя при поѣздкѣ въ храмъ св. Апостоловъ или какой либо иной. Ср. I, 83, 381, гдѣ упомянутъ σφαφοδρόμιον (повидимому то же, что циканистирій), по возвращеніи царя изъ котораго начиналась церемонія Готѣиконъ. Также коммент. Рейске, 362. Какъ извѣстно, позднѣе любителемъ циканія былъ императоръ Мануиль Комнинъ, см. Ioann. Cinnam., Hist., VI, 5, 263—264, гдѣ описывается въ чемъ состояла эта игра. Также М. А. Андреева, Очерки, 178.]

архонтиссы: 30 милл., другіе близкіе — по 20, священникъ Григорій — 8, толмачи по 12, люди Святослава (Σφενδοσθλάβου) по 5. Когда царь всталъ, подали „сладкое“ въ буфетѣ, и стоялъ тамъ малый золотой столъ, [стоящій обычно въ пентапиргіи¹⁾] и на немъ было сладкое въ эмалевыхъ и украшенныхъ камнями блюдахъ, и сидѣли у стола царь, царь Романъ Порфирородный, дѣти, невѣстка и архонтисса и подарено ей въ золотомъ съ камнями блюдѣ 500 милл., ея подругамъ по 20 и пр. 18 Октября былъ другой обѣдъ въ Золотомъ триклинѣ и обѣдалъ царь съ русскими (μετὰ τῶν Ρῶς) и еще обѣдъ въ пентакувукліи св. Павла, и сидѣла царица съ дѣтьми, невѣсткою и архонтиссою, и подарено ей было 200 милл. и пр.²⁾

Фрески лѣстницъ Св. Софіи въ Кіевѣ.

Но, если тексты историческіе и „церемоніальные“ мало говорятъ о византійскомъ ипподромѣ, то мы имѣемъ для нихъ существенное дополненіе археологическаго рода, именно указанные уже фрески лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора, современныя его постройки и представляющія игры въ Константинопольскомъ ипподромѣ. Ольга русская и послѣ нея, по видимому, иные князья русскіе и ихъ посланцы и торговцы видали эти игры, и мало того, кто-то изъ нихъ пріобрѣлъ рисунки этихъ игръ, которые и переданы были кіевскимъ рисовальщикомъ со всею точностью кописта, даже мелочно. Лѣстницы эти, ведущія на хоры собора, на которыхъ обычно слушали службу князья и ихъ семья, должны были сообщаться непосредственными ходами съ княжескимъ дворцомъ, который, будучи изъ дерева, совершенно исчезъ. Всѣ фрески, судя по фигурамъ сохранившимся отъ древности въ нетронутомъ видѣ (прочія переписаны цѣликомъ, но передаютъ весь древній рисунокъ, благодаря усердію Э. Г. Солнцева, руководившаго реставраціею въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка) писаны еще въ стилѣ IX—X вѣковъ, когда еще письмо было живописнымъ, а не иконописнымъ. Письмо это характерно своимъ сродствомъ съ лучшими лицевыми греческими рукописями X вѣка, но въ разныхъ частяхъ фресокъ, кажется, разное, и только въ общемъ византійскомъ стилѣ. Возможно, что и оригиналы были также разные, и даже теперь, безъ расчистки фресокъ, въ нихъ видны двѣ манеры. Сцены ипподрома писаны, явно, съ греческаго оригинала, сцены охоты или лова звѣрей по манерѣ свободнѣе. Содержаніе сюжетовъ относится къ византійской древности, дѣлится на верхнюю группу — зрителей, и нижнюю — зрѣлищъ; сцены, происходящія на террасахъ, и теперь сосредоточены на площадкахъ соборныхъ лѣстницъ, прочія на подъемахъ (ранѣе былъ, вѣроятно, pente douce). Правая лѣстница представляетъ каѳизму царя, лѣвая (сѣверная) — ложу царицы, а лѣвая сторона хоръ всегда въ Византіи была гинекеемъ. Имѣемъ рядъ цирковыхъ представлений охоты: варвара (Пардовалла),³⁾ охотящагося съ ручнымъ ге-

¹⁾ [II, 15, 597; ср. I, 97, 70.]

²⁾ [II, 15, 594—598.]

³⁾ См. текстъ Кодина о Пардоваллахъ при византійскомъ дворѣ De officiis, с. XXII, р. 108: текстъ внесенъ потому, что они пользуются исключительнымъ правомъ вѣзда верхомъ во дворецъ.

пардомъ на козулю; другого — съ собакою на кабана; отряда джигитовъ, гонящихся за дикимъ конемъ; двухъ охотниковъ — за векшею; одного охотника на волка, другого на медвѣдя, наконецъ, два медвѣдя заповлевали козулю. Ясно, что медвѣди приведены для цирковой охоты, какъ и тѣ варвары, которые здѣсь представлены, по гречески — въ обще-персидской одеждѣ, сами тоже цирковые артисты. Ихъ подтянутая на бедрахъ за поясъ туника имѣетъ византійскія нашивки на воротѣ и подолѣ, ихъ волосы, падающіе на плечи, круглые щиты, все относится къ варварскому быту въ средневѣковой Европѣ. Но есть одна подробность, придающая особое значеніе именно этимъ фрескамъ: своеобразныя деревья или, скорѣе, растенія съ толстымъ стволомъ и тремя толстыми вѣтками, на которыхъ сидятъ какъ бы подсолнечники: подобныя растенія съ цвѣтами, имѣющими тоже красную внутренность и зеленую листву вокругъ, представлены въ манихейской лицевой рукописи, изображающей самого Мани и его учениковъ рядами, пишущихъ правила его ученія: рукопись относится находчикомъ ея — берлинскимъ ученымъ А. Лекокомъ къ VIII—IX столѣтіямъ и происходитъ изъ Хотчо близъ Турфана.¹⁾ Въ рукописи растеніе идетъ шпалерою по стѣнѣ вмѣстѣ съ виноградомъ. Но кіевскій рисунокъ деревъ не можетъ быть объясненъ, а между тѣмъ типъ встрѣчается въ условной формѣ и позже.

Вмѣстѣ съ представленіями охоты расположены внизу зрѣлища ипподрома, изображена стама, зданіе со стойлами для колесницъ четырехъ димовъ въ четырехъ аркадахъ, надъ конюшнями мелкія службы, изъ нихъ смотрятъ люди. Въ аркадахъ выше рѣшетокъ видны, какъ сказано выше, фенгіи, рѣшетки еще заперты, но за ними четыре геніоха уже стоятъ на колесницахъ, и кони уже наготовѣ; геніохи бритые, по римской модѣ. Возлѣ стамы трое трибуновъ дима: одинъ поднятіемъ руки возвѣщаетъ начало игръ, другіе стоятъ, заложивъ руки за спину, въ знакъ почтенія къ публикѣ — таковы были чисто восточные жесты; всѣ имѣютъ небольшую бороду. На ихъ головахъ остроконечные варварскіе колпаки лимонаго цвѣта (λιμόνα) и кафтаны ихъ имѣютъ почетные маниаки — оплечья и на груди по пяти фаларовъ — или золотыхъ σπέμα²⁾ — медальоновъ съ вырѣзами въ нихъ для вставки цвѣтныхъ стеколъ. Показательно сходство этихъ медальоновъ съ инкрустированными круглыми бляхами Чулекской

¹⁾ A. v. Le Coq. Chotscho 1913. Снимокъ рукописи воспроизведенъ въ изд. K. Woermann, Geschichte der Kunst, II, Taf. 17.

²⁾ [О спекіяхъ см. I, 10, 82; I, 17, 99; II, 9, 542. Изъ эпитетовъ ἀλφίνα, χρυσόπλατα, сопровождающихъ этотъ терминъ, слѣдуетъ, что тутъ разумѣлась одежда, м. б. и снабженная нашитыми металлическими медальонами. Носятъ ее б. ч. протоспаэрии. Самое названіе (по Рейске, который объясняетъ спекіи, какъ кружева, слово σπέμα взято изъ латыни — specium = speculum; см. комментарий, 619—620), вызываетъ сравненіе со старо-русскимъ терминомъ „зерцало“ — особаго характера броня, составлявшаяся изъ отдѣльныхъ частей („досокъ“) и нашитавшаяся на ткань. Объ этомъ см. П. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и т. д. СПб. 1896, подъ словомъ „зерцало“.]

находки близъ Таганрога, на р. Чулекъ,¹ 1868 года, заслуживающей быть едва ли не самымъ замѣчательнымъ образчикомъ такъ называемыхъ готескихъ гранатовыхъ (или темно-краснаго стекла) инкрустацій, извѣстныхъ гл. обр. въ золотыхъ перегородчатыхъ фибулахъ. находка явно могильная, въ ней было семь медальоновъ, 6 и 8 сантим. въ діаметрѣ, перегородки рѣзаны изъ золота, съ варварскимъ презрѣніемъ къ цѣнному металлу, и по каймѣ наружнаго ободка имѣютъ по восьми сквозныхъ дырочекъ, ради пришивки медальоновъ на верхнюю одежду мѣдною проволокою (тоже сохранились куски ея) или даже на ремни портупей восточнаго образца, перекрещивающей грудь, какъ видимъ на груди сассанидскихъ царей на ихъ серебряныхъ блюдахъ.² На одномъ браслетѣ этой находки изъ массивнаго золота и грубой работы, въ видѣ обруча наколомъ сдѣлана латинская надпись. Могила могла быть готескою, но также и аланскою, такъ какъ подобныя же золотыя вещи личнаго убора, съ вставными гранатовыми и иныхъ цвѣтовъ стеклами найдены въ Терской области. Наконецъ всѣ три димота имѣютъ и кафтаны трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, голубого и краснаго.

На подмосткахъ, специально и наскоро сдѣланныхъ, ряженые (по праздничному) музыканты, паяцы и акробаты даютъ представленіе; всѣ одѣты, какъ гистріоны, изъ которыхъ набиралась даже и музыканты, какъ то указываетъ для нихъ общее имя: *παυγίῳται*. Музыкантовъ шестеро, а не четверо, какъ указывается приведенною выше цитатою изъ Кодина: флейта, двѣ трубы, цимбалы, гусли и арфа³; изъ нихъ авлисть и цимбалистъ въ то же время пляшутъ или, вѣрнѣе, подплясываютъ; помимо того, составляется хороводъ, одинъ скоморохъ уже пляшетъ, другой подаетъ ему для того же дѣла платокъ. Рядомъ слуга тянетъ вверхъ завѣсу въ дверяхъ, чтобы впустить форменнаго паяца во фригійскомъ колпакѣ и товарища его. Справа акробатъ держитъ у себя на спинѣ (поясомъ?) шесть, по которому лѣзетъ мальчикъ, пытаясь сорвать блюдо, лежащее наверху (сцена, упоминаемая епископомъ Кремонскимъ и посланникомъ Италіи при Никифорѣ Фокѣ Лиутпрандомъ⁴). Очевидно, мы имѣемъ тѣ самыя святочные развлечения, которыми тѣшили обычно въ циркахъ столичную чернь и тѣшатъ доселѣ на Масляницѣ и карнавалѣ повсюду. Грубое переживание формъ греческаго театра въ Византіи само по себѣ свидѣтельствуеетъ объ упадкѣ культуры, и особенно характерно то, что всякое развлечение переводится на варварскія формы: вмѣсто прежнихъ трагедій

¹) Русскія Древности, III, рис. 166—171.

²) Рус. Др., III, рис. 90. Sarre, Fr. Die Kunst d. alten Persien. 1923, табл. 106, 108.

³) Въ древнерусскихъ текстахъ пересчитывается четыре вида и болѣе того: бубны, сопѣли, гусли, пискове, или же: сопѣли — свирѣли — авлиты — заморскіе писки; кимвалы — накры, тимпаны, бубны, домры, трубы, гусли. Наряду съ трубами въ Лавр. лѣт. называются скомрахи, гусли, русалье, плясанье, бѣсовскія пѣсни и т. д. [См. также: L. Niederle. Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovianů. D. III, sv. 2, v Praze 1925, 715—734.]

⁴) [Liutprandi Antipodosis VI, 9; Monumenta Germaniae historica, III, 339.]

и душевныхъ задачъ новой комедіи находимъ „игрища“ съ варварскою и потому восточною окраскою. Всѣ музыканты, пѣвцы и даже прислужники одѣты по персидски, въ подоткнутые кафтаны, колпаки, даже тюрбанья изъ пестрыхъ дамаскихъ шелковъ. Сохранилась одна сцена обычнаго ряженья въ коляды: варваръ съ круглымъ щитомъ и сѣкирою обороняется отъ другого, ряженаго въ шкуру мѣхомъ вверхъ и козью голову и лѣзущаго на него съ рогатиною.¹

Въ той же серіи сценъ потѣшныхъ игръ находимъ иллюстраціи святочнаго пира: остіарій (евнухъ), но въ тюрбанѣ, поднимая руки, вводитъ варвара въ войлочной скуфьѣ, несущаго въ рукѣ запеченный окорокъ и на плечѣ свиную голову — „боровка для Васильева вечерка“ у Славянъ русскихъ. Въ сошедней сценѣ остіарій вводитъ колядника съ блюдомъ, на которомъ онъ несетъ обычный апокомбій, за нимъ слѣдуетъ ловчій.

Византійскій ипподромъ снесенъ былъ турками настолько чисто, что, пожалуй, и раскопки на его мѣстѣ ничего не дадутъ въ далекомъ будущемъ. Между тѣмъ здѣсь имѣемъ все же нѣкоторый эскизъ его „лицевыхъ“ построекъ. Группы зрителей въ этихъ зданіяхъ, явно, принадлежатъ къ византійскому двору, и потому изображенныя на обѣихъ лѣстницахъ сцены имѣютъ свой особый смыслъ. На открытой эстрадѣ, ограниченной (по шаблону) баллюстрадой, но близко къ входной двери, сидитъ на креслѣ царь въ мантии и высококомъ вѣнцѣ (но безъ креста на немъ), прижимая правую руку къ тавлію, что на краю мантии пришелся на груди (здѣсь реставрація представила вмѣсто тавлія кодексъ въ окладѣ), и поднявъ лѣвую. Справа отъ него два спаварія со щитами и копьями. На подобной же эстрадѣ стоитъ царица въ сопровожденіи „лоратной“ патрицианки, обѣ поднимаютъ слегка руки въ знакъ удивленія тому, что онѣ видятъ, очевидно, побѣду на бѣгахъ. Сбоку съ такими же живыми жестами представлены три придворныя дамы, тоже вставшія. Наконецъ, послѣдняя сохраненная фреска (рис. 60) даетъ эскизное изображеніе правой боковой части того поперечнаго зданія ипподрома, въ которомъ посреди внизу находились конюшни — стама, а въ верхнемъ помѣщеніи — кафисмы. Здѣсь нижній ярусъ

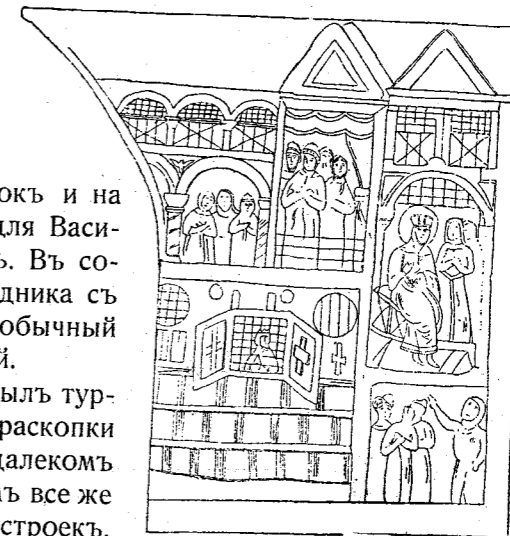

Рис. 60. Изображеніе „кафисмы“ на фрескѣ лѣстницы Св. Софіи въ Кіевѣ.

¹) Интересной религіозной основы даннаго ряженья и археологическаго матеріала по предмету касается любопытная статья гр. А. А. Бобринскаго. [Объ одной изъ фресокъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Письмо профессору Кондакову.] Въ Зап. Русск. Арх. Общ., н. с., т. IV., стр. 81—92.

зданія есть каменный массивъ римской кладки „въ рустикъ“, всюду глухо закрытый, и съ небольшими окнами квадратными и круглыми, для освѣщенія подклѣтвъ. Второй ярусъ, расчлененный аркадами, на толстыхъ колоннахъ изъ зеленого мрамора, наполненъ зрителями. Верхъ какъ бы задѣланъ рѣшетками, или окнами, на подобіе тѣхъ, что въ св. Софіи. Въ большой ложѣ сидитъ царь, въ боковой — чины (иные стоятъ со спущенными длинными рукавами съ обѣихъ рукъ — именно „спустя рукава“ въ знакъ придворнаго почтенія).

Театральный
характеръ
церемоній.

Все это было, дѣйствительно, исполняемо какъ театральное представленіе, съ точнымъ порядкомъ мѣстъ для сената, чиновъ, гвардіи и дипломовъ, съ устройствомъ группъ и рядовъ, выдвинутыхъ или задвинутыхъ, подобранныхъ по рангу и, какъ увидимъ, по цвѣту одеждъ, съ церемониальными движеніями и жестами. Такое внѣшнее воспитаніе переносилось изъ константинопольскаго дворца всюду въ провинціи, гдѣ стратеги имѣли свои дворцы и приемы, и къ варварскимъ ханамъ, королямъ и архонтамъ. Тѣ же живыя картины переходили изъ дворца на площади столицы, въ большія и малыя церкви, на форумъ и во Влахерны, въ праздникъ сбора винограда — за городъ и на берегъ моря,¹ и съ удвоенными силами исполнялись на глазахъ народа въ ипподромѣ. Все происходило чинно, по порядку, чины вводились въ присутствіе царя вилъ за виломъ, т. е. открывалась завѣса, входила группа и устанавливалась, затѣмъ другая — старшіе прежде младшихъ — и т. д. по старшинству, совершалось преклоненіе и открывалось совѣщаніе или начиналась какая либо церемонія.² Но даже при ежедневныхъ выходахъ, когда все совершалось среди своихъ, т. е. гетерій или дружинъ, примикирія и папія, все идетъ по чину; койтониты приносятъ царской скарамангіи, царь одѣвается въ него и молится въ нишѣ Золотого Триклина, затѣмъ сѣвъ на золотое кресло, приказываетъ позвать логовета, его вводятъ, онъ совершаетъ метаніе, царь отпускаетъ всѣхъ.³ По воскреснымъ днямъ царь бываетъ въ плащѣ, собираются магистры, патриціи и чины въ красныхъ плащахъ, а по буднямъ въ скарамангіяхъ; если же при этомъ бываютъ язычники — ἑθνικοί, то, не надѣвая стеммы, царь имѣетъ на головѣ кесарскій вѣнецъ; то же бываетъ и на вечернихъ выходахъ, только вмѣсто скарамангіевъ вельможи надѣваютъ колловіи.⁴ Очевидно, всякое собраніе было тѣсно связано съ облаченіями царя и чиновъ, а также переодѣваніями во время самыхъ церемоній.⁵

¹) [См. I, 78, 373—375.]

²) [О процедурѣ введенія по виламъ см.: Д. Θ. Бѣляевъ: Byzantina II, 61.]

³) [См. II, 1, 518—521; также J. Ebersolt, Mélanges, 13—16.]

⁴) [III, 1, 521—522.]

⁵) [Матеріалъ, касающійся облаченій царя на праздничныхъ процессіяхъ изложенъ въ 37 главѣ I книги (187—191). При этомъ помимо переодѣваній, связанныхъ съ тѣмъ или инымъ способомъ передвиженія или т. п. (напр. при далекихъ поѣздкахъ верхомъ или на лодкѣ одѣвается скарамангіи или колловіи, а при шествіи пѣшкомъ — дивитисій и т. д.), существуютъ перемѣны чисто т. ск. декоративнаго характера, напр. коронъ, если при выходѣ изъ дворца надѣвается зеленая или голубая, то при возвращеніи — красная или бѣлая и наоборотъ.]

4.

Царскій вѣнецъ или корона, прежде всего уже какъ головной уборъ, Корона. игралъ важнѣйшую роль въ царскомъ облаченіи, со времени же Юстиниана эта роль стала первоклассною, потому именно, что съ этого времени была установлена та особая форма царскаго вѣнца, по которой онъ сталъ называться стеммою (τὸ στέμμα) и форма эта стала для всѣхъ, безъ исключенія, запретною. Повидимому, съ VI по XI вѣкъ стемму носилъ только царь Византіи, и никому (даже, видимо, Болгарскому царю не было дано стеммы, а потому и все облаченіе для него было получено изъ Рима) эта форма не была жалована, и ближайшіе къ царю саны имѣли только вѣнецъ.

Стемма образовала сначала широкой золотой обручъ,¹ съ крестикомъ въ очельи, но затѣмъ дополнена была внутреннею шелковою тульею и двумя золотыми дужками, въ перекрестье которыхъ стали ставить крестикъ на шарикѣ-державѣ. Въ XII вѣкѣ² форму упростили, принявъ форму персидской тиары,³ которая сохраняла нижній узкій (по головѣ плотную) обручъ, а выше раздавалась на подобіе полушарія и тоже имѣла сверху крестъ на его серединѣ.

Въ отличіе отъ царской стеммы кесарскій вѣнецъ (στέφανος) былъ обручъ, Кесарскій вѣнецъ. безъ креста надъ нимъ, также было и позднѣе, сначала простой съ „очельемъ“ въ видѣ драгоценнаго камня, какъ у Кодина находимъ при Іоаннѣ Кантакузенѣ для кесаря и севастократора (στεφανούς... ἔχοντος... ἔμπροσθεν ἀνὰ μίαν καὶ μόνην καμάραν⁴). Въ главѣ XVIII [онъ же сообщаетъ], что деспотъ получаетъ изъ рукъ царя вѣнецъ съ 4 арочками (камарами) спереди, сзади и съ боковъ и такой „стефанъ“ называется στεμματογύριον.⁵ Обычно деспотъ для „покроя“ головы (τὸ περιάλυμμα) имѣетъ σκιάδιον ὀλομάργαρον, т. е. шапку, изъ шелковой матеріи на проволоку, унизанную жемчугомъ, которой а и ръ (ἀήρ — тулья) или покровъ шара имѣетъ вышитое темнымъ шелкомъ имя владѣльца, при чемъ, если деспотъ молодъ, то во дворцѣ не имѣетъ ничего на головѣ.⁶ Севастократоръ получаетъ скіадій, красный съ золотомъ, шелковый, равно красный гиматій.⁷ Такого рода шапки чиновъ были или бѣлыя, или свѣтлыхъ цвѣтовъ: лимоннаго, бирюзоваго и т. д., иногда большихъ размѣровъ и надѣвались у себя во дворцѣ, внѣ приемовъ, царями. Что же касается стеммы, то по ея поводу установился особый церемониаль: только

¹) [О замѣнѣ діадемы-повязки обручемъ см. J. Ebersolt: Les arts somptuaires, 18—20.]

²) Такое заключеніе надо принять потому, что венгерская корона, сдѣланная на подобіе стеммы, но изъ обруча и византійской звѣздицы (въ листѣ которой вправленъ крестикъ и потому спадаетъ), имѣетъ ту же форму, но безъ тульи. См. мою „Исторію византійской эмали“. [Также: Изображенія русск. княж. семьи, стр. 64 и слѣд.]

³) См. комм. Рейске р. 45 и описаніе стеммы у Анны Комниной: τὸ βασιλικὸν διάδημα — ἡμισφαίριον εὐγυρον τὴν κεφαλὴν διαθεῖ πανταχόθεν μαργάρους κοσμοῦμενον.

⁴) [De offic., XIX, 101.]

⁵) [Ibid., III, 13—14.]

⁶) [Ibid., 100.]

⁷) [Ibid., 15.]

препозиты двора имѣли право подавать ее царю, и онъ снималъ ее лишь въ церкви, войдя черезъ среднія врата.¹ Особымъ, но постояннымъ украшеніемъ были три жемчужныя низки или цѣпочки, висѣвшія съ обруча стеммы отъ ушей до плечъ, называемыя *σεῖα* или *κατασειστα* (*κρεμαστάρια*), видимо также заимствованная изъ Персіи.² Рано начавшійся у византійскихъ царей³ обычай жертвовать въ чтимыя церкви къ престолу отъ себя золотой вѣнецъ или самую стемму распространился и у варварскихъ царей и королей, и благодаря сохраненію ихъ въ ризницахъ церквей, мы имѣемъ желѣзную корону лангобардскихъ королей, короны вестготскихъ царей изъ клада Гваррара, все вотивныя вѣнцы изъ листового золота и всѣ малаго размѣра. Тексты книги Константина говорятъ о вѣнцахъ по поводу разныхъ храмовъ Константинополя. При описаніи убранства камаръ (нишъ) Золотого Триклина на большомъ приемѣ пословъ говорится, что тамъ висѣли, среди драгоценныхъ эмалей, и стеммы царскія, взятая (на этотъ случай) изъ храма свв. Апостоловъ — зеленая стемма съ голубемъ (подъ нимъ висѣла стемма надъ престоломъ) и крестомъ (кресты висятъ подъ вѣнцами вестготскими) подъ нею. Изъ ц. Богоматери Фарской — также стемма голубая (*βένετον*), также съ голубемъ и крестомъ, и такая же стемма изъ церкви св. вмч. Димитрія: всѣ стеммы были пожертвованы Константиномъ Порфиророднымъ,⁴ ихъ же цвѣта; явно, относятся къ аиру или тульѣ стеммы, такъ какъ обручъ стеммы, какъ бы ни былъ убранъ жемчугомъ, или яхонтами, лалами и изумрудами, не можетъ казаться и быть названъ бѣлымъ, голубымъ или зеленымъ.⁵ Понятно, далѣе, что эта форма стеммы была

¹) Const. P. De cerimoniis, I, 18, 109 передаетъ, что когда царю случится ѣхать на лодкѣ въ Пиги [т. е. храмъ Богородицы Источника, куда совершался выѣздъ на Вознесеніе], и онъ высадится за городомъ, то препозитъ надѣваетъ на него стемму, только внутри круга архонтовъ кувуклія, чтобы *ἐπιπροσθε βαρβάτων* царю *μη στέφροσαι*, какъ о той же церемоніи говорится и въ другихъ мѣстахъ. [Въ другихъ случаяхъ царь надѣваетъ или снимаетъ вѣнецъ внутри завѣсы, или въ мутаторіи, или же просто въ присутствіи только кувуклія, см. I, 1, 9, 14; 9, 64; 23, 132; 26 145; *arend. ad I. I.*, 502; и т. д. О сниманіи стеммы при входѣ въ храмъ см. Д. Θ. Бѣляевъ, *Byzantina II*, 150. Интересное указаніе, что царь иногда не надѣвалъ стеммы по случаю св. р. траура, напр. послѣ какого либо общественнаго бѣдствія, есть у Теофана, *Chronogr.*, подъ годомъ 6050 (*Migne, P. G.*, 108, col. 508), гдѣ говорится, что Юстиніанъ не надѣвалъ стеммы послѣ землетрясенія въ теченіи 40-а дней.]

²) Кодинъ гл. VI, р. 53—54. Возможно, что эти цѣпочки замѣнили собою тѣ шнуры прежней діадемы, которые у персидскихъ царей вѣютъ за головою, когда они скачутъ на охотѣ, и тѣ же у ангеловъ за ушами. [О нихъ см. коммент. Рейске, 688 sqq.; первый терминъ встрѣчается у Кодина, *De off.*, III, 13, 15; второй — у Конст. Порф., *De ser.*, II, 15, 582; также J. Ebersolt. *Les arts somptuaires*, 34.]

³) [См. указанія по этому поводу у Ebersolt, о. с., 32.]

⁴) III, 15, 581—582.]

⁵) Въ изданіи Heffner v. Alteneck, *Trachten des christlichen Mittelalters*, I, на I таблицѣ, представляющей имп. Генриха II (ум. 1024), изъ его подноснаго Миссала, рукописи, подаренной имъ собору въ Бамбергѣ (нынѣ въ Мюнхен. библ.) императоръ представленъ по византійски, внутри аркады, на тронѣ въ орнатѣ: стемма на его головѣ изъ золотого обруча, „внутри покрыта краснымъ шелкомъ или бархатомъ“. Креста нѣтъ, и стемма эта —

неудобна и слишкомъ сложна, особенно при частомъ сниманіи или надѣваніи, какое приходилось дѣлать на выходахъ въ церкви, и тулья или аиръ была соединена съ обручомъ въ одно цѣлое, притомъ въ полуперсидской формѣ тіары, и имѣла крестикъ на срединѣ наверху. Имѣя стемму на головѣ, царь, по словамъ Кодина,¹ никакого иного облаченія не носитъ, какъ саккосъ и „діадему“, т. е. лоръ по древнему.

Тотъ же Кодинъ сообщаетъ, что царь можетъ даже и на выходѣ надѣть головной уборъ (*φόρεμα*), какой ему угодно — *τὸ δοκοῦν αὐτῷ φόρεμα ἢ ὡς ἢ κρινωνίαν ἢ τετραφύλλον* (подразумѣвается легкій вѣнецъ съ лиліями или четверолистникомъ по краю золотого обруча) и тогда онъ надѣваетъ обыкновенное платье (*ῥοῦχον*), только низаное жемчугомъ.² Равно царь можетъ надѣть *ἐπιλουρίκιον*³ — военный плащъ [и факеolidу (*φακεολίδα*)] или кабатъ и *φυαλίν* на головѣ (о чемъ см. ниже), вообще говоря, разные головные уборы, на примѣръ, такъ наз. *τροπαίουχίαν*, когда нибудь Юстиніановъ вѣнецъ (*Ἰουστινιάνειον*) или же *ὑπέροτρον*, „которыхъ схемы (*σχήματα*) разбирать здѣсь не мѣсто“, говоритъ Кодинъ.⁴ Затѣмъ у него начинается общее мѣсто о священномъ значеніи стеммы⁵ и о томъ, что при ней обязательно было надѣвать лоръ, который, какъ Кодинъ выражается, „нынѣ зовется діадемою“. Такое священное значеніе стеммы и лора въ данное время подтверждается точно и тѣмъ, что византійское искусство избрало въ это время почти исключительно иконописное изображеніе царя: въ лорѣ и стеммѣ.⁶ Что же касается хламиды, или какъ ее стали называть, мантии — *μανδύον*, *μανδύη*,⁷ то ставъ церковною одеждою епископовъ,⁸ пурпурная мантия предоставлялась при дворѣ вдовствующей царицѣ, вмѣстѣ съ чернымъ платьемъ.⁹ Было бы излишне перебирать всевозможные головные уборы по текстамъ Кодина, пока нельзя сопоставлять ихъ имена и краткія описанія и указанія съ опредѣленными изображеніями на памятникахъ.

И ранѣе временъ Кодина, царь, ѣдучи на конѣ, надѣвалъ уже легкую шелковую тіару или туфу, плотно сидѣвшую на головѣ и имѣвшую, по персидски, высокій плюмажъ, какъ видно по изображенію конной статуи

кесарикій. [О цвѣтахъ стеммы см. I, 37, 187—191, гдѣ указано когда какого цвѣта стемму царь одѣваетъ. Онѣ были 4-хъ главныхъ византійскихъ цвѣтовъ: бѣлая (*λευκά*), красная (*ῥοῦχα*), голубая (*βένετα*) и зеленая (*πράσινα*.)]

¹) *De offic.*, VI, р. 50.

²) *De off.*, VI, 47.

³) [О немъ см.: *De ser. App. ad I. I.*, 500, 505; статью Д. Θ. Бѣляева, Ж. М. Н. П., 289, и *Rec.-Kondakov*, 221.]

⁴) *De off.*, 50—51.

⁵) [Ibidem, 51: перечисляются царскія атрибуты, крестъ въ рукахъ царя показываетъ вѣру во Христа, стемма — честь, поясъ (діадима, т. е. лоръ см. выше) — его воинское званіе (*στρατιώτην*), темный саккосъ — тайну царствія, наконецъ акакія, о которой см. ниже. Въ отношеніи стеммы ср. данныя книги о церемоніяхъ, см. выше, прим. 1 на стр. 220.]

⁶) [Изображенія см.: J. Ebersolt, о. с., fig. 55, 56, 60, также 50, 43 и др.]

⁷) [См. также *Recueil-Kondakov*, р. 225.]

⁸) *De off.*, XX, 105.

⁹) *Id.*, XVII, 91.

Измѣненія въ формѣ стеммы.

Иные царскіе головные уборы.

Тіара.

Юстиніана¹. Равно и у себя во дворцѣ стемма надѣвалась лишь временно на выходахъ, а въ малыхъ собраніяхъ царь носилъ на головѣ разнаго рода шапки, ради тепла, при крайнихъ переѣнахъ тепла и холода въ залахъ и корридорахъ, на дворахъ и террасахъ того ряда дворцовъ, которые составили къ X вѣку то, что называлось дворцомъ. Стемма, благодаря металлическому обручу, камнямъ, была тяжела и при конной ѣздѣ, могло легко случиться, чтобы она упала. [Случай, происшедшій при Теофилѣ,² когда, какъ сообщаютъ хронисты, упала золотая туфа статуи Юстиніана, указываетъ, что на ук. рис. статуи изображена именно тиара — туфа.]

Головные
уборы
приближенныхъ
чиновъ.

Стемма въ X вѣкѣ была только вѣнцомъ царскимъ и, если былъ еще деспотъ, то вѣнцомъ для обоихъ. Уже кесарь и иные къ нему приравниваемые саны: новеллиссима, позднѣе — севастократора, имѣли только обручъ, или кесарикій *χωρίς σταυροῦ τύλου*, т. е. безъ креста.³ Санъ кесаря былъ, однако, еще и высшимъ военнымъ чиномъ для царскаго брата и сына и помимо вѣнца и хламиды долженъ былъ носить военный сагій — короткій плащъ и шлемъ *galea caesaricia*, — обстоятельство, которое должно имѣть въ виду при разборѣ различныхъ королевскихъ и великокняжескихъ вѣнцовъ Европы. Кординъ указываетъ у деспота *σκιὰδιον ὀλομάραρον* — т. е. шапку — скуфью, закрывающую отъ солнечныхъ лучей голову, и всю сплосшь унизанную жемчугомъ: шапки, всѣ варварскаго происхожденія, носили русскіе великіе князья и затѣмъ цари у себя дома.⁴

Скиадій.

Но, вѣроятно, этотъ скиадій былъ отличенъ и нѣкоторыми особенностями, ибо Кординъ сообщаетъ, что деспотъ сохранилъ подвѣски (*τὰ σεία βασιλικά*), какъ и красную царскую обувь.⁵ И затѣмъ у того же Кодина есть особая записка о производствѣ (*προβλήσεως*) въ деспоты, причемъ и деспотъ, павъ ницъ, цѣлуетъ ногу царя, получаетъ особый вѣнецъ (*στέφανον*), съ камнями и жемчугомъ и съ малыми арочками (по старому кютцамъ — *καμάρας*) сзади, спереди и сбоковъ, т. е. иначе говоря, діадему золотую створчатую на шарнирахъ изъ кютцевъ съ камнями или эмалями, какова, на примѣръ, эмалевая діадема Константина Мономаха въ Пештскомъ

¹ Если же мы находимъ въ миниатюрахъ, напротивъ того, царя или короля, ѣдущаго въ вѣнцѣ, какъ, на примѣръ, на миниатюрѣ въ томъ же альбомѣ Гефнера, I, табл. 24, изобр. Конрадина Гогенштауфена (умр. 1268) на соколиной охотѣ, правда, въ перчаткахъ кожаныхъ, для того необходимыхъ, но въ коронѣ то потому, что здѣсь возобладали и конная манера. Проводникъ сзади, главный королевскій ловчій, въ одеждѣ разнѣной, съ башлыкомъ. [Изображеніе конной статуи Юстиніана по рисунку XIV-го вѣка см. у Д. Θ. Бѣляева, *Byzantina* III, рис. 24 (З. К. О. Р. А. О. IV, стр. 167). Соответствующія мѣста Конст. Порфир.: I, 10, 80; 17, 104; 37, 188; app. 505 и т. д. Также *Byzantina* III, 165, пр. 2; и *Reiske*, комм. 591.]

² [Объ этомъ событіи *Byzantina* III, тамъ же, стр. 166.]

³ [О немъ: II, 52, 712; I, 43, 219 и слѣд. Также *Reiske*, 264 и 583.]

⁴ [О скиадіяхъ см. *De off.* III, IV, 13—28, а также Н. П. Кондаковъ: Изобр. р. кн. семьи., стр. 74 и сл.]

⁵ *Ibid.*, III, 13.

Музеѣ.¹ Видимо, съ XIII вѣка цари Византіи вынуждались придумывать почетные вѣнцы для европейскихъ владыкъ, и самое названіе такого вѣнца (*ὁς δὲ στέφανος καλεῖται καὶ στέμματοῦριον*).² Такъ Іоаннъ Кантакузень далъ своимъ шурьямъ Мануилу и Іоанну Асѣнямъ stefаны деспотовъ, но съ одною камарою.³

Также далеко отошли отъ римской древности и царскія облаченія въ Византіи, конечно, не потому, что о нихъ много думали и разсуждали, такъ какъ и этою важною статью управляло тоже время, съ его новыми требованіями, уступками и модами. Царскимъ одѣяніемъ въ V вѣкѣ еще былъ бѣлый дивитисій — хитонъ съ широкими рукавами, сжатыми у кисти, пурпурная хламида или длинная мантия темно-лиловаго цвѣта, съ золотымъ тавліемъ на ея лѣвомъ борту, и кампагіи или башмаки бѣлые съ пурпуромъ.⁴ Когда царь принимаетъ воинскихъ чиновъ на выходѣ, они должны быть тоже въ кампагіяхъ (I, 91; II, 52). Бѣлый дивитисій смѣнился рано, какъ и другая нижняя одежда, голубымъ, и византійскія миниатюры IX—X вѣка обычно даютъ этотъ цвѣтъ какъ царскому дивитисію, такъ и туникамъ царскихъ спаѳаріевъ, а равно и придворныхъ вообще. Возможно, что и въ Византіи голубой — небесный (*οὐράνιος*)⁵ цвѣтъ сталъ изъ подражанія, эмблемою царства, какъ онъ былъ въ Египтѣ, повидимому, судя по эмалевымъ украшеніямъ царскихъ принадлежностей, и какъ въ Китаѣ, гдѣ издревле составлялъ достояніе китайскаго императора. Дивитисіи обычно украшались по вороту или оплечью изъ золотой ткани, такими же налокотниками и наплечниками и накоонецъ по подолу. Неизвѣстно, какой видъ украшенія назывался парагаудами,⁶ искаженнымъ латинскимъ терминомъ; дивитисій — также латинское прилагательное — *divitensis*, неизвѣстнаго значенія, но, повидимому, именуется то, что въ III вѣкѣ называлось далматикою, былъ полурим-

Царскія
облаченія.

¹ О ней см. въ моей Исторіи византійской эмали, собранія А. В. Звенигородскаго, 1889 г.

² *De off.* XVIII, 100.

³ *Ibid.* XIX, 101.

⁴ [См. также: *Recueil-Kondakov*, 218—219, 224, 227.]

⁵ [См. О символикѣ цвѣтовъ въ ихъ названіяхъ при кликахъ въ ипподромѣ ук. ст. G. Millet въ *Recueil-Kondakov*, 281.]

⁶ Въ кн. II, гл. 25 (624—627) о производствѣ кувикуларія передается, что новаго чина стараются просвѣтить заранѣе, по поводу его, такъ сказать, священной обязанности, столь близкой къ царю, тѣмъ, что всѣ вравіи — знаки его чина — вѣшаютъ въ дворцовой ц. Теодора, притомъ *τὸ χρυσοῦν παραγαυδίον* вѣшаютъ *εἰς τὰς κίχλιδας τοῦ βήματος*, и указывая объясняютъ, что значить освященіе этого облаченія (или его части?) у св. вратъ, и надѣвая лобызаютъ и т. д. Видимо, это крупная и притомъ отдѣльная часть одежды или оплечье, или родъ передника и т. п. [Обычно считается, что это галунъ или кайма, въ особой формы украшеніяхъ (на подобіе буквы Г — углами) нашивавшаяся на одежду. См. перечисленіе текстовъ и указаній по этому поводу въ статьѣ Н. М. Бѣляева: Украшенія поздне-античной и ранне-византійской одежды, *Recueil-Kondakov*, 215—222. О дивитисіи: Д. Θ. Бѣляевъ: *Byzantina*, II, 50—57 и Облаченіе императора на Керченскомъ шитѣ, Ж. М. Н. П., 289, 343—356.]

скою, но провинціальною одеждою. Хламида была греческою мантиею, кажется іоническою въ частности¹; пурпурная хламида — специальное облачение архонтовъ, никогда не перекидывалась концомъ черезъ лѣвое плечо, какъ гиматій, а потому была, во-первыхъ, короче и не четырехугольнымъ, но нѣсколько округленнымъ или даже овальнымъ платомъ, такъ какъ должна была застегиваться на правомъ плечѣ фибулою,² оставляя правую руку неприкрытою и свободною и имѣя сзади достаточную длину. Хотя сначала хламида была тоже походнымъ плащемъ римскаго императора, но съ появленіемъ моды на короткіе варварскіе саги, хламида стала типичнымъ сенаторскимъ и патриціанскимъ облаченіемъ.

Лоръ. Сакральный, болѣе магическій характеръ царскихъ облачений и уборовъ особенно сказывается въ лорѣ, который составляетъ особое отличіе немногихъ высшихъ чиновъ изъ патриціевъ, числомъ не болѣе 12 при дворѣ и въ то же время является выходнымъ параднымъ облаченіемъ въ большіе праздники. Отсюда о лорѣ говорится часто у Константина, но ничего не объясняется ни о его происхожденіи, ни о назначеніи, тогда какъ часто указывается, какъ и когда хламида надѣвается и снимается. Въ лорѣ и хламидѣ царь предстоить чинамъ, на выходѣ, на эстрадѣ и пр., но никогда въ нихъ не обѣдаетъ, не выходитъ и не выѣзжаетъ изъ дворца, и понятно и то и другое — такого рода облаченія, въ которыхъ все это было бы крайне неудобно. Но между лоромъ и хламидою есть большая разница, и эту разницу даетъ почувствовать даже и сухая на объясненія книга Константина. Хламида — мантия воинскаго, лагернаго типа, тогда какъ лоръ есть преобразенная³ сотнями лѣтъ консульская трабея (trabea) или toga praetexta. Консулы VI вѣка представляются обычно на диптихахъ въ такихъ тогахъ: длинный платъ, окутываетъ тѣло, начиная съ праваго плеча, проходитъ на лѣвое плечо, переходитъ по спинѣ и выходитъ справа изъ подъ правой руки, покрываетъ грудь и перебрасывается на лѣвое плечо. Названіе данное этой новой тогѣ, явно не церемоніальное, а, напротивъ того, грубо народное, прозвище — лоръ, значитъ вообще — ремень, узкій или

¹) [По вопросамъ одежды классической Греции см.: L. Heuzey: Histoire du costume antique. Paris 1922; специально главу о хламидѣ.]

²) Фибула была знакомъ кесарскаго сана, какъ видно изъ гл. I, 43 Конст. и потому имѣла, вѣроятно, особую форму. Возможно, что она имѣла кромѣ стержня и иглы, также тройную подвѣску изъ крупныхъ жемчужинъ, какъ видно на фигурѣ Θεοδοσία Великаго и какъ воспроизводилось въ русскихъ древностяхъ XI—XII вѣковъ. См. Рус. Древ. V, 148 и слѣд. [Фибулѣ въ Византіи посвящены: статья А. П. Калитинскаго о византійскихъ фибулахъ въ Россіи (Mélanges Usrenskij) и специальная работа (неопубликованная) Н. М. Бѣляева. Фибула въ Византіи. См. также статью А. П. Калитинскаго въ Seminarium Kondakovianum, I, 1927, 208—209.]

³) Съ другой стороны на Востокѣ, а именно въ Индіи, въ Раджпутѣ принцы въ XVII—и XVIII вѣкахъ носили длинные парчевые, перебрасываемые черезъ плечо, цвѣтные пояса: бѣлые, красные, золотые, какъ эмблему высшей власти. Здѣсь уместно припомнить, что и церковный омофоръ есть тоже сокращенный, благодаря постоянному употребленію, церковный лоръ.

широкій, но обычно изъ кожи, для конской сбруи и поясовъ людскихъ, для портупей (βαλτίδια) и т. д. Но въ то же время этотъ „ремень“, вѣрнѣе, узкій платъ, крайне длинный, охватывающій тѣло, сдѣланъ изъ парчи, или рытаго бархата (броката) или плотной шелковой ткани, которая допускаетъ посаженные въ гнѣздахъ драгоценные камни, обнизки изъ крупнаго жемчуга и подбивается обычно шелкомъ, но иного цвѣта. Естественно, что со временемъ значеніе лора затемнено было ролью хламиды, а употребленіе сильно ограничено, благодаря неудобству неподвижнаго держанія на вѣсу тяжелаго конца лора. Тѣмъ не менѣе, мы не только узнаемъ о выставочныхъ лорахъ у 12 чиновъ¹ и о лоратныхъ или, что то же, опоясанныхъ патриціанкахъ.² Съ одной стороны архитриклинь Филоей такъ описываетъ торжество пр. св. Пасхи при Львѣ Мудромъ: высшіе „чины блистаютъ (λαμπροφωροῦσι) лорами по типу погребальныхъ святыхъ Христовыхъ пеленъ“.³ Съ другой — Кодинъ лукаво мудрствуетъ⁴ называя лоръ діадемою, которая будто бы ранѣе была воинскимъ поясомъ (ζώνη στρατιωτική) и нынѣ поясняетъ честь, которую въ древности тираны древнихъ христіанъ — воиновъ по званію и „Христовой рати“ — снимали съ мучениковъ, отбирая поясъ и στρογγίον (гривну, витую изъ золотыхъ прутьевъ). Въ заключеніе должно сказать, что памятники и здѣсь превосходятъ своею историческою точностью историческіе тексты даже у греческихъ писателей, столь конкретно или реально мыслящихъ и говорящихъ. Правда, и здѣсь есть иконописное повтореніе принятыхъ типовъ, но все же эти типы могутъ быть сведены къ историческому оригиналу, тогда какъ описанія Константина и еще болѣе Кодина и ихъ мудрствованія идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Одно вѣрно: надѣтый лоръ не допускаетъ мантии и невозможенъ внѣ дворца, его роль исключительно дворцоваго парада и царь облачается въ него поверхъ дивитисія, кавадія и другихъ нижнихъ одеждъ. Если нужно было явиться внѣ дворца въ полномъ облаченіи, то служила хламида, или надо было заходить въ устроенную для того раздѣвальною — mutatorium (μυτατόριον) — своего рода актерскую уборную, чтобы облачиться, чего, конечно, не дѣлалось безъ крайней нужды. Но представленіе византійскаго царя въ искусствѣ исключительно двойное: древнѣйшаго типа въ хламидѣ пурпурной, позднѣе въ золотомъ лоронѣ или лорѣ⁵...

Въ IX—X вѣкахъ существовалъ у царей особый видъ верхней одежды Цицакій, или накидки — такъ называемый — цицакій (τζίτζάκιον), совершенно неиз-

¹) I, 1, 24.

²) I, 50, 259.

³) II, 52, 766. [Болѣе подр. см. II, 40, 637—639.]

⁴) De officiis VI, 50.

⁵) [О лорѣ см.: Д. Θ. Бѣляевъ, Byzantina II, 211 и слѣд., 284, 291, 300 и сл.; J. Ebersolt, Mélanges, p. 64 sqq. даетъ систематическое указаніе всѣхъ мѣстъ К. П. и литературы, Les arts somptuaires, p. 74—75, 102 (описание Robert de Clary лора на Балдуинѣ при коронаціи; ср. золотую буллу Балдуина, Д. Θ. Бѣляевъ, Byzantina III, рис. 25), 121 (свидѣтельство Кодина) и т. д.; изображенія лора fig. 13 (трабея), 34, 35, 36, 41, 43, 46, 50, 55, 56, 60, 61; также Byzantina II, табл. II, III, IV, V, VIII, IX.]

вѣстнаго вида и происхожденія (по одной схолиі¹ — именно хазарскаго), будто бы введеннаго въ обычай въ VIII вѣкѣ хазарскою принцессою, матерью Льва Хазара: повидимому, эта варварская одежда появилась въ VIII вѣкѣ, держалась до X-го и скоро затѣмъ вышла изъ употребленія. Изъ текстовъ Константина видно, что это была выходная одежда деспотовъ въ I-й день Пасхи, но она смѣнялась на лоры тотчасъ, какъ начинался пріемъ.² Далѣе изъ разсказа о прибытіи въ столицу Никифора Фоки 16-го Августа 963 г. узнаемъ, что онъ, вѣзжая верхомъ, имѣлъ на себѣ скарамангій на бобровомъ мѣху и, послѣ остановки на форумѣ, перемѣнилъ скарамангій на дивитисій въ мутаторіи ц. Богородицы и пошелъ пѣшкомъ въ св. Софію, гдѣ уже былъ устроенъ пріемъ дима, и, выходя оттуда, въ мутаторіи облекся въ цицакій и вошелъ въ храмъ черезъ царскія двери, и [по возвращеніи отъ святыхъ дверей (т. е. входныхъ въ алтарь, по нашему „царскихъ вратъ“) на амвонъ], патриархъ сотворилъ молитву надъ хламидою и чины кувуклія надѣли ее на царя (здѣсь записка обрывается и мы не знаемъ, была ли возложена корона и пр.).³ Итакъ, по этому разсказу цицакій не былъ мантиею, ибо входа въ алтарь въ немъ по обычаямъ быть не могло, и потому цицакій могъ быть только верхнею одеждою.⁴

5.

Перемѣна
въ одеждѣ.

Фактически вѣрно было бы то общее положеніе, что въ исторіи европейской одежды рѣшительный переломъ произошелъ въ эпоху переселенія народовъ. Уже, начиная съ III вѣка, была быстро проведена повсюду мода на далматику, шерстяную, широкую и съ широкими рукавами одежду, одновременно и мужскую и женскую. Грекоримскія одежды въ ихъ основныхъ типахъ: хитона или туники, гиматія или тоги и хламиды или сагія, къ III в. и въ разныхъ мѣстахъ имперіи уступили уже свое мѣсто подъ наплывомъ многочисленныхъ мѣстныхъ формъ одежды, которыхъ даже названій не найдется у историковъ, какъ извѣстно занятыхъ политическими фактами. Вотъ почему, рядъ именъ, сообщенныхъ у Константина, останется частью задачею со многими неизвѣстными, пока не разработается средневековой греческій языкъ и лексикологія передняго Востока. Предлагая со своей стороны, лишь общее обозрѣніе и краткую характеристику одеждъ и тканей, упоминаемыхъ въ книгѣ Константина, мы имѣемъ въ виду основную задачу настоящаго трактата, указать и опредѣлить тотъ переносъ формъ

¹) I, 1, 22, 19. Συχολ.

²) [I, 1, 22; также: I, 11, 86, 89; I, 12, 90; I, 14, 92; I, 16, 98; I, 25, 141—142; ср. I, 37, 187—188.]

³) [I, 96, 440; ср. I, 48, 192, откуда видно, что при коронаціи полагалось одѣвать цицакій и сверхъ него еще накидывать сагію, и I, 41, 213, гдѣ цицакій носитъ „малый царь“. Ср. G. Schlumberger. Un empereur byzantin au Xe s. 2e éd., p. 246—247.]

⁴) [О цицакии см.: Reiske, Comm. ad C. P. 126—127. Д. Θ. Бѣляевъ, Byzantina II, 199 (прим. 1) — 200. Н. П. Кондаковъ. Изображенія княжеской семьи, 89. J. Ebersolt, Mélanges, 56. Les arts somptuaires, 52].

азиатской культуры и древности, который былъ исполненъ варварами и способствовалъ наиболѣе переработкѣ грекоримской культуры въ средневековую. Исходя изъ того научнаго положенія, что культура идетъ отъ высшихъ классовъ къ низшимъ, отъ развитыхъ къ первобытнымъ, и равно отъ завоевателей къ покореннымъ, мы должны поставить Византію во главѣ средневековой Восточной Европы, а кочевниковъ средневековья принять въ качествѣ посредниковъ между Востокомъ и міромъ славяно-германскихъ племенъ. Такимъ образомъ мы могли бы имѣть руководящую нить, хотя бы для будущихъ археологическихъ изслѣдованій, которыя стануть возможными, въ результатѣ филологической и исторической разработки матеріаловъ.

Чтобы сразу установить высказываемый взглядъ на историческій ходъ развитія одежды, остановимся на одномъ текстѣ Евнапія въ его разсказѣ о впечатлѣніи, произведенномъ готѣми, переправившимися черезъ Дунай, съ согласія Валента, ввиду преслѣдованія ихъ гуннами въ 376 году¹: историкъ говоритъ, что въ лодкахъ съ готѣми переплывали и ихъ семьи и домашніе οἰκέται δὲ καὶ γυναῖκες καὶ παῖδες ἐκείνων οἱ μὲν βασιλικὰ παράσημα ἔχοντες.² Историкъ точно передалъ обычный фактъ украшенія дѣтскихъ одеждъ именно знаками отличія высшихъ классовъ, князей и т. д. въ простонародьи, въ глухихъ мѣстахъ, у варваровъ. Готѣ же были только ученики восточныхъ кочевниковъ, но они везли съ собою драгоценную посуду, восточные ковры и много шелковыхъ одеждъ. Что же несли Аланы, Авары, Гунны, Угры, Куманы и т. д. . .

Начнемъ съ краткихъ предварительныхъ замѣчаній. Византійскій дворъ и за нимъ книга Константина именуетъ всѣ придворныя одежды терминомъ: ἀλλὰξιμα,³ что соотвѣтствуетъ нашему слову: облаченія по главному признаку: это одежды смѣнныя, надѣваемые на время парада, а не постоянныя, которыя въ книгѣ „О церемоніяхъ“ подводятся подъ общій типъ „домашнихъ“ или же „внутреннихъ“ — ἐσωφόρια; хотя „облаченія“ у насъ приняты только для церковныхъ и, въ видѣ исключенія, царскихъ „коронационныхъ“ одеждъ, но греческій терминъ не можетъ быть передаваемъ и терминомъ мундиръ, ибо многія облаченія имѣли въ Византіи общее употребленіе для гражданскихъ и военныхъ чиновъ, и притомъ не были постоянными, ибо тамъ было принято за обычай, на великій праздникъ или на особое торжество, предлагать наряды чинамъ одною или нѣсколькими степенями выше, противъ ихъ должности, ради болѣе помпы.⁴ Затѣмъ въ византійской имперіи уже древнія греческія названія одеждъ или со-

¹) Ed. Vopp., p. 50.

²) Комментаторы, недоумѣвая въ фактѣ, предлагаютъ принимать παράσημα какъ signa regia, даже insignia regia, а другіе только bullas regias, или же только пурпуръ.

³) [Списокъ „аллаксимъ“ см. II, 41, 641.]

⁴) [Напр.: въ дни особо пышныхъ пріемовъ пословъ логоуетъ носить лоръ; см. II, 15, 577; магистры, носящіе лоры, въ такихъ случаяхъ даютъ свои стихаріи примикиріямъ, не имѣющимъ собственныхъ; ibidem, p. 574.]

Заемствованія
отъ „варва-
ровъ“.

„Аллаксимы“.

„Иматіи“ всѣмъ вышли изъ употребленія, какъ хитонъ, или измѣнили свое значеніе, какъ на примѣръ, *ιμάτια* значатъ всякаго рода одежды и верхніе плащи и нижніе кафтаны, судя по книгѣ Константина, но самъ древній гиматій это длинный и узкій четырехугольный плащ.¹ Наконецъ, наша книга знаетъ византійскія облаченія и одежды двоякаго мастерства: царскихъ мастерскихъ (*τὰ βασιλικά*, что значитъ также: царскихъ складовъ, царскихъ личныхъ одеждъ и царской семьи) и мастерскихъ форума (*ἐξ ἀγορᾶς ἀπὸ τοῦ φόρου*), равно, какъ и „прикладъ“ къ нимъ (отдѣльно): маніаки или оплечья, галуны и позументы (*μαρυέλλα* = коймы, плотные края изъ парчи, равно бахрома), лоры, наручи, наплечники (*μάνικα, κομπομάνικα*). Наконецъ, различались также *ιμάτια λιτά, παγανά* — одежды гладкія и будничныя, безъ украшеній, не золотканныя и не пурпурныя²...

Рубашка. Уже во времена Имперіи появилась въ Италіи и Греціи льняная рубашка или туника (галльскаго происхожденія) подъ названіемъ *camisia*, греч. *καμισίον*, откуда французское *chemise*. Это была короткая туника, которая, въ отличіе отъ хитона, хотя бы и короткаго мужского, прилегалла плотно къ тѣлу, была изъ льна и чаще некрашеннаго, мылась и, слѣдовательно, играла какъ будто роль прежняго хитона, вѣрнѣе хитониска. Такъ какъ льняныя ткани вообще шли въ началѣ среднихъ вѣковъ изъ Египта, то понятно, что полотняная рубашка натурального цвѣта стала именно домашнею одеждою — дѣтскою (*puellare lineum*), солдатскою (*campestre subtile*) или лагерною, подъ курткою. Какъ издѣлія изъ александрійскаго льна (съ пурпурными полосами) послѣ завоеваній Ислама появились у Славянъ, въ иномъ климатѣ, льняная рубашка получила тамъ соотвѣтственное названіе *сарка*, *срачица*, *сорочка*, что происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ греч. *σάρξ* — тѣло, *сорочка* — тѣльникъ, вмѣсто греч. *σαρκίνα*, латин. *sarcina*.³ Изъ древнегреческаго быта извѣстна рабочая туника *ἐξωρίς*⁴ — накинутая на одно плечо безрукавка и у пастуховъ, состоявшая изъ овечьей шкуры, а также изъ грубой шерсти или кусковъ рядна, что могло называться рубашка, по догадкѣ проф. Нидерле. Но въ V—VI вѣкахъ *camisia* стала приготовляться изъ пурпурныхъ матерій (*blattea interula*) и шелковыхъ съ отдѣлкою (*ornata*) и тогда стала уже своего рода верхнею одеждою, какъ кумачевая рубашка русская, которая преимущественно дѣлалась красною. Книга Константина знаетъ явно выходную одежду (отсюда ср. родъ) *καμισίον*, а нижняя полотняная называется въ этой книгѣ *ὑλοκαμισίον*...⁵

¹) [См. L. Heuzey. Hist. du cost. ant., p. 85.]

²) [См. списки одеждъ: App. ad I, 469—473; II, 44, 661—662; 45, 677—678.]

³) L. Niederle. Život starých Slovanů. I, 2, str. 446.

⁴) [О ней см. L. Heuzey. Histoire du cost. ant., p. 52.]

⁵) Гоаръ въ примѣчаніи къ Кодику (гл. XII, р. 70), р. 318, къ слову *ὑλοκαμισα* — одѣяніе нищихъ, позванныхъ на Пасху на уможеніе ногъ императоромъ, въ числѣ 12, указывая на толкованіе этого слова старымъ: *ὑλοκαμισα ἦος χιτῶνας, κομποζουβράκια* (исподнія) *κα*

Персидская одежда *кабатъ* — *καβάδιον* или *καββάδιον* отъ перс. *каба*, *Кабатъ*, какъ *ἄβδιον* отъ *аба*, *βοοκαδιον* отъ *вогса* и пр., затѣмъ *кабатъ*, *кавадій* *Кавадій* (*сара, сарра, sarote, kabát* — чешск.) является въ Византіи верхнею одеждою язычниковъ¹ и, повидимому, не могъ сдѣлаться, при условіяхъ ея жизни, одеждою общою и обычною. Дѣло въ томъ, что *кабатъ* шился изъ плотной ткани, будь то шерсть или шелкъ, и прилегалъ плотно къ тѣлу. Напротивъ того, *кабатъ* былъ на всемъ Востокѣ издревле² обычною и зачастую единственною верхнею и выходною одеждою, какъ и доселѣ въ Индіи и Персіи съ нѣкоторыми вариантами въ длинѣ. *Кабатъ* можетъ быть ниже колѣнъ и подбитъ снизу легкимъ мѣхомъ и, въ такомъ случаѣ, имѣетъ пристежной мѣховой воротникъ. Ибн-Хаукаль сообщаетъ, что у Русовъ *кабатъ* короткій, тогда какъ у Хазаръ и Болгаръ *кабатъ* длинный, т. е. ниже колѣнъ.³ Кардизи (въ перев. Бартольда)⁴ знаетъ у русскихъ Славянъ одежду изъ полотна, стало быть, рубашку, и при ней верхнюю одежду и сапоги. Ибн-Фадланъ (въ перев. Гаркави) видѣлъ на вельможѣ изъ Русовъ (могли быть и славяне, и варяги, и, даже, болгары) *кабатъ* изъ *дибаджа* съ золотыми пуговицами, на головѣ *калансу* изъ той же шелковой ткани, подбитой собольимъ мѣхомъ, шаровары и сапоги.⁵ Для нашей задачи мало важна въ данномъ случаѣ ошибка въ племени, такъ какъ дѣло идетъ, очевидно, о такомъ общемъ употребленіи *кабата* въ IX—XII столѣтіяхъ, при которомъ уже несущественно точное опредѣленіе національности лица, одѣтаго въ извѣстное время какъ всѣ. Если ибн-Фадланъ сообщаетъ, что Руссы не носятъ ни куртокъ, ни кафтановъ (перев. Гаркави),⁶ то вѣдь и о Славянахъ имѣемъ подробное извѣстіе Прокопія (В. г., III, 14),⁷ что „у нихъ нѣтъ ни хитона, ни плаща,

λαπούτζια, извлекаетъ для натѣльныхъ сорочекъ изъ Свиды толкованіе: *ἐσθότατα ιμάτια*, у Симона Порція *ὑλοχιτῶνας, ἐχέσαρκα, ἐνδοτάτους χιτωνίσκους*, *upo verbo* словомъ — *interulas*. Итакъ, въ той торговлѣ александрійскими тѣльниками изъ льна и нашлось только одно греческое слово: *ἐχέσαρκα* или *σάρκα = σαρκίνα = сраца, сорочка*. [Указанія на упоминанія *камисія* у К. П. см. J. Ebersolt, Mélanges, 72. Объ одеждахъ византійскихъ солдатъ, называвшихся *σάρκακας* см. Recueil-Kondakov, p. 215.]

¹) Въ книгѣ Константина (II, 52, р. 749) по случаю перечня всего персонала, приглашаемаго на пиръ въ 4-й день Рождества Христова, говорится, что должны быть позваны и всѣ служашіе (*βασιλικούς ἀνθρώπους ἐθνικούς πάντας*) язычники, и что ихъ должно допускать въ ихъ собственномъ языческомъ нарядѣ (*μετὰ τὸ ἐθνικὸν ἴδιον σχῆμα*), именно въ такъ называемомъ у нихъ *кавадіи* (*οἶνονεὶ τὸ λαὸν αὐτῶν ἐπιλεγόμενον καβάδιον*). Между этими язычниками называются Фарганы, Хазары, Агаряне, Франги и пр.

²) Классическая археологія знаетъ уже среди статуй Эгинскаго фронтона фигуру въ узкой рукавной одеждѣ, прилегающей къ тѣлу — *σκαμίτιον*, но относитъ ее также къ изображеніямъ варваровъ.

³) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. СПб. 1870, стр. 221.

⁴) В. В. Бартольдъ. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, т. I. Тексты. СПб. 1898 г.

⁵) Гаркави, стр. 98.

⁶) Тамъ же, стр. 93.

⁷) L. Niederle. Život star. Slov., I, 1, 26.

а только одни штаны“, но это извѣстіе относится къ Славянамъ, какъ выступавшимъ въ бою, а такому „разоблаченію“ есть примѣры и позднѣе древнихъ Славянъ. Отсюда кабатъ = жупанъ = кафтанъ былъ у восточныхъ кочевниковъ обычною одеждою, и мы, дѣйствительно, находимъ кабатъ у кочевыхъ Болгаръ — на болгаринѣ палачѣ въ миниатюрѣ Ватиканскаго Менологія XI вѣка¹ въ точномъ воспроизведеніи: тѣсный, узко-рукавный, въ длину до колѣнъ, разрѣзанный на бокахъ, и также на груди, гдѣ застегивается металлическими аграфами, и съ пристежнымъ мѣховымъ воротникомъ, или мѣховой, какъ русскій, полушубокъ и болгарскій кожухъ. Въ той же рукописи видимъ щегольской кабатъ другого палача изъ дорогой, узорчатой ткани. Въ тѣхъ же формахъ былъ усвоенъ кабатъ всѣми славянами отъ кочевниковъ, какъ русскими, восточными и южными, такъ и западными, славянами (поляками и чехами). Сыновья вел. князя Святослава всѣ пятеро на миниатюрѣ Изборника Святослава² представлены въ кабатахъ, но мѣховой воротникъ представленъ здѣсь золотнымъ точно той же формы, какъ и мѣховая калансува смѣнилась здѣсь синею шелковою. Проф. Нидерле указываетъ, что кабатъ сталъ съ X—XI вѣка всеславянскою верхнею одеждою и по поводу его персидскаго происхожденія приводитъ свидѣтельство самого Константина, что на рождественское пиршество „длинноволосыхъ“ (*κλήτωριον πολύτριχον*), т. е. варваровъ союзниковъ (*φίλους*) слѣдуетъ звать и сажать вмѣстѣ съ димархами обѣихъ партій и „царскихъ слугъ“ язычниковъ (*βασιλικούς ἀνθρώπους ἔθνηκούς πάντας, οἷον Φαργάνους, Χαζάρους, Ἀγαρηνοὺς, Φράγγους*) и состоящихъ вообще на иждивеніи царскомъ (*τῶν βασιλέων*), — *εἰσάγειν δὲ αὐτοὺς ἀπαντας καὶ ἔξάγειν μετὰ τὸ ἔθνηκὸν ἴδιον σχῆμα, οἶνονεὶ τὸ παρ' αὐτῶν ἐπιλεγόμενον καβαδίον*.³

Видимо, кабатъ гораздо скорѣе былъ усвоенъ сѣверомъ, русскими отъ гунновъ, чехами отъ аваръ, ибо пришелъ по климату, тогда какъ у византійскихъ чиновъ замѣнялся онъ камисіемъ и стихаремъ, у царя и высшихъ чиновъ — дивитисіемъ, прежде всего потому, что та и другая одежда были длиннѣе и избавляли отъ штановъ, хотя эти послѣдніе были уже въ употребленіи при короткихъ одеждахъ, преимущественно воинскихъ. Но, позднѣе, судя по книгѣ Кодина, кавадій сталъ излюбленною одеждою византійскаго двора, обычно наряду со скараникомъ, а, начиная съ великаго дуки, кавадій шелковый или парчевой является облаченіемъ: великаго логофета, приммикирія, контостава, логофета казны, протовестіарія и ряда придворныхъ чиновъ, друнгарія стражи.⁴ Въ санѣ деспота кавадій былъ пурпурный или красный, осыпанный жемчугомъ, по выбору.⁵ У великаго доместика кавадій двуцвѣтный, а коймы пронизаны золотомъ, у дуки

¹) В. Стасовъ. Слав. и восточный орнаментъ, I, L. Niederle, *Život*, str. 433, 455; рѣ. IV.

²) Н. Кондаковъ. Изображенія русской княжеской семьи, 1906. Гр. А. А. Бобринскаго Киевскія миниатюры XI в. Зап. Р. Арх. Общ. XII, 1—2.

³) II, 52, 749. L. Niederle, o. c., 455—456.

⁴) De off., IV, 18—21.

⁵) De off., III, 14.

парчевой или по выбору и т. д.¹ Царь, надѣвая кавадій, не носить стеммы, а особаго рода вѣнецъ, который у Кодина называется *φραλίον* (см. ниже) равно, какъ если онъ надѣваетъ *ἐπιλουρίδιον* — т. е. накидку поверхъ панцыря, то носить факеолиду, родъ тюрбана, въ видѣ натянутой на проволочный каркасъ легкой матерчатой шапки.² Кодинъ называетъ кавадій „ассирійскою“ одеждою, т. е. персидскою.³

Кабатъ сталъ затѣмъ при русскомъ дворѣ XVII в. мѣховою царскою одеждою, очевидно, по образцу не западному, но ближне-восточному, вѣроятно, ордынскому. Именно отсюда можно объяснить текстъ, приводимый Леграномъ, о кабатахъ, надѣтыхъ, чтобы прилично явиться къ царскому двору,⁴ въ XVII вѣкѣ, когда еще не забыли почетнаго значенія шубы. Очевидно, и въ Кафтанъ. отношеніи къ кабату, его тѣсный покрой, въ отличіе отъ всякихъ видовъ халата, сохранялся до конца, и полы кабата, какъ и кафтана, обычно застегивались, а не запахивались. Былъ правда и легкій кабатъ (*saba tachtanî*⁵) — именно нашъ кафтанъ изъ легкой шелковой ткани (но также сукна, бархату и т. п.) камки, тафты, объяри и пр., совершенно того же кроя, что и кабатъ, и также съ пристежнымъ воротникомъ, иногда стоячимъ — какъ мужская, такъ и женская одежда, и притомъ верхняя, съ мѣховымъ подбоемъ — ѣздовой кафтанъ, или холодный, безъ подкладки, кроя восточнаго, съ разрѣзомъ на лѣвомъ боку (турской кафтанъ).⁶ Кабатъ въ древней Руси остался старою царскою мѣховою одеждою, съ древними нарамниками или наплечными украшеніями, „съ дорогами“ по распашкѣ и подолу, и у царицъ съ мѣховымъ воротникомъ. Наконецъ любопытное описаніе одеждъ приводитъ проф. Нидерле изъ риёмованой хроники XIV вѣка, что князь Хорутанъ одѣвался „по деревенски“: ногавицы суконныя и черевики красныя съ ремнями, сѣрый суконный кабатъ безъ воротника, сѣрый плащъ изъ одного куска, и сѣрый клобукъ (по нашему — колпакъ). Но и такія облаченія имѣютъ примѣры и даже идутъ они отъ Атиллы длиннымъ рядомъ черезъ Омара и коренятся также въ кочевническомъ бытѣ.

Признакомъ культуры русскаго вельможи въ разсказѣ ибн-Фадлана было

Рис. 61. Изображеніе Хозроя I (въ „кабатѣ“?) на рѣзномъ камнѣ сассанидскаго блюда въ Луврѣ.

¹) De off. IV, 17—18.

²) De off. VI, 50—51.

³) Ibidem, 54.

⁴) Текстъ приведенъ при ст. П. А. Фурики о „кавадii“ въ Лексикографикѣ, т. VI, 1923, стр. 464.

⁵) См.: Рейске, комментарий къ Константину Порфирородному, стр. 880.

⁶) П. Савваитовъ Описаніе, подъ сл. кафтанъ.

то, что его кабатъ былъ легкій домашній кафтанъ изъ дибеджа, т. е. восточной шелковой парчи, тканной золотомъ. Совершенно понятно, если одежды изъ такой ткани въ просторѣчи получили характерную передѣлку въ divitensis, откуда на письмѣ образовалось точно διβητήσιον, какъ прилагательное къ кабату или кафтану...

Одинъ разъ въ книгѣ Константина одежда названа: στιχάριον διβητήσιον αὐρόπλαβον, и этотъ текстъ относится къ воцаренію Анастасія (записано или даже изъ древней записки переписано, вѣроятно, магистромъ Петромъ въ VI-омъ вѣкѣ).¹ Анастасій патрицій и сенаторъ былъ приведенъ въ Триклиній ипподрома изъ дому, и такъ какъ на немъ не было мантии, а дивитисій былъ домашняя одежда изъ тонкой и легкой шелковой ткани, и не было головного убора, то сказано, что „онъ взошелъ на каөизму нагимъ“ (γυμνός). Кстати говоря, греческій языкъ V—VI вѣковъ оставляетъ многого желать, (димы тогда, напримѣръ, кричали: τὸ ἔξερκίτον σου ἔγειρον²), а потому позднѣ поправляли, подводя къ среднему роду: στιχάριον διβητήσιον.³ Книга о „церемоніяхъ“ часто говоритъ о томъ, что царь утромъ къ приему выходитъ въ дивитисіи, а затѣмъ набрасываетъ мантию. Дивитисій, который виденъ на царѣ и въ миниатюрахъ IX—X столѣтій, имѣлъ длину до пятъ, украшенъ оплечьемъ (маніакіемъ) изъ золотной ткани и также окаймлень по подолу, сдѣланъ же изъ голубого (китайскаго или ему подобнаго) шелка. Дивитисій по широкимъ рукавамъ, охваченнымъ по запястьямъ — наручами (ἐπιμάνικα) изъ золотной ткани, походилъ на далматику, но былъ узокъ, плотно прилегалъ къ тѣлу и потому походилъ на стихарь. Этотъ послѣдній, какъ свѣтская и церковная одежда, надѣвавшаяся черезъ голову, украшался также по вороту и подолу, могъ быть поэтому выходною, и даже его покрой, безъ пояса, одежды, падавшей прямою линією, избирался для дивитисія, и такой нарядъ назывался двойнымъ именемъ: στιχάριον διβητήσιον. Поверхъ дивитисія надѣвался лоръ...⁴

Царь и высшіе чины Имперіи въ IX—X столѣтій, особенно воинскіе, но также и гражданскіе предпочтительно передъ всѣми иными одеждами излюбили скарамангій, одежду восточнаго, и, можетъ быть, также варварскаго происхожденія.⁵ При этомъ скарамангій, однако, еще не назначался никому, какъ почетная одежда по чину (βραβεῖον), и стратиги являлись во дворецъ на Пасху только въ домашнихъ или „въ своихъ собственныхъ“⁶

¹) I, 92, 423.

²) Ibid., 425.

³) Стихарь сталъ, какъ извѣстно, церковнымъ облаченіемъ, какъ одежда, не подпоясываемая, опускающаяся по одной линіи (στίχος — рядъ, ширинга и ширинка), безъ талии. Стало быть, таковъ же и дивитисій.

⁴) [О стихарѣ см.: Д. О. Бѣляевъ, Byzantina II, 53 слѣд. (прим.). J. Ebersolt, Mélanges, 72. О дивитисіи — указанія выше, стр. 223, пр. 6. и Ebersolt, o. c., 59—61.]

⁵) [Очеркъ о скарамангій напечатанъ на французскомъ языкѣ (въ переводѣ Prof. H. Grégoire) въ журналѣ Byzantion, t. I, 1924, p. p. 7—49. N. P. Kondakov. Les costumes orientaux à la Cour Byzantine.]

⁶) Const. Porph. De cer. II, 52, p. 767: μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῶν σκαραμαγγίον καὶ μόνον.

скарамангяхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, придворныя мастерскія работали эту форму одеждъ для раздариванія варварамъ въ ту эпоху или въ то самое время, когда самъ и царь, по книгѣ Константина, выходилъ къ собравшемуся двору „въ скарамангій.“

Между тѣмъ ни Дюканжъ, ни Рейске не могли дать сколько нибудь опредѣленныхъ указаній по поводу этой одежды. Первый не зналъ книги Константина и потому ограничился единственно немногими свѣдѣніями историковъ, упоминающихъ эту одежду и замѣтками разныхъ современныхъ антикваровъ. Догадывались, что слово σκαραμαγγίον должно быть персидское слово, что одежда эта воинская по преимуществу, носимая въ непогоду, въ защиту равно отъ дождя, снѣга и мороза, и, стало быть, относилась къ разряду военныхъ плащей, мантий или теплыхъ накидокъ. Византія издавна утверждала, что Византія приняла воинскій нарядъ отъ воинственныхъ Персовъ временъ сассанидскихъ царей, но и тѣ цари будто бы сами возобновили у себя обиходъ времени самого Кира. Единственное сообщеніе, историческаго характера, указывало, что скарамангій былъ уже извѣстенъ во время постоянныхъ походовъ Гераклия,¹ и потому можно было думать, что одежда была усвоена отъ персовъ и въ продолжительную эпоху войнъ съ Персією. Болѣе обстоятельное сообщеніе было дано Корезіемъ, ученымъ грекомъ съ Хиоса, и Гоаръ его приводитъ, самъ ничѣмъ не подтверждая. Согласно Корезію, скараникъ (онъ же скарамангій) былъ² одеждою „сборною,“ такъ сказать, не одного покроя и не одного цвѣта, снаружи красная, внутри бѣлая и пр. Сообщеніе неясно, но что важно, и сообщенія самой книги Константина о томъ же будутъ отличаться также неясностью.³

Дѣйствительно, въ книгѣ Константина скарамангій тоже представляется не просто верхнею одеждою и вообще не цѣльною одеждою, но состав-

¹) [Theophanis. Chronographia a. m. 6118 in Migne P. G., 108, col. 661. Ср. J. Ebersolt, Les arts somptuaires, p. 76, n. 3.]

²) «Genus vestimenti est non uno colore conspicui, cuius exterior species rubra, taeniatim et per lora divisa, candidam interiorem subductam sese venuste proferre et velut latitantem educere permittit»; Gretseri et Goari Comm. in Cod. p. 234.

³) Филологическія сближенія слова скарамангій съ другими подобнозвучащими, но нисколько не отвѣчающими его смыслу, представляютъ совершенно бесплодную работу даже у самого Рейске, при всемъ его искусствѣ и талантѣ, и равно въ греческихъ статьяхъ, какова напримѣръ, ст. П. А. Фурики: Περί τοῦ ἐτύμου τῶν λεξέων σκαραμαγγίον, χαβάδιον, σκαράνικον, издано въ Историческомъ Лексиконѣ греческаго языка, т. VI, 1923, стр. 444—474. Рейске въ своемъ комментарий, на стр. 459 заключаетъ, что скарамангій былъ родъ пенулы, а на стр. 544, разбирая неожиданное для него сообщеніе книги Константина о скарамангяхъ разрывныхъ — δίσχιστα, рѣшительно отказывается отъ прежняго мнѣнія. Короче и яснѣе всѣхъ опредѣлили Софоклесъ въ лексиконѣ, что скарамангій — родъ „кафтана,“ персидскаго или турецкаго. Ошибочно понялъ историкъ de Boog въ комм. хрон. Теофана, гдѣ говорится о томъ, какъ унесли скарамангій вмѣстѣ съ головою, что дѣло идетъ о „шанкѣ“ убитаго. Вѣрно угадалъ Сакелліонъ, что скарамангій имѣлъ при себѣ особый башлыкъ или „капутцу.“ Но всѣ спеціалисты будутъ

Стихарій — дивитисій.

Скарамангій.

ною, и именно потому различнаго покроя и разныхъ цвѣтовъ снаружи. Такъ упоминаются скарамангіи протоспаѳаріевъ *πρωτοσπαφάρια* частью зеленые, частью красные, и мы въ миниатюрахъ, дѣйствительно, знаемъ¹ у ви-

Рис. 62. Чаша съ триумфальнымъ изображеніемъ императора изъ Керчи.

зантіяцевъ одежды именно этихъ двухъ цвѣтовъ: родъ хитона съ золотнымъ оплечьемъ и затѣмъ краснаго до колѣнъ, гдѣ по одеждѣ проходитъ золотная кайма; затѣмъ ниже продолжается до пятъ таже одежда уже

благодарны г. Фурики за его подробный и специальный указатель всѣхъ мѣстъ въ сборникѣ Константина, гдѣ скарамангіи встрѣчаются: книга Константина индекса не имѣетъ доселѣ. [Кромѣ указаннаго см.: Д. О. Бѣляевъ. *Byzantina*, II стр. 7 (пр. 4) — 8 и въ указателѣ подъ словомъ скарамангіи; III, s. v. и Облачение императора на Керченскомъ щитѣ (Ж. М. Н. П., 289), стр. 328 (пр. 1) и слѣд. J. Ebersolt. *Mélanges*, 57—59, гдѣ разбираются данныя К. П. съ систематическимъ указателемъ упоминаній скарамангія. *Le arts somptuaires*, 62, 76 etc.]

¹) Racinet, *Costume hist.* III, *Byzantin pl.* GN.

зеленаго цвѣта, или обратно, или иное соединеніе зеленаго съ фіолетовымъ, и затѣмъ вновь золотная кайма уже по подолу. Получается впечатлѣніе, какъ будто надѣто два хитона, внутренній и наружный, что, повидимому, и имѣлось даже въ виду, причемъ, конечно, въ такихъ одеждахъ коймы уже не будутъ изъ золотной парчи, но изъ болѣе легкихъ галуновъ, допускающихъ сгибъ складокъ у колѣнъ.

Далѣе, скарамангіи представляется наиболѣе популярнымъ, излюбленнымъ въ Византіи, и при дворѣ особенно, костюмомъ: въ немъ почти постоянно на выходѣ появляется царь, и если мѣняетъ скарамангіи на лоръ или на панцырь и плащъ, или на дивитисій и цицакій, то потомъ на пиру появляется вновь въ скарамангіи.¹ При этомъ царь надѣваетъ то бѣлый скарамангіи (напр. на Пасху) съ золотыми кладами (*διάστρον χρυσόκλαβον*),² то пурпурный (*ὄξέον*)³ или пурпурный золотный (*πορφυρᾶ χρυσᾶ*),⁴ то золотной парчи (*χρυσᾶ σκ.*),⁵ и тогда имѣетъ на головѣ стемму, которая обычно носится только при лорѣ и хламидѣ, то пурпурный скарамангіи съ золотымъ шитьемъ (*χρυσοκέντητα πορφυρᾶ*),⁶ или „тройной парчи“ (*μετὰ τριβλαττίων*),⁷ когда царь ѣдетъ къ Золотымъ воротамъ. Когда Никифоръ Фока прибылъ въ Константинополь съ цѣлью захвата царской власти и былъ торжественно принятъ у Золотыхъ Воротъ, то онъ въѣхалъ въ скарамангіи, подбитомъ бобровымъ мѣхомъ (*καστώριον*).⁸ Во всякомъ случаѣ, когда царь ѣдетъ куда-либо, въ процессіи, верхомъ одинъ (*καβαλλικέυει, ἱππεύει, ἑφιππος μόνος*) или въ сопровожденіи конвоя и высшихъ воинскихъ чиновъ тоже верхомъ, онъ облаченъ бываетъ въ скарамангіи. Итакъ, этотъ костюмъ является, черезъ царя, главнымъ видомъ кавалерійскаго наряда (если не мундира) въ Византіи.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло, съ ѣздовымъ кафтаномъ, котораго формы усвоены кавалеріи, принявшей за образецъ персидскую, но изъ перечня сановъ и чиновъ, службъ и должностей, которымъ этотъ кафтанъ служилъ уже въ

¹) [О скарамангіи см.: на царѣ (царь просто носитъ, или одѣваетъ ск., иногда съ мечемъ, выходитъ въ немъ, ѣдетъ въ немъ верхомъ, садится къ трапезѣ и т. п.) — I, 1, 7, 31; 10, 86; 17, 99; 18, 109; 25, 142; 28, 159; 30, 167; 32, 176; 35, 184; 37, 187, 188, 189, 190, 191; 38, 192; 96, 438; App. ad. I, 499, 500, 505; II, 1, 519, 521; 6, 532; 9, 542; 13, 557; 14, 564; 19, 608; 38, 635; 52, 780, 782; на чинахъ — I, 19, 114; 22, 125, 128; 25, 142; 27, 148; 28, 159; 29, 161; 31, 170; 32, 176; 35, 184; 48, 251; 55, 271; 59, 275; 60, 276; 97, 441, 442; II, 1, 518, 521, 522; 2, 525; 3, 526; 8, 539; 9, 542; 11, 549; 13, 557; 15, 575, 576, 577, 579, 585; 16, 599; 52, 741, 745, 746, 750, 753, 759, 760, 762, 763, 764, 765, 767, 770, 772, 780, 783; въ спискахъ одежды: App. ad. I, 469; II, 44, 661, 662; выдачи ск.: II, 45, 668, 669; ск. повѣшенные для украшенія дворца — II, 15, 571, 580; тоже на улицахъ города — App. ad. I, 499.]

²) I, 17, 99; I, 25, 142; I, 35, 184; [просто *χρυσόκλαβον* I, 18, 109; I, 30, 167; *λευκά χρυσᾶ σκ.* — I, 37, 188.]

³) I, 37, 187, 189, 191; II, 6, 532.

⁴) I, 37, 189; II, 52, 782.

⁵) I, 37, 188, 190, 191.

⁶) I, 1, 31; ср. [*χρυσοῦφαντον σκ.* — I, 10, 86.]

⁷) I, 37, 188; [ср. *τριβλάτιον σκ.* — App. ad. I, 499; *σκ. ἀμφισυμένα ἀπὸ διβλαττίων* — *ibid.*, 469.]

⁸) I, 96, 438.

IX—X в. прямо придворною одеждою, быть может, нѣсколько видоизмѣнившейся въ „собственныхъ“ или домашнихъ скарамангіяхъ, мы извлекаемъ то заключение, что одежда эта получила не узкій районъ мундировъ кавалерійскихъ и обще-военныхъ, но значеніе обычного моднаго костюма времени. Именно, изъ книги Константина узнаемъ, что скарамангій былъ нарядомъ магистра арміи, и другихъ магистровъ Византіи, стратиговъ, анеипатовъ, (б. проконсуловъ), членовъ синклита, патриціевъ и чиновъ царскихъ покоевъ (кувикуляріевъ) — въ канунъ большихъ праздниковъ весеннихъ (Вербная недѣля), какъ видно изъ текста стр. 170, что тѣ же чины являются и на ежедневные выходы въ однихъ скарамангіяхъ,¹ тогда какъ въ Воскресные дни они облачаются въ красные сагіи; къ нимъ присоединяются и военные чины доместиковъ — начальниковъ дворцовой гвардіи,² при чемъ, однако, патриціи³ имѣютъ поверхъ скарамангія сагіи, равно, какъ иногда и военные чины.⁴ По своей службѣ комиты схоль, спаѳарокандидаты, носящіе уже скарамангій, становясь протоспаѳаріями, получаютъ на него оплечье — маниакій, какъ отличіе⁵; въ той же одеждѣ являются спаѳаріи и кандидаты. Начальники дружинъ — гетеріархи,⁶ начальникъ стражи — друнгарій виглы,⁷ начальники строевыхъ войскъ (*ἀρχοντες τῶν ταγμάτων*),⁸ манглавиты,⁹ и вообще всѣ такъ называемые „василики“, т. е. чины дворцовыхъ отрядовъ, собираются къ царскому выходу въ храмъ Апостоловъ обычно въ скарамангіяхъ, тѣмъ болѣе, что часть ихъ должна сопровождать царя верхомъ. Скарамангій носятъ димархи, видимо, всѣхъ партій, ихъ замѣстители и самые димоты, какъ видно изъ текста стр. 271, рассказывающаго о томъ, какъ „производится“ димархъ: по окончаніи чина, онъ выѣзжаетъ изъ дворца въ конюшни своей части, сопровождаемый членами партіи, облаченными въ скарамангіи и красные сагіи.¹⁰ Конечно, въ ту же одежду облачаются воинскіе чины, по выбору и съ честью исполняющіе должности хоругвеносцевъ, знаменосцевъ, скипетроносцевъ, но равнымъ образомъ придворные — папіи и иные оффиціалы, состоящіе при убогихъ домахъ, сиротскихъ пріютахъ и пр. и пр., такъ называемые, ксенодохи и гирокомы,¹¹ которымъ также надѣляются скарамангіи и красные плащи. Въ „собственныхъ скарамангіяхъ“ появляются на пирахъ такъ называемые царскіе друзья — οἱ φίλοι,¹² между ними особенно часто упоминаются друзья „союзной“ Болгаріи.

¹) II, 1, 521—522.

²) I, 22, 125; I, 29, 161.

³) I, 29, 161.

⁴) II, 52, 745.

⁵) I, 59, 275.

⁶) II, 1, 518.

⁷) II, 52, 746.

⁸) II, 52, 753, 763.

⁹) II, 13, 557.

¹⁰) I, 55, 271.

¹¹) II, 52, 753, 763.

¹²) См. I, 25, 184. Вътекстѣ II, 52, 745 къ лицамъ и чинамъ по перечню ихъ причислены 12 бѣдныхъ, приглашенныхъ къ столу, и ошибочно обобщено, что они вводятся въ „скарамангіяхъ“, т. е. безъ плащей, за исключеніемъ, конечно, бѣдныхъ, появляющихся въ казенныхъ камисіяхъ.

Поучительное разнообразіе представляется и въ цвѣтахъ и видахъ матерій, употреблявшихся для шитья этой одежды: бѣлая (*λευκά, διάσπρα, λευκά χρυσά*), цвѣтная (*χρσακά, πολύχρσα*) напр. у спаѳаріевъ,¹ „разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ“ *διαφόρων χροίων καὶ ἑξemplίων*,² пурпурная — у царя (см. выше) на праздникъ, при чемъ днемъ царь бываетъ въ бѣломъ. Королю Италіи царь Романъ Лекапенъ посылаетъ партію скарамангіевъ для его двора: лимоннаго цвѣта (*δικίτρινον*), розоваго (*διρόδινον*), голубого (*διβένετον*), бѣлаго (*διάσπρον*); для выдачи при проѣздѣ черезъ Лангобардію тоже заготавливаются скарамангіи разныхъ цвѣтовъ.³ Указана, далѣе, въ перечнѣ расходовъ по экспедиціи критской раздача скарамангіевъ, которыхъ иногда, вмѣсто жалованья, даютъ сотнями (112 скарамангіевъ).⁴ Среди одеждъ „шитыхъ по сарацынской модѣ“ (*κατὰ Σαρακηνοῦς*) и назначенныхъ для домашняго обихода (*ἑσωφόρια*) скарамангіевъ не указывается.⁵ Наболѣе характерно, однако, указаніе (приведенное выше), данное на стр. 469, гдѣ перечисляется подборъ одеждъ, приготовляемыхъ заранее на случай похода, въ царскихъ мастерскихъ, а, можетъ быть, также и въ городскихъ по заказу: на первомъ мѣстѣ приводится именно скарамангіи разныхъ цвѣтовъ, разнѣзные, снабженные оплечьями (*μανιακάτα*), окаймленные шелкомъ или парчею (*ἀμφιεσμένα ἀπὸ διβλατίων*).⁶ Тотъ же наборъ готовится для собственнаго царскаго употребленія идикомъ или казначеемъ имущества и царской казны, для раздачи дружинамъ охраны и схоламъ дворцовымъ на походѣ, а равно и „посылокъ язычникамъ въ подарокъ“ (*ταῦτα πάντα διὰ τὸ ἀποστέλλεσθαι εἰς ἔθνη τοὺς λόγῳ ξενίων*).⁷

Помимо общей характеристики, имѣемъ возможность, на основѣ во-

¹) II, 15, 576.

²) App. ad I. I, 469; II, 44, 662.

³) II, 44, 661, 662.

⁴) II, 45, 668, 669.

⁵) II, 45, 677—678.

⁶) App. ad I. I, 469.

⁷) App. ad I. I, 473.

Рис. 63. Медальонъ Юстиніана, оборотная сторона (по копіи Британскаго Музея).

сточныхъ памятниковъ, указать и пояснить подробности этихъ текстовъ и детали самага скарамангія. Текстъ сперва говоритъ о матеріяхъ или кускахъ матерій, выбираемыхъ для изготовленія этой одежды: матеріи берутся „разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ“: бѣлыя, лимонныя, голубыя, но, такъ какъ ранѣе было уже указано, что эта одежда бывала и „многоцвѣтная“ — *πολύχροα σκαραμάγγια*, — то, значитъ, скарамангій былъ одеждою, составленною изъ разныхъ кусковъ, о чемъ увидимъ и показанія книги Константина, приведенныя по поводу наряда предсѣдателя синклита. Далѣе, готовые (сшитые — *ἑρῆσμενά*) и разрѣзные (*δίσχιστα*) скарамангій имѣли оплечья или маніакіи (*μανιακάτα*), будучи сами разныхъ цвѣтовъ (*διαφόρων χροῶν καὶ ἑξερπλίων*), окаймленные пурпуромъ (*ἀπὸ διβλαττίων*).

Скараникъ. Позднѣе этотъ ѣздовой кафтанъ сталъ излюбленною одеждою византійскихъ чиновъ и уже подъ именемъ скараника (*τὸ σκαράνικον*) изъ золотной парчи (*χρυσοχοϊκόν*). Первый санъ деспота (сыновья, братья, зятья царскіе) носятъ скараникъ и обязательно надѣваютъ, когда приходится сопровождать царя верхомъ на выходѣ въ церкви въ праздники, парадный скараникъ, украшенный драгоценными камнями и обнизанный жемчугомъ (*ἔχον μαργαριτάρια οὕτω λεγόμενα περίχυτα*).¹ У великаго domestica и чиновъ ниже до стратопедарха скараникъ изъ красной парчи, тканой золотомъ (*χρυσοκόκκινον*) и проплетенный золотыми нитями (*συρματεῖνον*), но у domestica „онъ имѣетъ спереди портретное изображеніе, исполненное насѣчкою, царя, стоящаго въ коронѣ, и справа отъ себя одного ангела и слѣва другого, обнизанное жемчугомъ, равно какъ (обнизанъ) и самый образъ царя“. „Имѣетъ же скараникъ на лицо обвитую кругомъ (по шеѣ) нить жемчуга.“² У великаго дуки на красномъ золотномъ скараникѣ имѣются два портрета царя, одно стоящаго, исполненнаго насѣчкою же (*ἰνοκοπητόν*), на переду, и другое сидящаго, назади. Очевидно два портрета потому, что первый портретъ надобился, когда дука предстоялъ царю самъ, а другой, когда онъ сидѣлъ самъ какъ начальство³; тѣ же скараники у протостратора, великаго логоѣта и стратопедарха. У великаго приммикирія скараникъ цвѣта абрикосоваго (*βερικοκκόχροον*): какъ „фай (*τὸ φαῖόν*), т. е. палевый цвѣтъ средина межъ бѣлаго и чернаго, такъ и этотъ цвѣтъ средній между краснаго и бѣлаго“, на томъ скараникѣ по переду портретъ царскій, стоя, прозрачный на стеклѣ (*ὕπὸ ὑελίου λεγόμενον διαγέλαστον*), сзади же царя на тронѣ.⁴ И затѣмъ тѣ же облаченія указываются у великаго контоставла, прото-

¹) Codini, De off., III, 14.

²) Cod. De off. IV p. 17: τὸ σκαράνικον... ἔχον ἐμπροσθεν εἰκονικῶς τὸν βασιλέα ἰνοκοπητὸν ἰστάμενον ἐκ δεξιῶν μέντοι ἄγγελον ἓνα и пр.; ἔχει δὲ καὶ τὸ σκαράνικον γύρωθεν ἐπὶ τοῦ μετώπου σκιδρῶν μαργαριταρεῖνην.

³) Ibidem, 18. Такъ у дожа венеціанскаго, который вѣдь тоже великій дука исполнены на груди и на спинѣ гербъ св. Марка, см. Racinet, Costume historique, III, Italie pl. EF.

⁴) Ibidem, 19.

севаста, виночерпія, куропалата паракимомена (спальника), того, что при печати, и того, что собственно „при спальнѣ царской“ почиваетъ (*παρ. τοῦ κοιτῶνος*). У логоѣта казны (*τοῦ γενικοῦ*) скараникъ бѣлый съ золотомъ (*χρυσόλευκον*), съ изображеніями царя въ двухъ портретахъ „эмалевыхъ“ (*διαγέλαστον*); то же у протовестіарія и domestica, „стольника“ и великаго папія и епарха. У великаго друнгарія стражи (*τῆς βίγλης*) и чиновъ ниже до спальника (*τοῦ προκαθημένου τοῦ κοιτῶνος*) скараникъ шелковый, лимоннаго цвѣта (*χρυσοκίτρινον*) съ золотомъ, золотыми клавиами (*χρυσονλαβαρικόν*) прошитый золотомъ (*συρματεῖνον*) съ изображеніями царя спереди на високомъ тронѣ и сзади на конѣ. Чины ниже спальника носятъ скараникъ красный (*κόκκινον*). Протоаскритъ носить епилорикъ, какъ и всѣ послѣдующіе, за исключеніемъ приммикирія дворцоваго, протоспаѣарія, протокинига (т. е. „перваго ловчаго“) и „протоіеракарія“ — перваго сокольничаго. Наконецъ, скараникъ является облаченіемъ великаго переводчика (толмача = *διερμηνευτοῦ*) и имѣетъ наверху красную кисть (*τοῦφαν μικρὸν κοκκίνην*).¹

Изъ этого перечня явствуетъ, до очевидности, что Дюканжъ былъ совершенно правъ въ своемъ общемъ опредѣленіи скараника или скарамангія тожъ, что это воинская одежда, необходимая въ непогоду. Но когда тотъ же Дюканжъ тутъ же присоединяетъ къ общей характеристикѣ соображенія ориенталистовъ или антикваровъ, которые подбираютъ произвольно разнородные плащи и мантии, или же (какъ Лексиконъ Кирилла) приводятъ античные типы накидокъ (*περιβλήματα*) и грубыхъ покрововъ какъ трибоны и т. п. все это только запутываетъ попытку угадать форму или покрой специальной одежды. Напротивъ того, правъ въ своихъ соображеніяхъ о видѣ и покроѣ этой одежды и лексикографъ Хюса Корезій, какъ увидимъ ниже.

Поэтому, покидая филологическіе тексты и основанныя на нихъ догадки, перейдемъ на почву археологическихъ памятниковъ и попробуемъ, руководясь простымъ понятіемъ ѣздоваго кафтана, отыскать скарамангій въ отраженіяхъ реальной исторической жизни средневѣковья или временъ къ нему близкихъ. Понятное исключеніе въ данной темѣ обширнаго матеріала, представляемаго греко-римскимъ міромъ до Р. Хр. и особенно археологіею азіатскаго Востока, легко объясняется многосложностью древняго быта. Единственное исключеніе желательнo сдѣлать для еракійскаго конника на рисункѣ аттической вазы V вѣка до Р. Хр., которое можетъ быть непосредственно примкнуто къ сассанидскимъ изображеніямъ, несмотря на такое раздѣленіе во времени. Этотъ конникъ одѣтъ въ мягкую, видимо, шерстяную, плотно прилегающую къ тѣлу рубаху, длиною до бедеръ, съ пришитою къ ней сборчатою короткою юбкою до середины бедеръ (похожею на современную греческую фустанеллу). Поверхъ накинута

ѣздовой кафтанъ по археологическимъ даннымъ.

¹) Ibidem, 20—27.

сзади на плечи длинный войлочный, коломъ стоящій (какъ кавказская бурка), плащъ, а на головѣ войлочный колпакъ; тотъ и другой орнаментированы черными полосами „городковъ“ и листьями.¹

Древности
кочевниковъ.

Но нашимъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи ѣздового кафтана пусть будетъ крохотная статуэтка кочевника на конѣ (рис. 64), оказавшаяся, по счастливой случайности, въ замѣчательной коллекціи сибирскихъ древностей Алтая. Всадникъ изображенъ въ этой статуэткѣ, отлитой изъ массивнаго золота и доконченной рѣзцомъ, стрѣляющимъ изъ лука на всемъ скаку въ какого то звѣря на охотѣ, быть можетъ, въ оленя.² На одной изъ сассанидскихъ коронъ, поверхъ округлой шапки въ ихъ составѣ, на гребнѣ видны украшающія фигурки³: возможно, что такое же украшеніе гребня было на колпакѣ или клобукѣ сибирскаго охотника и вмѣстѣ съ тѣмъ знатнаго кочевника. Статуэтку явно работалъ мѣстный мастеръ, передавшій всѣ характерныя черты не только съ искусствомъ, но съ любовью и пониманіемъ. Лошадь кочевника породы казачьихъ степныхъ коней, малорослая, неуклюжая, съ крупною и тяжелою головою, уже подавшаяся на бѣгу, но привычная и юркая, съ густою гривой и лохматою челкою, падающей на глаза, со сбитыми ногами. Столь же своеобразенъ всадникъ, необыкновенно худошавый и тонкій, если не стройный кабардинецъ, чеченецъ или лезгинъ Кавказа, которые могутъ считаться его родичами или прямыми потомками; только лицо излишне мясистое, отличаетъ его отъ сухого горца. Туловище всадника заключено въ узкій и короткій, видимо, мѣховой кафтанъ, и на спинѣ виднѣется пришитый къ вороту и заброшенный назадъ башлыкъ; рукава кафтана короткіе, выше локтя, и подъ ѣздовымъ кафтаномъ другой легкій натѣльный, котораго рукава кончаются у запястья бисерною нитью. Отъ пояса внизъ до середины бедеръ идутъ полы ѣздового кафтана, не дающія складокъ и сдѣланныя, видимо изъ кожи. Изъ такой же мягкой кожи сдѣланы, наконецъ, набедренники съ особою частью для колѣнъ и поножи до мягкихъ чувякъ на ногахъ. Мягкій колпакъ такъ приплюснутъ и спущенъ на бокъ концомъ, какъ бы это уже былъ позднѣйшій беретъ, происшедшій изъ кочевого колпака. Словомъ, мы видимъ въ этой статуэткѣ какъ бы оригиналь тѣхъ разнообразныхъ черкесокъ, которыя доселѣ носятъ кавказскими горцами, а равно и грузинами почти всего Кавказа.

Рис. 64. Золотая фигурка всадника.

¹) O. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, I, 1913, Abb. 6.

²) Рус. Др. III, рис. 49. Миннсь о. с. рис. 203—4; всадникъ того же типа на золотой бляхѣ Геремесовскихъ кургановъ, Рус. Др. II, рис. 90. Рисунокъ статуэтки оленя также изъ массивнаго золота, см. Рус. Др. III, рис. 46.

³) Fr. Sarre, Die Kunst der alten Persien. 1923, Fig. 66.

Подобный же, но еще болѣе сложный нарядъ кочевника и также охотника описываетъ акад. В. В. Радловъ въ своемъ разсказѣ о путешествіяхъ по Западной Сибири, въ предѣлахъ Алтая у племени Хакасовъ: то былъ кафтанъ шелковый, на собольемъ мѣху до талии, имѣвшій особо нагрудникъ, далѣе полы какъ бы современнаго фрака; кожаный ремень, набранный золотыми бляшками, шель вокругъ шеи, по спинѣ и груди, какъ своего рода портупея. И то и другое явно было предметомъ бытового, характернаго покроя, формою одежды, приспособленною къ сѣдлу и движеніямъ охотника и стрѣлка на сѣдлѣ.¹

Мы можемъ, далѣе, наблюдать рядъ ѣздовыхъ кафтановъ въ области Сассанидскія Средней Азии, Персіи и Кавказа. Остановимся сначала на выѣздныхъ одеждахъ сассанидскихъ царей по извѣстнымъ сассанидскимъ блюдамъ: тѣсныя связи и взаимный обмѣнъ кочевниковъ и Персіи не оставляетъ археологу и тѣни сомнѣнія. Мы видимъ на блюдахъ всего чаще царя среди охоты, верхомъ на крупномъ аргамакѣ, въ длинномъ (до колѣнъ) плотно прилегающемъ къ тѣлу кафтанѣ, котораго нижняя часть, видимо, разрѣзная, развивается зигзагами по сѣдлу. Кафтанъ имѣетъ отдѣльное оплечье (прототипъ маниака) и затянутъ поясомъ, къ которому сзади прищѣпленъ короткій плащъ. На головѣ царя легкій вѣнецъ, въ видѣ шапочки, снабженной двумя рядами загнутыхъ перьевъ, обнизанныхъ жемчугомъ; на ногахъ легкія чевяки.² Тотъ же кафтанъ, но уже въ церемоніальномъ, точнѣе, парадно-выѣздомъ типѣ, вмѣсто оплечья имѣетъ на шеѣ пристегнутую къ нему нить крупнаго жемчуга; далѣе кафтанъ доходитъ только до колѣнъ, ниже его идутъ шаровары особаго персидскаго покроя, парчевые съ длинною бахромою, вѣроятно, пурпурнаго (темно-каштановаго) цвѣта. По кафтану также къ талии идетъ бахрома, и кафтанъ имѣетъ боковые разрѣзы. Съ плечъ къ груди идутъ ремни, образуя поперекъ перевязь, кромѣ которой имѣется поясъ съ ремнемъ, свѣшивающимся набокъ, для подвѣшеннаго короткаго меча (акинака) или кинжала. Впослѣдствіи обѣ части слились и образовали портупею.³ Третій видъ ѣздового персидскаго кафтана (рис. 65), особенно короткаго, можетъ быть (до времени) условно названъ азымомъ⁴ — узкорукавной русской одеждой, до колѣнъ, или даже выше ихъ, со сборами

Сассанидскія
блюда.

¹) [См. Resceit-Kondakov, p. 203—204, гдѣ приведено соответствующее мѣсто по: В. В. Радлову. Сибирскія древности, изъ путевыхъ записокъ, пер. съ нѣм. гр. А. Бобринскаго въ З. Р. А. О., н. с., т. VII, 2, стр. 209—211. Одежды, описанныя Радловымъ, были дважды изданы; см. А. А. Захаровъ. Матеріалы по археологіи Сибири. Труды Государствен. Историч. Музея (разр. археол.) вып. I, стр. 80—88, табл. III; и по англійски: А. А. Zacherov. Antiquities of Katanda. The Journal of the Royal Antropol. Instit. LV, Jan.—June 1925.]

²) Рус. Др. III, рис. 83. Sarre, I. с. табл. 113. Пусть это блюдо, по мнѣнію автора, относится къ разряду позднѣйшихъ индійскихъ копій персидскаго оригинала (стр. 53), однако, оно лучше другихъ передаетъ покрой кафтана и къ тому же въ этомъ сходно съ признаннымъ оригиналомъ на табл. 107.

³) Ib. рис. 90. Sarre, Taf. 108.

⁴) Савваитовъ, Описание, подъ сл. азымъ.

назади, съ пуговицами и петлями наперед, по разрѣзу. Название аджам значитъ: иноземщина, Персы, и азиямскій — значитъ: персидскій. Въ запискѣ московскаго гостя Котова „О ходу въ персидское царство“ читается: „платье Персы и Кизилбаши (красная башка или шапка) носятъ кафтаны озямные киндячные и дорогильные и кутняные (бумажные, шелковые, изъ шелку и бумаги)“. Въ такомъ кафтанѣ вся матерія является вполне подвижною и собирается сама въ мелкія складки, а если подбита, то въ круп-

Рис. 65. Серебряное „сассанидское“ блюдо.

ные слои, чѣмъ выигривается возможность и полное удобство рѣзкихъ и быстрыхъ движеній всадника-стрѣлка. Къ этимъ, а вѣроятно, и ко многимъ другимъ образцамъ выѣздного кафтана должны были обращаться, вслѣдъ за кочевымъ офицерствомъ, и народившаяся византійская кавалерія. Насколько, однако, такой типъ „азяма“ можно указывать на сассанидскихъ блюдахъ, въ изображеніи царей Персіи на охотѣ,¹ мы не рѣшаемся опредѣлять. Для нашей задачи достаточно простого утвержденія двухъ покрововъ персидскаго ѣздного кафтана — длиннаго,

въ типѣ горской, долгополой черкески и короткаго кафтана до колѣнъ, а равно и того, что полы короткаго кафтана образовывали своего рода юбку въ сборкахъ или широкихъ складкахъ.

Восточныя
ткани.

*² Китайская ткань (рис. 66), предназначенная, какъ говоритъ одинъ текстъ, быть флагомъ или штандартномъ, подаренная буддійскому монастырю Нара микадо Кока и происходящая изъ наслѣдства по предыдущемъ микадо Шому (724—748), нынѣ же находящаяся въ музеѣ Токио, даетъ блестящее доказательство тому факту, что скарамангій, или одинъ изъ его вариантовъ, былъ одеждою знатныхъ кочевниковъ. На этой ткани (рис. 66) изображена охота двухъ паръ хановъ, или князей варварской орды: они охотятся на львовъ. Ханы, или вѣрнѣе ханъ (такъ какъ повтореніе имѣетъ только маги-

¹) Хотя бы, напримѣръ, Рус. Др. III, рис. 84; Sarre, табл. 104, 108, 112.

²) [*—* Переведено съ французскаго изъ статьи въ Bysantion, I, 23—28.]

ческое значеніе) охотятся на львовъ съ лукомъ въ рукѣ, одинъ на одинъ. Левъ, вставшій на заднія лапы, прыгаетъ на коня, тогда какъ ханъ спускаетъ стрѣлу. Такимъ образомъ эта композиція сохраняетъ ритмъ серебряныхъ блюдъ персидскаго происхожденія, прославлявшихъ дѣйствительные подвиги сассанидскихъ царей.

Различныя детали указываютъ, насколько заказчикъ этой ткани хотѣлъ соблюсти персидскій образецъ и воспроизвести сассанидскаго владыку. Лошадь хана не кочевничій конь, а персидскій скакунъ, кромѣ того конь изображенъ крылатымъ и на бедрахъ у него тавра, означающія съ одной стороны „счастье“, съ другой „горы“. Ханъ носитъ короткій и узкій кафтанъ, почти безъ рукавовъ; однако на плечахъ рукава этого кафтана образуютъ св. р. сборчатый рюшъ, который, неизвѣстно какъ, проникъ затѣмъ на Западъ, гдѣ и служилъ къ украшенію подобныхъ кафтановъ. Далѣе кафтанъ хана удерживается и перекрещивается специальными полосами (ремнями, коймами), которыя дѣлятъ его на „оплечье“, „нагрудникъ“ (св. р. жилетъ) и ниже сборчатую юбку. На головѣ у хана — уборъ, подражающій персидской коронѣ съ двумя крыльями солнечнаго божества. Въ челыи символы солнца и луны. Наконецъ, къ ногамъ нижней пары лошадей вмѣсто обычныхъ лентъ прикрѣплены ос. р. подвѣсныя кисти.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ, любопытная александрійская ткань (рис. 67) даетъ намъ весьма характерное изображеніе охоты персидскаго владыки или легендарнаго героя въ своемъ „парадизѣ“. Схема этого изображенія — традиціональна: посрединѣ дерево въ типѣ лозы, замѣняющей здѣсь символическое „древо жизни“; вокругъ прыгаютъ звѣри, пытающіеся сорвать грозди; паркъ наполненъ, бѣгущими во всѣхъ направленіяхъ и преслѣдуемыми собаками, оленями, птицами, львами, охотящимися за антилопами, служащими въ качествѣ приманки. Но князь, очевидно охотится въ этомъ паркѣ только на львовъ да на тигровъ. Его лошадь убрана по персидскому образцу, ея грива образуетъ рядъ заплетенныхъ прядей точно такъ же, какъ на предыдущей ткани. Эта деталь любопытна, если сопоставить китайскую ткань съ греко-египетской, такъ какъ это свидѣтельство художественнаго обмѣна мастерскихъ VI и VII-го вѣковъ. Но тогда какъ китайская ткань изображаетъ „древо“ въ видѣ стилизованнаго тутоваго дерева, здѣсь грекъ помѣстилъ большую лозу, скопированную съ лозы, выращенной по всѣмъ правиламъ искусства. Китайская ткань точнѣйшимъ образомъ передаетъ монгольскій типъ съ широкимъ лицомъ, выступающею челюстью и рѣдкой черной бородой, растущей изъ-подъ подбородка. Наоборотъ, греко-египетская ткань даетъ узкій, длинный и сухой овалъ сирийскаго типа, обычнаго для всего ближняго Востока. Далѣе нашъ художникъ старался передать мелочно-персидскій или что то же кочевническій, лукъ, украсилъ персидскими лентами остроконечную шапку легендарнаго владѣтеля или молодого хана, орнаментировалъ зигзагомъ край кафтана, разрѣзнаго на груди, и пустилъ развѣваться сзади плащъ.

Восточная
одежды.

Въ близкомъ соотвѣтствіи съ этими изображеніями находится короткая куртка или кафтанъ изъ овчины мѣхомъ внутрь, которую мы и воспроизводимъ (рис. 69) по недавно опубликованной коллекціи рисунковъ восточныхъ одеждъ.¹ Мы находимъ здѣсь ѣздовой кафтанъ или узкую

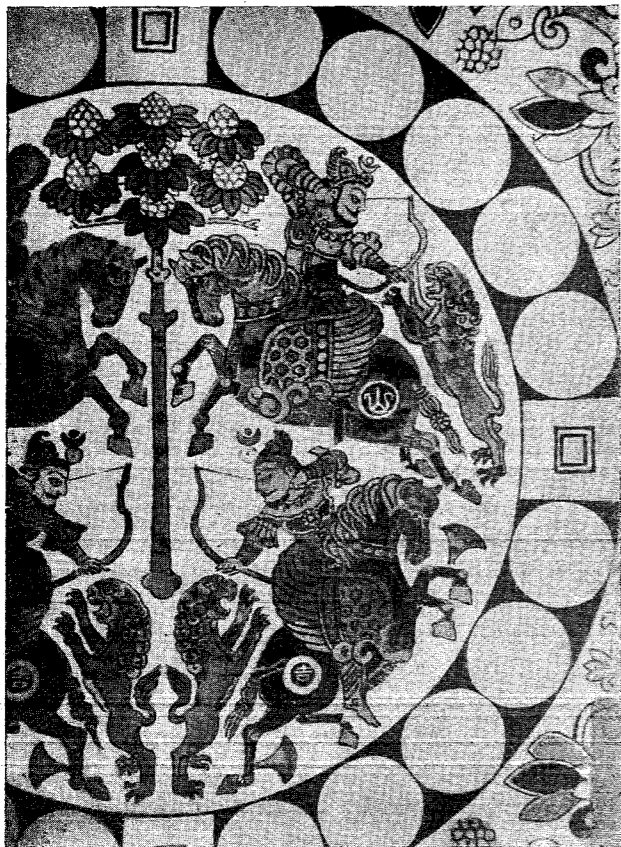

Рис. 66. Китайская ткань монастыря Нара (Японія).

куртку съ очень короткими рукавами, разрѣзную по срединѣ и съ двумя вырѣзами по бокамъ. Что въ данномъ случаѣ характерно — это тождественность орнаментаціи, имѣющей, очевидно, персидскій характеръ; укажемъ и тождественность восточной шапочки (тюбетейки) изъ толстой золотной ткани съ богатой орнаментацией.

Значеніе подобныхъ сближеній учелится, если констатировать почти тѣ же формы въ короткомъ кожухѣ (по румынски сојос) у чеховъ и м. б. и у другихъ славянъ, наприм. словаковъ и т. д., подъ названіемъ kožich, о чемъ мы будемъ говорить въ иномъ мѣстѣ.

Так. обр. оригинальность разсмотрѣнной одежды заключается въ ея двойномъ характерѣ: узкая куртка, съ одной стороны, а съ другой — родъ юбки — широкой,

но короткой, доходящей только до колѣнъ, разрѣзной на бедрахъ или собирающейся въ сборки; обѣ части соединены и, на мѣстѣ самаго соединенія, покрыты достаточно широкимъ поясомъ; къ тому же часть груди, оставшаяся открытой, защищена сначала св. р. оплечьемъ, а затѣмъ „нагрудникомъ“. Такая одежда наиболѣе удобна для сѣвернаго охотника и въ то же время для кочевника, трудовая жизнь котораго заключается въ объѣздѣ стадъ, разбросанныхъ по низинѣ, или въ горахъ. Благо-

¹) Max Tilke. Orientalische Kostüme in Schnitt und Farbe. 1923, Taf. 84.

даря своему покрою, такая одежда могла подбиваться мѣхомъ различныхъ родовъ.¹

Мы представляемъ далѣе бронзовую статуэтку (рис. 68), найденную на Юго-Востокѣ Россіи.² Это молодой кочевникъ съ необычайно широкимъ лицомъ; онъ только что пустилъ сокола и, открывъ ротъ, слѣдитъ за его полетомъ за дичью. Правая рука покрыта кожаной рукавицей, чтобы можно было держать на ней хищную птицу. Кожаная куртка, охватывающая его грудь, продолжается св. р. сборчатой юбкой. Оба уха варвара проколоты для ношенія серегъ — серебряныхъ или золотыхъ. На макушкѣ подымался чубъ волосъ, падающій за лѣвое ухо; сзади, между ушами, обозначены двѣ пряди или косицы волосъ, спускающіяся, согласно модѣ, принятой Сарматами и позже Аварями. Эта бронзовая статуэтка входитъ, что очевидно, въ категорію кавказскихъ бронзъ начала средневѣковья.

Рис. 67. Греко-египетская ткань.

Столь же любопытный рисунокъ находится въ альбомѣ венеціанскаго художника Чезаре Вечелліо³ среди изображеній турецкихъ костюмовъ. Рисунокъ изображаетъ по записи, сдѣланной самимъ художникомъ, Пеика, т. е. тѣлохранителя турецкаго сул-

¹) [См. того же покроя одежду на „граффити“ изъ Doura-Europos. F. Cumont L'unité de la cavalerie et le costume byzantin. Byzantion II, p. p. 181—191.]

²) [Статуэтка была найдена въ Саратовской губерніи; сообщена она Н. П. Кондакову А. П. Калитинскимъ въ 1924 году. Въ настоящее время она принадлежит профессору Л. Г. Нидерле.]

³) *Habiti antichi et moderni di tutto il mondo*, di Cesare Vecellio. In Venetia MDXCVIII; p. 366. Альбомъ Вечелліо былъ переизданъ въ Парижѣ издательствомъ Firmin Didot.

тана. Авторъ самъ это объясняетъ въ слѣдующемъ текстѣ (оригиналь итальянскій и латинскій переводъ): „Султанъ держитъ 40 тѣлохранителей, которые, обычно, персы по происхожденію, называемые на ихъ языкѣ *Peich* или *Peiudur*. Они получаютъ 8—10 аспровъ ежедневной платы; два раза въ годъ они получаютъ одежду изъ шелка или дамашки, украшенную рисун-

Рис. 68. Бронзовая статуэтка, найденная въ Саратовской губ.

ками, различныхъ цвѣтовъ, легкаго и короткаго покроя. Ихъ одежда спереди полна сборокъ, сзади доходитъ до колѣнъ; штаны — тонкаго шелку. На головѣ они носятъ шапку, покрытую тонкимъ листкомъ золоченаго серебра, называемую *Siuf*; спереди на этой шапкѣ имѣется небольшая пластинка съ драгоценными камнями. Ихъ поясъ — широкая полоса крученаго шелку — называется *Chochiach* онъ такой длинный, что они опоясываются имъ три раза. Они носятъ заткнутымъ за поясъ красивый кинжалъ, который называютъ *Beciach*, украшенный слоновой и рыбьей костью.“ Надпись этого рисунка даетъ болѣе точную форму имени: очевидно художникъ позаимствовалъ свой рисунокъ со старой персидской или индо-персидской миниатюры. По этой надписи молодой тѣлохранитель вовсе не Персъ, а Печенѣгъ: дѣйствительно мы читаемъ Печег (*Pecceg*). Именно такъ называетъ Печенѣговъ персидскій поэтъ Фирдоуси.

Эти короткіе кафтаны или куртки, уже одежда не только для верховой ѣзды, но и для парада и торжества, часто встрѣчаются въ восточныхъ странахъ, гдѣ они были распространены Исламомъ, вплоть до Средней Азии и Юж. Европы, какъ это видно по рисункамъ того же альбома Тильке.¹ Среди нихъ болѣе любопытны женскія одежды, воспроизводящія древній мужской образецъ, болѣе приближающійся къ основному типу кочевничьяго кафтана орнаментацией коймъ и боковыхъ вырѣзовъ. Какъ примѣръ, мы воспроизводимъ короткую куртку татарской женщины изъ Шемахи изъ оранжеваго бархата, подбитую желтымъ шелкомъ и окаймленную позументомъ съ какъ бы металлическимъ кружевомъ (рис. 70).²

¹) M. Tilke: Or. Kost., Taf. 38 (изъ Багдада), 45 (Карсъ), 47 (Далмація).

²) Tilke, Taf. 61; ср. 59, мужской кафтанъ молодого туркмена. Музей въ Тифлисъ; 65, бархатный кафтанъ аварской женщины въ томъ же музеѣ.

Рис. 70.

Рис. 69.

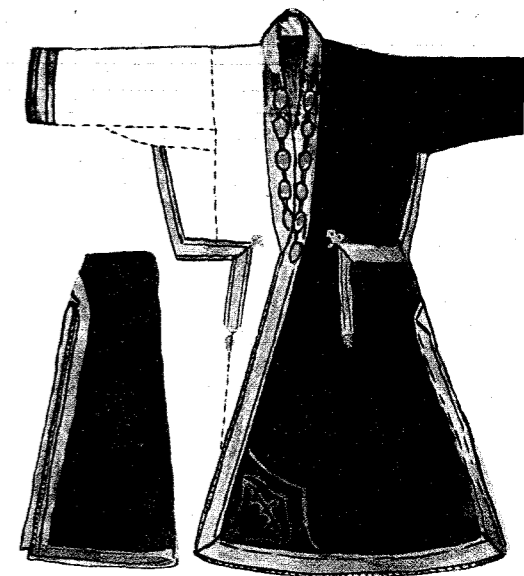

Рис. 71.

Рядомъ съ этими формами мы имѣемъ для созданія себѣ представленія объ византійскомъ императорскомъ скараманги — типъ длиннаго кафтана,¹ ѣздового въ то же время, съ длинными рукавами, узкой таліей, съ широкими полами и высокими разрѣзами, какъ на примѣръ кафтанъ туркменской женщины (рис. 71), носящій названіе бешмета, шитый изъ шелка и окаймленный серебрянымъ позументомъ разныхъ оттѣнковъ.

На Кавказѣ подобные кафтаны бывають самыхъ различныхъ цвѣтовъ: оранжевые, желтые, лиловые, алые, красные, синіе и т. д. Въ отличіе отъ этого кафтана черкеска, которая того же покроя, что и рабочій бешметъ, дѣлается большею частью изъ желтовато-сѣрой шерсти, т. е. того самаго цвѣта, который преобладаетъ въ кабатахъ или кафтанахъ земледѣльческой средней Европы; по предположенію же М. Р. Фасмера русское слово сермяга (мужицкій кафтанъ) ничто иное, какъ слово скарамангій въ народной этимологіи (сѣрый).^{2*}

Ближайшую аналогію персидскому ѣздовому кафтану можемъ найти по обычаю у тѣхъ же кочевниковъ, которые, передавъ Персамъ свое изобрѣтеніе, понятно, получили его же обратно, но въ культурной, усовершенствованной формѣ. Индоперсидская миниатюра XVI вѣка представляетъ завоевателя Индіи,³ хана монгольскаго Бабера (ум. 1530 г.), основателя династіи Великаго Монгола, на его походѣ противъ Мазандерана (др. Пароія), знаменитаго царства злыхъ волшебниковъ-маговъ. Восточный воитель ѣдетъ впереди своей арміи, предшествуемый бѣгущими герольдами, расчищающими для него путь и его собственнымъ запаснымъ конемъ въ уборѣ и панцырномъ чепракѣ, въ сопровожденіи своей конной гвардіи. Конь хана весь подъ панцырнымъ чепракомъ, съ металлическими золочеными полосами или чешуйчатымъ наборомъ. На ханѣ золоченый шишакъ съ кистью, и спускающимися металлическими наплечками, а также панцырныя наручи, набедерники и наколѣнники, но красный кафтанъ и розовые штаны хана, видимо, матерчатые и даже кафтанъ подпушенъ внутри мѣхомъ. Кафтанъ изъ шелковой плотной парчи, короткій, безъ складокъ, и, вѣроятно, внутри имѣетъ кольчугу и хлопковый слой, а снаружи набранъ золотыми звѣздами и полосами, съ круглымъ „зерцаломъ“ на груди, изъ разряда тѣхъ воинскихъ восточныхъ куюковъ, которые оберегали тѣло, главнымъ образомъ, отъ стрѣлъ. Что для насъ имѣетъ особую важность, всѣ сопровождающіе хана его офицеры одѣты въ такіе же кафтаны, короткіе, и съ короткими рукавами, прикрывающими только плечи, только цвѣта ихъ кафтановъ синіе, зеленые, лиловые, желтые, или прямо изъ золотной парчи. Прибавимъ, что за ханомъ везуть его громадную красную палицу, нарѣзанную на концѣ,

Восточныя
миниатюры.

¹) Черкеска того же альбома, Taf. 49; чоха, Taf. 50; грузинскій женскій кафтанъ, 54; у калмыковъ, 55; у ногайцевъ, 57.

²) Ibid. Taf. 83 (Азербейджанъ): та же комбинація узкаго плотно прилегающаго кафтана и одежды изъ верблюжьей шерсти.

³) Racinet, Le costume historique, III, Inde, (flèche). [также Byzantion, I, fig. 12].

на подобіє русскаго „шестопера,“ далѣ бунчукъ съ конскимъ хвостомъ наверху (кутазь) и зонгъ падишаха.

Въ томъ же изданіи азіатскихъ костюмовъ встрѣчаемъ попутно чрезвычайно любопытный кафтанъ на актерѣ сіамской труппы,¹ представляющемъ,

Рис. 72. Ткань изъ Мозака.

Византійскія
ткани. наиболее древній образецъ, относящійся еще къ VIII вѣку и представляющій царя на его праздничномъ выѣздѣ: кусокъ шелковой ткани изъ Мозака, нынѣ въ Ліонѣ (рис. 72).² Внутри овальнаго круга (около 0,60 м.), очерченнаго желтою полосою по черному фону ткани съ растительнымъ условнымъ орнаментомъ (коптскаго типа) представлена царская охота на львовъ, по сассанидскому типу, но съ греческими варіаціями, въ видѣ двухъ всадниковъ

явно, азіатскаго владыку, и актрисѣ, играющей лицо его свиты: на головѣ актера, сидящаго на возвышеніи, конусообразный высокій колпакъ изъ золотной же парчи съ кораллами и камнями, съ тройными подвѣсками по щекамъ, а руки его украшены перстнями и чехлами, на всѣхъ пальцахъ, изъ рога, для защиты отрошенныхъ ногтей. Но, затѣмъ, и актеръ и актриса, облачены въ костюмъ тройнаго состава: тѣсный камзолъ или жилетъ съ оттопыренными „козырями“ оплечій, изъ золотной парчи, выходящіе изъ подъ камзола узкіе шелковые рукава и двѣ четырехугольныхъ полы изъ золотной парчи, но съ синевато-зелеными полосами по ней, и наконецъ короткою полою сзади и длиннымъ полосатымъ передникомъ. Припомнимъ характерное сообщеніе Георгія Корезія, нашедшее себѣ реальный образецъ на традиціональной почвѣ азіатскаго Востока, хотя бы по случаю возвращенія къ памятникамъ византійскаго костюма.

Древняя Византія даетъ намъ также великолѣпный и въ то же время

царей Византіи, какъ бы съѣхавшихся по сторонамъ древа (съ лавровыми листьями) и поражающихъ копьями двухъ львовъ на нихъ бросившихся. Изображеніе составлено въ церемоніальныхъ позахъ, царей, повернувшихся въ сторону львовъ и зрителей и машинально опустившихъ копья въ под-

Рис. 73. Ткань собора въ Бамбергѣ.

ставленныя глотки звѣрей; ничего живого не осталось отъ сассанидскихъ всадниковъ; самые кони царскіе покойно играютъ передними и скачутъ задними ногами, словомъ фигуры царей взяты съ рисунковъ параднаго выѣзда. Однако, есть и реальные черты въ этомъ рисункѣ: малая коронка, вѣрнѣе стефанъ, хотя и съ подвѣсками, но въ видѣ легкаго золотого обруча, надѣвавшаяся царями при ѣздѣ верхомъ, далѣе надѣтый длинный скармангій: онъ типиченъ уже своимъ краснымъ цвѣтомъ, цвѣтомъ воинскимъ въ древности, когда требовалось конницѣ видѣть постоянно своего вождя въ битвѣ, въ переднихъ рядахъ, указывающаго куда надо ударить налетомъ. На красномъ кафтанѣ видимъ оплечье изъ золотной ткани и съ тремя опущенными клавами, съ гнѣздами для камней разноцвѣтныхъ, золотный поясъ, золотные наколѣнники въ видѣ круглыхъ щитковъ, и разрѣзы полъ на бокахъ, ради свободнаго движенія ногъ до колѣнъ, отороченные золотною парчею, негнущеюся и не завертывающеюся, въ силу своей плотности, съ кружкомъ наверху, охраняющимъ ткань отъ дальнѣйшаго разрыва. Не упоминаемъ различныхъ деталей въ рисункѣ конской упряжи, персидскихъ лентъ у хвоста и пр., что какъ обычно, передается еще заимствованіемъ.

Рисунокъ этотъ почти цѣликомъ повторяется въ шелковомъ тавліи

¹) Racinet. Cosf. hist., III, Asie, planche CD.

²) Otto, v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei, II, Abb. 219.

Бамбергскаго собора,¹ относящимся уже къ XI вѣку, съ тою лишь разницею, какую внесла въ рисунокъ ткань позднѣйшаго производства и нѣкоторыя украшенія одежды, а равно прикрасы конской сбруи, носящія, какъ и другія детали, прямо иконный характеръ (рис. 73). Мы не знаемъ величины этого куска ткани, но судя по тому, что онъ весь покрытъ мельчайшими рядами розъ въ кружочкахъ, считаемъ возможнымъ предположеніе, что имѣемъ передъ собою тавлій съ портретомъ царя на конѣ. Но имѣетъ ли этотъ портретъ реальныя черты, иной вопросъ, и многія черты придется считать условными. Такъ наприимѣръ, изъ книги Константина знаемъ, что при выѣздахъ верхомъ цари не носили стеммы — здѣсь царь именно въ стеммѣ; далѣе лабары упоминаются только на парадныхъ приѣмахъ во дворцѣ, и странно видѣть царя верхомъ и съ лабаромъ въ лѣвой рукѣ. Наконецъ, персидскія ленты (πέτασοι πράυδιου) у коня, по двѣ на каждой ногѣ и на хвостѣ такъ велики и отягощены камнями въ гнѣздахъ, что врядъ ли отвѣчаютъ реальности, какъ и подвѣски конской сбруи, а равно и парчевыя клявы, украшающія царское оплечье. Юное и по римски безбородое лицо царя врядъ ли воспроизводитъ портретныя черты и можетъ быть также объяснено иконностью типа, который, однако, вмѣстѣ со всѣмъ декоративнымъ убранствомъ фигуры и фона мелкой орнаментики, мы должны отнести именно къ XI вѣку. Повидимому, образцомъ для этой ткани послужилъ портретъ, исполненный перегородчатою эмалью. Въ заключеніе укажемъ на мелкій рисунокъ самого парчевого скарамангїя листьями плюща и на орнаментальную путаницу парчевой каймы на боковомъ разрѣзѣ, съ отдѣльно поставленнымъ и непонятнымъ потому верхнимъ кружкомъ.

Мы не имѣемъ возможности разбирать многочисленныя врави, т. е. знаки отличія, въ родѣ скипетровъ, жезловъ, диканикиевъ, лабаровъ, хоругвей у византійскихъ полковъ, чиновъ и сановъ, не рискуя до крайности усложнить избранную тему. Достаточно знать, что весь этотъ арсеналъ былъ въ Византїи традиционнымъ — иные цари становились особыми любителями этого рода знаковъ, въ своемъ родѣ антикварами — и что большинство этихъ знаковъ и формъ переходило не только на Западъ въ новоявленныя державы, но даже и на Востокъ, и, конечно, главнымъ образомъ, къ тѣмъ же варварскимъ народамъ.

Въ частности скарамангїй-скараникъ, явно, становился съ X-го вѣка своего рода модною одеждою не только кавалериста, но и знатнаго лица вообще, такъ или иначе приближеннаго къ византійскому двору или имъ „отличеннаго“. Но, къ непосредственнымъ поискамъ свидѣтельства о томъ въ византійскомъ искусствѣ обращаться было бы задачею почти неисполнимою. Это искусство съ X вѣка было настолько закрѣпощено иконописью, что, съ одной стороны, эти поиски были бы въ громадномъ большинствѣ

¹) Ibid. Abb. 220.

памятниковъ безплодны, какъ всякія изслѣдованія византійскихъ бытовыхъ реалій, а въ исключительныхъ случаяхъ, которые, однако, встрѣчаются даже и въ иконописной средѣ, недоступны, ибо ихъ надо искать среди миниатюръ рукописей, разсѣянныхъ по библіотекамъ. Въ ожиданіи такихъ поисковъ въ будущемъ, мы можемъ, однако, обратиться къ памятникамъ Запада, которые, какъ можно легко предположить, съ развитіемъ византійскихъ формъ бытовыхъ вообще и одеждъ въ частности, должны передать намъ изображенія такихъ формъ. Если оказались удачными поиски типовъ восточнаго ковра по картинамъ итальянскихъ мастеровъ XV вѣка для пополненія исторіи ковра, тѣмъ естественнѣе ожидать для модныхъ одеждъ, долженствовавшихъ появиться и на Западѣ.

Но въ книгѣ Константина есть мѣсто, заслуживающее въ вопросѣ о скарамангїи особаго вниманія. Дѣло идетъ о замѣткѣ о производствѣ „проэдра всего синклита“. Его вравіемъ или отличіемъ является: розовый хитонъ съ золотыми галунами (διφώδιον χιτῶνα καὶ χρυσοθέτων), поясъ пурпурный и украшенный камнями (ξώνην διάλιθου ἀλουργῆ) и хламида бѣлая, окаймленная (χλαμίδα διάλευκον περιορνευμένην ἐκ διαχρυσοθέτων) золотыми галунами и двумя тавліями золотной парчи (καὶ ταβλίον δύο χρυσοπάστων) съ листиками плюща (κισσοφύλλον μικρῶν).¹ А приходитъ будущій проэдръ къ царю въ скарамангїи съ оплечьемъ (μάνικος)² и нагрудникомъ (καὶ κατακοιλίου).³ Новопоставленному проэдру воздаются почести (на этотъ разъ явно заступающія мѣсто правъ и обязанностей, какъ обычно, по данному времени, для декоративной, скорѣе, чѣмъ значительной фигуры), произносятся актологїи, благословляетъ его патріархъ, столъ у него въ домѣ учиняется для магистровъ и патрициевъ. И съ того времени проэдръ въ будни облачается въ часовнѣ св. Стефана во дворцѣ и надѣваетъ (для него особо назначенный) скарамангїй пурпурный, парчевой, съ зеленью, набрюшникъ и красный плащъ (φοήσιον) съ башлыкомъ золотнымъ, украшеннымъ золотыми галунами и листиками плюща.⁴ Нѣкоторый анализъ этого мѣста предполагается ниже, а пока для нашей задачи достаточно показаніе, что скарамангїй былъ кафтанъ ѣздовой, составной и разноцвѣтный. Наконецъ, изъ книги Константина узнаемъ, что скарамангїй, какъ особо украшенная одежда, по парчевой

Скарамангїй
проэдра
синклита.

¹) I, 97, 440.

²) Такъ почти понимаетъ и Рейске переводя: indutum scaramangio et torque, но, конечно, членъ синклита, избираемый его проэдромъ, не могъ имѣть torques или гривну — воинскій знакъ.

³) I, 97, 441. Κατακοιλίου можетъ быть названа часть одежды, прикрывающая животъ, вѣрнѣе подгрудникъ, но имѣющій особый покрой.

⁴) Текстъ р. 442: σκαραμάγγιον ὄξυν πρασινοτριβλαπτον καὶ κατακοιλίου καὶ φοήσιον ἔχον ἔξαβούλιον χρυσῶ περιορνευμένην διὰ χρυσῶν θετῶν καὶ κισσοφύλλον μικρῶν. Неизвѣстное словарямъ ἔξαβούλις можетъ быть производнымъ отъ ἀβόλλα, по Арриану Peri pl. = ἱμάτιον: ἀβόλλα καὶ γαννάκαι; если происходитъ отъ aba, то родъ капуцы. φοήσιον можетъ быть сліяніемъ словъ: σάγιον φοῆς, тоже средняго рода.

или даже по бархатной ткани, шитая золотомъ и разными шелками, бывалъ съ рисунками плюща, орловъ, быковъ, львовъ и пр. (см. ниже). Скарамангіи вывѣшивались уже готовыми, или въ видѣ кусковъ матеріи (*ἀράφια*), нарѣзанныхъ для одежды, наряду съ чеканнымъ серебромъ и перегородчатыми эмалями позолоту въ самыхъ видныхъ дворцовыхъ залахъ (*ἐκρεμάσθησαν σκαραμαγγία μεγάλα... ἀπὸ τοῦ παλατίου; ἀναδενδράδιον τῆς μανναύρας... ὄλον διὰ σκαραμαγγίων μεγάλων... καὶ ἐκρεμάσθησαν ἐν αὐτῶ καὶ τὰ χειμευτὰ ἔργα τοῦ φύλακος*)¹; равно триклинь кандидатовъ украшался скарамангіями и серебромъ и пр., также ананедеградій триклина Магнавры убирался ими, поверхъ шелковыхъ завѣсъ, среди колоннъ этого перистыля и все это, явно, ради разноцвѣтности частей скарамангіи и особенно ради рисунковъ на его тканяхъ. Такія одежды брались изъ дворцовыхъ складовъ на показъ, ради рѣдкости.

Когда, по случаю приѣма отъ Сарацинъ, учиненъ былъ чрезвычайный парадъ и всѣ чины приодѣлись въ лучшія или высшія (на извѣстную ранѣе степень) облаченія, собственныя или дворцовыя, то протоспафаріи надѣли скарамангіи зелено-розовые (*πρασινορόδινα*), а кандидаты — многоцвѣтные, страторы — съ бѣлыми львами (*λευκολέοντας*) и иными рисунками,² но и вообще въ этотъ день всѣ чины войсковыя, до послѣдняго челоуѣка (*ἕως ἐσχάτου ἀνθρώπου*), „носящаго скарамангіи“, каждый стоялъ въ группѣ, образованной по цвѣту и рисунку, а именно: въ скарамангіяхъ съ зелено-розовыми орлами тамъ и сямъ, съ быками, орлами въ кругахъ, съ морскими (фигурами — *τὰς θαλάσσας*) и равно съ бѣлыми львами“.³

Однако, памятники Византіи, иллюстрирующіе намъ это своеобразное явленіе византійскихъ одеждъ, ограничиваются указанными двумя изображеніями царя на процессіи, причемъ, однако, данная въ нихъ форма скарамангіи нисколько не отвѣчаетъ на тексты, нами приведенные выше. Между тѣмъ, очевидно, время должно было повліять особенно на этотъ модный видъ кавалерійскаго мундира, охватившаго столько же званій константинопольскаго двора, сколько титулованныхъ владыкъ и воеводъ новой Европы.

И вотъ пока единственныя археологическія памятники, намъ доступныя, оказываются среди шелковыхъ тканей, но уже не византійскихъ, а египетскихъ или александрійскихъ, и тоже не ранѣе VII вѣка. По вѣрному опре-

¹) II, 15, 571, 580; ср. App. ad I, I, 499.

²) II, 15, 576.

³) II, 15, 577—578: *ιστέον, ὅτι αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ τῆς δοχῆς πάντες οἱ προῄρηθέντες ἀπὸ τε πρωτοπαθαρίων καὶ ἕως ἐσχάτου ἀνθρώπου τοῦ φοροῦντος σκαραμαγγίον ἕστησαν ἕκαστος πρὸς τὸ ἴδιον τῆς χροιάς καὶ τοῦ ἐξεμπλίου σκαραμαγγίον, ἤγουν οἱ τοὺς πρασινοροδίνοὺς ἀετοὺς φοροῦντες ἔνθεν κάκειθεν, οἱ τοὺς βόφους [въ лат. пер. sic dictos boves; ср. J. Ebersolt, Mélanges, 59: des hiboux] καὶ τοὺς πολυλύφους ἀετοὺς, ὁμοίως οἱ τὰς θαλάσσας καὶ τοὺς λευκολέοντας ὁμοίως.*

дѣленію Фальке, александрійская мануфактура устроилась уже въ началѣ V вѣка и стала поставлать какъ на самую Византію, такъ и на Западную Европу въ VIII и IX вѣкахъ, а какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго экскурса, и въ Восточную Европу, къ прежнимъ варварамъ.

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Фальке, что ткань Латеранскаго клада съ изображеніемъ „Благовѣщенія“ является тождественною по своему стилю и фактурѣ тканья, вмѣстѣ съ различными кусками, происходящими изъ различныхъ европейскихъ церковныхъ ризницъ, но также и по орнаменту и сюжетамъ съ александрійскими тканями. Во-первыхъ, всѣ эти ткани¹ еще помнятъ эллинистическій стиль и его цирковые и гладиаторскіе сюжеты и фигуры этихъ сюжетовъ держатся въ предѣлахъ того типа амурчиковъ (*amoretto*), которыхъ воскреситъ на время Возрожденіе подъ названіемъ *putti*, и всѣ эти игривыя темы должны радовать и веселить глазъ. Во-вторыхъ, коймы кружковъ, вмѣщающихъ сюжеты, наполнены листовнымъ египетскимъ орнаментомъ и представляютъ или то же самое орнаментальное строеніе стебля лотоса (быть можетъ, точнѣе, связки, или своего рода пучка изъ листьевъ, бутоновъ и цвѣтовъ лотоса разныхъ видовъ — воспоминаніе сакральнаго букета), что находимъ въ кругахъ ткани Благовѣщенія. Достаточно сравнить орнаментику этого лотоса съ рисунками этого священнаго пучка, исполненнаго на деревянныхъ колонкахъ и инкрустациями по золоту на древнеегипетской пластинкѣ,² чтобы въ томъ убѣдиться. Но къ этому мнѣнію Фальке мы должны добавить, что если и тутъ находимъ египетскую стихію и ея растенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ и восточный, или, точнѣе, восточно-варварскій сюжетъ, и въ специально варварской трактовкѣ.

Дѣло идетъ о сюжетахъ, видимо, персидскаго подбора, въ которыхъ представлена охота въ заповѣдныхъ парадизахъ на львовъ съ гепардами, охота съ лукомъ, чуждая древнему Египту и Греціи, и появившаяся уже въ цирковыхъ представленіяхъ, какъ подражаніе далекому иноземному образцу, и какъ хитрая джигитовка выписныхъ атлетовъ.³ Двѣ ткани, изданныя въ альбомѣ Лессинга и воспроизведенныя въ изданіи Фальке, наряду съ подобными фигурами амазонокъ, стрѣляющихъ изъ лука въ львовъ, различаются лишь въ мелочахъ представленія: въ одной ниже львовъ представлены два гепарда, но такъ какъ эта ткань сохранилась хуже другой ткани, находящейся въ Маастрихтѣ, то мы займемся именно этою и при томъ по альбому Лессинга, воспроизводящему ткань въ краскахъ (рис. 74). Представлены въ кругу два джигита стрѣлка, выпускающіе со скачущей еще лошади стрѣлу во львовъ, стоящихъ внизу и съ остервенѣніемъ дробящихъ

¹) Falke рис. 70—74, 77, 75. Ср. ткань „Благовѣщенія“, рис. 68, подобныя ткани № 62, 75, 87, 89.

²) Racinet, Das polychrome Ornament. I, 1, рис. 8 и 9; II, табл. 1, 16.

³) Falke, рис. 72 изъ Кенсингтонскаго Музея, 73 въ соб. Маастрихта: J. Lessing, Gewebesammlung d. Kunstgewerbe Museum, 9 a. b, 10 a. b. Фигуры амазонокъ — Falke, рис. 70.

зубами на части стрѣлу, вырванную ими изъ раны у себя на боку. Брызги крови изъ раны въ разныхъ направлєніяхъ были приняты въ изданіи Лессинга за тамгу на львахъ „царскаго“ парадиза, и сама ткань объявлена „восточною“. Всадники имѣють курчавую голову юноши, на подобіе святаго Георгія, и можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ передають типъ грузина, черкеса или кавказскаго горца, по ихъ „осиной“ таліи, и по ихъ лукамъ, выточеннымъ изъ кости и скрѣпленнымъ металлическими втулками. Но всего характернѣе ихъ ѣздовой кафтанъ, на этотъ разъ скарамангій, опредѣленный

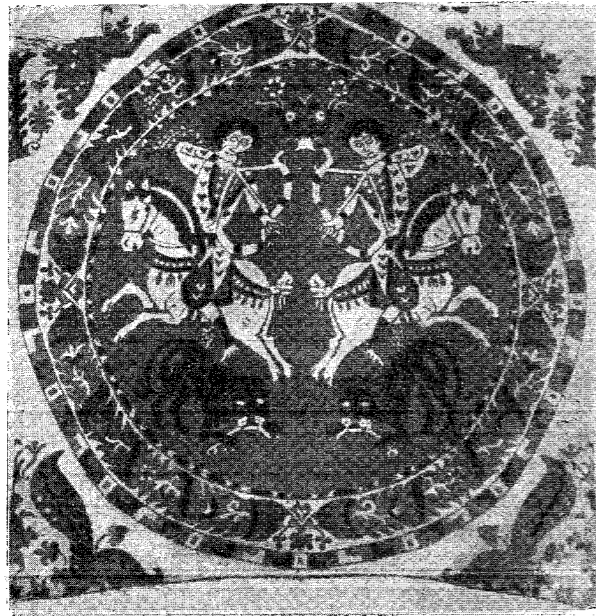

Рис. 74. Ткань въ Маастрихтѣ.

эти дополнительные части скарамангія окаймлены золотомъ. Голени ногъ обернуты, какъ онучами, полосами золотой парчи въ спирали до колѣнъ. Всѣ эти переданныя части ѣздоваго кафтана перешли затѣмъ въ воинскіе кавалерійскіе наряды средней и сѣверной Европы и даже сохранились частью доселѣ, какъ традиціональныя формы разныхъ мундировъ.

Подобныя же ткани (рис. 75), представляющія на мѣсто восточныхъ джигитовъ, амазонокъ, вспоминають, такъ сказать, грековосточныя преданія и, если не дають новаго сочиненія на древнемъ типѣ, то, быть можетъ, указываютъ на появленіе особыхъ наѣздницъ цирка, имитировавшихъ восточно-варварскую джигитовку и персидскіе обычаи. Однако, въ этой редакціи, явно преобладають воспоминанія эллинистическаго стиля и его изящество, сосредоточенное въ античныхъ типахъ.

текстомъ книги Константина, какъ обычный нарядъ проэдра сената въ IX вѣкѣ, но сложившійся, видимо, уже въ VII стол. и ставшій моднымъ впоследствии. Узкій кафтанъ, шитый въ талію, съ узкими рукавами, бѣлаго цвѣта изъ шелка, вытканнаго красными листьями плюща, имѣетъ темно-синій (пурпурный) нагрудникъ, переброшенный черезъ одно плечо, чтобы одна рука оставалась свободною для стрѣльбы, и прицѣпленный сзади къ нему короткій плащъ, вытканый также, какъ и нагрудникъ, мелкими листьями плюща. Къ бедрамъ прицѣпленъ сверху особый набедренникъ, оканчивающійся полукругомъ на колѣнахъ. Всѣ

Если обратимся, затѣмъ къ восприимчивому Западу, то естественно приходится на мысль искать тамъ переносъ восточнаго ѣздоваго кафтана на магахъ - волхвахъ Востока, прибывшихъ въ Виолеемъ поклониться народившемуся Богочеловѣку — Предвѣчному Младенцу. Правда, и въ западной иконографіи господствуетъ вплоть до конца XIV вѣка та же иконная традиція, какъ и въ византійскомъ искусствѣ, и въ этой темѣ поэтому мы тоже находимъ традиціональныя мантии на волхвахъ и даже не видно тѣхъ характерныхъ персидскихъ кафтановъ съ вырѣзами на бокахъ, какія отличаютъ маговъ на древне-христіанскихъ памятникахъ и ранне-византійскихъ. Однако, уже во фрескѣ ц. di Paganico въ Сиенѣ, приписываемой Таддео ди Бартоло, находимъ на волхвахъ: разрѣзную мантию на старшемъ, разрѣзной кафтанъ подъ мантиею на среднемъ, узкій кафтанъ до бедеръ, оканчивающійся широкою юбкою въ сборкахъ, на младшемъ магѣ. Приводимъ этотъ примѣръ нѣкотораго реализма въ

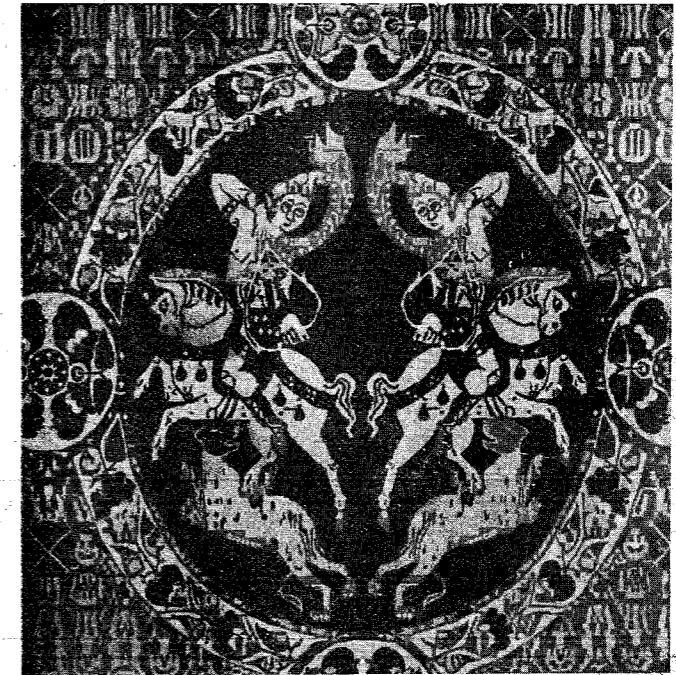

Рис. 75. Ткань съ изображеніемъ амазонокъ.

данной темѣ, не останавливаясь, однако, на деталяхъ этого ѣздоваго кафтана, такъ какъ возможно существованіе лучшаго и современнаго образца въ какой-либо иконѣ на деревѣ той же сиенской школы.

Приблизительно ранній и, несомнѣнно, лучший образецъ даетъ знаменитая икона Поклоненія волхвовъ, работы Джентиле де Фабріано, 1423 г., въ Уффицияхъ (рис. 76): художникъ, повидимому, знакомый съ новыми модами, шедшими съ Востока, изъ Византіи, или же черезъ посредство фламандской торговли, или даже отъ фламандскихъ и бургундскихъ художниковъ миниатюристовъ, далъ здѣсь невиданную дотолѣ картину Востока. И не напрасно поверхъ самого „Поклоненія,“ написалъ наверху, вьющуюся по горному ущелью кавалькаду поѣзда трехъ царей маговъ, сопровождаемую сотнями коней свиты, забравшей съ собою въ дорогу (по персидскому — кочевому обычаю), для попутной охоты и гепардовъ, и соколовъ или коршуновъ.

Изображенія
волхвовъ
въ западной
живописи.

Старшій магъ облаченъ въ пышную горностаевую мантию, и намъ не видно его кафтана, подъ нею, кромѣ рукавовъ, но обѣ одежды уже представляютъ реальную итальянскую цвѣтную ткань шелковой парчи. На среднемъ магѣ видимъ кафтанъ парчевой, украшенный гранатовыми яблоками на вѣткахъ, съ короткими рукавами, изъ подъ которыхъ видны узкіе рукава другого

Рис. 76. Джентиле де Фабріано. Поклоненіе волхвовъ.

кафтана или, вѣрнѣе, кабата. На головѣ его корона съ лилейными зубцами — кринонія византійскихъ царей, оперенная по бокамъ тремя парами перьевъ, загнутыхъ подъ очелье золотого вѣнца и воспроизводящихъ окрыленную корону персидскихъ царей. Но для нашей задачи наиболѣе важнымъ документомъ является нарядъ младшаго мага: поверхъ узкоукавнаго пурпурнаго кабата на немъ надѣтъ именно ѣздовой кафтанъ, съ длинными, до колѣнъ висящими рукавами изъ сборокъ; на поясѣ кафтанъ туго перетянутъ и затѣмъ образуетъ своего рода набрюшникъ — катакойліонъ цитированнаго выше текста. Ниже кафтанъ переходитъ въ сборчатую юбку, свободно расходящуюся, когда ѣздокъ садится верхомъ или поворачивается

въ сѣдлѣ. Всѣ эти части шелкового или парчевого костюма орнаментированы, а именно: камзолъ — византійскими листьями плюща, средняя часть или катакойліонъ — на подобіе панцыря чешуйчатыми поясками; нижняя юбка или каждая сборка ея — вѣткою лозы съ причудливыми листьями и цвѣтами, равно какъ и сборки рукавовъ. На головѣ особый видъ стефаны, въ видѣ круглой гирлянды цвѣтовъ, прикрытой мелкимъ жемчугомъ, съ коронкою наверху.¹

Типами и деталями ихъ изображенія воспользовался широко Беноццо Гоццолі, исполняя во дворцѣ Медичисовъ (нынѣ Риккарди) во Флоренціи, въ дворцовой капеллѣ „Рождество Христово“ въ торжественный (по понятіямъ времени) моментъ прибытія къ Божественному Младенцу маговъ — владыкъ Востока — на поклоненіе (рис. 77—78). Художникъ писалъ свою фресковую роспись капеллы до 1463 года включительно, когда еще у флорентинцевъ былъ въ свѣжей памяти синодъ по единенію церквей и пріѣздъ во Флоренцію самого Іоанна Палеолога. Беноццо былъ изъ числа художниковъ, перешедшихъ отъ иконы и картины къ исполненію росписей съ помощью составленной артели мастеровъ или со своей мастерскою, уже обученной опредѣленному стилю и техникѣ, и въ этомъ отношеніи могъ заимствовать самъ лично и въ работахъ мастерской всѣ пособія и образцы современной манеры. Въ срединѣ XV вѣка онъ пользовался общепризнаннымъ авторитетомъ, и поэтому реальныя детали, имъ заимствованныя отъ Джентиле, могли быть легко приняты за подлинно портретныя черты Космы Медичиса въ образѣ старшаго волхва и Лоренцо Великолѣпнаго въ младшемъ (рис. 78), а также за портретъ Іоанна Палеолога въ фигурѣ и лицѣ средняго волхва по возрасту (рис. 77). На самомъ дѣлѣ послѣдній слишкомъ напоминаетъ волхва въ иконѣ Джентиле (послѣдняя донинѣ имѣетъ слишкомъ свѣжій видъ и трудно сказать, что было въ ней подправлено и поновлено), чтобы можно было этотъ типъ считать портретнымъ, также какъ и типы Медичисовъ явно идеализированы мастеромъ. Но все же намъ остаются детали ихъ нарядовъ, а они, судя особенно по кафтанамъ (тоже „ѣздовымъ“) свиты, имѣютъ столь ясно характерную типичность своего времени, что не оставляютъ ничего желать.

Всѣ три волхва облачены въ великолѣпныя скараники греческаго двора, одного типа, но съ вариантами не только въ тканяхъ, но и въ покроѣ. Только у старшаго волхва наброшенъ бѣлый парчевой сагій (въ средне-вѣков. итал. *sai* или *lacerna*) у прочихъ его нѣтъ, но скараники сдѣланы изъ плотной парчи, тѣмъ не менѣе собранной отъ талии внизъ во мно-

¹) Въ изд. акад. С. Рейнака *Répertoire de peinture du moyen âge et de la Renaissance*. 1905, I, p. 72 дается калька рисунка Альбома Тосканелли, табл. 10 — Поклоненіе маговъ, приписываемое тому же Джентиле, такъ какъ много частей его иконы здѣсь воспроизведено. Младшій магъ представленъ въ короткомъ кафтанѣ флорентинскаго покроя конца XV вѣка и дѣлаетъ обѣими руками знакъ — очень странный — удивленія — скорѣе, чѣмъ преклоненія.

жествъ складокъ, которыя именно, раздвигаясь, даютъ возможность свободно сидѣть и двигаться въ сѣдлѣ. Художникъ Вечелліо, издавая подобныя же одежды, короткіе, сборчатые кафтаны, оговаривается, что онъ самъ (рис. на стр. 45) срисовалъ эти костюмы и въ нихъ *sottana con tante falde*,¹ но сообщаетъ названіе этой одежды (вмѣстѣ съ плащемъ) *giornea*.

Рис. 77. Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Средній волхвъ (Императоръ Іоаннъ Палеологъ).

Что скараникъ нерѣдко былъ и составная одежда, доказательствомъ могла бы служить извѣстная фустанелла — греко-албанская бѣлая и короткая юбка, вся въ мелкихъ складкахъ, также пригодная для ѣзды верхомъ и пристегивающаяся къ короткой курткѣ. Затѣмъ среди женскихъ средне-вѣковыхъ костюмовъ словарь Дюканжа знаетъ какой-то *gardacorsium muliebre de panno vario cabrionato cum panno et caputium*: кромѣ того, что этотъ корсетъ — узкая *cotte* — шился изъ разноцвѣтныхъ кусковъ тканей, но имѣлъ одну часть вокругъ тѣла изъ перьевъ — уподобляясь

¹) Cesare Vecellio. *Habiti antichi et moderni*. Venetia. 1598. fig. p. 38, 45, 49, 50.

чешуйчатому панцырю, но еще сзади имѣлъ *caputium* — башлыкъ, какъ первоначальный скарамангій.

Затѣмъ въ фрескѣ у старшаго волхва скараникъ бѣлый парчевой съ пурпурнымъ (темно-фіолетовымъ) шитьемъ — цвѣтами (итальянскія парчи XV в.); бѣлая же туника у юнаго волхва (Лоренцо), какъ у царскаго сына,

Рис. 78. Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Младшій волхвъ (Лоренцо Медичи).

съ золотымъ шитьемъ и коймами темно-пурпурными (рис. 78). Скараникъ царя (средняго волхва съ бородкою), съ короткими рукавами, поверхъ пышной камчатной узорукавной камисіи, зеленый съ великолѣпными флеронами, шитыми (не ткаными) золотомъ (рис. 77); именно этотъ скараникъ длиннѣе предъидущаго. У всѣхъ трехъ пурпурные, шоколаднаго цвѣта и узкіе (офигурца) штаны, ставшіе въ XV вѣкѣ обычною модою всей средней и сѣверной Италіи, и такія же кампагіи. Но особо любопытны головные покровы волхвовъ, которые, если и были въ Италіи, то во всякомъ случаѣ были и въ Византіи. Остановлюсь на одномъ, именно на вѣнцѣ самого царя (рис. 77),

тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ хитрое устройство, которое объяснить намъ отчасти непонятныя и чрезвычайно причудливыя короны Ирода у иконописцевъ, начиная именно съ XIV вѣка. Вѣнецъ состоитъ изъ тонкаго листового, легкаго и очень узкаго обручика, или именно діадемы, но весь лицевой передъ покрытъ гнѣздами рубиновъ и сафировъ; наверхъ изъ этого обручика тянутся тонкіе, листового же золота, числомъ около 12, лучи, длинные и гибкіе, и слегка вогнутые внутрь и также убранные камнями. Но затѣмъ обручикъ имѣетъ внутри матерчатую подкладку, и въ ней прикрѣплено съ двухъ боковъ по шести перьевъ, которые также согнуты и перегнуты къ кругу лучей и, повидимому, обнизаны жемчугомъ. Форма хрупкая, но изящная, и такой вѣнокъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, перегнутыхъ одни глубже, другіе повыше, является рѣдкостнымъ стефаномъ. Возможно, что именно къ нему идетъ и византійское названіе фіала или фіалина (*φιάλη* или *φιάλις*): комментаторъ Кодина знаменитый Гоаръ на стр. 290 сообщаетъ, что нѣкто Георгій Корезій Хиосецъ прислалъ ему опредѣленіе фіала: *πολυχρόματον ὑφασμένην καὶ τελευτήμενην καλύπτραν* — головной покровъ, переплетенный и разноцвѣтный, и что онъ Гоаръ думаетъ, основываясь по Евхологіямъ, что фіала имитировала фонтанъ, выбрасывающій воду, напримѣръ, перьями и драгоценными разноцвѣтными камнями. По моему, онъ угадалъ, хотя этого вѣнца не видалъ.¹

Было бы безплоднымъ повтореніемъ перебирать формы покроя ѣздовыхъ кафтановъ въ послѣдующихъ, довольно многочисленныхъ итальянскихъ иконахъ и картинахъ Поклоненія волхвовъ второй половины XV в. и начала XVI столѣтія. Въ большинствѣ этихъ картинъ уже нѣтъ той свѣжей реальности въ передачѣ покроя, тканей и прочихъ деталей, и часто, ради усиленія грандіознаго впечатлѣнія, умножаются мантии на волхвахъ, закрывая внутреннія одежды, и не выписываются рисунки на дорогихъ тканяхъ. Обычно мы можемъ видѣть скарамангій или скараникъ только на третьемъ или младшемъ по возрасту магѣ, а этотъ магъ, въ силу тяготящихся вліяній Фландріи, является уже мавромъ. И въ томъ излишествѣ парчевыхъ кафтановъ со сборками, всякой фалбалы на рукавахъ, драгоценностей на высокихъ, коническихъ шапкахъ съ широкими полями, наушниками и пр., щеголяютъ, по преимуществу, фламандскіе, бургундскіе и французскіе живописцы XV—XVI столѣтій, а за ними отчасти ломбардскіе и венеціанская живопись. Мы находимъ ѣздовые кафтаны на магахъ у Фоппа, Флемалля, множества фламандскихъ иконниковъ и живописцевъ, но зачастую не можемъ утверждать, что данные образцы не придуманы частью ихъ фантазією, какъ вообще восточныя темы, даже у венеціанцевъ конца XV вѣка, казалось бы, ежедневно наблюдававшихъ тѣ же костюмы у себя на площади св. Марка.

¹) Вполнѣ подобное построеніе головного убора у сассанидскаго царя на охотѣ, верхомъ, см. Рус. Др., III, рис. 83, но тамъ загибы имѣютъ форму роговъ, стало-быть, символическихъ знаковъ, по сторонамъ шапки.

Напротивъ того, роспись дворца Гонзаговъ въ Мантуѣ, исполненная Андреемъ Мантэнья въ 1474 году (приблизительно), представляетъ намъ воинскихъ чиновъ герцогскаго двора именно въ короткихъ скараникахъ, вокругъ сидящей семьи герцога: художникъ, видимо, попросилъ членовъ свиты установиться передъ нимъ въ горделивыхъ и почти выставочныхъ позахъ у пилястровъ одной изъ написанныхъ имъ арокъ плафона. Въ соотвѣтствіи съ этими чинами, мы находимъ и въ альбомѣ художника Чезаре Вечелліо¹ рядъ любопытныхъ покроевъ того же ѣздоваго кафтана въ костюмахъ Италіи, у владыкъ, вельможъ, родовитыхъ людей, и равно служилыхъ людей. Начиная отъ „античнаго барона (р. 34) изъ Венеціи, который имѣетъ подобный кафтанъ изъ золотой парчи (*pano d'oro*), и изъ пластинокъ золотыхъ и серебряныхъ (нижня юбка), на подобіе птичьихъ перьевъ (*a guisa di piume d'uccelli*), — то, что называлось въ средніе вѣка *vestes plumatae*: будто бы, по Вечелліо, эти костюмы XI вѣка и рисунокъ представляетъ барона съ соколомъ. Моды XV вѣка представляются этому любителю старины уже древнѣйшими, и онъ, называя короткій кафтанъ терминомъ *giornea, sottana con falde*, объясняетъ, что срисовалъ ихъ съ памятниковъ древней живописи или нашелъ подобные костюмы въ разныхъ городкахъ Италіи, съ любопытными шапками (*berette rosse*) въ видѣ краснаго шара (р. 51). Затѣмъ у Вечелліо идутъ моды XVI-го вѣка и вновь появляется тотъ же ѣздовой кафтанъ уже въ предѣлахъ Восточной Европы, у сербовъ, хорватовъ, далматинцевъ, Персіи и проч.

Въ дополненіе къ восточнымъ ѣздовымъ кафтанамъ типа скараниковъ можемъ сообщить распространеніе его покроя въ предѣлахъ Восточной средневѣковой и даже позднѣйшей Европы: укажемъ кратко на пурпурный, съ золотыми разводами кафтанъ, съ рядомъ сборокъ и широкою сутаню внизу, поверхъ другога кафтана, у молдавскаго владыки Стефана Великаго (1457—1504).²

Обращаясь затѣмъ къ средневѣковой Германіи, мы находимъ въ любопытныхъ альбомныхъ томахъ Гефнера фонъ Альтенека³ нѣкоторое подобіе скарамангія уже въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка на барельефномъ изображеніи имп. Фридриха (умр. 1190) на порталѣ собора въ Фрейзингенѣ: короткій кафтанъ воинскаго типа, но безъ оружія, съ оплечьемъ. Ясно изображенъ ѣздовой кафтанъ на Карлѣ Великомъ, ѣдущемъ со своими паладинами, тождественный по покрою длиннаго, но разрѣзнаго на бокахъ византійскаго скарамангія (табл. 45), причѣмъ изображеніе находится въ пергаментной рукописи „сказанія о Карлѣ Великомъ“ XII вѣка. Короткіе по-

¹) По изданію: *Habiti Antichi*, 1598, р. 34, 38, 45, 46, 51, 54, 67, 87, 90.

²) Въ подносной рукописи Евангелія въ Воронцѣ: N. Jorga et G. Bals, *L'art roumain*, 1922, табл. въ краскахъ между стр. 352 и 353, стр. 76 — миниатюра 1473 г.

³) J. v. Hefner. *Trachten des christlichen Mittelalters, nach gleichzeitigen Kunstdenkmäler*. S. a. табл. 25, 43, 45, 48.

лѣнные кафтаны ленныхъ владѣтелей на миниатюрѣ X вѣка (табл. 48) не могутъ быть принимаемы за античную тунику ни со стороны покроя, ни по тканямъ, какъ видно, на примѣръ, по золотой парчѣ ея коемъ (табл. 50). Кстати, изображеніе Авессалома въ персидскомъ кафтанѣ съ низкими жемчуга въ томъ же Псалтырѣ X вѣка указываетъ на восточные источники

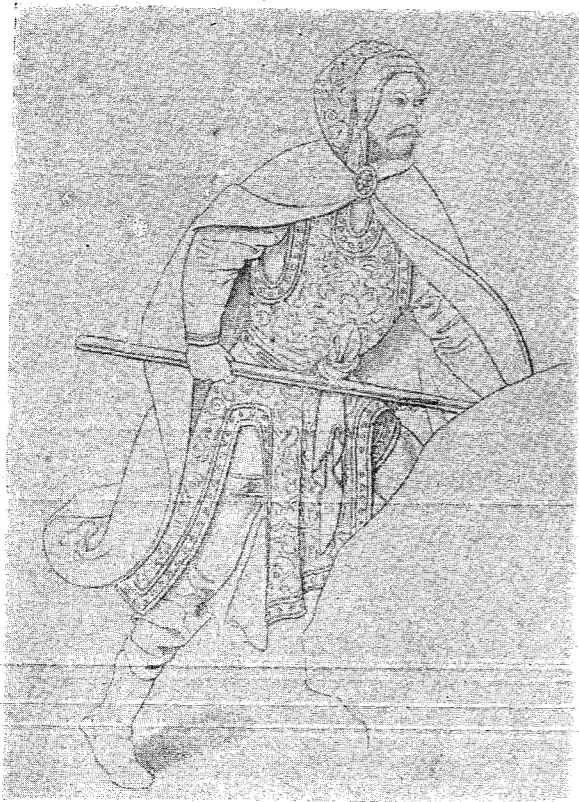

Рис. 79. Изображеніе палача (по альбому Гефнера фонъ Альтенека).

кафтана подъ кирасою; короткія полукафтаны, какъ ихъ называли на Руси, со сборною юбкою видимъ на таблицахъ 16, 19, 21 съ широкими рукавами, 27, 28, 35, 51, 64, 71, и т. д.; собственно говоря, за исключеніемъ воинскихъ доспѣховъ или изображеній на надгробныхъ плитахъ, большинство таблицъ представляютъ модныя варіаціи все того же ѣздового кафтана, а иногда даетъ именно самый ѣздовой кафтанъ на всадникахъ, охотящихся съ соколомъ, и нерѣдко съ тѣми крайностями моды, которыя выработали рукава на подобіе мѣшковъ, висящихъ съ плеча на рукѣ, вмѣстѣ съ мѣховою опушкою, „фалдами“ или сборками и пр. Костюмъ этотъ обошелъ, повидимому, большинство земель

кафтаноу, которые уже въ XIII вѣкѣ (табл. 68, 74) становятся обычными. Но уже съ началомъ XV вѣка и II тома собранія Гефнера, а именно съ таблицы 2 открывается широкое распространеніе ѣздового кафтана въ описанномъ восточномъ типѣ въ Германіи: „мастеръ Вильгельмъ“ изображаетъ палачей мучениковъ (рис. 79) въ расшитыхъ, безрукавныхъ и съ большими разрѣзами на бокахъ, кафтанахъ у которыхъ имѣется даже башлыкъ на головѣ, пристежной къ кафтану и съ подобнымъ же шитьемъ; взамѣнъ такого кафтана у одного палача кольчуга; поверхъ кафтана надѣтъ плащъ, у другого, такъ называемый греческій эпилорикъ; кафтанъ голубого цвѣта, съ золотымъ шитьемъ, плащъ блѣдно-голубой. Табл. 13 представляетъ верхнюю одежду въ видѣ широкой и короткой шубки въ сборкахъ; таблица 14 нарядъ маркграфа изъ подобнаго каф-

Западной Европы, но не вездѣ былъ принятъ и подвергся преувеличеніямъ, а остался только спеціальнымъ ѣздовымъ нарядомъ. Напротивъ того, мѣстами этотъ костюмъ повліялъ и на женскія моды и вмѣстѣ съ восточными тюрбанами породилъ ту пестроту и причудливость модъ XV вѣка, которую можно наблюдать въ томъ же альбомѣ Гефнера на таблицахъ 6 (женскій нарядъ) и 99—101; послѣднія таблицы воспроизводятъ рисунки ковра со множествомъ фигуръ высшаго общества и легенду о единорогѣ и дѣвѣ. Но таблицы 141, 146 показываютъ переходъ той же модной одежды къ простолюдинамъ. Однако, самыя характерныя и, при всей причудливости для нашего взгляда, даже блестящія формы приняли скараники все же у итальянцевъ, если, по крайней мѣрѣ судить, по рисункамъ венеціанской иконы „Поклоненія волхвовъ“, въ Берлинскомъ Музеѣ, приписанной Ваагеномъ Антоніо Виварини и изданной у Гефнера въ таблицѣ 139 и 140. Младшій магъ (рис. 80) имѣетъ на себѣ верхній кафтанъ съ широчайшими рукавами, спускающимися внизъ въ мелкихъ складкахъ до полъ, перетянутый поясомъ очень низко и оканчивающийся юбкою со множествомъ мелкихъ складокъ, сшитъ изъ золотой парчи.

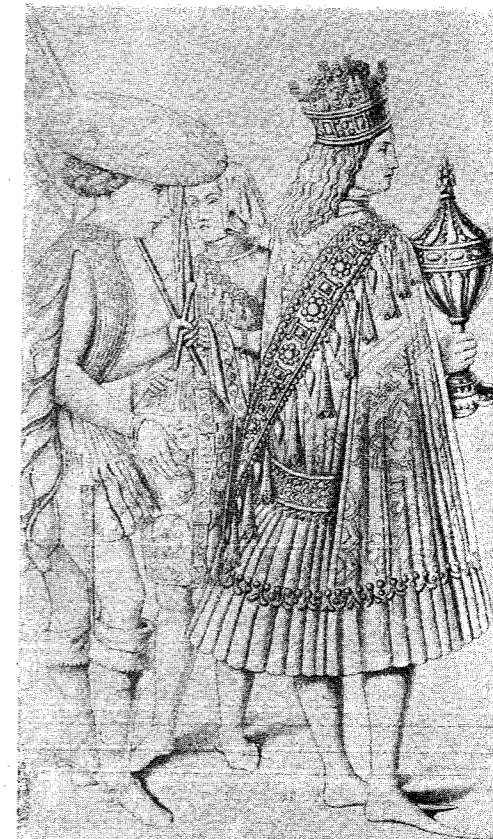

Рис. 80. Младшій волхвъ, на картинѣ припис. Антоніо Виварини (по альбому Гефнера фонъ Альтенека).

Рейске въ комментаріяхъ слова „скармангій“ указалъ уже, что въ Бургундіи (по Швейцарскимъ хроникамъ) придворныя одежды изъ шелковыхъ матерій назывались *Seidene Scharmeyen*, что, явно, происходитъ отъ византійскаго названія. Онъ же сопоставляетъ „скармангій“ съ итальянскимъ *scaramuccio*, и, повидимому, правильно, но *scara* происходитъ не отъ *schirmen*, а отъ *scarlatus* — *écarlat*, что значитъ вмѣстѣ съ *Mütze* — красный колпакъ, а въ цѣломъ — шута, жонглера, кудесника, чаровника и фокусника. Названіе *Scaramuccio* близко къ *scaramangion*, а это послѣднее могло дать, при народной перестановкѣ, скамарахъ, скомрахъ, скоморохъ. Входитъ въ детали такого, пока проблематическаго сближенія,

не настоить нужды, но по поводу того бытового факта, что наши скорморохи, превратившіеся въ романскихъ земляхъ въ шарлатановъ (отъ *scarlatus*), также, какъ и маги, кудесники, носили красные кафтаны и такіе же остроконечные колпаки, и что, такимъ образомъ, эти потѣшники толпы и площади носили наряды, похожіе на кафтаны и мундиры кавалерійскихъ чиновъ, до самого царя, о чемъ намъ придется въ очеркѣ русскихъ древностей говорить особо.

Кратко сводя все сказанное о скарамангіи, мы должны съ удареніемъ отмѣтить то характерное обстоятельство, что варварская мода породила въ Византіи двѣ одежды: кабатъ — каввадій и скарамангіи. Но первый далеко не сразу сталъ преобладающей формой, а только съ XII—XIII и послѣдующихъ вѣковъ, и при томъ на Западѣ. Успѣхъ скарамангіи объясняется тѣмъ, что въ качествѣ ѣздового кафтана онъ былъ какъ бы кавалерійскимъ мундиромъ царя и большинства воинскихъ чиновъ (не только спааріевъ), а потому и вообще парадною формою для высшихъ сановъ Имперіи и союзниковъ или „друзей“, породивъ, конечно, моду на кавалерійскія облаченія, уборы и приборы, какъ воинскіе, такъ гражданскіе, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Полная исторія распространенія этой одежды могла бы дать многія указанія по родственной и позднѣйшей стадіи кавалерійской моды въ западномъ рыцарствѣ, тѣсно связанномъ исторически съ византійскимъ прототипомъ.

Затѣмъ къ этому очерку слѣдуетъ присоединить и оговорку, что наши этюды о кабатѣ и скарамангіи относятся именно къ варваризаціи облаченій византійскаго двора, и что, затѣмъ, большинство прочихъ появившихся при этомъ дворѣ облаченій относится уже къ переносу, хотя отчасти тѣми же варварами, одеждъ восточныхъ дворовъ, главнымъ образомъ Персіи. Это не было уже усвоеніе не узкихъ, трудовыхъ одеждъ, но широкихъ облаченій, которыхъ разсмотрѣніе пока невозможно, безъ пособія тѣхъ же или подобныхъ типовъ русскаго царскаго двора...

Мантии и плащи. Древняя хламида, прежде столь представительный и даже обязательный знакъ римскаго императора, мало по малу вышла изъ употребленія и мѣсто ея занялъ окончательно лоръ, какъ видно изъ позднѣйшихъ изображеній царя. Обстоятельство немаловажное, ибо оно было, очевидно, вызвано постепеннымъ усвоеніемъ мантии едва ли не всѣми новыми дворами былой варварской Европы уже съ XI вѣка. Но, такъ какъ мантия въ то же время была отличительнымъ знакомъ и различныхъ сановъ и высшихъ чиновъ греческаго двора, требовалось ее замѣнить, и на ея мѣсто явились уже новыя мантии разнаго рода: отсюда разныя *ἐπιρριπτάρια* — военные плащи и выходныя накидки съ башлыками, *ἐπιλουρίκια* или *ἐπιλωρίκια* — уже несомнѣнно короткіе военные плащи, далѣе малоизвѣстные рукавные халаты, на примѣръ, *ἀομελαύσια* (русскій армякъ?) и *κολόβια* — безрукавные, или съ очень короткими рукавами, хорошо извѣстные съ IX—X вѣка, потому что распятый Христосъ обычно изображается въ пурпурномъ коловіи,

неподпоясанномъ, длинномъ до пятъ. Одежда *ἀβδία* можетъ быть сближаема съ арабскою абою, широчайшимъ верхнимъ одѣяніемъ, какъ подобныя слова: *βορχάδια* отъ *borca*, *καββάδιον* отъ *sara* — *саба*.

Мы не знаемъ мантии *τριβών*, Прокопіево *τριβώνιον*, хотя можно предполагать, что это былъ тоже короткій военный плащъ, лагернаго характера, и потому не относящійся къ облаченіямъ византійскаго двора, но державшійся почти все время въ быту Византіи.¹

Одно мѣсто разсказа самого Константина о триумфальномъ вѣздѣ царя „Эпилорикъ“ Василия въ столицу въ 879 году сообщаетъ: „пропустивъ, по вступленіи въ Золотыя Ворота, мимо себя процессію, владыки сняли скарамангіи и надѣли, „автократоръ, т. е. самъ царь Василій, одежду *ἐπιλώριχον* — златотканную, всюду обнизанную жемчугомъ, а по вороту крупными жемчужинами, мечъ на поясѣ и діадему на головѣ, такъ называемый кесарикій; сынъ царскій Константинъ былъ въ золотомъ панцырѣ съ мечемъ и золотыхъ поножахъ, на головѣ своей имѣлъ факіолій, на подобіе прополомы (см. ниже)“.² Эта одежда, какъ верхняя одежда, надѣваемая на латы, упоминается въ приложеніи къ книгѣ „о церемоніяхъ“ [еще въ описаніи вѣзда царя Теофила, когда царь одѣлъ златотканный хитонъ *ἐπιλώριχον τὸν ῥοδόβοτον*.³ Позже въ книгѣ Кодина эпилорикъ встрѣчается] весьма часто и обычно при воинскихъ чинахъ (напр. ихъ одѣваютъ, когда хотятъ, архонты: начиная великимъ domestikомъ и до друнгарія виглы⁴ и пр.), но, какъ вещь извѣстная, безъ всякихъ объясненій. Гоаръ въ примѣчаніяхъ къ Кодину,⁵ указываетъ текстъ у Цецеса объ одеждѣ: *φάρος ἐστὶ τὸ διασχισμένον ἱμάτιον ὃ καλοῦμεν ἐπιλώριχον, καὶ πᾶν τὸ οὕτω διασχισμένον*. Между тѣмъ русская старина знаетъ соответствующую вполнѣ одежду ферязь,⁶ длиною до лодыжекъ, безъ перехвата и воротника, съ длинными рукавами; она застегивалась пуговицами въ длинныя петлицы; бывали ферязи лѣтнія и зимнія на мѣху, ѣздовыя изъ бархата, шелка и сукна, золотнаго бархата; были и женскія ферязи, по образцу турецкихъ фередже. Покрой ферязи представлялъ обычные разрѣзы: напередѣ сверху до низу, и къ нему шесть петлицы, и разрѣзы на обоихъ бокахъ до бедеръ, также съ петлицами. Должно замѣтить, что прототипомъ подобныхъ верхнихъ одеждъ ѣздовыхъ была и доселѣ остается такъ называемая черкеска, изъ сукна съ разрѣзами по переду по обоимъ бокамъ и даже сзади, ради верховой ѣзды, но съ тальею, чего не имѣла ферязь. Подобныя ферязи верхнее одѣяніе, застегивающееся сверху до низу и раз-

¹) [Объ античномъ трибонѣ см. L. Heuzey, о. с., р. 86. О тривонѣ у Іоанна Лидійца и въ лексиконѣ Гезихія см. Recueil-Kondakov, р. 224.]

²) App. ad I. I, 500.

³) [App. ad I. I, 505; объ эпилорикѣ см. въ ст. Д. Θ. Бѣляева, въ Ж. М. Н. П.]

⁴) Cod. De off. IV, 22.

⁵) Gretseri et Goari commentarius in Codini cap. IV, р. 240.

⁶) См.: П. Савватовъ. Описаніе, п. сл. ферязи.

рѣзное по бокамъ, изъ броката, представляется въ рис. 35 сборника Чезаре Вечелліо (изд. 1598 г.) у владѣтельнаго синьора (*signore di castello*) Венеціанской области, при шапкѣ или колпакѣ красномъ съ заломами спереди и сзади, на горностаевомъ подбоѣ или бѣломъ бархатѣ: костюмъ старинный, XIV или XV вѣка. Любопытенъ и костюмъ того же сборника, по записи будто бы XI вѣка (*d'un barone antico per Venetia*), покроемъ подобный скарамангію-кафтану изъ золотной парчи (*panno d'oro*), съ особою юбкою, состоящею изъ рядовъ полосокъ (*piastretto*), какъ бы перьевъ (*vestes plumatae*)¹: кстати этотъ баронъ на лѣвой рукѣ держитъ сокола на цѣпочкѣ и, повидимому, долженъ ѣхать на охоту; рис. 87 представляетъ также подобіе ферязи или византійскаго фара.

Одежды русскаго царскаго двора.

Наиболѣе характернымъ типомъ, по своей законченности, является внѣшность русскаго царскаго двора XV—XVII вѣковъ, кстати и наиболѣе извѣстная, по крайней мѣрѣ со стороны царскихъ облачений, благодаря внимательнымъ, хотя еще не научнымъ, трудамъ Висковатова, Строева Савваитова. Кратко говоря, царскія облачения Руси уже съ XIV вѣка не знали мантии, — корзно исчезло къ XV вѣку, а приволока осталась только у воинскихъ чиновъ. Япончи и япончицы, половецкія и турецкія (япондже) и емурлукъ (вмѣсто ягмурлукъ — дождевая одежда) были или бурки или суконныя, безрукавныя накидки и шубейки мужскія и женскія. Большинство верхнихъ одеждъ были или рукавныя, какъ разнаго рода кафтаны, однорядки, или съ откидными рукавами за поясомъ — охабни, или болѣе широкія къ низу — платна, съ рукавами особенно длинными — опашни и женскія распашницы, и торжественный царскій нарядъ, съ широкими рукавами, какъ у греческаго саккоса. Большинство одеждъ и облачений носятъ поздне-византійскій характеръ, т. е. представляютъ широкую верхнюю одежду, разрѣзную (*σχιστόν ἱμάτιον*), отъ передней середины ворота до низу и на пуговицахъ или аграфлахъ — заполахъ. Иныя изъ нихъ шились узкими изъ легкихъ шелковыхъ матерій, камки по преимуществу, и притомъ до колѣнъ и образовывали собственно кафтанъ разныхъ видовъ. Всѣ другія какъ то: терликъ, ферязь были шире и опускались до полу, но такъ какъ разрѣзъ шелъ вертикально, ихъ видъ, хотя бы рисунокъ тканей и былъ восточный, оставался византійскимъ, или европейскимъ, въ предѣлахъ XIV—XV вѣка, хотя уже въ XVI вѣкѣ производилъ, понятно, впечатлѣніе устарѣлыхъ, архаическихъ костюмовъ. Иное впечатлѣніе оказывали длиннополые кафтаны — становой (безъ пояса) и турецкій, имѣвшіе разрѣзъ косою и полы внизу столь широкими, что онѣ запахивались одна на другую, при чемъ турецкій опоясывался кушакомъ, съ „болшимъ ножикомъ“ (кинжаломъ) на немъ. Такіе кафтаны ничѣмъ не отличались отъ восточныхъ халатовъ. Въ то же время нельзя не вспомнить, что обычай давать почетныя

¹) См. Рейске, Коммент., р. 222, выписку изъ Хроники С. Галльскаго монастыря о приѣмѣ у Карла Великаго венеціанскихъ моряковъ, въ одеждахъ съ павлиньими перьями, изъ желтаго шелка.

одежды отъ владыкъ владыкамъ же или ихъ довѣреннымъ чинамъ „со своего плеча“, который прежде имѣлъ магическое значеніе пріязни, дружбы, братства, а затѣмъ „инвеституры“, выражался на Востокѣ именно широкою одеждою, которая называлась и *khilāh*, и хала, въ сопровожденіи тюрбана, золотого ожерелья, золотыхъ браслетъ и поножій.¹ Помимо, стало быть, обычнаго восточнаго типа одеждъ, распространялся особенно типъ домашней одежды, изъ легкой сравнительно (потому чаще шелковой), но цвѣтной ткани, и съ длинными рукавами, которая, на примѣръ, въ Россіи, какъ халатъ, привилась особенно широко и прочно въ состоятельныхъ классахъ.

У Кодина имѣется особо любопытный экскурсъ, якобы историческаго характера, въ сторону отъ его банальныхъ перечней, въ главѣ VII, гдѣ идетъ записка „о царской трапезѣ“, за которой главная служба выпадала въ то время великому domestiку и стольнику. Оканчивая записку, Кодинъ начинаетъ свой рассказъ о томъ, что „еще отъ Ассирійской имперіи перешла къ нынѣшнимъ царямъ нѣкая одежда (*τι φόρεμα*), именуемая гранаца (*γρανάτσα*), носимая царемъ безъ пояса и которой висящія рукава протягиваются до пятъ (*μέχρι καὶ ἀστρογάλων*). Эту одежду вольны носить и всѣ высшіе чины, но только опоясанной, и рукава заправленными сзади за поясъ, и эта одежда у архонтовъ зовется лапаца (*λαπατῆς*), почему — неизвѣстно. Но великій domestiкъ, хотя носить также эту одежду опоясанною, однако ради чести (*τιμῆς ἕνεκα*) и отличія отъ другихъ одинъ рукавъ у него заправляется за поясъ, а другой виситъ свободно.² Имя одежды лапаца производятъ отъ одежды персо-арабской либас, имѣвшей рукава до 20 локтей длины,³ но были и формы дивитисія, имѣвшія длинные рукава, и на кievской фрескѣ въ ложѣ чиновъ, въ ипподромѣ, есть группа, у которой обѣ руки сложены, въ знакъ умиленія и вниманія, на груди, а рукава на нихъ спущены настолько, что получается полное „недѣланіе“. Наша пословица о работѣ „спустя рукава“ сложилась именно на почвѣ насмѣшекъ надъ древними обычаями. Очевидно, и въ древней Руси появленіе одежды съ особо длинными рукавами повело при царскомъ дворѣ къ нѣкоторымъ ограниченіямъ излишне вольной модѣ. Такова была верхняя, длинная и широкая одежда, называемая охабень, охабенекъ, съ отложнымъ воротникомъ, спускавшимся до половины спины и длинными рукавами. Подъ рукавами дѣлались прорѣхи для выпуска рукъ именно потому, что рукава носились закинутыми за плечи и заправленными сзади за поясъ, ради, очевидно, приличія при дворѣ, тогда какъ въ Польшѣ щеголяли рукавами, свѣшивавшимися до

„Гранаца“.
„Лапаца“.

¹) Quatremère, Makrisi, I, 149. Dieulafoy, L'acropole de Suze. Reiske, p. 588—590, v. βεσπομλιαρῆσα, Du Cange, gloss. lat. v. Liberationes (= livrées). [О дарственной одеждѣ, называвшейся „хила“ см. у ибн-Фодлана, Гаркави, о. с., стр. 87. Объ инвеститурѣ въ Византіи VI в. см. также Recueil-Kondakov, p. 218.]

²) Cod. De off. VII, 63—64.

³) [См. Reiske, Comm. ad G. P. De cer., p. 425. Ср. Д. Θ. Бѣлгевъ. Byzantina II, 54.]

колѣнъ. Охабни носили князья и воеводы,¹ верхъ охабня былъ багровый атласъ, подпушка тафта двуличная и таусинена (синяя), но обычно охабень дѣлался или изъ сукна, или парчи, бархата.

Обычай стоять скрестивши руки.

Однако, Византія далеко превзошла подобныя церемоніальности примѣненіемъ почти воинскихъ обычаевъ, явно, заимствованныхъ изъ Персіи, и, конечно, придававшихъ ея двору нѣкоторый оттѣнокъ рабскаго угожденія. Такъ, въ главѣ 2-ой II книги Константина, по поводу довольно сложнаго процесса роспуска частей, не приглашенныхъ къ воскресному столу, послѣ выхода, сообщается, что когда войдутъ въ триклиній Юстиніановъ военныя части, то стоятъ скрестивши руки и молча (*τὰς χεῖρας δεδεμέναις ἔχοντες καὶ σιωπῇ χροόμενοι*).² Понадобилось все остроуміе и вся эрудиція арабиста Рейске, чтобы не перевести эти слова буквально: со связанными руками и путемъ привлеченія формъ восточной рѣчи и манеръ у Янычаровъ и даже мраморнаго рельефа, представляющаго вѣнчаніе лонгобардскаго короля, съ „аколуеомъ“ позади него, стоящимъ со скрещенными руками.³ Но если въ данномъ случаѣ грѣшатъ больше слова, то уже не могутъ вводить въ заблужденіе памятники. Извѣстная еще самому Дюканжу и много разъ воспроизведенная выходная миниатюра подносной греческой рукописи Словъ Іоанна Златоуста (Пар. Нац. Библ. Coisl. 79).⁴ Въ ней представленъ царь Никифоръ Вотаніатъ (низл. 1081 г.), сидящій на золотомъ креслѣ и приложившій правую руку къ груди, въ знакъ умиленія: на немъ золотая стемма съ камнями и жемчугомъ, голубой дивитисій, вышитый золотыми листьями плюща (*κισσοφύλλα*) и фіолетовая хламида, вышитая также золотымъ плющемъ и застегнутая на правомъ плечѣ; красныя чаги (*τζάγυια*) съ золотыми коймами; дивитисій имѣетъ широкіе рукава, видимо, изъ легкой шелковой матеріи, охваченные у плечъ золотыми нарамниками и у запястья золотыми наручами. По сторонамъ сидящаго царя стоятъ неподвижно четыре высшихъ чина, двое имѣютъ красныя скіадіи, двое — бѣлые колпаки; одинъ изъ нихъ безъ бороды — навѣрное евнухъ — облаченъ въ широкое рукавное платно блѣдно-зеленой парчи съ вытканными на немъ крупными кругами, а внутри нихъ стоящими львами, это препозитъ или кто либо изъ ближайшихъ къ царю придворныхъ чиновъ. Прочіе три облачены одинаково въ синіе стихари, крапленые бѣлыми точками, и въ красныя мантии, вышитыя копейными лиліями и съ двумя золотыми тавліями на груди по сторонамъ разрѣза, при чемъ парчевыя мантии тѣсно охватываютъ фигуру и наглухо застегнуты двумя круглыми фибулами у самага ворота. Руки оказываются зажатыми и заключенными подъ плотною парчею об-

¹) П. Савванитовъ. Описаніе русскихъ утварей, см. Охабень.

²) II, 2, 525.

³) См. коммент., 607—609.

⁴) Воспроизведена въ краскахъ въ атласѣ гр. де-Бастара (*Bastard*) изъ него въ *Costume historique, Racinet. Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. I, fig. 190.* См. также J. Ebersolt, *Les arts comptuaires*, p. 92, fig. 42.

лаченія, и сами чины врядъ-ли могутъ даже отстегнуть фибулы и освободиться отъ одежды. Легко догадаться, что форма идетъ съ Востока, изъ воинственной нѣкогда Персіи, гдѣ шахи имѣли причины предоставлять своимъ сатрапамъ облаченія, обезпечивающія владыку отъ удара изъ за угла. Въ Византіи это была, прежде всего, церемонія двора и показъ, или форма. Между тѣмъ этотъ глухой мѣшокъ считается тоже мантиею, правда, уже не для военныхъ чиновъ, но, конечно, гражданскихъ, или даже придворныхъ. Какая то мантия называлась *ταμπάριον* (*ταμπάριον*, „Тампарій“, *ταβάριον* итал. *tabarro*), но врядъ ли эта самая, такъ какъ *tabarro* была короткій плащъ, который впоследствии былъ усвоенъ и рабочимъ классомъ. Вообще говоря, поздневизантійскій арсеналъ облаченій во-первыхъ, сильно обѣднѣлъ, чему доказательствомъ служитъ то, что у Кодина десятки чиновъ носятъ одинаковое облаченіе, различаясь и то не всегда, лишь жезлами, или шапками. Во вторыхъ, видимо, восточный типъ одежды выросъ въ господствующій и, такъ сказать, приблизился къ русскому типу XV—XVI вѣковъ, т. е. почти утратилъ греко-римское наслѣдіе. Стоящіе по лѣвую сторону отъ царя два чина обозначены полустертыми надписями: можно разобрать у перваго *ὁ... οεδρος* и ниже буквы *δικ*, что можетъ дать *ὁ* (*πρωτό* или *πρό*) *-εδρος τοῦ εἰδικου*; у втораго подобный же чинъ проэдра и, быть можетъ, „патрицевъ“ или под. Присутствіе перваго чина идида понятно, такъ какъ рукопись была заказана, вѣроятно, при посредствѣ главнаго чина собственной царской казны...

6.

Въ виду нашей задачи представляется также важнымъ опредѣлить общій типъ облаченій IX—X вѣковъ, какъ центральный и наиболѣе повліявшій на средневѣковую Европу, а потому установить собственно взглядъ времени на характеръ и выборъ различныхъ одеждъ. Объ этомъ косвенно говоритъ 37 глава I книги Константина, трактующая о томъ „какія облаченія надѣваютъ цари на праздникахъ и выходахъ“, которую мы постараемся передать возможно суммарно и кратко. На праздникъ Пасхи, въ Воскресенье, владыки, выйдя въ пурпурныхъ скарамангіяхъ и золотоканнхъ сагіяхъ, надѣваютъ латы (*θωράκια*)¹ и набрасываютъ на себя цицаки и бываетъ христосованіе (*ἀσπασμός*) повидимому съ войсковыми частями, затѣмъ снимаютъ, и надѣваютъ лоры и стеммы (последнія бѣлыя или красныя), въ лѣвой рукѣ держатъ скипетръ, въ правой анексикакію (обычно бываетъ обратно). Совершается выходъ (въ В. Церковь), и войдя въ раздѣвальною, они снимаютъ лоры надѣваютъ хламиды. Вернувшись во дворецъ, надѣваютъ лоры и стеммы, на этотъ разъ красныя, если утромъ были бѣлыя. На второй день недѣли

Общій типъ облаченій IX—X в. в.

Облаченія царя.

¹) [См. о θωρακίяхъ предположеніе Д. Θ. Бѣляева, *Byzantina* II, 197 (прим. 2) — 198, о томъ, что это одежда, состоявшая изъ двухъ половинъ (передней и задней), соединявшихся на бокахъ, сравнивавшаяся поэтому съ панциремъ. Ср. сказанное выше, стр. 183—184.]

Пасхальной (Обновленія — τῆς διακαινίσεως) владыки выходятъ въ бѣлыхъ скарамангіяхъ, но въ храмѣ надѣваютъ стеммы зеленыя, идутъ въ церковь св. Апостоловъ, надѣваютъ тамъ бѣлые дивитисіи и хламиды; вечеромъ же при возвращеніи надѣваютъ коловіи такъ назыв. барановъ (κολώβια, ἴγουν τοὺς κροῦς)¹ и бѣлыя стеммы или туфы, или тіары. На Вознесеніе, когда ѣдутъ въ лодкѣ до Золотыхъ воротъ и, доѣхавъ верхомъ до церкви Б. М. источника (Пиги), облачаются тамъ въ бѣлые дивитисіи и далѣе, какъ въ день Обновленія. На праздникъ Новой базилики надѣваютъ порфиновые дивитисіи и къ нимъ подобранныя хламиды. На Пятидесятницу бѣлые дивитисіи и хламиды и красныя стеммы, при возвращеніи бѣлыя стеммы. На Всѣхъ Святыхъ и на Святыхъ Апостоловъ цари бывають въ золотыхъ скарамангіяхъ и золотыхъ стеммахъ. Въ день Пророка Ильи — пурпуровыя дивитисіи и хламиды. На праздникъ Преображенія — бѣлые дивитисіи и ихъ хламиды и зеленыя стеммы, при возвращеніи бѣлыя. На Успеніе цари въ пурпурныхъ скарамангіяхъ ѣдутъ по морю во Влахерны и тамъ надѣваютъ пурпурныя дивитисіи и ихъ хламиды (указаніе, важное для опредѣленія историческихъ взглядовъ на значеніе цвѣта одеждъ о чемъ см. ниже). То же облаченіе на день Рождества Богородицы,

Рис. 79. Сассанидская ткань съ изображеніемъ барана (Музей Guimet въ Парижѣ).

но выходъ бываетъ въ храмѣ Халкопратійскій и при возвращеніи верхомъ владыки надѣваютъ пурпурныя скарамангіи. То же облаченіе на Воздвиженіе, св. Димитрія, Архистратига (Михаила), на Рождество Христова, когда сначала одѣваются стеммы зеленыя, а при возвращеніи бѣлыя. Въ день Вота въ ипподромѣ цари надѣваютъ простое (τὰ παγανά) облаченіе, а архонты въ черныхъ (τὰ ἀτραβιακά хламиды) хламиды — такъ, очевидно, выдѣлялось личное достоинство царя, требовавшее скромности въ день Вота, своего рода голосованія и выбора владыки, отъ государственнаго его значенія. На Крещеніе стеммы берутся голубыя. На Срѣтеніе пурпурныя скарамангіи замѣняются во Влахернскомъ храмѣ пурпурными дивитисіями и хламидами. Въ Воскресеніе Недѣли Православія пурпурныя

¹) I, 37, 188. Шелковыя ткани съ изображеніями барановъ: персидскія VI вѣка, византійскія VII в., дальняго Востока съ датою 731 г., съ овцами — византійскія IX в. — см. у Фальке, ук. соч., рис. 50, 87, 105, 113, 114, 141. См. также рис. 79.

скарамангіи и златоокаймленные сагіи замѣняются въ Св. Софіи пурпурнымъ дивитисіемъ и хламидою, а въ Благовѣщеніе, при отъѣздѣ изъ Халкопратійскаго храма, перемѣна бываетъ обратная.¹

Если выборъ облаченій царскихъ, ихъ смѣна и отчасти внутренніе мотивы выбора и смѣны представляются достаточно понятными и мотивированными, то далеко иначе обстоитъ дѣло съ облаченіями чиновъ. Главная причина этого обстоятельства — въ краткости сообщенныхъ сборникомъ Константина замѣтокъ. Понятно, напримѣръ, почему избранные 12 высшихъ чиновъ должны являться къ царскому столу въ день Рождества Христова въ залѣ близъ Софіи только въ однихъ камисіяхъ, безъ своихъ хламидъ, равно стратиги входятъ въ скарамангіяхъ.² Затѣмъ, мы уже знаемъ, что на пирахъ въ „залѣ 19 аккувитовъ“ чины являються въ мантияхъ, въ кампагіяхъ; какъ извѣстно, мантии снимаются на мѣстахъ за пиромъ каждый разъ, какъ только музыка начнетъ славословіе, и всѣ чины должны встать. При производствѣ въ санъ кесаря или новелиссима еще будетъ сказано, что они сами приходятъ въ дивитисіяхъ (у второго — красный θούσιου),³ но объ облаченіи кесаря говорится кратко, какъ о вещи всѣмъ извѣстной: хламида, фибула, кесарикій.⁴ Или магистру дается стихаріонъ и валтидій (портупей),⁵ патрицію-стратигу — кодикеллій и только будетъ сказано, что новопоставленные будутъ въ пурпурныхъ плащахъ (σαγία ἀληθινά) и, что провожать ихъ будутъ силенціаріи въ сагіяхъ красныхъ верхомъ (καβαλλάριοι).⁶

Общій выводъ изъ этихъ записокъ тотъ, что онѣ дѣлались, главное, ради точнаго исполненія обязанностей придворными чинами: 1) что и когда и съ какими формами надо дѣлать для царя на выходахъ, что ему подавать, гдѣ и какія облаченія; 2) какъ и въ какія очереди вводить и выпускать группы чиновъ, гдѣ и кому ихъ разставлять, если не опредѣлены заранѣе и навсегда мѣста синклита, гвардіи, придворныхъ и иныхъ чиновъ; 3) главная забота о группахъ, приходящихъ со стороны, изъ города и провинцій, и 4) то же самое при выходахъ и размѣщеніи приглашаемыхъ на большіе пиры, обѣды и ужины въ ограниченномъ числѣ избранныхъ. Вотъ почему мы такъ и не узнаемъ, въ чемъ служатъ при этомъ начальники дворцовыхъ частей: препозиты, церемоніймейстеры, веститоры и прочіе. Наиболѣе сложнымъ является вопросъ размѣщенія на большихъ выходахъ, напр., въ Св. Софію, или приемахъ пословъ, когда занимается весь рядъ дворцовъ и пристроекъ и даже царю приходится переходить изъ одной залы въ другую, изъ дворца въ другой и т. д. Наконецъ, всякая записка слѣдитъ всегда, главнымъ образомъ, за главнымъ дѣйствующимъ лицомъ представленія — царемъ или „владыками“ (деспотами), если ихъ двое. Вотъ почему свѣдѣнія о томъ, какъ представлялись даже главныя группы, узнаемъ изъ случайно, изрѣдка брошенныхъ одиночныхъ замѣтокъ, чаще всего въ томъ случаѣ, когда

Облаченія чиновъ.

Характеръ и цѣль записей.

¹) I, 37, 187—191.

²) II, 52, 741.

³) I, 43, 219; 44, 227.

¹) I, 43, 218—219.

²) I, 46, 233.

³) I, 47, 241.

Облаченія на
праздничныхъ
выходахъ.

происходитъ нѣкоторое отступленіе отъ принятой формы, чины повышаются по случаю торжества на одну степень и т. п.

Первыя главы о царскихъ выходахъ въ церкви на большіе праздники заняты почти исключительно „актами“, т. е. славословіями димовъ, съ выпискою почти всѣхъ текстовъ или ихъ начальныхъ мѣстъ, а такъ какъ „пріемы“ димовъ, по очереди, Венетовъ и Прасиновъ дѣлались по нѣсколько разъ (на большіе праздники бываетъ отъ 6 до 16 *δοχαί* — пріемовъ), то изъ этихъ актологій и состоятъ записки.¹ Но вотъ при описаніи выхода на 2-й день Пасхальной Недѣли² говорится: „съ утра собираются всѣ архонты въ бѣлыхъ хламидахъ въ абсидѣ (дворцовой залы), а патрициі облачены въ хламиды съ золотыми тавліями, прочіе же по ихъ уставу и чину, чины же спальни (кувуклія), препозиты и остіаропримикирии облачены въ хламиды съ золотыми тавліями“, и затѣмъ узнаемъ, что и царь, выйдя сначала въ золотномъ сагіи, переоблачается въ бѣлую хламиду златотканную (*χρυσοφεγγή*), и ему нотаріи и магистры говорятъ ямбы, и онъ идетъ на форумъ къ храму Константина, затѣмъ по Месѣ (Средней улицѣ) къ площади Тавра и въ храмъ Б. М. Діакониссы, и до Свв. Апостоловъ. Тамъ царь дожидается патриарха; царю сопутствуютъ патрициі и стратиги; послѣ богослуженія происходитъ трапеза съ патриархомъ, затѣмъ съ нимъ же и прощаніе и, „отдохнувъ немного“, царь переоблачается въ пурпурный „златомъ испещренный“ (*χρυσοσωληνοζέντητον*)³ коловій, который зовется также „βότρυς“ (см. ниже), и надѣваетъ „тогу“ (*τοque*, клобукъ безъ бортовъ, какъ у судей), или тиару.⁴ Провожаютъ царя чины кувуклія въ пурпурныхъ сагіяхъ (*ἀληθινά*), а царь ѣдетъ верхомъ, и конь его покрытъ золотыми чепраками, и съ хвоста конскаго и всѣхъ ногъ висятъ широкія повязки (персидская мода отъ Сассанидовъ: *πέτασοι πράνδιοι*), и ѣдутъ за царемъ архонты, магистры, патрициі и весь синклитъ на коняхъ, покрытыхъ чепраками, за ними спаѳаріи такъ же верхомъ, съ мечами, сѣкирами; силенціарій же и церемоніймейстеръ, контославль, страторы слѣдуютъ пѣшими, послѣдніе съ щитами и вѣтвями лавра, далѣе верхами спаѳаріи евнухи, спаѳаріи бородатые, со спаѳовакліями (алебарды).⁵ Къ длинному описанію этого выхода прибавлена замѣтка, что со Льва Мудраго этотъ выходъ дѣлать царю верхомъ въ скарамангіи и при возвращеніи облачаться въ коловій, называемый βότρυς⁶ и бѣлую стемму.⁷ Лю-

¹) I, 2—9 (α'—β').

²) I, 10, 71—86.

³) Рейске, (комм. 186 sqq.) толкуя правильно *σωληνοζέντητον* какъ *vestis rugata*, особой полосатой, или трубчатой парчи, даетъ затѣмъ просторъ всякимъ догадкамъ и сближаетъ эту парчу съ др. русскимъ корзномъ — *срозпае*, *срусинае*. Но эта парча точно описывается и у Павла Силенціарія, какъ завѣса, *στολίς* или *πέπλος*, и не имѣетъ ничего общаго съ корзномъ. [Ср. J. Ebersolt. *Les arts somptuaires*, p. 46, note 1.]

⁴) I, 10, 80.

⁵) *Ibidem*, 81—82.

⁶) [Обычно принимается, что коловій назывался гроздомъ изъ за своего обильнаго украшенія драгоцѣнными камнями и жемчугами, а также и золотого шитья. См. Д. Θ. Бѣляевъ, *Byzantina III*, 165.]

⁷) *Ibidem*, p. 85—86.

бопытная подробность сообщена въ 17 главѣ I книги, что чепракъ и сѣдло коня подъ царемъ украшены драгоцѣнными камнями и эмалью (*σελοχαλίνου χρυσοῦ διαλίθου χειμεντοῦ*),¹ при пышной поѣздкѣ въ чтимый храмъ Св. Мокія, на краю города; проводы бываютъ столь же многолюдные, но, при въѣздѣ во дворецъ верхомъ остается только царь, а остальные всѣ идутъ пѣшіе.² Также интересна церемонія съ переоблаченіемъ царя у Золотыхъ воротъ на въѣздѣ, въ день Вознесенія, въ храмъ Б. М. Пигійской: сойдя на берегъ, устанавливаются чины кувуклія кругомъ, царь становится въ серединѣ, и увѣнчиваетъ его тамъ препозитъ стеммою ради того, „чтобы не дѣлать этого передъ спаѳаріями изъ варваровъ“³; затѣмъ царь ѣдетъ верхомъ, а патрициі и прочая свита идутъ пѣшкомъ, далѣе царь тамъ переоблачается въ дивитисій и хламиду, службу совершаетъ патриархъ.⁴ Лишь изрѣдка, и, повидимому, ради желанія скрасить сухіе и безконечные перечни всѣхъ церемоній съ поименованіемъ чиновъ и частей, встрѣчаются въ главахъ частичныя указанія: что на день Воздвиженія чины кувуклія одѣты въ пурпурныя сагіи, а служащіе въ кувуклѣ только въ камисіяхъ, патрициі же въ хламидахъ простыхъ (*λιτά*), т. е. безъ украшеній, неизвѣстно какого цвѣта, и служба бываетъ въ Великой церкви, но выхода не дѣлается.⁵ Правда, выходъ въ день Рождества Христова, день религиозной и бытовой радости, отмѣчается тѣмъ, что патрициі облачались въ хламиды, одни — въ пурпурныя (*τύρεα*), другіе въ хламиды яблочнаго цвѣта (розово-палеваго — *μηλινοζάθρουπτα* отъ *μήλον* *κατὰ* *ρουπτά*), равно и члены кувуклія — одни въ хламиды тирскія, другіе съ пурпурными павлинами (*ταῶνας κορχευτούς*).⁶ На Крещеніе и Срѣтеніе кратко сообщается, что чины облачаются въ бѣлое, чины кувуклія только въ камисіяхъ, на празднество Православія во Влахернахъ всѣ являются по чину въ *ἀλλαξίματα ἄσπρα*⁷ откуда ясно, что бѣлыми могли быть и не однѣ только хламиды, но и сагіи, и скарамангіи, и пр., что требовало бы отъ чиновъ заготовлять нѣсколько облаченій одного типа, если бы не было для этого дворцовыхъ складовъ, изъ которыхъ брались на праздникъ потребныя облаченія. Въ главѣ I, 29 сообщается, что по случаю Крестопоклоннаго Воскресенія, „въ старину (*ἐν τοῖς παλαιοῖς χρόνοις*), на праздникъ Благовѣщенія чины являлись въ бѣлыхъ хламидахъ“, очевидно, несмотря на постъ, въ честь великаго праздника, и даже — прибавляется — въ этотъ праздникъ не бываетъ земного поклоненія (*οὐκ ἔπιπτον*), а честь оказывали поклоненіемъ „до колѣнъ“.⁸ Однако, въ Благовѣщеніе патрициі

¹) I, 17, 99.

²) I, 17, 107.

³) См. выше стр. 220, пр. 1; въ I, 66, 298 говорится: „надо знать, что передъ бородатыми (*ἐνώπιον βαρβάτων*) царь никогда не надѣваетъ стеммы, такъ повелось хранимое доселѣ преданіе (*τῆς παραδόσεως*) съ самаго начала, но по какому случаю, нигдѣ не указано.

⁴) I, 18, 108—114.

⁵) I, 23, 128.

⁶) I, 22, 125.

⁷) I, 26, 143; 27, 148; 28, 157.

⁸) [Здѣсь идетъ рѣчь, повидимому, о совпаденіи праздниковъ Благовѣщенія и воскресенія Крестопоклонной недѣли, см. I, 29—30, 162—163.]

(являющіеся образцомъ и по сану и по опыту) облачаются въ бѣлыя хламиды съ пурпурными тавліями (ταβλία ἀπὸ δέξων), а не золотными (ὑποχρυσόκλαβων), какъ указано въ I, 30 главѣ.¹ Въ Великую Субботу весь синклитъ облачается въ черныя хламиды (ἀτραβατικά), а начальство кувуклія въ хламиды пурпурныя (τύρεα), а препозиты въ хламиды со львами и золотыми тавліями (λεοντάρια χρυσόταβλα подразумевается χλανίδια).² Вотъ единственное указаніе того, какъ костюмируются препозиты, которые представляютъ своимъ чиномъ весь царскій дворецъ, и какъ въ древности его стѣны украшались львами, идущими торжественнымъ дозоромъ около стѣнъ ими охраняемаго дворца, такъ здѣсь именно тѣ же львы, идущіе дозоромъ, на одеждахъ главныхъ дворцовыхъ чиновъ.³ Теперь мы можемъ прямо назвать придворнаго въ свѣтлозеленой одеждѣ съ львами въ кругахъ въ рукописи Іоанна Златоуста Парижской бібліотеки, стоящаго справа отъ царя первымъ и умиленно сложившаго руки, препозитомъ (см. выше стр. 268). Далѣе, мы можемъ къ подобнымъ придворнымъ облаченіямъ отнести и тѣ полуперсидскія, но изъ византійскихъ фабрикъ, шелковыя ткани съ идущими ширингою слонами — одна изъ византійской фабрики термъ Зевкисппа была найдена въ могилѣ Карла Великаго и была въ нее положена при императорѣ Оттонѣ III.⁴

Облаченіе
препозитовъ.

Облаченіа
новелиссима
и магистра.

Изъ наблюдаемаго нами въ сборникѣ Константина правила, понятно, имѣются исключенія, такъ наприимѣръ, въ обрядѣ рукоположенія новелиссима сообщено, что его хламида зеленая, имѣетъ (на ткани или вышитыя) золотыя розы (ρόδα χρυσά) и золотыя тавліи.⁵ При этомъ очень характерно, что сказано нарочно о томъ, что царь самъ или оба владыки περιβάλλονσιν αὐτῷ мантию, исполняя этимъ по завѣту магическую формулу инвеституры, сохранившуюся во внѣшности обряда; жалуемый, со своей стороны, принимаетъ одежду, раскрывая руки ἀπλοῖ τὰς χεῖρας.⁶ Напротивъ того, получившій стихарь и валтидій новый магистръ одѣвается препозитомъ въ зимнемъ консисторіи.⁷ Наконецъ, мы имѣемъ все же въ сборникѣ Константина двѣ замѣтки о дворцовыхъ облаченіяхъ, въ ихъ особомъ примѣненіи, какъ подарковъ (λόγῳ ξενίων) во время предпринятаго похода чужеземцамъ (т. е. такъ называемымъ варварамъ) всякаго рода.⁸ Записки очень краткія и могутъ быть переданы здѣсь приблизительно цѣликомъ.

Записи
даримыхъ
облачений.

¹) [Какъ указывается самымъ заглавіемъ этой главы, идетъ рѣчь о совпадении праздниковъ (см. пред. прим.); хламиды съ пурп. тавліями одѣвались въ такомъ случаѣ, вмѣсто полагавшихся на Благовѣщеніе хламидъ съ золотн. тавліями; см. стр. 162.]

²) I, 35, 181.

³) Сообщаемъ кстати по атласу Фальке таблицы шелковыхъ тканей со львами: рис. 11, 239—40, относящіяся именно къ X—XI вѣкамъ. [Также J. Ebersolt, Les arts somptuaires, p. p. 78, 80, 82; fig. 37, 39.]

⁴) [Ebersolt, o. c., p. 78, fig. 38; о мастерскихъ — p. 4. Указанія на литературу Ch. Diehl, Manuel, II, p. 647, note 2.]

⁵) I, 44, 227.

⁶) I, 47, 238.

⁷) I, 46, 233.

⁸) App. ad I. I, 469—470.

Первая трактуетъ о кускахъ матерій, подобранныхъ для одеждъ извѣстнаго типа. 1. Скарамангіи разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ (ἐξεμπλίων); скарамангіи бѣлыя, лимонныя, голубыя; колобіи μεγαλόζηλα изъ тѣхъ, что для дому (ἐκ τῶν κατ' οἶκους); одежды (ἔσωφόρια) для дома, подобныя же λεπτόζηλα разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ для дома, бѣлыя съ чернымъ (ἀσπρομίναια), διωγαντάρια (?) бѣлыя и темныя καὶ ἰαστά; лоратныя тритканныя и оловиры ἰαστά и покровы (ἀναλεκτά) разныхъ цвѣтовъ. 2. Сшитыя одежды (διὰ τῶν ἔρραμμένων). Одежды (ἱμάτια) вышитыя, разрѣзныя, съ оплечьями (μανιακάτα) изъ скарамангіевъ различныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, окаймленные (ἀμφισομένα) пурпуромъ (ἀπὸ διβλαττίων). Иныя колобіи изъ домашнихъ средняго достоинства, разрѣзные, съ „маніаками простыми.“ Далѣе слѣдуютъ указанія, въ чемъ должно ихъ уложить, и вновь перечисляются: „тувиі“ (панталоны, покрывавшія ноги отъ пояса до пятъ)¹ отъ вышеуказанныхъ одеждъ, какъ высшаго достоинства, съ пурпурными орлами и царскими эмблемами, „такъ и второстепенныя,“ съ мушками; сфинктуріи, талассы и авдіи(?) съ широкими и узкими полосками, иныя съ пурпурными коймами, другія простыя; исподники различной работы; наплечки пурпурныя перваго, втораго и третьяго разряда; пояса пурпурные разные и поддѣльнаго пурпура по 1 м. и 4 мил., и другіе поддѣльнаго по 1 ном. и еще по 8 мил.; сапоги сафьянныя съ ремнями разные.“

Такимъ перечнемъ совершенно удостовѣрена точность общаго свидѣтельства Прокопія въ его Anecdota, что его современники греки приняли отъ гунновъ и нравы и самое одѣяніе: αἱ ἐπωμίδες καὶ ἀναξυρίδες καὶ τῶν ὑποδημάτων τὰ πλείστα εἰς τῶν οὐννων τὸ τε ὄνομα καὶ τὸν τρόπον ἀποκέρχτο σφίσιν.² Прокопій, правда, указываетъ только на армелавсіи (назвалъ ихъ по гречески: ἐπωμίδες), хозы — штаны (ἀναξυρίδες — какъ у Персовъ) и обувь (повидимому чаги — τζάγγα). Точнымъ памятникомъ служитъ также мозаическій образъ св. Севастьяна въ ц. S. Pietro in Vincoli въ Римѣ отъ 680 года. Но самое важное свидѣтельство и притомъ общаго историческаго характера, которое изъ перечня этихъ подарковъ варварамъ мы получаемъ, говоритъ о той роскоши въ одеждахъ и бытѣ, что варвары съ VI вѣка принесли въ Европу; и что они требовали замѣнъ, какъ выкупъ или постоянную аренду, отъ Византіи, въ этомъ отношеніи рано варваризованной.

Свидѣтельство
Прокопія.

¹) Ради неясности текста и неизвѣстности иныхъ терминовъ выписываемъ текстъ (App. ad I. I, 470): τουβία ἐκ τούτων πάντων, τὰ μὲν προκρίωτερα ἀπὸ διβλαττίων ἀετῶν καὶ βασιλικίων ἀμφισομένα, τὰ δὲ δεύτερα τούτων ἀπὸ βδελίων; σφ.γκτούρια, θάλασσα καὶ ἀβδία π. ατίλωρα καὶ ἀβδία μασουρωτά τὰ μὲν ἀμφισομένα ἀπὸ διβλαττίων τὰ δὲ καὶ λιτά. ὑποκαμισοβράχια διαφόρων ποιότητων; ἐπιζήπιάρια ὀξέα πρῶτα καὶ δεύτερα καὶ τρίτα; ζωστρία ὀξέα διάφορα καὶ ψευδοξέα ἀνά νομίματος, ἐνὸς καὶ μιλιарίων δ' καὶ ἕτερα ψευδοξέα ἀνά νομ. α', καὶ ἕτερα ἀνά μιλ. η'; ὑποδήματα ἀδήμινα ζυγαὶ διάφοροι.

²) Proc. Caes. Anecdota (= Hist. arc.), VII 3. Ср. свидѣтельство Прокопія о роскоши гуннскаго офицерства, въ Bellum Got, книга IV.

Свидѣтельства
Свят. Іоанна
Златоуста
о роскоши.

Пользуюсь представившимся случаемъ, чтобы сказать кратко о роскоши въ эту эпоху передѣлки греко-римскаго міра, не съ тѣмъ, однако, чтобы ограничиваться общими мѣстами о пышности пріемовъ византійскихъ царей и роскоши ихъ двора. Чтобы получить настоящую характеристику, слѣдуетъ обратиться къ рѣчамъ св. Іоанна Златоуста, который въ своихъ словахъ и проповѣдяхъ сумѣлъ соединить съ высокимъ религіознымъ красно-рѣчимъ и сатирическіе выпады противъ нравовъ распущенныхъ богачей своего времени, которыхъ онъ громилъ въ лицо въ самой церкви, повидимому, непосредственно къ нимъ обращаясь, ихъ опрашивая и самъ за нихъ отвѣчая. Проповѣдникъ кратко рисуетъ картины современной ему столичной жизни: царскій выходъ, свита въ драгоцѣнномъ пурпурѣ, въ золотѣ, царская корона сверкаетъ золотомъ и рѣдкими камнями, на шелковыхъ одеждахъ виднѣются вышитые золотомъ драконы (по взглядамъ отцовъ Церкви — это демонская эмблема), у царской гвардіи на золотыхъ щитахъ сдѣланы два глаза — магическій символъ, идутъ бѣлые мулы подъ золотымъ ярмомъ, вельможи въ шелковыхъ, златотканыхъ одеждахъ, пахнутъ издалека восточными ароматами, пояса на нихъ съ золотомъ и камнями.¹ Дома богатыхъ людей тоже отличаются роскошью — съ позолоченными крышами, дверьми изъ слоновой кости, золочеными плафонами, мозаическими полами, коврами, золочеными капителями колоннъ, расписанными спальнями, постелями изъ слоновой кости, сосудами изъ золота и серебра.² И это все богатство, вся пышность и роскошь у вчерашнихъ бѣдняковъ, которые тщеславятся расточеніемъ всюду золота, рядятъ своихъ евнуховъ золотыми гривнами и браслетами. Говорятъ, философъ Аристиппъ, будучи въ гостяхъ у такого богача со вчерашняго дня, долго осматривался, гдѣ бы ему плюнуть, и не найдя пригоднаго мѣста, плюнулъ хозяину въ лицо, съ извиненіемъ, что свободнаго уголка не видитъ. Какіе пиры даютъ эти богачи, тоже дивится ораторъ: дивные столы сигмою, тяжелые, блестятъ золотою отдѣлкою, слуги въ анаксиридахъ, шароварахъ; толпы музыкантовъ, драгоцѣнные блюда и чаши, гости щеголяютъ золотомъ на рукахъ, пальцахъ, башмакахъ и т. д. Богатый матеріалъ даетъ оратору циркъ, игры и потѣхи, и публика, развращенная подъ стать гистрионамъ, также напѣвающая непристойныя пѣсни, пляшущая непотребные танцы.³ Эти люди не знаютъ Христа, живутъ авгуріями, прорицаніями, заклинаніями, магическими формулами.

Варварскій
характеръ
роскоши.

Несомнѣнно, эта тяжелая, не художественная, матеріальная роскошь, какъ началась вмѣстѣ съ появленіемъ варваровъ, въ средѣ греко-римскаго міра, такъ и осталась въ варваризованной Византіи IX—X вѣковъ,

¹) S. Joannis Chrysostomi. De perfecta caritate, 6; Migne, P. G., t. 56, 286—287. [О царской диадемѣ ср.: Reprehensio, IV; Migne, P. G., t. 51, 150; о шелковыхъ одеждахъ: In psalmum XLVIII, 2, 6, 8; M. P. G., t. 55, 502, 508, 511, 512; In Matthaicum Nom. XX (al. XXI); M. P. G., t. 57, 290—291. О золотыхъ уздахъ муловъ, златонозыхъ коняхъ и т. п.: In ps. XLVIII, 6; M. P. G., t. 55, 508; In Matth. XX; M. P. G., t. 57, 289].

²) S. Joann. Chr. In psalm. XLVIII, 8; Migne, P. G., t. 55, 510.

³) См.: S. Joann. Chr. Contra ludos et theatra, Migne, P. G., t. 56, 264—270.

и никакія усилія иконоборцевъ обуздать это явленіе, какъ и попытки Македонской династіи возстановить на христіанской почвѣ образованное общество, создать для него болѣе благородныя развлеченія, напомнить литературу, искусство и обстановку древней Греціи и стараго Рима не привели къ особенно замѣтнымъ результатамъ.

Намъ думается, что эти двѣ вышеприведенныя краткія замѣтки являются яснымъ доказательствомъ того варварскаго всеобщаго влеченія къ роскоши, которое охватило съ V вѣка Византію и ея дворъ, и ея „друзей варваровъ“.¹ Дѣло въ томъ, что всѣ перечисленныя одежды или были заимствованы даже отъ варваровъ, или обрѣтались у ихъ знати и владыкъ въ обиходѣ, и греческіе цари считали эти дары лучшимъ средствомъ утвержденія мира въ ихъ странахъ или отысканія живой помощи для Имперіи. Легко можемъ догадаться, что скарамангіи всевозможныхъ цвѣтовъ изготовлялись тоже не даромъ: варварскіе владыки желали, стало быть, имѣть у себя почти копію греческаго двора; далѣе даже и въ домашнемъ быту новые короли и князья желали имѣть домашніе костюмы разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ и тѣ же соединенія цвѣтовъ: бѣлаго и темнаго, одежды съ пурпурными лорами и пр. Готовыя одежды, для варваровъ изготовленныя, имѣли оплечья, какъ у высшихъ дворцовыхъ чиновъ Византіи, съ разными рисунками; самые отборные панталоны съ орлами и царскими знаками были при этихъ облаченіяхъ. Рядъ плащей, правда, не упоминаемыхъ вовсе въ сборникѣ Константина, внѣ этихъ замѣтокъ, но извѣстныхъ, однако, византійцамъ, показываетъ большое вниманіе къ задачѣ уловленія „друзей“. Таковъ узкій плащъ, носящій даже названіе „стянутой хламиды“ (*χλαῖνα*) и напоминающій всего болѣе извѣстную въ Россіи черкеску, подобіе скарамангія, т. е. одежду для верховой ѣзды, но изъ толстаго сукна или драпа, разрѣзную и спереди, и даже нѣсколько по бокамъ, а сзади тоже собранную въ складки. Контрастъ представляетъ *θαλασσα*, плащъ столь широкій, что онъ и назывался „моремъ или орломъ“ — *ἀετός*, какъ говоритъ прод. Теофана,² особенно обширный воинскій плащъ, а также *ἀβδία*, если только вѣрна догадка, что эта верхняя одежда заимствована отъ арабской абы.

Доказательствомъ того, что всѣ выше перебранныя одежды и принадлежности назначались именно для варваровъ, доставлено самимъ царемъ Константиномъ въ слѣдующей припискѣ: „все надо уложить въ ящики или въ мѣшки и все это назначается для высокородныхъ перебѣжчиковъ, какіе случатся, и для отсылки высокороденнымъ и важнымъ язычникамъ“ (*μεγάλους ἑθνικοῦς*).³

Варварамъ посылались также пояса, пурпурные и поддѣльнаго пур-

Смысль
и значеніе да-
ренія одеждъ
варварамъ.

Поясъ.

¹) Chron. Alex., Justin. regn., IV anno, рассказъ о царѣ Лазовѣ въ хламидѣ съ золотымъ тавліемъ и портретомъ царя Іустина. [См. о томъ же событіи Recueil-Kondakov, 218 (и прим. 1) и Theophanis, Chronographia, A. M. 6015 in Migne, P. G., t. 108, col. 393.] Ср. рассказъ у Теофана о царькѣ Арееѣ, [A. M. 6064, ibidem, c. 532—533].

²) Reiske. Comm. p. 547.

³) App. ad. l. I, 470.

пура, при чемъ точно указывается даже рыночная цѣна этимъ послѣднимъ; пояса, видимо, воинскіе, т. е. пояса съ портупейми, но безъ металлическихъ уборовъ, и цѣнность ихъ заключалась кажется въ цвѣтъ и въ царскомъ происхожденіи, такъ какъ пурпуры всякаго рода были запретнымъ экспортомъ. Въ данномъ мѣстѣ пояса названы только ζωστήρια, тогда какъ портупей и у Константина и Кодина именуются βαλτίδια (отъ balteus), однако, и ζωστήριον не то, что ζώνη, и σπάθια ζωστήρια суть мечи, висящіе на воинскихъ поясахъ. Послѣ перемѣны IV вѣка поясъ съ золотымъ или золоченымъ наборомъ сталъ знакомъ государственной службы въ Византіи, по образцу Персіи,¹ гдѣ пехлеваны и князья представляются у Фирдоуси съ драгоценными поясами (X, 180; XII, 35, 105), и при Багдадскомъ дворѣ стало за обычай отличать людей поясами съ перевязью, съ драгоценными камнями. Тѣмъ менѣе, понятна, однако, цѣнность поясовъ только пурпурныхъ, и, возможно, что терминъ ζωστήρια отмѣчаетъ особенно сложныя портупей съ аграфами и фаларами...²

Значки. Византійскій дворъ явился инициаторомъ всякаго рода эмблематическихъ знаменъ и значковъ, хоругвей и фламуловъ, жезловъ и диканикѣвъ, почетныхъ ожерелій, маниаковъ и гривнъ, наручей (βραχιάλια) и поручей (φελλία), цѣпей, всякаго рода бахромы или украшающихъ коймъ и спекій (въ др. Руси — образцовъ или зеркалъ) на латахъ, кольчугахъ и восточныхъ куюкахъ. Именно изъ Византіи пошли въ качествѣ почетныхъ и женскихъ украшеній шейныя цѣпи съ медальонами, столь разившіяся затѣмъ въ средневѣковомъ обиходѣ. Во всемъ этомъ матеріалѣ мы остановимся, однако, только на наиболѣе характерныхъ формахъ и притомъ преобразующихъ грекоримскія формы.

Коймы. Такovy, прежде всего, разныя коймы, по общему термину книги „О церемоніяхъ“ — μαργέλλα: какъ латинское слово (французское — marge), мелькающее при перечнѣ облаченій, но, къ сожалѣнію, безъ опредѣленныхъ эпитетовъ, которые бы дали намъ дальнѣйшія указанія, кромѣ этого основного. Между тѣмъ это не остановило Рейске, который попробовалъ приложить и здѣсь свое остроуміе и филологическую игру.³ Найдя у Вальсамона текстъ, объясняющій, какъ глосса, вышитыя золотомъ эмблемы (τὰ πολυτελή χρυσοῦ φαντα ἐμβλήματα) тремя простонародными (δημοτικῶς λεγόμενα) словами: μαργέλλα, γράμματα καὶ ἀντίπανα, онъ предположилъ, что будто бы всѣ три значатъ одно и то же. Но и Вальсамонъ здѣсь злоупотребилъ эрудиціею и смѣшалъ вмѣстѣ: коймы, вышивныя мѣтки буквами и обычно „гаммою“

¹) [Ср. свидѣтельство Прокопія, Bell. Pers., I, 17, о томъ, что въ Персіи нельзя носить пояса, если онъ не пожалованъ царемъ (ed. Bonn., p. 86).]

²) [См. у Иоанна Лидійца описаніе пояса эпарха преторія, — пурпурной кожи, украшеннаго съ одной стороны золотой лунницей (σεληνίσκον), а съ другой язычкомъ въ формѣ виноградногъ грозди (εἰς βότρυος σχῆμα); золотая пряжка (περόνη) соединяла эти два украшенія и прокалывала ремень. Поясъ этотъ назывался ζωστήρ. Io an n. Lydi, De magistratibus P. R., II, 13, p. 179 (ed. Bonn.).]

³) Reiske, Comm. ad de cer., p. 536 sqq.

(русскій орнаментъ — глаголи) или грамотою, и наконецъ, — накладки-оплечья, наплечники, наручи-антипаны (anteranni). Рейске затѣмъ, вмѣсто латинскаго слова, увидаль въ margellia арабское и опредѣлилъ, что это — гасата, то же, что итальянское gisamato — вышитое, а это близко отъ mogom и было ранѣе margemum и т. д. Между тѣмъ, самъ же Рейске приводитъ текстъ Гезихія, что τριβων — плащъ со значками (σημεῖα) на подобіе буквъ (ὡς γράμματα), и, въ доказательство своихъ сближеній, что царскіе покровы нагробныя имѣютъ по краямъ вышитыя жемчугомъ надписи. Пока всѣ эти разсужденія будутъ бесплодною игрою, такъ какъ мы не имѣемъ никакой почвы для нихъ. То же самое надо сказать о пресловутыхъ парагаудахъ, хотя имѣется болѣе матеріала. Такъ Іоаннъ Лидянинъ въ сочиненіи De magistratibus Populi Romani¹ говоритъ о παραγώδαι ἀδρυγάμμοι, которыя, подобно хитонамъ, также украшаются у ногъ съ обѣихъ сторонъ золотою вышивкою на подобіе гаммъ (εἰς γάμμα στοιχείον). Стало быть парагауды были верхнею одеждою.² У Константина сообщается о чинѣ кувикуларія, что его облаченіемъ служитъ камисій, обшитый пурпуромъ, καὶ ἡ τοῦ λεγομένου παραγαβδίου στολή.³

Въ описаніи производства кувикуларія сообщаемый текстъ подходитъ еще ближе къ вопросу. Главныя чины придворной службы, препозитъ и примикирій (или нѣсколько ихъ), при производствѣ кувикуларія вѣшаютъ въ часовнѣ Св. Θεодора на баллюстраду алтаря (εἰς τὰς κυκλίδας τοῦ βήματος) τὸ χρυσοῦν παραγαβδίων, затѣмъ приводятъ назначаемаго, надѣваютъ ему камисій и, указывая на парагавдій, напоминаютъ о значеніи одежды, принимаемой отъ святыхъ вратъ; онъ трижды преклоняется и облачается.⁴ Слово στολή къ этому времени стало именемъ священныхъ облаченій и ихъ частей, какъ на примѣръ, епитрахили, омофора, ораря и пр., и потому, когда мы постоянно затѣмъ въ текстахъ встрѣчаемъ выраженіе μετὰ τῶν π., не знаемъ, идетъ ли рѣчь о накидкѣ, или оплечья, или даже особой одеждѣ. Такъ на примѣръ, по поводу блестящаго приема Сарацынскихъ пословъ при Константинѣ VII Порфирородномъ, для заключенія мѣра и обмѣна плѣнныхъ, когда даже „бородатымъ“ были выданы не въ примѣръ и противъ обычая жемчужныя маниаки (оплечья) „ради показа“, то даже привратники (οστιαρίи), отдергивающіе завѣсы у дверей, поверхъ камисіевъ надѣли золотыя парагавдіи и держали золотыя съ камнями жезлы.⁵

Но при этомъ случаѣ надо вновь повторить, что мы не можемъ теперь, безъ новыхъ работъ по греческому словарю и археологическихъ изслѣдованій ближняго Востока, понять весьма многихъ облаченій и еще болѣе различныхъ деталей. Мы не знаемъ точно, что собственно такое именуется

Парагауда.

Положеніе изученія вопроса. Σήματα.

¹) Вотъ это мѣсто (II, 4): παραγώδαι ἀδρυγάμμοι, ἀντὶ τοῦ χιτῶσι χρυσοῖς γαμματίσκοις ἀναλελογχωμένοις, ἀπὸ τῆς περὶ τοὺς πόδας ὄσας καὶ τελευτῆς τοῦ εσθήματος ἐξ ἐκατέρων τῶν πλαγίων εἰς γάμμα στοιχείον διαζωγραφοῦσι χρυσοῦ τὸν χιτῶνα. Ed. Bonn., p. 169.

²) [См. о нихъ Recueil-Kondakov, p. 215—222].

³) II, 52, 721.

⁴) II, 25, 624—625.

⁵) II, 15, 574.

въ облаченіяхъ (σήμεντα) σημεῖα?, и соотвѣтствуетъ ли оно, дѣйствительно, латинскому segmenta, и когда къ нему дополняется еще διακοπτὰ κοντομάνικα то должны ли мы добавить ἱμάτια, или должны считать σήμεντα въ другихъ случаяхъ только нашивками одежды? Только подозрѣваемъ, что значить σπέσια, русское зеркала на кольчугахъ, но находимъ эти спекіи у паракимумена, у логоетовъ (р. 585). Что за одежды или, вѣрнѣе, плащи — σαβάνια у спааріевъ и что такое затѣмъ безъ объясненій указываемыя въ книгѣ στρατορίκια (у начальника конюшенъ), στρατηλατίκια, кандидатііа и пр., что упоминаются часто на большихъ пріемахъ? Но вотъ, около колесничниковъ димотовъ на ипподромѣ стоящіе четыре икаста и ергаты — всѣ, по случаю пышнаго пріема, надѣли τὰ δλοσήμεντα κοντομάνικα,¹ значить ли это τὰ ἱμάτια — расшитыя золотомъ и съ короткими рукавами (въ родѣ скарамангіевъ?), и что значить названіе икастовъ? Нельзя же принять догадку Рейске — живописцы.

Σειφομάστις чауша. Такъ нельзя тоже принять догадку Рейске, что привѣшивавшійся къ поясу великаго чауша σειφομάστις Кодина,² ὄν κοινῶς καλοῦσι σαλίβαν, былъ „длинное копье“, о чемъ Рейске, какъ арабистъ, производя σαλίβα отъ арабскаго салиб — цѣпь, рассматриваетъ этотъ предметъ вмѣстѣ съ царскими подвѣсками (v. κατασειστά).³ Но вполнѣ можно принять догадку Гоара⁴ и Меурсія, которые оба занялись однимъ обычно темнымъ текстомъ Цецеса: са ла ва или саливари называли деревянную палочку съ желѣзнымъ острымъ концомъ, которую употребляли греческіе таможенные при своихъ тщательныхъ обыскахъ выходившихъ изъ Византіи, протыкая мѣшки и чемоданы. Понятна сама по себѣ характерность такой эмблемы у чауша, призывавшагося обычно при таможенныхъ поискахъ и казусахъ.

Χειρόρτιον. Далѣе, Кодиный пропускаетъ безъ всякаго комментарія, какъ неизвѣстное, слово χειρόρτιον, обозначающее предметъ,⁵ носимый на поясѣ протоіеракаріемъ, чиномъ, впервые появляющимся у Кодина, какъ и протокинигъ. Между тѣмъ оба чина относятся къ начальнику царскихъ охотниковъ: первый — сокольниковъ, второй — псарей, т. е. онъ высшій ловчій. У протоіеракарія оказалось отличие или своего рода знакъ (вравій): лѣвая перчатка (χειρόρτιον — χειροθήκη), имѣющая около верхняго входа (руки) нашитую койму, съ пурпурно-вышитыми орлами...

Отличія и ихъ число. Видимо, не мало можно было бы найти подобныхъ отличій, т. е. отличительныхъ знаковъ, которыми начальники частей сами себя отмѣчали, или ихъ представители-препозиты, чтобы узнать въ толпѣ, съ кѣмъ именно имѣемъ дѣло. Ибо, надо прибавить, число чиновъ византійскаго двора, по счету того же Филоея восходило: начальниковъ частей, начиная съ высшихъ, ἀξίαι числомъ 18 + 60 = 78, и подчиненныхъ имъ въ каждой части

¹) II, 15, 590.

²) Коммент., стр. 689.

³) De off. IV, 24.

⁴) Gretser et Goari, Comm. in Cod. c. IV, p. 243.

⁵) Codinus p. 24—25: Τὸ τοῦ πρωτοῖερακαρίου σκιάδιον...; φέρει δὲ ἐπὶ ζώνης χειρόρτιον ἀριστερόν ἔχον περὶ τὴν τῆς εἰσόδου ἀμφὸς ἐρραμμένον μαργέλλον ὑφαντόν, ἔχον ἀετοὺς ὀξείας.

(кромѣ офицеровъ и чиновъ флота) около 250, а всего въ главномъ составѣ двора отъ 300 до 500 человекъ.¹ Поэтому, немудрено, что и такому опытному знатоку не удавалось часто различить кого именно, даже изъ придворной части, онъ передъ собою видитъ, какъ можно заключить изъ одной брошенной замѣтки. Именно, перечисляя евнуховъ дворцовыхъ по чинамъ: мыльщиковъ, кувикуляріевъ, спаарокувикуляріевъ, остіаріевъ, примикиріевъ, протоспааріевъ, препозитовъ, патриціевъ и т. д., Филоей говоритъ, что всѣ эти чины, вводимые, видимо, къ царю препозитами, по слову царскому признаются въ должности, а младшіе изъ нихъ, очевидно, „по присутствіи препозита“ и узнаются вполнѣдствіи (καὶ διὰ τῆς τῶν πρωτοσίτων παρουσίας γνωρίζεται)...²

Еще болѣе чувствительно для нашей задачи — общее изученіе матеріала Головные уборы. книги „О церемоніяхъ“ пока невозможно — что мы не можемъ изъ нея извлечь ничего, для сколько-нибудь яснаго понятія о головоломныхъ головныхъ уборахъ Византіи. Думаемъ, что оно будетъ исполнено изъ западныхъ источниковъ, когда займутся разнообразными беретами Италіи сѣверной и южной по памятникамъ и записямъ XV—XVI вѣковъ. Пока же не знаемъ, что собственно σκιάδιον представлялъ у византійцевъ и какой видъ имѣли факіюліи. Въ древней Руси, получившей, подобно Византіи, свои головные покровы съ Востока, иные тоже изъ Византіи, сохранились до насъ названія и, помимо того, частью самые типы шапокъ и шляпъ. Византія приняла для головныхъ покрововъ или отвлеченные термины: калиптра, перикалимма — покрывки, или скіадіи — дающія тѣнь, или факіюліи, которыя производятся отъ faciale, и что собственно значило бы: вуаль, платъ, откуда итальянское fazzoletto — платокъ. Но также просматривая русскія названія, убѣждаемся, что византійцы не принимали восточныхъ шапокъ и по климатическимъ условіямъ, какъ на примѣръ, горлатную шапку (персидская кула, высокая мѣховая шапка изъ горлѣ звѣрьковыхъ) или треухъ. Но на мѣсто русской мурмолки или тубетейки — шапокъ мѣховыхъ, суконныхъ и пр. — у грековъ была скуфья, носившая даже имя „скиѣское“. Одинъ видъ остроконечнаго колпака съ мѣховымъ или войлочнымъ околышемъ, но стоячаго (русскій столбунецъ), привился у грековъ и на всемъ пространствѣ восточной Европы даже подъ названіемъ гречаника, „шляпы земли греческой“, а въ Италіи съ XII рѣка — alla gresanica, у русскаго простонародья — гречневикъ; извѣстны славянскія названія шляпъ — клобукъ, происходящія отъ колпака кочев-

¹) II, 52, 716—720. Счетъ подчиненныхъ сдѣланъ Филоеемъ во множественномъ числѣ именъ: войсковому логоету подчинены: хартуларіи секрета, хартуларіи оемъ, хартуларіи тагмъ и т. д.

²) II, 52, 721.

³) [См. о шляпѣ земли греческой по былинамъ. М. Р. Фасмеръ: Шапка земли греческой. Сборникъ въ честь 70-лѣтія Г. Н. Потанина. Записки И. Р. Географ. О-ва, т. XXXIV, СПб. 1909, стр. 45—64.]

никовъ. Но, въ то время, какъ славянская шапка представлена съ достаточною точностью рисунками и можетъ быть опредѣлена, греческія скіадіи и факіоліи останутся надолго неизвѣстными. Между тѣмъ мы слышимъ изъ той же книги Константина и записки Кодина, а также отъ разныхъ историковъ о тіарѣ, туфѣ и тогѣ. Съ другой стороны, изображеній этихъ предметовъ имѣемъ мало, кромѣ бѣлыхъ колпаковъ и красныхъ беретовъ, да еще причудливаго клобука Θεοδора Μετοχита въ мозаикѣ Кахріе-джами въ Константинополѣ.¹ На узкомъ матерчатомъ околы, охватывающемъ голову, укрѣпленъ большой шелковый шаръ или пузырь полосатой тафты, натянутый на проволоку и слегка придавленный — явно, подобіе тюрбана, но безъ колпачка надъ нимъ (фески) и таша. Какъ можно понять изъ ямбическаго переложенія монаха Матвѣя „О чинахъ Константинопольскаго двора“,² жившаго при Θεοδορῷ Μετοχίτῃ, послѣдній, какъ заслуженный „великій логоѳетъ“ — т. е. министръ иностранныхъ дѣлъ, получилъ отъ царя Андроника старшаго (умр. 1328) красную калиптру съ золотомъ, т. е. то отличіе, которымъ удостоивался санъ севастократора, великаго доместика и пр.³ Какъ видимъ у чиновъ по сторонамъ Никифора Вотаніата на указанной миниатюрѣ Парижской рукописи Іоанна Златоуста, этотъ скіадій имѣлъ форму мягкаго колпака, но съ околкомъ вокругъ головы болѣе крѣпкимъ, надъ которымъ мягкій верхъ колпака спадалъ концомъ и образовывалъ, по указаніямъ, своего рода ἀήρ — воздухъ, какъ бы покрывающій голову, какъ алтарный воздухъ покрываетъ дискъ.⁴ Такого рода колпакъ, нѣсколько видоизмѣненный и чернаго цвѣта, получилъ въ церковномъ чинѣ, специально у архимандритовъ, названіе камилавкія, и этимъ именемъ зовется такой скіадій у историковъ.⁵ Вообще же надо сказать, что XIV и XV вѣка особенно разработали многочисленныя формы головныхъ уборовъ мужскихъ и женскихъ, пока остающихся неизвѣстными.

Но, что касается клобука у Θεοδора Μετοχита, то можно для него предполагать два названія: общее φακεώλιον (φακεωλίσ) — подражательная форма восточныхъ тюрбановъ изъ шелка, натягиваемаго на проволочный каркасъ, или специальное названіе πῶλος — шаръ, небесный сводъ, дававшійся уже въ X вѣкѣ примикіріамъ, какъ знакъ отличія...⁶

¹) [См. его изображение: Θ. И. Шмитъ. Кахріе джами (Изв. Русск. Арх. Инстит. въ К-лѣ, т. XI), альбомъ, табл. LVIII. Также J. Ebersolt. Les arts somptuaires, fig. 53, p. 126.]

²) Изд. при Боннскомъ изд. Codini, De officiis p. 218: ἔγνωμεν... τὸν καλὸν Μετοχίτην λογοθέτην μέγιστον, σοφίας λήξιν, φοροῦντα χρυσὴν ἐρυθρὰν τὴν καλύπτραν, ἣν δῶρον αὐτῷ... ἀναξὶς δὲ λαμπρὸς παρέσχεν Ἀνδρόνικος.

³) Codini, off. III, 15; IV, 17 etc. [Ср. ibidem, p. 20: Τὸ τοῦ λογοθέτου τοῦ γενικοῦ (а имъ и былъ Μετοχίτῃ) σκιάδιον λευκὸν βλάτιον μετὰ μαργελλίων.]

⁴) [О скіадіяхъ см.: Н. П. Кондаковъ, Изображенія русской княжеской семьи, стр. 74 и слѣд. J. Ebersolt, Les arts somptuaires, 125.]

⁵) [О камилавкіи см.: J. Ebersolt, o. c., p. 96, 98.]

⁶) Текстъ Филоея, II, 52, 721 ἢ τῶν примикіріων ἀξία ἧς βραβεῖον χιτῶν λευκῶς σὺν ἐπομίῳς (короткій плащъ или оплечь) καὶ πῶλος χρυσοῦφάντοις λαμπρῶς ἀμφιάζεται. Рейске, (Комм.

Клобукъ
Θεοδора
Μετοχита.

Мы не пытаемся представлять азіатскую пышность всякихъ скипетровъ, жезловъ и маниаковъ, какъ воинскихъ изъ золота съ камнями драгоцѣнными, такъ и маниакіевъ-оплечій, тоже усаженныхъ дорогими камнями въ гнѣздахъ, такъ какъ извлечь изъ книги Константина сколько-нибудь точныя указанія по этому предмету трудно и для нашей задачи дѣло излишнее. Кодинъ по этому пункту говоритъ болѣе и даже, въ качествѣ куропалата, выдаетъ разныя темныя стороны константинопольскаго двора, описывая красные жезлы чиновъ. Но и Клиторологій Филоея записываетъ, напримеръ,¹ что значкомъ спаѳарокандидатовъ — офицеровъ личной гвардіи (9-ый чинъ изъ 12 высшихъ) является золотой маниакъ висячій (т. е. съ подвѣсными камнями), украшенный перилевкіемъ (κεκοσμημένον ἐκ περιλεύκιος), получается онъ изъ рукъ царя. Рейске, по справкѣ Сальмазія изъ книги Епифанія „О камняхъ“, указываетъ, что такъ назывался пятый низшій видъ яхонта,² почти лишенный цвѣта: первый — пурпурный (θαλασσίτης), затѣмъ розовый, синеватый, (какъ теперь и принимаютъ цвѣтъ гіацинта).³ Въ древней Руси и на Западѣ перелефтъ относилась къ халцедонамъ, на ней рѣзали образки и печати, ею украшали иконы, оклады: „ножь, черень бѣлой перелефтъ, цѣна два рубля“.⁴

7.

Несомнѣнно пышною являлась въ Византіи IX—X вѣковъ и конская сбруя, какъ для каррухъ-каретъ (ὄχημα), которыми пользовались не только цари и высшіе чины, особенно префекты города, высшіе магистры, убирая ихъ золотыми пластинками (ἠμφιεσμένον χρυσοῖς πετάλοις), или серебряными (ἀργυροῦν ὄχημα), иногда и съ драгоцѣнными камнями (λιθοκόλλητον).⁵ Мы уже упоминали о сѣдлахъ, покрытыхъ по дереву золотыми листьями съ драго-

Скипетры,
жезлы и т. д.

Перилевкій.
Яхонтъ.

Конская сбруя.
Кареты.

стр. 858), найдя единственное значеніе слова πῶλος — жеребенокъ, а въ новомъ греческомъ — осель, рѣшилъ считать, что на плащѣ были вышиты ихъ фигуры и перевелъ — cum figuris equorum.

¹) II, 52, 709.

²) Кстати о яхонтѣ. Въ замѣчательномъ сочиненіи Марка Розенберга Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischen Grundlagen. Granulation. 1918, на стр. 132 имѣется клише записи X вѣка на оборотѣ выходного листа извѣстнаго Codex aureus Мюнхенской библиотеки — записи, говорящей о дополнительныхъ украшеніяхъ оклада. Запись начинается: de una parte lagontii X, prasini XXIII de altera parte lagontii III... Тамъ же замѣчено, что мѣсто хорошо читается, но издается, по неизвѣстности слова, которое прочтено lagontii и считается сафирами. Между тѣмъ яхонтъ есть точное произношеніе слова ὀάκινθος, но даже и у насъ въ Россіи забываютъ, что такое „яхонтъ“, а гіацинтъ считаютъ лилово-синяго цвѣта исключительно.

³) Reiske, Comm., p. 829.

⁴) Савваитовъ. Описаніе, подъ соотвѣтствующимъ словомъ.

⁵) I, 85, 388 и Reiske, Comm., p. p. 367—368 [Ср. S. Joann. Chrysost. De perf. carit., 6; Migne, P. G., t. 56, c. 286—287.]

цѣнною перегородчатою эмалью,¹ и великолѣпныхъ чепракахъ (*χαϊώματα*), осыпанныхъ жемчугомъ по дорогой парчѣ или бархату.²

Воркадіи.³ Остановимся на одной характерной детали царскихъ выѣздовъ верхомъ въ походъ. Въ приложеніи къ I-й книгѣ Константинъ Порфиродный написалъ собственноручно большую и подробную инструкцію, что надо царю, задумывающему войну, наблюсти самому лично.⁴ Но позднѣе, вначалѣ, вставили рассказъ⁵ о томъ, какъ царь (Константинъ Великій) приготовлялся къ войнѣ, самъ обо всемъ заботясь и во все входя, заранѣе распредѣлялъ свой выѣздъ и движеніе тагмъ и ѡемъ, т. е. отрядовъ гвардіи и войскъ столицы и войскъ провинціальныхъ. Выѣздъ совершался такъ: впереди императора, въ разстояніи отъ него какъ бы на милю (римскую), шли кони *μετὰ ἀληθινῶν βορκαδίων* по парамъ, съ лѣвой и правой стороны, и съ ними царскіе чины (*βασιλικοὶ ἄρχοντες*), затѣмъ (ѣхали) страторы (начальники конюшенъ царскаго конвоя) съ конюхами и прочій чинъ собственно царской службы, затѣмъ царь.⁶ Итакъ, впереди всего поѣзда ведутъ коней самого царя, отмѣченныхъ кратко пурпурными воркадіями. Рѣйске не понялъ слова, перевелъ воркадіи лат. *stragula*, т. е. чепраками, но узналъ затѣмъ, что *borcadium* значитъ шапка, покрывшая голову и происходитъ отъ арабскаго *борка*, имѣющаго это значеніе.⁷ Дѣйствительно, другое мѣсто Константина приводитъ такое распоряженіе императора: купить грубой шерсти и покрасить въ пурпуръ, и сдѣлать чепраки и воркадіи числомъ 150; 100 для царскаго отряда, тридцать для конюшихъ и двадцать для *ξεναλίων διδομένων ἱππαρίων* — для раздачи при подаркахъ коней съ уборами.⁸ Затѣмъ въ особой главѣ о ночныхъ объѣздахъ (*περὶ τῶν κερκέτων*) записка Константина даетъ подробную роспись войска и чиновъ по ихъ отдѣламъ на походъ и вновь повторяетъ о томъ, что впереди придворныхъ чиновъ (*τῶν βασιλικῶν*) идутъ (*περιπατοῦσιν*), въ двухъ перелетахъ стрѣлы разстоянія, кони царскіе въ поводу (*παρασυστά*) числомъ сто, съ пурпурными чепраками и воркадіями, по правой и лѣвой сторонѣ.⁹ Невольно припоминается тщеславіе персидскихъ сатраповъ и воеводъ, имѣвшихъ тысячи верховыхъ коней, будто бы на готовѣ, стоящихъ въ сбруѣ, и затѣмъ яркая точка битвы —

¹) I, 17, 99, 105: *σελοχαλίνου χρυσοῦ διαλίθου χεμευτοῦ*.

²) Codini, De off. XVII, 97. [Объясненіе слова см. Reiske, Comm., p. 285—286. Подробный разборъ выраженія *ἱπλεῦεν τὰ χιῶματα* въ статьѣ Д. Θ. Бѣляева, *Облаченіе Императора на Керченскомъ щитѣ*, (Отд. отпеч. Ж. М. Н. П. 1893, окт.) стр. 20—24.]

³) [Эту часть см. также на французскомъ языкѣ: N. P. Kondakov. *Un détail des harnachements byzantins. Mélanges—Schlumberger*, II, p. p. 399—407.]

⁴) Appendix od I. I, 444—508.

⁵) Рассказъ отзывается и по слогу позднѣйшимъ временемъ и явно отнесенъ, однако, къ обычаямъ того же Константина VII Порфиророднаго, но, ради превознесенія греческихъ традицій, упомянуто имя Константина Великаго такъ же, какъ относили многія постройки дѣла Константина VII къ первому.

⁶) Id., 452.

⁶) App. od. I. I, 462.

⁷) Comment., 491.

⁷) Id., 485.

красная челка княжескаго коня, свѣтящаяся воинамъ впереди. Стало быть воркадія — древне-русская красная челка. И, дѣйствительно, Кодиный даже называетъ челку — *κεφαλαρέα* = челка и сообщаетъ, что налицо челка въ уздѣ (у деспота), двувѣтная, имѣетъ туфу съ пурпурною кистью, какъ и на царскомъ конѣ.¹ Пурпурная кисть названа коротко *μετὰ φοινικίων*, но она безъ „крышечки“ (*κόμπωσιν*), а бѣлое сѣдло украшено красными орлами, и палатка бѣлая съ орлами красными же. О той же детали — о пурпурной челкѣ говоритъ и Никита Хоніатъ, и Маврикій въ Стратегиконѣ, (II, 2): *μικρὰ τοῦφία κατὰ τῶν ἐπισθελίων καὶ ἀντελίων τῶν ἱππῶν*.²

Обратившись къ восточнымъ памятникамъ, мы находимъ на ассирійскихъ царскихъ коняхъ двѣ кисти такого рода, одна надъ головою — челка и другая подъ шею, гораздо больше размѣромъ.³ Очевидно, въ Месопотаміи необходимость подобныхъ кистей конскихъ, качающихся на ходу и отгоняющихъ мухъ отъ конской головы и шеи ощущалась сильно, и вторая изъ этихъ кистей играла большую, очевидно, роль для кавалеристовъ, особенно на парадныхъ выѣздахъ. Такъ, индо-персидская миниатюра XVI вѣка,⁴ представляющая выступленіе въ походъ Великаго Могола Джахира Мохаммеда Бабера (умр. 1530 г.) противъ Мазандерана (бывшей Парѡи), хана, родомъ изъ Ферганы и основателя имперіи, даетъ слѣдующія детали поѣзда, являющіяся важными и для пониманія византійскихъ обычаевъ. Дорога идетъ среди высокихъ горъ, и часть передоваго отряда уже завернула справа на лѣво по верхней дорогѣ, чтобы обогнуть, тогда какъ слѣдующая партія пѣшихъ и конныхъ еще идетъ по нижней слѣва направо. И вотъ именно впереди видимъ царскаго бѣлаго коня, покрытаго великолѣпнымъ чепракомъ и сѣдломъ въ золотѣ и серебрѣ, тогда какъ шея покрыта панцыремъ, тоже изъ серебра и золоченой бронзы. У коня челка въ видѣ большого пера во втулкѣ на особомъ ошейникѣ, къ которому подвѣшена большая и густая красная кисть. Около коня хлопчуть и идутъ рядомъ два конвойныхъ, въ шишакахъ. Слѣдующая группа изъ идущихъ и почти бѣгущихъ мечниковъ съ обнаженными мечами, кричащихъ герольдовъ или царскихъ тѣлохранителей съ топориками въ рукахъ. Рядомъ ѣдетъ воевода, съ булавою въ рукѣ, окованною въ золото и съ „яблокомъ“, на конѣ также съ челкою — перомъ и кистью подъ шею и тоже съ панцыремъ на шеѣ коня и бархатнымъ чепракомъ. Затѣмъ ѣдетъ ханъ Баберъ, надъ которымъ, какъ надъ падишахомъ, гвардеецъ держитъ широкій зонтикъ. Конь у хана весь покрытъ панцыремъ, на шеѣ изъ пластинокъ створчатыхъ, на головѣ изъ сплошной доски, и все же на особомъ ошейникѣ утверждена челка —

¹) Codini, De off. III, 14.

²) Gretseri et Goari. Comm. in Cod., p. 227.

³) Perrot et Chipiez, *Hist. de l'art*, II, рис. 5, 115, 211. Ср. кисти коня сассанидскаго царя спереди у груди коня и сзади, Рус. Древн., III, рис. 83.

⁴) Издана у Racinet, *Costume historique*, III, pl. fêche, Inde. [Также *Mélanges—Schlumberger t. II, pl. XVIII.*]

Конскія кисти на археологическихъ памятникахъ.

перо и висить большая красная, колыхающаяся кисть подъ шею. Самъ Баберь имѣетъ доспѣхъ съ зеркаломъ — матерчатый, подбитый бѣличимъ или горностаевымъ мѣхомъ к уякъ, въ родѣ скарамангія, съ широкою и короткою юбкою внизу, покрытый снаружи металлическими обоями, но внутри, подъ краснымъ сукномъ, имѣющий, вѣроятно, кольчугу, а снаружи ряды металлическихъ бляхъ; на шишакѣ черная (султанская) кисть (aigrette). За царемъ слѣдующіе в плотную гвардейскіе офицеры держатъ: одинъ палицу, массивную, большую, красную и нарѣзанную желобами наверху; другой, на высокомъ красномъ шестѣ, черный бычачій хвостъ — значекъ воеводы или хана (какъ знамя, принятое у турокъ). Любопытныя поножи хана и его офицеровъ представляютъ цвѣтное матерчатое покрытие бедеръ, также въ родѣ куяка, съ металлическимъ щиткомъ, закрывающимъ колѣна. Наше извлечение изъ этой замѣчательной миниатюры, конечно, страдаетъ неполнотою — полное было бы излишнимъ — и особенно недостаткомъ восточныхъ терминовъ, но достаточно, чтобы показать связи бытовья и культурныя древняго Востока съ позднѣйшимъ и преемницею Востока — Византією.

Втулки
для кистей у
кочевниковъ.

Но мы могли бы имѣть документальныя археологическія доказательства, того, что это преемство Византіи прошло также черезъ кочевниковъ, нахлынувшихъ въ средневѣковую Европу и принесшихъ съ собою персидскіе и среднеазиатскіе обычаи. Между скифо-сарматскими древностями имѣются нѣсколько золотыхъ, всегда ажурныхъ, трубочекъ, коротенькихъ и очень узкихъ, которыя ни для чего иного, видимо, не могли бы годиться, развѣ для волосъ, матеріи или кистей, которыя просовывались бы въ эти втулки, а затѣмъ шапочка кисти должна была бы покрываться особою золотою шапочкою съ колечкомъ наверху для подвѣшивания. А такъ какъ на лошади кочевника навѣшивались кисти, по приведенному тексту, и спереди и сзади (сѣдла), то, понятно, мы могли бы имѣть въ нихъ то посредствующее звено, о которомъ идетъ рѣчь. Но доселѣ опубликовано только двѣ такихъ трубочки для охватыванія ими верха мужскаго или женскаго колпака, или же женской косы и цѣлой верхушки причесанныхъ волосъ,¹ и только одна изъ кургана Карагодеуашха² могла бы годиться для большой кисти или даже прямо конскаго хвоста, зажатого въ такой втулкѣ: кстати на этой трубочкѣ и выбиты крылатые коньки по сторонамъ пальметки.

Самое замѣчательное изображеніе на сосудѣ С. Миклошскаго клада (рис. 82) какъ разъ дополняетъ описанную выше миниатюру, но такъ какъ мы должны будемъ говорить о немъ въ особомъ очеркѣ подробно, то здѣсь ограничимся лишь указаніемъ. Бдущій на конѣ ханъ побѣдитель самолично тащить, держа за чубъ, плѣннаго. Конь хана имѣетъ челку — перо и кисть

¹) Рисунки въ соч. E. H. Minns, Scythians and Greeks, рис. 11, 96.

²) Иб. рис. 122. Должно замѣтить, что большинство скифо-сарматскихъ древностей еще не опубликовано, и, напримѣръ, изданіе находокъ одной Луговой могилы потребовало бы атласъ рисунковъ, и, въ частности, особенно мало были использованы находки конскихъ могилъ.

подъ шею.¹ Самъ ханъ держитъ на плечѣ копьё со значкомъ и сассанидскія „тороки“ ленты на шишакѣ и значкѣ.

Мы имѣемъ восточное продолженіе того же обычая дѣлать челку и шейную кисть даже въ Китаѣ. Между рисунками чудной работы и великолѣпной репродукціи изъ коллекции Дусэ въ Парижѣ² опубликованъ одинъ, представляющій бѣлую верховую лошадь, приготовленную для выѣзда, съ большой кистью подъ шею и малыми сзади, обдѣланными въ золотыя ажурныя или проволочныя трубочки съ жемчужными обнизями. Издатели видятъ въ этомъ рисункѣ работу XIV вѣка.

Но требуемое тождество между Востокомъ и Византією можетъ дать Конскій уборъ в Россіи, русская древность и даже русская старина, конечно, потому что конскіе

уборы были на Руси, понятно, приняты отъ кочевниковъ, Аланъ, Аваровъ, Гунновъ, Болгаръ и даже Татаръ. Недаромъ, оправа, остовъ сѣдла или его лукъ носитъ у насъ татарское названіе — арчакъ (ангыръ-чакъ, йегьер), и „арчакъ, оправа серебряная, сканная, съ финифтью“ напоминаетъ византійское сѣдло съ эмалью по золоту.³ Чапракъ — нарядная попона изъ бархата или сукна, украшеннаго шитьемъ и бахромою, или чандаръ, уборъ изъ металлическихъ бляхъ, прикрѣпленныхъ къ сукну, закрывающему, подобно панцырю, спину и бока коня, вполне отвѣчаютъ восточному обычаю кочевниковъ, защищавшихъ лошадь отъ стрѣлъ и ударовъ.⁴ Но въ русскихъ старинныхъ описяхъ⁵ недаромъ значатся сѣдла крымскія, бухарскія, арабскія, черкасскія, турскія, кизылбашскія и пр. И при этомъ описываются такъ:

Рис. 82. Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада.

„сѣдло полное, ковано въ серебрѣ, дѣло чеканное — люди на конѣхъ, золочено все; тебенки серебряны, кованы, дѣло чеканное; на тебенкѣ по два челоуѣка на конѣхъ, тебенки и люди золочены всѣ, а кони бѣлы; стремяна серебряны; около ихъ рѣзаны слова — имя Бориса Θεодоровича.“ Должно сказать, что традиціонное изображеніе двухъ всадниковъ, одинъ противъ другого — идетъ еще отъ древне-восточныхъ темъ встрѣчи владыкъ на бѣлыхъ коняхъ, а затѣмъ у насъ отъ образцовъ, принадлежавшихъ кочевникамъ, отъ первыхъ вѣковъ до Р. X. Что же касается тебенка,

¹) J. Hampel, Der Gotdfund v. N. S. Miklós 1885. рис. 3. Alois Riegl, Die spät-römisch. Kunst-Industrie, II, 1923, рис. XXXII—XXXIII.

²) V. Goloubew, Ars Asiatica, La peinture chinoise au Musée Cernuschi 1914, pl. XXIII.

³) П. Саввантовъ. Описаніе, арчакъ.

⁴) Тамъ же, чапракъ.

⁵) Тамъ же, сѣдла.

четыреугольного куска кожи у сѣдла, поверхъ стремянного ремня подвѣшеннаго для защиты ноги отъ тренія. о ремень, то, какъ указываетъ Савваитовъ, также эта кожа именуется, не только у киргизовъ и въ Средней Азіи, но и у крымскихъ татаръ — тэпиньги.

Ворворка. Болѣе характерна роль такъ называемой ворворки¹ въ конскихъ и женскихъ уборахъ среднеазиатскаго Востока и древней Руси. Ворворкою называлась металлическая чашечка или даже шарикъ, прилаженный продѣтымъ внутрь шнуромъ къ втулкѣ (по старому — вотолкѣ) кисти. Такого рода шарики или колпачки дѣлались изъ листового золота, серебра или плетенныя изъ крѣпкаго шелку, съ жемчужными низками, смотря по тому, какъ дѣлалась втулка, металлическая, чеканная или же потальная (изъ тонкихъ плющенныхъ листовъ), или же, наконецъ, плетеная. При этомъ, если вотолки и ворворки плелись, то дѣлались для бѣлаго коня тоже *διβολέα*, то есть двухъ цвѣтовъ: бѣлаго и краснаго, какъ и въ Византіи въ IX—X вѣкахъ (см. выше), а именно: въ описи наузовъ Бориса Годунова упоминаются кромѣ „вотолокъ и ворворокъ серебряныхъ“ также „ворворки шелкъ червчатъ да бѣлы.“ Ворворки мы увидимъ затѣмъ во множествѣ на уборахъ женскихъ и иконныхъ изъ серебра со с анью, и сопоставлять ихъ придется не только со средней Азіей, но и съ народными уборами сѣверной Африки, такъ какъ эти формы разнесены были сиро-арабскимъ промысломъ по всему мусульманскому міру. Но особенно поразительно тождество конскихъ и женскихъ уборовъ въ Эрмитажномъ собраніи вещей Хивинскаго ханства, забранныхъ Черняевымъ при завоеваніи Хивы. Восточныя привычки къ бахромѣ и кистямъ всякаго вида и назначенія: по сторонамъ головы и ушей, на петляхъ и поясахъ, шапкахъ, головныхъ платкахъ, на сапогахъ и пр. Любопытно и то, что кисть съ ворворкою на шеѣ коня именовалась въ русской старинѣ наузомъ,² такъ какъ это же имя придавалось и разнымъ символическимъ завязямъ, узламъ и просто подвѣскамъ, съ качествомъ оберега или амулета. Наконецъ та же конская кисть подъ шею называлась въ старой Руси боболевъ кутазъ или боболевъ хвостъ³ и, по указанію Висковатова, дѣлалась изъ двойной шерсти: бѣлой и красной. Сенковскій сообщилъ, что кутазомъ называется рѣдкая порода быковъ въ Тибетѣ съ пушистымъ хвостомъ, и что Оттоманы на своихъ штандартахъ стали носить такіе воинскіе хвосты, называя также кутасомъ... У Донскихъ казаковъ боболевъ хвостъ доселѣ состоитъ въ числѣ знаковъ атаманскаго достоинства: на древкѣ золотой шаръ съ двуглавымъ орломъ и бѣлымъ конскимъ хвостомъ.

Въ легкой и тяжелой кавалеріи XV—XVI ст. въ Италіи, какъ представляетъ рисунокъ въ извѣстномъ собраніи костюмовъ Ч. Вечелліо,⁴ также было въ употребленіи украшать не только каску всадника, но и голову лошади большимъ свѣшивающимся перомъ.

¹) Тамъ же: ворворка.

²) Тамъ же, наузъ.

³) Тамъ же, боболевъ кутазъ.

⁴) C. Vecellio, *Habiti antichi*, 1598, p. 132, 133

8.

Скудость свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ сборника царя Константина, о византійскихъ одеждахъ еще болѣе чувствуется по поводу цвѣта одеждъ: лишь изрѣдка мелькаютъ отрывочные, брошенные какъ бы на лету, рассказы о торжественномъ выходѣ или приѣмѣ, или процессіи, замѣчанія о томъ, какого цвѣта были скарамангій царя или хламида патрициевъ, и всѣ эти слова относятся обычно лишь къ исключительному, чрезвычайному случаю. Между тѣмъ Византія придавала цвѣту одеждъ первостепенное значеніе, несравненно болѣе, чѣмъ рисункамъ тканей, и это отлично увидимъ въ книгѣ Кодина, гдѣ прямо цвѣта являются своего рода отличіемъ сановъ и чиновъ. Очевидно, составители сборника считали излишнимъ говорить о томъ, что всѣмъ, кому надо знать, извѣстно, а о прочихъ не требовалось и думать. Правда, историку искусства должно при этомъ принимать въ соображеніе, что греки и въ древности, и даже въ лучшія времена своего искусства были или, вѣрнѣе, оставались наиболѣе пластиками, рисовальщиками, чѣмъ живописцами, и отсюда ихъ склонность къ одноцвѣтному (вазовые рисунки), ихъ слабое расположеніе къ колориту (напримѣръ, сравнительно съ египетскимъ искусствомъ), и довольство свѣтлою иллюминаціею. Античная живопись, повидимому, поддерживалась болѣе Юніею силами Востока и въ эпоху такъ называемаго эллинистическаго стиля.

Однако, значеніе красокъ въ одеждахъ было оцѣнено древностью высоко и характерно выражено, такъ, какъ, напримѣръ, и русская старина требовала отъ праздничнаго наряда, чтобы онъ былъ цвѣтной, не темный и тусклый, сѣрый или безцвѣтный, но яркихъ красокъ. Греческая древность выразила то же самое въ терминѣ *δξύς*, что значитъ собственно острый или яркій, но прилагалось собственно къ драгоценному и священному пурпуру. Но и полная безцвѣтность ткани бѣлой была оцѣнена за ея свѣтъ, яркость, блескъ (*λαμπρός*). Въ томъ же смыслѣ и всѣ записи книги „О церемоніяхъ“ обычно расцвѣчиваютъ монотонность своихъ перечней красочными эпитетами одеждъ, тканей и завѣсъ, выставлявшихся на показъ въ праздничные приѣмы и на торжественныхъ царскихъ выходахъ.

Традиція бѣлаго цвѣта, привычка и даже пристрастіе къ нему грековъ извѣстны, какъ своего рода канонъ античной культуры, установившійся вмѣстѣ съ произрастаніемъ льна въ Египтѣ и Передней Азіи и выработкою полотна. Уже Геродотъ (II, 37) съ особымъ почтеніемъ сообщаетъ, что египтяне носятъ предпочтительно полотняныя одежды, всегда свѣже вымытыя, и чистота одеждъ составляетъ для нихъ предметъ большой заботы, а равно и жрецы не носятъ иныхъ одеждъ, кромѣ полотняныхъ, ради той же причины. Лишь поверхъ полотняной одежды египтяне надѣваютъ въ накидку бѣлую шерстяную одежду, причемъ, однако, эту одежду нельзя имѣть на себѣ въ храмѣ или на похоронахъ. Пифагорейцы также

Цвѣтъ одеждъ.

Значеніе яркости красокъ.

Бѣлыя одежды.

воспрещали хоронить покойниковъ въ шерстяныхъ одеждахъ. Уже эти краткія замѣчанія возвращаютъ насъ къ тому примитивному быту, когда самая чистота, какъ культурное начало, внѣдрялось путемъ религіи. Естественно, что шерстяныя издѣлія, обычно окрашенныя и недостаточно вымытыя при обработкѣ, считались нечистыми. Извѣстно затѣмъ послѣдовательное наростаніе, вмѣстѣ съ культурою, торговли египетскою мануфактурою въ эллинистическую эпоху, и потому появленіе натѣльныхъ одеждъ изъ полотна во II или III вѣкѣ по Р. Х. можно принять уже какъ большое завоеваніе культуры. Извѣстно затѣмъ значеніе бѣлыхъ одеждъ въ раннемъ христіанствѣ, какъ облаченія обязательнаго для крещаемаго, и объясняется оно именно тѣмъ, что все же весь Востокъ носилъ чаще всего одежды шерстяныя и крашенныя, и цвѣта такъ называемыхъ апостольскихъ одеждъ установлены еще греческою древностью: синій хитонъ и темно-лиловый гиматій, какъ и для самого Спасителя. Со времени завоеванія Египта Арабы установили у себя предпочтеніе, правда, въ высшихъ классахъ и никакъ не у Бедуиновъ, бѣлыхъ одеждъ съ коричневыми или даже черными полосами (*μασουρατά*), и потому на приемахъ упоминаются „друзья Сарацины“ въ бѣлыхъ одеждахъ (*λευκοφόροι*). Императорская гвардія, набираемая изъ молодежи, для почетной, прямо показной, охраны, даже получила съ самого начала имя кандидатовъ, позднѣе по ихъ оружію — обнаженнымъ мечамъ — спахарокандидатовъ, составлявшихъ схолы. Но, заключать изъ этого наряда кандидатовъ, что „вообще въ Византіи одежды воинскія были бѣлыя“, и что „бѣлыя камисіи кандидатовъ надѣвались поверхъ всякой прочей ихъ одежды“, какъ то дѣлаетъ Рейске въ своемъ комментарий,¹ основанномъ исключительно на западныхъ отрывочныхъ и излишне обобщенныхъ замѣткахъ, не слѣдуетъ по многимъ соображеніямъ. Равно и сообщеніе, сдѣланное Дюканжемъ и приводимое у Рейске, что бѣлый и красный суть царскіе цвѣта, вѣрно лишь въ опредѣленномъ ограниченіи. Бѣлые колеты (остатки древнихъ скарамангевъ), а также и бѣлые плащи (не бѣлыя хламиды) извѣстны, какъ отличія избранныхъ, преимущественно конныхъ отрядовъ гвардіи и равно тѣлохранителей, какъ-то гусаръ (венгерскаго происхожденія), кавалергардовъ, конногренадеръ при дворахъ Австріи, Англии, Россіи, какъ и рындъ въ древней Руси. Равно и сборникъ Константина и книга Кодина одинаково отличаютъ бѣлый цвѣтъ, какъ праздничный и какъ обязательный цвѣтъ царскихъ облаченій на праздникахъ. Однако, если греческое краснорѣчіе ограничивается общимъ мѣстомъ: были блестящія (*λαμπρά*) облаченія, или вельможи блистаютъ своими одеждами *λαμπροφόροι*, и праздникъ Пасхи называется *ἡ λαμπροφόρος ἑορτή*, то нельзя обобщать и считать, что *λαμπρός* значитъ: бѣлый, такъ какъ столь же часто этимъ словомъ обозначаются и пурпурныя одежды и самыя „порфиры“. По гл. 37, I кн. деспоты въ праздники и на выходахъ

¹) Стр. 77—78 и слѣдующія.

являются изъ своихъ покоевъ въ пурпурныхъ скарамангяхъ и златотканыхъ сагіяхъ (*περικλείστον* — окаймленныхъ), облачаются въ панцыри (*θωράκια*) и щипакии, снимаютъ ихъ, затѣмъ надѣваютъ лоры и стеммы, выходя же къ причастію надѣваютъ хламиды — и какъ мѣняютъ стеммы — бѣлыя или красныя, такъ, вѣроятно, и хламиды или сагіи. На день Обновленія — бѣлые скарамангии, бѣлые дивитисіи и хламиды, или же щипакии, но, „если прикажутъ“, облачаются и въ пурпурныя, тоже на Вознесеніе (*τριβλαττίων*), и только въ Пигійскомъ храмѣ появляются въ бѣлыхъ дивитисіяхъ, тоже на праздникъ Новой Церкви пурпурныя дивитисіи и „ихнія“ хламиды, на Пятидесятницу бѣлыя, стеммы бѣлыя и красныя. И такъ мѣняется то и другое облаченіе на Преображеніе, Успеніе, Рождество Богородицы, Воздвиженіе, при чемъ чаще бываетъ пурпурное облаченіе. Въ ипподромѣ царь появляется въ пурпурномъ облаченіи, и на Благовѣщеніе указаны даже пурпурныя дивитисіи и ихъ хламиды, тогда какъ обычно, повидимому, дивитисіи бывали или голубые, или бѣлые. Глава же 37, I-й книги даже называется „замѣткою о томъ, какъ облачаются деспоты на праздникахъ и выходахъ“. Иной оборотъ получила церемонія царскихъ облаченій у Кодина, вѣроятно, въ силу позднѣйшей реакціи противъ либеральныхъ уступокъ времени, а именно, когда онъ трактуетъ тотъ же вопросъ въ гл. 21 „о траурныхъ царскихъ облаченіяхъ“. Если у царя умретъ отецъ, мать, жена, сынъ и были они владыками, царь (продолжаетъ) носить бѣлыя облаченія до того времени, какъ онъ пожелаетъ, затѣмъ надѣваетъ лимоннаго цвѣта (*λίτρινα*) безъ коемъ, затѣмъ и съ коймами, а послѣ того и бѣлыя (*λαμπροφορεῖ*); если дядя или братъ, китрины, потомъ становится бѣлоризцемъ (*λευκεριμονεῖ*) и т. д.; по смыслу замѣтки всѣ ходятъ въ черномъ, царь же ходитъ въ свѣтломъ платьѣ, и даже устанавливается обычай, что кто ходитъ въ траурѣ, тотъ на время до 9-го дня ходитъ въ черномъ и приходитъ разъ поклониться царю ночью (*ἔρχεται νυκτός*) въ черномъ, послѣ же того является къ царю въ зеленомъ (*ἡεράνεα*).¹ И такъ, царь почти постоянно ходилъ въ бѣломъ въ позднѣйшее время, и потому, находя во фрескахъ изображенія владыкъ, по преимуществу, въ красныхъ одѣянїяхъ, мы должны относить это или къ незнанію и рутинѣ иконописцевъ, или же къ тому, что эти короли или великіе князья довольствовались саномъ севастократора и даже чиномъ магистра арміи. Помимо царя, на великіе праздники въ бѣлое рядились патриции и члены синклита, высшіе чины секрета, при чемъ одежды были какъ хламиды, скарамангии, но даже и дивитисіи.

Такъ какъ высшіе чины рядились лишь по праздникамъ въ бѣлыя облаченія, то можно думать, что облаченія получались на это время изъ царскихъ складовъ, и потому эти облаченія не были знакомъ отличія этихъ чиновъ (*βραβεῖον*). Напротивъ того санъ магистра давалъ знакъ отличія бѣлымъ хитонамъ златотканымъ и мантиєю (*ἐπιμήσις*) съ золотымъ тавліемъ,

¹) Codini De off. XXI, 106—107.

и поясъ кожанный красный — портупею (*βαλτιδιν*).¹ Но даже мыльщики (*νυψιστιάριοι*) имѣютъ вравій — льняной, стало-быть, бѣлый камисій съ пурпуромъ (*ὑποβλατωμένον*),² далѣе кувикуляріи подобный же камисій съ парагавдіемъ, а примикирій (всякой части дворцовой начальникъ) имѣетъ своимъ отличіемъ бѣлый хитонъ съ наплечниками или оплечьемъ золотными,³ далѣе протоспаѳаріи — хитонъ бѣлый „покроя дивитисія“ и мантию (*διπλόης* — sic) красную съ тавліемъ.⁴ О санѣ патриціевъ и протоспаѳаріевъ сказано, что ихъ облаченія общія — характерное указаніе, какую роль при византійскомъ дворѣ стали играть патриціи и особенно патриціи изъ евнуховъ, упомянутыхъ отдѣльно.

Но, повидимому, въ позднѣйшую эпоху было настойчивое возвращеніе къ бѣлому, какъ бы священному цвѣту царства, и если, какъ мы увидимъ, высшіе государственные чины по Кодину имѣли своимъ отличіемъ красныя облаченія,⁵ то логоветъ казны и затѣмъ придворные чины: протовестіарій, domestikъ стола, стольникъ, великій папій и епархъ имѣли бѣлый скіадій и скараникъ бѣлый съ золотомъ, парчевой, съ портретами царя.⁶ Въ заключеніе должно прибавить, что если одежды бѣлаго цвѣта византійцы называли — *λευκά* и *ἄσπρα*, а также *λαμπρά*, то это послѣднее названіе ясно указываетъ на шелковую парчу, которая при этомъ употреблялась и именно блестяща, сверкала отливами или рефlekсами и въ рядахъ патриціевъ производила этимъ блескомъ впечатлѣніе праздника. При этомъ ткань, точно говоря, не была бѣлой, но, вѣрнѣе, палевой, съ голубоватыми или розоватыми отливами. Не выходя изъ нашей задачи, прибавимъ, что бѣлые скарамангіи въ иконахъ Беноццо Гоццали и Джентиле-да-Фабріано представляются именно палевыми. По бѣлой парчѣ затѣмъ исполнялись пурпуровые листовые разводы и цвѣты или также розовые, что тоже гармонируетъ съ палевымъ тономъ парчи, и это гармоническое соединеніе указываетъ на опредѣленное вліяніе Египта. Представительная, но лишенная роли, фигура проедра синклита (I, 97) имѣла такое отличіе — розовый хитонъ съ золотыми коймами (*χρυσόθετον*) и пурпурный поясъ съ камнями, хламида бѣлая, въ золотѣ, съ двумя золотными тавліями и вытканная мелкими листиками плюща (*κισσοφύλλον*), и ради его бѣлаго облаченія его привѣтствуютъ „части“ (партіи) титуломъ „свѣтлѣйшаго“ — *λαμπρότατε πρόεδρε*.⁷ Правда, онъ же въ обычное время ходитъ въ пурпурномъ скарамангіи съ зелеными его частями и въ плащѣ красномъ (*ῥοήσιον*), и лишь на выходахъ идетъ впереди царя въ главныхъ своихъ облаченіяхъ.

Кратко укажемъ, въ дополненіе къ греческому типу бѣлыхъ хитоновъ, на льняныя издѣлія Александрии, имѣвшія, между прочимъ, этотъ покрой хитоновъ, т. е. одеждъ, съ разрѣзомъ, лишь малымъ, посреди воротника, по груди и до живота — т. е. покрой того, что называютъ нынѣ русскіе —

¹) II, 52, 710.

²) II, 52, 721.

³) Ibidem.

⁴) II, 52, 722.

⁵) Cod. De off. III, 13—17; IV, 17—19.

⁶) Ibidem, IV, 20—21.

⁷) I, 97, 440, 443.

сорочка. И инья уменьшительныя имена для короткихъ хитоновъ образовались изъ греческаго — *σάρκα*, *σαρκίνα* = тѣльникъ, натѣльная одежда, какъ *chemise* отъ *camisia* и производныхъ *ὑποκάμισα*, *ἑπενδυτάς*, *ἑσώτατα ἱμάτια*, *ἑξέσαρκα*, *ἐνδοτάτους*, *χιτωνίσκους*, *interulas* и пр. у Свиды и Симона Порція.¹ Эти александрійскія издѣлія пришли къ славянамъ, повидимому, какъ разъ послѣ завоеванія Египта Исламомъ, когда эти мануфактуристы, потерявъ западные рынки, направились въ Восточную Европу.

Привилегіи бѣлаго цвѣта составляютъ римскую традицію — недаромъ въ эпоху Возрожденія онъ былъ особенно облюбованъ дворами Запада, тогда какъ красный цвѣтъ былъ излюбленъ Сассанидскою Персіею и средними вѣками Европы и переданъ народнымъ одеждамъ и уборамъ во всей Восточной Европѣ. Однако, и въ этомъ общемъ положеніи требуется точное опредѣленіе и, прежде всего, что разумѣлось подъ краснымъ цвѣтомъ, такъ какъ извѣстно нѣсколько его оттѣнковъ, а затѣмъ размѣры его употребленія. Что же касается практики краснаго цвѣта въ тканяхъ и одеждахъ, то связанные съ нею вопросы даже и не поставлены доселѣ на очередь. Съ одной стороны область матеріальныхъ красокъ за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ перешла, какъ извѣстно, къ фабрикаціи искусственныхъ анилиновыхъ красокъ (изъ смолы каменнаго угля). Съ другой стороны историческое изученіе красокъ ограничивалось доннынѣ лишь филологическою разработкою названій въ древности.² Въ частности византійскіе историческіе источники знаютъ слѣдующіе оттѣнки краснаго цвѣта: 1) *κόκκινος*, *соссипус* = *minium* — наиболѣе частый терминъ означаетъ и наиболѣе живой и яркій, а потому опредѣленный цвѣтъ, именно алый, въ русской старинѣ червлёный, *éscarlate*; 2) *ῥοήσιον* — цвѣтъ внутренности граната — (*ροῖά*), упоминаемый обязательно въ плащахъ (*σάγιον ῥοῆς*) и соотвѣтствующій *gubrus* и *gouge*; 3) *ἐρυθρόν*, примѣняемый къ сафьяну царскихъ походныхъ сапогъ — *ἐρυθρά πέδιλα*, повидимому, малиноваго оттѣнка, такъ какъ обычное выраженіе: *ἐρυθρά ἱμάτια* для церковныхъ одеждъ разумѣетъ именно этотъ оттѣнокъ, а не алый, къ нимъ непригодный; 4) *διφώδιον* — собственно розовый, отличаемый отъ краснаго точно также какъ и 5) пурпурный *πορφύρα ἱμάτια*, который нигдѣ не смѣшивается ни съ самымъ краснымъ, ни же съ малиновымъ, такъ какъ имѣетъ въ себѣ коричневую основу, о чемъ говорится ниже. Ввиду такого чувства разницы въ тонахъ краснаго цвѣта, мы предпочитаемъ думать, что оно само было собственно достиженіемъ сиро-египетскаго Востока, воспиталось на тканяхъ Тира и Александрии и только усвоено Византіею, вмѣстѣ съ восточною мануфактурою. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Сборникѣ Константина такія детальныя опредѣленія тканей, какъ наприимѣръ, въ первой книгѣ,

Красный цвѣтъ.

Его оттѣнки.

¹) Gretseri et Goari Comm. in Cod., p. 318.

²) Замѣчательная работа проф. Э. Петрушевскаго, и также статьи художника Аггъ-ева, изданныя въ журналѣ Искусство и художественная промышленность. СПБ. 1886—7 гг. Его же руководящая статья въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

въ главѣ 23 о выходѣ въ день Рождества Христова, когда патрици и придворные въ хламидахъ пурпурныхъ (τύρσα) и вмѣстѣ цвѣта яблочнаго (μήλινοκάθρα),¹ хотя и не можемъ вполне понять этихъ тонкостей. Или у Кодина приммикирій, при красномъ сκιάδι, пурпурномъ каввадіи, имѣеть скараникъ изъ парчи цвѣта абрикоса (βερικοκκόχροον), при чемъ самъ Коди́нъ уже поясняетъ, что какъ цвѣтъ темный φαίονъ есть среднее между бѣлымъ и чернымъ, такъ и данный цвѣтъ соединяетъ бѣлый и красный, стало-быть, оранжевый, по нынѣшнему.² Стало быть именно ткани давали много оттѣнковъ при окраскѣ и требовали новыхъ частныхъ терминовъ. Тѣмъ не менѣе общій терминъ объединялъ отчасти всѣ эти тона, конечно, потому, что кліенты имъ довольствовались. Такъ, и во времена Константина патрици и равно димархи ходили обычно въ красныхъ сагіяхъ (σαγία φοῖς), а изъ придворныхъ уже куропалатъ имѣлъ вравій — хитонъ красный, испещренный золотыми разводами (χρυσολοίμλος) и, вѣроятно, такую же хламиду и поясъ³; у протоспаѳаріевъ, при бѣломъ дивитисіи, мантия (διδύμη) красная съ золотыми тавліями.⁴ Но и только всего по красному цвѣту и, какъ было говорено выше, если что упоминается, то бѣлыя облаченія. Напротивъ того, у Кодина, даже у перваго сана — деспота τὸ κόκκινον ροῦχονъ съ золотыми (ῥιζῶν) украшениями, но безъ воинскихъ (στρατηλατίκιον), и равно плащъ, но сапоги бѣлые съ пурпуромъ⁵; у севастократора шапка — сκιάδι красный съ золотомъ, плащъ (ταμάριον)⁶ красный; у кесаря — сκιάди красный съ золотомъ и рухъ такой же, штаны и сапоги зеленые.⁷ Далѣе у великаго доместика — сκιάди красный съ золотомъ, съ краснымъ колпакомъ (μετὰ ἄερος χρυσοκοκκίνου), и къ нему (σεῖα) подвѣски красныя съ золотомъ (кораллы вмѣсто жемчуга?) и скараникъ красный съ золотомъ; на немъ портретное изображение (εἰκονικῶς) инокопью (насѣчкою) царя стоящаго и увѣнчаннаго.⁸ То же облаченіе имѣли, по Кодину, паниперсевасть, протовестіарій и др., только сапоги у перваго желтые (κίτρινα) или лимонные, а у втораго (πράσινα) — зеленые и плащъ зеленый.⁹ У великаго дуки также красныя облаченія и красный скараникъ имѣеть два царскихъ портрета: спереди царь стоя, а на спинѣ царь сидитъ на тронѣ, очевидно, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, стоитъ или сидитъ дука передъ своими подчиненными.¹⁰ Затѣмъ тѣ же красныя облаченія у протостратора, великаго логоѳета, стратопедарха; но при этомъ почему то каввадіи можетъ быть пурпурнымъ или даже цвѣта, какой кому любъ, вѣроятно, одежда перестала быть придворною, какъ напримѣръ, въ старой Руси кафтаны.¹¹ У великаго приммикирія скараникъ изъ парчи абрикосоваго цвѣта (βερικοκκόχροον) и также имѣеть

¹) I, 23, 128.

²) Cod. De off.; IV, 19.

³) II, 52, 711.

⁴) II, 52, 721.

⁵) Cod. De off. III, 13.

⁶) Ibidem, 15.

⁷) Ibidem, 15—16.

⁸) Idem, IV, 17.

⁹) Ibidem, 18.

¹⁰) Ibidem.

¹¹) Ibidem, 18—19.

два царскихъ портрета; затѣмъ облаченія приммикирія отличаютъ также контославла и другихъ придворныхъ чиновъ: виночерпія, паракимомена печати и спальника.¹ Мы уже указывали на рядъ придворныхъ чиновъ, у которыхъ бѣлыя облаченія, до папія включительно. Скараникъ друнгарія стражи (виглы) парчевой, лимоннаго цвѣта, съ золотомъ, съ двумя портретами царя на тронѣ и верхомъ¹: какъ узнаемъ изъ Приложенія къ книгѣ о церемоніяхъ, именно на обязанности этого чина полагалось объѣзжать ночью лагерь на походѣ.³ Коди́нъ описываетъ далѣе сκιάди протоасикрита, парчевой пурпурный и бѣлый съ широкими полосами (μαργέλλια), которыя, однако, расположены не крестообразно (какъ обычно видимъ на русскихъ княжескихъ шапкахъ XIV—XV столѣтій, и о которыхъ доселѣ не знаемъ, какъ ихъ называли въ старой Руси, тогда какъ въ Византіи называли по старому — μαργέλλια), а вокругъ, по верхушкѣ сκιάди (τὸ ἄκρον) и по кругу тульи (τὸν ὑῤορον τῆς τρούλης), которая имѣеть наверху трилистникъ (τριφύλλον — собственно же кринъ — лилію) изъ матеріи (διὰ μαργέλλιον), какъ сказано. Этотъ чинъ носитъ факеолиду и епилорикъ, но не носитъ скараника (какъ не воинскій чинъ).⁴

Приведенное мѣсто, пока единственное, какое знаемъ о древней русской шапкѣ, и обычное названіе у Кодина этой шапки съ крестообразными маргелліями: σκιάδιον κλαποτόν, т. е. почетная шапка съ кладами.⁵ Дальнѣйшій рядъ чиновъ имѣеть тѣ же каввадіи и скараники, за исключеніемъ мистика, логоѳета по дому (τῶν οἰκειακῶν), чина по прошеніямъ, логоѳета пѣхоты, логоѳета царской казны, которые вмѣсто сκιάди носятъ на головѣ факеолиду, тотъ большой сферическій клобукъ изъ шелка, свѣтлыхъ цвѣтовъ, что изображается у Федора Метохита, и вмѣсто скараника — кавалерійскаго облаченія — эпилорикъ или фарось (м. б. — ферязь).⁶ Любопытны, но въ концѣ концовъ все же непонятны такія детали, какъ салива-сиромаста — на поясѣ великаго чауша (не можетъ быть дротикомъ или копьемъ, какъ думаетъ Гоаръ).⁷ Болѣе понятна мацука (ματζοῦκα), серебромъ золоченымъ покрытый жезль, частью же парчей, а наверху позолоченный шаръ — восточная булава или бунчукъ (βουτίον).⁸

¹) Ibidem, 19—20.

³) App. ad I. I. C. P. de Cer., 481, 599.

²) Ibidem, 21.

⁴) Ibidem, 22.

⁵) Ради „русскихъ древностей“ приведемъ справку объ этомъ сκιάди у Кодина: σκιάδιον κλαποτόν значитъ (гл. IV, р. 17) у великаго доместика, но χρυσοκοκκίνου, тогда какъ шапки у русскихъ князей на миниатюрахъ и древнихъ иконахъ не красныя, и вполне сходятся шапки свв. Бориса и Глѣба со сκιάдиами логоѳета τὸ ὑεμικῶν, протовестіарія и другихъ: парчевыя, бѣлыя, съ маргелліями крестообразными, или двуцвѣтныя: пурпурныя и бѣлыя. Ясно, однако, что эти шапки не представляютъ какого-либо собственнаго русскаго изобрѣтенія, но византійскую передѣлку варварскихъ, бывшихъ восточныхъ, образцовъ, возвратившихся къ „народамъ“ какъ чиновный или сановный знакъ.

⁶) Ibidem, 23—25.

⁷) Ibidem, 23—24; Comm. 242—243. [Ср. выше, стр. 280].

⁸) Ibidem, 25—26; Comm., 245—246.

Но, что особенно останавливаетъ вниманіе у Кодина въ его однообразномъ перечнѣ, это необычайное разнообразіе диканикіевъ или жезловъ, какъ воинскихъ, такъ и церемоніальныхъ, у высшихъ чиновъ, начиная съ великаго доместика, у котораго жезлъ съ разными комбами — шариками, у протовестіаря съ изумрудною эмалью (*χρυσοπράσινον, ὑποῦέλιον*), витой жезлъ у великаго дуки, или серебряные, или позолоченные жезлы, или со многими комбами золотыми и т. д.¹ Приходится спросить, къ чему служило подобное разнообразіе и вообще такое обиліе жезловъ, видимо, вовсе не составлявшихъ необходимое орудіе для церемоніймейстерской функции. Правда, по поводу многихъ чиновъ прибавляется: *ἀνευ δὲ δικανικίου*.

Переходъ
къ красному
въ поздней
Византіи.

Возвращаясь къ прерванной задачѣ, мы естественно получаемъ выводъ, что въ XV вѣкѣ и византійскій дворъ, имѣвшій ранѣе такое разнообразіе цвѣтовъ въ тканяхъ одеждъ, равно блиставшій своими бѣлыми одеждами и пурпурными украшениями, перешелъ къ красному цвѣту, прямо злоупотребляя его излишествомъ. Красный цвѣтъ самъ по себѣ яркъ и рѣжетъ глазъ, если покрываетъ большія поверхности. Стоитъ только представить себѣ ряды чиновъ въ красныхъ кафтанахъ и мантияхъ, чтобы оцѣнить такую перемѣну. Мы наблюдаемъ то же злоупотребленіе краснымъ въ позднѣйшихъ миниатюрахъ греческихъ рукописей, начиная съ XIV вѣка, но эти рукописи уже лишены и византійскаго стилия и работы въ грубой манерѣ простонародныхъ списковъ „Александриі“ и подобныхъ легендарныхъ хроникъ. Повидимому, въ Византіи возобладало персидское вліяніе, которое рѣзко выразилось въ рисункахъ и краскахъ орнаментовъ въ рукописяхъ IX—XI ст.²

Пурпуръ.

Несравненно сложнѣе и исторически важнѣе дѣло съ византійскимъ пурпуромъ. Казалось бы, съ перваго раза, дѣло, напротивъ, простое и ясное. „Въ греческомъ языкѣ, говоритъ Гиббонъ (ed. by Bury, V, 208), пурпуръ и порфира одно и то же слово, и такъ какъ цвѣта въ природѣ не мѣняются, мы узнаемъ точно, что темный, глубокий цвѣтъ былъ тирскою краскою, которая окрашивала пурпуръ древнихъ“. Гиббонъ напоминаетъ, что одинъ апартаментъ византійскаго дворца³ былъ облицованъ порфиромъ и отводимъ для беременныхъ императрицъ, а потому рождавшіяся въ немъ дѣти получали прозвище „порфирородныхъ“, и оно впервые было придано Константину VII. Затѣмъ, хорошо извѣстный цвѣтъ королевскихъ и царскихъ „порфиръ“ — точнѣе, порфиристыхъ мантий, обычнаго темно-малиноваго цвѣта достаточно, казалось бы, удостовѣряетъ донинѣ въ древней византійской традиціи.

Между тѣмъ, дѣло такъ называемаго пурпура далеко не такъ просто

¹) Ibidem, 17, 18 etc.

²) Racinet, Ornement polychrome, I, табл. XX, XXIII, XXV; XXXII и XI.

³) Тексты: Ліутпранда, Antapodosis, I, 6, p. 276 [ср. III, 15, p. 309]; и Анны Комниной Алексіада, VI, 8: πορφύραν τοῦτο (οἰκίημα)... ὀνομάζουσιν, ἔξ οὗ καὶ τὸ τῶν πορφυρογεννήτων ὄνομα εἰς τὴν οἰκουμένην διέδραμε. Ed. Teubneri, t. I, p. 202. [Ср. idem, VII, 2, p. 229—230.]

и ясно и представляетъ рядъ недоразумѣній. Прежде всего, мы, именно на почвѣ самой Византіи и затѣмъ отчасти современныхъ ей культуръ, не находимъ малиноваго пурпура и не только въ мантияхъ царскихъ, но равно и вельможъ и придворныхъ чиновъ. Вездѣ, гдѣ только мы должны, по указаніямъ археологіи, найти пурпуръ, мы видимъ темно-фіолетовый цвѣтъ и привыкли называть этотъ цвѣтъ, столь ясно отличающійся отъ египетскаго порфира, пурпуромъ, или по крайней мѣрѣ, изъ естественной осторожности, византійскимъ пурпуромъ. Спрашивается, какъ объяснить такое рѣзкое отступленіе?

Извѣстно еще изъ греко-римской древности, что пурпуръ получается изъ морской раковины тигех, ловившейся нѣкогда въ обиліи на берегахъ Финикіи или Сиріи, почему и получилъ названіе тирской (*τύρρα*), *ἄλουργής* „морского издѣлія“. Краска эта отличалась не только красотой, но, повидимому, и прочностью и уже въ глубокой древности цѣнилась, равно какъ и ткани, ею окрашенныя, дорого. Съ теченіемъ времени, повидимому, уже въ первыхъ вѣкахъ по Р. Хр. раковина стала рѣдкою, затѣмъ исчезла, но пурпурныя ткани отъ этого, однако, не уменьшались въ числѣ. Большинство украшеній на одеждахъ, вышивокъ, галуновъ и особенно коемъ и бахромы дѣлалось именно изъ пурпура и называлось въ общемъ *τὰ φοινίκια* — *ριγρίγα* — бахромы (бахрома или махрома, отъ багра, откуда морхи, мохры). Ясно, что организовалась поддѣлка пурпура, и стали даже иные виды тканей этого цвѣта называться *ἄληθινά* — настоящія, неподдѣльныя или истинный, подлинный пурпуръ, въ отличіе отъ другихъ. Что именно Византія сама торговала и такъ называемымъ „настоящимъ“ пурпуромъ и также поддѣльнымъ, показываетъ спеціально византійскій терминъ *ὄξύς*, что собственно значить острый, яркій цвѣтъ, тогда какъ поддѣльныя пурпурныя ткани назывались прямо *ψευδοξέα* (см. выше).

Археологическій матеріалъ по данному вопросу недостаточенъ пока и неясенъ; въ общемъ замѣчается, однако, слѣдующее: чѣмъ древнѣе, тѣмъ менѣе встрѣчается въ миниатюрахъ цвѣтъ малиновый и замѣняется красно-коричневымъ или, проще говоря, шоколаднымъ тономъ. Энтомологи восьмидесятихъ годовъ добыли, наконецъ, подлинную раковину тигех и также были удивлены, что ея красящее вещество вовсе не имѣетъ цвѣта порфириноваго, но коричневый съ красниною. Археологическія данныя, только подтверждаютъ догадку того же рода, которая пока доказывается логическимъ путемъ, но не опредѣленными памятниками. Чѣмъ древнѣе разрядъ миниатюръ, тѣмъ болѣе цвѣтъ (предполагаемаго) пурпура переходитъ именно къ красно-коричневому, особенно, когда рисовальщикъ представляетъ царя, Спаса, Богоматерь.¹ Къ тому же, повидимому, именно на

¹) Περιβόλαια, φίβλας καὶ μαντεῖα πορφύρατα ἢ ρουσσαία. (Алекс. Хрон.) Τζαγγία (чаги = сапоги) ῥουσσαία περσικῶ σχήματι Du Cange. Gl. gr. s. v. Ρουσαίος. Ρούσος — красно-кирпичная краска рѣзко отличается отъ порфира, и равно на миниатюрахъ цвѣтъ царскихъ сапогъ (не кампай) обычно красный, даже алый.

Востокѣ, т. е. болѣе въ Сиріи, Каппадокіи и Египтѣ, пурпуръ въ миниатюрахъ греческихъ рукописей приближается къ темно-красному, и, какъ мы уже не разъ имѣли случай о томъ говорить по поводу иконъ Богоматери итало-критскаго письма и русскихъ XIV—XVI вѣка, въ нихъ также возобновляется какъ-бы эта восточная, чрезвычайно глубокая и теплая краска маѳорія Богоматери съ шеколаднымъ оттѣнкомъ. Напротивъ того, тонъ пурпура въ византійскомъ искусствѣ быстро, уже въ V вѣкѣ, начинаетъ приближаться къ лиловому тону. Отсюда, естественно, получается догадка, что именно тамъ на почвѣ Византіи и народилась та поддѣлка пурпура, которую, однако, хорошо должны были знать сами фабриканты, когда говорили о „тирскихъ“ издѣліяхъ $\delta\epsilon\acute{\xi}\epsilon\alpha$ — $\alpha\lambda\eta\theta\iota\nu\acute{\alpha}$ — оба термина въ значеніи „настоящаго пурпура“ и затѣмъ $\psi\epsilon\upsilon\delta\omicron\zeta\epsilon\acute{\alpha}$, поддѣльной окраски, которая, какъ видимъ изъ книги Константина, и цѣнилась совершенно иначе. Затѣмъ, трудно сказать съ точностью, когда установилась для пурпура вся его терминологія, но, по многимъ соображеніямъ, уже между III и V вѣками, ибо *purpura* въ латинскихъ текстахъ прилагается къ константинопольскимъ тканямъ съ VI вѣка, какъ общеупотребительное названіе. Очевидно при этомъ, что, зная тождество „пурпура“ съ „порфиромъ“ и зная самый порфиръ по множеству скульптуръ изъ египетскаго порфира, должны бы были замѣчать поддѣльный лиловый цвѣтъ, если бы византійскія ткани, получавшіяся всюду, были этого лиловаго тона. И потому, прежде всего, должно принять съ ограниченіемъ въ этомъ дѣлѣ даже самое свидѣтельство памятниковъ: именно возможно думать, что иконописцы, исполнявшіе миниатюры, рано перешли къ темнолиловому пурпуру, не передавая реального тона, въ силу привычки во-первыхъ, и легкости исполненія лиловаго тона сравнительнаго съ темнымъ красно-каштановымъ оттѣнкомъ, который по сложности требовалъ и болѣе работы, тогда какъ миниатюра была работою быстрой, а не копоткой.¹

Въ самой исторіи пурпура есть много данныхъ, болѣе анекдотическихъ и сказочныхъ, чѣмъ точныхъ, но все же ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду, ради удостовѣренія въ дѣйствительности издревле начавшихся уже поддѣлокъ настоящаго пурпура. Такъ, помимо раковины тирской, имѣвшей подлинно коричневый оттѣнокъ, началась уже въ древности ловля раковинъ вокругъ острова Чериги и на берегахъ Лаконіи, а эта раковина имѣла свой особый оттѣнокъ, и ткани, ею окрашенныя, различались отъ тирскихъ, однако, только на первыхъ порахъ, пока, очевидно, ловля раковинъ была обильною. Затѣмъ, извѣстно, что железа раковины образуетъ свой красочный оттѣнокъ уже подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и притомъ съ большою постепенностью, переходя отъ первоначальнаго лимоннаго оттѣнка къ желтому, зелено-коричневому, и, наконецъ, фіолетовому въ результатѣ долгой выдержки. Ясно,

¹) [См. о пурпурѣ, его оттѣнкахъ, рецептахъ приготовленія и т. п. Н. П. Толль. Коптскія ткани. Прага 1928, стр. 10 и слѣд. Тамъ же, прим. 3 — библиографію.]

затѣмъ, что когда въ IV вѣкѣ пурпуръ былъ воспрещенъ къ употребленію всѣмъ жителямъ Имперіи и ношеніе пурпурныхъ тканей было ограничено царскими особами и ихъ приближенными, торговля пурпуромъ стала тайною, и потребности царскаго двора въ пурпурѣ выросли до громаднхъ размѣровъ. Амміанъ Марцеллинъ сообщаетъ,¹ что, когда нѣкто Сильванъ, вождь имперскихъ войскъ въ Галліи, былъ вынужденъ доносами объявить себя императоромъ, то потребный для его мантии пурпуръ получился только срываніемъ со знаменъ и войсковыхъ значковъ и „драконовъ“. Ясно, затѣмъ, что законъ былъ сметенъ почти тотчасъ съ появленіемъ столькихъ тоновъ пурпура, что стало невозможно отыскать среди нихъ настоящій, и именно тогда появилось въ оффиціозныхъ мастерскихъ слово $\alpha\lambda\eta\theta\iota\nu\acute{\alpha}$, для тканей условленнаго оттѣнка, который, можетъ быть, и соблюдался еще въ IV—V вѣкахъ. Но, было бы вполне празднымъ занятіемъ искать этотъ оттѣнокъ не въ самихъ тканяхъ, а въ изображеніяхъ, на примѣръ, мозаикахъ, миниатюрахъ. Равно всѣ историческія извѣстія о драгоцѣнномъ пурпурѣ, по которому узнаютъ званіе плѣнника, о строгости храненія за печатями пурпурныхъ тканей въ Византіи, о ихъ недоступности даже для итальянцевъ, не только Саксовъ, Франковъ, Баварцевъ и пр. и пр., не даютъ намъ все же свѣдѣній сколько-нибудь точныхъ объ этомъ „истинномъ пурпурѣ“. Однако, почти тотъ же отрицательный результатъ получается и при обзорѣ подлинныхъ тканей, даже въ такихъ обширныхъ собраніяхъ, какъ Берлинскій Художественно-Промышленный Музей и его капитальное изданіе,² пополненное замѣчательными тканями соборныхъ ризницъ Германіи. Общее впечатлѣніе при этомъ обзорѣ складывается исключительно для древнѣйшей эпохи, кончая почти V вѣкомъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ пестрѣе и разнообразнѣе по цвѣтамъ становятся ткани, но тѣмъ рѣже и незамѣтнѣе пурпуръ, появляющійся въ оттѣнкахъ коричневой краски, или же въ темнолиловомъ фонѣ. Сообразно, сокращаются уже съ V вѣка и историческія извѣстія о пурпурныхъ одеждахъ и тавліяхъ, а затѣмъ во время возстановленія древне-византійскихъ традицій въ IX—XI вѣкахъ роль пурпура ограничена высшимъ магистратомъ.

Но, повидимому, этотъ пурпуръ, времени македонскихъ царей Византіи былъ исключительно темнолиловаго цвѣта, хотя и назывался „настоящимъ“. О томъ можно догадываться уже потому, что рядомъ съ такимъ пурпуромъ появляется въ то же время его оттѣнокъ — черный цвѣтъ.

Имѣется рядъ доказательствъ прямыхъ и косвенныхъ исторической связи чернаго цвѣта съ темнолиловымъ, т. е. историческаго образованія перваго изъ втораго, или на его почвѣ. Темнолиловый цвѣтъ въ природѣ представленъ цвѣтомъ фіалки — *viola*, а это названіе „темнаго“ цвѣта основалось на темномъ видѣ цвѣтка, который назывался у грековъ $\iota\omicron\nu$ или

¹) Ammiani Marcellini, Rer. gest. l. XV, 5, 16; p. 45 (Berolini 1871).

²) Julius. Lessing, Gewebesammlung d. Kön. Kunstgewerbe-Museums zu Berlin 1900—9.

же *ioeidijs, ioeis*, въ отличіе отъ свѣтлыхъ красокъ левкоя, цвѣтка тождественнаго вида. Но фіолетоваго цвѣта, а, быть можетъ, и фіалки не знали ни египтяне въ древности, ни Ассирія, сочиняя темный цвѣтъ кубовою, синею, зеленою и коричневою красками. Отсюда можно легко заключить, что выработка темнофіолетоваго оттѣнка появилась именно на почвѣ подражанія древнему пурпуру, и, вѣроятно, въ самой Сиріи. Дальнѣйшая разработка или даже поддѣлка пурпура привела къ полученію сѣраго оттѣнка въ фіолетовомъ тонѣ, и одежды подобнаго тона получили названіе мышинныхъ — *μίνα*, и ихъ въ случаѣ траура, а также въ будни, стали носить въ началѣ VI вѣка. Такъ свидѣтельствуемъ о томъ текстъ записки о возведеніи на царство Іустина, когда, по случаю смерти имп. Анастасія, собрались во дворцѣ иные архонты въ „смирныхъ“ одеждахъ мышинаго цвѣта, а другіе въ „разноцвѣтныхъ“, и начался извѣстный безпорядокъ переговоровъ о выборѣ новаго царя, прикрывавшій тонко рассчитанную интригу.¹ По свидѣтельству патриція Петра выходитъ, что сановники, какъ напримѣръ, анеипать-проконсуль, обычно носятъ на себѣ одежды *ἀτραβατικά*² — дымчатая, черная, или темносѣрая (отъ *ater*, какъ *atramentarium* — чернильница), при чемъ, однако, Кодинъ въ сочиненіи *De Signis* сообщаетъ, что византійскіе цари его времени въ чрезвычайныхъ собраніяхъ и на выходахъ надѣвали мантии разноцвѣтныя (*χλαμ. ποικίλας*) изъ золотной матеріи или пурпура, а при обычныхъ собраніяхъ — хламиды цвѣта сухого винограда, которыя назывались атраватиками по цвѣту ихъ, ибо черное называютъ *ἄτρον*.³ Рядъ мѣстъ указываетъ, что такія черныя мантии надѣвалъ весь синклитъ въ дни Страстной Недѣли, вмѣстѣ съ патриціями.⁴ Вѣроятно, отсюда сложился и эпитетъ: *blatifer senatus*, какъ почетное прозваніе сана, облачаемаго въ темный пурпуръ, а двойное названіе одежды *sericoblattea* ясно означаетъ матерію шелковую и пурпурнаго цвѣта; еще яснѣе, что *periclysin de blattea* означаетъ попросту пурпурную кайму, также какъ и разница между византійскимъ пурпуромъ (*blattea byzantea*) и южноиталійскимъ (*neapolitano*) относилась тоже къ оттѣнку пурпура. Но почему именно этотъ оттѣнокъ, называвшійся чернымъ, а не темнолиловый, который именовался тирскимъ, сталъ достояніемъ высшихъ чиновъ Византійской Имперіи, мы не можемъ въ настоящее время даже и догадываться, ибо для этого нѣтъ пока почвы. Такъ, когда въ книгѣ Константина говорится, что въ день Вота царь, идя въ ипподромъ на торжественныя игры, надѣваетъ, вмѣстѣ съ соправителемъ *τὰ παρὰ χλαμίδια*, а архонты *τὰ ἀτραβατικά*,⁵ можно высказать догадку, что день Вота былъ отголоскомъ старины и даже древняго Рима, и какъ бы напоминалъ царю о народномъ избраніи, и требовалъ какъ бы дальнѣйшаго народнаго признанія, но подкрѣпить эту мысль оттѣнкомъ

¹) I, 93, 426.

²) I, 85, 388.

³) Ed. Bonn. p. p. 27—28... *ξηραμπελίνας τῷ χρώματι, ἃς ἐχάλουν ἀτραβατικά ἀπὸ τοῦ χρώματος· τὸ γὰρ μέλαν ἄτρον καλοῦσι...*

⁴) I, 35, 181.

⁵) I, 37, 190.

одеждъ синклита, повидимому, почетныхъ, но болѣе строгихъ и скромныхъ, не имѣемъ точныхъ основаній. Возможно, что уже въ IX вѣкѣ былъ осуществленъ, такъ сказать, тотъ черный цвѣтъ, который затѣмъ мы находимъ въ XV—XVI стол. въ черныхъ бархатахъ Венеціи, черныхъ сукнахъ Фландріи.

Значительно проще рѣшается нынѣ сложный вопросъ о двуцвѣтныхъ одеждахъ византійскаго двора. Определенный терминъ для двуцвѣтныхъ одеждъ или предметовъ личнаго убора появляется впервые, однако, у Колина въ формѣ *διβολέος*,¹ при чемъ часто сопровождается объясненіемъ или указаніемъ, о какихъ цвѣтахъ идетъ дѣло. Въ книгѣ Константина иной терминъ взятъ для шелковыхъ полосатыхъ, обычно двухъ цвѣтовъ, матерій: *μεταξωτά*.² Но книга Константина пестритъ красочными эпитетами одеждъ: *πρασινορόδινος, ἀσπροκόκκινος, πρασινοτριβλαττον, ἀσπρομίναια*, и нѣкоторыя записки о торжественныхъ приѣмахъ останавливаются особенно на перечнѣ рядовъ или группъ сановниковъ и чиновниковъ, устанавливавшихся по костюмамъ въ разныхъ дворцовыхъ залахъ. Такъ, уже ранѣе указанная глава 15-я 2-ой книги Константина, перечисляя разныя группы чиновъ, одѣтыхъ въ скарамангіи, въ заключеніе обобщаетъ, что въ день приѣма пословъ изъ Тарса „всѣ вышереченные чины, отъ протоспааріевъ до послѣдняго чловека, носящаго скарамангіи, становились каждый по цвѣту и рисунку своей одежды, а именно тѣ, которые были одѣты въ скарамангіи (*οἱ τοὺς πρασινορόδινους ἄετούς*), зеленорозовые съ орлами тамъ и сямъ“, особо тѣ, у которыхъ быки или орлы во многихъ кругахъ (*παλυγύρους ἄετούς, ὁμοίως οἱ τὰς θαλάσσας, καὶ τοὺς λευκολέοντας ὁμοίως*); словомъ сказать, каждый становился по своему скарамангію.“³ Мы имѣемъ уже ткани съ краснымъ фономъ и бѣлыми львами, равно образцы красно-зеленыхъ тканей со львами же и ткани съ орлами во многихъ мелкихъ кругахъ,⁴ и, благодаря этимъ образцамъ, можемъ принять, что въ указанныхъ терминахъ не требуется уже видѣть оригинальное соединеніе двухъ разноцвѣтныхъ матерій въ одной одеждѣ, и при томъ даже не въ разныхъ ея частяхъ, и не въ подкладкѣ ея, и не въ разныхъ половинкахъ одежды, какъ у жонглеровъ и шутовъ. Дѣло идетъ, коротко говоря, о фонѣ матеріи одного цвѣта и рисунка на ней другого. Узнаемъ, далѣе, что соединеніе въ ткани зеленаго цвѣта съ краснымъ принадлежитъ, между прочимъ, египетскимъ тканямъ Ахмима VII—VIII стол. въ общемъ ихъ стилѣ двуцвѣтныхъ тканей, и, возможно, также византійскимъ IX—X вѣка. Затѣмъ, восточныя одежды привычно соединяли фереджи и бурнусы именно этихъ двухъ цвѣтовъ, и мода XV—XVI вѣковъ примѣняла тоже соединеніе на Западѣ.

¹) Codini. De off. III, p. 13.

²) App. ad. I. I, 473. Рейске, Комментаріи, p. p. 563, 791, гдѣ критикъ, послѣ общихъ и историческихъ указаній о шелкѣ, остановился на полосатыхъ тканяхъ.

³) II, 15, 578.

⁴) См. O. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei, Abb. 139, 154, 239, 240. На ткани собора въ Ксантенѣ, изданной въ атласѣ Лессинга, на красномъ фонѣ львы зеленые.

VI ВИЗАНТІЙСКІЯ И ВОСТОЧНЫЯ ТКАНИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ

1.

Значеніе тканей
для изученія
исторіи ср. вѣк.
искусства.

Византійскія и средневековья восточныя ткани, уже издавна оцѣненные археологическою наукою, какъ замѣчательныя рѣдкости, хранимыя въ кускахъ по ризницамъ древнихъ соборовъ и музеямъ Европы,¹ приобрѣтаютъ нынѣ, видимо значеніе столь же важнаго отдѣла въ археологіи средневековой Европы, какъ вазовая живопись древности. Этому значенію соответствуютъ, прежде всего, фигурные рисунки этихъ тканей, дающіе или бытовое содержаніе или типичныя формы орнамента геометрическаго, растительнаго и звѣринаго. Все это почти отсутствуетъ въ искусствѣ европейскаго средневековья, ограничивавшимся христіанскою иконографіею по преимуществу. Отсюда тѣ и другія ткани составляютъ важнѣйшіе памятники средневекового народнаго быта и должны въ будущемъ занимать первое мѣсто въ исторіи европейской культуры. Не меньшее значеніе получаютъ эти памятники, какъ историческая основа для научнаго анализа живущаго доселѣ въ быту европейскихъ народовъ кустарнаго, иначе народнаго, орнамента, который представляетъ по существу переживаніе старыхъ и нерѣдко древнѣйшихъ культурныхъ вліяній и заносовъ. Современная наука занята пока лишь статистическимъ подсчетомъ любопытныхъ сюжетовъ звѣринаго стилиа и орнаментальныхъ мотивовъ александрийской мануфактуры, персидскихъ шелковыхъ матерій, разнохарактерныхъ и специфическихъ издѣлій царскихъ мастерскихъ Византіи, копій, подражаній мелкой промышленности въ Сиріи

¹) Franz Bock, Liturgische Gewänder, 1871. Cahier et Martin, Mélanges d'archéologie, 2—3, 1847, 1856. Migeon, Les arts du tissu, 1909. J. Lessing Die Gewebesammlung des K. K. Kunstgewerbemuseums, 1900—11. Forrer, Römische und byzantische Seiden Textilien u. s. w., 1891. Errera, Collection d'anciennes étoffes etc., 1907. O. v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei. Textwerk zu: Julius Lessing: Gewebesammlung d. K. g. Museums. 2 B-de, 1913, 613 Abbildungen. Dreger, Künstlerische Entwicklung der Weberei u. Stickerei 1904. Статьи и экскурсы Гайэ и проф. Стржиговскаго по коптскимъ и восточнымъ тканямъ и пр. см. у Вермана, Исторія искусства, т. II. [См. болѣе подробную библиографію у Н. П. Толля, Коптскія ткани Художественно-промышленнаго Музея въ Прагѣ. Прага 1928, стр. 41—43. Также: Ch. Diehl, Manuel, I, 84—86, 264—277; II, 642—649, 885—894.]

и Средней Азіи и пр. и пр. Такого рода подсчеты приводятъ къ излишне мелкимъ дробленіямъ матеріала на отдѣльные стили и подотдѣлы и лишаются сами всякой внутренней связи и смысла общаго историческаго процесса. Видимо, мы наблюдаемъ здѣсь хаотическую борьбу греко-римской культуры съ наплывомъ продуктовъ восточной художественной промышленности Сиріи и Персіи и варварскими модами, нарастающими въ Византіи и Восточной Европѣ, заполненной разноплеменными варварскими нашествіями. Отсюда становится ясною необходимостью, напротивъ, связать весь матеріалъ общими характеристиками орнамента, какъ принадлежащаго греко-римскому міру, такъ и внесеннаго Персіею или вообще Востокомъ, и указать въ той и другой средѣ типичныя историческія группы. Лишь тогда возможно будетъ различить оригиналы и копіи и предложить объясненіе сюжетовъ. Наконецъ, и это обстоятельство едва ли не окажется важнѣйшимъ, современныя коллекціи восточныхъ и византійскихъ тканей представляютъ, быть можетъ, только починъ будущихъ. Конечно, византійская группа едва ли выростетъ особенно въ матеріалѣ, но восточныя ткани, которыя были уже находимы въ значительномъ числѣ въ Египтѣ, обѣщаютъ приростъ, благодаря почвѣ этой страны, по своей сухости, сохраняющей самыя нѣжные предметы и даже краски, и также потому, что александрийскія мануфактуры продолжали и при Сарацынахъ развивать свою дѣятельность.

Настоящій очеркъ будетъ посвященъ почти исключительно фигурнымъ тканямъ и только мимоходомъ коснется вышивокъ, какъ древнѣйшей египетской группы, которая относится къ IV—VI вѣкамъ, такъ и позднѣйшей, время Сарацыновъ. Значеніе вышивочныхъ группъ является особо важнымъ, въ виду тѣхъ отложеній, какія онѣ образовали въ быту большинства народовъ Европы, но научный анализъ ихъ орнаментики былъ бы половинчатымъ, внѣ образцовъ народнаго искусства этихъ народовъ.

Затѣмъ, мы знаемъ, что фигурныя ткани средневековья служили для одежды, или же завѣсы и занавѣсокъ, пологовъ и покрововъ церковныхъ, въ иконостасѣ, киворіи, на стѣнахъ и между колоннъ, словомъ, для всякаго рода драпировокъ, и свѣдѣнія объ этомъ употребленіи тканей получаемъ уже изъ вторыхъ рукъ, изъ записей Папской книги о дарахъ и присылкахъ папамъ.¹ Но большинство кусковъ, до насъ дошедшихъ, относится именно къ этому второму виду драпировокъ, а не одежды, судя потому, что ихъ рисунки столь велики, а круги, въ которыхъ помѣщаются часто звѣри, птицы и сцены, имѣютъ отъ 0.30 до 0.55² въ поперечникѣ, и невозможны для фигурныхъ тканей, исполняемыхъ для одежды. Все это завѣсы для дверей или дворцовыхъ вратъ, монументальныхъ балдахиновъ, арокъ, и пр. На изображеніяхъ фигурныхъ тканей въ византійскихъ одеждахъ приходится

Назначеніе
тканей.

¹) O. Dalton, Byzantine art and archaeology, 1911, p. 577. [Ср. East Christian art, 1925, 349 sqq.]

²) Lessing. Atlas, Taf. 34, 43 u. 77.

обычно или по одному крупному кругу, напимѣрь, съ парюю грифовъ, съ поперечникомъ въ 0.25 м., такъ чтобы этотъ кругъ вполнѣ захватывалъ ширину груди, или же по нѣскольکو мелкихъ кружковъ. Такимъ образомъ, большинство кусковъ шелковыхъ матерій является специально декоративными драпировками, и этого ихъ характера нельзя упускать изъ виду при всякомъ обсужденіи. Правда, египетскіе некрополи Антинои,¹ Ахмима (Панополя) и Фаюма даютъ для древнѣйшаго періода, III—VI вѣковъ по Р. Хр. именно ткани одеждъ или же погребальныхъ покрововъ, но этотъ матеріалъ пока не опубликованъ и требуетъ, понятно, времени для его опознанія.

Принципаль-
ные вопросы
классификаціи
тканей.

Помимо такихъ общихъ наблюденій, византійскія и восточныя ткани подняли рядъ принципиальныхъ вопросовъ по исторической характеристикѣ художественныхъ формъ и по дѣленію тканей на историческія группы. Первоначальныя наблюденія, утвердивъ общее вліяніе Востока, быть можетъ, дѣйствительно перешли предѣлъ въ этомъ обобщеніи. Возникла полемика, исходившая отъ знатоковъ и приверженцевъ классической археологіи, но она, справедливо отрицая научность этихъ обобщеній, въ то же время сама, вмѣсто историческихъ доказательствъ, пыталась утверждать путемъ эстетическихъ гипотезъ и догматовъ художественнаго творчества. Между тѣмъ споръ завязывался въ области наиболѣе сложной и трудной, какова исторія орнамента, еще вовсе не начатая научною разработкою. Опыты, предпринятые Риглемъ² по исторіи аканѳа и проф. Стржиговскимъ³ по орнаментикѣ усика виноградной лозы, любопытны по историческому сближенію разнообразнаго матеріала, но не могутъ дать полнаго научнаго его построенія, разъ онъ оторванъ отъ тѣхъ группъ, въ связи съ которыми онъ сталъ историческимъ типомъ. Эти опыты мало чѣмъ отличаются отъ предшествующихъ опытовъ, выработанныхъ скандинавскими археологами,⁴ въ принципѣ принявшими полную самобытность своей орнаментики и изложившими ея историческое образованіе изъ основной, почти отвлеченной, схемы въ характерный звѣриный стиль, т. е. обратно противъ дѣйствительнаго историческаго хода, который всѣми другими усматривается въ общемъ процессѣ развитія звѣринаго стиля въ европейскомъ орнаментѣ.

Сущность
художествен-
ной эволюціи
въ тканяхъ.

Сущность этого историческаго явленія восточныхъ тканей на почвѣ греко-римскаго міра и его декоративнаго или орнаментальнаго типа можетъ быть опредѣлена, съ одной стороны, помпеянскою декорациею, съ другой персидскою тканью съ изображеніемъ царской охоты на львовъ. Какъ извѣстно, помпеянская декорация выродилась быстро въ древне-христіанскихъ росписяхъ катакомбъ и въ коптскихъ тканяхъ и вышивкахъ, а затѣмъ але-

¹) См. Краткій отчетъ о раскопкахъ A. I. Gayet, Annales du musée Guimet, Bibl. d'art t. V. E. Guimet, Les portraits d'Antinoé, 1912, p. 4—18.

²) A. I. Riegl, Stilfragen. Grundlage zu einer Geschichte der Ornamentik. 1893.

³) Jos. Strzygowski, Altai, Iran und Völkerwanderung. 1917.

⁴) Sophus Müller. Tierornamentik im Norden. 1881. B. Salin. Altgermanische Tierornamentik. 1904.

ксандрійская и византійская мануфактура усвоила восточно-персидскіе типы и уже въ арабской схематизаціи передала ихъ сицилійскимъ и итальянскимъ мастерскимъ средневѣковья. Нынѣ вполнѣ ясна зависимость такъ называемаго „романскаго“ періода скульптуры отъ восточной базы, и требуется только научнымъ анализомъ точно опредѣлить исторію сложения этой базы въ послѣдовательныхъ группахъ памятниковъ и открыть въ памятникахъ средневѣковой восточной и западной Европы элементы переноса и силы, имъ руководившія.

Орнаментъ греко-римскаго міра въ эпоху Римской Имперіи представлялъ вполнѣ завершенное художественное явленіе, хотя, въ дѣйствительности, былъ наиболѣе блѣдною и скудною стороною греко-римскаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить собственно помпеянскую стѣнную декорацию съ украшающими ее мифологическими картинами, или орнаменту росписныхъ вазъ съ ихъ фигурными рисунками, будетъ достаточно ясна преобладающая сторона греко-римскаго искусства въ исключительномъ господствѣ художественнаго типа человѣческой фигуры. Лишь утонченное любительство римско-имперской эпохи могло породить кратковременный интересъ къ звѣриной пластикѣ. Между тѣмъ, продолжительный періодъ, такъ называемой эллинистической эпохи, тянувшійся отъ Александра Великаго до Юстиніана, былъ собственно временемъ растворенія греческой культуры въ Италиі и на эллинизованномъ Востокѣ, начиная съ Египта, Сириі и кончая Малой Азіею.

Какъ извѣстно, это раствореніе быстро принесло съ собою особый плодъ въ видѣ такъ называемаго эллинистическаго стиля, который, сохранивъ достигнутое искусствомъ совершенство формы, долженъ былъ бы, однако, напитаться въ извѣстной мѣрѣ новымъ содержаніемъ, полученнымъ изъ культуры и жизни восточныхъ областей. Но, повидимому, ходъ художественнаго дѣла лишь изрѣдка и ненадолго принималъ эту восточную окраску, а само эллинистическое искусство было усвоено Востокомъ въ видѣ чуждой и совершенно внѣшней формы, годной для мифологическихъ шаблоновъ, а не для новаго реальнаго содержанія и характерныхъ восточныхъ типовъ. Уже то простое обстоятельство, что тотъ же Египетъ, какъ только оторвался отъ греко-римскаго руководства, быстро утратилъ художественный греческій шаблонъ, и если не могъ уже вернуться къ своему древнему искусству, которое, какъ родилось съ египетской религіей, такъ одновременно съ нею и умерло, то, какъ увидимъ ниже, отошелъ отъ греко-римскаго искусства въ сторону своего собственнаго содержанія и образовалъ любопытный отдѣлъ христіанскаго искусства, носящій названіе „коптскаго“ — т. е. „поздне-египетскаго“. Присутствіе въ его орнаментальныхъ формахъ лотоса, въ его, правда, усложненныхъ признакахъ, а также изображеній, явно заимствованныхъ отъ персидскихъ образцовъ, и чертъ, болѣе свойственныхъ міровоззрѣнію восточному, а не греческому, — требуетъ отъ анализа александрійскихъ мануфактуръ особаго вниманія къ мелочамъ орнамен-

Характеръ
римско-эллини-
стическаго
орнамента.

тики. Въ процессѣ такого анализа станетъ вопросомъ, должны ли мы представлять Египетъ эллинистической эпохи цѣликомъ вошедшимъ въ греко-римскій міръ, или же считать его все же существовавшимъ особо, своею жизнью, что доказывается, между прочимъ, его христіанскимъ сектантствомъ, а потому видѣть въ Египтѣ такъ же, какъ и въ Сиріи, своего рода проводникъ восточнаго культурно-художественнаго вліянія на греко-римскій міръ и, въ частности, на Византію, вплоть до середины VII вѣка, когда она лишилась Египта.

Орнаментъ есть созданіе художественной и бытовой культуры, нарождающееся въ нѣдрахъ національнаго искусства, а потому за нимъ, по преимуществу, остается значеніе народной стихіи, элемента наиболее устойчиваго и неотъемлемаго. Легко мѣняется, берется заимствованіемъ и исчезаетъ безслѣдно мифологическій, романический сюжетъ или сказочная тема, но упорно живетъ въ народѣ однажды имъ созданная, разомъ или выработанная сложнымъ процессомъ, орнаментальная форма. Эта форма, воспринятая отъ александрийской мануфактуры VI—VII вѣковъ, продолжаетъ жить въ народномъ орнаментѣ славянъ доселѣ и остается памятникомъ ихъ начальной культуры. Растенія, цвѣты, плоды, животныя и птицы народныхъ вышивокъ Восточной Европы образуютъ сложное цѣлое документовъ по исторіи быта, политическихъ и культурныхъ связей, религиозныхъ вѣрованій и обрядовъ. Но разборъ этихъ документовъ невозможенъ безъ пособія и анализа тѣхъ образцовъ, которые легли въ основаніе этого разновременнаго и разнороднаго комплекса переживаній культурной старины народовъ.

Роль тканей при изученіи орнамента.

Византійскія и восточныя ткани охватываютъ почти все начальное средне-вѣковье — отъ V-го по XII вѣкъ включительно — и, слѣдовательно, представляютъ орнаментъ окончательно сложившагося греко-римскаго міра и равно періодъ образования и сложенія культуры новыхъ европейскихъ народовъ и ихъ государствъ. Итакъ, первымъ пунктомъ значится орнаментальная сторона греко-римскаго, а въ его послѣднемъ періодѣ — условно именуемаго эллинистическимъ, искусства. Орнаментъ, какъ продуктъ художественнаго впечатлѣнія и творчества, личнаго и народнаго, мѣстнаго и временнаго, создается столько же на основѣ реальной природы, жизни и культуры, сколько въ силу художественнаго развитія и въ результатѣ специфическаго процесса, состоящаго въ отвлеченіи формы отъ ея реального тѣла. Легчайшая и обычная орнаментальная форма даетъ такъ называемый геометрический орнаментъ, который обнимаетъ собою какъ всю сферу линій: прямыхъ, ломаныхъ, круговыхъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ и пр., наблюдаемыхъ въ природѣ и въ издѣліяхъ человека, такъ и обширную область механики,¹ въ которой конструктивныя формы, становясь быстро шаблонами, образуютъ орнаментальныя формы,

Геометрический орнаментъ.

¹) G. Semper, Der Stil in d. technischen u. tektonischen Künsten, 2, B-de 1878—79.

пригодныя уже не для строительства, но для украшенія подобозначущимъ рисункомъ. Геометрическая орнаментика является простѣйшею общечеловѣческою формою орнамента и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее обычною формою орнамента для вышивокъ, и затѣмъ, и древнѣйшаго тканья, валяльныхъ издѣлій изъ шерсти или разныхъ видовъ войлока, а также и рѣзьбы на деревѣ, металлѣ и кости, и потому, при обѣднѣніи искусства, ремесла и быта, и при замѣнѣ ручнаго мастерства фабрикаціею для дешеваго, варварскаго рынка. Но даже и геометрический орнаментъ не есть продуктъ одного механизма и даетъ въ разныхъ формахъ продукты чисто художественнаго творчества и артистическаго вкуса, надолго уживающіеся въ народномъ искусствѣ, какъ напримѣръ, плетенія египетскихъ тканей первыхъ вѣковъ христіанской эры, исполнявшіяся льняными и шелковыми нитями по пурпурной шерсти на льняныхъ одеждахъ и покрывахъ, ирландская и карловингская каллиграфія рукописей и т. под.

Рис. 83. Ткань изъ Антинои. Музей тканей въ Ліонѣ.

2.

Въ иномъ, даже прямо противоположномъ положеніи обрѣтался въ исторіи искусства орнаментъ растительный и именно въ тканяхъ. Господство растительнаго орнамента въ малорусскихъ народныхъ вышивкахъ трактовалось „украинствовавшими“ этнографами, сравнительно съ русскимъ народнымъ орнаментомъ, преимущественно геометрическимъ или звѣринымъ, какъ черта высшей культуры или художественности (на самомъ дѣлѣ, это зависѣло отъ полученныхъ Малороссіею образцовъ). Равнымъ образомъ, еще и доселѣ артистическій реализмъ растительныхъ орнаментовъ на тканяхъ Франціи XVII—XVIII столѣтій приписывается именно только роскошеству и пышности дамскихъ и мужскихъ костюмовъ этихъ эпохъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, и эта черта была вызвана подражаніемъ китайскимъ и японскимъ образцамъ и ими вызванной модой. Но, конечно, рисунки растительности въ тканяхъ играютъ главную роль лишь въ эпоху господства показной роскоши, какъ то: въ эллинистическую эпоху, въ періодъ блестящихъ дворовъ XV—XVI вѣка въ Италиі, при дворахъ Персіи, Индіи и Китая и т. п. Прежде всего, эти рисунки, дабы производить впечатлѣніе, должны быть особенно сложными, исполнены на лучшихъ или наиболее плотныхъ и дорогихъ шелковыхъ матеріяхъ, и только наиболее

Растительный орнаментъ

утонченный вкусъ будетъ довольствоваться скромными рисунками вѣточекъ, травъ и мелкихъ цвѣтовъ. Мало того, лишь очень немногіе виды флоры производятъ такое впечатлѣніе — неотразимое — на художника или рисовальщика своею высокою пользою или своимъ характернымъ типомъ, что, такъ сказать, сами просятъ на картину. Еще болѣе: лишь исключительные типы растеній являются настолько своеобразными, что рисовальщикъ сразу усваиваетъ себѣ ихъ черты и даже, воспроизводя растеніе реально, достигаетъ его образа, типа или схемы, и въ силу этой типичности, причисляетъ его форму къ средѣ орнаментовъ. Наконецъ, если область орнамента представляется тканями, выборъ растительныхъ орнаментовъ будетъ опредѣляться также техническими условіями.

Флора
эллинистиче-
скаго міра.

Культурная часть греко-римскаго міра охватывала почти исключительно побережья Средиземнаго моря и въ эллинистическую эпоху эта территория представляла собою искусственный садъ, вѣковыми усиліями народовъ южной Европы и Западной Азіи насажденный изъ всѣхъ почти извѣстныхъ въ то время растительныхъ видовъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустовъ. Простой обзоръ этихъ видовъ, помѣченный ихъ исконною родиною или территорією Азіи, откуда принесенъ былъ культурный образецъ растенія, можетъ быть достаточенъ для этой любопытной задачи историческаго опознанія бытового и умственнаго развитія народовъ средиземнаго побережья. Мы узнаемъ изъ этого перечня, что нерѣдко растенію предшествовало появленіе торговымъ путемъ его плодовъ, и только черезъ нѣсколько вѣковъ — о переносѣ и культурѣ самого растенія въ Греціи и Италіи. Нерѣдко также плодое дерево переносилось и культивировалось только при семитическихъ колоніяхъ и факторіяхъ на этомъ побережьи, и лишь спустя долгое время распространялось по всему побережью; бывало и обратно, какъ случилось съ финиковою пальмою, что ей предшествовало въ греческомъ мірѣ громкая иноземная слава, побуждавшая къ вывозу немногихъ исключительныхъ, сажавшихся въ высшихъ религіозныхъ святилищахъ Греціи, какъ священная эмблема солнечнаго бога. Подобно культурѣ домашнихъ животныхъ многія деревья и растенія прошли предварительно долгій религіозный искусъ, прежде нежели стали садовою утѣхою или предметомъ садоваго хозяйства и торговли. Наконецъ, многіе виды плодовыхъ деревьевъ и растеній долго мѣняли свои мѣста на этой территоріи, пока находили себѣ пристанище и для ихъ распространія вырубались лѣса, для устройства плантацій. Но, что въ данномъ случаѣ болѣе важно, то необыкновенное вниманіе и глубокий интересъ къ появленію новаго культурнаго вида, съ которымъ встрѣчали греческое и римское общество новые дары далекой Азіи, ихъ благословенной родины. Несомнѣнно, въ этомъ интересѣ центромъ тяжести являлись экономическія соображенія, по поводу знакомаго уже процесса использования этого новаго дара. Историческій выводъ изъ этого вѣкового процесса ясно свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ культурнаго движенія

народовъ древняго міра, успѣвшаго въ короткій, тысячелѣтній срокъ почти истощить флору всей передней Азіи, до Инда включительно, и привить съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ ее у себя, нѣкоторые виды развиты на колоссальныхъ пространствахъ, какъ на примѣръ, виноградъ. Въ результатѣ этого процесса, флора Средиземнаго побережья перемѣнила свой прежній типъ растительности умѣреннаго климата на типъ вѣчно-зеленаго декоративнаго сада, съ рѣдкостными плодовыми деревьями и растеніями, исключительно свойственными теплomu югу. Тотъ же самый историческій процессъ показываетъ намъ, благодаря постоянству литературныхъ источниковъ, неуклонно сопровождающихъ появленіе въ предѣлахъ греко-римскаго міра этихъ даровъ природы и азіатской древней культуры, то что давало наиболѣе сильныя впечатлѣнія мыслямъ и чувствамъ древности, и потому должно было наиболѣе вліять и на художественное чувство. Недаромъ, явленія природы оцѣнивались умами древнихъ, прежде всего, по ихъ дарамъ челоуку и ихъ связямъ съ мыслью о благахъ, посылаемыхъ богами.

Полезно замѣтить, сколь многія деревья и растенія, возбудивъ къ себѣ всеобщее вниманіе, почти избѣжали взгляда художниковъ и всякаго участія въ орнаментѣ. Извѣстный лавръ, рано перенесенный въ Грецію и ставшій посвященнымъ богу Аполлону и его поклонникамъ, изображался въ гирляндахъ и вѣнкахъ, и вѣтви съ его суховатыми, заостренными, какъ стрѣлка, листьями являются характерными для сухой растительности Греціи. Магическая очистительная сила ароматическихъ вѣтвей лавра явилась, такимъ образомъ, подобно мелко-листной миртѣ специфическимъ художественнымъ типомъ антика, но ни лавра, ни мирты мы не встрѣтимъ уже въ тканяхъ. Понятно, если мы не можемъ увидать на нихъ высокаго темно-зеленаго кипариса, котораго соединеніе съ таинственными силами хтоническихъ божествъ породило посвященіе его кладбищамъ и некрополямъ, но отдалило навсегда отъ челоуческаго жилья. Лишь много позднѣе, въ пору появленія монашества и установленія аскетическаго христіанства на сироегипетскомъ Востокѣ, пара кипарисовъ у подножья высокаго портика или купольной церкви становятся обычною эмблемою смерти и воскресенія, а потому и христіанской церкви. Бьющій водою фонтанъ наверху такого церковнаго портика бываетъ окруженъ всегда, какъ источникъ жизни, прилетѣвшими къ нему голубями, душами вѣрующихъ, и является соединеніемъ церкви земной съ небесною. Гораздо меньшимъ явилось участіе въ растительномъ орнаментѣ цѣлаго ряда плодовыхъ растеній и деревьевъ, обогатившихъ европейскую культуру самыми драгоценными видами услаждающихъ плодовъ благодатнаго юга. Правда, мелкая сѣрая листва оливковаго дерева или маслины, какъ ни велика была ея польза для всей Греціи, явилась, понятно, крайне неблагопріятнымъ условіемъ для воспроизведенія ея въ орнаментѣ, но, почти, та же судьба выпала на долю извѣстной смоковницы, или фиговаго дерева, плантаціи которой въ Іоніи продолжаютъ поставлять съ незапамятныхъ временъ и

Ея отраженіе
въ искусствѣ.

Лавръ и миртъ.

Кипарисъ.

Гранатовый
плодь.

доселѣ сухія смоквы на древніе и новыя рынки. Въ противность этимъ деревьямъ и плодамъ гранатовый плодь является любимцемъ орнамента всякаго рода, и стѣнные фрески древнихъ столовыхъ залъ, и миниатюры рукописей, и самыя ткани, отъ ихъ начальной поры до всевозможныхъ народныхъ вышивокъ, представляютъ гранатовый плодь висящимъ подъ густою листвою или же въ разводахъ вѣтвей, пущенныхъ шпалерою на стѣнахъ, и, притомъ, то на сводахъ высокыхъ арокъ, то въ гирляндѣ, вѣнкомъ окружающей священный сюжетъ, то внутри растительнаго побѣга. Какъ извѣстно, ранѣе, еще на почвѣ Востока состоявшееся посвященіе гранатоваго плода верховному женскому божеству — Матери боговъ — и культура самого дерева во всей Центральной Азійи явились причинами особаго къ нему вниманія со стороны всего греко-восточнаго міра и его искусства. Его плодь, никогда не появлявшійся на рынкахъ древней Руси, неизмѣнно красуется во всѣхъ плодовыхъ разводахъ въ рѣзбѣ на деревѣ, въ финифти, наряду со всѣми мотивами восточнаго искусства, утративъ свою реальную красно-оранжевую окраску и замѣнивъ ее блѣдно-голубою съ синими лепестками и желтою сердцевиною. Квитовое яблоко, или айва, хотя и удостоилась временно славы золотого яблока Гесперидъ и эмблематическаго значенія въ видѣ дара любви, а затѣмъ породила въ культурѣ нѣсколько специфическихъ хозяйственныхъ производствъ (мармелада), почти не встрѣчается въ изображеніяхъ, за исключеніемъ гирляндъ столовыхъ залъ. То же самое приходится сказать о сливѣ, принесенной изъ Азійи, культурной вишнѣ, привезенной Лукулломъ съ Понта. Не болѣе посчастливилось и шелковицѣ, или тутовому дереву, перенесенному изъ Персіи, хотя даже Гораций восхищался, нѣкогда, благодѣтельными послѣдствіями ея спѣлыхъ и свѣжихъ утреннихъ ягодъ (уже древніе замѣтили, что спѣлая ягода портится къ вечеру). Однако, и на ея сторонѣ нашлось въ свое время вниманіе, и, что очень любопытно, непосредственно послѣ того, какъ европейскіе садоводы узнали ея чудодѣйственныя свойства по кормленію древесными листьями шелковичныхъ червей. Любопытная ткань¹ средне-азіатскаго содержанія, персидскаго типа и, повидимому, однако, китайскаго шелка и работы, со всадниками монголами (ханами), охотящимися на львовъ (рис. 66), представляетъ, взамѣнъ обычной пальмы, посреди двухъ паръ всадниковъ шелковицу, на тонкомъ высокомъ стволѣ съ семью купами ягодъ посреди темной листвы. И не узнать бы шелковицу не специалисту по ботаникѣ въ данномъ случаѣ, если бы на помощь не пришла любопытная миниатюра манихейской рукописи,² происходящей изъ Тур-

Шелковица.

¹) Храмовая завѣса — знамя, съ кругами (0,43 въ діаметрѣ), перешедшая въ собственность храма, а нынѣ въ музей Токіо. Лессингъ, табл. 30, Фальке, рис. 110. Вкладъ ми-кадо Шому (724—748).

²) Манихейская рукопись найдена въ развалинахъ Иди-кут-шехри близъ Турфана. Миниатюра воспроизведена на 17-й красочной таблицѣ у К. Woermann, *Gesch. d. Kunst. II. Färbige Völker und Islam.*

фана. Миниатюра представляетъ реальную сцену письма, очевидно, подъ диктовку самого Мани въ неизвѣстномъ средне-азіатскомъ монастырѣ: два ряда монаховъ, сидящихъ передъ столами съ разложенной на нихъ бумагой, въ ожиданіи диктовки покойно сложили руки. Они одѣты во все бѣлое, и головы ихъ покрываетъ высокая, бѣлая шляпа, въ видѣ трубы, безъ полей. Они сидятъ у темно-зеленой стѣны, у которой, какъ бы шпалерами, насажены молодыя шелковичныя деревья, съ ярко-красными купами ягодъ внутри темно-листныхъ букетовъ; по деревьямъ пущенъ виноградъ, съ висящими уже гроздьями. Миниатюра уже относится находчикомъ рукописи Лекокомъ къ VII вѣку и подтверждаетъ намъ, что теперешній обычай итальянскихъ фермеровъ пускать лозы на шелковичныя деревья также не свой, а заимствованъ черезъ десятокъ рукъ отъ азіатскихъ садоводовъ, какъ и самый виноградъ. Что въ данномъ случаѣ любопытно, это одновременность обоихъ изображеній и то, что шпалерныя украшенія стѣны и, равно, садовъ или даже внутреннихъ дворовъ послѣ VII вѣка получили извѣстное распространеніе, повидимому, въ Средней Азійи въ пору ея сношеній въ IX—X в.в. съ Босфоромъ, такъ какъ именно къ этому времени долженъ былъ бы относиться оригиналь рисунковъ Константинопольскаго ипподрома, воспроизведенный на хорахъ стѣны Софійскаго собора въ Кіевѣ, гдѣ именно изображены опять плантаціи шелковицы.¹ Ни каштаны, ни фисташковое дерево, ни-же грецкій орѣхъ, ни даже миндаль не были избраны для орнамента и ткацкой орнаментики, и только гораздо позднѣе въ коптскихъ рукописяхъ X-го и слѣдующихъ вѣковъ встрѣчаемъ въ заглавныхъ буквахъ разнообразныя орѣхи на вѣтвяхъ. Въ противность тому, тыквенное растеніе и особенно дыни, культивированныя персами и доселѣ составляющія славу персидскихъ садоводовъ, а у себя дома даже персидскихъ деревень, повидимому, представили довольно обширное поле для занавѣсей и пологовъ, видимо, въ столовыхъ залахъ. Правда, собственно персидскихъ оригиналовъ подобныхъ занавѣсей пока не имѣется, но за то есть египетскія копіи, отмѣченныя восточными деталями. Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, на одной такой завѣсѣ, найденной въ некрополѣ въ Антиноѣ (рис. 84), въ двухъ полосахъ, сверху и внизу, представлены гранатовыя яблоки, а въ серединѣ въ преувеличенномъ размѣрѣ выращены двѣ тыквы или дыни на растительной подставкѣ, нарѣзанныя садоводомъ, какъ будто бы это былъ бумажный фонарь, а снизу съ аканѣоваго побѣга висятъ два малыхъ плода, нарѣзанныхъ такъ, что они представляютъ, какъ бы гроздь винограда. Снизу на нихъ съ вождѣльніемъ смотрятъ пары индійскихъ бычковъ, въ игрушечныхъ размѣрахъ (рис. 84). Пусть объяснитъ кто-либо эту загадочную игрушку садовода или рисовальщика. Правда, извѣстенъ фактъ подобныхъ затѣйныхъ

Тыква.

¹) Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ. *Русскія Древности*, вып. IV, рис. 135—136. *Зап. Русск. Археол. Общ.*, т. III, 1888 г. Н. П. Кондаковъ „О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора“.

выращиваній у персидскихъ садоводовъ, послужившихъ, стало быть, образцами для голландцевъ, превращавшихъ такіе податливые плоды растений въ разнообразныя причудливыя формы. Если эта догадка вѣрна, то она подтверждаетъ общій фактъ воспроизведенія орнаментомъ наиболѣе поразительныхъ явленій древней культуры.

Растенія
избранныя
для орнамента.

Орнаментальными избранниками греко-римскаго міра явились: финиковая пальма, виноградная лоза, аканеъ, плющъ и роза, и надо думать, что, даже безъ особой нужды разсмотрѣнія, причины такого выбора были бы понятны сами по себѣ, но, какъ увидимъ, извѣстныя перемѣны реального типа этихъ растений при ихъ переходѣ въ орнаментъ требуютъ такого, именно болѣе подробнаго разбора.

3.

Пальма. Начнемъ съ вѣнца растительнаго творенія, дѣйствительнаго древа жизни семитическихъ племенъ — съ финиковой пальмы. Принадлежа къ разряду высоко-полезныхъ для человѣчества растений, финиковая пальма уже въ

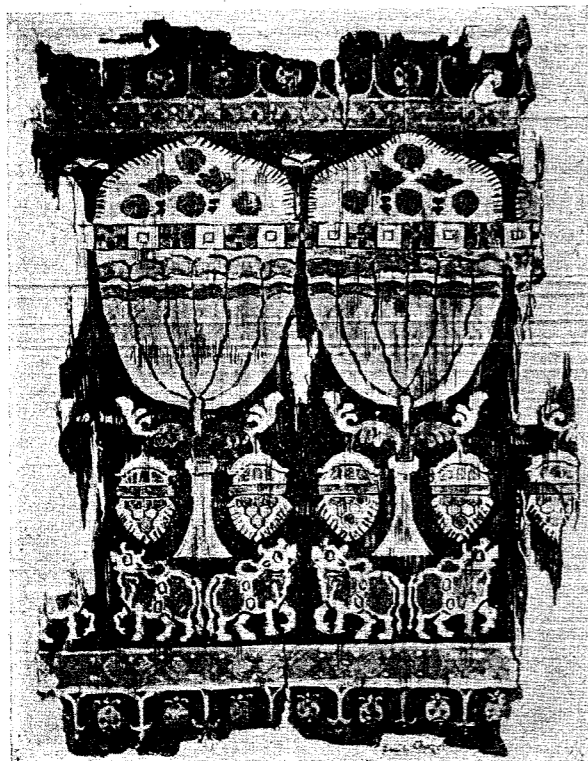

Рис. 84. Ткань изъ Антинои.
Рисунокъ въ Музеѣ Guimet въ Парижѣ.

отдаленной древности стала извѣстна греко-римскому міру, но, правда, лишь своей декоративной стороной. Извѣстно, что Гомеръ вкладаетъ въ уста своего героя Уллиса въ Одиссеѣ тонкій и, повидимому, излюбленный ранѣе того комплиментъ по адресу принцессы Навзикаи: „я нигдѣ не видалъ иную смертную или смертнаго, который бы былъ подобенъ тебѣ, и дивлюсь, видя тебя, но такъ на Делосѣ я созерцалъ когда-то стремящійся вверхъ стволъ юной пальмы у алтаря Феба-Аполлона. Видя ее, дивился я долго въ душѣ, ибо нигдѣ въ иномъ мѣстѣ земля не носитъ на себѣ подобнаго дерева“. Итакъ, финиковая пальма уже рано была принесена и посвящена богу солнца въ Греціи, какъ затѣмъ и впоследствии украшала она собою иныя

святилища свѣтлыхъ боговъ въ Дельфахъ, на Критѣ, въ Эвбеѣ, въ Аргосѣ и проч. Но, какъ должно было оказаться, уже рано этотъ мощный видъ плодового дерева явился бесплоднымъ на почвѣ Греціи и Италіи. Пальма, какъ извѣстно, нуждается столько же въ постоянно влажной почвѣ, сколько въ теплѣ, со средней температурой не ниже 23 гр. Цельсія, и въ солнечномъ жарѣ для созрѣванія своихъ, кроющихся въ пышной кронѣ дерева, плодовыхъ побѣговъ. И хотя имя этого вида пальмы выводитъ ее изъ Финикіи и по ней названа была Пальмира, однако, ея истинною родиною была Месопотамія и оазисы равнинъ, тянущихся до Сиріи и Египта. Именно, въ долинѣ Вавилона совершилась ея древняя культура, достигнуто было высшее облагороженіе ея съѣдобныхъ плодовъ и, именно, тамъ разработана была всесторонне экономическая сторона использованія всѣхъ частей дерева на потребу человѣка. По преувеличенному гимну, сообщенному Страбономъ, насчитывали 360 видовъ способа извлекать изъ нея пользу: конечно, въ этомъ дѣлѣ не причемъ кочевое племя Набатеевъ, которому легенда приписываетъ культуру этого „древа жизни“ Арабовъ, лишь потому, что они, спустившись до Египта, принесли ее съ собою къ Красному морю. Религіозныя вѣрованія придали финиковой пальмѣ рано значеніе „священнаго дерева“, и она стала символомъ великихъ и благодѣтельныхъ боговъ побѣды и счастья, и ея вѣтви, сплетенныя для удобства перевозки, рано стали священными эмблемами въ древней Греціи, чему свидѣтельствомъ является легенда о Тезеѣ, принесшемъ въ Аѣины вѣтку пальмы. Но, какъ тоже извѣстно, плантаціи финиковой пальмы оказались невозможными ни въ Италіи ни въ Испаніи и даже въ защитныхъ мѣстахъ европейскаго юга, и вмѣсто нея любители садоводства принуждены были ограничиться разновидностью „низменнаго хамеропса“. Древняя же Греція принуждена была гордиться бронзовымъ изображеніемъ пальмы или декоративными образчиками молодого растенія на извѣстное число лѣтъ. Характерно, поэтому, что уже въ восточной древности пальма была эмблемой чело-вѣческой стройности, а въ греко-римскомъ мірѣ своего рода канонъ пропорцій. На Востокѣ именемъ Тамары (имя это происходитъ отъ Тадморъ — восточнаго названія пальмы) стали почетно именоваться царскія дочери ради дѣвической стройности. Дѣйствительно, въ строеніи пальмы чело-вѣка поражаетъ столько же ея 50-ти метровый стволъ, сколько граціозный куполь ея нѣжныхъ и въ то же время изумительно крѣпкихъ вѣтвей, покрывающихъ густою тѣнью источникъ или лугъ у ея корней. Эта могучая крона столь же пышна, сколько всесильна противъ всякой бури и всякаго самума. Таковы тѣ поразительныя черты строенія пальмы, которыми могла воспользоваться орнаментика. Образъ финиковой пальмы уже съ V-го вѣка украшаетъ мозаическія изображенія ново-завѣтныхъ лицъ и событій, одновременно, какъ образъ Палестины и райскаго дерева, съ сидящимъ наверху пальмы фениксомъ, и въ то же время служитъ орнаментациею ландшафта на рельефѣ саркофаговъ Равенны.

Но при этих мотивах орнаментации, явное дѣло, известную службу выполнила и сама культура финиковой пальмы. Вполнѣ естественная догадка¹ приводит насъ къ тому, чтобы усмотрѣть известную гѣратическую, ритуальную форму этой культуры финиковой пальмы въ такъ называемомъ „священномъ древѣ“, или, что тоже, въ „древѣ жизни“ на многочисленныхъ изображеніяхъ его въ Ассиріи, и памятникахъ Вавилона. Не входя, однако, въ специальное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ памятниковъ, изъ которыхъ многіе бы потребовали излишнихъ при данной задачѣ разсужденій о деталяхъ подобныхъ изображеній, на примѣръ, еловыхъ шишакъ, мы должны остановиться на общемъ ихъ построеніи. Очевидно, и рисунки и рельефы передаютъ въ данномъ случаѣ образчикъ шпалерной культуры или пальмоваго растенія вообще, или по нашему финиковой пальмы, при которой достигается столько же конструкція подручнаго растенія на стѣнѣ, сколько, очевидно, садовая обработка ея плодовъ въ искусственной формѣ. Намъ важно только отмѣтить, что вся листва растенія въ данномъ случаѣ сводится, почти, къ одной искусственно устроенной кронѣ, которая по своей формѣ и составляетъ такъ называемую греческую пальметку.² Затѣмъ ближайшимъ доказательствомъ того, что въ ассирійскомъ изображеніи древа жизни стволъ и крона представляютъ, именно, специфическую культуру финиковой пальмы, можетъ служить столько же видъ этой кроны, послужившей образцомъ для греческой пальметки, сколько рисунковъ подобной пальметки на поливныхъ изразцахъ самой Ниневіи.³ На двухъ рисункахъ кроны „древа жизни“ и орнаментальной пальметки фриза мы находимъ очередныя формы переплетенныхъ вѣтвей финиковой пальмы. Известно, что для удобства переноса и перевозки пальмовыхъ вѣтвей, ихъ листья сплетаются другъ съ другомъ и со слѣдующими парами также такъ, что получается, сравнительно съ самой вѣтвью, узкая полоса. Известно далѣе, что съ цѣлью приготовления къ празднику Ваій или пальмъ, а нашему Вербному Воскресенью, въ средніе вѣка на пальмахъ, росшихъ на югѣ, заранѣе подвязкой атрофировали нижнюю часть вѣтвей, чтобы получить ихъ палевыми. Упоминаемъ это обстоятельство потому, что въ той-же Ниневіи въ орнаментальныхъ пальметкахъ одинъ рядъ зеленыхъ листьевъ чередуется съ рядомъ пестрыхъ, или точнѣе полосатыхъ, на которыхъ бѣлая полоска смѣняется темною такъ, какъ если бы она представляла переплетеніе двухъ разноцвѣтныхъ

¹) Такая же догадка пришла въ голову В. Г. Уорду, американскому изслѣдователю печатей-цилиндровъ Месопотаміи и Западной Азіи (W. H. Ward, *The Seal cylinders of Western Asia*, Washington, 1910) при видѣ одного цилиндра (рис. 665), съ изображеніемъ крылатаго дракона и быка по сторонамъ древа въ видѣ пальмы (см. рис.) Уордъ говоритъ: here the tree is evidently the date palm, par excellence the fruit tree of the Euphrates valley. On some of these early cylinders we have low palmtrees or palmettes.

²) См. типъ этой пальметки въ изданіи Racinet, *L'ornement polychrome*, pl. 5.

³) *Ib.*, табл. IV, 5.

листьевъ. Любопытно, между прочимъ, что такого рода пальметки съ пестрыми рядами перешли и въ народный европейскій орнаментъ и встрѣчаются доселѣ на средневѣковой посудѣ.

Переходя къ самымъ тканямъ, мы должны имѣть въ виду, что въ эллинистическомъ стилѣ сама пальма уже представляется лишь двумя своими

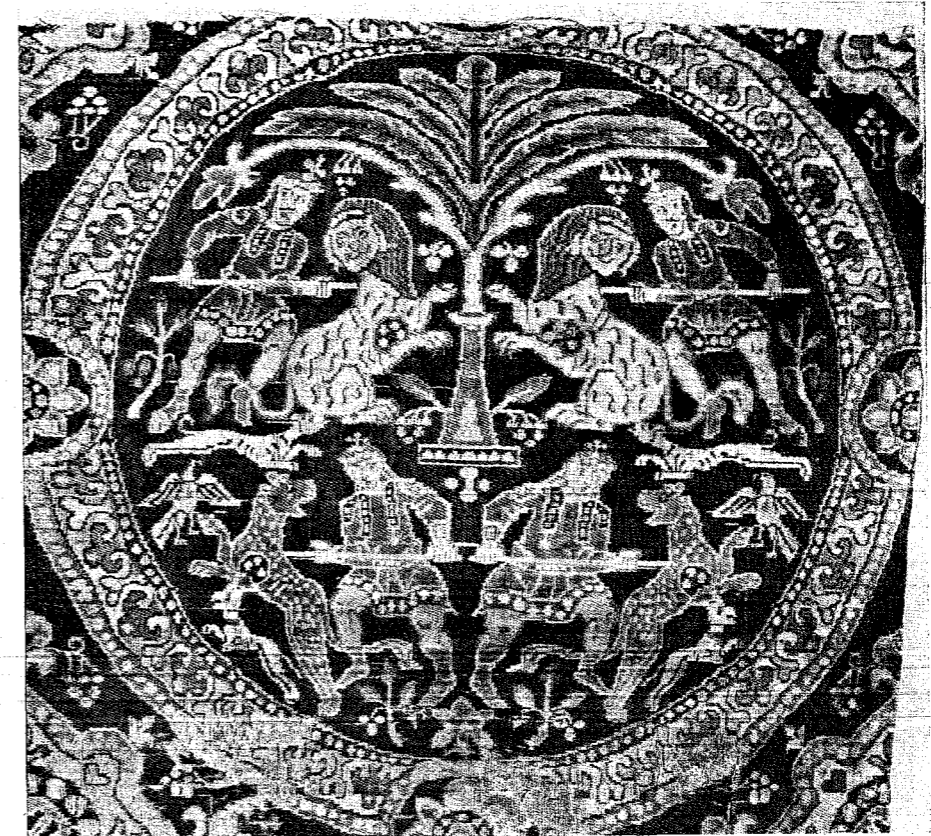

Рис. 85. Ткань изъ Латеранской сокровищницы. Ватиканъ.

частями, а именно тонкимъ высокимъ стволомъ, который, притомъ, нерѣдко имѣетъ видъ или тонкаго стебля и стержня, снабженнаго наверху кроною или также внизу двумя растянутыми искусственно въ стороны вѣтвями, причемъ, по сторонамъ такого стержня помѣщаются или два животныхъ, или двѣ птицы, или же сцена охоты на звѣрей двухъ всадниковъ, или двухъ охотниковъ пѣшихъ. Къ концу VI-го или къ началу VII вѣка относится Александрійская ткань,¹ сохранившаяся въ известномъ кладѣ въ Ла-

¹) Фальке, рис. 90.

теранѣ, нынѣ въ Ватиканѣ, (рис. 85); въ ней по сторонамъ пальмы, изображенной въ видѣ хамеропса, два охотника копьями убиваютъ львовъ. Слѣдующее затѣмъ изображение пальмы, уже съ признаками финиковой,¹ находится на ткани персидской съ изображеніемъ павлиновъ, причемъ стволъ или стебель дерева представленъ въ размѣрахъ низкой настѣнной шпалеры, такъ какъ павлины тянутся къ смѣшивающимся плодамъ дерева. Поверхъ низкаго ствола представлена расходящаяся крона пальмы въ декоративной формѣ острыхъ листьевъ, свисающихъ съ дерева, и плодовыхъ вѣтокъ, причемъ тѣ и другіе чередуются по три съ каждой стороны другъ съ другомъ. Въ этомъ рисункѣ мы имѣемъ безусловное свидѣтельство упомянутой выше культуры садовой финиковой пальмы. Средину кроны образуетъ какой-то многоугольникъ, въ которомъ рядъ непонятныхъ греческихъ буквъ и знаковъ создаетъ подобіе надписи. Въ заключение этого очерка мы должны сказать, что появленіе на тканяхъ такого раздѣляющаго сцену ствола или стебля, или даже декорированнаго стержня, начинается не ранѣе установившагося наплыва восточныхъ, преимущественно персидскихъ, тканей въ концѣ VII-го или началѣ VIII-го столѣтія, и, потому, достаточно подтверждаетъ спеціальныи персидскій ихъ типъ, такъ какъ такого рода стебли или стволы являются въ то же время опредѣленною деталію такъ называемаго „священнаго дерева“, котораго мы не знаемъ въ Египтѣ и не можемъ предполагать въ Византіи. вмѣстѣ съ другими неотъемлемыми персидскими темами (какова охота царскихъ всадниковъ на льва) „священное дерево“ явилось, по всей вѣроятности, не какъ реальный сюжетъ, а какъ, своего рода, восточный талисманъ. Характерно вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что чисто греческой пальметки мы уже не встрѣтимъ нигдѣ на тканяхъ, а то, что будемъ этимъ именемъ называть, за отсутствіемъ пока другого термина, будетъ имѣть совершенно иную, хотя похожую форму. Наконецъ, болѣе подробное разслѣдованіе декоративныхъ формъ такого „священнаго дерева“ въ восточныхъ и византійскихъ тканяхъ несомнѣнно покажетъ извѣстный смыслъ въ разнообразныхъ типахъ его листьевъ и плодовъ и, зачастую, египетскихъ и персидскихъ пальметокъ, принятыхъ въ эту листовку, наряду съ другими формами плюща, аканѳа, лиліи, лотоса и проч., что, однако, при рѣдкости даннаго матеріала въ настоящее время только повело бы къ напраснымъ догадкамъ.

4.

Виноградная лоза.

Виноградная лоза, относящаяся къ виду вьющихся растений и становящаяся, при благоприятныхъ условіяхъ, деревцомъ, толщиной даже въ два три фута, представляетъ въ исторіи греко-римской культуры наиболѣе видное и распространенное явленіе, которымъ, такъ сказать, окрасилась

¹) Іб., рис. 155.

именно эта культура, какъ нарожденіемъ общаго народного любимца, предмета радости и источника веселія. Происходя изъ Закавказья и будучи принесена уже болѣе чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр. въ Грецію и на Балканскій полуостровъ, она распространилась затѣмъ въ Италию, въ южную Францію, Испанію уже въ древности, тогда какъ только въ позднѣйшее время она проникла въ Персію, а затѣмъ, и на крайній Востокъ. Намъ собственно нѣтъ надобности говорить объ успѣхахъ этого культурнаго растенія внѣ предѣловъ греко-римскаго міра, но важно отмѣтить тотъ культъ винограднаго вина во всѣхъ видахъ этого сока и разновидностяхъ его обработки, чтобы, до извѣстной степени, понять соотношеніе между этой культурой и художественнымъ ея использованием. Плодъ виноградной лозы уже въ глубокой древности получилъ у грековъ важнѣйшее значеніе въ ихъ жертвоприношеніяхъ; жертвы, ранѣе обрызгивавшіяся молокомъ, стали спрыскивать виномъ, и по употребленію вина сформировалось немало сосудовъ спеціальной формы и назначенія. Понятно, что самый типъ растенія, образующій длинный побѣгъ, съ сочными почками и специфическими усиками, которыми тотъ побѣгъ, цѣпляясь за всякій предметъ на его пути оказавшійся, помогаетъ живой лозѣ подниматься наверхъ, развивать боковыя вѣтви изъ почекъ и выращивать на нихъ тяжелыя гроздья, [долженъ былъ отразиться въ искусствѣ]. Весьма возможно, что форма, такъ называемой, спирали, а равно и волнистой линіи, идущей въ горизонтальномъ направленіи, образовались, помимо виноградной лозы, путемъ наблюденія геометрическаго орнамента. Съ другой стороны, несомнѣнно, что именно греческое искусство спеціально разработало форму такъ называемаго побѣга или развода виноградной лозы, съ формирующимися на ней усиками въ опредѣленныхъ узлахъ побѣга и образующихъ упругія и жиз-

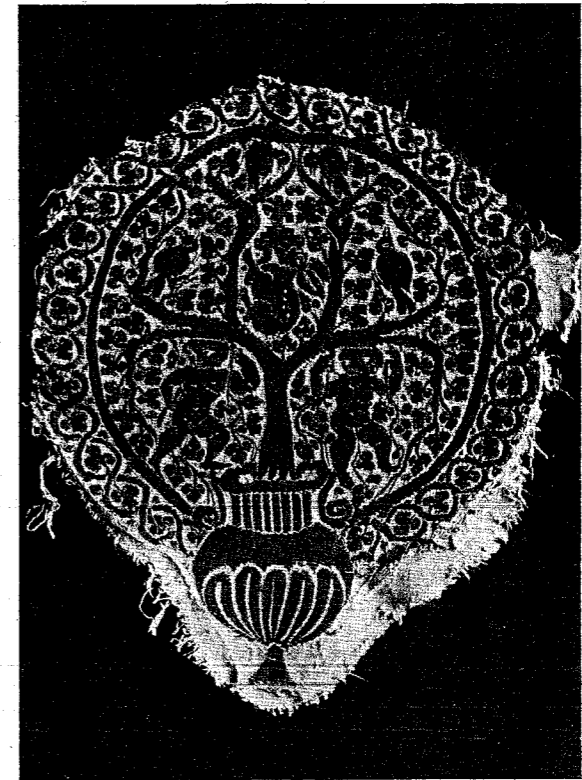

Рис. 86. Ткань Художественно-промышленнаго Музея въ Прагѣ.

ненныя формы растительной спирали. Такого рода орнаментальный побѣгъ, захватывающій сначала большіе круги и какъ-бы слабѣющій затѣмъ въ кругахъ, уменьшающихся постепенно, и затѣмъ лежащій въ опредѣленномъ отпрыскѣ, образуетъ такъ называемую акротеріальную форму орнамента. Но обычная форма винограднаго побѣга образуетъ или правильный кругъ, или даже четырехугольникъ, но помѣщается чаще всего внутри каймы и идетъ по опредѣленной полосѣ, играя такимъ образомъ роль исключительно орнаментальную, при этомъ уже греко-римское

Рис. 87. Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ.

искусство научилось разнообразить реальную форму лозы аканѳовыми листьями и побѣгами, листьями плюща, разными плодами внутри завивающагося усика или даже звѣрьками, птицами, мелкими животными. Все это составляетъ шаблонъ эллинистическаго орнамента, и характерно, что этотъ самый шаблонъ перешелъ затѣмъ въ Персію, хорошо ознакомившуюся съ виноградною лозою, и далѣе въ восточную Азію, гдѣ разводы или побѣги винограда съ гроздьями, висящими внутри спиралей, извѣстны уже отъ V и VII—VIII вѣка.¹ Приблизительно въ ту же эпоху появился въ орнаментѣ характерный типъ толстаго побѣга виноградной лозы² и послужилъ для орнаментальнаго оживленія круговъ, многоугольниковъ и геометрическаго орнамента въ варварскихъ древностяхъ VII—IX-го столѣтій. Здѣсь самыя пальметки были замѣнены какъ бы нарубленными кусками лозы, соединенной въ типѣ пальметокъ, образующихъ иногда сѣтку плетений, изъ которой затѣмъ дѣлается красивая накладка на опредѣленной поверхности, какъ бы замѣняющая прежнюю филигрань. Этого рода характерная стилистически орнаментика украшаетъ большинство золотыхъ сосудовъ, чашъ и ковшей Миклошскаго клада, о которомъ придется говорить въ одномъ изъ будущихъ очерковъ.

Плющъ. По типу виноградной лозы развились и орнаментальныя формы побѣ-

¹) Фальке, рис. 12—18.

²) Иб., рис. 38, 39, 40, 75, 116—119.

говъ плюща, но есть и особая форма, созданная спеціально Востокомъ, а именно Персією, для плющевого побѣга или вѣтки. Орнаментика использовала въ данномъ случаѣ свойство плюща растить свои вѣтки вверхъ, присасываясь своими мочками къ древесной корѣ или даже камню; въ натуральномъ рисункѣ получается линия восходящей вѣтки, обозначенная шеренгою листиковъ, спадающихъ острымъ концомъ, а такъ какъ листъ плюща наиболѣе походитъ на контуръ сердца, то въ орнаментикѣ образовался типъ такого побѣга, въ особенности на металлическихъ вещахъ для украшенія кружковъ, столбиковъ, поясковъ и т. п. Какъ извѣстно, наконецъ, листъ плюща изъ темно-зеленаго превращается въ коричнево-красный, и на этомъ основана орнаментальная форма „керовъ“ и „пикъ“.

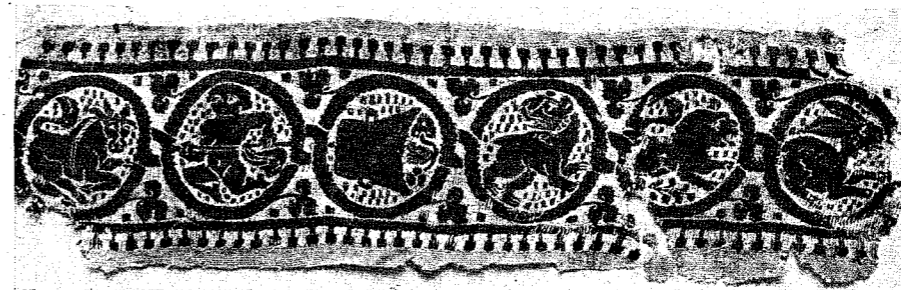

Рис. 88. Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ.

Въ близкомъ содружествѣ съ перечисленными растеніями находился съ Аканѳъ. начала средневѣковой эпохи такъ называемый аканѳъ¹ котораго главная роль въ орнаментикѣ, какъ извѣстно, восходитъ къ эпохѣ процвѣтанія греческаго искусства и заключается въ созданіи формъ коринтской капители. Его, можно сказать, міровое распространеніе вызвало талантливаго Алоиса Ригля² на попытку построить на историческомъ очеркѣ аканѳа темную доселѣ исторію средневѣковой орнаментики вообще. Риглемъ было, конечно, доказано распространеніе греко-римскаго аканѳа въ предѣлы искусства Индіи и Китая, что, однако, можно было легко констатировать по всякому поводу. Но построить на этомъ обстоятельствѣ исторію разнообразныхъ типовъ и группъ историческаго орнамента оказалось, конечно, невозможнымъ, такъ какъ заходъ иного шаблона въ

¹) Аканѳъ — чертополохъ, репейникъ, волчець, будякъ, видъ сорной травы, разрастающейся въ кустарникъ и колочей, съ длинными остроконечными листьями, отвѣчаетъ по типу лат. *carduus*, франц. *chardon*, и зовется также общимъ именемъ *Dornstrauch*, *épine*, но растетъ повсюду лишь въ южной Европѣ. Бываетъ — *asper* — колючимъ и *mollis* — съ развернувшимися въ мелкую листву колочками. Первый видъ былъ орнаментомъ греческаго искусства, второй видъ — римскаго, средневѣковаго и отчасти ближнеазиатскаго.

²) Alois Riegl, *Stilfragen*.

чужое искусство, разъ совершившійся, образуетъ тамъ тоже художественную традицію, а между тѣмъ это самое искусство въ свою очередь начинаетъ производить вліяніе и на другія, отъ которыхъ оно получило эту частичную форму. Скажемъ кратко: греко-римскій міръ излюбилъ аканѣ, какъ наиболѣе ясную, подвижную и всѣмъ понятную растительную форму, и черезъ посредство христіанскаго искусства, сложившагося на почвѣ греко-римскаго міра, листокъ аканѣа сталъ въ иконописи шаблономъ растенія, древесной вѣтки, листа, наконецъ, даже травы, и держится доселѣ настойчиво и повсюду, гдѣ существуетъ иконопись или ея традиціонныя формы.

Бетель. Уже въ египетскихъ тканяхъ, быть можетъ, даже происходящихъ изъ Антинои, если судить по одному замѣчанію Е. Гимэ¹, во всякомъ случаѣ въ тканяхъ александрійскихъ, а затѣмъ и въ персидскихъ встрѣчается пресловутый листъ или плодъ, специально относимый къ Индіи и получающій названіе или индускаго фікуса, или, даже, листа пальмы, или, наконецъ, *figus religiosa*. По установившемуся преданію, дерево, которому принадлежатъ эти листья, было любимымъ „древомъ самого Сакья-Муни“, который, подъ нимъ сидя, сталъ „Буддою“. Какъ извѣстно, этотъ стилизованный листъ сталъ почти необходимою деталіею персидскихъ ковровъ и индійскихъ шалей, въ маломъ или наоборотъ въ преувеличенно большомъ размѣрѣ, на всѣ лады разубранный внутри растительными орнаментами и формами. Какъ видно, однако, всѣ эти сопоставленія не дали опредѣленнаго указанія на реальную основу такого орнаментальнаго листа. Въ бесплодныхъ поискахъ какого-либо вида пальмы, на которомъ могли бы быть подобныя листья, я обратился за справкой къ индусу, доктору Оксфордскаго университета, Гасанъ-Шахидъ Сухраварди, который указалъ мнѣ на тождество этого листа съ извѣстнымъ растеніемъ вида перцовыхъ — бетелемъ.² Ниже будутъ представлены въ самихъ тканяхъ доказательства точности этого указанія, въ виду которыхъ необходимо припомнить здѣсь общеизвѣстныя свѣдѣнія объ этомъ характерномъ видѣ перца.

Бетель составляетъ видъ ліаны или остъ-индскаго кустарника, съ бороздчатыми вѣтвями, яйцевидными или даже сердцевидными листьями, длиною въ шесть дюймовъ, расширенными въ основаніи и сильно заостренными на верхушкѣ, темно-зеленаго цвѣта сверху, переходящаго въ желтый при сухости. Туземцы всей южной и центральной Азіи, Индіи и Индокитая жуютъ эти пряныя, немного горькія, но ароматичныя листья, завернувши въ нихъ кусочекъ плода арековой пальмы или, вообще, чего-либо вяжущаго. Кто можетъ, тотъ имѣетъ всегда при себѣ небольшой ящичекъ, съ отдѣленіями, въ которыхъ вложены запасы нарѣзанныхъ

¹) E. Guimet, Les portraits d'Antinoé au Musée Guimet, p. 17.

²) [Листья этого растенія были выписаны для Никодима Павловича изъ Индіи, но были уже послѣ его кончины.]

плодовъ, листья, насыпана известка, для того, чтобы отнять при первомъ раскусываніи ощущеніе кислоты. Бетель жуютъ послѣ приема пищи, и внутренность рта покрывается красно-коричневою размельченною замазкою или мастикою, которая имѣетъ характеръ сильно тоническій и при началѣ слегка опьяняетъ. Мاستика считается полезной для зубовъ, пищеваренія, подъема энергіи и т. п., и соблазняетъ не только китайцевъ, индусовъ и малайцевъ, но и европейцевъ тѣхъ мѣстностей.

Обращаясь къ свидѣтельству самихъ тканей, мы находимъ этотъ листъ, именно, на тканяхъ изъ Ахмима (рис. 89, 90), принадлежащихъ къ рязряду александрійскихъ тканей имени Захаріи и представляющихъ подобное огородное растеніе: въ Индіи почти у каждаго селянина имѣется особая небольшая плантація для его разведенія у себя при домѣ, почему и поставка на базаръ громаднаго количества листовъ бетеля составляетъ явленіе вполнѣ обычное. Ткань Ахмима (рис. 89), представляетъ подобный выходящій стебель, цѣпляющійся усиками, съ немногими крупными листьями, затѣмъ украшенный пальметкою, а верхъ кроною изъ пяти листьевъ или тоже пальметкою. Иногда на этомъ стеблѣ имѣется только два большихъ, выращенныхъ листа съ обѣихъ сторонъ, одна пальметка и двѣ вѣточки съ мелкими плодами (рис. 90).¹ Затѣмъ, уже этотъ листъ будетъ являться въ средѣ орнамента чисто египетскаго, причемъ имѣетъ форму обычную, но расцвѣченъ по сердцевиднымъ нервюрамъ листа, то зеленою то красною, то желтою краскою.² На барельефѣ Так-и-Бостана³ листъ производится совершенно во всѣхъ этихъ деталяхъ въ скульптурѣ и

Рис. 89. Ткань изъ Ахмима. Берлинъ.
Худ. Пром. Музей. (По Лессингу.)

¹) Фальке, рис. 40, 44.

²) Ib. рис. 95, 98, 116.

³) Ib. рис. 59, 60, 68.

расположенъ рядомъ со схемою персидской розы. Въ византійскихъ тканяхъ этотъ листъ остается неизвѣстнымъ или со временемъ исчезаетъ и забывается, и появляется уже въ тканяхъ сарацынскихъ, Индіи, почти повсемѣстно, а также Китая. Но одно изображеніе заставляетъ обратить на себя особое вниманіе, оно находится на такъ называемой ткани Діоскуровъ¹ (рис. 91), находящейся въ Маастрихтѣ, VI или, вѣрнѣе, VII вѣка.

Рис. 90. Ткань изъ Ахмима. Берлинъ.
Худ. Пром. Музей. (По Лессингу.)

перцовыхъ растений. Въ византійскихъ тканяхъ такіе листья исчезаютъ, повидимому, уже съ VIII—IX вѣковъ (если и были) и только разъ встрѣчается въ изданныхъ доселѣ памятникахъ VIII вѣка, какъ перенятая форма растенія,² и далѣе уже какъ орнаментальный листъ.³ Но листья и формы предполагаемаго бетеля заполняютъ орнаментальныя ткани Персіи и странъ Ислама въ IX—X стол., а затѣмъ въ подражательныхъ тканяхъ Китая, Египта и Италіи XIV стол.⁴

¹) Иб. рис. 77. Лессингъ, табл. 12 — представляетъ ясно упомянутые сосуды, которыхъ вовсе не видно на переснимкѣ въ книгѣ Фальке.

²) Иб. рис. 219.

³) Иб. рис. 257.

⁴) Фальке, рис. 283, 322, 324, 366.

5.

Обозрѣніе растительнаго орнамента слѣдуетъ закончить розою и лиліею; на долю ихъ выпало вниманіе культурнаго греко-римскаго міра, а характерная форма вызвала

рано опыты ихъ художественнаго воспроизведенія, если не въ реальномъ видѣ, то въ условной схемѣ. Начинать надо со стороны впечатлѣнія, которое произвели эти растенія, принесенныя въ Европу изъ Мидіи или Персіи. Первый терминъ „роза персика“, затѣмъ „роза галлика“ и „роза центуфолия“, т. е. болѣе чѣмъ махровая. „Роза“ и „лилія“ — слова иранскія: лилія — получилось изъ аллитерации „лириум“, а въ розѣ пропала дигамма, ибо древнѣйшее названіе было „вродон“. Любопытно, что имя „розы“, различныя выраженія, съ нею связанныя, извѣстны съ Гомеровской древности, но этотъ древнѣйшій міръ самой розы, повидимому, не зналъ, какъ не зналъ древній Египетъ, Греція, и возможна догадка, что роза была извѣстна лишь по слухамъ и по поставкѣ розоваго масла. Раньше это масло имѣло религиозное и обрядовое значеніе — боги мазали имъ трупы дорогихъ людей. Равнымъ образомъ, и медицина рано имъ воспользовалась — благоуханіе связано съ асептикой.

Иное дѣло, знакомство греко-римскаго міра съ розой, какъ съ растеніемъ: миѳъ о Корѣ и Деметрѣ рассказываетъ, что Кора на лугу рвала розы. Однако, въ Библии часто упоминаются розы, если только вѣренъ переводъ Библии. Геродотъ видѣлъ въ Вавилонѣ на различныхъ жезлахъ фигурки орла, яблока и изображеніе розы. Когда роза распространилась въ садахъ Греціи и Рима, то извѣстно, какія крайности роскоши были ею

Рис. 91. Ткань Діоскуровъ.
Маастрихтъ.

порождены. Во время имперіи полы устигались лепестками розъ, наби-вали ими матрацы, подушки. Извѣстный своею изнѣженностью Геліога-баль приказывалъ посыпать полъ на 1 футъ розами, также подобнымъ образомъ убирались пиршественныя залы. Въ это же время и поэзія обратила вниманіе на розы, и стала пользоваться ею при сравненіяхъ и поэтическихъ образахъ. Это распространеніе розы породило особый праздникъ „розарій“ (весеннее время его устанавливалось въ зависимости отъ времени цвѣтенія). Изъ „розалій“ произошли „русаліи“, откуда, ра-ботая по старымъ шаблонамъ, воображеніе разработало типъ „русалокъ“, какъ доказалъ Миклошичъ. О русалкѣ, какъ образѣ дѣвушки, скрывшейся и открывающейся, блаженной и несчастной, разработаны и легенды.

Важны и связанныя съ розою понятія, идущія съ дѣтства о связи цвѣ-товъ съ жизнью и со смертью, причѣмъ и то и другое постоянно соеди-нено. Въ Германіи¹ сохранилась даже пословица: heute rot, morgen todt. Цвѣтъ черный служитъ образомъ смерти, а красный — образомъ жизни, но также и смерти, а равно и образомъ пролитой крови. Роза была по-священа Адонису — умирающему и воскресающему. Въ этомъ соединеніи и заключается формация особаго вида чувствъ и мыслей, которыя харак-теризуютъ розу и которыя открыли въ ней магическую силу, благодаря чему съ цвѣткомъ и связанъ цѣлый рядъ формъ.

Лилія. Существенное обстоятельство — противоположеніе розы и лиліи. Лилія характеризуется терминомъ „бѣлая“, и въ отличіе отъ розы, какъ образа плотскаго, кроваваго, лилія становится образомъ невиннаго, неплотскаго, небеснаго, такъ сказать, противопоставляется розѣ въ художественныхъ и поэтическихъ образахъ. Одно — дитя зари, другое — неземное созданіе. Католическая церковь облюбовала розу еще въ древности, и монастыр-скіе сады возвращали ее предпочтительно. Правда, отъ магической силы церковь перенесла розу, какъ „розу мистическую“, и создала даже осо-бый обрядъ на 4-ое воскресенье поста, когда папа освящаетъ „священ-ную розу“, сдѣланную изъ золота, для подарка тому, кто наиболѣе по-служилъ христіанской церкви.

Точно также, очень рано лилія стала образомъ религіознымъ, но съ тою разницею, что существуетъ два вида лилій: одна съ бѣлымъ цвѣт-комъ, а другая съ краснымъ; первая и есть собственно лилія, а вторая „кринъ“ — сельская полевая лилія, растущая въ Сиріи повсюду и при сильномъ дождѣ плодящая красную почку среди двухъ листьевъ, опу-скающихся внизъ. Эта полевая лилія была очень облюбована въ грече-ской литературѣ, и именно она стала основаніемъ лиліи геральдической, которая въ средніе вѣка называлась „флёръ-де-лисъ“.

¹) F. Duhn, Rot und Todt. Archiv für Religionwiss., IX, 1906. Припомнимъ магическую силу, приписывавшуюся красной подстилкѣ въ могилахъ кочевниковъ, краснымъ сарко-фагамъ и доскамъ Іоніи и Греціи, уподобленіе крови Адониса умирающаго и пр. Красныя похоронныя мантии и покровы и т. д.

Въ орнаментѣ роза и лилія были приняты издревле, и даже была создана Розетка. особая фигура для обозначенія розы, но, правда, безъ реального сходства съ нею. Это розетка, которая, однако, вовсе не отвѣчаетъ характеру по-строенія розы; роза состоитъ изъ многихъ рядовъ лепестковъ, а въ розеткѣ рисунокъ передаетъ условную форму звѣзды, передѣланную въ раститель-ную форму съ центральнымъ кругомъ внутри. Близкое къ реальности изо-браженіе розы на одеждѣ Хозроя — рельефъ Так-и-Бостана — это махровая роза, но отступающая отъ реальности тѣмъ, что лепестки ея не протянуты вглубь до конца. Любопытна китайская ткань, воспроизводящая схему розы, переданную довольно реально, только лепестки исполнены раздѣльно. На-конецъ „мистическая роза“ въ колоссальномъ кругломъ окнѣ фасада ро-манскихъ и готическихъ церквей, освѣщающая средней нефъ, заполнялась преимущественно подборомъ золотистыхъ, розовыхъ и красныхъ цвѣтовъ.

Обычно о розѣ выражаются такъ, что она относится къ красному цвѣту, что является грубой ошибкой — роза никогда не имѣетъ чистаго, алаго цвѣта. Розѣ свойственны три цвѣта: бѣлый, розовый и желтый, и всѣ эти три цвѣта достигнуты и воспитаны въ Персіи. И доселѣ ей принадлежит первенство по воспитанію розъ, и тамъ до сихъ поръ плодятся новыя формы. Розовый оттѣнокъ, очевидно, имѣлъ большое значеніе изъ-за его легкости для глаза, и въ этомъ смыслѣ господство розоваго и темно-краснаго въ сте-клахъ романскихъ и готическихъ церквей, по любопытной догадкѣ Эмиля Маля,¹ является подраженіемъ восточнымъ тканямъ, которыми эти церкви завѣшивались и разубирались.

6.

Переходимъ къ послѣднему отдѣлу темъ разбираемыхъ тканей — „звѣ- „Звѣриные“
риному“ отдѣлу, который неправильно принято называть „звѣринымъ сти- сюжеты.
лемъ“; стилия въ данномъ случаѣ нѣтъ. Выраженіе „звѣриный стиль“ можетъ быть прилагаемо только, когда звѣри образуютъ орнаментальную форму, оживляютъ орнаментъ, сливаются съ орнаментомъ геометрическимъ или растительнымъ. Въ тканяхъ звѣри, животныя и птицы составляютъ только сюжетъ и получаютъ характеръ сцены, темы. Зачастую встрѣчаются изо-браженія охоты на звѣрей, но представлены они попарно, какъ бы въ ор-наментальной формѣ — пара животныхъ, звѣрей, птицъ по сторонамъ „свя-щеннаго древа“ составляютъ сакральную тему, но тоже не составляютъ стилия, хотя указываютъ, что звѣри, животныя и птицы имѣютъ сакральный характеръ въ тканяхъ. Въ послѣднее время развилась полемика противъ установившагося издавна символическаго толкованія звѣриныхъ и птичьихъ темъ въ тканяхъ, причѣмъ раньше въ этомъ отдѣлѣ работали любители, по преимуществу, изъ духовныхъ лицъ Запада, и установилось общее понятіе о господствѣ символическаго элемента въ этихъ условно понимаемыхъ изо-

¹) E. Mâle L'art religieux du XIIe s. en France. 1922. p. 345.

браженіяхъ. Отчасти раньше считали, что все древне-христіанское искусство было создано на почвѣ символизаціи — на сокромъ смыслѣ темъ, въ родѣ двухъ голубей по сторонамъ вазы съ водой и т. п. Въ древне-христіанскомъ искусствѣ былъ подборъ символизированныхъ, но образныхъ и иносказательныхъ или аллегорическихъ темъ, и эти символы шли съ Сирійскаго Востока, гдѣ была почва для мышленія, привычнаго къ діалектической игрѣ. Въ настоящее время мы, однако, знаемъ, что нельзя распространять это явленіе на всю область древне-христіанскаго искусства. Тѣмъ менѣе можно обобщать его въ тканяхъ, но такъ какъ они считались долгое время единственно достойной оболочкой для храненія мощей и святыхъ, приносимыхъ изъ Святой Земли, то имъ стали придавать символическое значеніе. Къ тому же былъ и наклоненъ Физиологъ, который на почвѣ легендъ и басенъ, и сказочныхъ описаній неизвѣстныхъ древнему міру звѣрей и животныхъ выработалъ на этой основѣ особыя символическія толкованія такого рода изображеній, причемъ чуть не каждое животное или звѣрь получало черезъ христіанскіе образы символическую окраску. Но толкованія Физиологовъ и позднѣе Бестіаріевъ къ данному отдѣлу тканей никакого отношенія не имѣютъ. Духовные ученые увлеклись и занимались много надъ этимъ вопросомъ съ половины XIX вѣка (Кайэ и Мартэнъ издали сочиненіе ради объясненія подъ внѣшней оболочкой скрытаго смысла). Капитальное сочиненіе Эмиля Маля — „Религіозное искусство въ XII вѣкѣ во Франціи“ въ противность этому направленію изслѣдованій указываетъ принципъ, исключая изъ тканей символическій смыслъ, а равно всякій сокромъ смыслъ изъ всѣхъ послѣдующихъ изображеній птицъ, звѣрей, монстровъ на барельефахъ, въ рукописяхъ и позднѣйшихъ тканяхъ, начиная съ XI—XII—XIII, а въ Восточной Европѣ и въ XIV в. в. Правда, основаніе для такого утвержденія опредѣленно есть, и вѣрно, что ткани имѣли исключительное значеніе декоративныхъ предметовъ, но нельзя принять и того, что всѣ темы декоративнаго рода, и считать, что все, доселѣ писанное въ символическомъ смыслѣ, не имѣетъ научнаго значенія. На самомъ дѣлѣ, въ тканяхъ еще имѣется понятный для той эпохи магическій смыслъ нѣкоторыхъ изображеній. Объ этомъ придется говорить въ звѣриномъ отдѣлѣ. Изображенія звѣрей и животныхъ, какъ темы и сюжеты, появляются не сразу, но вмѣстѣ съ восточными тканями, прибывшими на почву греко-римскаго міра. Въ раннихъ египетскихъ тканяхъ есть изображенія животныхъ и звѣрей, но они даны въ игрушечномъ эллинистическомъ стилѣ и имѣютъ исключительно декоративное значеніе. Мы видимъ тамъ разводы лозы, окаймляющей цирковыя темы, а внутри спиралей фигурки звѣрей, птицъ, зайцевъ, оленей, маленькихъ львовъ и гиппокамповъ (передняя половина льва и рыбіи закрученный хвостъ). Всѣ эти изображенія помѣщены вмѣсто плодовъ, гроздей, и не составляютъ сюжета (рис. 88).

Но въ тканяхъ, приходящихъ съ Востока, появляются большія фигуры звѣрей — львовъ, слоновъ, коней, быковъ, каменныхъ козловъ. Восточныя

ткани вызывали въ мастерскихъ Египта, особенно Александріи, имитаціи за болѣе дешевую цѣну съ туземною орнаментикою. Изображена охота сасанидскаго царя, но кругъ, ее обходящій, орнаментированъ египетскою флорою, лотосами, розеткою формы эллиптической, а не круглой.

Въ настоящее время въ археологіи столкнулись два взгляда: одинъ исходитъ отъ классической археологіи, а другой отъ средневѣковой археологіи общаго европейскаго искусства. Первый принимаетъ какъ фактъ объединеніе искусства, совершившееся въ греко-римскомъ мірѣ, благодаря римской имперіи. Другой взглядъ отстаиваетъ для среднихъ вѣковъ, какъ основы новаго времени, значеніе Востока, какъ центра, изъ котораго исходило крупное и систематическое вліяніе на Европу, начиная съ эпохи переселенія народовъ. На разборѣ тканей сталкиваются эти два взгляда и сосредотачиваются на научномъ анализѣ темъ звѣринаго отдѣла тканей. И установить точку зрѣнія требуется раньше, нежели начать объ этомъ разсужденіе.

Въ обобщеніяхъ классической археологіи есть слабый пунктъ, который не разрѣшается ни „классиками“, ни борющимися съ ними защитниками восточнаго вопроса. Восточному вопросу всюду несчастливится въ Европѣ, и ея историческая наука мало заботится о томъ, чтобы оцѣнить и понять отношеніе и значеніе сосѣдняго съ Европой Востока. Но также вѣрно и то, что значеніе восточнаго вопроса колоссально для Европы, и нельзя забывать, что одна часть древняго греко-римскаго міра доселѣ живетъ подъ давленіемъ Востока. Слабое мѣсто въ археологіи въ трудности вопроса: насколько Египетъ и Сирія принадлежали къ греко-римскому міру? Египетъ оставался всегда греко-римскому міру мало извѣстенъ. Между тѣмъ Египетъ и Сирія въ настоящее время введены въ классическую археологію; миѣологическій матеріалъ нынѣ научно строится на общемъ сводѣ Египта, Сиріи, Месопотаміи. Египетъ эллинистической эпохи какъ будто живетъ въ связи съ греко-римскимъ міромъ, и если разсматривать ткани, то IV вѣкѣ будетъ въ нихъ представленъ чисто эллинистическимъ стилемъ. Но въ V вѣкѣ появляются элементы, чуждые эллинизму и занесенные персидскими или китайскими тканями. Египетъ въ народной массѣ рѣшился, при вторженіи Ислама, встать на его сторону и отдѣлиться отъ Византіи. Подобное внутреннее рѣшеніе имѣло различныя причины экономическія и религіозныя: Копты удержали монофизитство, когда страна ихъ была совершенно отдѣлена. Наконецъ, въ Египтѣ обнаружилось особое туземное искусство съ возвращеніемъ къ старымъ темамъ. Такой отрѣзанный кустарный характеръ искусства показываетъ, что Египетъ никогда не примыкалъ цѣликомъ къ греко-римскому міру, и самостоятельность его культуры выступаетъ весьма ярко сама по себѣ и по ея распространенію на Западъ.

Слѣдуетъ остановиться на общемъ вопросѣ вторженія тканей въ среду эллинистическаго искусства, вторженія, обусловленнаго отчасти начавшимся

Общая постановка вопроса.

ясно разложением эллинистического стиля, а вмѣстѣ съ нимъ и эллинистической культуры. Отчасти это явление, какъ вполнѣ послѣдовательное, вовсе не можетъ называться вторженіемъ; сначала, повидимому, это было скорѣе медленное просачиваніе въ эллинистическую высоко образцовую среду, сопровождавшееся движеніемъ на Западъ, варварской среды азіатскаго Востока, представленной кочевниками. Движеніе кочевниковъ не было одиноко; оно сопровождалось восточной діаспорой, притомъ не только сирійской, но и средне-азіатской — торговцевъ и всякаго рода купцовъ, приносившихъ съ собою неизвѣстные еще плоды восточной культуры. Таковы были ткани, притомъ исключительно шелковыя, которыя слѣдуетъ разсматривать, какъ новый элементъ роскоши, введенный уже въ слабую и начавшую разлагаться греко-римскую среду.

На тканяхъ сначала идутъ ряды вышивокъ тончайшими шелковыми нитями, привезенными изъ Китая, по пурпурной шерсти, нашитой въ опредѣленномъ орнаментѣ на льняныхъ одеждахъ. Эти вышивки исключительно геометрической формации и важны, какъ основа всѣхъ вышивокъ, „вошвъ“ народного орнамента Европы. За ними слѣдуютъ шелковыя ткани безъ вышивокъ, того же геометрическаго стиля — эллинистической формации, но въ новомъ пошибѣ крупныхъ мануфактуръ Александріи и Антиохіи. Эти образчики вновь будутъ повторяться черезъ извѣстные

промежутки, когда обычныя мастерскія будутъ переходить къ крупной фабрикаціи, причемъ производства александрійской мануфактуры составятъ вторую полосу съ константинопольскими, византійскими издѣліями, которыя образуютъ изъ себя третью полосу.

Геометрический стиль смѣнится растительнымъ орнаментомъ, на тканяхъ дастъ исключительно мелкую листву, и она обычно располагается въ разныхъ трельяжахъ, въ косыхъ рѣшеткахъ, причемъ внутри образующихся четырехугольниковъ или ромбовъ помѣщается одинъ листокъ или цвѣтокъ.

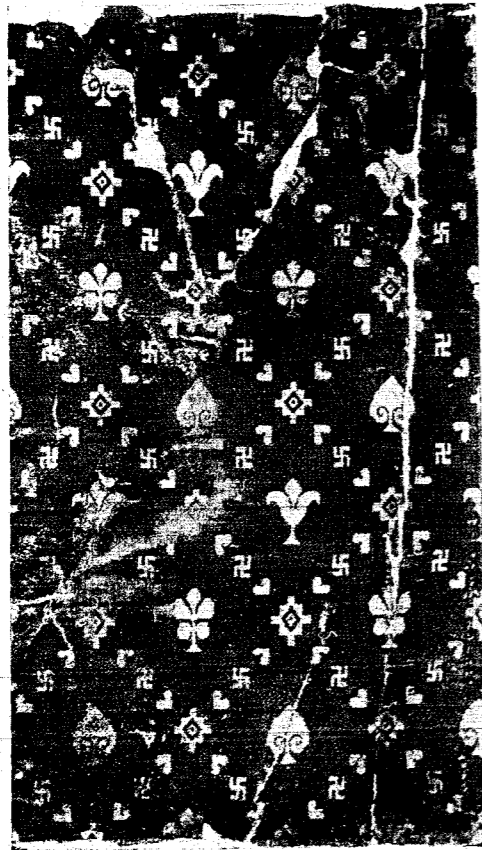

Рис. 92. Ткань изъ Египта. Берлинъ.
Худ. Пром. Музей.

Форма очень скромная, но получившая въ орнаментикѣ наиболѣе обильное распространение; это то самое, что у насъ принято было называть въ старину „травы“, и мелкіе ситцы усвоили себѣ этотъ травный орнаментъ шелковыхъ матерій. Онъ будетъ появляться въ исторіи орнамента периодически, въ зависимости отъ культурныхъ образчиковъ. Далѣе слѣдуетъ полоса тканей съ изображеніями звѣрьковъ, малыхъ животныхъ и птицъ наряду съ травными рисунками. Птица появляется такъ часто, что становится ясно ея соотношеніе съ самими тканями, и, дѣйствительно, подобныя

Павлины.

ткани служатъ исключительно для одеждъ. Растительный орнаментъ окружаетъ фигуры птицъ, и ткани, сохранившіяся, по преимуществу, на почвѣ Египта, воспроизводятъ его туземную фауну; попадаются ибисы, маленькія зебры въ кругахъ, но будутъ, однако, и павлины, какъ заносный восточный элементъ. Павлинъ былъ культивированъ въ древне-греко-римскомъ мірѣ въ изобиліи, какого теперь міръ Европы совсѣмъ не знаетъ. Мода имѣть павлина къ обѣду стала страстью; Цицеронъ, будучи состоятельнымъ человѣкомъ, но не богатымъ, объявилъ, задавая обѣдъ, что рѣшилъ устроить пиръ безъ павлина. Надо замѣтить, что его

Рис. 93. Ткань въ Музеѣ Cluny. Парижъ.

подавали жаренымъ на блюдѣ, но украшеннаго хвостомъ. Чтобы удовлетворить модѣ, павлиновъ держали на мелкихъ и пустынныхъ островахъ, гдѣ ихъ разводили особые промышленники, которые ими и торговали. Затѣмъ въ этой средѣ появляется, какъ подражаніе, и восточная фауна — горные козлы, аргалы, горбатые быки Индіи, но важно констатировать, что первое время не будетъ хищныхъ звѣрей, на которыхъ придется остановиться послѣ. За этой полосой еще эллинистическаго искусства, принадлежащаго греко-римскому міру, появится новая полоса, а именно въ началѣ VI вѣка, когда будетъ оканчиваться культура греко-римскаго міра. Въ VI вѣкѣ появляется рядъ одеждъ и тканей иного строенія, въ которыхъ животнымъ и птицамъ будетъ отведено уже главное мѣсто — эти

изображенія будутъ сюжетомъ, а листва заключена въ орнаментальныхъ кругахъ или рамкахъ, которыя будутъ окружать повторяющихся животныхъ, причемъ животное будетъ взято съ Востока, а кругъ или листва туземная, что и будетъ служить доказательствомъ того, что это издѣлія египетской мануфактуры, такъ какъ нельзя предположить, чтобы въ Персіи стали работать съ чуждой имъ египетской орнаментаціей. Интересно установить какія темы будутъ преобладать? Сначала, соотвѣтственно установившимся вкусамъ греко-римскаго міра, будетъ преобладать „охота на звѣрей“: львовъ, пантеръ, и они будутъ представлены въ цирковой по-

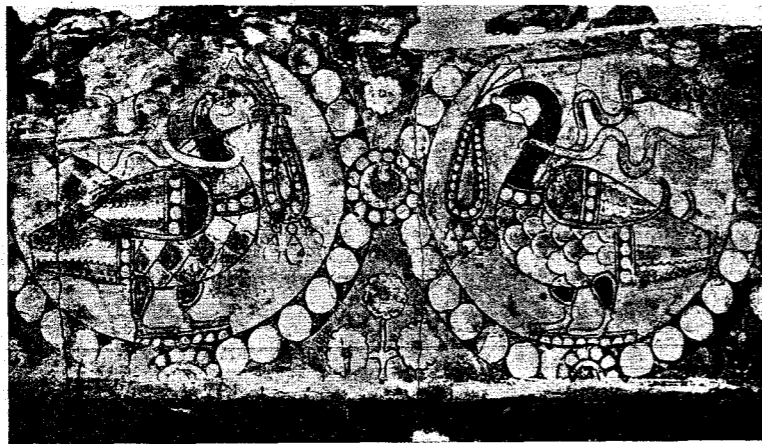

Рис. 94. Фреска, передающая рисунокъ ткани, изъ Кизила (ок. Кучи). Этнографическій Музей въ Берлинѣ.

казной манерѣ, хотя бы дѣятелями показного типа были цари настоящіе или иные, предъидущей эпохи — сказочные, о которыхъ шли легенды. Но, наряду, съ VI вѣка появляются ткани чисто персидскія; онѣ представляютъ расположеніе сюжета по полосамъ или въ кругахъ (употреблялись такого рода ткани на завѣсы, на кафтаны или мантии), причемъ въ рисунокѣ будутъ преобладать утки, по преимуществу, идущія, плывущія, стоящія съ вѣткою во рту. Особого вида пристрастіе персидскаго быта къ уткамъ сказывалось именно въ этомъ, и, возможно, поэтому утки рано стали домашнею птицею у славянъ, у которыхъ имя утки повторяется во всѣхъ языкахъ. Пѣтухи также становятся обычнымъ изображеніемъ на тканяхъ, причемъ самой разнообразной фактуры, времени и мѣстѣ. Львы появляются впервые въ геральдической позѣ, покойно стоящаго льва, съ головою обернутою на подходящаго человѣка. Прототипомъ для нихъ были изображенія львовъ на всѣхъ восточныхъ дворцахъ, начиная съ древняго Вавилона, новаго Вавилона, Ассиріи, Сузъ, Персіи,

Утки.

Львы.

въ видѣ львовъ, идущихъ церемоніально вокругъ стѣнъ главнаго портика, или даже всей дворцовой стѣны. Это будетъ усвоено въ свое время, не ранѣе IX вѣка въ Византіи. Всѣ ткани со львами чисто восточной работы, на примѣръ, ткань VIII вѣка: на красномъ фонѣ зеленый левъ (ради чисто декоративнаго эффекта были примѣнены дополнительные цвѣта). Здѣсь же начнутся и церемоніальныя и геральдическія изображенія царской охоты на льва и появленіе, пока одиночнаго, экземпляра изображе-

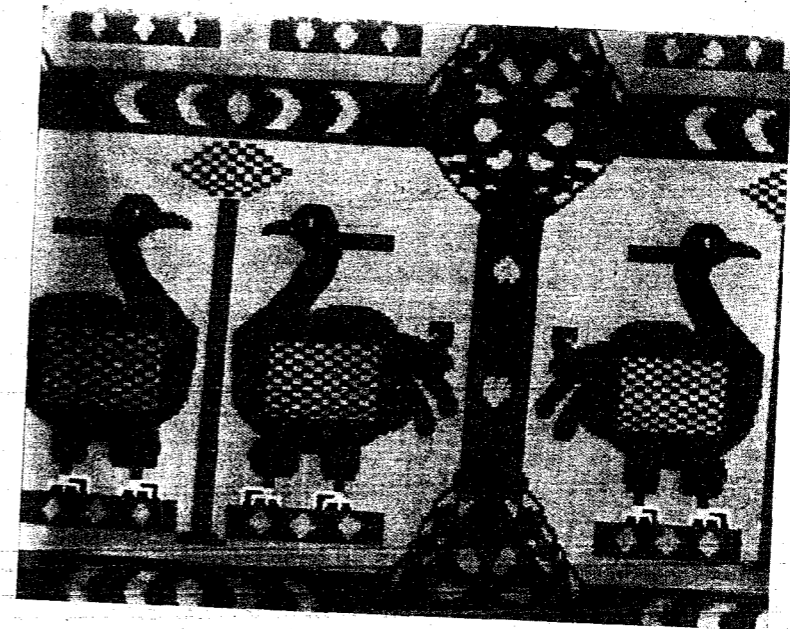

Рис. 95. Персидская ткань (библиотека въ Wolfenbüttel).

нія тигра, и считать, какъ это дѣлаетъ Фальке, эту ткань византійской нельзя, но персидскою, исполненною по особому заказу. Тогда же появляется и привилегированный сюжетъ — слоны. Эти ткани не могли служить для одеждъ — это были исключительно завѣсы, декоративные пологи, покровы, которые, затѣмъ, стали разнообразиться до чрезвычайности по своему назначенію. Разно начали эти завѣсы готовить, но преимущественно изъ крѣпкихъ, тяжелыхъ и плотныхъ тканей, такъ какъ такія ткани даютъ показныя складки, и онѣ служили завѣсами для дворцовыхъ залъ, для украшенія пространства между колоннъ, для пиршественныхъ залъ, а также и храмовъ. Начиная съ IX столѣтія, такого рода производство устанавливается въ Византіи, причемъ сюжеты настойчиво набираются изъ всѣхъ видовъ восточныхъ тканей; все, что дѣлалось по этой части въ Персіи, переходитъ въ Византію, а оттуда распростра-

няется на Западъ. На Западѣ очень цѣнили подарки изъ византійскихъ тканей, что явствуетъ изъ старыхъ записей „Книги папъ“ — *Libre Pontificalis*; ткани начали получать въ VI вѣкѣ, присылки уменьшились во время иконоборства, но возобновляются въ IX вѣкѣ, что и оказало рѣшающее вліяніе на первые художественные вкусы Европы, такъ какъ это была своего рода пересылочная галерея картинъ.

Объ изобилии подобныхъ тканей въ византійскомъ дворцѣ засвидѣтельствовалъ въ своей книгѣ Константинъ Порфирородный, повѣствуя, что они вѣшались сотнями во всѣхъ дворцахъ при пріемахъ, и вмѣстѣ съ серебромъ и эмалевой посудой составляли главное зрѣлище, и чтобы увеличить ихъ ассортиментъ, подбирались изъ разныхъ церквей завѣсы, причемъ различія между сюжетами церковными и свѣтскими не было, ибо брали ткани изъ наиболѣе чтимыхъ церквей, затканная грифами и львами. Очень важно по существу отмѣтить, какое значеніе получили всѣ эти изображенія на тканяхъ. Явно, что прежнія усилія символизировать ткани, дабы связать ихъ съ обстоятельствомъ, что на ракахъ отрывали пологи съ изображеніями грифовъ, львовъ, слоновъ, и пользование указаніями физиолога, по которому, напримѣръ, левъ или слонъ имѣетъ моральныя черты и обычаи и можетъ быть сближенъ по нимъ съ міромъ духовнымъ и съ христіанствомъ, являются въ данной средѣ неумѣстными и должны быть считаемы ошибочными. Физиологи имѣли значеніе въ искусствѣ конца XI—XII—XIII вѣковъ, а у насъ и въ XIV вѣкѣ, гдѣ темы имѣютъ свой особый смыслъ и должны быть толкуемы иначе, чѣмъ изображенія IX вѣка, каковыя слѣдуетъ считать изображеніями бытовыми, политическими въ общемъ смыслѣ. Первая тема государственнаго толкованія были львы — образъ силы и могущества. Персы побѣждали львовъ и побѣду надъ ними выбрали эмблемою государства, умиротвореннаго, успокоеннаго, выше кочевниковъ. Тема со слонами интересна не только по исключительной рѣдкости, но имѣетъ значеніе овладѣнія сѣверной Индіи Исламомъ, чему служитъ доказательствомъ ткань, гдѣ грифъ терзаетъ слоненка, небольшого слона. Претензіи на всемірное владычество не покидали ни одного вида имперіи, а Персія была азіатскою имперією, какъ, равнымъ образомъ, и Византія.

Въ этомъ геральдическомъ смыслѣ и должно толковать сюжеты. Но ткани имѣли особое общерелигиозное значеніе, тогда какъ представляемые сюжеты были вовсе не церковные, но сохраняли значеніе искусства, данное еще древнимъ міромъ — магическое.

Существенный вопросъ, который поднимается при художественномъ явленіи, исходящемъ съ Востока, какъ въ данномъ случаѣ ткани, религиозный смыслъ и назначеніе этого произведенія искусства, и недаромъ уже въ XIII вѣкѣ придворные пѣвцы, видя во дворцахъ и церквахъ, какъ главное украшеніе, восточныя, пышныя, шелковыя фигурныя ткани, въ своихъ пѣсняхъ оставили упоминаніе, что ткани эти держатъ въ себѣ

Геральдическое
значеніе сюже-
товъ.

Магическое
значеніе
сюжетовъ.

магическую силу. Такъ просто выражались въ средніе вѣка, но эти слова были ближе исторической реальности, чѣмъ опредѣленія темъ учеными. Такъ, напримѣръ, издатель тканей Фальке, занятый популяризациею этого рода художественнаго мастерства, совершенно отрицаетъ религиозный смыслъ въ изображеніяхъ, и принимаетъ съ древности повторяющееся изображеніе крылатога коня (обозначенъ персидскимъ мастеромъ намѣренно царственными лентами, которыми онъ охваченъ или отмѣченъ)¹ за изображеніе эллинистическаго Пегаса, и мы должны видѣть въ ткани съ Пегасомъ эмблему, тему для любителей поэзіи и литературы. Между тѣмъ, волшебный конь встрѣчается въ надгробныхъ памятникахъ среднеазіатскаго Востока и затѣмъ воспроизводится въ религиозныхъ листкахъ и магическихъ записяхъ въ Тибетѣ, Центральной Азіи и въ Китаѣ. Правда, характеристику крылатога коня намъ пришлось бы черпать изъ позднихъ восточныхъ источниковъ, но и поздніе образы ведутъ свое начало изъ древности.

Изображеніе пѣтуха на восточныхъ тканяхъ разсѣяно отъ Египта, начиная, приблизительно, съ V-го вѣка, въ средѣ эллинистическаго орнамента, черезъ Персію до Китая, причемъ въ китайскихъ тканяхъ соединена византійская орнаментика съ крайне-восточною, что, какъ будто, указываетъ, что изображеніе пѣтуха имѣло и тамъ свое мѣсто. На дѣлѣ, въ византійскихъ тканяхъ IX—X вѣка пока это изображеніе отсутствуетъ.

Исторія пѣтуха и куръ имѣетъ существенное значеніе въ исторіи европейской культуры по разнообразнымъ сторонамъ. Пѣтухъ происходитъ изъ Индіи, принадлежитъ къ обширной породѣ куриного семейства и близокъ къ видамъ — куропатки, цесарки, фазана. Фазанъ — одна изъ самыхъ красивыхъ породъ, по длинѣ и красотѣ оперенія длиннаго хвоста. Фазанъ имѣетъ родину на рѣкѣ Фазисъ, въ Колхидѣ и побережьи Каспійскаго моря. Его изображеніе встрѣтимъ на александрійскихъ тканяхъ и въ византійскихъ миниатюрахъ. Принимая во вниманіе неоспоримую пользу куриной породы, удивительны медленность ея распространенія и рядъ препятствій, встрѣченный при домашнемъ использованіи. Семейство „галинацей“ пришло въ Европу черезъ Персію, и первая его культура сформировалась на религиозной почвѣ, какъ, можетъ быть, и прочихъ домашнихъ птицъ. Сперва было усмотрѣно отношеніе пѣтуха къ народнымъ вѣрованіямъ и на этой почвѣ послѣдовало его прирученіе черезъ посредство храма. Пѣтухъ именно въ Персіи сталъ священной птицей солнечнаго божества. До сихъ поръ извѣстно существованіе блага пѣтуха, весьма распространеннаго въ древности, какъ предмета почитанія, сначала, какъ воплощеніе солнечнаго божества,

¹) На сассанидской ткани, найденной въ Антиноѣ, по рис. въ изд. E. Guimet, *Les portraits d'Antinoé* табл. V, кромѣ лентъ, на головѣ коня челка, составленная изъ рога луны и въ срединѣ его — розетки солнечнаго диска (Фальке, ib. рис. 49). Въ изданіи Фальке то же повторяется на ткани рис. 48.

Крылатый
конь.

Пѣтухъ.

а затѣмъ, какъ слуги и земного его представителя.¹ Онъ одновременно священъ солнцу и миѳическому стражу, при этомъ поминаются два имени „Сраоша“ и „Хорса“. Такого рода миѳическое, смутное представленіе зависитъ отъ чрезвычайно сложной системы миѳического представленія солнца.

Рис. 96. Ткань Латеранской сокровищницы.

Существовало въ этомъ представленіи два солнца: дневное и подземное. Солнце при восхожденіи встрѣчается утреннею зарею огнемъ и провожается зарею вечернею, также огнемъ, при чемъ оно умираетъ и становится темнымъ, невидимымъ. Отсюда происходитъ почитаніе блага и

¹) Въ основу всего обзора символики пѣтуха взято, кромѣ известнаго сочиненія V. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere 1870, p. 225, 238, также: Th. Hopfner. Griechisch. Ägyptische Offenbarungs-Zauber, I, 1921, литогр. изд. въ Studien Zur. Paläographie und Papyrus-Kunde v. C. Wessely, Bd. 21.

чернаго пѣтуха, съ красновато-оранжевымъ опереніемъ на крыльяхъ и хвостѣ. Двойное отношеніе — солнца къ свѣтлымъ божествамъ, а съ другой стороны къ хтоническимъ божествамъ, но благодѣтельнымъ, а не демоническимъ. Персія сама представляла собою тоже двойное формирование по отношенію къ Индіи; она была военной дружиной, которая формировала государство военного характера, но и принимала въ себя культурное содержаніе, которое было выработано Индіей. Въ двойномъ значеніи появился пѣтухъ, какъ священная птица, и въ Греціи, во времена персидскихъ войнъ или незадолго до нихъ, когда уже Персія задумала завоеваніе Запада и распространяла свои связи съ Іоніей. Въ Греціи пѣтухъ получилъ имя — ἤλεκτρον, а позднѣе ἄλεκτορ, какъ названъ былъ „блестящій“, сверкающій бѣлый пѣтухъ, и который именно былъ посвященъ небесному солнечному божеству. Гера Самосская имѣла своимъ атрибутомъ пѣтуха. Ничего не слышно о появленіи куръ, и между тѣмъ пѣтухъ пронесенъ блуждающими народностями Кельтовъ и появляется во Франціи и въ Бретани, гдѣ и становится священной птицей, но не употребляется въ пищу — становится табу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тотемомъ — покровителемъ Галловъ (соq gaulois). Наряду со священнымъ значеніемъ проникали куры, какъ домашняя птица, которая предпочтительно выбиралась изъ всего этого семейства „галинацеевъ“, хотя, на примѣръ, въ Византіи знали и держали куропатокъ и цесарокъ, и цесарки изображались наряду съ излюбленными птицами, какъ голуби.

Славяне получили семейство куръ, какъ домашнюю птицу, и различили двумя словами: пѣтухъ — пѣтель, эпитетъ по его утреннему крику, и куры — персидское названіе — „хурош“. Германцы имѣютъ для ихъ обозначенія — Hahn и Henne; французы — соq, который существуетъ у финновъ „кукко“. Другіе народы дали имъ названіе отъ инога корня — „коркаш“, „карк“. Крикъ пѣтушій и сталъ главнымъ признакомъ птицы, въ силу глупо заложенаго народнаго вѣрованія въ магическую силу пѣтушьяго крика. Раньше о немъ говорилось, какъ объ опредѣленномъ вѣрованіи, а позднѣе, какъ о суевѣрїи. Епископъ Вормскій въ XIII столѣтіи опубликовалъ воззваніе, приглашая наблюдать порядокъ, не появляться на улицахъ вплоть до того времени, когда состоится крикъ пѣтуха, ибо въ остальное время и улицы городскія и жилища наполнены „нечистыми духами“. Пѣтушиный крикъ прогоняетъ злыхъ духовъ и демоновъ въ ихъ трущобы, ибо это есть крикъ сильнаго слуги солнечнаго, свѣтлаго божества. Это вѣрованіе прошло по всей Европѣ, но связано тѣснѣйшимъ образомъ съ Востокомъ. Далѣе, любопытно, что всѣмъ славянскимъ и германскимъ народамъ извѣстно водруженіе краснаго пѣтуха на крышѣ, изъ-за чего, по рефлексу, и возникла пословица — „пустить краснаго пѣтуха“, т. е. пожаръ. Отсюда стали пѣтуховъ дѣлать на высокихъ башняхъ и поясняли, что оно имѣетъ значеніе магическаго громоотвода.

Это вѣрованіе поясняетъ и то, что пѣтухъ сталъ священнымъ при цѣ-

ломъ рядѣ обрядовъ — при погребеніи и рожденіи, и свадьбѣ. Въ 971 году при Доростолѣ Руссы приносили въ жертву пѣтуховъ, бросая ихъ въ Дунай. Извѣстный путешественникъ Ибрагимъ-ибн-Фодланъ рассказываетъ, что у Руссовъ видѣлъ обрядъ принесенія въ жертву пѣтуховъ при погребеніи витязя.

Интересно установить, какое значеніе имѣли изображенія ихъ на завѣсахъ — одна изъ нихъ представляетъ только головки пѣтуховъ, выгля-

Рис. 97. Ткань изъ Антинои. Музей Guimet въ Парижѣ.

дывающія изъ особыхъ консолей, реально воспроизводящихъ уборъ стѣны (рис. 97). Это ткань столовыхъ залъ съ темою для ночныхъ пировъ, назначенною напомнить и путемъ изображеній оказывать силу на успокоеніе пирующихъ крикомъ вѣщей птицы, тѣмъ крикомъ, который раздается вдругъ, когда еще бываетъ мракъ, и призываетъ зарю и гонитъ мракъ и его страхи. Пѣтухъ-вѣщунъ, и въ этомъ смыслѣ вѣщуна и появляется новая формація на основѣ мантики — науки предвѣщаній. Въ силу этого въ концѣ римской республики установился обычай, перенятый отъ варварскихъ народовъ, возить за собою пѣтуховъ, взятыхъ изъ храмовыхъ птичниковъ, на войну и испытывать передъ битвою силу ихъ предвѣщанія по веселому крику, или клеванію, угадывая, начинать ли битву — объ этомъ говорятъ какъ объ обычаѣ или

обрядѣ, который покрывалъ всѣ, самые рачительные расчеты военачальниковъ.

Даже на изображенія львовъ нельзя смотрѣть, какъ только на декоративные образы — силы, мощи, памятуя, что левъ былъ священное животное Митры, и самъ левъ есть Митра, поражающій быка, и что, слѣдовательно, левъ, какъ и пѣтухъ, есть солнечное животное.

Общій характеръ сюжетовъ. Кратко говоря, можно согласиться и съ тѣмъ общимъ выводомъ въ исторіи фигурныхъ тканей средневѣковой древности, что ими руководила въ темахъ и художественныхъ формахъ Персія и Средняя Азія. Правда,¹

¹) Фальке, ib. т. I., 30.

однако, что это руководство и давленіе Востока происходило вовсе не отъ того только обстоятельства, что Персія руководила торговлею шелковыми матеріями и даже китайскою пряжею, но прежде всего отъ того, что главными покупателями восточныхъ фигурныхъ тканей были не Греки, но варвары. Именно они настолько сроднились съ древне-восточными темами охотъ, борьбы звѣрей и со звѣрями, монстрами и фантастическими формами животного и растительнаго міра, эмблематическою симметриею построеній, религіозными талисманами и оберегами азіатской старины, что нуждались въ нихъ и даже въ нѣдрахъ Европы продолжали нуждаться въ восточныхъ тканяхъ. Конечно, сасанидская Персія стояла по искусству и художественной промышленности ниже современной Византіи, но эта Византія копировала невѣроятныя формы персидскихъ львовъ, драконовъ, и грифовъ также ради сохраненія варварскаго рынка и поэтому варваризовала свою промышленность.

Важнѣйшее обстоятельство, которое мы должны имѣть въ виду по вопросу о звѣриномъ стилѣ, сила подражанія въ дѣлѣ культуры и вмѣстѣ обязательность этого подражанія. Мы слышимъ рядъ всякихъ историческихъ свидѣтельствъ о враждебномъ отношеніи народовъ и владыкъ къ особеннымъ одеждамъ и уборамъ чужеземцевъ; потомъ, что владыки нерѣдко не принимали къ себѣ пословъ или пріѣзжихъ купцовъ, пока они, купивъ одежды и даже уборы туземцевъ, не являлись уже въ нихъ къ приему. Далѣе, при начавшихся дружескихъ сношеніяхъ, было въ обычаѣ, со стороны новыхъ народовъ и ихъ владыкъ по отношенію къ древнимъ царствамъ, какъ, на примѣръ, у Монголовъ по отношенію къ Китаю, самимъ владыкамъ ядаться и украшаться по китайски. Такъ, на примѣръ, на приемѣ у монгольскаго хана китайскихъ пословъ въ XIV вѣкѣ персидская миниатюра XVI вѣка изображаетъ тронъ хана, украшеннымъ плетеніями китайскаго дракона, головной уборъ хана — шапкою съ купою перьевъ и среди нихъ тремя перьями филина — оберегъ монгольскій. Онъ же представленъ и на головахъ пословъ и вельможъ и почти всѣхъ его приближенныхъ, тогда какъ китайскіе узкіе кафтаны своеобразнаго покроя рѣзко отличаются отъ монгольскихъ халатовъ, къ тому же на ихъ кафтанахъ вышиты драконы и шапочки ихъ низкія, съ завернутымъ околышемъ и шарикомъ наверху. Любопытно, что ни у кого изъ военныхъ нѣтъ при себѣ оружія, — по этикету византійскаго и восточнаго дворовъ.

7.

Переходя отъ общеисторическаго вопроса о древнихъ тканяхъ къ памятникамъ этого искусства, находимымъ въ Россіи, замѣтимъ кратко, что, несмотря на ихъ рѣдкость и новизну въ русской археологіи уже давно было признано и ихъ историческое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, ткани являлись у насъ, наряду съ русско-византійскими эмалями, золотыми и серебряными предметами личнаго убора и древней утвари, важнѣйшими показа-

Ткани
найденныя
въ Россіи.

телями культурных сношений Руси с Византией, Востоками и центрами цивилизации. На первом мѣстѣ, конечно, ставились между такими памятниками ткани, извлеченныя при различныхъ случаяхъ изъ княжескихъ и великокняжескихъ могилъ,¹ а также епископскія фелони, саккосы и наручи церковныхъ облачений, хранимыя въ различныхъ ризницахъ Москвы, Новгорода.² Но, помимо этихъ рѣдкостей историческаго быта, сохраненныхъ какъ русская святыня, въ послѣднее время археологическія раскопки на Кавказѣ стали доставлять изъ нѣдръ его кургановъ въ предгорьяхъ и могилъ его некрополей не менѣе драгоцѣнныя находки древнѣйшихъ тканей. Многочисленны также, какъ увидимъ, находки тканей и въ курганахъ и могильникахъ Крыма, а затѣмъ и собственной Россіи на всемъ ея протяженіи.

Кавказъ. Начнемъ съ древнѣйшихъ тканей, которыя даны находками предгорій Кавказа. Здѣсь, въ некрополяхъ и частью даже въ отдѣльныхъ пещерныхъ, могилахъ на берегахъ рѣки Подкумка, сдѣланъ былъ въ теченіе небольшой, но ученой экскурсіи, рядъ замѣчательныхъ находокъ древнѣйшаго времени, притомъ наиболѣе въ некрополяхъ аула Хосаута, находящагося по пути отъ Кисловодска къ склонамъ Эльборуса. Нынѣ эти находки, въ одной части, сосредоточены въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

Остановимся прежде всего на одномъ большомъ кускѣ покрыва (дл. 1,01 м., шир. 0,59) льняной основы, тканой разноцвѣтной шерстью и вполне тождественной поэтому съ техникою такъ называемыхъ гобеленовъ, т. е. собственно ковровыхъ тканей (tapisseries), наиболѣе употребительныхъ въ древности для завѣсъ, покрывалъ, покрововъ и пр. Извѣстно, что Александрія и Византия по преимуществу разработали типъ легкихъ завѣсъ не только между колоннами и столбами, но и взамѣнъ дверей въ залахъ особенно проходныхъ, церемоніальныхъ и т. д. Египетъ выработалъ при этомъ и общую декорацию, слѣдующую типу циновочныхъ плетеній, геометрическаго типа, а также въ александрийскій періодъ эллинистической культуры и болѣе живыя украшенія растеніями, цвѣтами, птицами. И чтобы убѣдиться въ томъ, что эта ткань является александрийскою мануфактурою, стоитъ только сравнить рисунокъ этой птицы съ птицею Коптскаго Евангелія VIII вѣка, изданнаго, среди восточныхъ орнаментовъ по рукописямъ, покойнымъ В. В.

¹) См. В. А. Прохорова „Христіанскія“ и „Русскія Древности.“ „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“ СПб. 1881. „Отчеты по реставраціи Успенскаго собора во Владимірѣ“ въ „Древностяхъ“ — Труды Моск. Археол. Общ. т. IX—XIII и XV. И. И. Горностаева Лекціи (литогр.) по исторіи иск. и костюма. 1861—3. Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древности VI.

²) Еп. Савва. Указатель Патріаршей Ризницы. Арх. Макарій. Арх. опись церковн. др. Новгорода 1860. См. о любопытномъ терминѣ — извѣстномъ съ XIII в. — годавабельныхъ тканей, отъ гот. gudawabi, godweb, годовабль, hedvabije, чешс. hedvábi = gottgewebe, церковныя облаченія у Срезневскаго и L. Niederle, Slovanské Starožitnosti I, 2, Život St. Slov., 1913, 412—3. Въ Старой Русѣ, въ ц. Ильи доселѣ показываютъ стихарь съ поручами, шитыми густо по шелку, съ орлецами, наз. готлапъ.

Стасовымъ,¹ чтобы признать тождество характерныхъ формъ. На вопросъ же о томъ, какъ попали александрийскія мануфактуры на Кавказъ, мнѣ уже пришлось отвѣчать² рядомъ фактическихъ указаній и сравненій соотвѣтственныхъ памятниковъ Сиріи, Египта съ одной стороны, Херсонеса и Кіева съ другой. Повторимъ общій доводъ, что уже въ первой половинѣ VII вѣка, а затѣмъ въ VIII—X вѣкахъ, заторъ александрийскихъ товаровъ, образовавшійся послѣ завоеваній Ислама, долженъ былъ искать путей и сбыта, какъ на Кавказѣ, въ Средней Азіи, на Волгѣ, такъ и вообще въ южной Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ въ Болгаріи. Отсюда и произошло то, что пришедшая въ тѣ поры на Русь Мордва получила сполна костюмировку по коптскимъ образцамъ, а Средняя Азія всѣ рисунки своихъ вышивокъ темно-лилово-коричневою шерстью по льняной основѣ. И такъ, наша ткань тоже относится скорѣе къ VIII, чѣмъ къ IX или X вѣку, и это доказывается общею своеобразною, какъ бы „кустарною“ неправильностью ея круговъ и оваловъ, подборомъ ея красокъ. Не описываемъ ткани, такъ какъ превосходный по точности акварельный рисунокъ говоритъ самъ за себя (рис. 98). Замѣтимъ только, что здѣсь блѣдная охра замѣнила палевые тона египетскаго льна, и что рисунокъ орнаментальной пальметки по четыремъ сторонамъ средняго овала можетъ также самъ свидѣтельствовать объ эпохѣ и мѣстѣ происхожденія: эта пальметка есть собственно развитой орнаментально сироегипетскій кринъ (полевая лилія).³

Далѣе въ собраніи Историческаго Музея имѣется (подъ №№ 15, 17—20, 24—25, 55—56, 59—62) рядъ кусковъ шелковыхъ тканей съ характерными рисунками (ковроваго характера) геометрическихъ и растительныхъ формъ въ томъ сочетаніи, которое отличаетъ арабо-сарацинское искусство Египта и которое было усвоено именно александрийскою и сирійскою мануфактурами въ періодъ египетскаго халифата Фатимидовъ (910—1171).⁴ Только одинъ рисунокъ (рис. 99) представляетъ подобіе штучнаго набора, прочіе даютъ геометрическія фигуры уже оживленными, на подобіе растительныхъ завязей, побѣговъ, или же въ ихъ кругахъ и овалахъ изображаются (по правиламъ ковроваго тканья) птицы, декоративная пальметка (рис. 100). Первый видъ тканей желтоватаго шелка протканъ зеленою шерстью, во второмъ фонъ темносиній съ зелеными и желтоватыми рисунками. Далѣе, по желтовато-золотистому шелку уже зеленымъ шелкомъ шита арабская надпись или ея орнаментальное подобіе. Особо выдѣляется большой ку-

¹) В. В. Стасовъ. Славянскій и восточный орнаментъ, 1887, табл. 126 и 133.

²) Н. П. Кондаковъ, Русскіе Клады, т. I. Предисловіе.

³) Все же рисунокъ настолько декоративенъ, что можно только угадывать въ птицѣ, здѣсь изображенной, павлина, съ его хохолкомъ на головѣ, пышнымъ и поднятымъ хвостомъ, синимъ и золотистымъ опереніемъ, короткими и большими ножками, большими размѣрами и пр. Но возможенъ и золотой фазанъ. О. Keller, Antike Tierwelt, II, 145—154.

⁴) Снимки исполнены, по необходимости, съ рисунковъ Е. Н. Барсуковой для Археологической Комиссіи СПб. съ замѣчательною точностью.

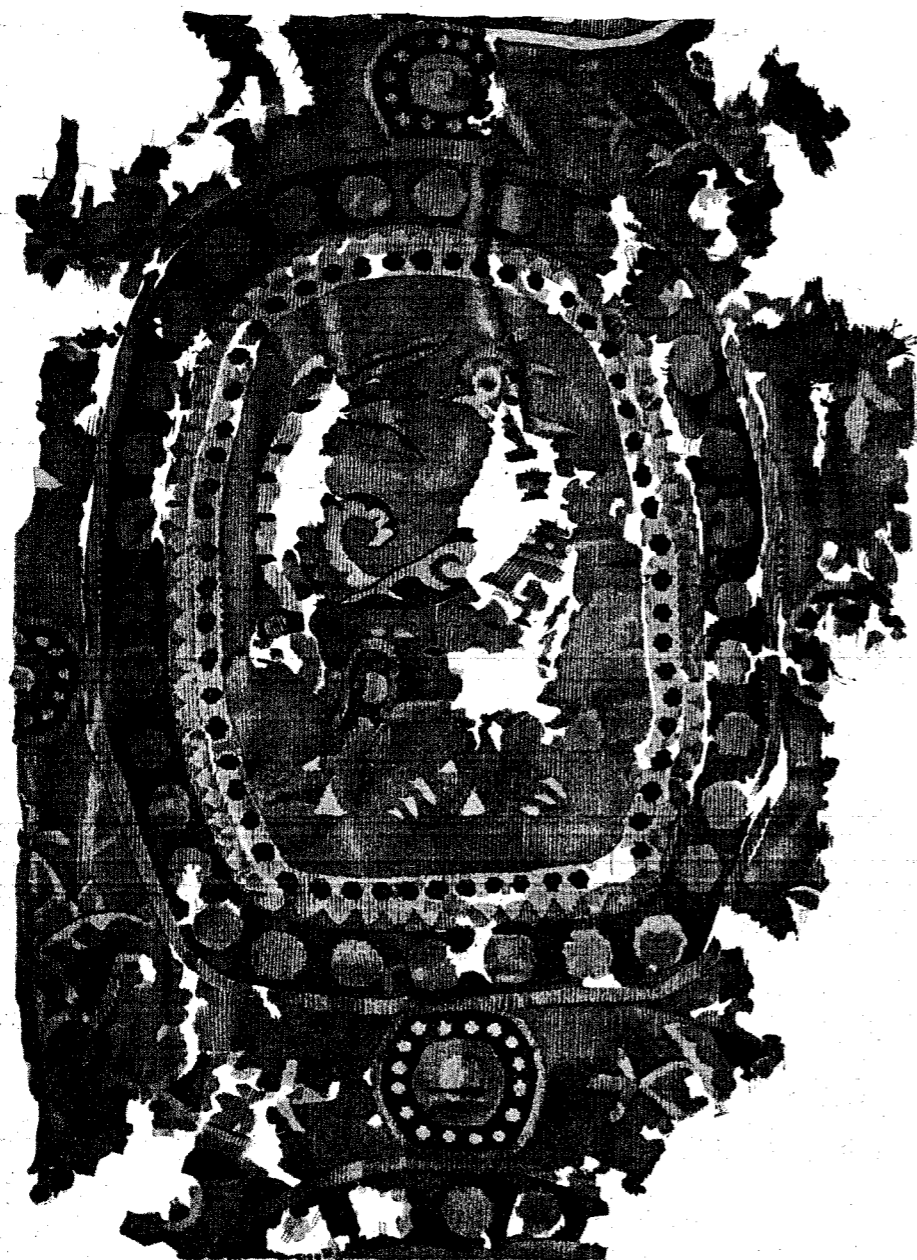

Рис. 98. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ.

сокъ (рис. 101), около 40 сант., шелковой желто-золотной ткани, съ полосатымъ исподомъ и зеленымъ рисункомъ на лицевой, на которомъ въ кругахъ представлены пары барановъ съ длинными загнутыми рогами— арабская имитация, повидимому, персидскаго оригинала, требующаго сличенія такихъ тканей и замѣчательно характернаго.

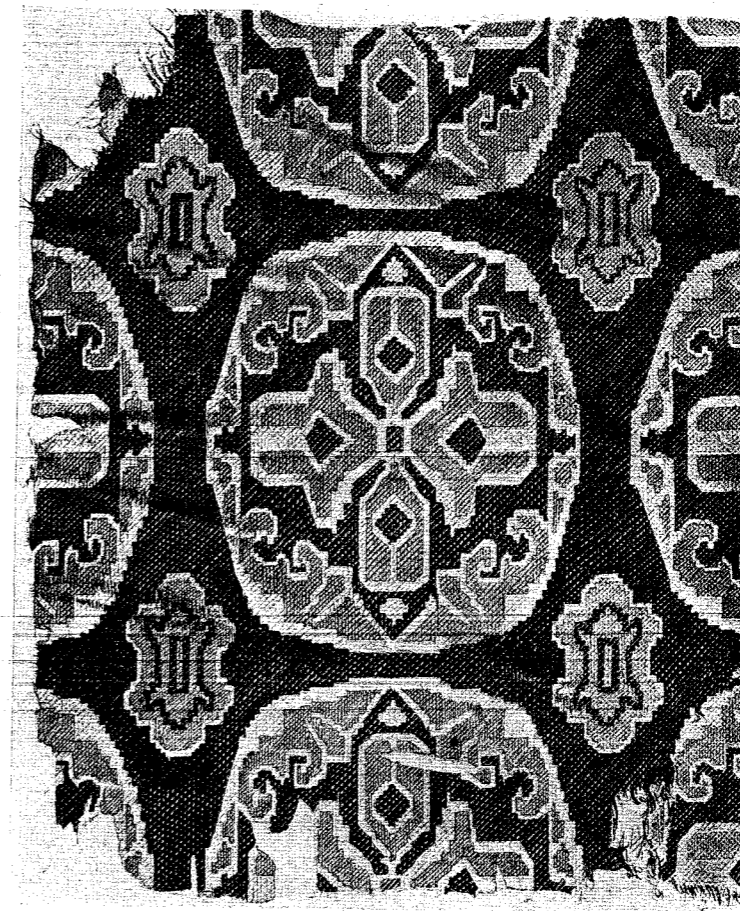

Рис. 99. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ.

Наконецъ, три куска шелковой „косой“ ткани (подобіе шерстяной матеріи — serge), изъ которыхъ на одномъ малиновый рисунокъ крылатаго грифа въ золотистомъ кругу среди сложнаго орнамента, уже шитаго чернымъ шелкомъ.

Всѣ эти остатки отъ цвѣтныхъ одеждъ, дополняемые шерстяными поясами, находили себѣ въ Эрмитажномъ собраніи египетскихъ тканей, приве-

зенномъ въ 1890 году В. Г. Бокъ,¹ опредѣленные и даже болѣе полные и сохранные оригиналы: свѣтлозеленыя шелковыя рубашки съ галунами и косымъ „вѣротомъ“, съ птичками, пальметками; куски погребальныхъ покрововъ съ растеніями и птицами по красному фону, съ арабскими флеронами, съ куфическими надписями или ихъ подобіями. Весь этотъ драгоценный матеріалъ остался пока неизданнымъ.

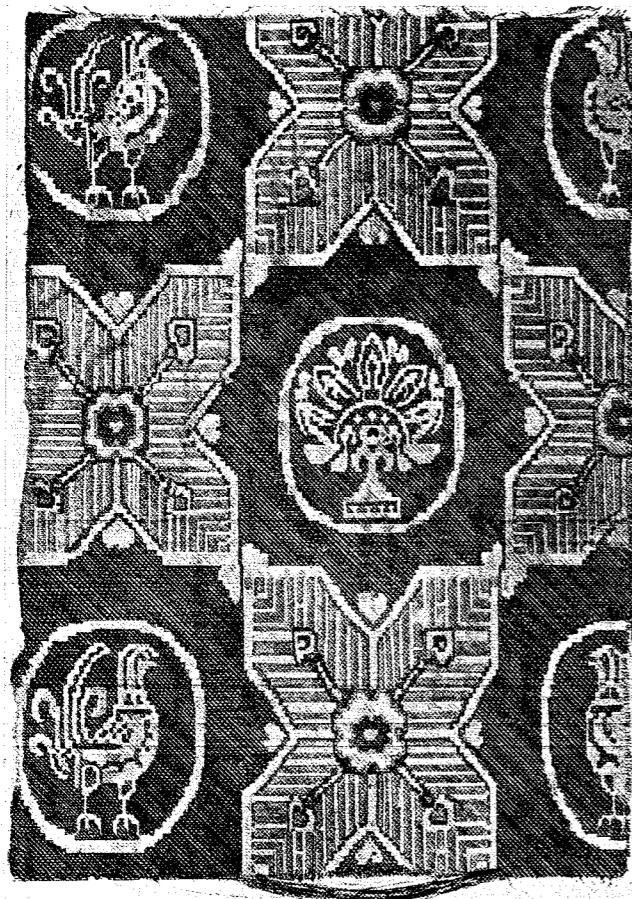

Рис. 100. Ткань съ Кавказа.
Историческій Музей въ Москвѣ.

ди птицъ; по верху идетъ куфическая надпись, великолѣпно исполненная шитьемъ. Повидимому, этотъ кусокъ принадлежалъ покрову, но онъ до-

¹) Покойнымъ авторомъ обзорѣнія христіанскихъ некрополей большого египетскаго оазиса (посмертное изд. также нынѣ покойнаго акад. Я. И. Смирнова) и б. хранителемъ Средневѣковаго отд. Эрмитажа. [См. В. Г. Бокъ. О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатая ткани. Труды VIII Археологическаго съѣзда, т. III.]

Некрополи Кавказа даютъ, однако, кромѣ этого рядъ древнѣйшихъ тканей и образцы болѣе позднихъ, но за то и болѣе совершенныхъ въ техническомъ и художественномъ отношеніи тканей сарацинскихъ XI—XII стол., а затѣмъ раннихъ итальянскихъ XIII—XV вѣковъ. Между первыми можно представить чудный образецъ ткани, съ разводами, внутри которыхъ движутся фантастическія фигуры звѣрей, повсюду разсѣлись чудныя птицы, на подобіе попугаевъ, съ высокими хохолками и разноцвѣтнымъ опереніемъ. На сохранившемся кускѣ чудный звѣрь съ львинымъ тѣломъ, юною женскою головою въ вѣнцѣ, крылатый, какъ „дивъ“

„сидитъ верху древа“ среди птицъ; по верху идетъ куфическая надпись, великолѣпно исполненная шитьемъ. Повидимому, этотъ кусокъ принадлежалъ покрову, но онъ до-

стоинъ былъ бы служить и мантией.¹ Обычный образецъ итальянскихъ тканей — съ флеронами и птицами — воспроизводитъ съ крайней сухостью рисунка и красокъ сарацинские оригиналы. Въ Бѣлорѣченской станицѣ въ 1896 г. найденъ кусокъ чудной ткани итальянскихъ мастерскихъ съ хитрыми пальметками и орнаментально разсыпанными вокругъ нихъ цвѣтками гвоздики.

Три великолѣпныхъ образца древнѣйшихъ фигурныхъ тканей,² изда- Находки гр. Уваровыхъ ниже, найдены были графиней П. С. Уваровой въ княжеской ровой въ Сванетіи. Сванетіи при слѣдующихъ обстоятельствахъ, о которыхъ рассказываетъ она сама въ письмѣ ко мнѣ (отъ 22 июня 1921 г. изъ Новаго Сада въ Сербіи).

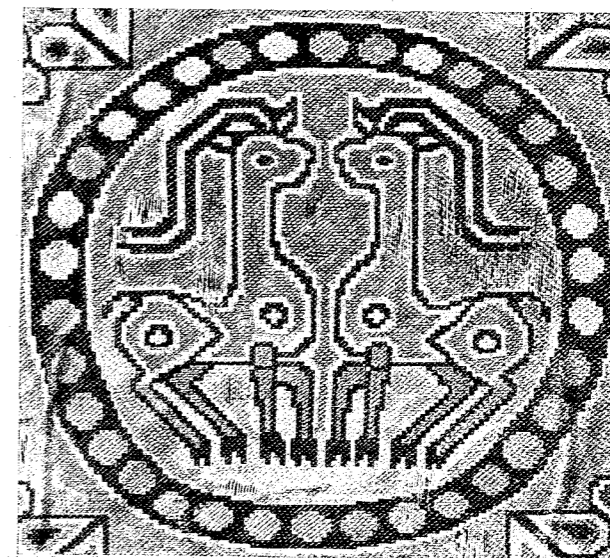

Рис. 101. Ткань съ Кавказа.
Историческій Музей въ Москвѣ.

„Матеріи происходятъ изъ заброшенной церкви въ княжеской Сванетіи. Храмикъ пустой и запущенный, темный, казалось, не представлялъ особаго интереса; мѣстный владѣтель князь Татарханъ Додешкеліанъ вынесъ на свѣтъ одинъ изъ многихъ описанныхъ мною громадныхъ деревянныхъ крестовъ, обитыхъ серебряными пластинками; иконъ оказалось мало и совершенно грубаго дѣла. Но, выходя изъ храма, мы натолкнулись на кучу въ одномъ углу. Я пошарила въ кучѣ и вытащила изъ нея комки грязныхъ тряпокъ, которыя на ощупь показались мнѣ парчею. Вышли на свѣтъ Божій, стали разсматривать мою находку, но кромѣ грязи и паутины ничего не разобрали, и всѣ присутствующіе, даже мои дочери, осмѣяли меня, когда я, послѣ всего видѣннаго, все таки завернула комки въ бумагу и унесла домой. Много труда понадобилось ихъ отмочить, вымыть и расправить“.

Итакъ, происхождение этихъ тканей можетъ быть или церковное, или погребальное. Въ первомъ случаѣ, это были куски цѣнныхъ тканей, употребленныхъ для обертыванія особо чтимыхъ предметовъ, какъ частицъ

¹) Рядъ прекрасныхъ кусковъ подобныхъ же тканей, но сицилійскихъ мастерскихъ IX—XII стол. собранъ въ Музеѣ Штиглица въ СПБ. за №№ 16, 55, 61, 69, 93—4, 97 и др.

²) Изданы въ Матеріалахъ по Археологіи Кавказа, т. X, 1904 г. Meisterwerke d. muhammad. Kunst, III, T. 179. O. v. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei Abb. 154.

мощей, полагаемыхъ подъ престоломъ или внутри полыхъ крестовъ и т. п. Во второмъ, это могли быть куски, извлеченные изъ древнихъ могилъ и

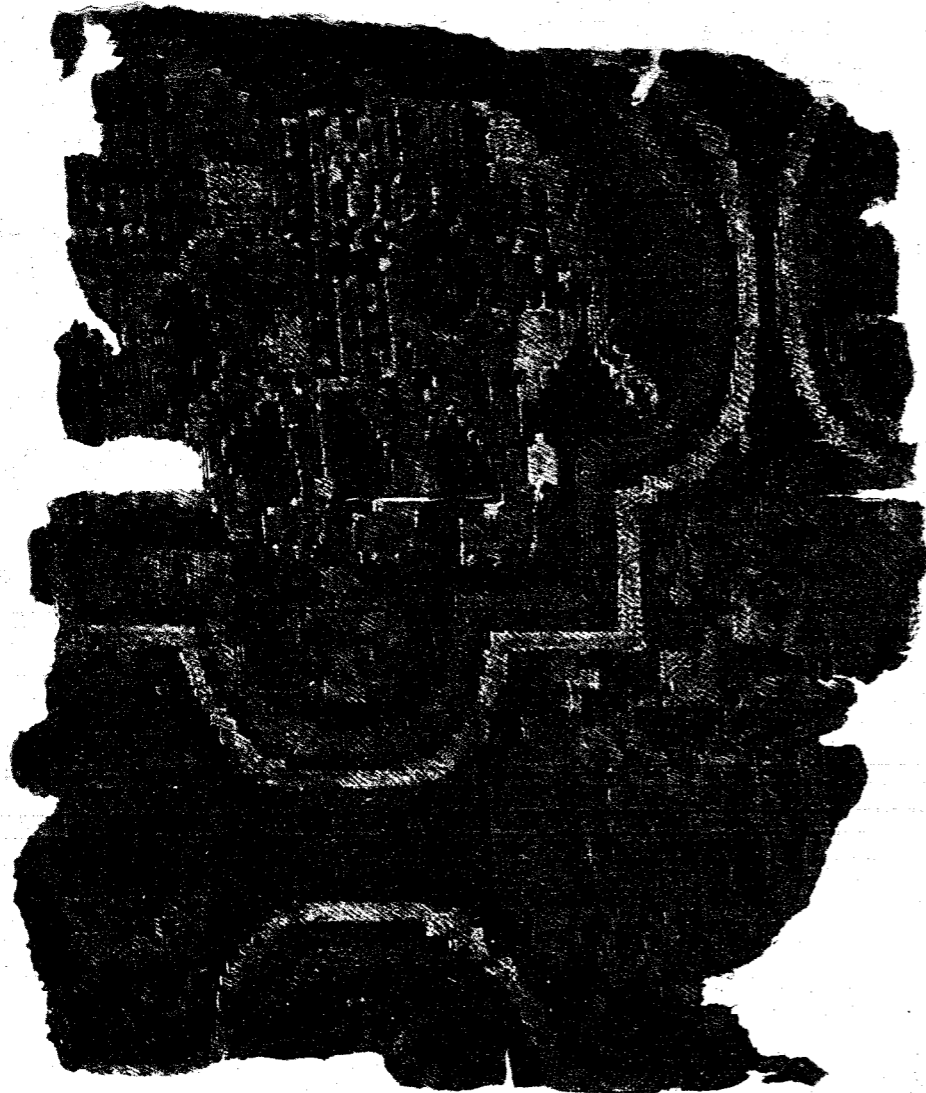

Рис. 102. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Историческій Музей въ Москвѣ.

хранившіеся, по обычаю кавказскихъ горцевъ, въ особыхъ складахъ въ храмахъ или же зарываемыхъ вновь въ землю.

Ткани На первомъ мѣстѣ полагается поставить, по времени и по рѣдкости, со слонами. (рис. 102) ткань съ изображеніемъ слоновъ внутри круговъ кресто-

образной формы). Живописная простота рисунка, орнаментальные кружки среди большихъ круговъ, вольно-неправильной формы, наконецъ, краски и схемы куфическихъ надписей въ промежуточныхъ кругахъ, — все это указываетъ на Египетъ, какъ мѣсто происхожденія ткани. Краски здѣсь тождественны съ мозаиками вѣковъ VII—VIII, какъ найденными на о. Кипрѣ, такъ и находящимися въ Римѣ, но исполненными по сиро-египетскимъ образцамъ, а также съ миниатюрами и орнаментами коптскихъ рукописей и ихъ вѣтвей на Балканскомъ полуостровѣ. На темно-лиловомъ, почти темно-коричневомъ фонѣ палевыя внѣшнія коймы круговъ (не затканная полоска льняной основы), внутреннія коймы темно-красныя (коричневаго, кирпичнаго) цвѣта. Подобная же выработка свѣтлыхъ частей слона — палевою, или блѣдною охрою, тѣла коричневою, съ бликами по краямъ, раздѣлка черною подпругъ, сѣдла, ремней и пр. придаютъ этой, почти монохромной и строгой ткани — вѣроятно, пологу, или покрову — большую стильность и строгость.

Данная ткань, по сравненію съ двумя тканями той-же темы, изданными у Лессинга и повторенными въ книгѣ О. Фальке¹ (рис. 103), представляется болѣе ранней, ибо — болѣе близка, по сравнительной натуральности изображенія слона, къ природѣ, и лишена тѣхъ орнаментальныхъ прикрасъ, которыми отличаются

обѣ вышеуказанныя ткани. Достаточно посмотрѣть въ какіе причудливые рисунки превратились ковровые пологи на обоихъ слонахъ, съ жемчугами и обнизями, какую декоративную форму получили уши, клыки и хоботы слоновъ (рис. 103 и 104). Между тѣмъ, О. Фальке относитъ эти ткани къ группѣ тканей Восточнаго Ислама, къ отдѣлу персидскихъ. Правда, что по типамъ круговъ и орнаментики ткани подходятъ къ сассанидскимъ, но уже въ ихъ переработкѣ. Здѣсь есть явно декоративное использованіе бликовъ на мускулахъ, складокъ нѣжной кожи на хоботѣ и пр.

Вотъ почему, относя нашу ткань къ VII вѣку и разряду коптскихъ тканей, мы находимъ еще античную и натуральную простоту въ ней, и, наоборотъ, видимъ въ двухъ изданныхъ Лессингомъ — орнаментальныя передѣлки звѣ-

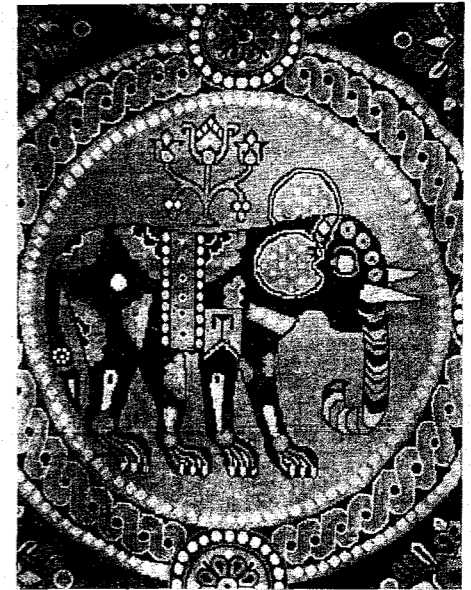

Рис. 103. Ткань изъ одной испанской церкви въ Берлинѣ. (Музей худ. пром.)

¹) J. Lessing, Gewebesammlung d. K. Kunstgewerbe M. zu Berlin. O. v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei, 1913, Abb. 128, 130. Первая въ Берлинѣ (рис. 103), вторая въ Зигбургѣ. Лессингъ относитъ первую къ византійскимъ.

риныхъ типовъ въ искусствѣ Ислама, начиная съ VIII вѣка, къ которому и считали-бы возможнымъ ихъ отнести.

Сравнить-же эту ткань придется еще и съ извѣстною тканью со слонами, извлеченною нѣкогда изъ раки — гробницы Карла Великаго и сохраняющейся въ ризницѣ Ахенскаго собора, какъ рѣдкость „ткацкаго мастерства“. Правда, эта ткань исполнена уже въ Византіи и съ большимъ мастерствомъ, что видно и по надписи, такъ какъ ткань вышла изъ

Рис. 104. Ткань въ Берлинѣ. (Музей художественной промышленности).

императорской мануфактуры, помѣщавшейся въ Константинополь, на мѣстѣ (или возлѣ) термъ Зевксиппа, близъ Ипподрома,¹ но будучи роскошною, эта ткань имѣетъ въ нашихъ глазахъ, много недостатковъ по схематизму своего рисунка: здѣсь всякая деталь, какъ напримѣръ, мускулы ногъ слона, глаза его, хоботъ въ видѣ позвоночнаго столба, ремни, сѣдло и подпруги, орнаментальное древо сзади слона, всѣ формы цвѣтовъ, пальметокъ и пр. и пр., все превратилось въ схемы, округлыя, раздѣланныя правильными кружками, архитектурнымъ построениемъ въ полной симметріи частей. Правда, сквозь эту схематическую паутину можно еще провидѣть персидскую, натуралистическую основу, и, конечно, оригинальнѣе изображалъ индійскаго слона, тогда какъ Уваровская ткань воспроизводитъ реалистически, но грубо, африканскаго слона. Считаю излишнимъ разбирать тѣ и другія формы тѣла слонѣвъ, скажемъ только, что выгибъ ногъ на византійской ткани соответствуетъ болѣе хищнымъ животнымъ, тогда какъ на александрійской ткани ближе къ конскимъ ногамъ. Наконецъ, сравненіе обѣихъ тканей помогаетъ понять и ихъ назначеніе: обѣ, явно, имѣли только декоративное значеніе, т. е. византійская была сначала завѣсою, а стала покровомъ, александрійская же — покровомъ съ самаго начала. Обѣ попали въ чуждую среду, но сравнительно одинаковую, т. е. къ такъ называемымъ „варварамъ“, какъ бы сказали мастера ихъ работавшіе. Конечно, „завѣса“ попала въ гробницу Карла случайно, когда не оказалось покрововъ лучшаго для такого великаго короля. Александрійскій покровъ мастерская украсила слонами, по-

¹ Fr. Bock, Byzantin. Purpurstoffen mit neugriechischen Inschriften. Zeits. d. bayer. Kunstver. 1894. Ch. Diehl, Manuel d'art byzantin, fig. 299. [2me éd., t. I, f. 312 и библиографія p. 647, п. 2.] Какъ извѣстно, въ Дрезденской галереѣ имѣется историческая картина этого сюжета.

тому что слонъ былъ эмблемою Александріи, по преимуществу, въ римскую эпоху — вѣдь именно оттуда вывозили всю слоновую кость для мастерства и самыя издѣлія изъ нея, а затѣмъ и самихъ слонѣвъ, и слоны на дверной завѣсѣ, какъ львы и грифоны, напоминали древнихъ эмблематическихъ стражей восточнаго дворца. Но, что особенно интересно для насъ — это явное пристрастіе варвара, выбравшаго именно такую ткань, которая бы и красою формы и содержаниемъ ея напоминала сказочную сферу царскихъ палатъ на Востокѣ. Въ заключеніе мы должны сказать, что по мнѣнію большинства ученыхъ, состоявшемуся по вызову покойнаго знатока тканей Франца Бока, ткань, извлеченная изъ могилы Карла Великаго (умр. 814 г.), должна быть отнесена не ранѣе, какъ къ X вѣку, и, слѣдовательно, положена въ его раку уже при имп. Оттонѣ III, какъ извѣстно, переложившемъ останки Карла въ раку, въ то время, когда императрица Теофано, гречанка и вдова Оттона II, была регентшею въ Германіи.¹

Вторая Уваровская ткань въ небольшомъ кускѣ, сильно потлѣвшемъ, даетъ пары птицъ по сторонамъ орнаментальнаго растенія и съ крестиками среди нихъ. Является, вѣроятно, остаткомъ такого же погребальнаго покрововъ, какъ и предъидущія. Пары шли фризами во всю ширину покрововъ и могутъ свидѣтельствовать сами по себѣ о художественныхъ вкусахъ тѣхъ мастерскихъ Византіи, которыя могли поставлять подобные декоративные предметы.

Но, конечно, всѣхъ драгоцѣннѣе кусокъ дивной ткани (дл. 0.38 м.) отъ былой парадной мантии, украшенной широкими кругами съ пышными, въ двѣ полосы, куфическими надписями, и внутри ихъ парами крылатыхъ грифѣвъ (рис. 105), поднимающихся по вѣтвямъ орнаментальнаго древа на дыбы. Подобную мантию знаемъ только въ средѣ императорскихъ регалій Римско-Германской Имперіи, которая, судя по куфической надписи и украшающимъ ее лъвамъ, была ранѣе королевской мантиею Норманнскихъ королевъ Сициліи и была, слѣдовательно, исполнена въ тѣхъ же мастерскихъ Палермо, но, повидимому, вышиваніемъ, а не тканьемъ рисунка. Должно сказать, далѣе, что всѣ древніе тексты, имѣющіеся въ упомянутомъ сочиненіи Константина Порфиророднаго и Кодина и относящіеся къ мантии, по гречески хламидѣ, сводятся къ тому, что уже съ IX вѣка она стала видною частью торжественнаго облаченія византійскаго царя и его соправителей (деспотовъ), кесаря, но затѣмъ и главныхъ чиновъ сената, магистровъ, патрициевъ, шести стратигѣвъ, „болгарскихъ друзей“ и пр.

¹ Кавказская ткань скорѣе идетъ изъ Египта, греческая скорѣе копія персидскаго оригинала. Трудно опредѣлить ткани по формамъ слонѣвъ, руководясь Бремомъ (Жизнь животныхъ, I, 395—6): тѣло слона африканскаго короче, чѣмъ азіатскаго, хоботъ тоньше. Но оба одинаково убраны, только въ разномъ вкусѣ. Цвѣтъ африканскаго подходитъ къ буро-коричневому, индійскаго — къ сѣрому. Главной примѣты — большихъ ушей африканскаго вида на Кавказской ткани не различается. O. Keller, Die antike Tierwelt I, 372—383.

Ткань
съ грифами.

Рис. 105. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Историческій Музей въ Москвѣ.

изображеніями большого размѣра, но немногими въ серединѣ и по концамъ, иначе говоря тамъ, гдѣ фигуры не закрывались густыми складками, какъ

Однако, и по причинамъ удобства и этикета хламида снималась по общему оклику. Съ другой стороны, вообще на приемахъ чины снимали хламиды, но оставался въ хламидѣ только царь¹ и, стало быть, хламида оставалась все же царскимъ облаченіемъ, царя и его соправителей, между прочимъ и кесаря, ибо хламида съ застежками (фибулами) была особымъ знакомъ кесарства (среди такъ назыв. кесарикій — вѣнца и хламиды) и возлагалась при „рукоположеніи“ на избраннаго кесаря. Мантия, понятно, была зимнимъ плащомъ военныхъ чиновъ, затѣмъ облаченіемъ стратиговъ, дуковъ, вождей вообще, отсюда королей, князей и архонтовъ и у русскихъ стала называться западно-европейскимъ терминомъ — корзна.² Мантии королевскія и княжескія, видимо, различались въ XI—XII вѣкахъ тѣмъ, что первыя были шире, имѣли форму большого полукруга, съ вырѣзомъ посреди для шеи, застегивались поэтому спереди особою круглою фибулою, тогда какъ корзна великокняжескія продолжали сохранять типъ воинскаго плаща и застегивались на правомъ плечѣ, оставляя правую руку свободно, хотя бы для военныхъ салютовъ на приемѣ. Затѣмъ, хламиды или полукруглыя мантии украшались

¹) Хламида снималась царями въ церкви, и потому въ изображеніяхъ царя передъ Спасителемъ, или вѣнчаемаго Имъ, или не на приемѣ, царь является безъ мантии.

²) Подробное изслѣдованіе формы и украшенія мятля имѣетъ появиться въ изданіи „Русская Икона“ при разборѣ снимковъ древнѣйшей иконы Бориса и Глѣба Рус. Муз. въ СПб.

въ норманской мантии. Хламиды княжескія украшались рядами мелкихъ круговъ и изображеній или же разводами. Что касается Византіи, то царская хламида и мантии чиновъ оставались въ древнемъ типѣ четырехугольнаго плаща, застегиваемаго на правомъ плечѣ, въ X—XII вѣкахъ.¹ Вотъ почему, и въ нашемъ кускѣ, явно происходящемъ отъ мантии неизвѣстнаго „владыки“, кругъ, въ которомъ заключается пара грифовъ по сторонамъ стержня древа, необычно большой (если вычертить по уцѣлѣвшему ободу, онъ долженъ былъ имѣть 0.35—0.40 м. въ діаметрѣ, а вмѣстѣ съ окружавшею его полосою достигать даже 0.45—0.50 м.) и долженъ былъ принадлежать къ орнаментальнымъ кругамъ — одиночнымъ назади или на обѣихъ полахъ спереди. Мы видимъ здѣсь густой синій (съ зеленью) фонъ, который съ XI—XII вѣка сталъ обычнымъ фономъ въ облаченіяхъ церковныхъ, епископскихъ и пр.

Кавказъ, населенный издревле уходившими въ горы остатками какъ осѣдлыхъ народовъ, жившихъ въ его предгоріяхъ, такъ и кочевыми племенами, тѣснимыми сзади сильнѣйшею ордою, всегда былъ и оставался Востокомъ, жилъ связями съ культурными странами Азіи и Африки. И потому, въ некрополяхъ Кавказа естественно встрѣчать, особенно въ предгорьяхъ, издѣлія древнѣйшихъ культуръ Месопотаміи и Египта, Персіи и Византіи. Равно понятно и усиленное пристрастіе къ нимъ варварскихъ племенъ Кавказа, принесшихъ съ собою на высоты Дагестана и свои разнообразныя мастерстваковки оружія и кольчугъ, выдѣлку кожъ и пр., но остается поразительнымъ появленіе „арабскихъ“ издѣлій и вліяніе александрійскихъ мануфактуръ въ Кіевѣ и Черниговѣ и замѣчательная преемственность сироегипетскихъ образцовъ въ древнемъ русскомъ искусствѣ.² Кажется доселѣ страннымъ появленіе въ числѣ предметовъ старины Сарая (въ Эрмитажномъ собраніи) рѣзной пластинки изъ кости, съ фигурою слона, крутящаго колесо, съ вожакомъ на спинѣ, наряду съ кусками нефрита изъ глубины Сибири съ изображеніемъ сѣвернаго оленя. И только тогда, когда наука ориенталистовъ отъ языка и письменности обратится наконецъ къ изученію реальныхъ древностей передне-азиатскаго Востока, удастся, наконецъ, продолжить археологическую науку древняго Египта и Греціи на то средневѣковье VII—XII вѣка, которое остается еще хаотическимъ складомъ, передъ которымъ изслѣдователь пока играетъ роль любителя, избирающаго какъ предметы собранія, такъ и взгляды на нихъ.

Въ дѣйствительности, и теперь уже можно утвердительно говорить о господствѣ въ эту эпоху той же сироегипетской культуры и торговли на всемъ европейскомъ востокѣ. Правда, въ этомъ періодѣ торговля знала перерывы, образованіе стоковъ, періоды полныхъ катастрофъ, переходы мастерскихъ въ другія, болѣе покойныя страны и постоянно страдала отъ войнъ, гос-

Характеръ культурнаго импорта съ Востока.

¹) См. изображенія царей въ миниатюрахъ: Ch. Diehl, Manuel, рис. 182—3.

²) См. мое сочиненіе Русскіе Клады, I, 1896 г., Введение.

подства на морѣ пиратовъ, набѣговъ Сарацинъ и Норманновъ, безсилія Византіи и пр. Остановливаясь на тканяхъ, узнаемъ, что Арабы торговали

Рис. 106. Ткань въ соборѣ Тулузы.

хлопкомъ и шелкомъ, сирійскимъ бархатомъ и персидскими тканями изъ шелка, тканями льняными и бумажными, крашеными или набивными, вышивками, коврами, тонкою кисеєю, камкою и тафтою, шелковыми и парчевыми тканями. Очевидно, скопленіе товаровъ этого рода въ фабрикахъ Александрии и Сиріи было именно причиною поисковъ рынка для сбыта, поѣздокъ

арабовъ и евреевъ по Волгѣ, Средней Азійи и къ берегамъ Африки, изъ Испаніи въ Германію и; минуя враждебную Византію, на Балканскій полуостровъ и Адриатическое побережье. Подлинныя, но краткія описи имущества халифа Мустанзера,¹ которое халифъ вынужденъ былъ распродавать въ 1068 году по одной десятой стоимости или прямо раздавать турецкимъ наемникамъ въ уплату, подтверждаемая извѣстіями Макриси и другихъ арабскихъ хроникъ, свидѣтельствуютъ о колоссальныхъ скопленіяхъ драгоценныхъ тканей, которыя въ тѣ времена заступали, вмѣстѣ съ драгоценными камнями, сосудами золотыми и серебряными, дорогими личными уборами, художественною утварью съ украшеніями золотомъ, жемчугомъ и камнями, разными дивами и раритетами и пр., мѣсто современныхъ акцій и рентъ. Какъ въ сокровищницѣ халифа были ряды сундуковъ съ изумрудами, перлами, драгоценными зеркалами, десятки тысячъ сосудовъ и предметовъ изъ хрусталя, подобная же коллекція оружія съ золотою насѣчкою, такъ же много было и тканей, хранимыхъ вѣками. Было 3000 штукъ дамасскаго краснаго шелку, чудодѣйственное количество ковровъ, завѣсъ, тканей Калмуна, Дабика, шелковыхъ пологовъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, съ фигурами слоновъ, птицъ; ковровъ и завѣсъ шелковыхъ съ золотомъ, между ними одна тысяча представляла портреты царей и славныхъ мужей съ подписями, массы палатокъ съ софами, коврами, одна краснаго сатина съ золотымъ шитьемъ — неоцѣнимая; поразительное число палатокъ и павильоновъ, матерчатыхъ замковъ изъ золотныхъ тканей, бархата, покрытыхъ живописью, фигурами слоновъ, львовъ, павлиновъ, все снабжено утварью, серебряными колоннами. Была палатка круглая, на столбѣ въ 65 локтей, 6 локтей въ діаметрѣ, имѣвшая 550 локтей въ окружности, переносимая на 100 верблюдахъ, была другая, которую прозвали „убійственная“, такъ какъ при ея постановкѣ гибли всегда люди. Было насчитано болѣе 50.000 штукъ дамасскаго (хазрованъ) шелку, украшеннаго золотомъ и т. д. Затѣмъ, когда умерла въ 1050 г. (442 г. гиджры) одна дочь халифа, то ея имущество состояло изъ 12 тысячъ платьевъ различныхъ цвѣтовъ; ея сестра оставила послѣ себя 30.000 штукъ сицилійскихъ матерій и пр. Всѣ эти чудеса восточной культуры были разобраны и разодраны на части солдатами, забраны турецкими генералами и проданы наскоро съ аукціоновъ и оставили по себѣ память только въ этихъ краткихъ запискахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хроники упоминаютъ и объ уничтоженіи библіотеки халифовъ, которая была размѣщена въ 40 залахъ и содержала въ себѣ такую массу рукописей, для которой потребовалось бы болѣе 500 верблюдовъ для ея переноса, а между ними было до 2.400 экземпляровъ Корана, украшенныхъ золотомъ и красками и 18.000 томовъ по наукѣ древнихъ. Много было въ этомъ имуществѣ дѣломъ празднаго

Богатства халифовъ.

¹) Et. Quatremère, Mémoires histor. et géogr. sur l'Égypte, rec. des mss. de la Bibl. Impér. II, P. 311, sq. Kramer, Culturgeschichte d. or. u. d. Chalifen. [Также: G. Schlumberger. Le trésor du palais des khalifes au Caire au XIe s. sous les khalifes fatimites. Récits de Byzance et des croisades. Ire serie, VII. Paris. 1923.]

любопытства халифовъ, искавшихъ въ своемъ вынужденномъ покоѣ развлеченій, въ родѣ игрушечныхъ автоматовъ, въ искусственныхъ садахъ, съ плодами карликовой пальмы, полученными особыми прививками, и рѣдкими птицами, звѣринцахъ со львами, слонами, жирафами, павильонахъ и палаткахъ, бассейнахъ изъ ртути и т. п.; многое было только любительствомъ, но также многое было просвѣщеннымъ собираніемъ художествъ и старины и давало образцы средневѣковому міру.

Названія
тканей.

Древности Россіи представляютъ, помимо своего опредѣленнаго типа, правда, выработавшагося позже другихъ, такое соединеніе на громадномъ протяженіи всякихъ культурныхъ вліяній, что этотъ типъ долженъ вообще разсматриваться черезъ посредство цѣлаго ряда сосѣднихъ культуръ и собственныхъ имъ художественныхъ типовъ. Но особенное разнообразіе представитъ со временемъ изслѣдователю русскихъ тканей и одеждъ даже въ древнѣйшую эпоху, о которой здѣсь идетъ рѣчь: говоримъ — со временемъ, когда наберется сколько-нибудь значительное число памятниковъ этой эпохи. Уже одинъ пересмотръ древнихъ именъ тканей даетъ понятіе объ этомъ разнообразіи вліяній. А да ма ш ка, видъ камки изъ Дамаска, особенно тонкой и пестрыхъ цвѣтовъ, но линючей, по свидѣтельству старыхъ текстовъ. Аксамитъ шелковый бархатъ, шестинитный (ἑξάμιτος, samitum) и болѣе, золотный, котораго нити стриглись и давали или полный бархатъ, или только „травы аксамичены“, т. е. повышенную и нѣжно-густую сѣть нитей. Алтабасъ (отъ тюрскаго и арабскаго имени золота, откуда и горы Алтая) — шелковая парча. Зарбафъ (по Карабачеку, zer bafte) золотная ткань. Зендень шелковая ткань *σενδές*, зуфъ (отъ араб.) — шерстяная, которая въ Россіи часто бывала „лимонная“, какъ у византійцевъ *λίτρινα* — (у Константина любимые царскіе скарамангіи, шапки Вардаріотовъ, носившихъ персидское одѣяніе и особыя палки на поясѣ, по которымъ назывались манклавитами), камка (греч. *καμουχάς*) въ древней Руси часто зовется Кизылбашской и Бурской, — тонкая шелковая, узорчатая ткань часто съ особымъ цвѣтнымъ подбоемъ, вѣрнѣе, на иной основѣ, орничѣ (неизвѣстнаго происхожденія и производства слова, въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ — орь тѣмами, б. м. одежда), обьярь — плотная шелковая ткань, покрытая узорами тканями изъ золота и серебра (отъ персидскаго *абдар* — волнистый?), тафта — шелковая, персид. „тафта“, ф офудія — златотканная шелковая матерія, восточная парча (греч. начиная съ IX вѣка, парча, употреблявшаяся для царскихъ облаченій и высшихъ чиновъ). Наконецъ, сама парча, ясно восточнаго происхожденія, но позднѣйшаго времени (тур. парче, оно же въ болгар. — кусокъ матеріи и часть).¹

Что поражаетъ въ этомъ спискѣ тканей, это отсутствіе, прежде всего,

¹) [См. Савваитовъ, Описаніе, подъ соотв. слов. В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в Россіи до XVIII вѣка и их терминологія. Сборник оружейной палаты. Москва 1925, стр. 11—72. Объ алтабасѣ: К. А. Иностранцевъ. Изъ исторіи старинныхъ тканей. Записки Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. О-ва, т. XII, в. IV. Также Laufer. Sino-Iranica.]

простѣйшихъ родовъ, какъ то льняныхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ и пр., которые, конечно, были наряду съ шелками, и объясняется это, понятно, нашими извѣстіями, идущими отъ историковъ. Лишь рѣдко упоминается рядомъ съ шелками бѣль, послѣ кунъ, воска, очевидно, для обозначенія льняныхъ тканей, бѣлья, или основы льняной, подбоя — „отласъ бурской на бѣли“ и т. д. Но, характерно и то реальное обиліе шелку въ древности, которое мы уже указали у Гунновъ, и это явно зависѣло въ Руси отъ ея сосѣдства, отъ торговли Средней Азіи, Персіи и Византіи. Въ самомъ дѣлѣ, шелкъ цѣнился въ старину, когда одежду, притомъ всякую, до нижней включительно, носили подолгу, иногда всю жизнь, и оставляли дѣтямъ, по своей прочности, которую можно наблюдать во многомъ. Но, обратимся прежде къ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей. Въ 944 г. дружина убѣждала Игоря принять отъ греческаго царя имъ предложенную дань: чего, молъ, лучше, „не бившись имати золото и серебро, и паволокы“. Въ договорѣ Игоря съ Греками въ 945 г., Русь въ Константинополѣ „не имѣють власти купити паволокъ лише по 50 золотникъ“, которыя отпускались запечатанными царскою печатью (шелка были регією); мы знаемъ, что христіане выкупались въ Византіи шелковыми тканями, и по договору Игоря за челядина платили по 2 паволоки. Въ налегшую толпу, въ 1115 г. металы „рѣжючи паволокы, орници, бѣль“... Въ пожарѣ 1185 г. изъ терема царскаго во Владимірѣ вытаскивали куны, книги, паволоки, „укси церковныѣ, иже вѣшаху на праздникъ“. Словомъ, даже точные филологи, какъ И. И. Срезневскій рѣшались принимать паволоку за драгоцѣнную шелковую ткань, тогда какъ по своему происхожденію слово это явно означаетъ лишь покровъ, завѣсу, пелену, накидку, и, конечно, въ древности обозначало большой кусокъ особенно прочнаго и широкаго полотна, исполнявшійся, какъ основа для тканья шелками или вышиванія (прострѣтъ паволоцѣ, налои съ паволоками) и пр. Итакъ, если царь Левъ въ 912 г. дарилъ „золото и паволокы“ русскимъ, или индитія (покровъ престола), была „паволока бѣлчатая“, а другая золотомъ шитая, или завѣса „паволочитая“, то это были образцы дорогихъ тканей. Это не былъ собственно шелкъ, но дорогая ткань и по окраскѣ и по добавленію къ основѣ шелку или шелковаго шитья. Въ Лаврент. лѣт. за 907 г. отмѣчено, что Олегъ сшилъ „парусы паволочиты Руси, а Словеномъ кропинныя“ въ Константинополѣ, и ясно, что Варяги и ранѣе любили паруса не только прочные, но и окрашенные, на примѣръ, въ пурпуръ, древній обычай и доселѣ имѣющій мѣсто.¹ Наконецъ, и самыя уськи (или уксы, въ силу перестановки) церковныя находятъ себѣ объясненіе въ посланіи Василія Македонина къ папѣ Адриану II, перечисляющемъ почетные дары папѣ: *usin rubeum*,

¹) См. чешское *rawlaka*, что значило *paludamentum*, или польское *rowłoka* порфира и штука матеріи — *namost był z rowłok* И. И. Срезневскаго, Матеріалы церковно-славянскаго словаря (см. это слово).

usip album, которыми названы епископскія одежды,¹ очевидно наиболѣе драгоценныя по своему узорочью. Вообще же древній міръ, близкій къ эпохѣ переселенія народовъ и основанія европейскихъ государствъ, зналъ узорочье не только въ высшихъ классахъ и въ культурныхъ странахъ, но и въ народѣ и у Половцевъ, какъ видно изъ „Слова о Полку Игоревѣ“.²

Ткани
въ древней
Руси.

Итакъ, распространеніе шелка и дорогихъ тканей въ древней Руси не оставляетъ сомнѣній и легко объясняется ея близостью къ Востоку, Средней Азии, Персіи и Византіи, иначе говоря, колоссальнымъ размахомъ торговли между Восточною Европою и Передней Азіею въ VIII—XII стол. Временное господство кочевниковъ въ Южной Россіи, какъ и ихъ смѣна, появленіе культурныхъ центровъ на Днѣпрѣ и Волгѣ — Кіевской Руси и Великихъ Болгарь, — Хазарскаго царства и Тмутаракани, связи Крыма съ Византіею и торговыми пунктами Малой Азии, все это создало въ предѣлахъ Россіи ту высокую культуру, которую знаемъ въ Кіевской Руси, а затѣмъ въ Суздальской.³ Является особенно поучительнымъ, что въ могильникахъ Россіи мы встрѣчаемъ тѣ же орнаментальныя формы, что на шелковыхъ кускахъ изъ могильниковъ Кавказа и Семирѣчья,⁴ какъ на примѣръ, въ раскопкахъ Самоквасова кургановъ Стародубскаго уѣзда Черниговской губ., Кіевской губ. Каневского уѣзда, группы Россавскихъ кургановъ (№№ 3664—3670, 3940, 3974—86 въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ).⁵ Не входя въ подробности, которыя бы потребовали невозможнаго нынѣ изданія снимковъ съ многочисленныхъ тканей, скажемъ только, что мы видимъ здѣсь куски полотняныхъ и шерстяныхъ набоекъ съ кругами и внутри ихъ „крини“ полевые, египетскихъ цвѣтовъ арабскаго періода, шелковыхъ галуновъ, тканей съ золотомъ и серебромъ (sergé), великолѣпныхъ матерій съ орнаментами и даже фигурами (къ сожалѣнію, пока невымытыхъ и съ трудомъ различаемыхъ), часто персидскихъ рисунковъ, кусковъ камки коричневаго цвѣта съ темнолиловымъ рисункомъ круговъ, зигзаговъ, арабскихъ флероновъ. Все это

¹) Du Cange, v. Usis. Возможно происхождение отъ греческ. οὐσία = произведение, твореніе, особенно, если обратить вниманіе на выраженіе οἱ τῆς βασιλικῆς οὐσίας — царской фамиліи, Const. Porphyg. De Cerim. II, 21, p. 614 и славянскій переводъ: облаченъ во тварь царьскую.

²) Менѣе понятны, и пока необъяснены названія: бязь, дороги (во множ. ч.), но считаются также восточнаго происхожденія. Однако, возможно, что дороги (употр. въ XVI—XVIII в.) тоже самое, что дара — доровыя ткани, какъ называютъ ихъ въ Нижнемъ Новгородѣ старьевщики, отъ дгар. d'og, подобно барышевой, какъ зовутъ другія ткани, вмѣсто broché, и т. п. См. у Марко-Поло d'arri d'ogo въ Персіи.

³) Н. П. Кондаковъ, Русскіе клады, I, 1896 г. Русскія Древности вып. V и VI. Проф. М. И. Ростовцевъ. Происхожденіе Кіевской Руси въ Современныхъ Зап. III, 1921.

⁴) Рисунки художника Н. Сулова для Археологической Комиссіи.

⁵) Изданы въ Русскихъ древностяхъ В. А. Прохорова: Находки Самоквасова въ курганахъ Стародубск. у. — 4 узорочья; его же, близъ Кіева — 2 узора; тканнаго покрова Андрея Боголюбскаго во Владимірск. Успенскомъ соб. — 5 узоровъ; изъ находокъ графа Уварова и Савельева въ Юрьев. и Сузд. у. — 13 узоровъ, и такъ наз. Владимірскаго клада (съ вещами личнаго убора) — нѣсколько кусковъ.

требуетъ изданія оригиналовъ. Но, подобные куски найдены и въ Екатеринославской губерніи (№ 4996—7 тамъ же), Волынской, Коломенскаго у. Московской губ. (Ист. Муз. № 279), Калужской, Масальскаго уѣзда; особенно замѣчательны куски галуновъ и шелковой палеовой ткани съ шитьемъ, Владимірской губ. (раскопки Нефедова), Ярославской губ. (Ист. Муз. №№ 1947, 2082, 2090 и пр.), Смоленской, Ельнинскаго у. съ геометрическими рисунками арабскаго стиля.

На такой почвѣ понятно появленіе болѣе роскошныхъ въ художественномъ отношеніи тканей въ гробницахъ князей и великихъ князей Кіевской и Суздальской Руси въ періодъ IX—XIII столѣтій. Лѣтописи, Слова и Поученія говорятъ намъ о драгоценныхъ одеждахъ, церковныхъ ризахъ и запонахъ, погребальныхъ покровахъ изъ бархата съ „золотымъ кружевомъ“, „якоже достоинъ царемъ“, о драгоценныхъ „портахъ“, т. е. штукахъ цвѣтной шелковой матеріи, которыми увѣшивали храмы въ праздникъ и, по византійскому церемоніалу, самыя улицы, до Золотыхъ воротъ, какъ въ Кіевѣ, такъ и во Владимірѣ. Правда, мы пока знаемъ только куски такихъ матерій, и рѣшительно не знаемъ въ точности церемоніальныхъ одеждъ и личныхъ уборовъ великихъ князей, князей и придворныхъ чиновъ до-монгольской Руси. Только по иконнымъ изображеніямъ можемъ мысленно возстановлять такія одежды, какъ корзно, коць, кабатъ (виз. καββάδιον) луда, ортьма, перегъбъ, паволока (какъ накидка), византійскія тавлии, сустуги, временъ Ольги, япончи и пр., и если знаемъ, что такое армяки и кафтаны, плахты и поневы, сарафаны, то не можемъ, по прежнему, ограничиваться этнографическими сопоставленіями съ одеждами греко-римской древности въ Малой Азии, но должны искать болѣе точныхъ историческихъ понятій. Ясно вполне лишь то печальное обстоятельство для русской археологической науки, что въ настоящее время научныя соображенія по этому ея отдѣлу собственно не начаты, и врядъ ли возможно, на основаніи этнографическаго матеріала, строить наши представленія объ одеждахъ древней до-московской Руси: настолько часты и рѣзки были смѣны въ ней бытовыхъ формъ.¹ Такъ, ни мы, ни западные ученые не знаемъ точно, какую форму имѣло корзно, раннее средневѣковое crosna, crosina, и венеціанское crosina, и насколько вѣрно,² что это была верхняя одежда со множествомъ параллельныхъ складокъ и потому сверкавшая своими протканными золотыми нитями, причемъ эта одежда была подкладываема и мѣхомъ, какъ соболья кошуля. Изъ былинъ узнаемъ „снарядную одежду“ Чурилы Пленковича: „у рубашечки малешечки шелковеньки строчки строчены, одна чистымъ серебромъ, другая краснымъ золотомъ“;

Одежды
древней Руси.

Одежды
въ былинахъ.

¹) Лучшій обзоръ извѣстнаго пока историческаго и археологическаго матеріала данъ въ изв. соч. Любора Генриховича Нидерле: Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život Starých Slovanů I, 2, 1913, Kap. IV., 405—528.

²) Такъ опредѣляетъ Рейске, комментаторъ Константина Порфиророднаго (стр. 186—188). [См. также Н. П. Кондаковъ. Изображенія русской княжеской семьи, стр. 43—45, 97.]

кунью шубу — „шуба струйчатой камки, ожерелье на шубѣ черна соболя“. Кафтаны на дружинникахъ Чурилы „камчатые, однорядочки (т. е. тѣ же кафтаны) голубѣ скурлатъ“ (смѣшеніе: скарлатъ — алый цвѣтъ) или „рудожелтой тафты тоненькой“. Но помнитъ былина и то, что въ древности носили платье цвѣтное (прибавляется: все русское): „У ней (Дюковой матушки) надѣто платье цвѣтное, на платьѣ подведена луна поднебесная, пекетъ красное солнышко, и свѣтитъ свѣтель мѣсяць, разсыпаются частыя, мелкія звѣздочки“. Но былина рассказываетъ больше о пуговкахъ на кафтанѣ Чурилы и Дюка, о шапкахъ мурманкахъ, колпакахъ или шляпахъ „земли греческой“ (итал. alla greca) — извѣстныя шляпы войлочные съ большими козырями, высокія и остроконечныя, русскій мужицкій гречневикъ — сапожкахъ „зеленъ сафьянъ“ и т. п. Однако, представляется особо любопытнымъ такое двустороннее о кафтанѣ, который, въ шутку (въ былинахъ для усиленія впечатлѣнія) названъ „сермяжнымъ“, но въ которомъ „на правой на полынкѣ знамя царское, а на лѣвой полынкѣ персонушка“. Деталь, которая, по условіямъ русской исторіи, идетъ еще отъ древнѣйшей Руси, когда она была въ тѣсной культурной и политической связи съ Византіей, т. е. когда у князей и высшихъ придворныхъ чиновъ Кіевской дружины по византійскому придворному обычаю, на мятеляхъ были такъ называемыя тавліи, драгоценныя куски золотыхъ тканей, какъ разъ на обѣихъ половинкахъ, и въ знакъ особой пріязни „друзьями“ царя жаловались вышитыя эмблемы, а на передней полѣ, на мѣстѣ груди „царскій портретъ“, иногда исполнявшійся тончайшею перегородчатую эмалью.

„Регалии“. Естественно, что къ „регаліямъ“ разнаго рода — вѣнцамъ царскимъ, облаченіямъ великокняжескимъ и княжескимъ и вообще „твари цесарьской“, какъ выражались въ древней Руси, было и у насъ нѣкогда большое вниманіе при дворахъ Владиміра, Ярослава и Владиміра Мономаха. Правда, что это вниманіе было ограничено тѣснымъ политическимъ кругомъ, появлялось, нарастало и исчезало, и если переходило въ народъ, то лишь въ видѣ неясныхъ понятій и смутныхъ легендъ. Затѣмъ, трудности полученія высшихъ отличій при византійскомъ дворѣ IX—XI вѣковъ, засвидѣтельствованныя текстами сборника Константина Багрянороднаго, понятно, росли при тѣхъ условіяхъ отдаленія Кіева и Суздальской Руси, вызываемаго печенѣжскою или половецкою преградой для сношеній. Мудрая Ольга, хотя и была удостоена аудіенціи у Константина, какъ архонтисса, но долго „постояла въ Судѣ“ (т. е. въ Золотомъ Рогѣ = съ судѣ), въ ожиданіи пріема, и хотя получила разныя драгоценныя, украшенныя эмалью блюда и золото въ даръ ей и свитѣ, но не была отличена титуломъ, а равно и ея приближенныя, какъ то дѣлалось для царей Болгаріи, Грузіи и пр. Между тѣмъ царская честь была Византією столь искусно связана съ извѣстными регалиями и облаченіями, что полученіе ихъ отъ греческихъ царей недаромъ составило историческій терминъ (инвеститура) и стало на два,

три вѣка причиною и предметомъ жаркихъ происковъ, имитаций у себя дома и пр.¹

Понятно, что археологическій интересъ къ находкамъ тканей въ гробницахъ князей древнѣйшей Руси, существовалъ еще во времена первыхъ кіевскихъ находокъ и рязанскихъ кладовъ въ началѣ прошлаго вѣка. Но ткани, оказавшіяся въ этихъ кладахъ въ видѣ истлѣвшихъ лоскутьевъ, не обратили на себя вниманія любителей древности, какъ драгоценныя золотыя украшенія, причисленныя къ регалиямъ (бармы рязанскія) и остались безъ изданія. Уже болѣе вниманія оказала археологическая комиссія, наблюдавшая за реставраціей Владимірскаго Успенскаго собора (И. Е. Забѣлинъ) и найденныя въ немъ, въ гробницѣ Глѣба Владиміровича ткани, были даже срисованы (поверхностно и безъ пониманія стіля) для украшенія столбовъ на хорахъ собора. Куски этихъ тканей нынѣ хранятся въ соборной ризницѣ въ стекольныхъ рамкахъ.

На первомъ мѣстѣ изъ этихъ тканей мы ставимъ куски съ изображеніемъ грифовъ² внутри большихъ круговъ, съ птицами по ободу ихъ и малыми львами по сторонамъ, при чемъ круги имѣютъ съ ободомъ въ діаметрѣ почти 0.33 м., а фигуры грифовъ до 0.21 вышины. Стало-быть, возможно, что мы имѣемъ въ этихъ кускахъ не одежду, но накидку или мятель, или даже покровъ. Цвѣта, сильно истлѣвшей отъ сырости, ткани поблекли, части потлѣли и осыпались, но легко различать красно-коричневую основу, мѣстами съ кирпичнымъ или вишневымъ оттѣнкомъ и затѣмъ мѣстами же синюю окраску головъ и ногѣ. Повидимому это куски камки и исполнены только тканьемъ, что также идетъ скорѣе къ покрову. Болѣе сохранныя остатки совершенно тождественной ткани, найденной въ Западной Европѣ позволяютъ установить полный рисунокъ нашей ткани, который выполненъ, явно, тѣми же красками. Тѣ же синія головы и ноги грифовъ, тѣ же синія коймы круговъ, тѣ же условности въ рисунокѣ пальметки и птицъ по ея сторонамъ, тѣ же формы маленькихъ львовъ, лапъ и пр. Но, что для насъ особенно важно, тотъ же орнаментальный схематизмъ формъ въ крыльяхъ, въ переднихъ лапахъ грифовъ, почти одинаковой формы съ волосистою шишкою ихъ львиныхъ хвостовъ. Мы полагаемъ, затѣмъ, что коричневый цвѣтъ (даже бурый) и фона ткани и самыхъ грифовъ въ русской ткани происходитъ, отчасти, отъ грязи не вполне смытой. Ткань русская имѣетъ восточное происхожденіе, но и другая, будучи тождественною, идетъ также изъ Египта: что доказы-

Ткани
изъ гробницъ
князей.

¹) См. о коронахъ Германской Имперіи и Венгріи разсужденіе въ моемъ соч. „О византійскихъ эмаляхъ“ и собраніи А. В. Звенигородскаго, 1890 г. По вопросу о передѣлкѣ „цесарскаго“ вѣнца Владиміра Мономаха въ царскій при Іоаннѣ Васильевичѣ см. въ соч. „Русскіе Клады“ т. I и „Русскія древности“, вып. V.

²) Куски были пересланы изъ Владиміра въ Спб., въ Имп. Архол. Комиссію и тамъ изготовленъ съ нихъ точный рисунокъ Е. Барсуковой. Въ мѣстѣ эти куски въ ширину 22 верш., въ вышину, въ двухъ рамкахъ 12 и 9 верш.

вається грубыми красными кружками на тѣлѣ грифовъ съ желтою точкою внутри, какъ бы вспоминающими еще образцы древне-восточные. Сравнительно съ рисункомъ грифа на арабской ткани собр. графини Уваровой, нашъ рисунокъ грубъ, небреженъ, но болѣе характеренъ и живописенъ, тогда какъ арабскій, похожъ на тонкую гравюру и придаетъ совершенно иную могучую тяжесть львиному тѣлу грифа. Между тѣмъ, по времени и та и другая относятся явно къ XI—XII вѣкамъ, при чемъ весьма возможно, что покровъ для князя Глѣба былъ взятъ изъ дѣдовскаго наслѣдія. Но откуда такая разница въ сироегипетскихъ мануфактурахъ времени — вопросъ большой и пока не разрѣшенный. Суть же дѣла въ томъ, что русская ткань и ей подобныя должны пока носить общій этикетъ „греко-восточнаго“ дѣла, не константинопольскаго и не сарацинскаго (съ его сицилійскою вѣтвью).¹

Изображенія
грифа на
тканяхъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ также и самая идея изображенія грифовъ на покровѣ. Грифъ (γερύψ)² — фантастическій образъ миѳическаго животного съ тѣломъ льва, но съ широкими крыльями и головою орла, затѣмъ уже въ древности съ птичьимъ гребнемъ, малою гривою льва, и ногами разныхъ типовъ, то львиными, то орлиными, при чемъ переднія лапы отличаются отъ заднихъ. Такое разнообразіе, видимо, соотвѣствуетъ разнымъ типамъ: египетскому, месопотамскому и персидскому, но смѣшиваются въ греческомъ искусствѣ и его вѣтвяхъ. Однако, даже въ средневѣковыхъ типахъ можно отличать чисто греческую фигуру грифа отъ персидскаго съ его выгнутыми крыльями и рогомъ, или двумя и задними ногами орла, хотя и въ персидское искусство въ свое время была перенесена стройная фигура античнаго типа. Еще въ Месопотаміи миѳическій образъ сталъ чисто декоративнымъ съ характеромъ бодрого и неуспянаго стража. Средневѣковый типъ столь же разнообразенъ, и въ немъ нужно также различать фигуру стража-грифа отъ фантастическаго чудовища, терзающаго животныхъ, бьющагося даже со львомъ и страшнаго для охотниковъ. Уже въ древности представляли себѣ грифовъ могучими стражами отдаленнаго сѣвера и охранителями его золотыхъ розсыпей, а потому грифъ сталъ, какъ извѣстно, главною эмблемою Пантикапеи, видной греческой факторіи, черезъ которую шло алтайское золото на югъ Европы, и изящный типъ пантикапейскаго грифа на монетахъ и утварицѣликомъ перешелъ затѣмъ въ византійское искусство, тогда, какъ типъ персидскій сталъ арабо-египетскимъ. Напротивъ того, какъ сибирскія древности, такъ и венгерскія изображаютъ грифовъ персидскихъ съ рогами, терзающихъ

¹) Кусокъ шелка съ головою грифа въ Кенсингтонскомъ Музеѣ (764), купленный за 30 фунтовъ стер., вполне подобенъ нашей ткани. [Воспроизведение см.: Victoria & Albert Museum. A picture book of byzantine art, London 1926, 8.]

²) Точное изложеніе данныхъ по типамъ восточнымъ и греко-римскимъ см. въ ст. Фуртвенглера въ миѳологическомъ лексиконѣ Рошера. Имя вѣрнѣе отождествлять съ Kerúb. См. ст. Дюрбаха въ Dictionnaire des antiquites gr. et rom. Daremberg et Saglio.

сѣвернаго оленя или сохатую лань и пр. Уже въ средніе вѣка грифа связали, какъ имя особой орлиной породы, тѣсно съ понятіемъ могучей птицы, на Востокѣ съ „ногомъ“ (ногумъ, перс. нухуд, лит. vapagas, чеш. poh), въ древней Россіи различали орла, нога и „морского орла“, каковымъ сталъ грифъ. Повидимому, именно грифъ разумѣлся въ Россіи подъ именемъ дива, который „кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ и по морію, и по Сулію, и Сурожу и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскій блѣванъ“ („Слово о Полку Игоревѣ“). Отъ книжниковъ идетъ графитъ, имя громадной и хищной птицы, уносящей животныхъ и звѣрей, и какъ птица ногуй, вьющей гнѣздо на 15 дубахъ.

Именно въ этомъ смыслѣ охранителей сѣвера и его народовъ грифъ сталъ эмблемою его владыкъ-архонтовъ, а отсюда и великокняжескою геральдическою эмблемою. Пара грифовъ, какъ пара львовъ, является также эмблемою стражи; такъ, по сторонамъ колонны изображены во фронтонѣ, надъ входомъ въ акрополь Микенъ пара львовъ, при чемъ колонна означаетъ подпорку крыши при входѣ въ домъ. Львы и грифы, по необузданности, поднимаются на дыбы, какъ потревоженная приходомъ стража, а мѣсто колонны занялъ впоследствии стержень древа („древа жизни“).

Рис. 107. Ткань въ ризницѣ собора въ Санѣ.

Въ заключеніе разбора этой ткани скажемъ, что кромѣ различныхъ кусковъ въ европейскихъ собраніяхъ, ризницахъ и пр., неизвѣстнаго происхожденія, мы знаемъ остатки шелковаго покрова, или, какъ принято называть на западѣ, сударя (т. е. погребальнаго плата, въ который заворачивался покойникъ ранѣе) еп. Бернара Кальво (1233—43 гг.) съ изображеніемъ богатыря, душащаго львовъ, въ Музеѣ г. Вича въ Испаніи; куски тканей съ двуглавыми орлами, на красномъ фонѣ (въ Ліонѣ), или же на свѣтло желтомъ (въ Берлинѣ, рис. 108). Кусокъ ткани съ птицами и газелями былъ найденъ въ гробницѣ Генриха VI въ Палермскомъ соборѣ. Извѣстны многочисленные куски со львами¹ и въ самой Ви-

¹) O. von Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, I, Abb. 133, 153, 161, 162, 193, 204; II, Abb. 238, 239, 240, 257, 261, 262, 269, 270, 271 и т. д. J. Ebersolt. Les arts somptuaires de Byzance, fig. 37, 39; p. 78.

зантіи теми грифовъ, орловъ, павлиновъ были столь обычны, что имѣли свои термины: *γριφάρια*, *ἀετάρια*, *ταυρνάρια* и, какъ узнаемъ изъ текстовъ Константина, были по преимуществу рисунками одеждъ царскихъ, кесарскихъ и пр. Вотъ почему грифъ сталъ явно геральдическою регалиею перваго чина византійскаго двора, а именно кесаря (которыми бывали братья царя и родственники, а за ними и приближенные сотрудники царя) и пр.

Ткань съ изображеніемъ гепардовъ.

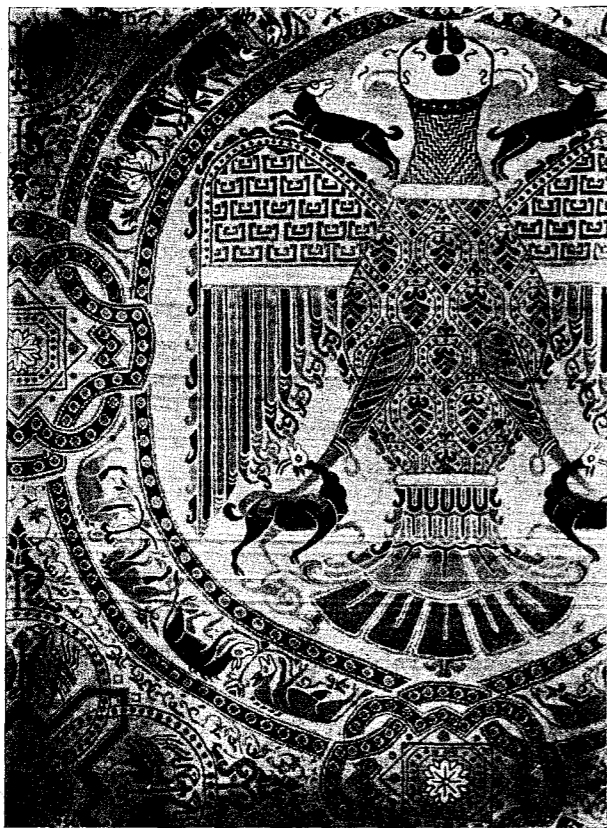

Рис. 108. Ткань изъ Кедлинбурга въ Берлинѣ (Худ. Пром. Музей).

суставчатой пальмы въ томъ ея типѣ, который явился въ Византіи уже въ VI—VII вѣкахъ, а верхушка даетъ обычную пальметку. Представляетъ ли затѣмъ этотъ кусокъ персидскую ткань, или только ея арабское или византійское подражаніе, врядъ ли можно рѣшить, хотя оригинальность выдается здѣсь необыкновенною стильностью, а затѣмъ и тема рисунка, близкая пе-

Вторая ткань изъ гробницы кн. Глѣба Владиміровича драгоцѣнна, какъ образецъ, сохранилась въ такомъ маломъ кускѣ съ обрывками (0.15 шир., 0.16 выс.), что, повидимому, и въ гробницу она попала уже, какъ старый кусокъ, цѣнимый по его рѣдкости и древности, въ который была завернута святая или освященная частица. И, дѣйствительно, ткань представляетъ оригинальную персидскую шелковую и золотую камку (техники *sergé*), изъ золотистаго шелка, съ атласнымъ рисункомъ, въ видѣ шашечнаго фона, на которомъ полосами идутъ пары гепардовъ, по сторонамъ священнаго древа, а между ними у ихъ головъ пары птицъ (рис. 109). Судя по тому, что на шеяхъ гепардовъ и птицъ изображены обручи, можно видѣть ручныхъ гепардовъ и соколовъ. Тѣло гепардовъ покрыто кружками пятень, головы ихъ и птицы были раздѣланы золотыми нитями; фигуры гепардовъ, и особенно ихъ головы, отличаются полнымъ и еще живымъ натурализмомъ. Священное древо имѣетъ стволъ въ видѣ

Рис. 109. Ткань изъ Успенскаго собора во Владимірѣ.

редне-азіатскому Востоку, съ его пристрастіемъ къ охотѣ, была уже чужда Византіи, но не была чужда Кавказу и Россіи. Какъ въ сассанидскихъ рисункахъ, такъ и въ ихъ имитаціяхъ у арабовъ

извѣстенъ опредѣленный типъ такъ называемой „гонки животныхъ“¹⁾: ткани этого рода, или даже готовые изъ нихъ кафтаны назначались въ награду ловчимъ и сокольничимъ, и на нихъ поэтому изображались эти самые герарды, гонющіеся за газелью (ср. рис. фрески въ Кіевской Софіи или византійскія миниатюры²⁾), или охотникъ съ соколомъ (во множествѣ предметовъ убора на Востокѣ и на Кавказѣ).

Столь же любопытна, при всей своей простотѣ, третья ткань — шелковая тонкая тафта, съ разноцвѣтными полосками (по 0.6 м. шир.), на исподѣ пурпурно коричневая, на лицо желтая (охра), красноватая и зеленая, съ красными цвѣточками или розетками, или зелеными на красномъ фонѣ. Ткань сохранилась въ большомъ кускѣ въ шир. 0.53, въ дл. 0.20 и 0.27 и затѣмъ еще въ пяти кускахъ по 0.20 и 0.25. Трудно сказать для чего служилъ этотъ легкій пологъ.

Наконецъ, изъ той же гробницы сохраниены (не знаемъ, что было вынуто) нѣсколько пурпурныхъ (красно-коричневыхъ) и золотныхъ галуновъ и коемъ, видимо, отъ истлѣвшихъ рубашекъ или кафтановъ, коймы кафтановъ по 0.15 м. шир., другіе по 0.8 м. шир., и узкіе галуны золотной ткани съ парами птичекъ въ 0.3 м. шир., причемъ подобныя этимъ коймы и галуны встрѣчаются также въ кладахъ Черниговскихъ и Владимірскихъ. Коймы украшены по пурпурно-коричневой ткани шитьемъ съ рисункомъ зигзаговъ и разводами побѣговъ.

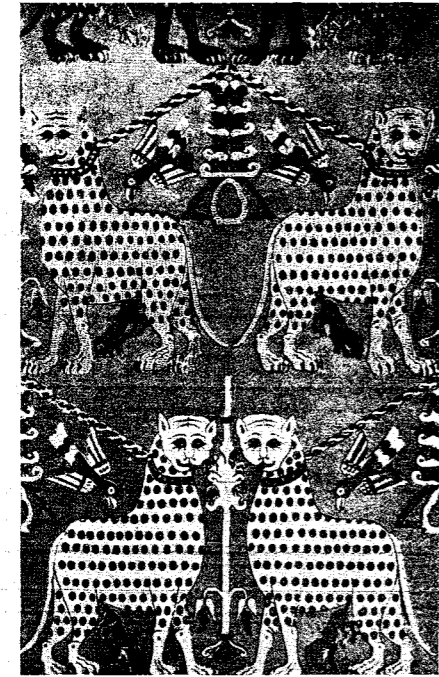

Рис. 110. Ткань въ Шинонѣ.

Ткани
изъ старой
Рязани.

Высоко любопытныя находки на мѣстѣ Старой Рязани дали рядъ остатковъ древнихъ тканей, вмѣстѣ съ прочими драгоценными предметами личныхъ уборовъ княжескихъ и иныхъ, мужскихъ и женскихъ. Но, отчасти по винѣ времени находки, отчасти въ силу опредѣленныхъ провинціальныхъ задержекъ, лишь тѣ предметы княжескихъ уборовъ и замѣчательныхъ предметовъ иконнаго украшенія (такъ называемыя бѣрмы), которые были пересланы въ Москву и помѣщены въ Оружейную Палату, были изданы и

¹⁾ Fischbach, Die Geschichte der Textilkunst, 1883, S. 52.

²⁾ Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора Зап. И. Р. Арх. О. III, 1888 г., 287—306.

стали извѣстны. Все прочее извѣстно только по краткимъ замѣткамъ,¹⁾ которыя къ тому же почти не поясняются какими-либо снимками или рисунками. Тихоміровъ былъ, однако, замѣчательный для того времени археологъ и присяжный труженикъ, а равно и опытный знатокъ мѣстной исторіи и самъ открывалъ двѣ каменные гробницы, оказавшіяся на землѣ Стерлигова въ развалинахъ, разрушенной еще при Монголахъ церкви. Но, такъ какъ въ этихъ двухъ гробницахъ было найдено шестнадцать человѣческихъ останковъ, то, хотя бы церковь и была соборомъ (во имя Бориса и Глѣба), а гробницы именно князей рязанскихъ, все же, очевидно, что найденъ былъ складъ останковъ, перенесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, и потому понятно, что изслѣдователь нашелъ здѣсь ткани уже въ видѣ „истлѣвшихъ лоскутьевъ“.

Передаемъ списокъ тканей, повторяя описаніе самого изслѣдователя, и только подчеркивая наиболѣе замѣчательные и характерные предметы, и черты:

1. Сквозная шелковая матерія, съ шахматнымъ узоромъ, свѣтло-коричневая. 2. Золотая парча съ зелеными узорами. 3. Парча сквозная темно-желтая. 4. Шелковая вязаная матерія. 5. Шелковая плетеница, обшитая золотымъ позументомъ. 6. Тканая шелковая дымка, обвитая золотомъ. 7. Шелковая дымчатая, сквозная ткань съ узорами. 8. Золотая узорчатая камка. 9. Остатки шелковаго чулка. 10. Шелковая матерія темно-желтая. 11. Шелковая матерія темно-розовая. 12. Матерія шелковая съ мелкими складками. 13. Лоскутъ, похожій на атласъ. 14. Куски позументовъ.

Въ другихъ гробницахъ, по указаніямъ того же изслѣдователя найдено: 1. Золотая узкая повязка, перевитая, съ мелкими выпуклостями (аксамитная?).

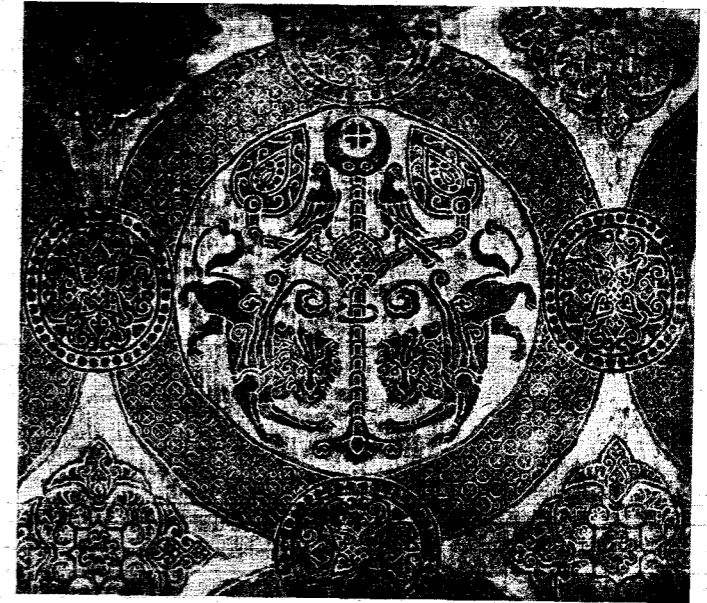
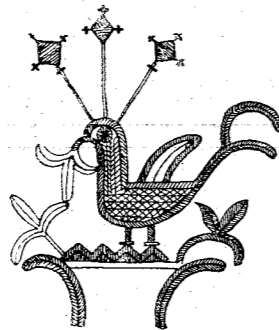

Рис. 111. Ткань въ Зигбургѣ.

¹⁾ Димитрій Тихоміровъ. Историческія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Старой Рязани, съ рисунками открытыхъ ими древностей въ 1836 г. Москва. 1844. 48 стр. 5 литогр. табл.

2. Золотой позументъ, кажется, бывший окладомъ (коймою?) покрыва усопшаго. 3. Золотая сѣтка искусной работы, съ золотыми выпуклостями въ видѣ малыхъ пуговицъ. 4. Сквозная золотая ткань по дымчатой матеріи, изображающей грифоновъ. 5. Такая же матерія, представляющая золотомъ вышитыхъ или вытканыхъ сплетшихся змѣй. 6. Золотая ткань, представляющая драконовъ. 7. Такая же ткань, изображающая страусовъ. 8. Золотая ткань съ изображеніемъ крокодила. 9. Такая же золотая ткань, изображающая четвероногое животное въ родѣ грифона. 10. Изъ такой же золотой ткани двѣ птицы, неизвѣстно, къ какому виду принадлежашія. 11. Сверхъ того лоскутъ золотой парчи съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спасова Образа.

Надо ожидать изданія этихъ удивительныхъ „лоскутьевъ“, чтобы судить о замѣчательныхъ чертахъ древне-русской культуры, которыя имѣютъ въ этихъ тканяхъ обнаружиться. Въмѣстѣ съ тѣмъ, припоминая, сколько было у насъ за удѣльный періодъ князей и великихъ князей, и сколько сохранилось еще драгоценныхъ лоскутовъ, надо ждать, что придетъ то время, когда русская археологія, а черезъ нее и обще-европейская средневѣковая, будутъ поставлены вполне научно въ этомъ ихъ замѣчательномъ отдѣлѣ.

УКАЗАТЕЛЬ

Составилъ Н. В. Кузьминскій

- А** **Аахенъ**, соборъ 78. Ризница с-а 346.
Аба 229, 265, 277.
Абаканская степь 15.
Абоба-Плиска 86, 90, 120, 121, 129, 132.
Абрикосовый цвѣтъ 238, 394.
Авары 9, 44, 61, 65, 119, 202, 227, 230, 245, 257.
Аввы 202.
Авгуріи 276.
Августа 206, 207, 213; А-а дарила пурпуръ, благовонія 206.
Августея портикъ (Золотая Рука) 200, 213; триклинь 195.
Августинъ Блаженный 98, 109.
Августъ 181, 185, 192. Римскіе а-ы 192.
Авдіи 275.
Авессаломъ 262.
Авіи 6.
Авлисть. Авлиты 216.
Авраамъ 8, 96.
Авраамъ авва (икона а-ы А-а) 125.
Авсень (припѣвъ) 69.
Австріи дворъ 290.
Автократоръ 192, 265.
Агапа 196.
Агаряне 202, 204, 229.
Агасѳеръ 138.
Агать 203.
Агаөій 206.
Аггѣвъ, художникъ 293.
Агнець 153. А-ъ съ престоломъ 96.
Аграріи 207.
Аграфъ 266, 278. А-ы металлическіе 230.
Адамашка (камка изъ Дамаска) 352.
Адамъ и Ева 137.
Аджемъ (иноземщина, Персы) 242.
Аднуміастъ великій 191.
Аднуміасты 191.
Адонисъ 324.
Адріанъ II папа 353.
Адріатическое побережье 351.
Азбуковники (русскіе) 162.
Азербейджанъ 247.
Азіатскій Востокъ 125, А-ая культура 309; переносъ формъ а-ой к-ы 227. А-ій (старо) міръ 150. 151. А-іе народы.
Азія 5, 6, 8, 9, 10, 15, 17, 18, 22, 23, 27, 28, 30, 42, 61, 62, 66, 74, 77, 103, 110, 116, 123, 151, 163, 308, 310, 349. А-я Восточная 318. А-я Западная 111, 308, 314. А-я Малая 54, 65, 102, 122, 134, 169, 183, 305, 354, 355. А-я Передняя 3, 25, 61, 101, 127, 143, 170, 289, 309; Пер. А-и государства 116. А-я Средняя 7, 14, 35, 41, 61, 64, 75, 89, 136, 170, 175, 241, 246, 288, 336, 339, 351, 353, 354; діаспора Ср. А-и. 328; промышленность Ср. А-и. 303, 311. А-я Сѣверная 102. А-и страны 110. А-я Центральная 52, 74, 161, 310, 320, 333. А-я Южная 52.
Азовское море 69, 122.
Азямскій (персидскій) 242.

Азямъ 241, 242.
Айва (квитовое яблоко) 310.
Аиръ (тулья) 219, 220.
Аистъ 157; а-а голова 134.
Айналовъ Д. В. 185.
Академія Художествъ 175.
Акакія 204, 221.
Аканѳъ 127, 304, 311, 312, 316, 318, 319, 320. Листва, листокъ, листьа а-а 81, 113, 127. Побѣги (орнаментальные) а-го листа 94. Цвѣтокъ а-а 81.
Аквamaniле 141.
Аквилея 112.
Акинакъ 18, 35.
Аккувитовъ 19-и вечеръ 68; залъ 190, 202, 204, 212, 271; триклинъ или столовая 190.
Аккувиторы 190.
Акметскій курганъ 41.
Аколуѳъ(ы) 188; 268.
Акривологія 180.
Акробатъ(ы) 78, 213, 216.
Акрополь Микенъ 359.
Акростиhi 68.
Акротериальная форма орнамента 318.
Аксамитъ 352, 363.
Актеръ 248.
Актологія(й, я) 194, 196, 251, 271. А-я дима(овъ) 183, 195, 197.
Актриса 248.
Актуаріи 191.
Аланія 71.
Аланы 5, 9, 44, 63, 65, 66, 70, 71, 119, 202, 227, 287.
Албанія 71.
Алебарды 272.
Александрія 62, 149, 327, 338. Издѣлія А-и 243. Фабрики А-и 350. Эмблема А-и 347.
„Александрія“ (романъ) 92, 136, 137, 138, 156, 296.

Александрійская литература 152. А-я мануфактура 302, 303, 304—5, 306, 328, 338, 339, 349. А-я традиція въ тканяхъ 322. А-ія льняныя издѣлія 292. А-ія ткани 321, 333, 346.
Александропольскій курганъ 21, 24, 31, 32, 33, 36, 53, 54, 161.
Александръ, императоръ византійскій 205.
Александръ Македонскій (Великій) 13, 58, 59, 92, 103, 105, 136, 137, 138, 139, 147, 151, 305. Походъ(ы) А-а 147, 172.
Алексѣй Комнинъ, имп. виз. 181, 191, 194.
Алжиръ 123.
Алконостъ 156.
Аллегорическія темы 123.
Аллеи декоративнаго характера 121.
Алпатовъ М. В. 125.
Алтабасъ 352.
Алтай 6, 7, 8, 16, 20, 22, 24, 44, 45, 52, 241, 352.
Алтай-ханъ (духъ, демонъ) 16.
Алтарная преграда 196.
Алтарь 107, 119, 196, 225. А-въ Феба-Аполлона 312.
Алціонъ 157.
Амазонки 254. А-окъ фигуры 253.
Амастрианы 198.
Амвонъ 226.
Аметисты 73.
Амида 118, 119, 144.
Амміанъ Марцеллинъ (Ammianus Marcellinus) 9, 12, 100, 185, 194, 299.
Аму-Дарья 26.
Аму-Дарьинскій кладъ 21, 53, 161.
Амулетъ(ы) 22, 23, 30, 57, 58, 71, 141, 145, 146, 288. А-ы ритуальные (драконы) 145.
Амурчиковъ типъ 253.
Амфибіи 144.
Амфора 18.

Анагита (культъ А-ы) 14—15.
Анавъ (видъ носорога) 164.
Анаилъ архангелъ 99.
Анаксириды 130, 276.
Ананьинскій могильникъ 53, 60, 69.
Анастасій бібліотекаръ 85.
Анастасій, византійскій императоръ 66, 179, 232, 300.
Ангель(ы) 97, 99, 100, 238; а-а образъ 97; а-овъ культъ, почитаніе 97, 98, 101.
Ангелы-архонты, вожди эоновъ 100.
Англія 165. Дворъ А-и 290.
Андалузія 118.
Андреева М. А. 179, 181, 190, 191, 213.
Андроникъ II Палеологъ (старшій), виз. императоръ 282.
Андроникъ III Палеологъ (младшій), виз. императоръ 119.
Анексикакія 269.
Анимизмъ 10, 11.
Анна Комнина 219, 296.
Антаблеманъ великій, Золотого триклина 201.
Антикъ 86, 130, 135, 152. А-тъ греко-римскій 123, греческій 72, 201, римскій позднѣйшій 129.
Антилопа(ы) 93, 154, 155, 170.
Антиноя 304, 311, 320, 331. Ткань изъ А-и 307, 312, 333, 336.
Антипасха 208.
Античная традиція 88. А-ые памятники 159, сюжеты, темы 86, типы 70, 161, 239.
Антиохія 328.
Анучинъ Д. Н. 57, 58, 59.
Аноипатъ(ы) 179, 183, 195, 197, 204, 205, 207, 236, 300.
Аорсы 70.
Апокалипсисъ Іоанна Богослова 97. Толкованія А-а 92.
Апокомбій 196, 197, 205, 207, 217.

Апокрифическія сказанія 159.
Аполлинарія Новаго Св., церковь въ Равеннѣ 113.
Аполлонъ 2, 34, 84, 309. Статуя А-а 2. Феба-А. алтарь 312.
Апостолы 111, 152, 202.
Апостоловъ, храмъ Свв. 205, 220, 236, 276; праздникъ 270.
Апотропей 23, 30, 31, 57, 71, 161.
Арабески 77, 165, 174, 175, 177; звѣриныя 167.
Арабо-византійскія стеклянныя издѣлія (въ Истор. Муз. въ Москвѣ) 162. Арабо-сарацинское искусство Египта. 339.
Арабскія издѣлія 349. А-я имитация персидскаго оригинала 351; А-я культура 174. А-я схематизация персидскихъ типовъ (въ тканяхъ) 305.
Арабы 116, 175, 176, 290, 313, 350, 351, 361. А-ы Сициліи 176. А-ы Суданскіе 164.
Аравія 110, 111.
Араксъ 42, 43.
Аргалы, монгольскіе 73; (на тканяхъ) 329.
Аргамакъ 54, 88, 241.
Аргиръ 196.
Аргосъ 313.
Ареѳа, царь эфіоповъ (у Теофана) 277.
Ариманъ 12, 147, 148; слуга А-а 147.
Аримаспы 29, 102, 103.
Аристиппъ философъ 276.
Аристотель 151, 157, 160.
Аркады 218.
Арки, завѣсы а-окъ 303.
Армелавсіи 275.
Арменія 7.
Армякъ 355. А-тъ русскій 264.
Армяне 65.
Арсакиды 10.
Артемида Персидская 19, 23.
Артисты 202, 213, цирковыя 215.

- Арфа** 216.
Архангелы 96, 99, 100, 101. А-овъ фигуры 95. А-ъ четырехъ изображенія 14.
Археологическая Комиссія 4, 70, 339, 354, 357.
Археологія (археологическая наука) 2, 3, 61, 115, 163, 302. А-я доисторическая 25. А-я древняго искусства и культуры 3. А-я классическая 2, 3, 304, 327. А-я русская 337. А-я средневѣковая 327, с-ой Европы 302.
Архимандриты 282.
Архистратигъ Михаилъ (день А-а М-а) 270.
Архитриклинь 180.
Архіепіскопъ Константинополя 202.
Архонтисса (Ольга) 213, 214, 356. А-ы (Ольги) племянникъ 213—214.
Архонтиссы 213.
Архонтъ великій 191.
Архонты 68, 192, 193, 199, 265, 267, 270, 272, 300, 359. Облаченія а-овъ 348.
Архонты-ангелы 100.
Архонты арміи 203. А-ы кувуклія 220.
Арчакъ 287.
Аскетъ-схимникъ египетскій 125. Аскетическій овалъ схимника 125.
Асока 75.
Аспарухъ, ханъ Болгарскій 129.
Аспидохель 158.
Аспидъ 138, 149, 158, 159, 168.
Ассирійская имперія 267. А-ій типъ крылатаго быка 161.
Ассириология 2.
Ассирія 2, 3, 18, 19, 21, 25, 28, 30, 36, 50, 64, 101, 125, 134, 160, 300, 314, 330.
Ассирияне 26.
Ассурбанипалъ 20.
Ассуръ, Ашуръ 28, 117.
- Астарта** 117.
Астрология 12.
Атергатисъ 26.
Атласъ 353, 360. А-тъ багровый 268, бурской 353.
Атлеты 196, 208.
Атраватика 300.
Атила 9, 11, 14, 44, 65, 231. А-ы сынъ 85.
Аттическая ваза 239.
Ауль 71.
Аусфельдъ 138.
Афрасиабъ 8, 12, 147.
Африка 62, 151, 163, 288, 349, 351. А-а Сѣверная 288.
Афродита 117.
Ахмимъ 301, 304. Ткань изъ А-а 321, 322.
Аэролитъ 151.
Аѳина 32, 34.
Аѳины 34, 108, 313.
- Б** **Баберъ, Джахиръ-Мохаммедъ**, монгольскій ханъ, Великій Монголъ 247, 285, 286.
Бабы каменные 15. Половецкія могоильныя б-ы 62.
Баварцы 299.
Багдадъ 108, 119, 144.
Багдадскій дворъ 278.
Багоръ 297.
Базилевскаго коллекція въ Эрмитажѣ 78.
Базилика(и) Св. Марка въ Венеціи 114. Св. Зенона въ Веронѣ 162. Сиріи, Египта 123.
Бактрія 7, 44.
Балаганы 94.
Балдахинъ(ы) 195, 303. Надгробный б-тъ Майкопскаго кургана 22.
Балдуинъ, латинскій императоръ 225.
Балканы, Балканскій полуостровъ 62, 66, 85, 89, 90, 92, 101, 122, 124, 125, 131, 317, 339, 345, 351. Б-ы средніе 85.

- Балліострада(ы)** 107, 198, 217; украшенія б-дъ 121.
Бамбергъ 173. Соборъ въ Б-ѣ 220.
Банду а 68.
Бандуристы 68.
Банки металлическія (для культивированія растений) на тканяхъ 322.
Баньщики 188.
Баптистерій Равеннскій 154.
Барабанъ, металлическій 92. Б-тъ шамановъ 15, 16.
Баранчики 34.
Баранъ 25, 31, 75, 76, 168; коловиі съ б-ами 270; б-тъ (ы) на тканяхъ 270, 341. Б-ы съ человѣческой головой 134.
Барельефъ, ы 87, 90, 107, 112, 121, 122, 153; ассирійскіе 115, 136; базилики Св. Марка въ Венеціи 114; въ Богазъ-Кей 116; египетскіе (временъ халифата) 122; мавританскіе 122; персидскіе 136; романскіе 165, 168; въ Софіи (съ цирковыми играми) 90—94; изъ Старой Загоры: съ грифомъ 106—107, 119; съ двуглавымъ орломъ 119; со львомъ 107—108, 119; съ павлинами 108, 112—115, 119; въ Сузахъ на дворцѣ 102.
Бармы 185, 362. Рязанскія б-ы 357.
Баронъ венеціанскій, съ соколомъ 261, 266.
Барсукова Е. Н. 339, 357.
Барсомъ, баресманъ (магическій жезлъ) 12.
Барсъ(ы) 31, 42, 53, 71, 74, 153. Б-тъ(ы) ручной(ые) 88, 148. Б-тъ грызущій козла 42. Б-тъ схватившійся съ дракономъ 42.
- Бартоло, Таддео ди** 255.
Бартольдъ В. В. 229.
Бархатъ 231, 265, 268, 284, 351, 355; золотой 265, рытый (брокать) 225, сирійскій 350; черный 301; шелковый 352, 363.
Баскакъ 171.
Басни 160; о крокодилахъ 149; о правахъ звѣрей и т. п. 154.
Бассейны 75.
Бастаръ, графъ де (Comte de Bastard) 268.
Баусень (припѣвъ) 69.
Бахрамъ 44.
Бахрома 73, 228, 278, 287, 288; б-ы пурпурныя 297.
Башлыкъ 18, 222, 233, 240, 259; кавказскій 52; пристяжной къ кафтану 262; накидки съ б-ами 264; б-тъ проэдра синклита 251.
Башня, надъ воротами усыпальницы китайскихъ императоровъ 120.
Бегемоты 159.
Бедуины 6, 290.
Безрукавка 228.
Безсмертіе души (у гностиковъ) 100.
Бенешевичъ В. Н. 181, 195.
Беренштамъ Ѳ. Г. 175.
Береты Италіи 281, красныя 282.
Берлинъ 125, 345, 359. Художественно-Промышленный музей 299. Ткани Х. П. М-я 321, 322, 328, 345, 346, 360. Этнографическій Музей. Фреска изъ Кизила 330.
Бернаръ Святой 167.
Бернаръ Кальво, епископъ 359.
Бесленевская станица (Куб. обл.) 140.
Бестіарій 92, 107, 152, 156, 157, 165, 326.
Бестіаріи, содержатели звѣрей 91.
Бесѣды на Дѣянія Апостольскія Іоанна Златоуста 149.

- Бетель** 320—322.
Бешметъ 247.
Библия 8, 108, 137, 148, 149, 158, 159, 163, 323.
Библейскія сказанія 149.
Бивень 161.
Бирюза 50.
Бирюзовый свѣтъ шапокъ 219.
Бирюзовыя вставки 74.
Бисеръ 80.
Битва грифа съ носорогомъ 85; дракона съ фениксомъ (на коврахъ) 170. Б-а со змѣемъ (на монетахъ) 172. Б-ы съ медвѣдями (на плитѣ въ Софії) 91.
Благовонія 198.
Благовѣщеніе 271, 273, 291; на ткани Латеранскаго клада 253.
Благопожеланія царю 202, 291.
Блохи величиною съ жабъ 137.
Блюда: драгоцѣнныя 276; поливныя съ изображеніемъ льва 108; сассанидскія 49, 88, 90, 143, 241, 242, 243; серебряныя въ курганахъ 19; чеканныя большія изъ складовъ вестіарія дворца Каріана 201, малыя 201; съ эмалью 356. Блюдо поливное изъ Херсонеса 172.
Бляха 22, 53; б-и бронзовыя 41; золотыя 33; круглая 53; б-и инкрустированныя круглыя 215; ряды металлическихъ б-хъ 286. Бляшка(и) 21, 74, 77, 85; съ головой Аполлона 84; выпуклыя греко-римскія 84; въ видѣ головы барана 69; золотыя 26, 32; круглыя 80; наушныя 134; одѣждъ 83; орнаментальныя 30; покровя 161; символично-орнаментальныя сарматскихъ могилъ Кубани 30; скиѣскія 30. Александропольскаго кургана 139; бронзовая съ 2-мя драконами изъ могильника бл. Уфы въ Истор. Муз. 141; золотая Гермесовскихъ кургановъ 240.
Боболевъ кутазь, хвостъ 288.
Бобринской графъ А. А. 26, 155, 217, 230, 241.
Бовеша о пяти ногахъ 136, 137.
Богавъ-Кѣй 116.
Богатства Востока 177.
Богатырь 148, старшій 41.
Боги 98, 99, 173, 174.
Богиня(и) земли 22; плодородія, смерти 117; солнца и луны 59.
Богоматерь на миниатюрахъ 297.
Богословіе 159.
Богослуженіе 272.
Богъ 92, 98, 99, 100, 115, 174; верховный 99; высшій владыка всѣхъ б-тъ 14; образъ Б-га Слова 111; б-гъ солнца 59, 111.
Бодэ, Вильгельмъ (Wilhelm v. Bode) 169, 170.
Божескія, вѣстники, слуги, существа 116.
Божества: второстепенныя 99; египетскія 134; женскія 116.
Божественная сила 98.
Божественнаго героя культъ 88.
Божество 98, 111; солнечное 117.
Бокъ В. Г. 342.
Бокъ, Францъ (Franz Bock) 78, 302, 346, 347.
Болгарія 21, 62, 82, 87, 94, 119, 120, 122, 124, 129, 135, 139. Цари Б-и 119, 356.
Болгаринъ палачъ (на миниатюрѣ) 230.
Болгарская Народная Библиотека 136.
Болгарская держава 129; научная литература 91; орда 106.
Болгарскіе друзья (= друзья болгары) 202, 347.
Болгарскіе жупаны, ханы 130. Б-ій царь 219.
Болгарское царство 118, 121. Первое б-ое ц-о 101, 130.

- Болгары** 11, 61, 76, 90, 93, 119, 125, 131, 204, 229, 287; кочевые 230.
Болгары Великіе 69, 80, 81, 146, 354; развалины В. Б. 80.
Болеславъ, князь Польскій 173.
Большая Шурань 75.
Бориса и Глѣба, свв. князей икона 348.
Борисъ Александровичъ князь Тверской 150.
Борисъ Θεодоровичъ (имя на сѣдлѣ) 287.
Борка 284.
Борнео 164.
Боровка Г. И. 18, 48, 55.
Бородатые 273, 279.
Бороды день появленія 207.
Борцы 78, 92, 93; со звѣрями 91.
Борьба 51, 92, 93; со звѣрями, съ медвѣдями 91.
Боспоръ, Босфоръ 48, 83; Киммерійскій 3, 34; Б-ское царство 33, 89.
Босфоръ (Θракіійскій) 183, 311.
Браманы, брахманы 12, 15, 137, 139; ученіе б-овъ 12.
Брандтъ А. Ф. 137.
Браслетъ(ы) 18; 67, 73, 74, 80, 134, 276; бронзовые 79; золотые 267; Чулукской находки (латинская надпись на немъ) 216.
Братаніе воинское 172.
Бремъ, А. 163, 164, 347.
Бретань 335.
Брокать 225, 266.
Бронза 53, 57, 71, 142; арабская 162; Б-а Музея Чернуски (ваза) 145, 147; Б-ы Кавказскія начала средневѣковья 245; пермскія 59.
Бронзовая культура 24.
Брошь — фибула овальная 79.
Брѣзово 82, 84, 85; Б-ская могила 84.
Брюссель 79.
Бубенцы 71. Бубны 216.
Будда 10, 320; Б. Гаутама 75.
Будякъ (= аканѣ) 319.
Букетъ сакральный 253.
Буколки серебряныя 79.
Булава 116, 285, 295; оправа б-ы 140.
Булла золотая Балдуина 225.
Бумъ-Эрдени, богатырь 13.
Бунтъ „Ника“ 89, 112.
Бунчукъ 19, 20, 26, 295; оправа б-ка 140; б-тъ съ хвостомъ конскимъ 248.
Бургундія 263.
Бургундскіе художники миниатюристы 255.
Бурка, и 266; кавказская 240.
Бурнусы 301.
Бурская камка, 352; б-ой атласъ 353.
Буслаевъ Ѳ. И. 103, 133, 165, 167.
Бусы 33, 57.
Бутонъ пальметки 121; цвѣтка 127.
Буффонады 91.
Бухара 19, 169.
Быкъ(и) 22, 23, 25, 31, 32, 33, 50, 51, 52, 58, 70, 71, 92, 151, 152, 153, 163, 170, 336; античный типъ б-а 70; головы б-овъ 23, 33; индійскіе б-и 160, (бычки) 311, горбатыя 329; крылатый 22, 161; рисунки б-въ 252; б-и на скарамангіяхъ 252, 301; на тканяхъ 252, 326, 329; на цилиндрѣ вавилонскомъ 314.
Бытія книга 8, 137.
Быть 73, 91; Византіи 61; восточный 177; древнеславянскій 62; древній 172; кочевниковъ 121; кочевыхъ народовъ 119; ордынскій 121.
Бѣга 210; въ ипподромѣ 205, 206.
Бѣгуны 212.
Бѣдные 203; 12 б-хъ, приглашаемые на пиры 236.
Бѣдняково, курганъ у с. 85.
Бѣлорѣченская станица 343.
Бѣлоризецъ 291.

- Бѣлый** цвѣтъ 294; б-я облаченія, одежды 203, 204, 275, 289—293, 294, 295, 296.
- Бѣль** 353.
- Бѣляевъ Д. Ѳ.** 178, 183, 188, 196, 197, 198, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 218, 220, 221, 222, 223, 225, 226, 232, 234, 265, 267, 269, 272, 284.
- Бѣляевъ Н. М.** 223, 224.
- Бѣръ**, академикъ 69.
- Бюстъ** римской императрицы, рѣзной въ халцедонѣ на діадемѣ новочеркаскаго клада 72.
- Бязь** 354.
- В Ваагенъ** 263.
- Вавилонъ** 50, 125, 151, 158, 313, 314, 323, 330; в-іе жезлы 323; в-ій плѣтъ; вавилоняне 26.
- Ваза(ы)** бронзовая Музея Чернуски, Парижъ 145.
Собранія Е. Мейеръ, Нью-Йоркъ 145. съ водой и двумя голубями по стонамъ 326.
Куль-обскія 34.
на рельефахъ 113, 114.
росписныя 305.
серебряная, Чертомлыцкаго кургана 19, 34.
эллинистическія 75.
Энтемены 117.
- Ваіѣ**, праздникъ 314.
- Валентъ**, императоръ 61, 227.
- Валеріанъ**, императоръ 87.
- Валтидій** 271, 274.
- Валье**, о. С. 46.
- Вальсамонъ** 278.
- Вандаль** 66.
- Варваризація** облаченій византийскаго двора 264, 231—264.
- Варваръ(ы)** 29, 30, 65, 67, 83, 86, 89, 91, 93, 147, 184, 192, 198, 245, 253, 264, 274, 275, 276, 277, 336, 337, 346, 347, 349; варварство 91;

- в-ій бытъ 215; в-ія вещи 67, 82; в-ій вкусъ 74; в-ство вкусовъ 90; в-іе вожди 106; в-ая Германія 86; в-а голова на бляшкахъ 33; в-ія древности 51, 53, 73, 74, 83, 86, 104, 135; в-о европейское 63; в-ы кочевые 79; в-овъ міровоззрѣніе 150; в-ій міръ 61, 134, 152; в-ія моды 61, 303; в-ія народности 85; в-іе народы 64, 250; в-ія нашествія 303; в-іе образцы искусства 145; в-тъ плѣтанный; в-ія поселенія 83; в-е роды 66; в-ій рынокъ 307; в-о-скиѣскій типъ 145; в-ы союзники 230; в-ы средневѣковыя 135; в-ія темы 86; в-іе(ей) типы(ъ) 75, 142; в-ія фамиліи 66; в-ая форма 140; в-ій характеръ 34; в-ій художественный вкусъ 61; в-ства черты 194; в-ія шапки 295; в-ы южно-русскихъ степеней 85.
- Вардариоты** 192; в-овъ шапки 352.
- Вардаръ**, рѣка 192.
- Варны**, музей 130.
- Варронъ** 15.
- Варяги** 29, 202, 229, 353.
- Василевсъ** 181, 193.
- Василеопаторъ** 181, 187.
- Василики** 236.
- Василискъ(и)** 135, 149, 151, 158, 159, **Василій Великій Святій** 157.
- Василій I Македонянинъ**, императоръ византийскій 180, 189, 190, 194, 205, 265, 353.
- Василій II Болгаробойца**, императ. визант. 194.
- Василій Комнень**, Трапезундскій 118.
- Василій**, незаконный сынъ Романа Лекапина 190.
- Василій I Димитріевичъ**, вел. князь русскій 172.
- Васильевъ, А. А.** 66, 71.
- Ватиканъ**, ткань Латеранской сокровищницы 315, 316.

- Векша** 215.
- Великая Суббота** 274.
- Великая Церковь** 269, 273.
- Великіе князья** 106, 181.
- Великій Моголь** 21 (см. Баберъ); В-го М-а имперія 247.
- Великій триклинь** 19 столовъ 68 (см. аккумулятъ).
- Величанія** 191.
- Велковъ И.** 91.
- Вельможи изъ Руссовъ** 229; русскій 231.
- Вельможа** 205, 206, 218, 261.
- Венаторъ, ы** (venatores) 91, 93.
- Венгрія** 43, 48, 53, 62, 64, 67, 75, 77, 83, 104, 135, 142, древности В-и, венгерскія, венгровъ 62, 75—77, 358; клады В-и 62.
- Венгерская корона** 219.
- Венгры** 53, 61, 65, 76.
- Венера** (богиня) 91; (планета) 99.
- Венеты** 68, 89, 196, 210, 211, 212.
- Венеціанская область** 266.
- Венеціанцы** 260.
- Венеція** 104, 105, 112, 113, 114, 122, 301.
- Вепрь(и)** 52, 152, 153, 161, 200.
- Верблюдь(ы)** 120, 143, 176; в-ы колмолые 136.
- Вербная недѣля** 236.
- Веретена** 18.
- Верещагинъ В. В.** 46.
- Верманъ, К.** (K. Woermann) 55, 61, 62, 63, 86, 302, 310.
- Вернадскій Г. В.** 193.
- Верхній Рогачикъ**, бляшка изъ кургана 83.
- Веселовскій, А. Н.** 69, 206.
- Веселовскій, Н. И.** 140.
- Вестготы** 66, 67; в-ія (в-хъ) царей короны 62, 220.
- Веститоры** 194, 195, 271.
- Вестиари** 191.
- Веттерсфельдъ**, кладъ изъ 25.
- Ветхій Заветъ** 97.
- Вечелліо Чезаре**, альбомъ 245, 246, 258, 261, 266, 288.
- Вещи**: греческаго, греко-римскаго стиля 54;
золотыя: со вставными гранатами изъ Керчи 80; изъ могилы въ Панагюрище 84; вѣшавшіяся для украшенія дворца 200;
Кіевской области 67;
Кобанскія 71;
металлическія съ костища бл. Перми 57;
Пермскія 60;
Сибирскія 52, 53, 54;
Черниговской области 67;
эмалевыя: вѣшавш. для украшенія дворца 200; IX—X в. 201.
- Виварини Антоніо** 263.
- Византия** 9, 23, 25, 29, 43, 44, 52, 61, 62, 65, 66, 71, 72, 88, 90, 91, 93, 103, 106, 116, 118, 119, 121, 122, 129, 144, 149, 163, 177, 180, 181, 185, 187, 189, 190, 193, 194, 198, 201, 208, 212, 213, 214, 216, 219, 223, 227, 233, 236, 248, 250, 252, 253, 255, 259, 264, 265, 268, 269, 275, 276, 277, 278, 280, 281, 283, 286, 287, 288, 293, 295—299, 306, 316, 327, 331, 332, 335, 337, 338, 346, 349, 350, 351, 353, 354, 356, 360, 361. В-ій дворець 179, 332 (см. это слово); дворъ 65, 178, 181, 192, 208, 227, 230, 250, 265, 278, 356; в-ая держава 90; имперія 53, 64, 89, 94; в-ое искусство 49, 103, 131, 132, 162, 250, 255; в-ая кавалерія 242; в-ій костюмъ 248; в-ая мануфактура 305, 330; в-ія монеты 71, 77; миниатюры 223, 333; мастерскія 89, 302, 347 (см. это слово); моды 303, в-ое общество 65; в-ія одежды 178, 301, 303; в-ій

- орнаментъ 321, 330, 333; в-ія реалии 251; в-іе типы украшеній 77; в-ія ткани 302, 303, 304, 322, 326, 328, 329; в-ій фаръ (одежда) 266; в-ія формы бытовья 251. Византійцы 65, 66, 79, 176, 233, 277, 281.
- Викариі** 209.
- Викингъ** 41; в-овъ эпоха 61.
- Виль(ы)**, 182, 195, 197, 218.
- Вильгельмъ**, мастеръ 262.
- Вильсонъ** 30.
- Виноградъ** 113, 215; в-ная лоза 312; 316—318; побѣги в-й л-ы 123; усикъ в-й л-ы 304; „виноградья“ пиръ 68.
- Виночерпій** 191, 239, 295.
- Вирши** 68, 69.
- Висковатовъ** 266, 288.
- Витсенъ, Ник.** 52.
- Витязь** 41.
- Вишня** 310.
- Виодемъ** 255.
- Владикавказъ** 70.
- Владимирцовъ Б. Я.** 6.
- Владиміръ I Святой**, в. к. Кіевскій 356.
- Владиміръ II Мономахъ**, в. к. Кіевскій 356, 357.
- Владиміръ** (на Клязьмѣ) 353, 357; В-ая губернія 355.
Дмитровскій соборъ 149, 162, 172.
Успенскій соборъ 357.
- Владыка (и)** 68, 130, 138, 148, 177, 178, 195, 199, 204, 206, 207, 261, 265, 267, 269, 271, 274, 277, 287; в-а азіатскій 248; в-и варварскіе 277, в-ихъ ордъ, племенъ 178; в-и Востока 257; в-а демоновъ 147; в-и европейскіе 223; кочевья 121; в-а рода или орды 56; сассанидскій 243; хеттитовъ 116.
- Владѣтели** ленные 262.
- Властители** сельджукскіе 118.
- Влахерны** 180, 200, 218, 270, 273.
- Вліянія**, восточныя 125; Фландріи 260.
- Водопроводъ** 198.
- Воевода(ы)** 106, 268, 285; персидскіе 284.
- Военные** 184; в-ое сословіе 65.
- Вожди** варвар. ордъ, племенъ 178.
- Воздвиженіе Креста Господня** 270, 273, 291; канунъ В-я 150.
- Воздухи** 196.
- Вознесеніе** 205, 220, 270, 273, 291.
- Вознесеніе Александра Македонскаго** 58, 59.
- Возницы** 211.
- Возрожденія** эпоха 3, 253.
- Войлокъ** 307; в-чный колпакъ, плащъ 240.
- Войско** 186.
- Волга** 41, 43, 61, 62, 64, 69, 77, 339, 351, 354.
- Волкъ(и)** 151, 153, 215.
- Волхвы** 255, 257—259.
Волхвовъ поклоненіе:
картина Антоніо Виварини 263,
картина Джентиле де Фабріано 255, 256,
фреска Беноццо Гоццоли 257—259.
- Волховцы**, курганъ около села 26.
- Волчець** (= аканеъ) 319.
- Волшебникъ** 148; в-ные образы 75; в-ство 31.
- Вольфъ-Гвельфъ** 11.
- Волю** 153.
- Волынская губернія** 355.
- Ворворка** 19, 20, 288.
- Воркадія(и)** 20, 284, 285; пурпурныя в-и 284.
- Вормскій епископъ** 335.
- Вѣроны** 176.
- Ворота**, гробницы китайскихъ императоровъ 120.
- Воротъ**, воротникъ 185, косой, рубашки 343, отложной 267.

- Воскресенье** (Пасха) 269; Крестопоклонное 273; Недѣли Православія 203, 270; первое на Пасхѣ (Антипасха) 208; воскресные дни 236.
- Воскъ** 353.
- Востокъ** 8, 29, 49, 50, 52, 64, 65, 72, 74, 76, 87, 92, 94, 102, 103, 108, 109, 115, 119, 131, 136, 141, 144, 158, 159, 169, 175, 177, 250, 255, 269, 279, 281, 286, 287, 303, 304, 305, 317; азіатскій 119, 139, 248; древній, 98, 158; европейскій 94; крайній 145; сирійскій 326; сироегипетскій 309; среднеазіатскій 288, 333; средневѣковый 52, 135; эллинистическій 305; в-ые Балканы 125; в-ый владыка 56; в-ая военная монархія 64; в-ые ковры 169, 251; в-ый людъ 64, 65; в-ая редакція Физиолога 103; в-ыя темы 58, 260; в-ый типъ одежды 267, 269.
- Восточно-римская имперія** 194.
- Вотолка(и)** 19, 288.
- Воть** 212; в-а день 277, 300; в-ъ пѣшій 205.
- Вошвы** 328.
- Вравій(и)** 181, 223, 250, 280, 292, 294; в-и мандатора, остіарія, силенціарія 186; в-й проэдра синклита 251.
- Врата:** Амиды, Багдада 144; бронзовыя 196; великія 195; дворцовыя 303; святыя 223; Халки 196; царскія 226.
- Вратная башня** 120.
- Врачи Святыя** 111.
- Вродон** (= роза) 323.
- Врумаліи** 206, 207.
- Всадникъ** 52, 58, 87, 88, 129, 130, 171, 172, 240, 242; в-къ на драконѣ или ящерѣ 58; в-а Св.образъ (типъ) 125; в-ки на тканяхъ 248, 249, 310; в-а статуетка съ Алтая 52, 240; в-а рельефъ въ с. Мадара 86—90, 129—131.
- Всеволодъ**, князь 150.
- Вставки** изъ пиленого граната или стекла 67.
- Всѣхъ Святыхъ**, праздникъ 270.
- Вторникъ на Ѳоминой** 208.
- Второзаконіе** 96, 157, 158.
- Втулка(и)** 21, 285, 286, 288; в-и металлическія 254; в-и наконечника 22.
- Буаль** 281.
- Буколеонъ** 207.
- Вульфъ О. Ѳ.** (O. Wulff) 125.
- Вундтъ** 8.
- Въездъ триумфальный** 130, 265; царя Василія I 265; царя Ѳеофила 265.
- Выдачи** (= апокомвій) 196.
- Высоцкаго собраніе**, въ Казани 142.
- Выходъ(ы)** 181, 193, 197, 205, 206, 223, 224, 269, 271, 273, 290; дворцовый 205; ежедневные 194, 236; праздничные 194; царскіе 178, 180, 194, 276; церковные 194; во Влахерны 205; въ Евдомъ 205; въ Консисторій 195; въ храмъ Св. Апостоловъ 204; въ церковь 238; въ ц. Св. Мокія 204; въ ц. Св. Софій (Великую) 194, 203, 205; на Благовѣщеніе 197; въ Великую Субботу 197, 203; въ Великій Четвергъ 203; на Вознесеніе 197; въ Воскресенье Ѳоминой недѣли 204; на Крещеніе 197; на Пасху 192, 2-й день Пасхи 204, 272, 7-й день П-и 204; въ день Преполовенія 204; на Пятидесятницу 197; на Рождество Христова 197, 273, 294.
- Вышгородъ** 150.
- Вышивка(и)** 114, 303, 307; золотая 279; малорусскія 307; народныя 110, 307, 310; изъ пурпура 297; славянскія 110; на тканяхъ 328.
- Выѣздъ(ы):** богомольный 197; парадные 285; царскіе 284; царя верхомъ 250; на Вознесеніе въ храмъ Б. М. Источника 197, 220, 273.

- Вѣнецъ (ы)** 73, 183, 196, 204, 211, 219, 220, 222; в-ы вотивные 220; в-ъ державный 73; женскій 72; золотой 220; кесарскій 182, 218, 219, 357; легкій, въ видѣ шапочки 241; в-ы почетные 223; в-ъ царскій 219, 259, 356; в-ъ Юстиніановъ 221.
- Вѣнецъ Владиміра Мономаха** 357.
- Вѣнечный обручъ** 127.
- Вѣнокъ золотой** 72, изъ лавровыхъ листьевъ 94.
- Вѣнчаніе лангобардскаго короля** 268; в-ія царскія 179.
- Вѣнчики иконъ** 212.
- Вѣра христіанская** 98.
- Вѣроученія** 99, 100.
- Вѣтви, вѣтки** 140; винограда 113; древесныя въ иконописи 320; лавра въ видѣ вѣнковъ, крестовъ 198; пальмовыя 113, 123; на тканяхъ 308, 322.
- Г Гавріилъ, архангелъ** 96, 99, 101.
- Гагары** 153.
- Гадательныя таблицы** 28.
- Гадъ (ы)** 149, 156, 158, 159; извивающіеся 60; летающіе 158; скачущіе 158; г-овъ фигуры 145; чудовищныя 158.
- Газель (и)** 75, 154, 170, 176, 177; на тканяхъ 359, 362.
- Гайѳ (Al. Gayet)** 302, 304.
- Галактофаги** 6.
- Галатія** 198.
- Галинацевъ (куръ) семейство** 333, 335.
- Галиче, село въ Болгаріи** 85.
- Галиосъ Геронъ** 25.
- Галлегусъ въ Шлезвигъ** 77.
- Галлія** 43, 299.
- Галлы** 335.
- Гальштатская культура** 70; эпоха 63.
- Галуны (ы)** 223, 228, 355, 362; золотые 251; легкій 235; пурпурные 297; на рубашкѣ 342; на тканяхъ, шелковые 354.
- Галгошъ, ок. Нитры** 77.
- Гальба, Г-ы монеты** 52.
- Гамма (ы)** 278, 279.
- Гангъ** 27, 138.
- Гандара стиль** 75.
- Ганнонъ** 164.
- Гарафитъ** 29, 359.
- Гаркави А. Я.** 229, 267.
- Гарпія** 134, 135, 151.
- Гаруда (ы)** 29, 58, 116, 149, 159.
- Гатилузіо, властитель Метелина** 118.
- Гаутама Будда** 75 (см. Будда).
- Гвардеецъ** 285.
- Гвардія** 218, 271; императорская (византийская) 290; конная 247; наемная виз. двора 65; царская 276.
- Гвельфъ-Вольфъ** 11.
- Гвоздики цвѣты, на тканяхъ** 343.
- Гезихій** 265, 279.
- Гелеополь** 111.
- Гелиогабалъ, императоръ** 212, 324.
- Геммы, античнаго міра** 152; печатка съ г-ъ 71.
- Геніи, крылатые** 170; типы г-въ съ головой льва, орла, тѣломъ льва и человѣческой головой 134.
- Геніохъ (и)** 21, 210, 211, 215.
- Генрихъ II, императоръ** 220.
- Генрихъ VI, императоръ, его гробница въ Палермскомъ соборѣ** 359.
- Геометрической орнаментъ** 302, 306, 307, 317, 318, 325; г-й рисунокъ 174; г-й р-ъ арабскаго стиля 355; г-я схемы 122; формы 31, 67, 122; г-я ф-ы на тканяхъ 328, 339.
- Георгій Святой** 254.
- Георгій Тертеръ, царь болгарскій** 118, 119.
- Гепардъ (ы)** 75, 85, 88, 89, 253, 255; ручной 214—215; на тканяхъ 360, 362.

- Гера** 108; Самосская 335.
- Геракля** 122.
- Гераклій, императоръ византийскій** 233 (см. Ираклій).
- Геракла подвиги** 152.
- Геральдика крайняго Востока** 141.
- Геральдическія эмблемы Пантикапеи** 102.
- Геральдическіе знаки** 170; г-ое значеніе сюжетовъ 332; г-й орелъ 78; г-я изображенія на тканяхъ 331.
- Герасимъ Святой** 177.
- Гератъ** 123.
- Гербордъ** 173.
- Гербъ (ы)** 172; Византіи 116; г-ъ В-и державный 119; восточные 119; двуглаваго орла 116, 119; династіи Мингъ 170; Ласкариса 119; русскаго царства 116; славянскихъ державъ 116; султановъ, эмировъ 119.
- Геркулесъ** 84, 85, 86.
- Германія** 61, 70, 83, 165, 299, 324, 347, 351; варварской Г-и древности 86; средневѣковая 261.
- Германскіе народы** 61; г-іе осѣдлые народы 43; г-ія племена 62; г-ая раса 61.
- Германцы** 61, 335.
- Геремесовскіе курганы** 33, 240.
- Гермесъ Кріофоръ** 42.
- Геродотъ** 5, 11, 12, 14, 42, 43, 52, 79, 289, 323.
- Герой** 148.
- Герольды** 247, 285.
- Гесперидъ золотое яблоко** 310.
- Гетеріархъ (и)** 186, 236.
- Гетерія (и) (= дружины)** 192, 195, 218; варварскія 65.
- Гетеріоты** 195.
- Гейфнеръ фонъ Альтенекъ (Heffner von Alteneck), его альбомъ** 118, 220, 222, 261, 262, 263.
- Гиббонъ** 296.
- Гиганты** 136.
- Гидра** 151, 152.
- Гизелеръ (Hieseler)** 144.
- Гильгамешъ** 138.
- Гильдесгеймъ** 78.
- Гильошированіе фона** 86; г-ый ф-ъ 77.
- Гиматій** 96, 224, 226, 228; темно-лиловый 126; темно-пурпурный 298.
- Гимназія** 150.
- Гимны** 182; священные 203.
- Гимэ (E. Guimet)** 304, 320, 333. Музей Гимэ въ Парижѣ 270, 312, 336. Ткани м-я Г-э 270, 312, 336.
- Гинекей** 214.
- Гинь де (De Guigne)** 8.
- Гипархъ (см. епархъ)** 179.
- Гиппокампъ (ы)** 151; г-а голова 151; г-ы на тканяхъ 326.
- Гиппопотамъ** 51, 75, 151.
- Гирлянда цвѣточная** 123.
- Гирокомы** 236.
- Гистаспъ, царь** 12.
- Гистріоны** 216, 276.
- Гіацинтъ** 283.
- Главкъ** 138.
- Гладиаторъ римскій** 93.
- Глазъ (какъ апотропей)** 31.
- Гликонъ** 151.
- Глоссы** 185.
- Глѣбъ Владиміровичъ, князь** 357, 358; его гробница 360.
- Гносисъ** 98.
- Гностики** 100.
- Гоаръ (Goar), комментаторъ Кодина** 228, 233, 260, 265, 280, 285, 295.
- Гобелены** 338.
- Гоби** 6.
- Гогъ и Магогъ** 92, 149.
- Годавабельныя ткани** 338.
- Годуновъ Борисъ** 288.
- Гокчайское озеро** 169.

- Голова (ы):** аиста 134; баранья (и) 23, 151; быка (овъ) 33, 151; варвара 33; волчьи 92; драконьи 33, 34; звѣринья 34; змѣиная 144, 158; кабаньи 23; козья 217; конская (ія) 33, 34, 71, 143; копчика 134, 151; коровы 151; кошки, крокодила 134, 151; львиная (ыя) 23, 79, 117, 143, 151; льв. съ рогами 102; медвѣжьи 24; орлиная 102; птичья (и) 19, 34, 57, 59, 69, 114, 151; пѣся 93; свиная 217; собачьи 92, 151; человѣческая (ія) 58, 59, 151; шакала 134, 151.
- Головные покровы** волхвовъ 259.
- Головные уборы** 281—282; царскіе 221; чиновъ 222; сассанидскаго царя 260.
- Голубевъ В.** 21, 287.
- Голубъ (и)** 94, 153, 157, 309, 335; два г-я 94, 123; изображенія г-й 154; символъ въ хр. и-вѣ 123, 326.
- Голубиная книга** 161.
- Голубые** (Венеты) 89, 179, 202, 208, 209.
- Гомеровская древность** 323.
- Гомеръ** 312.
- Гомиліи сирійскія** 139.
- Гонка шаровъ** 68.
- Гонорій, императоръ** 66, 101.
- Гораций** 310.
- Горгона** 151.
- Горгонейонъ** 42.
- Горельефъ (ы)** 42, 129, 168, 173; г-ъ оленихи съ дѣтенышемъ изъ Семибратн. кургана 42.
- Гориллы** 164.
- Горлица (ы)** 153, 157.
- Гормиздъ, царь персидскій** 44.
- Горностаевъ И. И.** 338.
- Городки** 240.
- Города древніе** (развалины) Алжира и Туниса 123.
- Горцы кавказскіе** 240.
- Горшки** костища у Перми 57.
- Господь** 101, 139.
- Гости чужеземные** 190.
- Государственный символъ** Византіи 118.
- Готланъ** 338.
- Готы (готѣы)** 11, 53, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 83, 85, 202, 297; г-овъ переправа черезъ Дунай 227.
- Готовъ древности** 67—68.
- Готскія инкрустаціи** 216.
- Готѣиконъ** 68, 69, 203, 213.
- Гоццолі Беноццо** 257, 292.
- Грбаръ А. Н.** 124, 136.
- Гравюрки** 175.
- Грамота, вышитый орнаментъ** 279.
- Гранатовый плодъ** 310; г-ое яблоко на тканяхъ 311.
- Гранатовыя инкрустаціи** 216; г-ое (ыя) стекло (а) 67, 216.
- Гранатъ (ы)** 72, 73; вставные 79.
- Гранаца** 267.
- Гребешокъ** 145.
- Грекъ (и)** 20, 29, 34, 65, 71, 79, 89, 103, 123, 130, 135, 136, 151, 243, 275, 281, 289, 337, 353; древніе 97, 125; Италіи 176.
- Греко-восточный пошибъ** 168.
- Греко-римская древность** 91, 110; г. р-е искусство 73; г. р-я культура 180, 303, 316; г. р-й міръ 2, 3, 23, 52, 61, 62, 63, 65, 67, 134, 150, 194, 276, 303, 304, 306, 308, 312, 323, 326, 327, 329; г. р-е наслѣдіе 269; г. р-я преданія 187; г. р-й типъ 91, 123; г. р-я формы 278.
- Греція** 3, 7, 12, 18, 23, 49, 54, 102, 124, 253, 308, 309, 313, 323, 324, 335, 349; вліяніе Г-и 49; древняя Г-я 277.
- Гречаникъ, гречневикъ** (головной уборъ) 281.

- Греческое государство** 65; г-й дворъ 264; г-я колоніи 15; г-я копія персидскаго оригинала (ткань) 347; г-я надпись (Мад. конн.) 129; г-я работа 70; г-я редакція Физиолога 103; г-й словарь 279) г-я философія 97; г-й шаблонъ 126.
- Грива** 243.
- Гривна (ы)** 73, 74, 184, 185, 278; золотая (ыя) 18, 184, 185, 276; изъ золотыхъ прутьевъ 225; русская 184.
- Григорій Богословъ, Святой** 207.
- Григорій I Великій, папа** 153.
- Григорій, священникъ Ольги** 214.
- Григорьевъ, В. В.** 9, 28.
- Гриммъ, братья** 165.
- Грипарій** 200.
- Грифонъ** 55, 84, 101, 102, 103, 131; г-въ головы 84; г-ы на тканяхъ 347; 364. Грифонесъ 137.
- Грифъ (ы)** 19, 21, 22, 29, 30, 31—32, 50, 59, 71, 74, 75, 76, 78, 85, 101—108, 115, 131, 134, 135, 136, 138, 151, 152, 158, 159, 170, 172, 341; г-а (овъ) голова (ы) 103, 145; г-ъ на плитѣ изъ Ст. Загоры 106, 107; на рельефахъ Прѣслава 104; г-а схватка со змѣей 172; тема нападенія г-а 107; г-ъ, терзающій лань на сосудѣ Миклошскаго клада 104; г-ъ, терзающій слона на капители изъ Прѣслава 101; типъ персидскій г-а 102; г-ъ на тканяхъ 304, 332, 337, 347, 349, 357, 358—360. Грифо-левъ, ы 103, 200. Грифо-онагры 103. Грифъ-орелъ съ рогами 104.
- Гробницы:** Брѣзова и Панагюрище, въ Болгаріи 82.
- Генриха VI въ Палермскомъ соборѣ 359.
- древне-христіанская въ Софіи (ул. Гурко) 94—101.
- Карла Великаго въ Ахенскомъ соборѣ 346, 347.
- Маріи, дочери Стилихона, жены имп. Гонорія 101.
- Грозди винограда, виноградной лозы** 112, 113; на тканяхъ 326.
- Гротески** 152, 168.
- Грузины** 240.
- Грузіи цари** 356.
- Грѣхопаденіе** 137.
- Грюнведель** 74.
- Гумай, гумаюнъ** 29.
- Гундустанци** 164.
- Гунъ (ы)** 5, 8, 9, 14, 43, 44, 53, 61, 63, 64, 65, 66, 70, 71, 72, 79, 89, 92, 104, 119, 129, 130, 202, 227, 230, 275, 287, 353.
- Гунскій видъ головы** 89; г-ая вѣтвь 106; г-ій обычай 89; г-ія ополченія 44; г-ая орда 106; г-іе отряды 66; г-ое офицерство 275; г-іе перебѣжчики 65; г-ое племя 106.
- Гусары** 290.
- Гусли** 216.
- Гусляръ** 78.
- Гусь** 151.
- Д** **Дабика ткани** 351.
- Давидъ** 154, 156.
- Дагестанъ** 7, 70, 169, 349.
- Дагонъ (= Еа, Оаннесъ)** 26.
- Далматика** 223, 232; мода на д-у 226.
- Далматинцы** 261.
- Дамаскинъ Студитъ** 136.
- Дамаскъ** 352; дамасскій шелкъ 351.
- Даміанъ и Косма Свв. врачи** 111, 124.
- Даніиль пророкъ** 149.
- Данія** 21.
- Дара**—доровыя ткани 354.
- Дарій** 10.
- Дары Свв.** 196; д-ы царю 199.
- Да-ту-усень** (припѣвъ) 69.

- Двери Свв.** 196, 226; серебряныя Золотога триклина 200; слоновою кости 276; царскія 196.
- Дворецъ (ы)** 195, 199, 208, 210, 224, 225, 236, 332; византійскій 296, 332; персидскіе 108; царскій (е) 107, 120 д-ы Ассиріи, Вавилона 125. д-ъ Гонзаговъ въ Мантуѣ 261. д-ъ Медичисовъ во Флоренціи 257. д-ы Персеполя 137; древней Персіи (Сузы) 125. д-ы Прѣслава 121.
- Дворцовыя врата** 203; д-ый комендантъ, начальникъ 179.
- Дворъ (ы, дворикъ)** 120, 121; Св. Кладезя 196.
- Дворъ (ы):** Австріи, Англіи 291; варварскихъ царей 208; византійскій, Византіи 65, 175, 181, 192, 208, 227, 230, 250, 265, 278, 280, 356; греческій 277; Европы 178; Константинопольскій 252; персидскій 208; Россіи 290; русскій, 190, 266.
- Двуглавый орелъ** 115—129; гербы д-о о-а 119; д-ый о-ъ на монетахъ 118; на плитѣ въ Марковомъ монастырѣ 119; на п-ѣ изъ Ст. Загоры 115; на рельефѣ въ Богазъ-Кей 116; на тканяхъ 118, 359, 360.
- Девтеръ** 189.
- Декоративныя драпировки тканей** 304; д-ые завитки 149; д-ая тема 118; д-ый типъ тканей 303; д-ое украшеніе 121; д-ые художественныя мотивы 123.
- Декорация:** арабская 124; византійская 124; геометрическаго типа 338.
- Делматикій** 183.
- Делось** о-въ 312.
- Дельфинъ** 25.
- Дельфы** 313.
- Деметра и Кора** 323.
- Демонъ (ы)** 12, 13, 14, 15, 16, 27, 28, 31, 69, 97, 99, 109, 116, 147, 335; верховный владыка д-въ 147; д-ъ злой 149; д-ы Мазандерана 148; мифологическіе 151; д-ъ морской 138; д-ические образы 75.
- Демонология** восточная, древняго Востока 98, матеріальная 99.
- Деньга (и):** 206; Бориса Александровича, кн. Тверскаго 150. Василя Дмитриевича, в. кн. Московскаго 172. Михаила Борисовича, кн. Тверскаго 171. Суздальская 172.
- День:** нареченія имени 207; основанія города (К-ля = 11 мая) 216; поселенія въ домѣ, появленія бороды, рожденія 207.
- Дерево (вья)** 198; однодневныя 139; орнаментальное 347; райское 313; сакральное 123; схематическія 131; на ткани 322.
- Деспотъ (ы)** 182, 183, 192, 195, 196, 219, 222, 226, 230, 233, 238, 271, 285, 290, 291, 294, 347; д-ъ Эпира 119.
- Джемшидъ, царь** 12.
- Джеуровъ Яръ** 150.
- Джигитовка** 254; джигиты 215.
- Дибаджъ, дибеджъ** 229, 232.
- Диверсій** 210.
- Дивитисій (и)** 199, 218, 226, 230, 232, 235, 267, 268, 271, 273, 292; бѣлый (е) 223, 270, 291, 294; голубой 223, 268, 291; красный 182, 271; порфиновые 270; пурпурный (е), пурпуровый (с) 182, 270, 271, 291.
- Дивіи** челоуѣци 137; дивьи люди 92, 135, 136; д-ый ч-къ бьющійся съ дракономъ 171.
- Дивъ (ы)** 136, 147, 359.

- Дивовулъ** 44, 45.
- Диканикіи** 250, 278, 296.
- Дикари** 137, 164.
- Димархъ (и)** 179, 198, 208, 209, 230, 236, 294; Венетовъ 186, 187, 196; Прасиновъ 186, 187, 196; д-овъ двое Голубыхъ и Зеленыхъ 202.
- Димитрія Св.** день, праздникъ 270.
- Димократы** 186, 198; д-ъ Венетовъ 195, 196; д-ъ Прасиновъ 195.
- Димоть (ы)** 21, 22, 68, 182, 211, 216, 236, 280; д-въ фигуры на фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійск. собора 22.
- Димъ (ы)** 68, 182, 183, 196, 198, 209, 215, 218; д-ы главные 208; д-ъ г-й Голубыхъ, Зеленыхъ 208; д-ъ красныхъ 196; д-овъ славословія 194.
- Династія** (богъ покровитель д-и) 99; Ханъ 110, 145, Мингъ 170.
- Дипаниты** 195.
- Диптихъ (и)** 184, 224; консульскіе, патриціанскіе 188; изъ слоновою кости 183.
- Дискосы** 196.
- Диаграмма неба** (у Оригена) 100.
- Диадема** 18, 73, 74, 185, 219, 222, 265. женская Новочеркас. клада 72, 73. эмалевая Константина Мономаха въ Венг. Нац. Музеѣ 222, 223.
- Диадема** (= лоръ) 221, 225.
- Диаспора** сирійская 328.
- Діерминевтъ великій** 191.
- Диоклетіанъ** 64, 194.
- Диомида Св.** церковь 205.
- Диониса** статуя 2.
- Длинноволосые** 94.
- Днѣпръ** 28, 31, 33, 43, 354.
- Добруджа** 90, 129.
- Догъ** аланскій 129.
- Додешкеліанъ, князь Татарханъ** 343.
- Додэ Альфонсъ** 94.
- Дожъ** венеціанскій 238.
- Докладчикъ по оемамъ** 187.
- Должности** 186; дворцовыя военныя 184; судейскія 186; по царскому слову 181.
- Дома** 169; д-а убогіе (богадѣльни) 236.
- Доместикъ (и)** 184, 186, 195, 236, 239; великій 230, 238, 265, 267, 282, 294, 296; василиковъ 187; иканатовъ, нумеровъ, оптиматовъ 186, 187; стола 292; стѣнъ 186; схоль 186, 195; трапезы 189, 191; церкви 202; числа 186; экскувитовъ 186.
- Домры** 216.
- Донскаго** войска земля 67; д-е казаки 288; д-ая область 71, 72.
- Донъ** 15, 43, 61, 70.
- Дороги** (на одеждахъ, тканяхъ) 231, 354.
- Доростоль** 336.
- Доспѣхъ (и)** 26; воинскіе 262; съ зеркаломъ 286.
- Достоинства** 192.
- Драгоценности** 204.
- Драгоценныя камни** 103, 112, 152, 185, 272, 273, 283.
- Драконъ (ы)** 14, 33, 42, 51, 58, 59, 135, 139—150, 151, 158, 159, 170, 299, 337, 364; бронзовый на мосту черезъ Золотою Рогъ 144; — владыка 147; — волшебникъ 148; волшебные 75; вышитые золотомъ 276; д-а дальневосточный типъ 147; д-ы—змѣи 58; китайскій 144, 148, 337; к-аго д-а цвѣта 148; крылатый (е) 58, 140, 149, 150, 314; к-й д-ъ — левъ 202; летящій 149; морского д-а восточный типъ 142; огнедышащій 148; огненные 165; д-овъ пара 33, 140, 141, 142, 144, 148; д-а позднеперсидскій типъ 151; свившійся 146; сказочный 149; на тканяхъ 337, 364; фантастическіе 170; д-а ф-ія формы 149; д-а цвѣта 145; — чародѣи 150;

съ человѣческой головой 158;—чудище съ орлиной головой на хвостѣ 42; д-а эмблематическое значеніе 144.

Аквяманиль бронзовый въ видѣ д-а, Румянц. Музея въ Москвѣ 141—142.

Бляха б-ая съ парой д-въ изъ могильника бл. Уфы, Ист. Музей 141.

Ваза въ видѣ д-а бронзовая, китайск., собр. Е. Мейера въ Нью-Йоркѣ 145—146.

То же, въ муз. Чернуски въ Парижѣ 145, 147.

Голова д-а, бронза, собр. Высоцкого въ Казани 142—143.

Пластинка ажурная съ изображеніемъ пары д-въ изъ Александропольск. кургана, Эрмитажъ 33, 139.

Пластинка золотая съ и-мъ д-а изъ Семибратняго кург., Эрмитажъ 42.

П-и з-я съ и-мъ пары д-въ Сибирской колл. Эрмитажа 55, 139, 140.

Рельефъ съ и-мъ дракона на Дмитровск. соборѣ въ Владимірѣ 149.

Р-ъ съ и-мъ д-а, сельджукскій въ музеѣ Коніи 144.

Р-ъ съ и-мъ д-а на церкви Михаила Архангела въ Павіи 144.

Рогъ Черниговскій съ и-мъ п-ы д-ъ 146—147.

Серьги изъ Вел. Болгаръ съ и-мъ п-ы д-ъ 146.

Трубка золотая ажурная съ и-мъ п-ы д-въ изъ кургана Бесленевской стан. 140.

Чашка Миклош. клада съ и-мъ д-а 147.

Драпировки 303; декоративныя 304.

Древне-восточный міръ 52.

Древній міръ 108.

Древность: бытовая 165; византийская 178; греческая 206; поэтическая 165; римская 91, 206; русская 257.

Древности: Аваровъ 119; Аланскія, Аланъ 31, 70, 119; Аорсовъ 70; балканскія 72; Болгаріи, болгаръ 62, 76, 82—132, 135; Великихъ Болгаръ 80—81; Босфора Киммерійскаго 3, 89; варварскія: 51, 53, 73, 74, 83, Болгаріи 135, Венгріи 83, 135, 142, Германіи 83, 86, Зап. Европы 53, Зап. Славянъ 135, Кавказа 53, Россіи 53, 135; Румыніи, Сербіи, Сибири, Средней Азій 135; Венгріи, венгерскія 62, 75—77, 104; Вестготовъ 67; Востока 175; Германіи, герм. племенъ 62; Г-и варварской 86; Готовъ, готскія 31, 67—68, 70; Гунновъ, 70, 119; Донской области 70, 72—74; Европы, европейскія 62, 69, Е-ы восточной 3, 63, 135, западной 53, 135; Египта 125; Енисея 57; закаспійскія 69; Кавказа, кавказскія 53, 69—72, 79; Китая 147; Кобани 70; кочевниковъ 74, 240; кочевыхъ народовъ 119, племенъ 52; Крыма 79—80, крымскія Керченскаго музея 79; Минусинска 57; могилы Тут-анх-Аммона 125; общеславянскія 72; Остготовъ 67; Пермскаго края, П-ой Чуди 57—60; персидскія 184; Персіи сассанидской 70; Прѣслава 108; Россіи 54, Р-и юга, южной 53, 62, 63; Румыніи 62, 135; русскія 62, 72, 162, 264; сассанидскія 48, 70; Семибратскихъ кургановъ 42; Сибири, сибирскія 25, 26, 44—45, 48, 40—56, 60, 63, 64, 69, 71, 75, 139, 177; Скандинавскія 62, 133; скифо-сарматскія 1—60, 184, 286; скифскія 23, 25, 53, 54, 63, 67, 83, 84; славянскія 62; средне-азиатскія 51; средне-вѣковыя 3; Томской губ. 57; аракійскія 82.

Древо (а): декоративное могилъ 123; жизни 22, 33, 73, 140, 154, 243, 314;

316, 325, 359, 360; Ливанскія 156; орнаментальное 346; познанія 137; священное 140, 141; хтоническихъ божествъ 123; на тканяхъ 346, 349.

Древохранительница 188.

Дрезденская галерея 346.

Дрексель 86.

Дремедары 136.

Дреново, рельефы изъ 82, 131.

Дроздъ 168.

Дротикъ 54, 130, 295.

Дроты, толстые 80.

Дружина (ы) 41, 66, 195, 216; варварскія 65; Варяжскія 192; д-ы охраны 237; родовая 19.

Друзья, союзной Болгаріи, царскіе 236; друзей двѣнадцать 203.

Друнгарій виглы 236, 265; великій д-ій в-ы 191, д-ій (и) стражи 68, 186, 187, 230.

Друнгарій (и) флота 68, 186, 187, 195.

Друэнъ 8.

Дуванлій, курганъ у с. 85.

Дука великій 191, 230, 238, 294, 296, 348.

Дунай 43, 44, 61, 64, 66, 90, 120, 121, 129, 227, 336.

Дусэ, коллекція въ Парижѣ 287.

Духовенство 167, 204.

Духовные стихи, русскіе 156.

Духъ зла 147, д-и злые 149, 335.

Духъ Святой 157.

Дыни 311.

Дьяконы 196.

Дѣянія Апостольскія 149.

Дэвъ, ы 13; д-ъ Сипедъ 13, 148.

Дюбуа де Монпэрэ 69.

Дюканжъ (Du Cange) 29, 119, 185, 233, 239, 258, 267, 268, 290, 297, 354.

Дюкъ, богатырь 356; Д-ва матушка 356.

Дюрбахъ 358.

Дюреръ Альбрехтъ 164.

Е **Еа** (= Дагонъ, Оаннестъ) 26.

Ева 137.

Евангеліе 127, 154, 196; коптское VIII в. 338.

Евдомъ 205.

Евнапій 227.

Евнухъ (и) 184, 188, 190, 217, 268, 276, 292; дворцовые 281; протоспа-еаріи 205.

Евреи 158, 351.

Европа 4, 11, 17, 23, 55, 61, 63, 64, 69, 74, 92, 103, 106, 118, 119, 124, 127, 128, 133, 149, 159, 161, 178, 323; варварская 264; восточная 3, 4, 5, 29, 43, 51, 63, 64, 77, 91, 108, 135, 159, 161, 173, 253, 261, 281, 303, 326; Е-ы дворы 178; западная 3, 43, 108; 135, 172, 253, 263; средне-вѣковая 162, 191, 261, 269, 286; средняя 63, 254; сѣверная 63, 167, 254; юго-восточная 127; южная 28, 62, 246, 275, 308, 309.

Евсевій 96.

Евхологіи 260.

Египетъ 2, 56, 62, 65, 98, 110, 111, 122, 123, 125, 128, 134, 149, 151, 158, 164, 175, 223, 228, 253, 289, 290, 292, 293, 303, 305, 306, 313, 316, 323, 333, 338, 339, 345, 347, 349, 357; живопись древняго Е-а 125; мастерскія Е-а 327; некрополи Е-а 304; религія Е-а 305; ткани Е-а 303, 307, 322, 327.

Египтологія 2, 3.

Египтяне 9, 289, 300.

Егермейстеръ 176.

Егеръ (я) 176.

Единеніе церквей 257.

Единорогъ (и) 22, 25, 151, 153, 156, 159—164; баснословный 163; е-а восточный типъ 261; китайскій 162; крылатый 25; мифическій 159.

Е-ъ бронзовый собранія Г. В. Филимонова 161.

- Бронзовая фигура е-а въ Музеѣ Чернуски въ Парижѣ 160.
Изображеніе е-а на ложкѣ съ Кипра 164.
Курильница въ видѣ е-а 262.
Екатеринославская губернія 355.
Елабуга 69.
Елена, Св. равноапостольная царица 184.
Ельнинскій уѣздъ Смоленской губ. 355.
Емурлукъ (= ягмурлукъ) 266.
Енисей 44, 45, 57.
Епархъ (= эпархъ) 186, 239, 292.
Епилорикъ 239, 265, 295; греческій 262.
Епитрахиль 279.
Епифаній Кипрскій 136, 152, 153.
Епифанія книга о камняхъ 283.
Ергаты 280.
Ересь 96, 101.
Ерликъ, богъ зла 16.
Ефратъ 155.
Ехидна 158, 159.
Ешевскій А. А. 46, 120.
Ж Жаба 159.
Жадъ 145.
Жаровня 18.
Жвачное 131, 163.
Жезль (ы) 182, 186, 192, 211, 250, 269, 278, 283, 296, 320; золотой 184, 186, 188; з-ые съ камнями 279; съ золотыми шариками 189; красный (е) 186, 283; Моисеевъ 194.
Желуди золотые 80.
Жемчугъ 79, 185, 219, 220, 221, 222, 230, 241, 260, 284, 294, 345, 351; имитированный 77; ж-я (ж-а) низки 220, 262; нить крупнаго ж-а 241; обнизки изъ к-го ж-а 225.
Жемчужины 73, 272; крупныя 265; золотыя ж-ки 80.
Жены: мастеровъ 213; протоспаераріевъ 213.

- Жеребенокъ** 137, 153, 283.
Жертвенное мѣсто (= костище) 57.
Жетоны хитроумные 145.
Живописцы 173, 280; бургундскіе, ломбардскіе, фламандскіе, французскіе XV—XVI вв. 260.
Живопись 1, 110; античная 95; вазовая древности 302; венеціанская 260; византійская 177; восточная 177; европейская 170; иконъ 125; эллинистическая 95; эмалевая древняго Египта 125; энкаустическая 95, 125.
Животное (ыя) 56, 87, 88, 116, 117, 131, 161, 163, 170, 177; волшебное 164; жвачное 131; миѳическія 147; сказочныя 110, 151; фантастическое (ія) 22, 161, 163; хищное 92; четвероногое 101; въ греко-римской орнаментикѣ 318; въ народныхъ вышивкахъ Вост. Европы 306; на тканяхъ 315, 325, 326, 329, 330, 337, 346; рассказы о ж-хъ 152; ж-хъ статуи 121, фигуры 145.
Животный міръ 136, 151, 152.
Животный эпосъ 165.
Жилье кочевника 71.
Жираффы 159, 352.
Житія 157; ж-ійныя повѣствованія 124.
Жонглеръ (ы) 208, 263, 301.
Жрецы 10, 289.
Жукъ 151.
Жупанъ (ы) 106, 230.
З Забѣлинъ И. Е. 33, 190, 357.
Завитки декоративныя 149.
Завѣса (ы) 103, 135, 183, 199, 220, 289, 303, 330, 331, 336, 338, 346, 351, 353; дверныя 347; дворцовыхъ залъ 331; домовыя 270; съ орлами 200; съ павлинами 200; храмовыя — знамя 310; церковныя 170, 332; шитыя 200.
Завязи символическія 288.
Загибъ губы (у звѣря) 51.

- Загробныя** представленія 73.
Задокъ сѣдла 50.
Закавказье 317.
Заклинанія 276.
Закопники 195.
Заль (ы) 338; з-ъ 19-и аккувитовъ 190, 202, 204, 212, 271; дворцовыя 331; купольный 195; пиршественныя 150, 331.
Замокъ 78.
Занавѣски 303, 311.
Западъ 11, 52, 64, 65, 72, 92, 94, 108, 115, 152, 243, 250, 251, 255, 264, 283.
Запоны 266, 355.
Заставки 166, 176.
Засѣданія 194.
Захаровъ А. А. 241.
Захарія, ткани его имени 321.
Заяць (ы) 34, 41, 42, 54, 55, 74, 130, 168, 170; на тканяхъ 326: з-ы, пьющія изъ чаши, плита изъ Коніи въ оттоманскомъ Музеѣ 112.
Званія Константинопольскаго двора 252.
Званный пиръ 205; столъ 203, 204.
Звѣзда (ы) 31, 100, 122; формы з-ы въ розеткѣ 325; з-очки на платьѣ 356.
Звѣздица 219.
Звѣрь (и) 34, 36, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 60, 71, 73, 74, 75, 76, 79, 85, 88, 89, 91, 92, 93, 133, 134, 136, 137, 151, 152, 160, 161, 162, 164, 168, 170, 172, 173; баснословныя 78—79; восточныя 131; дивныя 174; извернувшіеся въ схваткѣ 152; легендарный 162; 3-й міръ 152; з-и въ монументальныхъ постановкахъ 152; неизвѣстный 50, 51; несущіеся за добычей 152; охотящіяся 86; поднявшіеся на дыбы 152; пожирающіе добычу 152; покойно идущіе 152; прыгающіе 152; з-ь-птица 101; о з-хъ рассказы 152; сказочныя 151; з-й статуи 121; терзающіе добычу 152; на тканяхъ 303, 325, 326, 329, 330, 337, 342; фантастическіе 170; хищный, е 87, 88, 116, 135, 143; человѣкообразныя 136; звѣрьки 131; въ греко-римскомъ орнаментѣ 318; на тканяхъ 329.
Звѣриный міръ 52; з-ая орнаментация 74, орнаментика 121, з-й орнаментъ 302, 307, 325; з-й отдѣлъ тканей 325; 327; 3-ая пластика 305; з-й стиль 70, 74, 76, 77, 83, 84, 133—177, 302, 304, 325, 337, собственно з-й с-ь Европы 74; з-е типы 136; з-я фигуры 86; з-я формы 67, 135, 168, въ украшеніяхъ домашней утвари, колесницъ, мечей 134; з-й циклъ 175, росписи Палатинской Капеллы 176.
Зебры на тканяхъ 329.
Зевксиппа термы 346, фабрика т-ъ З-а 274.
Зевсъ 2, 107.
Зеленыя, 208, 209; з-хъ партія 179.
Зелье 137.
Земледѣліе 66; з-ческій бытъ 71.
Земля запретная 139; мѣдная 137, священная 139.
Зендень, шелковая ткань 352.
Зенонъ, византійскій императоръ 66.
Зеркало (а) 92; драгоцѣнныя 351; китайскія древнія 145; магическое 31;
Зерно 80.
Зернь 81,
Зерцало 215, съ з-мъ доспѣхъ 286; з-а на кольчугахъ 280; круглое 247; з-о Веттерсфельдскаго клада 25.
Зигбургъ 345.
Зигзагъ 243; молніи 31; з-и на тканяхъ 354, 362.
Зимархъ, византійскій посолъ 45.
Златарскій В. Н. 129.

- Змѣя (и)** 49, 57, 71, 103, 117, 135, 137, 138, 140, 143, 145, 147, 150, 152, 155, 158, 159; живущая на днѣ Нила 149; з-и на тканяхъ 364; з-й царица 150; змѣиная голова 144.
- Змій** 150; Александрии 149; демонъ 149; крылатый вѣнчаный 92; з-и многоглавыя 165; огненный великій 150; у пророка Даниила 149; семиглавый 149, 150; въ толкованіяхъ Апокалипсиса 92.
- Змѣй** въ образѣ царя 136; огненный 148.
- Знакъ (и)** 145; з-тъ государственной службы въ Византіи 278; Овна 110; орденскій 68; римскаго императора 264; символическіе 360; тайные 111.
- Знаменосцы** 236; з-а цѣпь 185.
- Знамя (ена)** 195, 278, 286, 299; драконаріевъ 195; царскія 208; черное 148.
- Знать** 277; византійская 66.
- Значки** 22, 195, 205, 278; з-екъ во еводы 286; войсковые 299; лагерные 195; з-тъ хана 286.
- Зогакъ**, драконій царь 12.
- Золото** 72, 73, 102, 103, 111, 139, 207, 276, 288; з-хъ дѣлъ мастерство 67; з-ья звѣзды (на кафтанѣ) 247; з-ная матерія 300; з-ые предметы личнаго убора 337; з-ья розсыпи 102.
- Золотая гора** (= Алтай) 45.
- Золотой Рогъ** 144.
- Золотой триклинъ** 200.
- Золотыя ворота** 197, 235, 265, 270, 273; Владиміра, Кіева 355.
- Зонтъ** Падишаха 248; раковинный 114; цвѣточный 114; зонтикъ широкой 285.
- Зооморфическіе** типы божества 151.
- Зороастръ** 10, 12, 15, 148.
- Зрѣлища** 206; цирковыя 91.
- Зуботомитель** 138.
- Зубы** 31; кита 158.
- Зуфъ**, шерстяная ткань 352.
- И Ибексъ (ы)** 23, 24, 117.
- Ибисъ** 151, 157; на тканяхъ 329.
- Иванъ Оливеръ**, деспотъ 118.
- Игорь**, русскій князь 353.
- Игрецы** съ медвѣдями 92.
- Игрища** 217.
- Игры** 68, 91, 92; готскія 68; въ ипподромѣ 193, 205, 208; общественныя 194; поздравительныхъ группъ 92; потѣшная (ья) и-а (ы) 91, 93, 208, 217; цирковыя 90, 91.
- Игумны** 202.
- Идикъ** 237; и-а начальникъ 186, 187.
- Иди-кут-шехри** развал. близъ Турфана 310.
- Идолы** 173.
- Иждивеніе** царское 230.
- Изборникъ Святослава** 230.
- Издѣлія**: арабо-византійскія стекляныя XIV—XV вв. Истор. Муз. въ Москвѣ 162; бронзовыя 70; Бухары 169; Востока, ввозныя 162; греко-восточныя 132; деревянныя рѣзныя 162; золотыя 70; Кавказа 169; кожаныя у Лезгинъ 70; кожевеныя 190; кустарныя 57; Малой Азіи 169; Персіи 169; сассанидскія 89; серебряныя 201; сибирскія восточнаго типа 131; сиро-египетскія 349; ткацкія 190; Туркестана 169; Хивы 169; шерстяныя 170; эмалевыя 200; южно-русскія восточнаго типа 131.
- Изображеніе (я)**: архангеловъ 94; вотивныя 130; греко-восточнаго происхождения 171; двухъ всадниковъ традиціонное 287; звѣрей 71, 173; исполненное насѣчкой 238; людей 173, 175; маговъ на др. христ. и ранне-виз. памятн. 255; на надгробн. плитахъ 262; охотника на монетахъ 172; охоты 78, о-ы персидск. вла-

- дыки или легенд. героя 243; птицъ 173; рѣзныя 77; сассанидскія 239; символическія 170; на скараникахъ 238, 239, 294; на тканяхъ 118; царя 238, 239, 252, 264, 294; ц-ей Персіи на охотѣ 242; ц-я сассанидскаго 87; царствъ древнихъ 137; на цилиндрахъ 117; чеканныя 77.
- Изопсефическое** толкованіе Трисвятого 96.
- Изразецъ (ы)** 124, 126; восточнаго типа 125; поливные 125; Ниневіи 314; цвѣтные на дворцѣ Сузъ 102.
- Измурды** 220, 351.
- Икасты** 280.
- Икона** древняя энкаустическая 126; и-тъ живопись 125; и-а аввы Авраама въ Берлинѣ (Kaiser-Friedrich-Museum) 125; и-а (ы) Богоматери: 183; Голубицкая 157, итал-критскаго письма 298, русскія XIV—XVI в. 298; и-а Бориса и Глѣба въ Русскомъ Музеѣ 348; и-а (ы) Поклоненія волхвовъ: венеціанская, прип. Антонію Виварини 263, Джентиле де Фабріано 255; итальянскія XV—XVI вв. 260, сіенской школы на деревѣ 255; и-а свв. Сергія и Вакха 185; и-а Спаса 195; и-а Θεодора Тирона 150.
- Иконники** фламандскіе 260.
- Иконоборство** 180, 332.
- Иконоборческая эпоха** 183.
- Иконоборцы** 176, 277.
- Иконографія** 96; восточныхъ цилиндровъ Западной Азіи 111; греческая 126; двуглаваго орла 118; египетская 126; западная 255; христіанская 302.
- Иконописецъ** 291, 298.
- Иконопись** 250, 320.
- дыки или легенд. героя 243; птицъ 173; рѣзныя 77; сассанидскія 239; символическія 170; на скараникахъ 238, 239, 294; на тканяхъ 118; царя 238, 239, 252, 264, 294; ц-ей Персіи на охотѣ 242; ц-я сассанидскаго 87; царствъ древнихъ 137; на цилиндрахъ 117; чеканныя 77.
- Иконостаъ** 303; и-сная преграда 112.
- Иліополь** градъ 156.
- Илія** пророкъ 205, И-и пророка день 205.
- Иллюстраціи Библии** 137.
- Имгигъ** 116.
- Имена** святыхъ 206.
- Имитаціи**: и-я арабская персидскаго оригинала въ рисункахъ на тканяхъ 341; варварскія серебрян. монетъ о. Фазоса въ Нар. Муз. Софіи 85; греческой редакціи вознесенія Александра двумя грифами 59; древностей сибирскихъ 75; золотыя — прядей 73; металлическія 72.
- Императоръ**: византійскій 68, 89, 181, 182, 220, 284; китайскій 29; римскій 64, 192, 224; и-ы трапезундскіе 118; и-кія регалии Римско-Германской имперіи 347.
- Императрицы** византійскія 296; и-цы римской бюстъ 72.
- Империа**: византійская 53, 64, 89, 94; восточная 118; западная 118.
- Имя Божіе** 14.
- Инвеститура** 274, 356.
- Индикіи** чудесная птица 156.
- Индитія** 196, 353.
- Индія** 7, 10, 43, 56, 74, 75, 105, 106, 108, 109, 111, 136, 149, 158, 160, 164, 224, 229, 247, 307, 320, 321, 333, 335; верхняя 12; И-и искусство 319; сѣверная 332; И-и ткани 322, туземцы 320; и-скія копіи персидскаго оригинала (сассанид. блюда) 241.
- Индокитая** туземцы 320.
- Индо-Скиѳія** 11, 74; Индо-Скиѳское царство 43.
- Индрикъ** 156, 161.
- Индусы** 321; и-овъ рассказы 164.
- Индъ** рѣка 309; И-а хребты 309.
- Инициалы** средневѣковыхъ рукописей 63; и-овъ орнаментація 159.

Инкрустация 50; и-и готескія гранатовыя 216; и-и по золоту 253; стеклянная 72; стеклянная блестящая Египта 125; стекольныя перегородчатая 201; эмалевыя 125.
Иноземцы 195; и-ы дружинники 204.
Инокопь 294.
Иностранцевъ К. А. 352.
Инорогъ 161.
Ипархъ 200; и-хъ городской 194.
Ипаты 182; и-ты консулы 183.
Ипотамъ 136.
Ипподромъ 193, 200, 208, 209, 211, 212, 218, 223, 270, 280, 291, 300; византийскій 78, 217; дворцовый 208; Константинопольскій 69, 214, 311; овощной 211.
Ираклій виз. имп. 194.
Иракъ 118, 123.
Иранскія расы 69.
Иранцы 14.
Иранъ 12.
Ирина, виз. императрица 189.
Ирландская каллиграфия 307.
Иртышъ 28, 44, 45.
Исаврія 66.
Исавры 64, 65, 66; И-овъ династія 66.
Исаія пророкъ 149.
Искусство 75, 91, 119, 130, 133, 135, 151, 170; азиатское 127; азиатскихъ странъ 63; Азии 139; античное 103, 131, 152; арабовъ 176; арабское 30, 175; арабо-персидское 103; варварское (Сибири) 177; варварскаго міра Европы 61; Византіи 61; византийское 49, 103, 131, 132, 162, 250, 255; Востока азиатскаго 101; Востока древняго 135; восточное (ья) 115, 125; восточно-варварское 74; восточно-европейское 124; греко-восточное 36; греко-римское 4, 125, 127, 134, 135, 150, 305; греческое 35, 36, 54, 125, 319; греческое древ-

нѣйшее 70; древнее Востока 49; декоративное 170; древне-восточное 35, 134; древне-персидское 170; древне-русское 163; древне-славянское 62; древне-христианское 326; и-а древняго исторія 2; Европы средней 63, сѣверной 63; Европы христианское 127; египетское 134; западное 162; Индіи 74, 319; Индо-Скаѳіи 74; Ислама 346; китайское 75, 319; Китая 74, 110; классическое 135; и-а классическаго памятника 3; кочевниковъ азиатскихъ 55; мало-азійское 35; мировое 134; народное 62, 303; народное современное 114; народное средневековья 114; и-а памятники 70, 154; романское 165; русское 162; русское древнее 349; сарацинское 172; сасанидское 30, 62, 90; сиро-халдейское 134; средневековое 63, 103, 126, 135, 138, 153, 168, 178; средневековое Востока 115; средневековое восточное 103; и-а средневековаго исторія 3; средневековья европейскаго 302; христианское 305, 320; и-а христианскаго исторія 3, памятники 63; христианское германской области 62; христианской древности 62; эллинистическое 74, 95, 154; Японіи 74.
Исламъ 31, 62, 122, 123, 124, 136, 143, 158, 176, 246, 293, 322, 327, 339; и-а Восточнаго ткани 345, 346; и-а завоеванія 228; и-а искусство 346; и-а некрополи 123; и-а страны 322.
Испанія 62, 67, 118, 313, 317, 351.
Исперихъ (Аспарухъ) ханъ 129.
Исподники 275.
Исполины 139.
Исседоны 43.
Историческій Музей въ Москвѣ 59, 80, 141, 162, 241; ткани И-аго М-я 338—349, 354.

Исторія искусства 1, 2; древняго 2; средневековаго 3.
Исторія политическая 3; русская 185; формы 1; церкви христианской 94.
Истраилъ архангелъ 101.
Истрия В. В. 137.
Истръ 43.
Италія 67, 113, 124, 162, 167, 176, 198, 261, 281, 288, 305, 307, 308, 313, 317; средняя 259; сѣверная 62, 259, 281; южная 62, 136, 281; и-и ткани 305; и-скія мастерскія 305.
Итальянцы 136, 263, 299.
Ихневмона 158.
Иштаръ, богиня 117.
И
Иаковъ 8.
Иереи 203.
Иеремія 9.
Иеромонахи 202.
Иеронимъ бл. 159.
Иирковъ охота у Геродота 52.
Иисусъ Христосъ 96, 97, 153.
Иоаннъ Богословъ 97, 205; I-ъ любимый благовѣстникъ Христа 153.
Иоаннъ Асѣнь 223.
Иоаннъ IV Васильевичъ, царь московскій 357. [282].
Иоаннъ Златоустъ 149, 197, 274, 276.
Иоаннъ Лидіецъ (янинъ) (Ioannes Lydus) 278, 279.
Иоаннъ I Цимисхій имп. виз. 194.
Иоаннъ VI Кантакузенъ имп. визант. 189, 194, 219, 223.
Иоаннъ VIII Палеологъ имп. визант. 257.
Иоаннъ экархъ Болгарскій 149.
Иовъ 156; I-а книга 163.
Ионія 7, 18, 23, 24, 134, 289, 309, 324, 335; I-и древ. культура 134.
Ионяне 15.
Иудеи 110.
Иудейство древнее 97.
Иудея 153, 158.

К
Кабалистика 98.
Кабаларій (и) 191, 200; к-ій кесарикій 200.
Кабанъ (ы) 23, 25, 31, 33, 42, 49, 50, 52, 58, 88, 164, 170, 215; крылатый 85; к-а голова 69.
Кабарда 71.
Кабардинецъ 240.
Кабатъ 221, 229, 230, 232, 256, 264, 355; к-ъ изъ дибаджа 229; к-ы земледѣльческой средней Европы 247; короткіе 93; к-ъ при русскомъ дворѣ 231; узорукавый пурпурный 256.
Кабуль 123.
Кабульта 70.
Кавалергарды 290.
Кавалеристъ 68; китайскій XIV в. 21.
Кавалерія 235; варварская 66.
Кав(в)адій (и), (кабадій) 185, 202, 204, 229, 264, 294, 295; парчевой 230; пурпурный 189, 294; шелковый 230.
Кавказъ 7, 21, 24, 35, 43, 61, 62, 69, 70, 79, 132, 169, 170, 240, 241, 247, 338, 339, 340—344, 349, 354, 361, 362; К-ія горы 344; к-іе могильники 71; к-іе некрополи 342; К-ое предгорье 71; К-ій хребетъ 69.
Каганъ 18; к-а кругъ 178.
Каганцы 19.
Кадило 196.
Казакинъ 54; два августѣйшихъ к-а—корсажа 201. [237].
Казбекъ 24.
Казначей имущества и царской казны
Каиръ 118.
Кайма (коймы) 223, 228, 230, 235, 362; золотая (ья) 234, 235, на хитонѣ 292, чагъ 268; к-ы круговъ на тк. 345, кружковъ, вмѣщающихъ сюжеты на тк. 253; к-а пластины (золотой) изъ Сиб. колл. Эрмитажа 140; пурпурная (ья) 297, 300; к-а съ пурп. вышитыми орлами 280.

Кайманъ 158.
Каламандры 137.
Калансува 229, 230.
Календы январскія 194.
Калиптра 281; красная съ золотомъ 292.
Калитинскій А. П. 69, 224, 245.
Каллиграфія: ирландская 307; карловингская 307.
Калмыки 44.
Калужская губ. 67.
Кама рѣка 57, 69.
Камера 219; к-а вѣнца 223; к-ы гробничныя 94, 95; к-ы Золотого Триклина 220.
Камзолъ 257; к-тъ съ оттопыренными козырями оплечій 248.
Камилавкій 282.
Камилолеопарды 159.
Камисій (и, я) 188, 202, 271, 273, 292; бѣлыя, кандидатовъ 290; казенные 236; камчатная узкорукавная 259; обшитый пурпуромъ 279.
Камка 231, 266, 350, 352, 354, 356, 357, 360, 363; бурская 352; кизылбашская 352.
Камни: драгоценныя 351; драгоценныя въ гнѣздахъ на лорѣ 225; рѣдкіе 276, черные 137.
Кампаги 203, 205, 223, 259, 271, 297.
Камперъ 138.
Камунта 24, 25, 70, 71.
Кандидаты 185, 236, 252, 290; к-въ чинъ 185.
Канишка 11. [101.
Канонъ 35 Лаодикейскаго собора
Канты царскіе 207.
Канунъ большихъ праздниковъ 236.
Канцеляріи квестора 195.
Капелла: Палатинская 175; Хризолога въ Равеннѣ 149.
Капитель: съ изображ. грифа, терза-

ющаго слона, 104; к-и колоннъ и столбовъ главнаго нефа церкви 139; корзиночнаго типа 131; коринѣская 319; кубическая церкви или дворца изъ развалинъ Прѣслава 101; кубовая 122.

Каппадокія 66, 116, 118, 198, 298.
Капторга 81.
Капутца (капуца) 233, 251.
Карабачекъ 175, 176.
Карагодеуашхъ, курганъ 21, 286.
Кардиви 229.
Каркъ 335.
Карлъ Великій 3, 77; К. В. гробница 346, 347, рогъ 78.
Карлъ V 194.
Карнизъ (ы) 127, 175; к-въ декоративное украшеніе 121; орнаментальные 126.
Карнѣевъ А. 154.
Карпини Пано 92.
Каррухи 283.
Картазонъ 161.
Картины: венеціанской школы 169; голландской ш-ы 169; итальянскихъ мастеровъ XV в. 251; фламандской ш-ы 169.
Каршипта 116.
Каспійское море 43, 69; К. м-я по берегу 333, южное 12.
Катакойліонъ 256, 257.
Катакомбы: керченскія 95; римскія 95.
Каталогъ конямъ и геніохамъ 210.
Катепанъ гвардіи 199.
Кафріиль арханг. 99.
Кафтанъ (ы) 52, 85, 231, 232, 256, 266, 330, 362; к-тъ на актерѣ сіамской труппы 248; бархатный, аварской женщины 246; безрукавные съ большими разрѣзами на бокахъ 262; верхній 263; выгъздной 242; к-тъ голубого цвѣта съ золотымъ шитьемъ 262; грузинскій женскій

247; длиннополые к-ы, становой и турскій 266; длинный: у калмыковъ, ногайцевъ 247; въ типѣ черкески 242; к-тъ изъ золотой парчи 261; к-ы кавалерійскихъ чиновъ 264; китайскіе 337; короткій (іе) 242, 246, 261, узкій 243, воинскаго типа 261, изъ овчины мѣхомъ внутрь 244, покольнныя 262, флорентинскаго покроя 257; кочевничій 246; красный (ые): 247, 249, 264, 296, к-тъ маркграфы 262; нижніе 228; парадно-выгъздной 241; парчевой, украшен. гранатовыми яблоками на вѣткахъ 256; парчевые со сборками 260; персидскій 262, съ вырѣзами на бокахъ 255, ѣздовой 242, 247; плотно прилегающій къ тѣлу 241; подоткнутые 217; пурпурный съ золотыми разводами 261; разрѣзной 255, на груди 243; к-ы Руси древней (старой) 294, 355, 356; к-тъ туркмена молодого 246; к-тъ туркменской женщины 247; турской к-тъ 231; узкій: до бедеръ 255, плотноприлегающій изъ верблюж. шерсти 247, шитый въ талію 254, к-тъ хана 243, 247; шелковый 241; ѣздовой (ые): 241, 244, 254, 255, 256, 257, 260, 261, 262, 264, восточный 255, типа скараниковъ 261, на Карлѣ Великомъ 261, на ткани въ Маастрихтѣ 254.
Кафтанцы (въ былинахъ) 356.
Кацаровъ, Г. И. 87, 88, 95, 130.
Кашгаръ 74.
Каштаны 311.
Каѳизма (каѳисма) 209, 211, 214, 217, 232; к-ы изображеніе 217.
Квадратъ (ы) 121, 122; к-ое (ыя) поле (я) 121, 122.
Квесторъ 179, 186; к-а канцеляріи 195.
Квитовое яблоко 310.

Кедренъ Георгій 205.
Кей-Каусъ шахъ 148.
Кекропъ 25.
Кельты 335; к-ы бронзовые 69.
Кенсингстонскій Музей 78, 79.
Кентавръ (ы) 14, 78, 134, 135, 151, 152, 158, 159.
Кентинарій 197.
Кенургій 213.
Керамика Патлейнская 124; Керамиченъ образъ св. Феодора 125, 126.
Керберъ 151, 152.
Керченскій полуостровъ 79; к-іе курганы 54; к-ія катакомбы 54.
Керчь 18, 33, 41, 54, 80, 102.
Кѣръ (= нлющъ) 319.
Кесарь (и) 179, 181, 182, 193, 219, 222, 271, 294, 347, 348, 360; к-скія одежды 360.
Кесарикій (и) 200, 220, 221, 222, 265, 271, 348.
Кессоны 175.
Кибела (Кубеба, Рея) 15; К-ы культъ
Киворіи 303. [15.
Кизиль городъ 75, 330.
Кизилбаши 242.
Киль 86.
Кимвалы 216.
Киммерійская земля 42.
Кинжалъ (ы) 18, 24, 25, 174, 241, 246, 266, желѣзные съ бронзовой рукоятю 69.
Киннамъ Іоаннъ 213.
Кинокефалъ (ы) 92, 135, 136, 151, 164.
Кипарисъ (ы) 123, 124, 309.
Кипръ 123, 164, 345.
Кираса 262.
Киргизы 288.
Кирилла Лексиконъ 239.
Кирки бронзовые 69.
Киръ авва 125.
Киръ перс. царь 42, 43, 232.

- Кисея** 350.
Кисловодскъ 338.
Кисти 19, 20, 21, 285, 286, 288; к-ъ большая 286, 287; к-ъ (и) конская (я) 285, 288; к-и коня сассанидскаго царя 285; к-ъ красная 285, 286; к-и подвѣсныя 140, 243; к-ъ пурпурная 285, черная султанская 286, шейная 287.
Китай 7, 8, 10, 43, 56, 64, 74, 110, 144, 145, 147, 148, 158, 161, 223, 287, 307, 328, 333, 337.
Китайскія вещи 145; к-ий императоръ 223; к-ие кафтаны 337; к-ие образцы 142; к-ая пряжа 337; к-ий словарь 148; к-ая стѣна 44; к-ая (я) ткань (и) 242, 307, 322, 325, 327, [333].
Китайцы 11, 321.
Китрины 291.
Китоврасъ 172.
Китъ (ы) 149, 158.
Кіевъ 311, 339, 349, 356.
Кіево-Софійскій соборъ (фрески лѣстницы), 22, 68, 211, 214, 215, 311.
Кіевская область 67; к-ая (я) фреска (и) 21, 267.
Кіотцы 222.
Клавы: золотые 235; парчевые 250.
Кладка „въ рустуку“ 218.
Кладезъ Святой 196.
Кладъ (ы) 62, 72, 80; Аму-Дарьинскій 21, 26, 52, 53, 70, 161; к-ы Болгаріи 62; к-ъ Веттерсфельда (скій) 21, 25, 83; к-ъ Владимірскій 354; к-ъ Гварразара 220; к-ъ с. Косякова (близъ м. Вел. Болгаръ) 80, 81; к-ъ Латеранскій 253; к-ъ С-Миклоша (скій) 48, 76, 77, 104, 128, 147, 286, 318; к-ъ Новочеркасскій 53, 70, 72, 73; к-ъ Петроссы (скій) 29, 48, 53, 62; к-ы Россіи Южной 62; к-ы Румыніи 48, 62; к-ъ Силяги Шомльо 142; к-ъ Чулукскій 21, 67.
Кланъ 19.
Клапротъ акад. 69.
Классическая школа 3.
Клейнъ В. 352.
Клики 182.
Клинцы 31.
Клиръ 195, 196, 208.
Клиторій 203, 205; к-й длинноволосыхъ 202.
Клиторологій 201; к-й Филовея 283.
Клобукъ 231, 281; к-ъ безъ бортовъ 272; к-ъ сибирскаго охотника 240; к-ъ Ѳеодора Метохита 282.
Клувій 212.
Клыкъ (и) 31, 160.
Клюни (музей) 62; ткани м-я К-и 318, 319, 329.
Ключъ 153.
Книга Царствъ 108.
Книга папская 303.
Книжники еврейскіе 97.
Князь (я) 106, 171, 193, 243, 268, 277, 278; великіе к-я 106; к-ей облаченіе (хламида) 348.
Князьки болгарскіе 124.
Кобань 24, 70, 71.
Ковка оружія (на Кавказѣ) 349.
Ковры 103, 135, 170, 176, 195, 200, 276, 350, 351; арабскіе 175; болгарскіе 170; к-ъ (ы) восточный (ые) 149, 169, 170, 175, 177; геометрическіе типы древнихъ к-въ 170; к-овъ изображенія 169; к-ы кавказскіе 169, 170; к-ы мечетные 174; к-ы съ охотничьими сценами 170; к-ы персидскіе 169, 198, 200, 320; к-а рисунки: съ легендой о единорогѣ и дѣвѣ 263, со множествомъ фигуръ высшаго общества 263; к-ы среднеазиатскіе 170; к-ы шелковые 170.
Ковровое мастерство 75; к-ыя ткани 338.

- Когти** 31, 33.
Кодикеллій (и, а, ы) 271; пурпурныя 183.
Кодинъ 144, 176, 181, 189, 190, 191, 192, 197, 208, 214, 216, 219, 220, 221, 222, 225, 228, 230, 231, 260, 265, 267, 269, 278, 280, 282, 283, 284, 285; К-а книга (сочиненіе о должностяхъ) 190, 265, 289, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 301, 347; К-а сочин. De Signis 144, 300.
Кожа плотная 93, пурпурная 278, чешуйчатая единорога 162; кожъ выдѣлка (на Кавказѣ) 349; к-ая куртка 245.
Кожухъ болгарскій 230, короткій 244.
Коза (ы) 75, 88, 92; к-ья голова 217.
Козель (ы) 19, 25, 31, 34, 42, 75, 92, 153; горные на тканяхъ 329; дикій (іе) 35, 176; каменный 117; каменные на тканяхъ 326; крылатый 42.
Козловъ П. К. 48.
Козуля 215.
Козыри оплечій 248.
Койтониты 189, 218.
Кокошникъ 54, 184.
Кока, микадо 242.
Колдовство 12.
Колесница (ы) 18, 33, 211, 215; к-цъ выѣзды на оліфантѣ (соб. св. Вита въ Прагѣ) 78.
Колесничники 78; к-и димотовъ 280.
Колеты бѣлые 290.
Колечки 74; к-и бронзовыя, серебряныя витыя Крымскихъ древностей Керченск. Муз. 79.
Коллекція древн. сибирскихъ Алтая 240; к-ія рисунковъ восточныхъ одеждъ М. Тильке 244; к-я сибирская Эрмитажа 45, 49—56.
Коловій и Колобіи 185, 218, 272, 275; к-и т. наз. барановъ 270; к-ий пурпурный 264.
Колокола 80.
Колокольцы бронзовые (изъ бронзы) 24, 71, 80.
Колокольчики 21.
Коломенскій уѣздъ, Моск. губ. 355.
Колоніи греческія 33, милетскія 26.
Колонны 107, 198, 331, 338; к-ы зеленаго мрамора 218; к-а порфировая на форумѣ 197; к-ы серебряныя 351; к-ы серебряныя зала аккувитовъ 204; шесть к-ъ 198.
Колпакъ (и) 217, 281; к-и бѣлые 268, 282; к-ъ (и) высокій (іе) 93, 192; к-ъ высокій коническій, конусообразный 93, 248; к-ъ жены хана 18; к-ъ земли греческой 356; к-ъ красный 263, съ заломами 266; к-и лимоннаго цвѣта 215; к-и матерчатые 140; к-ъ мягкій 282; к-ъ (и) остроконечный (ые) 116, 264, 281; к-ъ сибирскаго охотника 240; к-ъ фригійскій 216; к-ъ чернаго цвѣта 282.
Колхида 333.
Колчанъ 18, 26, 42.
Кольцо 31; к-а височныя 134; к-а желѣзныя рабовъ 184.
Кольчуга 247, 262, 286; к-ъ ковка на Кавказѣ 349.
Коляды 68, 69, 92, 217; (= Календы январскія) 206; к-никъ 217; к-ная пѣсня 69.
Комаровъ А. В. 46.
Комары 137.
Комбы (на жезлахъ) 296.
Комендантъ дворцовый 179.
Комитъ (ы) 182, 186, 189, 193, 209; к-ъ (ы) конюшни (енъ) 186, 187, 189; к-ъ (ы) крѣпостей 186, 187; к-ъ ставла 186; к-ы схолъ 236.
Комическія сцены 91.
Комнины 119.
Конвой 235.

Кондаковъ Н. П. 4, 20, 43, 77, 96, 103, 118, 119, 128, 133, 150, 157, 168, 175, 183, 184, 185, 198, 212, 217, 222, 226, 230, 232, 245, 282, 284, 311, 339, 349, 354, 355, 357, 362.
Кѡне бар. 118.
Конія 112, 118, 119, 144.
Конникъ (и) 21, 83, 84, 125, 170; к-тъ Мадарскій 82, 89, 90, 129, 130, 131; к-въ почитаніе 125; к-тъ Оракійскій 88, 130, 131, 239.
Конногренадеры 290.
Конрадинъ Гогенштауфенъ 222.
Консистерій (и) 194, 195, 199; большой 198, зимній 274, малый 198.
Конскій хвостъ 21.
Консоли 174.
Константинъ Великій 64, 211, 194, 284; К-а крестъ 196.
Константинъ Багрянородный (Порфирородный) 20, 68, 93, 103, 153, 178, 180, 190, 194, 206, 207, 208, 211, 213, 220, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 250, 251, 254, 265, 268, 269, 271, 274, 277, 278, 279, 282, 283, 284, 289, 290, 293, 294, 296, 298, 300, 301, 332, 347, 352, 354, 355, 356, 360. К-а П. книга о церемоніяхъ 178—180.
Константина Мономаха эмалеваая діадема 222, 223.
Константинъ, старшій сынъ Василія Македон. 205, 265.
Константина храмъ 272.
Константинополь 121, 144, 197, 205, 220, 235, 328, 346, 353.
Констанцій имп. 12.
Консулы 224; к-е достоинство 183.
Континна 173, 174.
Контоставль 186, 199, 230, 272, 295; к-тъ великій 191, 238.
Конь (и) 18, 19, 20, 21, 22, 32, 33,

34, 54, 71, 84, 88, 90, 120, 129, 143, 145, 152, 153, 162, 163, 173, 199, 206, 243, 247, 272, 284, 287; бѣлый 288; верховой 71; водяной 151; съ воловьєю головою на стегнѣ 136; дикій 215; крылатый 115, 243, 333; к-и на тканяхъ 326; к-и триумфаторовъ 88; к-и съ уборами 284; к-ъ хана 285; конь (и) царскій (іе) 249, 284, 285; к-и ц-іе ассирійскіе 285; к-ъ царя 272.

Коньки крылатые 286.

Конюхи 284.

Конюшій бояринъ 189.

Конюшни 200, 236; к-и цирка 209.

Копенгагенъ Корол. кунсткамера 77; К-ій музей 79.

Копты 327.

Коптскія вышивки 304; к-ій отдѣлъ христіанскаго искусства 305; к-ій рисунокъ на ткани VII в. 89; к-ія рукописи 311; к-я ткани 304.

Копчикъ 134, 151.

Копыта 162; к-а раздвоенныя 131.

Копье 26, 130, 172, 295; к-е длинное 280; к-е со значкомъ 287.

Кора и Деметра 323.

Кора индійская благовонная 206.

Кораллы 294.

Корезій Георгій, греч. ученый съ Хиуса 233, 239, 248, 260.

Корзно 266, 272, 348, 355; к-а великокняжескія (русск.) 348.

Коричневая краска 299, 300; к-ая основа пурпурнаго цвѣта 293; к-ья полосы на одеждахъ 290.

Коркашъ 335.

Корова 151.

Короли 181, 193, 218, 277, 348; к-ъ Италіи 237; к-и лангобардскіе 220; к-я лангобардскаго вѣнчаніе (мраморн. рельефъ) 268; королевей облаченія 348.

Корона (ы) 209, 218, 226; к-а венгерская, Венгрии 219, 357; к-ы вестготскія въ Клуни и Мадридѣ 62; к-ы вестготскихъ царей 220; к-а Германской Имперіи 357; к-а желѣзная 220; к-ы Ирода у иконописцевъ 260; к-а лангобард. королевы Теодолинды въ Монцѣ 62; к-а съ лилейными зубцами 256; корона малая на ткани изъ Мозака 249; к-а окрыленная персидскихъ царей 256; к-а персидская 243; к-ы сасанид. царей 103, 240; к-а царская 276.

Коронація 226.

Коронка павлина священная 113, изъ трехъ лучей съ шариками на головѣ феникса и павлина 110.

Коршунъ (ы) 57, 104, 153, 200, 255.

Косма и Даміанъ свв. 111, 124.

Косма Медичисъ 257.

Космогоніи 99.

Костице 57.

Костницы монастырскія 124.

Кость 349; к-ъ рыба 246.

Костюмъ (ы): азіатскій 248; венеціанскаго барона 266; домашніе 277; парчевый 257; турецкіе 245; шелковый 257.

Косы длинныя 93.

Косяково, село 80.

Котель (ы) 18, 19, 34; к-ы кочевническіе 34; к-тъ для сожженій 120.

Котелки мелкіе 80.

Котляревскій А. А. 173.

Котовъ Г. И. 175.

Котовъ, московскій гость 241.

Кочевникъ (и) 28, 51, 52, 54, 55, 56, 62, 66, 69, 75, 76, 83, 88, 89, 93, 119, 129, 139, 145, 176, 202, 241, 244, 247, 281, 286, 287, 328, 332, 354; к-овъ вкусы 75; к-и Волги 77; к-и восточные 230; к-овъ могилы

324; к-тъ молодой съ широкимъ лицомъ—бронзов. стат. Саратов. губ. 245; к-овъ области 147; к-овъ религиозныя вѣрованія 10—17; к-и Сибири 77; к-тъ скачущій, барельефа цирк. игръ, найден. въ Софіи 93; к-и средневѣковья 227; к-а статуэтка 240; к-овъ эмблема 104; к-и Урала 77.

Кочевой бытъ 71; к-ые народы 92, 103; к-ья орды 170; к-ья племена 92; к-ья формы 125.

Кочевье 28, 66, 121, 129, 148; к-е приазовское 129; к-е сарматское 30; к-е южно-русское 73.

Кочеть 136.

Коць 355.

Кошели 77; к-и шелковые 197.

Кошка 134, 151.

Кошъ 19.

Кракты 182.

Краска (и) живая 175, зеленая 300, коричневая 299, 300, кубовая 300, к-а левкоя 300, синяя 306.

Красное море 313.

Краснокутскъ 33; К-ій курганъ 19.

Красноръчье византийское 191.

Красный цвѣтъ 290, 293—294, 296, 324; к-ый ц-тъ скарамангія на тк. изъ Мозака 249; красно-коричневый цвѣтъ 297.

Кремль Московскій 162.

Кресло золотое 218, 268.

Кресоны византийскіе 77.

Крестики 94; к-и меровингскихъ могилъ 62; к-и серебряные 205; к-и на тканяхъ 347.

Крестные ходы 197; въ храмъ Апостоловъ 197; к-ый х. отъ Божьей Матери Фарской до Троицы во дворцѣ Дафны 203; въ мон. Б. М. Перивлепты 197; во Влахерны 197; въ мон. Лазаря 197; въ мон. Лива

- 197; въ Манганы 197; въ мон. Палеологовъ 197; въ мон. Петріона 197; къ порфировой колоннѣ 197; въ св. Софію 197; въ св. Софіи на службахъ 197; въ ц. Спаса Вседержителя 197; въ день св. Апостоловъ 197; въ д. Василия Великаго 197; въ д. Введенія во храмъ 197; въ д. Георгія 197; на пам. вмч. Димитрія 197; въ д. Иоанна Златоуста 197; въ д. св. Константина 197; на Лазарево Воскресеніе 197; въ д. Православія 197; на Преображеніе 197; въ д. Рождества Предтечи 197; на пр. Рождества Богородицы 197; к-ый х. на Срѣтеніе 197; на Успеніе 197; въ д. Усѣкновенія гл. Предтечи Иоанна 197.
- Крестъ (ы)** 96, 113, 131, 195, 204; к-тъ византійской формы 94; деревянный изъ Сербіи 343; Константина 196; Константина великій 195; округлый съ пальметками 121; орнаментально раздѣланный на плитѣ ц. Маріи на Космединѣ въ Римѣ 113; к-ы полые 344; к-овъ растительныя формы 132; изъ розъ 211; к-а рукава 113; к-тъ серебряный 195; четвероконечный и равноконечный 122.
- Кречеть** 29, 104.
- Крещальня** 195.
- Крещеніе** 270, 273.
- Крионія** визант. царей 256.
- Кринъ** 127, 324; греческій 127; к-тъ лилія на сѣяди 295; к-тъ сиро-египетскій 339; к-тъ на тканяхъ 354.
- Критъ** 313.
- Крокодилъ** 58, 134, 137, 143, 145, 151, 158, 168; басни о к-хъ Египта и Индіи 149; к-тъ на тканяхъ 364; к-а чучело 93.
- Крона** пальмы 314, 316.
- Кропінныя** (паруса) 353.
- Кругъ** 86; к-и вытканые крупные 268; к-и крестообразной формы 344—345; к-и магическіе 31; к-и орнаментальные на тканяхъ 330; к-тъ въ орнаментѣ 318; к-тъ въ розеткѣ 325; к-тъ (и) на тканяхъ 301, 327, 329, 330, 339, 341, 347, 354, 357; к-ги на хламидахъ 349.
- Кругъ хана** 178.
- Кружокъ** 31; к-и мелкіе съ крестиками 94.
- Крымскія горы** 80.
- Крымъ** 54, 66, 71, 79, 80, 132, 338, 354; К-а курганы 54.
- Крыши** позолоченныя 276.
- Крѣпости** Прѣслава 121.
- Ксантенъ**, ткань собора 301.
- Ксенодохи** 236.
- Ксиролофъ** 198.
- Ктезіи** 151.
- Кубанская область** 70.
- Кубань** 9, 15, 19, 22, 28, 30, 41, 71.
- Кубечи** село въ Дагестанѣ 7, 70.
- Кубе А. Н.** 78, 79.
- Кубеба** 15.
- Кубовая** капитель 122.
- Кубъ** мраморный 122.
- Кувикларій и Кубикуларій (и)** 188, 189, 236, 279, 281, 292; к-я производство 223.
- Кувуклій** 213, 220; к-ія архонты 220; начальство 274; чины 213, 226.
- Кудесникъ (и)** 94, 263, 264.
- Кудесничество** 12.
- Кукко** 335.
- „Кукува могила“**, курганъ около с. Дуванлій 85.
- Кула** персидская 281.
- Куль-Оба**, курганъ 11, 18, 33, 34, 36, 41, 54, 83; К.-О. могила 18.
- Культура** 61, 63; Азіи Центральной

- 74; варварская заносная 82; к-ы Востока 74; к-а (ы) восточная (ыя) 61, 62, 69, 74; к-а древнѣйшаго Египта 125; земледѣльческая 145; кочевая 61; переднеазиатская 3; Туркестана Восточнаго 74.
- Культъ** ангеловъ 97, 98; лошади 173; предковъ 145.
- Куманы** или Половцы 9, 227; к-нскіе князья 119.
- Кунсткамера:** Королевская въ Копенгагенѣ 77. Петра Великаго 45.
- Куны** 353.
- Кунья** шуба 356.
- Куполь** 94.
- Кураторы** 188; к-тъ великій 186, 187; к-тъ манганъ 186.
- Курганъ (ы)** 17, 34, 41, 77, 86; к-тъ Акмечетскій близъ Керчи 36, 41; к-тъ Александропольскій 21, 24, 31, 32, 33, 36, 53, 54, 161; к-тъ Бесленевской станицы 140; к-тъ Брѣзова 85; к-тъ Бѣднякова 85; к-тъ с. Волховцы 26; к-ы Геремесовскіе 33; к-тъ Карагодеуашъ 21, 286; к-ы Керченскіе 54; к-тъ Краснокутскій 19; к-ы Крыма 54; к-тъ „Кукува могила“ около с. Дуванлій 85; к-тъ Куль-Оба 11, 18, 33, 34, 36, 41, 54, 83; к-тъ Майкопскій 22; к-тъ Панагюрище 85; к-тъ Радювене 85; к-ы (тъ) „Семи братьевъ“ (Семибратскіе) 19, 41, 42, 141; к-ы Стародубскаго уѣзда Черниговской губ. 354; к-тъ Чертомлыцкій 18, 19, 33, 34, 35, 36, 83.
- Курды** 118.
- Курильница** 188; к-а бронзовая въ видѣ единорога 162.
- Курица** 333, 335. [294.]
- Курополатъ** 179, 181, 182, 239, 283.
- Куропатка (и)** 153, 333, 335.
- Куртка** кожаная 245; к-и короткія 246; к-а короткая изъ овчины мѣхомъ внутрь 244; к-а короткая татарской женщины изъ Шемахи 246; к-а узкая 244.
- Куртумъ-тай** 15.
- Курцій** 160.
- Куры** 153.
- Куски** блюдо: вида китайскихъ селадоновъ Истор. Муз. 163, персидскаго фаянса И. М. 162, 163; сосудовъ: сарайскаго типа Истор. Муз. 163; средне-азиатскаго типа И. М. 163; чашъ: въ И. М. 163; чашъ п-го ф-а И. М. 162, 163.
- Кустарныя мастерства** 169, 170.
- Кутазъ, кутасъ** 21, 248, 288; боболевъ к-тъ 21.
- Куфическая (ія)** надпись (и) на тканяхъ 342, 345, 347; к-ія письмена на груди орла на ткани 118.
- Куча** 330.
- Кушакъ** 266.
- Кушка** 46.
- Куюкъ** 286; к-и восточные 278; к-и в-ые воинскіе 247; к-тъ, подбитый бѣличьимъ или горностаевымъ мѣхомъ 286.
- Л** **Лабартъ** 208.
- Лабартъ (ы)** 195, 250.
- Лавзіака** триклинъ 207.
- Лаврентія** образъ 154.
- Лаврентьевская лѣтопись** 151.
- Лавръ** 194, 200, 309; л-а вѣтви 272.
- Лавуа** 175.
- Лагашъ** 117.
- Ладья** загробная нильская 27.
- Лаконія** 298.
- Лалы** 220.
- Ламаизмъ** 30.
- Лампады** 196.
- Лангобардія** 237; л-ій періодъ Италіи 113; л-ы 62.
- Лань** 78, 79, 104, 153; л-ъ сохатая 359.

- Лаодикейскій соборъ** 100, 101.
Лапаца 267.
Лаппо-Данилевскій А. 4.
Ласкарь 119.
Ластовица 157.
Ласточка 151.
Латеранъ 315—316; ткани Л-скаго клада (сокровищницы) 253, 315, 316, 334.
Латинская надпись на браслетъ Чулекской находки 216; л-ий языкъ 94, 95.
Латы 204, 205, 265, 269; золотыя 206.
Латышевъ В. В. 4.
Лебеди 77.
Левіаѳанъ, змій великій 149; л-ы 159.
Левъ I, имп. виз. 179, 185.
Левъ II, имп. виз. 179.
Левъ III Исаврянинъ, имп. виз. 194.
Левъ IV Хазаръ, имп. виз. 189, 226.
Левъ V Армянинъ, имп. виз. 189.
Левъ VI Мудрый, имп. виз. 180, 203, 204, 205, 207, 272, 353.
Левъ (ы) 18, 25, 31, 34, 41, 50, 55, 70, 71, 74, 78, 84, 85, 86, 88, 89, 101, 103, 104, 106, 107, 108, 118, 129, 130, 131, 132, 136, 137, 143, 149, 151, 152, 153, 155, 164, 168, 170, 172, 177, 242, 243, 249, 253, 268, 274, 330; л-овъ геральдическая поза на тк. 330; л-ы въ звѣрицахъ калифовъ 352; л-а изображ. въ притчѣ Спасъ Недреманное око 156; л-ъ крылатый 25, 115; л-ы, охотящіеся за антилопами, изображ. на александрийск. тк. 243; л-въ рисунки, схватившихся съ змѣями 177; л-ъ, терзающій лань 168; л-ъ (ы) на ткани (хъ) 249, 252, 301, 310, 316, 326, 330, 331, 332, 336, 347, 351, 357, персидскій 337; на фронтонѣ Акрополя Микенъ 359; л-ы съ человѣческой головой 134; л-ъ четырехкрылатый 27; л-ья масочки 84; львенокъ 153; львица 156.
Легать (ы) 198, 199.
Легенды 164, буддійскія 75; о Мадоннѣ 167; поэтическія 165.
Легіоны 65.
Легранъ 231.
Лезгинъ (ы) 7, 70, 240.
Лейденъ 86.
Лекокъ (А. v. Le Coq) 74, 215, 311.
Ленты 243; л-ы на головѣ коня на тканяхъ 333; л-ы персидскія 243, на ткани изъ Мозака 249, у коня на шелк. тавл. Бамб. собора 250; л-ы царственные на крылат. конѣ на тканяхъ 333.
Лень 289, александрийскій 228.
Леонардо да Винчи 157.
Леопарды 164, 170.
Лесбось 43.
Либась, одежда персо-арабск. 267.
Ливанъ 123.
Лидія 134.
Лилія (и), 127, 221, 295, 316, 323, 324, 325, 339; бляшки въ видѣ л-ій 30; л-иі копейныя 268; л-ія красная 127; полевая 127. [ки 219.
Лимоннаго цвѣта облаченія 291, шап-
Линасъ де (Ch. de Linas) 52.
Линія волнистая орнамента 317.
Лисицы 170.
Лиріумъ 323.
Листва мелкая на тк. 328, обросшая живая 122, на тканяхъ 330.
Листокъ на тканяхъ 328.
Листъ (я, ы) 113; л-я аканѳа 113, 127; л-ы золотыя 283; л-ъ въ иконописи 320; л-я лавра 198; л-ъ орнаментальный на тк. 322; л-я остроконечные 140; л-я пальмы 126; л-я плюща 198, 254, византійскіе 257, золотыя 268; л-а сердцевидные нервы на тк. 321; л-ы на тк-хъ 322;

- л-ъ широкій съ пятью широкими лопастями 127.
Литература: Востока 136, древняго міра 102, европейская 136, западная 167, средневѣковая 103.
Литія 197.
Литтре 165.
Литургія 205.
Лихачевъ А. Ф. 81.
Лихны залъ 195.
Лицевая Толковая Псалтирь 149.
Личины 68.
Ліана 320.
Ліонъ 248, 359.
Ліутпрандъ (Liutprandus) 216, 296.
Ловчій (іе) 78, 176, 217, 362; л-ий высшій 280, королевскій 222.
Ловцы 177.
Логаріасты 191.
Логоетъ (ы) 179, 194, 195, 227, 280; л-ъ великій 194, 230, 238, 282, 294; л-ъ (ы) военный (ые) 186, 189; л-а в-го дѣла приказъ 202; л-ъ войсковый 281; л-ъ по дому 295; дрома 186, 187, 195, 199; дружины 195, казны 230, 239, 292, государственной 186, царской 295; путей 186; пѣхоты 295; стадъ 186, 187.
Ложе царицы 214.
Лоза 243, 257; л-ы винограда 113; л-а виноградная на тканяхъ 316—318, 326.
Локотницы (скорпіи) 138.
Лоратная патриціанка 217.
Лоренцо Великолѣпный 257, 259.
Лоръ (ы) (лоронъ) 184, 197, 204, 221, 224, 225, 226, 227, 228, 232, 235, 264, 269, 291.
Лось 53.
Лотось 253, 305, 316; л-ъ на тканяхъ 327.
Лошадь (и) 49, 51, 52, 54, 69, 88, 140, 161, 243, 287; л-ъ бѣлая 173, верховая 287; л-и Парѳенона 54; л-и сибирскихъ древностей 54; л-ъ Лувръ 78. [хана 243.
Луговая могила (= Александропольскій курганъ) 31, 286.
Луда 28.
Лукоморье Днѣпра 28.
Лукуллъ 310.
Лукъ 52, 55, 172, 243; персидскій или кочевническій 243; выточенный изъ кости 254.
Луна 100; л-а на головѣ коня на сасс. тк. найд. въ Антиноѣ 333; л-а на платьѣ въ былинахъ 356.
Лунница (ы) 30, 31, 33, 211; золотая 278; сережныя большія изъ Великихъ Болгаръ 146.
Луперкаліи 212.
Лыско конь был. 13.
Льяныя нити тканей 307, ткани 228.
Лѣкаря 196.
Лѣсовики 164.
Лѣстница витая 209; л-ъ декоративное украшеніе 121.
Лѣтописи 190.
Лѣчебникъ 103.
Люди 57; л-ей головы 145; л-и дивьи 135; съ звѣрин. головами 58; родовитые 261; служилые 261; царскіе 195, 205; чудовищные 135.
Люнетъ 94.
М Маастрихтъ 253, 322.
Маврикій, имп. виз. 66, 285; М-ія Стратегиконъ 285.
Мавританія 175.
Мавръ 260.
Магизмъ 10, 99.
Магистръ (ы) 179, 182, 189, 195, 196, 199, 202, 205, 207, 209, 218, 227, 236, 251, 271, 272, 347; м-ъ арміи 236, 291; м-ы высшіе 283; м-ъ новый 274.
Магическое закліятіе 28; м-ія записи

333; м-ое значеніе изображенія на тк-хъ 332; м-ая практика 30; м-ая сила т-й 333; м-й смьслъ въ изображ. на тк-хъ 326; м-ія формулы
Магія 12—14, 22, 30, 148. [145.
Магнавра 199; М-ы Триклинъ 199,
Магометъ 10. [200.
Магъ (и) 10, 11, 14, 23, 94, 99, 257, 264; м-и волхвы 255; младшій м-ъ 256, 260, 263; средній м-ъ 256; старшій м-ъ 256.
Мадара с. 86, 129.
Мадарскій всадникъ 86, 87, 88, 89, конникъ 82, 89, 90, 129, 130, 131.
Мадонна 167, итальянская 157.
Мадридъ 62.
Мазандеранъ 12, 147, 148, 149, 247,
Майкопскій курганъ 22. [285.
Макарій арх. 338.
Македонская династія 277.
Македонцы 65.
Макриси 29, 175, 351.
Малайцы 321.
Малиновій оттѣнокъ краснаго цвѣта 293, цвѣтъ 293, 297.
Малицкій Н. В. 96.
Малкина К. 55.
Малороссія 307.
Малхъ (= экзегетъ Порфирій) 98.
Маль Э. (Mâle Em.) 325, 326.
Манглавиты 195, 236.
Манглавій 195.
Мангусъ (ы) демонъ 13.
Мандаторъ 29.
Манджуръ 29.
Мани 215, 311.
Манилій сенаторъ 110.
Манихоры (Мантихора) 151; волшебныя 159.
Манихейская рукопись, найд. въ разв. Иди-кут-шехри 310.
Маниакъ (и) маниакій (и) 185, 215, 228, 232, 238, 278, 283; м-и жем-

чужныя 279; м-ъ золотой 185, ви- сячій 283, съ камнями 188; м-и про- стые 275.

Маниолуй островъ 137.

Манклавиты 352.

Манклавии 192.

Мантия (и) 182, 202, 203, 204, 209, 212, 217, 221, 225, 232, 264, 265, 266, 269, 271, 291, 292, 299, 330, 343, 348; бѣлыя 197, 203, 208; м-и на волхвахъ 255, 260; м-и визан- тійскаго двора 296; горностаевая 256; м-ія греческая 224; м-ія съ золотымъ (и) тавліемъ (и) 183, 208, 294; м-ія императорская 118; м-ія кесаря 200; м-и княжескія 348; м-ія (и) королевская (и) 296, 347, 348; м-и красныя 268, 292, 294, 296, 324; народная 347; норман- ская 349; парчевыя 268; полукруг- лья 348; порфировыя 296; похор- онныя 324; протоспааріевъ 292; пурпурная (ы) 208, 221; м-и разно- цвѣтныя 300; м-ія разръзная 255; м-и царскія 296, 297; м-и черныя 300; м-и чиновъ 349.

Мантѣня Андрей 261. [213.

Мануилъ Комнинъ, имп. визант. 194,

Мануилъ III Комнинъ Трапезундскій

Мануилъ Асѣнь 223. [118.

Мануфактура: александрійская 89, 253, византійская 305, 330, 346, им- ператорская 346, Сиріи 339; сиро- египетская 358; м-ы Средней Азіи 89.

Марія, дочь Стилихона 101.

Марка св. гербъ 238, площадь 260.

Марко Поло 354.

Марковъ монастырь въ окр. Скоплѣ

Мармеладъ 310. [119.

Марсъ - планета 99.

Мартѣнь (Martin) 302, 326.

Масальскій уѣздъ Калужск. губ. 355

Масочки львиныя 84.

Масперо 2.

Массагеты 42, 43, 44, 64, 89.

Массуди 175.

Мастерскія 70, 72, 169, 176, Анда- лузіи 118, варварскія 36, 54, визан- тійскія 89, VI и VII вѣковъ 243, городскія 237, государственныя 190, готскія 67, греческія 33, Греціи 54, иконописныя 190, кочевниковъ 51, Малой Азіи 54, перегородчатой эма- ли 190, персидскія 176, сиро-араб- скія 163, сицилійскія 305, 343; Фи- никіи - промышленныя 134, форума 228, царскія 228, 302; шелковыхъ тканей 190, юга Россіи 54.

Мастерство 77, восточное 169, Гок- чайскаго озера 169, Дагестана 169, Кабарды 71, Осетии 71, преемствен- ное у варваровъ 64, промышленное 1, сканное 84, собственно персид- ское 169, филигранное 84, Хевсурии 71, Чечни 71.

Мастеръ (а) 71, 72, 74, 88; м-а гре- ческіе 33, 34; персидскіе м-а тка- ней 333.

Масхары или скамрахи 208.

Матвѣй монахъ 282.

Матеріализмъ 98.

Матеріи: бѣлыя 237, 238, голубыя 238, китайскія 149, лимонныя 238, пурпурныя 228, 237, разныхъ цвѣ- товъ и рисунковъ 237, 238; сици- лійскія 351, для скарамангіевъ 237, 238, шелковыя (ы) 228, 266, 300, 304, 307, 329; м-я легкая шелковая 268, плотная шелковая 185; м-и ш-ья полосатыя 301.

Матрицы для литья и чекана 35, 36.

Мать боговъ, женск. божество 310.

Махрома 297.

Мацука 295.

Мацулевичъ, Л. А. 91.

Мафорій Богоматери 298.

Медальонъ (ы) 21, 86, 100; м-ы круг- лые 59, м-ъ округлый 94; м-ы Чу- лекскаго клада 67; м-ъ Юстиніана 63, 237.

Медвѣдь (и) 23, 51, 75, 78, 88, 89, 91, 92, 93, 153, 162, 168, 215.

Мейеръ Э. 145.

Мелитонъ Сардійскій 152, 153, 154.

Мелхиседекъ 138.

Менандръ, виз. историкъ 44, 45, 46.

Менискъ 31.

Менологій Ватиканскій 230.

Меотида 79.

Меоты 28.

Меркурій планета 99.

Меровингскій періодъ 61.

Меса, Средняя улица К-я 272.

Месопотамія; 9, 12, 26, 28, 29, 56, 116, 117, 123, 125, 285, 313, 314, 327, 349, 358.

Мессершмитъ 15.

Метаголынаріи 136.

Метаніе 218.

Метастазимъ 209.

Метелинъ 118.

Меурсій 280.

Мечети 169.

Мечь (и) 35, 78, 92, 161, 184, 272, 278, 290, короткій (іе) 91, 241; м-у поклоненіе 11; м-ъ на поясѣ 265.

Мечники 285.

Мидія 323.

Микадо 29.

Микенъ Акрополь 359.

Миклоша (скій) кладъ 48, 76, 77, 104, 128, 147, 286, 318.

Миклошичъ 324.

Милій 198.

Миллеръ, акад. 45.

Миллеръ Вс. 69.

Миллеръ К. 138.

Мимъ (ы) 91, 93, 208, 213; главный

Минаевъ, И. П. 164. [м-ъ 93.

Мингъ-эй 75.
Мингъ династія 170.
Миндаль 311.
Минералы 152; о м-хъ рассказы 152.
Министръ 183.
Миніатюры 63, 170, 175, 184, 297, 298, 299; м-ы византійскія 223, 333, 362; м-а выходная подносною греческой рукоп. Словъ Іоанна Злат. 268; м-а X в. 262; м-ы греческихъ рукописей 296, 298; м-ы древнія 137; м-а индо-персидская XVI в. 21, 247, 285, 286; м-а индо-персидская старая 246; м-ы коптскія 345; м-ы манихейской рукописи изъ Турфана 215, 310; м-а персидская старая 246; м-ы Персіи 170, 337; м-ы Псалтыри 162; м-ы рукописей 251; м-ы XII—XVI стол. 176; м-ы Толковой Псалтыри 153.
Миннсъ, И. Е. (Minns E. H.) 4, 8, 11, 17, 21, 22, 24, 25, 26, 83, 102, 140, 146, 150, 157, 212, 240, 286.
Минотавръ 151.
Минусинскъ 57.
Мирковић Л. 119.
Миро 196.
Миртъ 200, 309.
Мистеріи 100.
Мистикъ, чинъ 191, 295.
Мистическія представленія 75; м-скія гаданія раскола 167.
Мистра 118.
Митра, богъ 336; культъ М-ы 14.
Митрополиты 203, 205.
Михаилъ, архангелъ 96, 99, 101.
Михаилъ III Пьяница, имп. визант. 189, 190, 207. [119].
Михаилъ Шишманъ, болг. царь 118.
Михаилъ Борисовичъ, Тверск. вел. князь 118, 171.
Миятевъ К. 95.
Миѳологія восточная 147, египетская

2, звѣриная 151; м-и различныя 116; м-ія языческая 111.
Миѳологическія картины въ помпейской живописи 305.
Миѳы 98, астрологическіе 144, астрономическіе 144.
Миѳологическія существа 159; м-іе сюжеты колоссальной птицы 116; м-скій шаблонъ 305.
Младенецъ Божественный 257; М-тъ Святой 157.
Многая лѣта 196.
Многобожіе 98, 99.
Многоголовыя фигуры съ рогами 173.
Могила 17, 18, 19, 67, 101; м-ы Алтая 24; м-а Брѣзова (вская) 82, 83, 84; древнехристіанская въ Софіи 94; Карла Великаго 274; на рѣкѣ Катанда 146, 241; м-ы Керченскія 54; м-а китайскаго императора 121; конская (ія) 41, 286; м-а кочевника 104; м-ы сарматскія Кубани 30; Кубанскія 30; м-а Куль-Оба 18; императорская близъ Мукдена 46; Луговая 31, 286; при Панапорище 82, 83, 84; скиѳскія 25; Толстая близъ Краснокутска 33.
Могильникъ (и) 23, 69, 77; Ананьинскій 53, 69; м-и: по близости Владикавказа 70; Кабульты 70; Казбека 24; Камунты 24, 25, 70; Кобани (скій) 24, 70; близъ Смѣлы 41; близъ Уфы 141.
Могильные памятники 132.
Мода 65, 90, 108; м-а Аваровъ 245; м-а (ы) варварская (ія) 89, 213, 264; м-а на варварскую прическу (длинные косы) 93; м-ы XV и XVI в. в. 261; м-а на Готовъ 66; м-ы женскія 263; м-а кавалерійская 264; персидская 213, 272; м-а Сарматовъ 245.
Мозаика (и) 90, 100, 123, 299, 345; м-и алтарныя съ изображ. феникса

111; м-а древнехристіанская Аквилеи 112; м-а Кахрие-джами въ Константинополѣ 282; м-и Палатинской капеллы 175; м-а римской ц. свв. Космы и Даміана 111; м-а св. Софіи въ Софіи 122; м-ческій образъ св. Севастьяна въ ц. S. Pietro in Vincoli; м-ческая роспись усыпальницы Галлы Плациды 154.
Мозакъ 248.
Мокія св. храмъ 273.
Моделни расписанныя 75.
Молитва надъ хламидой 226.
Монархія восточная 64.
Монашество 309. [ная 48].
Монголія 6, 7, Великая 170, Сѣвер-
Монголы 5, 337, 363; м-льскіе владыки 148; м-льскій типъ 243; м-льскіе халаты 337; сцена приѣма пословъ Китая у м-льскаго хана 148.
Монеты 52, 59, 89, 118, 151, 152; м-ы Босфорскаго царства 89; великокняжескія 172; византійскія 71, в-скія золотыя 77; куфическая клада с. Косякова 80; малоазійскія 85; золотыя Пантиконеи 102; русскія XIV—XV в. в. 171; сассанидскія 71; тверскихъ князей 172.
Монисто 96.
Монограммы имени Іисуса Христа 96; м-ма Христа 113; м-ма ХМГ 96.
Монофизитство коптовъ 327.
Монстръ (ы) 57, 134, 326; м-ы на тк-хъ 326, 337.
Монцъ 62.
Мордва 339.
Море — широкій плащъ 277.
Морхи 297.
Москва 190.
Мохры 297. [326].
Мощи 344; ткани для храненія м-й
Мраморъ пестрый, цвѣтной 95; м-ная облицовка 125; подобіе м-ныхъ и

пестро м-ныхъ облицовоч. плитъ 94; м-ные рельефы 143.
Музаки Андрей 119.
Музей: въ Анжерѣ 78; Берлинскій (Kaiser-Friedrich M.) 78, 263; Б-й Худож. пром. 299, 321, 322, 328, 345, 346, 360; Б-й Этнографическій 330; Британскій 117, 237; г. Вича въ Испаніи 359; Вѣнскій Историческій 78; Гиме въ Парижѣ 270, 304, 312, 320, 333, 336; Историческій въ Москвѣ 59, 80, 141, 162, 241, 338—349, 354; Кенсингтонскій 78, 79, 358; Керченскій 79; въ Килѣ 86; Коніи 144; Клюни (Cluny) въ Парижѣ 62, 318, 319, 329; Копенгагена 79, 86; Лейдена 78, 79, 86; въ Лионѣ, тканей 246, 307; Пештскій 222—223; Равенны 201; Румянцевскій въ М-ѣ 141; Софіи (скій) Народный 82, 85, 101; Токио 242, 310; Чернуски въ Парижѣ 141, 145, 147, 160; Штиглица въ С. П. Б. 343.
Музыка 92.
Музыкальные инструменты 208.
Музыканты 196, 208, 216, 217, 276.
Мукденъ 46, 120.
Мулы бѣлые 276.
Мундиръ 227; кавалерійскій (іе) 236, 252, 264; м-въ формы 254.
Мурмолка 281.
Мусатъ 18.
Мустанзеръ, халифъ 351.
Мусульмане 136; м-скій міръ 288; м-скія страны Азіи 77.
Мутаторій 196, 220, 226.
Мученики 225.
Мушмовъ, Н. А. 118.
Мѣхетъ 71.
Мыльщики 281, 292.
Мѣдь 57, листовая 57.
Мѣхъ 245, 247.

- Мюнстербергъ** (Münsterberg) 110, 145.
Мятль 348, 357.
Н **Набатеевъ племя** 313.
Набедренникъ (и) 240, 247, 254.
Набивка 57.
Набойки полотняныя и шерстяныя на тк-хъ 354.
Наборъ 68, н-ъ скараманг. 237; н-ъ чешуйчатый 247, н-ья цѣпочки 30.
Набрюшникъ 251; н-ъ катакойлонъ
Навзикая 312. [256.
Нагайка 18.
Нагрудникъ (и) 211, 241, 243, 244; брачный царскій 201; золотой остготскій VI в. 201; сибирскіе боевые 29; царскій изъ складовъ 201; темно-синій 254; царскіе 201.
Надпись (и) 86, 87, 95; арабскія 169; древнѣйшія болгарскія Абобы 86; н-ъ краля Влѣшина 119; вышитыя жемчугомъ 279; куски керамическихъ н-ей съ именемъ св. Ѳеодора 126, куфическія 174; н-ъ на Мадарскомъ вс. 130, 131; н-ъ Омортага 120; н-ъ на рис. изъ альбома Ч. Вечелліо, изобр. Пеика тѣлохранит. турецк. султана 246; н-ъ, найд. во Фригіи 101.
Наемникъ 65.
Накидка 279, 353, 357; н-ъ античные типы 239; н-и безрукавныя 266; н-и выходныя съ башлыками 264; н-а поверхъ панцыря 231.
Накладка налучья изъ мог. близъ Смѣлы 41; золотая н-а н-ія изъ Куль-Оба 37, 41; н-и оплечья 279; н-и ремня 33; золотыя изъ Венгрии
Наколы орнаментовъ 86. [78.
Наколѣнники 247, 249.
Наконечники ремней изъ Венгрии
Накры 216. [76—77.
Накш-и-Рустам, персидскіе барельефы 87.
- Наличникъ** мраморный 131.
Налобникъ 19, 42; конскій 85.
Налокотники 223.
Налучье 54.
Намордникъ 93.
Наплечки пурпурныя 275.
Наплечники 205, 223, 228, 279; металлическіе 247; хитона 292.
Нара буд. монастырь 242.
Нарамники 231; золотые 268.
Народъ (ы) 92, 182.
Народная поэзія религіозн. содержанія 167.
Наручи 228, 232, 278; н-и антипаны 279; золотыя 268; панцырныя 247; церковныя 338.
Наряды 180; воинскіе кавалерійскіе 254; н-ъ кочевника 241; н-ъ маркграфа 262; н-ъ охотника 241; н-а погребальнаго вещи 67; н-ъ проэдра сената въ IX в. 254; н-ъ торжественный царскій 266; н-ъ ѣздовой
Нарѣикъ 196. [263.
Насѣкомыя 185.
Насѣчка въ Дагестанѣ 70; н-а орнаментовъ 86.
Натуральная Исторія Плинія Младшаго 110.
Наузъ 20, 288; н-ы Бориса Годунова
Наумовъ 172. [288.
Наушники 260.
Находка (и) 4, 70, 81, 84, 85; варварскія Вост. Россіи 70; н-и Донской области (на Дону) 70, 72; Камунты, Кобани 71; курганныя 69, 86; могильныя 69; въ Московскомъ Кремлѣ 1895 г. 162; Новочеркасскія 70; въ Патлейнѣ 124; въ Хевсуріи 71; въ Чми 71; Чулекскаго клада 67.
Національная бібліотека Парижа 86.
Начальники строевыхъ войскъ 236; гвардіи 182; н-ъ дима 195; игръ 68; идика 186, 187; канцеляріи по про-

- шеніямъ 186, 187; конницы 104; конюшенъ 280; Манганъ 187; мастеровъ цирковыхъ 93; охоты 176; охотниковъ царскихъ 280; псарей 280; сиротскихъ приютовъ 187; сокольниковъ 280; н-и частей 280.
Начелье 72.
Начетчики книжныя 109. [280.
Нашивки византійскія 215; одежды
Нащечникъ 19; н-ъ Краснокутскаго кургана 19.
Неаполь 211.
Недвиговка слоб. 71.
Некрополь 28, 69; н-и варварскіе юго-вост. Россіи 60; н-и Keszthely 75; н-и Кубанской области 70; лангобардскіе 75; меровингскіе 75; н-ъ Орда 75; н-ъ Софійскій 95; н-и Турфана 74; христіанскіе 123.
Неоплатоническая философія 98.
Нерей 25.
Нерона монеты 52. [364.
Нерукотворенный Спасовъ образъ
Нессъ, битва Геракла съ Н-мъ 152.
Нефедовъ 355.
Нефритъ, изъ Сибири.
Нефъ 139; н-ы Палатинск. кап. 175; н-ъ средній въ готическихъ и романскихъ соборахъ 325.
Неясыть 157.
Нидерле Л. Г. (Niederle L.) 216, 228, 229, 230, 231, 245, 338, 355.
Нижній Новгородъ 354.
Низки жемчужныя 288; къ покрываламъ 30.
Ника бунтъ 89, 212.
Никита Хоніатъ 285.
Никитинъ Афанасій 164.
Никифоръ II Фока имп. виз. 179, 194, 216, 226, 235.
Никифоръ III Вотаніатъ имп. виз. 268, 282.
Николай Дамасскій 28.
- Никомидія** 190.
Никополь 33.
Нилъ 149.
Нимбъ (ы) 59, 111, 126, 177.
Ниневія, Н-и изразцы 314.
Нити тканей шелковыя 307.
Нитра 77.
Ниши алтарныя развал. въ Патлейна 124; н-а Золотого Триклина 195; н-и пятибашеннаго шкапа 201.
Ниціе 196.
Новая Базилика 200.
Новая Церковь 205.
Новгородъ 172.
Новелиссимъ, нобилиссимъ 179, 181, 182, 193, 222, 271, 274.
Новозагорско 101.
Новопоставленные 271.
Новочеркасскъ 72.
Новый Базаръ 90.
Новый Садъ 343,
Нога, Ногуи, Ногъ, Ногои (перс. ну-худ) птица (ы) 29, 58, 136, 359.
Ногавицы 231.
Ножны золотыя 265.
Ножъ (и) 18, 174.
Номики 195.
Норманнъ (ы) 72, 175, 176; 350.
Носорогъ (и) 51, 58, 85, 105, 131, 151, 156, 159, 160, 161, 163, 164; н-ъ двурогій 163; индійскій 159, 161; одно-
Нотаріи 197, 272. [рогій 163.
О **Оазисы** 74.
Оаннесъ, Дагонъ (Еа) 26.
Обезьяна (ы) 108, 164, 171.
Обелискъ: Салманассара II 160, на черепакъ 120, Ѳеодосія 210.
Оберегъ (и) 23, 25, 30, 31, 33, 71, 161, 288.
Обиходъ царскій Византіи 190.
Облаченіе (я) 180, 185, 186, 191, 203, 227, 264, 273, 277, 278, 280; архонтовъ 224; бѣлыя 294 295; визан-

тійск. двора 265, 295; высшихъ чиновъ визант. 352; дворцовыя 252, 274; епископскія 349; кавалерійскія 264; о-е кесаря 271; красныя 292; патриціанское 224; поздневизантійскій арсеналь о-ій 269; полуперсидскія 274; придворныя 274; приммикирія 295; простое 270; пурпурное (ыя) 206, 291; сакральный и магическій характеръ о-ій 224; сенаторское 224; траурныя царскія 291; священныя 279; собственныя 252; стратига 348; царское (ія) 184, 194, 219, 223, 271, 348, 352; церковныя 349; чиновъ 271; шелковыя 199; широкія 264.

Обликъ условный греческій 54.

Облицовка 90; о-и мраморныя 124.

Обниси 77; жемчужная (ыя) 85, 287; о-и на слонахъ на тк. 345.

Обновленія день 270, 291.

Обоймы металлическія 286.

Оборотень (и) 148, 164.

Образки слоновой кости X—XII ст. 131, 132.

Образъ безсмертія 111; зла 159; о-ы зла и мудрости 158, о-ъ Спаса (какъ онагръ) 156.

Образъ возносящагося Спасителя въ мозаикахъ 100; керамичный святого Θεодора 126; Нерукотворен. Спасовъ 364; царя, обнизанный жемчугомъ 238.

Образцы или зеркала 278.

Обручъ 219; о-а вѣчнаго декорація 127.

Обряды погребальныя 145.

Обувь 275; царская красная 222.

Общины христіанскія 97; въ Болгаріи 124.

Общество высшее византійское 65.

Объяръ шелк. тк. 231, 352.

Обычаи 109; о-й варварскій носить

длинные волосы 202; византійскіе 285; воинскіе 268; греческій о-й ношенія волосъ 89; древніе 267; персидскіе 254, 286; персидскій кочевой 255; римскій о-й раздачи тессеръ 211; среднеазиатскіе 286.

Объявленіе о новомъ императорѣ Запада 198.

Объ 45.

Обѣдъ (ы) 205, 271; званный для духовныхъ лицъ въ воскрес. Θоминной недѣли 204; о-ъ въ Триклинѣ на 6-й день св. Пасхи; о-ъ въ Юстиніановомъ Триклинѣ 205.

Овалы въ тканяхъ 339.

Овенъ знакъ зод. 110; звѣрь 153.

Овоци 211.

Овцы 270.

Овы 127.

Огонь 111.

Ограды 120.

Одежда (ы) 18, 26, 49, 89, 96, 134, 135, 177, 182, 185, 200, 204, 206, 207, 241, 245, 251, 303, 329, 331, 353; бѣлыя 203, 204, 275, 289—293; бѣлыя съ чернымъ 275; верхняя 262, 265, 266, 279; византійская (ія) 178—301, 303; в-го двора 296, 300; о-ъ виз. цвѣта 289, 301; внутреннія 227, 260; восточныхъ дворовъ 264; вышитыя разръзныя 275; выѣздныя сассанидскихъ царей 241; греко-римскія 226; дворцовыхъ чиновъ главныхъ 274; двухцвѣтныя 301; о-ы для дома, домашняя 207, 227, 228, 267, 275; драгоценныя Руси 355; дѣтская 228; дымчатая 300; египетскія 354; о-ы епископовъ 221; женская 183; женскія, воспроизвод. древній мужской образецъ 246; о-ъ зеленый цвѣтъ 291; коронаціонныя 227; короткая 116; о-а кочевниковъ знатныхъ

242; красный цв. о-ъ 290; лагерная 228; лоратныя тритканныя 275; льняныя 307, 328; мышинныя цвѣта о-ъ 300; народныя 204, 293; начальниковъ варварскихъ и варяжскихъ дружинъ 106; нижняя 185; обще-персидская 215; переломъ въ исторіи европейской о-ы 226; о-ы съ павлиньими перьями изъ желтаго шелка 266; палевая ткань о-ъ 292; о-ы съ парчевыми лорами 207; полотняныя 289; почетныя 267; придворныя изъ шелковыхъ матерій 263; пурпурныя 182, 290; о-ы съ пурпурными лорами 277; съ пурпурными орлами и царскими эмблемами 275; о-ъ пурпурный цвѣтъ 296—300; пурпурные листовные разводы и цвѣты на о-хъ 292; разноцвѣтныя о-ы 300; о-ы разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ 275; розовые листовные разводы и цвѣты на о-хъ 292; о-ы рукавныя 266; съ длинными рукавами 267; о-ы русскій типъ XV—XVI 269; свѣтло-зеленая съ львами въ кругахъ 274; о-ы синклита 301; смиренныя 300; солдатская 228; шитыя 275; темносѣрья 300; темныя 275; узкія трудовыя; о-а Хозроя 325; царскія 227, 267, 360; царскихъ мастерскихъ 228; цвѣтныя 341; цвѣтной ткани 267; церковныя 227, 293; черная (ыя) 148, 291, 300—301; о-ы изъ шелка или дамашки съ рисунками 246; шелковыя 276; ш-ыя съ драконами виз. царей 149; шерстяныя 289, 290; широкая 266, 267.

Одеръ 25.

Одиссея 312.

Однорядки 266.

Одонтотуринъ, звѣрь 138.

Одѣяніе верхнее 265, 266; красныя 291; персидское 352.

Ожерелье (я) 18, 30, 57, 74, 278; золотое 267; о-я съ подвѣсками 134; о-е на шубѣ въ былинахъ 356.

Ойраты 13.

Оковка 139.

Оксъ 26, 147.

Октагонъ 195.

Олегъ, кн. 353.

Олень (и) 11, 18, 22, 25, 33, 34, 41, 42, 51, 52, 53, 54, 70, 71, 74, 78, 104, 136, 153, 154, 155, 170, 243; о-и бронзовыя изъ Сибири 47; золотой, найд. въ Венгріи 39; з-ой изъ Костромской ст. 38; з-ой изъ Куль-Оба 37; лежащаго о-я рельефъ 54; о-ей пары 154; о-ей стада 154; о-я статуэтка 240; сѣверный (ые) 73, 359; с-ый изображ. на нефритѣ 349; о-и на тканяхъ 326.

Оливковое дерево 309.

Олимпиада мать Александра В. 139.

Олифантъ 77, 78.

Оловиры 275.

Ольга, в. кн. русск. 180, 214, 355, 356.

Ольденбургъ, С. Θ. 74.

Омаръ 231.

Омортагъ, ханъ 86, 120, 121; О-а надпись 120; О-а усыпальница 120, 121.

Омфалъ 209; порфиновый 196; п-ый круглый 199.

Омофоръ 203, 224, 279.

Онагръ 153, 156.

Онгонъ гора въ монг.-эпосѣ 13.

Оноподій 195, 200.

Опахала 108.

Опашни 266.

Описи восточныхъ сокровищъ у Макиризи, Массуди 175.

Оплечье (я) 185, 188, 215, 223, 228, 241, 243, 244, 275, 277, 279; золотое 234, 292; изъ золотой ткани 249; о-е (я) маниакій (и) 232, 236, 238, 241, 283; царское 250.

Опоясаніе 210; брачныя 201.
Опоясанная патрицианка 179, 183, 184, 213.
Оправа серебряная, сканная 287; о-а сѣдла 287; о-а съ финифтью 287.
Оптиматы 198.
Опушка мѣховая 262.
Орангутанги 164.
Оранжевый цвѣтъ 294.
Орарь 279.
Органъ 209; золотой 199; серебряные димовъ 213.
Орда некрополь 75.
Орда (ы) 74, 90, 129; Болгарская 106; гуннская 106; кочевая (ыя) 86, 88, 104, 120, 129.
Орель (ы) 29, 42, 57, 78, 101, 103, 104, 111, 117, 118, 145, 153, 156, 172, 176, 359; геральдическіе 57; гигантскій 136; о-ва голова 101, 103; двуглавый 115, 116, 117, 118, 119; дв-ый на тк-хъ 359; о-а крылья 103; о-тъ „Лагаша“ 117; маленькіе 73; о-тъ „морской“ 359; одноглавый (ые) 118; распластанный 117; на тканяхъ 301, 360; о-тъ какъ эмблема солнечнаго божества Ашура 117; о-ый клювъ 67; о-ыя лапы 145.
Оригенъ 100.
Орлецы 338.
Ормуздъ 148.
Орнаментация (и) 145, 244; о-ія боковыхъ вырѣзовъ 246, коймъ 246; о-ія тѣлами звѣрей 74.
Орнаментика 63, 76, 77, 122, 167, 303; византийская 333; восточная 75; звѣриная 62, 63, 133; крайневосточная 333; росписныхъ вазъ 305; сиро-халдейская 134; средневѣковая 319.
Орнаментъ(ы) 63, 77, 81, 84, 123, 253; византийскій 321, 330; геометрическій 34, 306—307; греко-римскаго

міра 305, 306; греческаго искусства 319; европейскій 304; египетскій листовенный 253; звѣриный 134; изъ звѣрей 325; золоченые 162; исторія о-а 304, 306; коптскихъ рукописей 345; кустарный 302; народный 302; о-а общій типъ 121; о-тъ плетенія 62; растительный 34, 175, 248, 302, 307—325, 328, 329; о-тъ римскаго искусства 319; римско-эллинистическій 305—306; о-тъ рукописей Византии 296; русскій 279; р-ій народный 307; рѣзные и наведенные чернью 81; скандинавскій 84; средневѣковый 134; с-аго искусства 319; травный 329; о-а формы 63; эллинистическій 318; эмалевые 162; о-альныя плетенія инициаловъ 133; о-альныя разводы 75; о-альное растеніе на тк-хъ 347; о-альная схема 113, 122; о-альный типъ тк-ей 304.

Орници, орничѣ 352, 353.

Ортакиды 118.

Ортьма 355.

Орудія каменные 69.

Оружейная Палата 362.

Оружіе 18, 70, 93, 185, 349, 351; аланское 71; бронзовое 24; греко-римскіе предметы о-ія 71; о-ія ковка 349; царское 195.

Орфанотрофъ 186.

Орфей 136.

Орѣхъ грецкій 311; о-и въ виньеткахъ рукописей 311.

Орѣшниковъ А. В. 150, 171.

Осель 51, 283; дивій 156; индійскій 160; ослица 137.

Осетерь (ы) 26, 103, 145.

Осетія 71.

Остготы 67.

Остъ-Индія 164.

Остіарій (и) 186, 188, 217, 279, 281; о-я вравій 186.

Остовъ сѣдла 287.

Оттоманы 288.

Оттонъ еписк. Бамбергскій 173, 174.

Оттонъ II имп. 347.

Оттонъ III имп. 274, 347.

Отцы Церкви 96, 98, 100, 101, 152, 158, 159, 276.

Офицеры 247, 281; гвардейскіе виз. 286; личной гвардіи имп. виз. 283; о-ство кочевое 242.

Оффиціалы 236.

Оффиціи 186, 191. [некъ 267.

Охабень (и) 266, 267, 268; охабе-

Охота 35, 52, 56, 78, 88, 89, 130, 136, 170, 255, 266; на гиппопотамовъ 75; на звѣрей на тк-хъ 315, 325, 330; за звѣрьками мелкими 176; на кабана 172; охота двухъ паръ князей варварской орды 242; за козулями 176; съ лукомъ 253; на льва (овъ) 78, 129, 242, 243; на л-въ съ гепардами 253; на медвѣдя 78; на оленя 78; въ парадизахъ 253; за птицей 176; сассанидскаго царя на тк-хъ 327; на тк-хъ 337; царская 89, 129, 175, 248, 304; царскихъ всадниковъ на льва на тк-хъ 316; двухъ паръ хановъ варварской орды 242; ханская 87; цирковая 215; о-ы сцены 52.

Охотникъ (и) 52, 55, 78, 93, 154, 172, 241; о-и верхомъ 170; о-въ группы 93; о-и на коняхъ 72; о-тъ скиѣтъ 54; о-тъ съ соколомъ на тк-хъ 362; о-тъ сѣверный 244; о-и на тк-хъ [316.

Охрида 118.

Очелье 103, 219, 243.

Ошейникъ 92, 285.

П Паво 108.

Павель апост. 97, 111.

Павель Силенціарій 272.

Павловскій А. А. 59, 175, 176.

Павильоны 351, 352.

Павіанъ(ы) 151, 164.

Павлинъ(ы) 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 131, 176, 329; п-ы перья 108, 109; п-ы на тк-и(хъ) 316, 329, 339, 351, 360;

древнехрист. мозаика Аквилеи съ изображ. п-въ 112; плита церкви Маріи въ Космединѣ съ изобр. п-въ 113; рельефы плитъ ц. св. Марка въ Венеции съ изобр. п-въ 113, 114, 115; рельефы Равенны съ изображ. п-въ 113; шиферная плита изъ Старой Загоры съ изобр. п-въ 112, 113, 115.

Паволока 355; паволокъ 353; пары паволочиты Руси 353.

Падишахъ 285.

Падфея 20, 21.

Пайгніоты 208.

Паласы 7, 170.

Палатинская капелла 174, 176, 177; П-ой к-ы плафонъ 58, 177, потолокъ 174.

Палатки 351, 352; п-а бѣлая съ красными орлами 285; п-и съ софами 351.

Палермо мастерскія; П-скій соборъ **Палестина** 127, 313. [359.

Палица 85; деревянная 140; большая, красная, массивная 286; к-ая ханская 247.

Палка(и) 68, 93; большая 93.

Паллади потѣшные 94.

Палласъ акад. (Pallas) 29, 45, 69.

Палачи 262.

Пальма 111, 320, 360; арековая 320; карликовая 352; п-ы листь 320; п-а на ткани 310; финиковая 123, 308, 312—316.

Пальметка(и) 33, 121, 122, 126, 127, 286, 318, 339, 342, 360; большія 121; греческая 314, 316; египет-

- ская 127; малыя 121; орнаментальныя 21; палеваго цвѣта 127; сложная 77; схематичная 121; на тк-и(хъ) 321, 342, 343, 346, 357.
- Пальметта** вписанная въ квадратъ 121; рядъ и фризь п-ъ аканфоваго типа 140.
- Пальмира** 27, 313; пластинка рѣзной бронзы изъ П-ы 26, 27.
- Памфлетъ** истор. Прокопія на имп. Юстиніана 89.
- Памятники** древней Болгаріи, древнѣйшіе болгарскіе 129, 132; др-шіе Вавилона 125; Византіи 252; византійскаго костюма 248; восточные 168, 285; древности средневѣковья 108; древней живописи 261; др-шіе восточнаго типа 131; Запада 115, 251; д-шіе Месопотаміи 125; могильные 96; скульптуры Ассиріи и Хеттитовъ 101; средневѣковаго искусства 164; стоянокъ иранскихъ, уралоалтайскихъ народовъ 69; художественные Ассиріи, Египта, Персіи 2.
- Панагюрище** 82, 84, 85; могила при П-е 82, 83, 84; курганъ 85.
- Панегирики** обоихъ императоровъ на приемъ 198.
- Панели** 175; облицовочныя 95.
- Паникадила** фрагменты въ Марковомъ м-рѣ около Скоплѣ 119.
- Паниперсевасть** 181, 191, 294.
- Панополь** (Ахмимъ) 304.
- Панталоны** съ орлами и царскими знаками 277.
- Пантелеймонъ св.**, П-а св. монастырь (Пантелейнъ) 124. [пантиры 136.
- Пантера(ы)** 25, 58; п-а на тк-хъ 330;
- Пантикапея** 33, 102, 358.
- Панхая** 110.
- Панцырь(и)** 204, 235, 269, 285, 287, 291; золотой 265; чешуйчатый 259.
- Панѳиръ** 156.
- Папъ, Папи** (араб. врата, вратарь) 188.
- Папа Римскій** 303, 324.
- Папій(и)** 188, 189, 218, 236, 295; великій 189, 191, 239, 292; домовый
- Параванъ** 93. [189.
- Парагауда(ы), парагавдїй** 188, 223, 279, 292; п-и золотые 279.
- Парадизъ(ы)** 14, 56, 75, 88, 148, 170, 174, 177, 243.
- Парады** 193.
- Паракимоменъ(ы)** 179, 190, 239, 280; койтонитъ 191; печати 191, 239, 295.
- Парапетъ** залы царскаго дворца 107.
- Пардоваллъ** 214.
- Парижъ** 21, 86.
- Парки** лѣсные 121; п-ъ охотничїй 120.
- Партія** бѣлыхъ 196; п-и („части“) Визант. двора 292; п-їй люди 211, славословія 194; п-и цирковыя 93.
- Парча** 200, 225, 228, 232, 268, 272, 284, 363; золотая 263; з-ой п-и полосы 254; золотная 235; итальянскія п-и 259; плотная 247, 268; „тройной п-и“ скарамангїй 235; шелковая 247, 292; п-ые пологи 207.
- Парѳія** 7, 12, 43, 44, 147, 149, 285.
- Парѳяне** 12; П-ъ изображенія 52.
- Пасхи** 1-ый день 226; П-и праздникъ 269; П-льной недѣли второй день (Обновленія) 270; П-льные праздники 194.
- Патлейнъ** (мон. св. Пантелеймона) 124; П-ская керамика 124.
- Патриціанки** 213; лоратная(ыя) 217, 225; опоясанныя 213, 225.
- Патрицій(и)** патрикій(и) 108, 179, 182, 183, 186, 193, 195, 197, 199, 202, 204, 205, 207, 208, 210, 212, 218, 224, 236, 251, 269, 272, 273, 281, 291, 292, 294, 300, 347; внухи 188; п-евъ сословіе 183; стратигъ 271.

- Патріархъ** 196, 197, 203, 204, 205, 226, 251, 272, 273.
- Паули-Виссова** (Pauly-Wissowa) 101.
- Пафлагонія** 119.
- Паяцы** 216.
- Певки, островъ** 129.
- Пегасъ** 25, 151, 158, 333; п-ы 151.
- Пеикъ** тѣлохранит. тур. султ., его изображ. въ альб. Чезаре Вечелліо 245.
- Пейголянъ** старѣйшина кашгарскій 28.
- Пелена** 353; св. п-ы 196; св. п-ы Христовы поргепальныя 225.
- Пеликанъ** 153.
- Пелліо** 74.
- Пелопоннесъ** 118.
- Пентакувуклій** св. Павла 214.
- Пентапиргїй** 201, 204, 214.
- Переводчикъ** великій = толмачъ 239.
- Перевязъ** 18.
- Перегородки** 67.
- Перегородчатая эмаль** 284.
- Перегъбъ** 355.
- Передникъ** длинный полосатый 248.
- Передокъ** сѣдла 50.
- Перелефтъ, Перилевкїй** 283.
- Переодѣванія** 218.
- Перепелка** 168.
- Переселеніе души** 27.
- Переселеніе народовъ** 52, 61; п-ія н-въ эпоха 220.
- Перикалима** 281.
- Перикль** 108.
- Перлы** 351.
- Пермь** 57, 130.
- Пермскій край** 49.
- Перо(я)** 103, 110, 112, 113, 261, 266, 285; загнутыя 241; з-ыя подъ очелье золотого вѣнца 256.
- Перышки** 110.
- Перро Жоржъ** (Perrot G.) 2, 20, 26, 27, 30, 116, 134, 136, 160, 161, 285.
- Персеполь, -ись** 87, 161.
- Персидскіе мастера тк.** 333; п-ая ми-
ніатюра XVI в. 337; мифологія 147; п-іе монументальные памятники 87; п-їй образецъ изображенія на китайской тк. м-ря Нара въ Японіи 243, походы п-ихъ армій 147; п-ое производство 163; п-іе рисунки на тк. 354; п-ая роза въ скульптурѣ 321—322; п-іе садоводы 311, 312; восточно-персидскіе декоративные и орнаментальные типы на тк-хъ 304, 305; п-ія ткани 302, 305, 322, 327, 330, 331, 346, 350; п-скїй характеръ орнаментации 244.
- Персія** 2, 3, 7, 14, 18, 29, 55, 62, 66, 70, 88, 92, 115, 116, 125, 128, 135, 143, 148, 151, 169, 170, 175, 176, 190, 220, 229, 233, 241, 261, 264, 268, 269, 278, 310, 317, 318, 319, 323, 330, 331, 333, 335—337, 349, 353, 354; П-и дворы 307; культура розы въ П-и 325; промышленность П-и 303; сасанидская П-ія 293, 337.
- Персы** 8, 10, 12, 89, 102, 116, 148, 198, 241, 246, 247, 275; 311, 332.
- Перстень(и)** 18, 67, 248; золотой съ изображ. женщины 83; серебряные
- Перцовыя** растенія 322. [81.
- Перчатка** лѣвая 280.
- Песье-главыя** люди 92.
- Петербургъ** 175.
- Петросса** 48.
- Петрушевскїй** **Θ.** 293.
- Петръ** апостоль 111, 174.
- Петръ Великій** 45.
- Петръ** магистръ (патрицій) 179, 182,
- Пехлеваны** 148, 278. [232, 300.
- Печатки** съ геммъ, найд. въ Камунтѣ и Кобани 71; п-а шестиугольная 81.
- Печать** царская въ Визант. 353; рядъ п-ей — цилиндровъ Месопотаміи и Сиро-хеттитскихъ 116.
- Печенѣги** 9, 246, 356; п-жская преграда 356.

Пешта комитатъ 75.
Пигийскій храмъ 291.
Пигмей(и) 135, 136, 172.
Пикадоръ 93.
Пики 319.
Пилястры 91.
Пиршество „длинноволосыхъ“ 230; п-венная пляска 205.
Пиръ(ы) 18, 108, 193, 194, 202, 206, 208, 271, 276; п-тъ 19 аккумулятивъ 202; во дворцѣ 201; званный(ые) 194, 204, 205; именные 206; императорскіе 181; кошевные 18; святочный 217; союзнический 84; традиционные осенние 206; царскіе 93; п-тъ въ золотомъ Триклинѣ 204; въ триклинѣ при церкви 204; въ тр-ѣ Юстиніана (-новомъ) 203, 205; п-тъ на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й д. Пасхи 204; въ день Преполовенія 204.
Писатели арабскіе 164; древніе 163;
Писидія 101. [духовные 167.
Писки заморскіе, пискове 216.
Питра (J. V. Pitra) 152.
Пиѳагоръ 100.
Пиѳагорейцы 289.
Пиѳики 164.
Планеты 99, 100.
Планы Абобы 121; п-тъ усыпальницы китайск. императора 121.
Пластинки 42, 139; ажурныя 22, 33; длинныя 71; п-а съ драгоценными камнями на шапкѣ 246; п-а древне-египетская 253; золотыя 261, 283, массивныя 56, накладныя 42; круглыя 85; плоскія 84; прорѣзныя 32, 139; рельефныя 50; серебряныя 261, 283; створчатыя 285; тонкія 84; фантастическая 55; п-ка изъ Брѣзова 84; [86; п-ка морскихъ козликовъ въ Килѣ п-ка бронзовая изъ Минусинскаго окр. 57;

п-ка рѣзной бронзы магическаго со- держ. изъ Пальмиры 26, 27, 28; п-ка золотая Александропольскаго кургана 161; [161; п-ка з-ая Аму-Дарьинскаго клада п-ка з-ая клада Веттерсфельда 25; п-ка з-ая гробницы Маріи, дочери Стилихона въ ц. св. Петрониллы въ Римѣ 101; п-ки з-яя Сибирской коллекціи Эр- митажа 49—56, 140; п-ка з-ая отъ колчана кург. группы Семи братьевъ 141; п-ка рѣзная изъ кости собранія Эр- митажа 349; п-ки серебра съ изображ. Геркулеса могилы при Панагюрище 84; п-ки серебра съ головой Аполлона м-ы при П-ще 84.
Пластины 49; прорѣзныя 55.
Платаній (-ніонъ) золотой парчи съ жемчугомъ изъ ц. ап. Петра 200; пурпурной п-и изъ Пантеона 200.
Платно(а) 200, 266; широкое рукав- ное блѣдно-зеленой парчи 268.
Платокъ 281.
Платонъ 100.
Платъ 281.
Платъя дочери халифа 351; п-е рус- ское въ былинахъ 356; черное 221.
Плафонъ Палатинской капеллы 58, 177; п-ы золоченыя 276.
Плахты 355.
Плать(и) 118, 235, 243, 258, 262, 277, 280, 293, 294; блѣдно-голубой 262; бѣлые 290; верхніе 228; воен- ный(ые) 264, 265; воинскій 277, 348; зеленый у протовестіаря 294; п-тъ со значками на подобіе буквъ 279; короткій(іе) 89, 90, 93, 241, 254, 264, 265, 269; красный(ые) 192, 204, 251, 292, 294; пурпурныя 271; п-тъ рим- скаго императора 224; п-тъ Севасто-

кратора 294; узкій 277; четыре- угольный 349; широкий 277.
Племена восточныя 62; германскія 62; средневѣковыя европейскія 165.
Плешенія циновочныя 338.
Плиній Младшій (C. Plinius) 51, 110, 151, 160, 164.
Плита(ы): декоративныя съ изобра- жениемъ двуглаваго орла 119; от- дѣльныя среднихъ вѣк. съ изображ. льва 107; п-а мозаики древнехрист. періода въ Музеѣ Аквилеи 112; п-а декоративная съ крестомъ въ ц. Маріи въ Космедиѣ въ Римѣ IX в. 113; п-а съ вырѣзан. двуглавымъ орломъ въ Марковомъ монастырѣ около Скоплье 119; п-а собора св. Марка въ Венеціи съ изображ. двухъ грифовъ 105; п-ы двѣ ц. св. Марка въ Венеціи съ изображ. павлиновъ 112, 113, 114, 115; п-ы мраморныя развалинъ Патлейна 124; п-ы орнаментальныя происх. изъ г. Прѣслава. Соф. Нар. Муз. 119, 120; п-а саркофага съ изображ. чаши, виноград. лозы, моногр. Христа и двухъ павлиновъ, въ Равеннѣ VI в. 113; п-а съ цирковыми играми, найден. въ Софіи 90; п-а шиферная изъ Старой Загоры: съ изображениемъ грифа 104, 106, 107, съ и-мъ двуглаваго орла 115, съ и-мъ льва 107, 108; съ и-мъ двухъ павлиновъ 108, 109, 111, 112.
Пловдивско, Пловдивско поле 85.
Плодъ 112; п-ы на тк-хъ 321, 322, 326.
Плоская могила холмъ 124.

Площадь св. Недѣли 90; п-ъ Тавра
Плѣтъ Вавилонскій 99. [272.
Плюмажъ высокій 221; головной или хохолокъ 109.
Плясанье 216.
Пляска 206, 207; готская воинская 68; п-и димовъ 208; п-и чиновъ 208.
Плющъ 194, 312, 316, 318—319; п-а листики; п-а рисунки на тк. 292.
Побѣда(ы) 92, 210.
Повода 20.
Повозка 33.
Повязка(и) золотая(ыя) 18, 72; ши- рокія 272.
Погребеніе(я) 33, 34, 72, 94; вар- варскія 83; п-іе владыки, вождя 83; конское п-іе могилы при Панагю- рищѣ 84; п-іе хана 83; царское п-іе Чертомлыцкаго кург. 33.
Подвѣски 33, 72, 222, 288; бронзо- выя 71; п-и конской сбруи на тавл. Бамб. соб. 250; красныя съ золо- томъ 294; п-и на тк. изъ Мозака 249; царскія 201, 280.
Подгрудникъ 20, 21, 251.
Подкумокъ рѣка 338.
Поднесеніе царю крестовъ изъ розъ
Подпушка 268. [198.
Позументъ(ы) 228, 246; серебря- ный 247.
Позы церемоніальныя на тк. изъ Мо- зака 249.
Покой Дафны 195.
Покровская башня большая Новго- родскаго кремля 172.
Покровъ(ы) 74, 200, 307, 331, 338, 346, 353, 357, 358, 364; п-ъ Андрея Боголюбскаго во Влад. Усп. соб. 354; головные 281; красныя 324; погребальный(ые) 304, 342, 347, 355; п-ы разныхъ цвѣтовъ 275; царскіе надгробныя 279; церковныя 303.
Покрывало 338.

- Покрытіе** бедеръ цвѣтное, матерчатое 286.
- Полива** цвѣтная 124.
- Поликандило** изъ Влахернъ 200; 12 п-ть изъ Новой Базилики 200; п-а серебряныя большія 199; среднее п-о Золотого триклина 201.
- Полканъ** 41.
- Половцы** или Куманы 9, 354, 356.
- Пологи** 200, 311, 332; декоративныя 331; п-ть царскій изъ ниши трапезной 200; церковныя 303; шелковыя 200, 351.
- Полоски** орнаментальныя 78.
- Полосы** 247; металлическія золоченыя 247; пурпурныя 228.
- Полукафтанья** короткія 262.
- Полшубокъ** русскій 230.
- Поль** 124; п-ы мозаическія 123, 276.
- Польша** 267.
- Померанцевъ А. Н.** 175.
- Помпей** 163.
- Помпеянская** декорація 304, стѣнная 305; живопись 305.
- Поморье** 173.
- Поморяне, поморскіе славяне** 173.
- Помощникъ** примикирія 185.
- Понева** 355.
- Поножи** 240, 367; п-и хана, х-скихъ офицеровъ 286.
- Понтъ** 310.
- Попойки** именинныя 206.
- Попоны** 211.
- Попугаевъ** подобіе на тк-хъ 342.
- Порталы** романскіе 165.
- Портикъ** 195; церковный 309.
- Портреты** погребальныя 96; п-ть царя (-скій) на стеклѣ 238, на тронѣ 238; эмалевыя царя 239.
- Португалія** 164.
- Португепя(и)** 68, 225, 241, 278; п-я сассанидскихъ царей 216; сложныя 278.
- Поручи** 278.
- Порфирій** экзегетъ (Малхъ) 98, 99.
- Порфирородныя** дѣти виз. импер. 296.
- Порфиры** (порфиrowыя мантии) 290, 296.
- Порфиръ**, п-а цвѣтъ 296, 298; египетскій 297, 298.
- Порядокъ:** актовъ геніоховъ, званныхъ пировъ во дворцѣ, игръ ипподрома; приемовъ: во дворцѣ, въ ипподромѣ на площади городской, христосованія царя съ чинами на Пасахалн. Воскресеніе 197.
- Поселенія** готскія въ Юж. Россіи 67.
- Посланіе** ап. Павла къ Колоссянамъ
- Посоль** 199. [97.]
- Посольство** Византіи къ Дизовулу хагану 569 г. 44, 45.
- Постели** изъ слоновой кости 276.
- Посуда** 69; поливная 63, 132; серебряная 206; среднеvѣковая (ея орнаментъ) 315.
- Потанинъ Г. Н.** 281.
- Потиры** 196.
- Потникъ** 20.
- Потѣшники** 208.
- Похороны** скиѣскія 34.
- Почитаніе** конниковъ 125.
- Поэмы** эпическія 78.
- Пояса** орнаментальныя 78, 126.
- Поясокъ(и)** орнаментальный(ые) 78; орнаментация чешуйчатыми п-ми 257.
- Поясъ (а)** 18, 104, 182, 183, 192, 202, 221, 225, 241, 246, 263, 276, 278, 292, 294; воинскіе 278; драгоцѣнные 278; п-а съ драгоцѣнными камнями 278; золотой на тк. изъ Мозака 249; съ золотымъ или золоченнымъ наборомъ 278; красный 292; парчевыя длинныя 224; п-а съ перевязью 278; п-а съ португепями 278; п-а пурпура поддѣльнаго 275; пурпурный (ые) 251, 275, 278, 292; п-ъ съ ремнемъ 241; цвѣтныя 224; п-ъ чауша вели-

- каго 280; шерстяныя 341; широкій 183, 244; п-тъ епарха преторія 278.
- Прага** 77.
- Правословія** празднество 273.
- Праздникъ (и)** 269, 290; п-тъ обновленія Новой церкви (базилики) 205, 270, 291; п-тъ сбора винограда 218.
- Прасины** 68, 196, 209, 210, 211, 212.
- Прасипскій** градъ 138.
- Преданія** 73, 172; грековосточныя 254; народныя 108; п-ія Новгорода 172; языческія 165, сѣверныхъ племенъ 165.
- Предметы** золотыхъ дѣлъ мастерства 67; римскіе 63.
- Представители** схоля 186.
- Предсѣдатель** синклита 238.
- Преклоненіе** 218.
- Прображеніе**, 270, 291.
- Препозитъ (ы)** 179, 188, 194, 195, 196, 199, 202, 205, 209, 213, 220, 268, 271, 274, 279, 280, 281; п-тъ увѣнчиваетъ царя стеммою 273. [107.]
- Пресвитеріумъ** римско-кат. церковей.
- Пресвитеры** 204; п-ы городскихъ церковей 203; п-ы дворцовыхъ ц-ей
- Престоль** (царскій) 209. [203.]
- Престоль** (церковный) 196, 344; п-тъ развал. храма въ Патлейна 124.
- Преторій** 198.
- Префекты** города 283.
- Приборъ** воинскій 19; п-ы кавалерійскіе 264.
- Приволака** 266.
- Привратники** 279; п-тъ дворцовый 188.
- Придворный (ые)** 196, 274; п-ые пѣвцы 332.
- Приднѣпровье** 30.
- Придунайская** территорія 129.
- Придѣлъ** 196.
- Приказныя** 186.
- Приказы** 182, 194.
- Прикладъ** 228.
- Прилѣпы** Дмитровскаго собора 172; п-ы среднеvѣков. скульптуры 118.
- Прим(м)икирій (и)** 185, 188, 205, 218, 227, 230, 279, 281, 282, 292, 294; великій 191, 238, 294; п-ій дворца (дворцовый) 191, 192, 239; п-ія облаченія 295.
- Принцъ Г.** 101.
- Прискъ** 11, 44.
- Притворъ** 196.
- Прическа** 93; п-и варварскія 93; гуннскія 52, 93.
- Причудливыя** образы 133.
- Приемъ (ы)** 193, 206, 209, 226; п-ы съ актологіями 194; большіе 280; большой п-тъ пословъ 220; п-тъ Венетовъ 196; п-ы на празд. Вознесенія 198; п-тъ на Врумаліи 207; п-ы въ городѣ 194; п-ы во дворцѣ 194; п-ы димовъ Венетовъ и Прасиновъ 272; п-ы императорскіе 181; п-тъ Испанскаго посольства 200; п-тъ у Карла В. венеціанск. моряковъ 266; п-ы народныя 198; п-тъ кн. Ольги 213; п-тъ съ плясками 203; п-тъ (ы) пословъ 179, 198, 227, 271; п-ы персидскихъ п-тъ 198; п-тъ п-въ халифа и эмира Тарса при ц-ѣ Константинѣ и Романѣ 199; праздничныя 289; п-тъ Прасиновъ 196; п-тъ Сарацыновъ (Сарацынскихъ пословъ) при Константинѣ VII Порфирородномъ 279; п-тъ союзниковъ Болгаръ на 6-й д. Пасхи 204; п-тъ съ танцами 205; торжественный п-тъ безъ танцевъ въ понед. Ѳоминой нед. 204; п-тъ на форумѣ у колонны Константина 197; п-ы царскіе, визаитійскихъ царей 276; п-тъ у царя въ д. св. Крещенія 203; п-тъ царемъ посла 199; п-ы церемоніальныя у царя 198.
- Приюты** сиротскіе 236.
- Провозглашеніе** визант. царей 185.

Проволока 80.
Производство 179, 182, 194.
Прокаимены великаго дворца 191; п-ы Влахернскаго д-ца 191.
Проконсулъ (ы) 179, 202; п-тъ (ы) — анеипатъ (ы) 183, 300.
Прокопій 52, 71, 89, 93, 130, 229, 265, 275, 278.
Прометей 117.
Промыслъ сирѣ-арабскій 288.
Промышленность Сиріи 302, 303; художественная 110, 169; п-ъ х-ая Египта 125; п-ъ х-ая средневѣковая 86; п-ъ х-ая Финикіи 125.
Пропилей нарѣйка 196.
Прополома 265.
Прорицанія 276.
Прорѣзная работа 57.
Просвѣщеніе христіанское 71.
Просфоры 196.
Протекторы 184.
Протичъ А. 88.
Протоасикритъ 186, 187, 239.
Протоветіарій 191, 230, 239, 292, 294, 295, 296.
Протоіеракій 176, 191, 239, 280.
Протокинигъ 191, 239, 280.
Протонотарій 187.
Протопродръ 187.
Протосевасть 239.
Протоспаарій (и) 179, 184, 188, 197, 204, 207, 215, 234, 236, 239, 252, 281, 292, 294, 301; п-иі бородатые 184; п-иі василиковъ 186; п-иі евнухи 184; п-иі имперскихъ войскъ 187; п-іевъ скарамангіи 234.
Протостраторъ 187, 238, 294.
Прохоровъ В. А. 338, 354.
Процессія (и) 176, 178, 188, 194, 197, 200, 205, 265; п-ія святыхъ дѣвъ и женъ въ равеннской ц. св. Аполлинарія Новаго 183; п-ія въ хр. Божіей Матери 205.

Проэдръ 179, 251, 269; п-тъ синклита 251, 292.
Пруссія 21.
Прѣславъ 101, 102, 104, 108, 120, 121, 124, 129; П-а древности 108; П-а рельефы 102, 104—106, 121, 160.
Пряжки 67, 71, 75, 77; бронзовыя 79; золотая 278; маленькія съ гвоздиками для ремней 79; одиночныя 104; парныя 104; п-и серебряныя 79. п-а Александропольскаго кургана 31; п-а Большой Шурани 75; п-и изъ Кобанскихъ вещей 71; п-и изъ некрополя Орда 75.
Псаліи 19, 21, 42.
Псалты 203.
Псалтырь (и) Лицевая (ыя) Толковая (ыя) 159.
Псевдо-Калисѣенъ 138, 160.
Псы 137.
Птеріумъ 116.
Птица (ы) 22, 25, 29, 34, 42, 57, 58, 71, 79, 80, 101, 104, 111, 112, 113, 114, 131, 136, 153, 156, 157, 159, 160, 168, 172, 176, 243; п-а Аравіи (феникскъ) 110; большая (ія) 57, 58, 141, 151, 153, 172; волшебныя 109, 116; п-ы вышивокъ народныхъ Восточн. Европы 306; гигантская (ія) 58, 59; п-ы голова орнаментальная 141; п-ы греко-восточныя сказочныя 116; п-ы въ греко-римск. орнаментъ 318; домашнія 333; п-ы-звѣри 138; исполинская 170; п-а коптскаго типа 171; п-ы куриной породы 113; летящія 60; мифологическія 111; невѣдомыя сказочныя и волшебныя 116; п-а (ы) Нога, Ногуй, Ногъ, Ногои (персид. Нухуд) 29, 58, 136, 359; райская (ія) 109, 111, 113, 114, 137, Сириинъ 156; п-а съ распущенными крыльями 57; рѣдкія 75; сказочныя 116; слетающая 42; солнечная (феникскъ)

110; п-ы на тк-хъ 303, 315, 325, 326, 329, 339, 342, 343, 347, 351, 357, 359, 360; триглавая (трехглавая) 58; фантастическая 42; хватающія добычу въ присутствіи божествъ 117; хищная 29, 104, 245; п-а съ человѣческой головою на груди 58; п-а съ челов. головами двумя 58; п-а (ы) съ человѣческими лицами 58, 139; п-ы имущія обличье человѣческое 136, 137; чудесная 103; чудная 174; п-ья голова на хвостѣ дракона 145.

Птичка (и) 74, 157; п-и на тк-хъ 342.

Пуговицы 185, 266; бронзовыя позолоченыя Крымск. др. Ист. Муз. 79; гранатовыя Кр. др. И. М. 79; золотыя 229; топазовыя Кр. др. И. М. 79.

Пуговки гранатовыя Кр. др. И. М. 79; п-и на кафтанахъ 356; топазовыя Кр. др. И. М. 79.

Пурпуръ (ы) 195, 200, 227, 275, 278, 289, 293, 299, 353; византійскій 300; драгоцѣнный 276; п-а коричневая краска 299; малиновый 297; п-а от-тѣнки 298, 300; темнолиловый 298; тирскій 298, 300; п-а тонъ лиловый 298; п-а фонъ темнолиловый 299; темношеколадный 127; п-тъ южно-италійскій 300.

Пурпуровая мантия 212.

Пышность азіатская 192; варварская
Пѣвцы 217. [192.]

Пѣвчіе хр. св. Апостоловъ 213; хр. св. Софіи 213.

Пѣсни 208; п-и бѣсовскыя 216.

Пѣснопѣнній исполнители 207.

Пѣтель 335.

Пѣтухъ (и) 78, 153, 159; бѣлый 333, 334, 335; красный на крышѣ 335; на тк-хъ 330, 333—336; черный 335.

Р Равенна 67, 113;

Р-скій баптистерій 154;

Р-ы саркофаги 313.

Раджпута 224.

Радловъ В. В. (Radloff W.) 9, 15, 16, 24, 146, 241.

Радювене 85.

Развлеченія потѣшныя 207.

Разводы 78, 122; р-ы винограда, виноградной лозы 95, 112; р-ы лилій 95; округлые, крестообразной формы 122; р-ы съ палемтками 122; р-ы побѣговъ на тк-хъ 362; р-ы различныхъ растений, растительные 75, 77, 95, 168; р-ы тростниковъ 95; р-ы по фону 81; цвѣтовъ 95.

Раздача 207; р-а скарамангіевъ 237.

Раздѣвальня 196.

Разселеніе Готовъ 66. [137, 156.]

Райская птица 109, 111, 113, 114,

Рай земной 139.

Рака(и) 332, 346.

Раковина 123; р-а тирская 298.

Раса 63.

Раскола мистическія гаданія 167.

Раскопки 4, 69.

Распятого человѣка фигура 117.

Распятіе золоте 196.

Растенія 74, 151, 198; р-іе въ иконописи 320; р-ія въ народныхъ вышивкахъ Вост. Евр. 306; р-іе(ія), растительность, растительный міръ, растит. формы на тк-хъ 307, 337, 338, 339, 347; р-ый уборъ 170; растительный фонъ 168.

Рать Христова 225.

Рафаиль архангелъ 96, 99, 101.

Реализмъ 49, 54.

Регалии русскія 356—357.

Регія 353.

Рейнеггсъ и Ганъ 69.

Ректоръ 187.

Религія 119; р-и Азіи (азиатскія) 116;

р-и Востока (восточныя) 99, 177;
 р-и древня языческія 97; р-и славянскія языческія 173; христіанская 97.
Религіозныя вѣрованія кочевниковъ 10—17; р-ый смыслъ изображеній на тк-хъ 333; р-ая старина 173.
Рельефъ(ы) 50, 51, 90, 92, 93, 121, 129, 130, 131, 135, 144, 149, 168; р-ы въ камнѣ 63; выпуклый 121, 122; грубые 50; декоративныя 51; западныя 153; мелкія и ремесленныя 130; плоскій 131; прорѣзной 49; р-ы церемональнаго содержанія 183; ряды р-ныхъ изображеній 133; р-ы Ассиріи съ изображеніемъ большого быка съ прямымъ рогомъ р-ъ въ Богаз-Кѣй 116; [160; р-ы на Владимірскихъ соборахъ 172; р-ы изъ Дренова 131; р-ъ всадника у с. Мадара 82, 86—90, 129—131; р-ъ лежащаго оленя (изъ Куль Обы) р-ъ Персеполя 161; [37, 54; р-ъ плитъ ц. св. Марка въ Венеціи 113, 114; р-ъ помпеянскій, изображеніе единорога 160; р-ы Прѣслава декоративныя 121, р-ъ П-а съ грифомъ терзающимъ голову слона 102, 104—106, 160; р-ы Раввены и Рима 113; р-ы сассанидскіе побѣдныя 129, 130; р-ъ Юрьева Польскаго 107; [132. р-ы Старой Загоры 106—120, 131,
Ремень(и) 32, 59, 243, 278; р-ъ набранный золотыми бляшками 241; толстый 93.
Ремесло въ Кабардѣ, Осетіи, Хевсуріи и Чечнѣ 71; р-енныя скульптуры лангобардскаго періода Италіи 113.
Ремъ, носорогъ-единорогъ Библии 163.

Ренанъ Эрн. 165.
Ренессансъ 133 (см. Возрожденіе).
Репейки 80; Репейникъ 319; Репья 50.
Референдарій 184.
Рея 15.
Ризница Ахенскаго собора 346; р-ы Моквы 338; р-ы Новгорода 338; соборная (Усп. соб.) во Владимірѣ 357; собора св. Вита въ Прагѣ 77.
Ризничій 195.
Ризы церковныя 355.
Римъ 3, 12, 89, 102, 105, 110, 113, 219, 275, 300, 323, 345; средневѣковый 3, 112; старый 277.
Римляне 11, 34, 79, 108, 151, 160, 161, 163, 184.
Римская Имперія 64, 90, 305, 327.
Римско-германская Имперія 347.
Римскія вещи 67; р-ій народъ 111; р-ая церковь 111; р-ая эпоха 87; р-ско-имперская эпоха 305.
Ринокерось 164.
Рисунки вавилонскіе 177; р-и игръ 214; орнаментальныя 124; персидскіе 177; растительныхъ формъ 122; р-ъ травный 329; фигурныя на вазахъ 305. [(—ые) 19, 42.
Ритонъ 42, 83, 84, 147; серебряный
Риттеръ, К. 9, 28.
Ритуаль 30, 207; р-ый символъ 145.
Рогатина 129, 217.
Рогъ(а) 31, 33; витой р-гъ или бивень 161; р-а барана, козла, оленя (форма бронзовыхъ подвѣсокъ) 71; р-а дикихъ быковъ позолоченныя и съ драгоц. камнями, устр. для питья 174; р-а единорога 162; р-а — загибы головного убора сассанидскаго царя 260; р-а приспособл. для музыки 174; р-а нанизанныя на полки съ идольчикомъ наверху — обереги 71; р-гъ нарвала или роизуба 161, 162;

р-ъ Карла Великаго въ соборѣ Аахена 78;
 два р-га изъ слоновой кости или оліфанта собора св. Вита въ Прагѣ 77;
 два золотые рога изъ Галлегуса въ Шлѣзвинѣ 77;
 р-ъ изъ сл. к. или о-ъ изъ Jász Berény 77;
 р-ъ Черниговскій 77, 146;
 р-ъ лосиный Эрмитажа 79.
Родъ 19.
Родѣ 138. [270, 290.
Рождество Богоматери, Бородицы
Рождество Христово 92, 202, 208, 270, 271; „Р-о Х-о“ — фресковая роспись Беноццо Гоццоли 257.
Рождеръ норм. король 174.
Розенбергъ Маркъ 283.
Роза(ы) 198, 200, 274, 312, 323—325; р-вое масло 323; р-вый цвѣтъ 293.
Розарій (= розалии, русск. русалии, праздн. розъ) 324.
Розетка(и) 113, 174, 325; р-и звѣздообразныя 174; р-а на тканяхъ 327; р-а солнечнаго диска на сасанидск. ткани 333.
Рокъ 100.
Романскія земли 264; р-ий періодъ искусства 134, 164; р-ий п-тъ скульптуры 305; р-іе соборы 133, 144; р-ий стиль 167.
Романъ I Лекапенъ имп. виз. 180, 190, 207, 237.
Романъ II Порфирородный 190, 214.
Романы эеіопскіе 103.
Ромбъ 77, 122; р-ы на тк-хъ 328.
Ромулъ 206.
Роспашницы женскія 266.
Роспись 95; р-и Востока 177; р-и декоративныя 63; стѣнныя 150; р-ъ др.-христіанская катакомбъ 304;

р-ъ др.-христіанской гробницы въ Софіи 100;
 р-ъ Керченскихъ катакомбъ 54;
 р-ъ мозаическая усыпальницы Галлы Плацидіи V в. 154; [175.
 р-ъ плафона Палатинской капеллы
Роспись войска и чиновъ у Константина Порфир. 284.
Россавакскіе курганы Каневск. у. Кіевской губ. 354.
Россія 62, 67, 135, 175, 337, 338, 339, 352, 354, 361; восточная 69, 70; древняя 359; Европейская Р-я 9; западная 66; юго-восточная 41, 53; югъ Р-ій 54; южная 4, 6, 7, 11, 15, 18, 23, 24, 26, 29, 31, 41, 43, 53, 62, 63, 66, 67, 72, 83, 84, 102, 119, 354.
Рошеръ 29, 101, 358.
Рубашка 228, 229; кумачевая русская 228; льняная 228; р-и шелковыя 342.
Руины Великихъ Болгаръ 69.
Рукава длинныя 247; короткія 256, 280; р-а на подобіе мѣшковъ 262; спущенныя 267; узкія шелковыя 248; широкія 262, 266, 268; широчайшія 263.
Рукавица кожаная 245.
Рукомойники 195.
Рукопись Іоанна Златоуста Парижской бібліотеки 274;
 р-ъ пергаментная „Сказанія о Карлѣ Великомъ“ XII в. 261;
 р-ъ подносная Евангелія въ Воронцѣ 261;
 р-и славяно-русскія XII—XIV в. в.
Рукоположеніе(ія) 179, 274. [133.
Рукоять бронзовая 69; золотая 35.
Румынія 135.
Русалка (и) 324.
Русалии 324.
Русалье 216.
Русскіе 214, 217, 230, 336, 353.
Русскіе великія князья 222; князья

- 214; р-ая народность 167; р-ий типъ одежды XV—XVI вв. 269; р-ая старина 265; р-ие цари 222; р-ий царскій дворъ 264.
- Руссы** 11, 69, 229, 336.
- Рустемъ** 8, 13, 147, 148.
- Русь** 262, 287, 294, 338, 353, 356, 257; древняя 189, 190, 267, 278, 281, 283, 288, 310, 339, 352, 354, 355; Киевская 354, 355; Московская 162; старая 185; Суздальская 354, 355, 356; Тмутараканская 41.
- Рухъ** 294.
- Рыба (ы)** 25—29, 71, 137, 145, 151, 211; р-а золотая Аму-Дарьинскаго клада 26; соленая 138; сушеная 139; р-ья кость 246.
- Рыболовство** 66.
- Рынды** древней Руси 290.
- Рыцарство** 167; древнее 78; западное 264; р-я среда 108.
- Ръзъба** 77, 81, 90, 175; византийская 131; р-а на деревѣ 307, 310; деревянная кустарная 132; р-а на кости 307; р-а на металлѣ 307; р-а меровингскаго типа 79; р-а по металламъ 132.
- Ръзчикъ** 87, 112.
- Ръзы** 142.
- Рѣшетки** 198; р-а на тк-хъ 328.
- Рюгенъ** островъ 173.
- Рюшъ** сборчатый 243.
- Рязанская губернія** 161.
- Рязанскія бармы** 357; князья 363.
- Рязань** старая 362.
- Ряженіе** 92; ряженный (ые) 216, 217.
- Савва** еписк. 338.
- Саввы св.** церковь 125.
- Савваитовъ П.** 20, 21, 215, 231, 241, 265, 266, 268, 283, 287, 288, 352.
- Савельевъ В. К.** 81, 354.
- Савроматовъ** царь 31.
- Сагитаріи** 136.
- Сагій (и)** 199, 209, 222, 226; бѣлый (ые) 257, 273; варварскіе 224; златоокаймленные 271; златотканый (ые) 269, 291; золотный 272; золотой (ые) 195, 200; красные 236, 271, 294; парчевой 257; пурпурный (ые) 183, 272, [273].
- Садакиль** арханг. 99. [273].
- Садъ** триклинія 200.
- Сакелларій** 186.
- Сакеллионъ** 233.
- Сакось (ы)** 221, 338; греческій 266.
- Саксагаль** 73.
- Саксимы** 209, 211; с-тъ тактичскій 207.
- Саксы** 299.
- Сакья Муни** 320.
- Салава** или саливари 280.
- Саладинъ** 118.
- Саламандра** 136, 158.
- Салибъ** (арабск. цѣпь) 280.
- Салива-сиромаста** 295.
- Салманассаръ II** 160.
- Салтыкова** кн. собраніе 79.
- Сальмазіи** 283.
- Самаиль** арханг. 99.
- Самаркандъ** 45.
- Самоквасовъ Д. Я.** 147, 354.
- Самсонъ** 41, 86, 177.
- Саны** 187, 192; высшій (іе) 181, 191, 264; царскій 185.
- Сансъ**, ткань въ ризницѣ собора 359.
- Сапоги** 229, бѣлые съ пурпуромъ 294; высокіе съ голенищами 93; желтые 294; зеленые 294; лимонные 294; сафьянные 275; царскіе 297; ц-іе походные 293.
- Сапожки** „зеленъ сафьянъ“ въ былинахъ 356.
- Сапоръ** перс. царь 12.
- Сарай** 121, 239.
- Сарафанъ** 355.
- Сарацны** 9, 202, 290, 303, 350; с-ская мода 237.
- Сарка** 228.

- Саркофагъ (и)** 94, 113; красные 324; христіанскіе 111.
- Сарматія** Европейская 6.
- Сарматы** 5, 83, 89, 93, 119, 130, 245; с-ы длинноволосые 89, с-кія могилы 131.
- Сассанидскія** блюда 88, 143, 241, 242, серебряное (ья) 48, 49, 90, 242, 243; с-ій владыка 243; с-іе всадники, изображ. на тк. изъ Мозака 248, 249; с-ія древности 48; с-ія издѣлія 89; с-ія изображенія (конника) 239; с-ое искусство 30, 62, 90; с-ія короны 240; с-ія монеты 71; с-ая Персія 43, 293, 337; с-іе сосуды 143, 150; с-ій типъ царской охоты 248; с-ія ткани 89, 143, 345; с-ая ткань съ изображен. барана 270; с-ій (іе) царь (и) 87, 89, 130, 170, 233, 241, 243, 285; с-хъ царей выѣздная одежда 241; с-аго царя головной уборъ на охотѣ 260; с-го царя конь 285; с-ихъ ц-ей короны 103, 240; с-го ц-я охота на тк. 327.
- Сассаниды** 10, 62, 272; С-въ царство
- Сатинъ** 351. [62].
- Сатиръ (ы)** 136, 151.
- Сатрапы** 269; персидскіе 284.
- Сатурналіи** 206.
- Сатурнъ** планета 99.
- Сафиры** 260, 283.
- Сафьянъ** 293.
- Сахаровъ** 164.
- Саччи** 75.
- Сбруа** 284; конская 21, 67, 90, 225, 283.
- Сванетія** 343, 344.
- Свида** 229, 293.
- Свинья** 153; с-ная голова 217.
- Свирѣльщики** 208.
- Свита** 273, 276.
- Свѣгильникъ** 18.
- Свягилица** 174.
- Святая Земля** 326.
- Святовитъ** 173.
- Святогоръ** богатырь 14. [214].
- Святославъ** вел. кн. 230; С-а люди
- Святослава Изборникъ** 230.
- Священная** Исторія 165.
- Севастократоръ** 171, 191, 219, 222, 282, 291.
- Сегменты** золотые 211.
- Секретарь** архонтовъ Россіи 213.
- Секреты** 195, 197; с-а высшіе чины
- Сектантство** христіанское 306. [291].
- Сельджукскій** рельефъ XIII в. Музея въ Коніи 144.
- Семибратскіе** курганы 19, 41, 42, 141.
- Семирамидины** палаты 138.
- Семирѣчье** 354.
- Семитическія** колоніи 308.
- Сенатъ** 194, 202, 204, 209, 218; с-а чины 182; с-а члены 182.
- Сенковскій** 288.
- Сераписъ** 91.
- Сербія** 135, 343.
- Сербы** 261.
- Сергій и Вакхъ** свв. 185.
- Сердика** 90.
- Сердоликъ** 80.
- Серебро** 42, 84, 85, 103, 147, 195, 252, 288, 332; с-о чеканное 200, 252.
- Сермяга** 247.
- Серна (ы)** 154, 155.
- Серьги** 18, 67, 71, 77, 134; с-и золотыя 245; с-и з-ья клада села Косякова 80; с-и серебрянныя 245.
- Сибирь** 5, 6, 9, 18, 22, 30, 43, 44, 45, 48, 54, 56, 64, 69, 77, 102, 135, 177, 349; Западная 7, 241; с-ія вещи 142; с-ія древности 139, 358; с-ихъ д-ей Алтая коллекція 240; с-ая коллекція Эрмитажа 45, 49—56, 140.
- Сигль** 96.
- Сигма** 194, 207.
- Силентій (и)** 182, 194. [271, 282].
- Силенціарій (и)** 182, 184, 186, 209,

Силенъ 151.
Силистрія 90.
Сильванъ вождь 299.
Символъ (ы) 22, 29, 30, 58, 103; с-тъ безсмертія 113; с-тъ души 154; с-ы луны и солнца 243; с-тъ магическій 276; с-тъ народный 104; с-ы Страстей Господнихъ 196; с-ы христіанскіе 96, 131.
Символизмъ 58, 113.
Символика 167, 168; общевосточная 152; с-а цвѣтовъ 223.
Символическій (іе) знакъ (и) 30, 260; с-ія фигуры Месопотаміи и Персіи
Симонъ Порцій 229, 293. [116.
Симургъ 29.
Синды 28, 79.
Синкеллъ 187, 203.
Синклитъ 179, 183, 186, 196, 199, 212, 271, 272, 274; с-а чины 181; с-а члены 182, 236, 291.
Синклитики 182, 186, 199.
Синопъ 122.
Синявка на Россавѣ Кіевск. губ. 17.
Сипедъ, дѣвъ, драконъ волшебникъ 13, 147, 148.
Сирена(ы) 134, 135, 151, 156, 159.
Сиренъ, О. 141.
Сиринъ(ы) (райская птица) 136, 156.
Сирія 7, 9, 26, 27, 62, 65, 96, 98, 99, 108, 123, 124, 128, 175, 297, 298, 300, 305, 306, 313, 324, 327, 339; Сиро-Финикія 151; С-иіи мануфактура 339; С-иіи промышленность 302, 303; С-иіи фабрики 350; с-иіи бархатъ 350; с-ая діаспора 328; с-иіи типъ 243; сиро-египетскія издѣлія 349.
Ситець 329.
Сицилія 62, 118, 136, 174, 176, 186, 347; С-иіи нормандскіе короли 347; с-ія мастерскія тканей 305, 343.
Сказанія арабскія о единорогѣ 163; восточныя 156, о единорогѣ 163;

древнія 111; западныя о е-ѣ 163; с-іе миѳическое о переходѣ гунновъ черезъ Меотиду; народныя 165; русскія 157; средневѣковыя 136.
Сказки Востока 177; персидскія 158.
Сказочники арабскіе 164.
Скакунъ персидскій 243.
Скандинавскіе археологии 304.
Скань 80.
Скарамангій(и) 195, 200, 202, 203, 204, 218, 226, 232—240, 242, 247, 250, 251, 252, 254, 259, 260, 264, 265, 271, 272, 275, 277, 280, 286, 290, 292, 301; бѣлый(ые) (б-о цвѣта) 235, 238, 270, 273, 275; византійскій императорскій 247; голубые (г-о цвѣта) 237, 275; зелено-розовые 252, съ орлами 301; золотный 206, 235; золотые 270; с-иіи съ золот. шитьемъ 235; с-иіи кафтанъ изъ золотой парчи 266; с-иіи конца XII и начала XIII в. 261; лимонные (л-о цвѣта) 237, 275; с-иіи съ львами бѣлыми 252; многоцвѣтные 252; с-иіи на мѣху бобрвомъ 226; наборъ для с-ія 237; обычныя 204; с-иіи съ оплечьемъ и нагрудникомъ 251; парчевой 251; с-иіи изъ парчи золотной 235; пурпурный(ые) 235, 251, 269, 270, 271, 291, 292; с-іевъ раздача 237; с-иіи разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ 275; разрѣзной(ые) 237, 238, 261; с-иіи розоваго цвѣта 237; с-иіи-скараникъ 250; „собственные“ домашніе 236; сшитые 238; царскіе 352.
Скараникъ(и) 230, 233, 238, 239, 258, 260, 263, 292; абрикосоваго цвѣта 238, 294; бѣлый съ золот. 189, 239, и пурпур. 189; бѣлый парчевой съ пурпурнымъ шитьемъ 259; с-иіи греческаго двора 257; с-тъ друнгарія стражи 295; золотомъ прошитый 139; с-тъ золот. клавиами 239; с-и

короткіе 261; красный 294, золотный 238; с-тъ лимоннаго цвѣта 239, 295; с-тъ парчи цв. абрикоса 294; с-тъ п-и золотной 238; с-тъ п-и красной тканой золотомъ 238; с-тъ съ рукавами короткими 259; с-тъ украшенный драгоцѣнными камнями и обнизан. жемчугомъ 238; шелковыи 239.
Скарлатъ 356.
Скилла 151.
Скилы 213.
Скипетръ(ы) 250, 269, 283; магическіе 212; римскіе 195.
Скипетроносцы 236.
Скиоія 5, 23, 83, 84, 103; С-ія Геродотова 5.
Скиѳскія племена 5; с-иіи стиль 23, 24; с-ая эпоха 86.
Скиѳы 10, 11, 12, 14, 24, 42, 79, 89, 119, 130, 172; с-ы длинноволосые 89; с-ы припонтійскіе 42; с-ы Южной Россіи 119, 130.
Скиадій(и) 219, 222, 281, 282, 292, 295; были 295; греческіе 282; золотный 189; красный(ые) 268, 294, съ золотомъ 294; с-иіи протоасикрита 295; пурпурный 295.
Склепъ 18.
Скоморохъ(и) 91, 216, 263, 264; скомрахъ(и) 216, 263.
Скопье 119.
Скотоводы 92.
Скотъ 71.
Скриній варваровъ 198.
Скульптура(ы) 1, 173; с-ы рѣзаныя на мягкомъ извѣстнякѣ 168.
Скурры 208.
Скуфья 222, 281; войлочная 217.
Славословіе (ія) 209, 213, 271; с-ія димовъ 272, царскія 208; с-ія царскія чиновъ 208.
Славяне 8, 61, 62, 129, 217, 228, 229,

230, 293, 330, 335; Западные 135; Лужицкіе 26; Поморскіе 173; Русскіе 229; с-кія земли 173; с-ое коренное населеніе Болгаріи 124; с-нѣ народный орнаментъ 306; с-ое населеніе Поморья 173; с-іе осѣдлые народы 43; с-ія языческія религіи 173; с-но-германскія племена 227.
Сладкое 214.
Слива 310.
Словены 353. [80.
Слитки серебряныя клада с. Косякова
Слово на Крещеніе Григорія Бого-слова 207.
Слово о полку Игоревѣ 20, 354.
Слонъ (ы) 75, 104, 106, 131, 138, 155, 159, 160, 161; азіатскій 347; африканскій 105, 346; боевой 105; с-ы въ звѣринцахъ халифа 352; индійскій 105, 346; с-тъ на кости 349; с-ы Палатинской кап. 176; с-тъ (ы) на ткани (яхъ) 326, 331, 332, 344—347, 351; с-тъ — эмблема Александрии 347; слоненокъ на тк-хъ 332; с-ая кость 346, 347; слоновья 136.
Слуги царскіе 202; цирковыя 91.
Служащіе въ кувикулѣ 273; въ умывальной 195.
Службы или оффиціи 186; с-ы приютовъ 203; с-ы страннопріимныхъ домовъ 203.
Смирновъ Я. И. 49, 96, 128, 143, 342.
Смоковница 309.
Смѣла 41.
Собака (и) 41, 55, 130, 153, 168, 215,
Соболья кошуля 355. [243.
Соборъ: Аахена 78; Бамбергскій 250; св. Вита въ Прагѣ 77; св. Марка въ Венеціи 104, 105, 113, 114, 122; с-тъ въ Сансѣ 359; Софійскій Кіевскій (Кіева) 22, 68, 211, 311, 362; Софійскій гор. Софіи 94; с-тъ Тулузы 112.

- Соборъ Лаодикейскій** 100, 101.
Совы 153.
Согдіана 7, 44.
Созвѣздія 145.
Соколь 153, 176, 177, 245, 255, 266;
 съ на тк-хъ 360.
Сокольнічій 362.
Сокровища сарацынскихъ халифовъ
Солея 196. [175].
Солнце 100, 111, 117, 139, 334; с-а
 (с-ый) богъ Греціи 308, 312; с-ышко
 красное на платьѣ по былинѣ 356;
 с-ое божество 243, 333, 335.
Солнцевъ О. Г. 214.
Соломонъ 108; С-овъ тронъ 199.
Солунь 168.
Соправители императора 181.
Сопѣли 216.
Сороки 153.
Сорока 229.
Сорочка 228, 293; с-и натѣльные 229.
Состязанія колесничныя 91; с-іе кон-
 ное 203; с-ія конскія во вторн. Оо-
 миной нед. 204.
Сосуды 80, 86, 150; с-ъ бронзовый
 помпеянскій техники 84; золотые
 (изъ золота) 174, 276, 351; с-ъ низ-
 кій съ ручками на сводѣ древне-
 христіанской гробн. въ Софіи 94;
 римскіе бронзовые 82; серебряные
 (изъ серебра) 174, 276, 351.
Софійскій Народный Музей 120, 130.
Софійскій соборъ Кіевскій 22, 68,
 211, 311, 362; С-ій с-ъ гор. Софіи 94.
Софія св. (Великая церк.) 182, 194,
 195, 196, 202, 205, 206, 218, 226, 271.
Софія св. въ Охридѣ 118.
Софія гор. 85, 90, 94, 95, 122, 130, 136.
Софоклесъ 233.
Союзники 203, 204; с-и или друзья
Спальни расписныя 276. [264].
Спальникъ (и) 189, 239, 295.
Спаситель 100, 111, 127.
Спасскій у. Казанской губ. 80.
Спасъ (Спаситель) 156, 157; С-ъ на
 миниатюрѣ 297.
Спаѳаріи 184, 195, 217, 236, 237, 264,
 272, 280; с-и бородатыя 272; с-и
 изъ варваровъ 273; с-и евнухи 272.
Спаѳарокандидаты 184, 236, 283, 290.
Спаѳарокувикуларіи 184, 188, 281.
Спаѳовакли 272.
Спекіи 278.
Спираль на тканяхъ 326; с-и усиковъ
 виноградной лозы мозаики Аквилей
 112; с-ъ — форма орнамента 317.
Спицынъ А. А. 21, 57.
Сраошъ 334.
Сраца 229.
Срачица 228.
Средиземное море 308.
Средневѣковая старина 165.
Средневѣковье 3, 25, 61, 63, 94, 97,
 106, 119, 135, 158, 159, 194, 202;
 восточное 134, 135, раннее 74; евро-
 пейское 119, 167; западное 62, 135;
 позднѣйшее 62; раннее 62, 92; цен-
 тральное 136.
Средніе вѣка 69, 107, 108, 158, 168,
 178, 261.
Срезневскій И. И. 338, 353.
Срѣтеніе 197, 203, 270, 273.
Сталактиты пещерныя 174.
Стама 209, 210, 215, 217.
Старая Загора 82, 85, 104, 106, 107,
 109, 115, 131, 132.
Старая Русса 338.
Стасовъ В. В. 148, 230, 339.
Статуэтка бронзовая, найд. въ Сара-
 товской губ. 245, 246; золотая Эрота
 72; с-а кочевника на конѣ въ кол-
 лекціи сибирскихъ др-ей Алтая 240.
Стаціонаріи конныя, пѣшіе 192.
Стекло 67; с-а красныя 80; с-а цвѣт-
 ного искусство 125.
Стемма (ы) 199, 209, 218, 219, 220,

- 221, 222, 231, 235, 250, 273; бѣлая
 (ыя) 269, 270, 272, 291; голубыя 270;
 зеленыя 270; золотая съ камнями
 и жемчугомъ 268; золотыя 270;
 красныя 269, 270, 291; с-ы изъ хр.
 Божьей Матери Фароса 200; цар-
Степановъ П. К. 83. [скія 195].
Стерлиговъ 363.
Стефани Л. 3, 134.
Стефана 257.
Стефанъ Великій, молдав. влад. 261.
Стефанъ (вѣнецъ) 219, 249, 260; с-ы
 деспотовъ 223.
Стилихонъ 66, 101.
Стиль (и) 49, 50, 52, 55, 63, 67, 70, 72,
 88, 134, 135, 163, 169, 257; ассирійскій
 27; восточно-персидскій 35; готиче-
 скій; греко-римскій 54; греческій 54;
 декоративный 134; египетскій 125;
 звѣриный 25, 31, 33, 35, 55, 57, 63,
 70, 74, 76, 77, 83, 84, 133—177, 302,
 304, 325, 337; с-ъ зооморфическаго
 типа 167; индо-скиѳскій 75; іонійскій
 23; орнаментальный 134; романскій
 153, 165, 166; сибирскій 21; с-ъ си-
 бирскихъ древностей 33; средневѣ-
 ковый ранній 165; тератологическій
 167; туркестанскій 75; чудовищный
 167; эллинистическій 253, 254.
Стихарь (и, стихаріонъ, ріи) 227, 230,
 232, 271, 274; с-ъ съ поручами 338;
 с-и синіе крапленые бѣлыми точками
 268; шитый золотомъ 183.
Стихи готскіе 68; латинскіе 68.
Стола царская 195.
Столбунецъ (колпакъ) 281.
Столовая 19 аккумуляторовъ 190.
Столъ 207; с-ъ во дворцѣ въ Верб-
 ное воскресеніе 203; с-ъ званный въ
 7 день Пасхи 204; с-ъ з-ый въ па-
 триаршемъ секретѣ 203; с-ъ з-ый
 въ Триклинѣ Юстиніановомъ на
 Благовѣщеніе 203; с-ы сигмою 276;
 с-ъ въ Триклинѣ Юстиніана 204;
 царскій 202; с-ъ царя съ близкими
 чинами 207; с-ъ ц-я великаго съ
 чинами 207; с-ъ ц-я малаго съ ч-ми
Стольникъ 68, 189, 239, 267, 292. [207].
Ступы буддійскія 75; с-а въ Саччи 75.
Страбонъ 313.
Стражи Востока — драконы 144; эм-
 блема с-а восточн. дворца 347.
Страстная Недѣля 300.
Стратархи 186.
Стратегиконъ Маврикія 285.
Стратигъ (и) 183, 186, 193, 195, 202,
 204, 218, 232, 236, 271, 272, 347;
 с-и емъ 186.
Стратилаты 185.
Стратопедархъ (и) 191, 238, 294.
Страторы 185, 252, 272, 284.
Страусъ 157, 172; с-ы на тк. 364.
Строевъ 266.
Струфимъ — Страусъ 157. **Струфій**
Струфокамили 159. [153].
Стрѣла (ы) 18, 55, 103, 524; костя-
 ныя 57; стрѣлки желѣзныя 57.
Стрѣлокъ 241.
Сударь, погребальн. платъ 359.
Судьи 272.
Суздальскій уѣздъ 354.
Сузы 102, 125, 330; дворець С-ъ 102,
Сукно 231, 268; красное 286. [125].
Сулей восточныхъ украшеній 175.
Султанъ (ы) 29, 170, 245, 246.
Султанъ (хохолокъ птицы) 112; с-ы
 или эгретки голов. уборовъ владыки
 112.
Сундуки старинныя нѣмецкіе и рус-
 скіе 175.
Сунки имѣніе 150.
Сурулисты (суравлисты) 208.
Сусловъ В. В. 175.
Сусловъ Н. худож. 354.
Сустуги 355.
Сухманъ богат. 41.

Сухраварди Гассанъ-Шахидъ 320.

Сфинксъ 25, 134, 135, 151.

Сфинктурн 275.

Сфрагидн 212.

Схимника типъ 125, 126.

Сходъ чиновъ двора 208.

Схолы 200, 290; дворцовыя 237.

Сцены битвъ 176; бытовыя 175; с-ы восточныхъ увеселеній 174; звѣри-ныя 36; мифологическія 175; охотничья (и) 78, 170; религиозныя 75; с-ы изъ Свящ. Исторіи 165; символическія 175; цирковыя 90.

Сынъ Неба 9.

Сѣверъ 7, 9.

Сѣдло (а) 20, 50, 173, 241, 273, 283, 287; арабскія 287; бухарскія 287; бѣлое съ красными орлами 285; византийское съ эмалью по золоту 287; с-о въ золотѣ и серебрѣ 285; камышевыя 54; кизылбашскія 287; конское 139; крымскія 287; священное золотое 173; турскія 287.

Сѣкира (ы) 42, 217, 272.

Сюжеты восточныя 172; с-ъ восточный, или точнѣе, восточно-варварскій 253; гладиаторскія эллинистич. стилия 253; свѣтскіе въ тк. 332; церковныя въ тк. 332; цирковые эллинист. с-я 253.

Т Табу 26, 158.

Табари 44; Т-и хроника 138.

Тавлій (и) 217, 291, 299, 355; златотканные 188; золотые 274, 292; золотой (ые) 223, 268, 274; т-ій св. индитн 196; т-и на мятляхъ 356; пурпурные 274; т-ій шелковый съ портретомъ царя на конѣ, Бамбергскаго собора 249, 250.

Тавра 243.

Тавръ 198.

Таганрогъ 67, 216.

Тагматики 186.

Тагмы 284.

Тадморъ 313.

Тазики 195.

Тай-Цу 46.

Так-и-Бостан 321, 325.

Талассы 275.

Талиманъ(ы) 22, 23, 81, 141; рѣзной

Таманскій полуостровъ 79. [146.

Тамара 313.

Танецъ воинскій 78; круговой 205; хороводный 207; хоровой 211.

Танцовщицы 176.

Таос 108.

Тапробанъ о. 137.

Тарандръ 51, 151.

Тараска, эмбл. Тараскона 94.

Тарасконъ 94.

Тарелки мѣдныя 91.

Тарсисъ 108.

Тарсъ 180, 301.

Татары 5, 9, 15, 287; крымскіе 288.

Татиъ Ж. 119.

Тафта 231, 350, 352, 356, 362.

Тачевъ — худож. 95.

Тварь царская 354.

Тебенекъ 287.

Тезоро Брунетто Латини 157.

Телець (ы) 34, 153.

Темрюкскій уѣздъ 41.

Теодолинда лангоб. королева 62; Т-ы корона въ Монцѣ 62.

Теплоуховъ О. А. 57. [ментъ 133.

Тератологическій стиль 167; эле-

Термы 150; т-ы Зевксиппа 274, 346.

Терликъ 266.

Терская область 67, 70, 216.

Тессеры 205, 211.

Тесьма золотая 72.

Тибетъ 10, 14, 28, 115, 288, 333.

Тиверій Константинъ имп. виз. 66,

Тигрисъ 137. [194.

Тигръ (ы) 23, 25, 49, 50, 51, 74, 153, 243; на тк. 331.

Тильке 246.

Тимпаны 216; т-ъ Кибелы 15.

Тимуръ 9.

Тинсириты 136.

Тираны др. христіанъ 225.

Тираны др. христіанъ 225.

Тираны др. христіанъ 225.

Тираны др. христіанъ 225.

Тираны др. христіанъ 225.

Тихоміровъ Д. 363.

Тиара (ы) 140, 221, 270, 272, 282; т-а

персидская 219; т-а или туфа 221, 222.

Ткань(и) 89, 90, 110, 111, 118, 119, 134,

206, 207, 243, 248, 257, 260, 262, 289,

301, 302, 303, 326, 327, 330, 332, 341;

т-ъ(и) Александрии (александрійская,

ія) 243, 252, 253, 293, 315, 316, 320,

321; т-и съ изобр. амазонокъ 254, 255;

т-и изъ Антиной 307, 311, 312, 336;

арабская (ія) 63, 358; бархатная 251;

барышевая 354; бумажныя 350, 353;

бѣлая 289; византийскаго двора 178;

византийскія 63, 106, 108, 178, 302,

303, 304, 322, 326, 328, 329; в-ія VII,

IX в. 270; восточныя 63, 135, 143,

178, 303, 304; т-и Восточнаго Ис-

лама 345; т-ей восточныхъ декора-

тивный типъ 304; греко-египетская

243; т-ъ Діоскуровъ 322, 323; древ-

нія 169; т-и Египта (египетскія) 252,

301, 303, 307, 320, 328, 341; т-и для

завѣсъ 331; т-и залы столовой 336;

золотая 223; т-и Индіи 322; т-и Ита-

ліи (итальянскія), 322, 342, 343; и-ая

цвѣтная тк. шелковой парчи 256;

т-и Калмуна 351; китайскія 307, 310,

322, 325, 327, 333; ковровыя 63;

Константинопольскія 298, 328; копт-

скія 345; красно-зеленыя 301; т-и

съ краснымъ фономъ и бѣлыми

львами 301; т-ъ Латеранскаго кл.

253; льняныя 350, 353; т-и одеждъ

304; т-и съ орлами въ кругахъ

301; парчевая (ыя) 251, 350; т-ъ (и)

Перси (персидская, ія) 302, 304, 305, 316, 320, 322, 327, 330, 331, 346, 350, 360; п-ія VI в. 270; поло- сатыя 301; т-ей рисунки 90; русскія 352; сарацынскія 322, 342; сассанид- ская (ія) 89, 143, 274, 333, 345; сиро- египетскія 345; средневѣковыя во- сточныя 302; с-ыя раннія 63; т-и Тираны 293; фигурныя 303; ф-ые ри- сунки т-ей 302; французскія 307; шелковая (ыя) 86, 118, 206, 225, 252, 328, 339, 353, 355, съ идущими ши- рингою слонами 274, съ изобр. ба- рановъ 270, фигурныя 332; шерстя- ныя 353; т-ъ собора въ Бамбергѣ 249, 250; т-и Берл. Худож. Пром. Муз. 321, 322, 328, 345, 346, 359, 360; т-ъ изъ Успенскаго Собора во Вла- димирѣ 360, 361; т-ъ библи. въ Wolfen- büttel 331; т-и Муз. Guimet въ Па- рижѣ 274, 311, 312, 333, 336; т-ъ въ Зигбургѣ 363; т-ъ въ Муз. Cluny въ Парижѣ 318, 319, 329; т-и Ла- теранской сокровищницы 253, 315, 316, 334; т-ъ въ Лионскомъ Муз. т-ей 307; т-и въ Маастрихтѣ 253, 254, 322, 323; т-ъ изъ Мозака 248, 249; т-и Московскаго Историч. Муз. 339—348; т-ъ Худож. Пром. Муз. въ Прагѣ 317; т-ъ буддійскаго м-ря Нара 242, 243, 244, 310; т-ъ въ риз- ницѣ собора въ Сансѣ 359; т-ъ въ соборѣ Тулузы 112, 350.

Ткацкое дѣло 75.

Тканье 307.

Тмутаракань 354.

Тога (и) 224, 226, 272, 282.

Тойма р. 69.

Толковники древніе 149.

Толкованія Апокалипсиса 92.

Толль Н. П. 298, 302.

Толстой И. И. гр. 4, 43, 77, 311.

Томская губ. 57.

- Топорики** 71; топоры сибирскіе 69.
Торговля александрійская 122; восточная 161; европейская 169; сирійская 122; фламандская 255.
Торговцы 213.
Тороки сассанидскія 287.
Тотемъ 11, 18, 22, 26, 104.
Трабея 224, 225.
Трапезундъ 118, 122.
Травы 329; т-а въ иконописи 320; т-ы на тк-хъ 308; т-ый орнаментъ, рисунокъ 329.
Трапеза 204, 212; т-а въ Золотомъ Триклинѣ 204; т-а въ патриархіи 203; т-а званая во Влахернахъ 203; т-а з-ая въ триклинѣ Океанѣ 203; т-а въ Мясопустъ въ Воскресеніе 203; въ третій день Сырной недѣли 203; т-а царя съ патриархомъ 272.
Трезубецъ (ы) 22, 92.
Трельяжи на тк-хъ 328.
Трепастци человѣческіе 136.
Треугольникъ 30; т-и золотые 80.
Треухъ 281.
Трещетки 78.
Трибоны 239; т-ъ античный 265; три-
Трибуналъ 195, 200. [вонъ 265.
Трибуны 209; т-ы дима 215.
Триглавъ богъ 173.
Тризна 17, 34.
Триклинъ 199, 204, 210; т-ъ Августея 195; т-ъ гвардіи эскувитовъ 200; Золотой 195, 201, 204, 213, 218; т-ъ ипподрома 232; т-ъ кандидатовъ 195, 200, 252; т-ъ Лавзіака 207; т-ъ Магнавры 199, 200; т-ъ Океанъ 203; т-ъ схоль 195, 200; т-ъ эскувитовъ 195; т-ъ Юстиніана (Юстиніановъ) 203, 204, 205, 207, 208, 213, 268.
Трилистникъ на тульѣ скіадія протоасикрита 295.
Три отрока Вавилона 158. [ніе 96.
Трисвятого изопсефическое толкова-
- Триумфальный** вѣздъ 130; т-ый в-ъ царя 265.
Троица 96.
Троичность 58.
Тронъ византійскій 64; т-ъ царя Теофила 213; т-ъ хана монгольскаго 337; т-ное возвышеніе 209.
Трубадуры 167.
Трубачи 208.
Трубка золотая ажурная или прорѣзанная кург. Бесленевской стан. 140; т-чки золотыя 74, ажурныя 286.
Трубы 216.
Туас 108.
Тувии 275.
Тукким 108.
Тул, тул 68.
Тулуза 79, 112; Т-ы соборъ 112.
Тулья 219, 220, 221.
Тунецъ 26.
Туника 215, 226, 228; античная 262; бѣлая 259; рабочая 228; т-и царскихъ спааріевъ 223.
Тунисъ 123.
Туранцы 148.
Туранъ 8, 12, 147, 148.
Турецкіе наемники халифата 351.
Туркестанъ 169; Т-ъ Восточный 28, 74; т-скій стиль 75.
Турки 5, 8, 9, 11, 45, 79, 148, 176, 204, 217, 286.
Туркмены 8, 118.
Турмархи 186.
Турфанъ 74, 75, 215, 310, 311.
Туръ 162.
Тут-Анх-Аммона могилы древности
Тутовое дерево 243. [125.
Туфа (ы) 270, 282; т-а съ пурпурною кистью 285.
Тыква, т-енное растеніе 311.
Тѣлохранители 246; царскіе 285.
Тѣльникъ (и) 57, 293; александрій-
Тѣнь Ипполитъ 165. [скіе 229.

- Тѣпиньги** 288.
Тюбетейка 244, 281.
Тюлень 151.
Тюрбанъ (ы) 217, 267, 282; восточные 263, 282.
Тюркскія племена 44; расы 69.
У Уборъ (ы) 18, 19, 34, 43, 72, 80, 83, 84, 86, 140, 177, 247; головные 58, Византіи 281, женскіе 282, мужскіе 282; г-ой хана 243; у-а греко-римск. предметы 71; женскій (іе) 72, 80, 288; кавалерійскіе 264; конскій (іе): 19—21, 34, 61, 67, 82, 134, 135, 288, могиль Брѣзова и Панагюрища 83, 84, 85, Калужской губ. 67, на Руси 287; личный (ые): 30, 31, 61, 63, 67, 69, 72, 134, 135, 145, 351, мог. Брѣз. и Панаг. 83, 84, съ бусами 32, 33, варварск. 57, съ оберегами 32, 33, сибирскіе 53; у-ъ лошадей (по персидскому образцу) 243; мужской 80; у-ы персидскіе коней, одежду 170; у-ы погребальный (ые) 31, 33, 43, 82, изъ кург. близъ Новочеркасска 72, изъ мог. при Панагюр. 85; скиѣскій художественный 35; царскій или ханскій 72.
Уварова П. С. гр. 353; гр. У-ой на-
Угры 202, 227. [ходки 354.
Удавъ 49, 50, 177.
Удила 19, 21, 42.
Удостоенія царскія 181.
Ужины 207, 271; у-ъ званый для чиновъ въ хр. Фара въ В. Субботу 203.
Узда (ы) 33, 67, 173; у-а съ накладкою Керченскаго Музея 79; у-ы (ъ)украшеніе (ія) 53, 84; уздечка 20, 71.
Узлы 288.
Узорочье 354.
Украшеніе (ія) 67, 69, 77, 176, 185, 278; бронзовыя 80, Кобанскаго могильника 70; воинскія 294; женскія 278; у-ія изъ золота 67; у-ія колес-
- ницъ 22; у-ія лампъ восточныхъ 175; у-ія изъ листового золота и серебра по бронзѣ 67; у-ія мраморами 124; у-ія на одеждахъ 297; перегородчатая стекольчатая 125; перистыя вѣнцовъ, коронъ 110; у-ія повозокъ 22; почетныя 278; пурпурныя 296; у-ія скиѣскихъ утварей 23; у-ія стеклами гранатовыми 67; стекольчатая 31, 125; фигурныя 42.
Улитка 141.
Уллисъ 312.
Умбонъ 85.
Умовеніе ногъ на Пасху 228.
Уордъ В. Г. (Ward W. H.) 111, 116,
Уподропъ 155. [117, 123, 314.
Упражненія атлетическія 213.
Упряжь конская изобр. на тк. изъ Мозака 249.
Уралъ 8, 69, 77.
Уриль арханг. 95, 96, 99, 101.
Урны съ шарами 210.
Уродливыя существа 165.
Усень (авсень, баусень, таусень и пр...) [69.
Успеніе 270, 291. [69.
Успенскій Ѡ. И. 181, 196, 209.
Успенское село 69.
Усыпальницы 94; азіатскія 120; восточныя кочевниковъ 120; императорская у-а близъ Мукдена 120; у-а Омортага 120, 121.
Утварь 18, 55, 78, 83, 337, 351; бронзовая мог. Брѣзова и Панагюрища 83, мѣст. Кубечи; бытовая 63; деревянная 57; драгоценная 174; погребальная древнѣйшей эпохи Кавказскихъ памятниковъ 70; у-и скиѣскія 23; художественная 351.
Утки на тк-хъ 330.
Уфа 141.
Уффицій галерея 255.
Ф Фабрики византійскія 274; в-ая ф-а термъ Зевксиппа 274; ф-и Сири 350.

- Фабріано Джентиле да** 255, 257, 292.
Фавны четырёхрукіе 136.
Фадланъ ибн (Фодланъ, Фодланъ) 69, 229, 231, 336.
Фазанъ 110, 333; ф-тъ на тк-хъ 339.
Фазисъ рѣка въ Колхидѣ 333.
Фай (палевый цв.) 238.
Факелы 207.
Факеолида 221, 231, 295.
Факіолій (и) 265, 281, 282.
Фактура 86, 95.
Фаларъ (ы) 21—22, 23, 26, 67, 82, 85, 90, 215, 278; ф-ы Александропольскаго кургана 21, 24, 32; Амударьинскаго клада 21; болгарскіе 21; Веттерсфельдскаго клада 21; мог. при Панагюрищѣ 85; Музеевъ Парижа, Дани и Болгаріи 21; римскіе 21; серебрян.: въ Музеѣ Лейдена, въ Нац. Библ. Парижа 86; ф-тъ Старобѣльскаго клада 41; ф-тъ (ы) мѣстечка Чми на Кавказѣ 21; ф-ы Чулукскаго клада 21; ф-тъ Янчокрак-скаго к-а 35.
Фалбала 89, 260.
Фалды 262.
Фальке (O. v. Falke) 89, 112, 118, 122, 127, 143, 240, 248, 250, 253, 270, 274, 301, 302, 310, 315, 318, 321, 322, 331, 333, 336, 343, 345, 359.
Фанагорія 28.
Фарганы 93, 202, 229.
Фармаковскій Б. В. 4, 15, 23, 70.
Фарская церковь Б. М., Фара 203, 205.
Фарось, фаръ (одежда) 266, 295; фаръ
Фасмеръ М. Р. 247, 281. [виз. 266.
Фатимидовъ египетскій халифатъ 339.
Фауна 151, 163.
Фаюмъ 304; Ф-а некрополи 304.
Фебъ-Аполлонъ 312.
Фелони 204; египетскія 338.
Фенгій (и) 31, 211, 215.
Фениксъ (ы) 109, 110, 111, 113, 131, 135, 136, 145, 151, 156, 313.
Ферганъ 285.
Фередже 265, 301.
Фертидъ 164.
Ферязъ 265, 266, 295; ф-и женскія 265; ф-и зимнія 265; ф-и лѣтнія 265; ф-и ѣздовыя 265.
Фетишъ 145.
Фибула (ы) 67, 134, 182, 224, 269, 271, 348; ф-ы въ формѣ арбалета Керч. Муз. 79; ф-а брошь Керч. Муз. 79; варварскія 80; золотая 142; з-ья перегородчатая 216; круглая 268; ф-ы меровингскаго типа 80; перстатая Эрмитажа 80; плечевыя 67; плечевая орлиная Петросск. кл. 29; рѣзные Керч. Муз. 79; ф-ы украш. птичьими голов. съ вставками изъ красн. стекла и камней, въ Эрмитажѣ 80; ф-ки фигурныя съ эмалью
Фигурки 74; бронзовыя 57. [67.
Физиологъ (и) 92, 103, 107, 152, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 165, 326, 332; греческій 154; ф-тъ Мелитона 153; позднегреческій 156; позднѣйшій 157; русскій (ие) 152, 154, 156; ф-тъ Смирнской библіотеки 162.
Фикусъ индусскій 320.
Филадельфія 198.
Филакъ 200.
Филигранъ 318; серебряная 70.
Филимоновъ Г. Д. 80, 161.
Филина перья 337.
Филиппополь 85. [131.
Филовъ Б. Д. 82, 84, 85, 86, 122, 129,
Филовей архитриклинь 180, 181, 183, 186, 188, 191, 194, 201, 203, 225, 280, 281, 282.
Финикія 117, 125, 134, 297, 313.
Финифтъ 310.
Финны 335.
Фирдоуси 8, 12, 116, 147, 148, 149, 278.
Фисташковое дерево 311.

- Фіала (ы)** 207, 211; ф-а мистическая триконха 207.
Фіала или же фіалина 260.
Фіолетовый цвѣтъ 299—300.
Флагъ 242.
Флакончикъ изъ гробницы царицы въ золот. маскѣ, въ Эрмитажѣ 80.
Флаконы 73.
Фламандскіе художники миниатюри-
Фламулы 278. [сты 255.
Фландрія 260.
Флейта 216.
Флейтисты 208.
Флемалль 260.
Флероны 77; арабскіе на тк-хъ 342, 354; ф-ы на скараникѣ 259.
Флёр-де-лисъ 324.
Флора 151; ф-а египетская на тк-хъ 327; ф-а Средиземнаго побережья 309; ф-а эллинистическаго міра
Флоренція 257. [308—309.
Фока имп. виз. 77.
Фокусникъ (и) 94, 263.
Фольклоръ 69.
Фонтанъ (ы) 75, 112, 114, 309.
Формы декоративныя 55; звѣриныя 56, 70, 152; змѣиныя 152; птичьи 152; птицы сказочной 104; символ. соединенія ф-тъ человѣческихъ и звѣриныхъ 134; сложныя гадовъ, звѣрей хищныхъ, насѣкомыхъ, птицъ 158; художественныя 165.
Фоппъ 260.
Форумъ 198, 218, 226; ф-тъ Быка 198.
Фофудія 352.
Франки (Франги) 93, 202, 229, 299.
Франція 64, 165, 307, 317, 335; Ф-иі ткани 307.
Фреска (и) 90, 259, 330; ф-и лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора 21, 22, 211, 215, 259, 330, 362; ф-а съ рисункомъ ткани изъ Кизила Этногр. Муз. въ Берлинѣ 330.
Фризъ (ы) 35, 54, 136, 176; ф-тъ декоративный съ рядомъ звѣрей церкви св. Мины въ Солуни 168; ф-ы деохоты 134; звѣриныя 159; ф-тъ рельефный изъ Дренова 131—132; скульптурныя надвратныя буддійскихъ ступъ 75; ф-ы сосудовъ 175; средневѣковыя мелкіе 86.
Фронтонъ Эгинскій 229.
Фурики П. А. 231, 233, 234.
Фустанелла 239, 258.
Фурбу (магическій знакъ) 30, 31.
Футляры 73.
Хадгиръ, визиръ Двурогій (Александръ М.) 138.
Хазарская принцесса 226; Х-ое царство 354; х-ое происхождение цикакія 226.
Хазары 11, 65, 202, 204, 229.
Хакасовъ племя 241.
Хала 267.
Халатъ 267, 231; х-ы безрукавные 264; восточный (ые) 78, 266; х-ы монгольскіе 337; х-ы съ очень короткими рукавами 264; х-ы рукавные 264.
Халдея 12, 28.
Халифатъ міровой 175. [196.
Халка, дворецъ 196, 200; Х-и врата
Халкокондилъ, виз. пис. XV в. 71.
Халкопратій, Халкопратійскій храмъ
Халцедоны 283. [203, 206, 270, 271.
Хамелеонъ 145, 151.
Хамеропсъ 313, 316.
Хангай 6, 7.
Хануманъ 164.
Ханъ (ы) 18, 29, 88, 89, 106, 130, 242, 243, 247, 285, 287; болгарскій (ие) 87, 90, 119, 124; варварскіе 218; кочевые 121; ордынскій 87; ѣдущій на конѣ 286. [145.
Ханъ, династія 110; эпоха д-и Х-ъ
Харадръ 157.

Хартіи 185.
Хартуларій великій 191; х-ій (и) ве-
 стіарія 186, 187; х-ій казны 187;
 х-ій сакеллія 186; х-и секретя 281;
 х-и тагмъ 281; х-ій царской чер-
 нильницы 187; х-и оемъ 281.
Хаукаль-ибн 229.
Хвостъ бычачій черный — значекъ
 воеводы или хана 286; х-ы воин-
 скіе 288; конскій 286.
Хевсурія 71. [скій 172.
Херсонесъ 103, 339; Х-ъ Тавриче-
Херсонъ 72.
Хеттиты, Хетты 23, 101, 116.
Хива 19, 169, 288.
Химера 151.
Хиротоніи 179.
Хирортій 176, 280.
Хитонискъ 228.
Хитонъ (ы) 96, 188, 226, 228, 234,
 235, 279; бѣлый 188, 292; злато-
 тканый 265; красный 182, 188; пур-
 пуровый 182; розовый 292, съ зо-
 лотыми галунами 251; синій 290;
 х-ъ — стихаріонъ 185.
Хищникъ (и) 57, 60, 74, 88, 172.
Хламида (ы) 182, 184, 195, 199, 204,
 209, 222, 224, 225, 226, 235, 269,
 270, 271, 273, 291, 292, 294, 347,
 348, 349; бѣлая (ыя) 183, 251, 272,
 273, 274, златотканная 272; дре-
 вняя 264; зеленая 274; х-а съ золо-
 тымъ тавліемъ и портретомъ царя
 Юстина 277; х-ы съ з-ми тавліями
 272; княжеская 349; х-ны со львами
 274; простыя 273; пурпурная (ыя)
 223, 224, 273, 274, 294; х-ы съ пур-
 пурными павлинами 273; стянутая
 277; тирскія 273; фіолетовая 268;
 царская (ія) 200, 349; х-а цвѣта су-
 хого винограда 300; черныя 270,
 274; х-ы яблочнаго цвѣта (розово-
 палеваго) 273.

Хланида Христова червленая 157.
Хлопокъ 350.
ХМГ, моногр. 96.
Хозы 275. [325.
Хозроя изображеніе 231; Х-я одежда
Холин-сурис 104.
Хорваты 261.
Хороводъ 216.
Хоросанхорій 200.
Хорсабадъ 160.
Хорсъ 334.
Хоругвеносцы 236.
Хоругви 250, 278.
Хорутанъ кн. 231.
Хосаутъ 338.
Хотчо 215.
Храмъ (ы) 107, 148, 173, 174, 331,
 333; х-ъ (церковь) св. Апостоловъ
 204, 205, 213, 220, 236, 270, 272; х-ъ
 Бога-Солнца 111; х-ъ Божьей Ма-
 тери Діакониссы 272; х-ъ Б. М. „пер-
 возданный“ 195; х-ъ (церковь) Б. М.
 Источника-Пиги (Пигійской) 205,
 220, 270, 273; х-ъ (церковь) Б. М.
 Фароса 183, 200, 203, 205, 220;
 Влахернскій 270; х-ъ Константина
 272; х-ъ св. Мокія 273; х-а Пат-
 лейнскаго развалины 124; х-ъ Хад-
 копратій (Халкопратійскій) 206, 270,
Христіане 93, 124, 125. [271.
Христіанство 3, 23, 96, 97, 121, 124,
 149, 165; аскетическое 309.
Христіанскія воззрѣнія 165; х-ая
 вѣра 123; х-іе народы 149; х-ая
 община 153; х-ая эпоха 149.
Христось 113, 149, 153, 276, Х-а мо-
 нограмма (ы) 96, 113; Исусъ Х-ъ
 96, 97; Х-съ Путникъ (изображ.)
 149; Х-съ распятый 264.
Христосованіе 269.
Хрисотриклиниты 195.
Хроники 139; арабскія 158; х-а

С. Галльскаго м-ря 266; средне-
 вѣковыя 173; швейцарскія 263.
Хрусталь 351.
Хун-ли 11.
Хурош 335.
Ц Цаконь 192.
Цапля 153, 157.
Царица (ы) (визант.) 206, 213, 217,
 231; вдовствующая 221.
Царь (и) ассирійскій 64, 115; болгар-
 скіе 119; ц-ъ (и) Византіи (визан-
 тійскій, іе) 65, 68, 178, 181, 182, 183,
 184, 185, 187, 188, 189, 190, 192,
 193, 194, 195, 196, 197, 199, 202,
 204, 206, 207, 208, 209—214, 217—
 222, 223, 224, 230, 231, 232, 233,
 235, 236, 237, 238, 249, 251, 265,
 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273,
 274, 277 (греческіе), 281, 283, 284,
 286, 291, 292, 300, 347, 348; ц-ъ
 в-скій великій 196; в-скаго ц-я пред-
 ставленіе въ искусствѣ 225; ц-ъ
 в-скій малый 226; ц-ъ в-скій на ска-
 раникѣ 294; ц-и в-скіе на ткани изъ
 Мозака 248, 249; ц-скіе выходы (въ
 Визант.) 178, 180, 194, 272, 276, 289;
 ц-ъ Лазовъ 277; персидскій 88; на
 рельефѣ Персеполя 161; русскій
 190; сассанидскій (іе) царь (и) 49,
 87, 89, 130, 170, 233, 241, 243.
Цаты 212.
Цвѣты 194, 198, 324; ц-ы въ народн.
 вышивкахъ В. Европы 306; ц-окъ
 (-ты) на тк-и (хъ) 308, 328, 338, 346.
Цейлонъ 137.
Центурионъ 193.
Церемоніальности 268. [331.
Церемоніальныя изображ. на тк-хъ
Церемоніаль выходовъ 194.
Церемоніи 179.
Церемонимейстеръ (ы) 188, 192, 271,
 272.
Церемонія двора виз. 182, 269.
Церковь (и) 96, 124, 139, 167, 208,
 332; ц. св. Амвросія въ Миланѣ 153;
 ц. свят. Аполлинарія Новаго 113;
 ц. Богородицы 226; ц. св. вмч. Ди-
 митрія 201; ц. Іліи въ Старой
 Русѣ 338; ц. Маріи Антиквы въ
 Римѣ 125; ц. Маріи въ Космеди-
 нѣ 113; ц. св. Марка въ Вене-
 ции 113, 114; ц. св. Мины въ Сало-
 никахъ 168; ц. Михаила Архангела
 въ Павіи 144; ц. св. Мокія 198; ц. св.
 Николая въ Охридѣ 118; ц. Нико-
 лая Чудотворца 150; ц. di Paganico
 въ Сиенѣ 255; ц. S. Pietro in Vincoli
 275; ц. св. Саввы 125; ц. св. Сергія и
 Вакха 199; ц-и виз, IX—X столѣ-
 тій 124; греческія 132; готическія
 325; католическая 324; купольная
 309; первыя ц-и Прѣслава 121; ро-
 манскія 325; христіанская ц-ъ 309,
Цесарка (и) 333, 335. [324.
Цецесъ 265, 280.
Циканистріи 213.
Циклопы 136.
Цилиндръ вавилонскій съ изображ.
 быка съ больш. клыкомъ 160; ц-ы
 древнѣйшіе Месопотаміи 123; ц-ы
 др-шіе съ темою орла 117.
Цимбалистъ (ы) 208, 216.
Цимбалы 216.
Циркъ (и) 91, 92, 93, 163; провин-
 ціальный 91; римскій 91; ц-ая ма-
 nera на тк. 330; ц-ыя партіи 89;
 ц-ыя представленія 91, 253; ц-ыя
 сцены 90; ц-ыя темы на тк. 326;
 ц-ыя фигуры 90.
Цицакій (и) 225, 226, 235, 269, 291.
Цицеронъ 329.
Цьсарь 181.
Цѣпи 19, 278; бронзовыя посеребр.
 в ц. св. Сергія и Вакха 199; ц-ъ
 знаменосца 185; серебряныя изъ

- Новой Базилики 200; шейныя съ медальонами 278.
- Цѣпочка (и)** 19, 72, 81, 220.
- Ч** **Чаги** 275, 297; красныя 268.
- Чагинъ О. И.** 175.
- Чандаръ** 287.
- Чапракъ** 287.
- Чаровникъ** 263.
- Чародѣй** 148; ч-ство враждебное 148.
- Часовни** 99; ч-я св. Стефана 195, 209, 251; ч-я Троицы 195; ч-я св. Ѳеодора 194, 279.
- Чаушъ** 280; великій 191, 295.
- Чаша (и)** 112, 113, 114, 123, 127; декоративная ложбленная 123, цвѣточная 127; ч-а изъ Керчи 234; большія чеканныя изъ складовъ вестіарія дворца Каріана 201; драгоценныя 276; ч-а съ двумя голубьями 123; чаша-фонтанъ на плитѣ изъ Коніи 112; ч-ка съ изобр. льва 108; ч-чка металлическая 288; ч-чка цвѣточная [127].
- Чевяки** 241.
- Чеканъ** 35, 77, 85.
- Чекко д'Асколи** 157.
- Челка** 20, 285, 287; двуцвѣтная 285; др.-русская красная 285; красная княжескаго коня 285; перистая 110; пурпурная 285; ч-а ханскаго коня 286.
- Чепракъ (и)** 272, 273, 284, 285; бархатный 285; золотые 272; панцырный 247; пурпурные 284.
- Червлёный цвѣтъ** 293.
- Черевики** 231.
- Черепицы** глиняныя съ изобр. льва
- Чериго** остр. 298. [107.]
- Черкасскій уѣздъ** 150.
- Черкеска (и)** 240, 247, 265, 277.
- Черниговъ** 349; ч-ая область 67; ч-й рогъ 77, 146.
- Черное море** 69, 122, 132, ч-ое побережье 29; черноморье 22.
- Черный цвѣтъ** 299—301, 324; ч-ая
- (ыя) одежды 148, 291, 300—301; ч-ыя полосы на одеждахъ 290; ч-ое сукно Фландріи 301; ч-ыя хламиды 270, 274.
- Черняевъ** 288.
- Чертомлыкъ**, Чертомлыцкій кург. 18, 19, 33, 34, 35, 36, 83.
- Чертополохъ** 319.
- Четверолистникъ** 221.
- Четыреугольникъ** въ орнаментѣ 318; ч-и на тк-хъ 328.
- Чехи** 230.
- Чехлы** 248.
- Чечня** 71; чеченецъ 240.
- Чингисъ** 9.
- Чиновники** городского управленія 195; ч-и коллегій 195.
- Чинъ (ы)** 65, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 187, 191, 192, 194, 195, 202, 204, 205, 207, 208, 230, 269, 271, 272, 273, 274, 280, 282, 283, 348, 360; военные 185, 186, 189, 203, 209, 227, 348; воинскіе 196, 232, 265, 266; высшіе 235, герцогскаго двора 261; войсковые 252; высшій (іе) 181, 184, 186, 203, 206, 230, 267, 268, 283; 12 в-ихъ ч-въ 203, 271; главные 191, придворной службы 279; гражданскіе 186, 189, 227, 232, 269; ч-ы двора (дворцовые) 189, 191, высшіе 208, 277; довѣренныя 267; ч-ы должностныхъ (оффиціаловъ) 205; духовные 203; ч-въ жены 206; ч-ы идики 186; и-а первый чинъ 269; ч-ы имперіи высшіе 232; ч-ы кувуклія 199, 272, 273; ч-ы магистровъ 204; низшіе 186; ч-ы, облеченные въ лоры 197; ч-въ и сановъ перечень 235; придворные 186, 187, 188, 230, 268, 269, 271, 284; ч-ъ по прошеніямъ 295; ч-ъ приютовъ 205; ч-ы секрета 205; ч-ы сената 347; ч-ы собственно-царской службы 284; ч-ы спальни 272; старшіе 197; ч-ъ странноприм-

- ныхъ домовъ 205; ч-ы флота (флотскіе) 207, 281; царскіе 284; ч-ный строй Византіи 180.
- Чифте-минаре-медресе** въ Эрзерумѣ
- Чми мѣст.** на Кавказѣ 21, 71. [118.]
- Чоха** 247.
- Чувяки** 240.
- Чудище** 42; ч-а земныя 159; ч-а отвратительныя 139.
- Чудовище (а)** 28, 92, 139, 145, 166; декоративныя 161; морскія 149; огнедышащее 148; рѣчныя 149; фантастическое 139; ч-щный стиль 167.
- Чулескій кладъ** (находка) 21, 67, 215.
- Чулокъ** шелковый 363.
- Чурила Пленковичъ** 355, 356.
- Ш** **Шавъ** тур. князь 44.
- Шакаль (ы)** 134, 170.
- Шакъ** 175.
- Шали** индійск. 320.
- Шальвары** сассанидск. 130.
- Шаманизмъ** 30.
- Шаманство** 11, 12, 14—17.
- Шаманъ (ы)** 10, 11, 14, 15, 16, 58, 94.
- Шантръ** 69.
- Шапка (и)** 260, 261, 266, 269, 284; ш-и свв. Бориса и Глѣба 295; ш-ъ варварскіе образцы 295; восточныя 281; высокія коническія съ широкими полями 260; горлатная 281; шапка мурманка 356; остроконечная 243; ш-а, покрытая тонкимъ листкомъ золоченаго серебра 246; почетная съ клавиами 295; русскія княжескія 295; ш-а севастократора 294; славянская 282; ш-ъ типы 281; ш-а хана монгольскаго 337; шапочка восточная 244.
- Шарлатаны** 264.
- Шаровары** 89, 229, 276; ш-ы персидскаго покроя 241.
- Шахи** 170, 269.
- Шахъ-Наме** 8, 148.
- Шеколадный тонъ** пурпура 297.
- Шелкъ (а)** 195, 200, 229, 247, 265, 288, 301, 350, 353, 354; дамасскій (іе) 217, 351; ш-я галуны на тк. 354; ш-ая (ыя) матерія (и) 300, 304, 307, 329, 337, 363, полосатыя 301; ш-ыя нити тк-ей 307; ш-ыя одежды 149, 246, 276; ш-ая(ыя) ткань(и) 88, 118, 206, 225, 252, 270, 274, 328, 332, 339, Шелковица 310—311. [353, 355.]
- Шемаха** 246.
- Шерсть** 229, 328.
- Шестоперъ** русскій 248.
- Шиферъ** красный 104.
- Шишагъ (и)** 285, 286; золоченый съ кистью 247.
- Шкапъ** пятибашенный 201.
- Шкатулки** 177; византійскія 132; восточныя 175.
- Шкорпилъ К.** 120.
- Шкуры** 57; ш-а мѣхомъ вверхъ 217.
- Шлемы** 92.
- Шляпы** 108; ш-а земли греческой 281; ш-ы русскихъ кучеровъ 109; ш-ы татаръ 109; ш-ъ типы 281; ш-ы турокъ 109.
- Шмидтъ А. В.** 58.
- Шмитъ О. И.** 282.
- Шнаазе** (С. Schnaase) 167, 168.
- Шому микадо** 242, 310.
- Шпейеръ** 173.
- Шпрингеръ** (А. Springer) 157, 168.
- Штандартъ** 22, 208, 242, 288.
- Штаны** 230; ш-ы кесаря 294; пурпурные, шоколадн. цв. 259; розовые хана 247; узкіе 93; ш-ы шелку
- Штейнъ** 74. [тонкаго 246.]
- Штеттинъ** 173.
- Штетцеръ-Шенгрей** 79.
- Шубы** 68; ш-а кунья въ был. 356; ш-ы почетное значеніе 231; шубей-266; шубка широкая и короткая 262.
- Шуменъ** 90; Ш-скій округъ 129.

- Шурань Большая** (Nagy-Surány) 75.
Шутки 212.
Шуть (ы) 202, 208, 263, 301.
- Щ** **Щегленокъ** 157.
Щеголь 157.
Щитки 78, 115, 122; круглые 68; металлическій 286; полукруглый 115; щ-въ орнаментальн. форма 84; щ-и съ рѣдкими птицами 170; щ-ъ съ чешуйчатой внутренностью 115.
- Ъ** **Ъздвой (ые)** кафтанъ (ы) 231, 235, 238, 239, 240, 241, 244, 254, 255, 256, 257, 260, 261, 262, 264.
- Э** **Эвбея** 313.
Эгретки 112.
Эдиктъ царскій 181.
Эдикуль 120.
Эквегеты 98.
Экскувитъ (екскувить) 196; э-въ доместикъ 186; э-оры 189.
Экспедици английскія Штейна 74; германскія Грюнведеля, Ле Кока 74; э-ія критская 237; э-ія Монголо-Тибетская П. К. Козлова 48; э-ія русская Ольденбурга 74; французскія Пеллио 74.
Элементы варварскіе въ романскомъ искусствѣ 165; германскіе и греколат. въ искусствѣ 62.
Эліанъ 161.
Эллинистическое искусство 154, 305, 306, 329; э-ій міръ 151; э-ій орнаментъ 333; э-ій стиль 253, 254, 305, 315, 327, 328; игрушечный 326; э-ая эпоха 152, 305, 308.
Эльбрусь 338.
Эмаль (и) 220; 273; э-ъ по золоту на визант. сѣдлѣ 287; изумрудная на диканикіяхъ 296; перегородчатая 250, 252; русско-византійскія 337; э-ю украшенныя блюда 356; э-ыя блюда 214; э-я вещи филака 200; э-ая діадема Константина Мономаха 222; э-ая паста цвѣтная 140; э-ая посуда въ виз. дворцѣ 332; э-ыя украшенія царскихъ принадлежностей 223.
Эмблема (ы) 29, 73, 103, 106, 115, 116, 118, 148, 171, 280; э-а воинской преданности 185; э-а восточныхъ державъ 105; государственная 116; э-ы городовъ 152; демоническія 149; демонская 276; э-а жилья кочевника 71; э-а зла 158; золотыя вышитыя 278; зооморфическія Мсопотаміи и Персіи 116; историческая 115; э-а богини Иштаръ 117; э-а княженія 29; политическая 116; э-а рыболововъ 29; э-а скиѣскаго кочевья 29; э-а солнечнаго божества (Ашура) 117; э-а сѣвера 29; э-ы странъ 152; э-а французская королевская 127; христіанскія 123; э-а царства 223; языческія 149.
Эмволъ 198.
Энкаустическая живопись 95, 125.
Энтемена 117.
Энциклопедіи александрійскія 152; реальныя 91.
Эоны ангелы 100.
Эпархъ (епархъ) 186, 239, 292.
Эпиръ 119.
Эпическія сказанія 78.
Эпось монгольскій 20.
Эрверумъ 118.
Эрмитажъ 15, 45, 49, 52, 55, 80, 91, 341, 349; э-а древности 49, 52; э-ное собраніе вещей Хивинскаго ханства 288.
Эрота статуэтка 72.
Эстрада 217, 224.
Этеріархъ великій 191.
Этикеть 194; царскій 193.
Этнографія 69.
Эѳіопляне 110.

- Ю** **Юбка** 257; ю-а, состоящ. изъ рядовъ полосокъ 266; сборчатая 242, 243, 245, 256; ю-а со множествомъ мелкихъ складокъ 263; широкая короткая 244, 286; ш-ая въ сборкахъ 255.
Юліанъ Отступникъ 12, 100, 185; Ю-а изображеніе 130.
Юпитеръ план. 99.
Юрта 120.
Юрьевскій уѣздъ 354.
Юрьевъ-Польскій 107.
Ютландія 86.
Юстиніанъ I имп. виз. 64, 66, 89, 179, 182, 183, 192, 194, 219, 220, 305; Ю-а конная статуя 221—222.
Юстинъ I имп. виз. 66, 179, 300.
Юстинъ II имп. виз. 45, 182.
- Я** **Яблоко** на жезлахъ въ Вавилонѣ 323.
Яблочный цвѣтъ 294.
Ягмурлукъ 266.
Ягодки золотыя 74.
Язычество 23, 91, 100; греческое 97.
Язычники 93, 109, 153, 218, 229; „царскіе слуги“ я-и 230; я-въ верхняя одежда 229; я-ій нарядъ 229.
Яикъ-Ханъ 16.
Якутье-медресе въ Эрзерумѣ 118.
Якъ 51, 52.
Ямбы 272.
Ямвлихъ 99.
Янычары, 268.
- А** **Aba** 251.
Accubitor 179.
Aigrette 286.
Alcedo hispida 157. [139.
Alexandri Magni iter ad paradisum
Ammianus Marcellinus 9, 12, 100, 185, 194, 299.
Amoretti 253.
Andrian 14.
- Япанчи**, япончи, япончицы, япондже 266, 355.
Японіи искусство 74.
Ярмо золотое 276.
Ярославская губ. 355.
Ярославъ Мудрый в. кн. кіевск. 356.
Ястребъ (а) 104, 136, 148.
Яхонтъ 220, 283.
Яшвилъ Н. Г. кн. 128, 150.
Ящеръ 58, 60, 141, 143, 145, 158; змѣвидный 147; змѣинообразный 159; я-ъ крокодилъ 158; я-а типъ съ четырьмя ногами и удлинненнымъ тѣломъ 139; ящеровидные 144.
- Ө** **Өавось** остр. 85.
Өематики 186.
Өемы 186, 284.
Өеодора имп. виз. 183.
Өеодоръ Метохитъ 295.
Өеодоръ Стратилатъ св. 125, 126; изображ. головы св. Ө-а С-а (керамиченъ образъ) 125, 126.
Өеодоръ Тиронъ св. 125, 150.
Өеодосій Великій имп. 65, 66, 194.
Өеодосія 80.
Өеофано имп. виз. 347.
Өеофиль имп. виз. 207, 222; опис. въѣзда царя Өеофила 265.
Өессалія 118.
Өиміамъ 111.
Өоракій 183; Ө-и золотые 204.
Өракія 66, 83, 85, 130.
- Anecdota** (Прокопія) 275.
Antepanni 279.
Apex 110.
Ater 300.
Atramentarium 300.
- В** **Bals G.** 261.
Balteus 278.
Bastard, comte de 268.
Beciach 246.

- Berchem v. M.** 144.
Berette rosse 261.
Blattea byzantea 300; b-a interula 228.
Blattifer senatus 300.
Bock Franz 78, 302, 346, 347.
Bode, Wilhelm v. 169, 170.
Bona ora 69.
Bonas vigiliis 69.
Boor de 233.
Borca 20, 229, 265.
Borcadium 20, 284.
Bréhier L. 193.
Bullae regiae 227.
Bury J. B. 178, 179, 181, 186, 205, 296.
- C** **Caba**, capa 265; c-a tachtani 231.
Cahier 302, 326.
Calandrini, cardellino 157.
Calyptra capitis 20.
Camisia 228, 293.
Campestre subtile 228.
Cancellieri Fr. 101.
Capa, cappa, capote, kabát 229.
Caputium 258, 259.
Carduus, chardon 319.
Chardonneret 157.
Chemise 188, 228, 293.
Chochiach 246.
Clermont - Ganneau Ch. 27.
Coccinus = minium 293.
Colasanti A. 113.
Colores imaginum extrinsecorum 173.
Comes stabuli 186.
Connetable 186.
Coq, coq galois 335.
Cotte 258.
Crateres 174.
Crosna (ae), crusina (ae) 272, 355.
Cumont F. 245.
- D** **Dalton O. M.** 113, 123, 303.
Didymus Alexandrinus 99.
Diehl Ch. 113, 179, 184, 268, 274, 302,
 [346, 349].
Diez E. 144.
Digitées 80.
Dio Cassius Cocceianus 160.
Divitensis 223, 232.
Dornstrauch 319.
Dracones indici 149.
Drap d'or, drappi d'oro 354.
Dreger 302.
Du Cange 29, 119, 185, 233, 239, 258,
 267, 268, 290, 297, 354.
Duhn F. 324.
- E** **Ebersolt J.** 179, 184, 190, 195, 198, 199,
 218, 219, 220, 221, 225, 226, 229, 232,
 233, 234, 252, 268, 272, 274, 282, 359.
- É** **Écarlat** 263, 293.
Épine 319.
Episcopi 118.
Errera 302.
- F** **Faciale** 281.
Falke, O. v. 89, 112, 118, 122, 127, 143,
 240, 248, 250, 253, 270, 274, 301, 302,
 310, 315, 318, 321, 322, 331, 333, 336,
 343, 345, 359.
Fazzoletto 281.
Ficus religiosa 320.
- G** **Galea caesaricia** 222.
Gardacorsium muliebre 258.
Gaudeo, gaudentes, gausas 69.
Gayet Al. 302, 304.
Georgius Monachus 205.
Giornea 258, 261.
Goar 228, 233, 260, 265, 280, 285, 293,
Gretser 233, 293. [295].
Grifaucon, grifalque, gerfaut 29.
Gomda 164.
Grégoire H. 232.
Gudawabi, godveb, gottgewebe 338.
Guigne de 8.
Guimet E. 304, 320, 333.
- H** **Hahn** 335.
Hampel Jos. 75, 77, 104, 142, 147, 287.
Hedvábi, hedvabije 338.

- Heffner v. Alteneck, J.** 118, 220, 222,
Hehn V. 334. [261, 262, 263].
Henne 335.
Herbelot 9, 11.
Heuzey L. 117, 224, 228, 265.
Hieseler 144.
Hodgson 30.
Hopiner Th. 98, 334.
Hünter 151.
- I** **Industria** 173.
Insignia regia 227.
Interulas 229, 293.
Ioannes Chrysostomus S. 276, 283.
Ioannes Lydus 278, 279.
- J** **Jász-Bereny** 77.
Jorga N. 261.
- K** **Kabát** 229.
Keller O. 91, 151, 159, 160, 161, 339, 347.
Kerúb 29.
Keszthely 75.
Khilah 267.
Kimberly Mumford J. 170.
Kramer 351.
Krumbacher K. 178, 190.
- L** **Lacerna** 257.
Lagontii 283.
Laminula d'oro 101.
Laufer B. 145, 352.
Liber Pontificalis 332.
Linás de Ch. 52.
Lineum puellare 228.
Liutprandus 216, 296.
Lunulae 211.
- M** **Mansi** 100.
Marge 278.
Margellia, Margenium 279.
Marschall F. H. 101.
Martin 302, 326.
Mendel G. 112, 122, 143.
Migeon G. 302.
Migne 99, 207, 220, 233, 276, 277, 283.
Miklos Szent 104.
- Millet G.** 138, 179, 211, 223.
Minium 293.
Minns E. H. 4, 8, 11, 17, 21, 22, 24, 25,
 26, 83, 102, 140, 146, 150, 157, 212,
 240, 286.
Morgom 279.
Müller Sophus 304.
Murex 297.
Museum, Victoria & Albert 358.
Mutatorium 196, 225.
Mütze 263.
- N** **Nagy Surány** 75.
Neapolitano blattea 300.
Niederle L. 216, 228, 229, 230, 231, 245,
 338, 355.
Niemann G. 112.
Nöldeke 44.
- O** **Orfévrerie cloisonnée** 67.
- P** **Paludamentum** 353.
Panchaia 110.
Panno d'oro 261, 266.
Pauly-Wissowa 101.
Pawlaka 353.
Pecceg 246.
Peich, Peiudur 246.
Pellicanus 153.
Perdrizet P. 96, 97, 100, 101.
Periclysin de blattea 300.
Perrot G. 2, 20, 26, 27, 30, 116, 134, 136,
 160, 161, 285.
Phalarae 21.
Phoenix 110.
Piastretto 266.
Plinius C. 51, 110, 151, 160, 164.
Powloka 353.
Puellare lineum 228.
Purpura 297, 298.
Putti 253.
- Q** **Quatremère Et.** 267, 351.
- R** **Racama**, Ricamato 279.
Regia insignia 227; r-a signa 227.
Retro 69.

- Rica 20.
Rossi De G. B. 96, 101.
Rouge 293.
Rubus 293.
- S** Sai 257.
Samitum 352.
Sarcina 228.
Scara 263.
Scaramangion 263.
Scaramuccio 263.
Scarlatius 264.
Scharmeyen seidene 263.
Schirmen 263.
Schnaase C. 167, 168.
Segmenta 280.
Serge 341; Sergé 360.
Sericoblattea 300.
Seure 83.
Signa regia 227.
Signore di castello 266.
Siuf 246.
Solutus legibus 193.
Sonkor, schonkon, schongar 29.
Sottana con (tante) falde 258, 261.
Specium, speculum 215.
- A** Αβ(β)άδες 202.
"Αβδιον, αβδία 229, 265, 275, 277.
"Αβόλλα 251.
"Αγάματα 45.
"Αγαρηνοί 230.
"Αγγελών τῶν (λογοθέτης) 186, 187.
"Αγιος 209.
"Αετάριον (α) 200, 360.
"Αετοι πολύγυροι 252, 301; ἄ. πρασινο-
"Αζωνος 202. [ρόδινοι 252, 301.
"Αήρ 219, 282; ἄ. χρυσοκόκκινος 294.
"Αθλος ἵππικός 203.
"Ακριβολογία κ. τ. λ. 180.
"Ακρον 295.
"Αλειπτά 196.
"Αλέκτωρ 335.
- Springer A. 157, 168.
Stragula 20, 284.
Strzygowski Jos. 144.
Swoboda H. 112.
- T** Tabulae 188.
Toga praetexta 224.
Tolle 68, 69.
Toque 272.
Torques 184, 185.
Tou-Kiou 9.
Trabea 224.
- U** Usin album 354; rubeum 353.
- V** Venatores 93.
Vestes plumatae 261, 266; vestis rugata
Viola 299. [272.
Vipera 158.
Voeu du pân 108.
- W** Ward W. H. 111, 116, 117, 123, 314.
Wigand K. 158.
Wildemann 151.
Wilpert Jos. 125, 149.
Woermann K. 55, 61, 62, 63, 86, 302, 310.
Wulff O. 125.
- Z** Zer bafte 352.
- "Αληθινά 215, 272, 297, 298, 299.
"Αλκυών 156.
"Αλλαξίμα 227; "Αλλαξίματα ἄσπρα 273.
"Αλουργής 297.
"Ανάγλυφα 201.
"Αναδενδράδιον 200.
"Ανακαρισταί 208.
"Ανάκλησις τῆς περιορήσεως 205.
"Ανάλεκτα 275.
"Αναξυρίδες 275.
"Αναχωρητική 157.
"Ανδρόνικος ὁ Παλαιολόγος 282.
"Αντίπανα 278.
"Ανθρωποι οἰκεῖοι 207.
"Αξία ἢ (αι) 183, 184, 186, 192, 280; ἀξίαι
διὰ βραβείων 181.

- "Αξιώματα 192.
"Απελατικόν 209.
"Απλώματα περσικά 198, 200.
"Αράφια 252.
"Αριθμοῦ τοῦ (δομέστικος) 186.
"Αριστητήριον 207.
"Αρμελαύσια 264.
"Αρχοντες βασιλικοί 284; ἄρχ. τῶν ἐργο-
δοσιῶν 190; ἄρχ. οἰκειότεροι 207; ἄρχ.
τῶν ταγμάτων 236.
"Ασπρα 292.
"Ασπασμός 269.
"Ασπροκόκκινος 301.
"Ασπρομύναια 275, 301.
"Ασπρόχαλκα 199.
"Ατραβατικά 212, 274, 300; τὰ ἀτρ.
χλανίδια 270.
"Ατρον 300.
Αύγουστα 207.
Αὐλή 191.
- B** Βαῖα 210.
Βαλτίδιον (α) 183, 225, 292.
Βαρβάτοι 220.
Βασιλέυς 181; β. ὁ μέγας 207; β. ὁ μικρός
Βασιλικά τὰ (ἱμάτια) 228. [207.
Βασιλίκια τὰ τοῦ βρουμαλίου 207.
Βασιλικοί (ἄνθρωποι) 207, 284; β. ἄνθ-
ρωποι ἔθνικοι 229, 230.
Βασιλικῶν τῶν (πρωτοσπαθάριος) 187.
Βένετα 221.
Βερικοκκόχρουν 294.
Βεστιομιαρήσια 267.
Βηγάριος 210.
Βῆλα 182, 183.
Βῆμα 279.
Βίγλας τῆς (δρουγγάριος) 187.
Βόνας βηκηδίας 69.
Βορκάδιον (α) 20, 229, 265; βορκάδια
ἀληθινά 20, 284.
Βοτοῦ τοῦ (ἡμέρα) 212.
Βότευς 272.
Βουκκινάτορες 208.
Βουτίον 295.
- Βραβεῖον (α) 181, 186, 232, 291.
Βραχιάλια 278.
Βωτὸν παι(ε)ξοδρόμιον 202, 205.
- Γ** Γάμμα 279.
Γαύζας 69.
Γενέθλια 207.
Γενέθλιος ἑορτὴ τοῦ Κυρίου 197.
Γενικοῦ τοῦ (λογοθ.) 186, 295.
Γούνη 68.
Γρανάτζα 267.
Γρουπάριον (α) 29, 360.
Γρουπολέων 29, 200.
Γρουπονάγροι 29.
Γρουψ 29, 358.
Γυγγύβеле 274.
Γῦρος τῆς τρούλης 295.
- Δ** Δεήσεως (ων) τοῦ (τῶν) ὁ 186, 187.
Δεξιμον (α) 193, 198, 201, 204, 205;
δ. μετὰ σαξίμου 203; δεξίωσις δεξιμον
ἄνευ σαξίμου 204; δ. δ. μετὰ σ. 205.
Δεῖπνον ἐσπέριον 203.
Δεσπόται 181.
Δημοκράται 186.
Δημοτικῶς λεγόμενα 278.
Διάδημα τὸ βασιλικόν 219.
Διακαινήσιμον 270.
Διακοπτά κοντομάνικα 280.
Διβητήσιον 232.
Διερμηνευτής 239.
Διπλοῆς 188, 292, 294.
Διρόδιον 293.
Δίσχιστα 233.
Δομέστικοι 186.
Δοχή (αί) 195, 198, 201, 272.
Διυγαντάρια 275.
Δωδεκαήμερον 203.
- Ε** "Εθνικοί 195, 204, 218, 229; οἱ ἔθν. τῆς
ἐταιρείας 204; ἔθν. μεγάλοι 277.
Εἰδικαί ἀξίαι 186.
Εἰδικοῦ τοῦ ὁ 187.
Εἰκόνες λαυρεάται 198.
"Εικονικῶς 294.
"Ελγας τῆς "Ρωσένης ἐτέρα δοχή 213.

- Ἐνδότατοι 229, 293.
 Ἐξαβούλις 251.
 Ἐξάμιτος 352.
 Ἐξέμπλια 275.
 Ἐξωμῖς 228.
 Ἐπικέρνης (πιγκέρνης) 191.
 Ἐπιλουρίκιον (α) ἐπιλωρίκιον (α) 221, 231, 264; ἐπιλωρικον 265.
 Ἐπιμάνικα 232.
 Ἐπιροπιτάρια 264.
 Ἐπωμῖς (ες) 275, 291.
 Ἐρυθρόν 293.
 Ἐσωφόρια 227, 237, 275.
 Εὐκτήριον 196.
 Ἐχέσαρκα 229, 293.
Ζ Ζωνάρια νυμφικά 201.
 Ζώνη 251, 278.
 Ζωστήρ 278.
 Ζωστρίον (α) 275, 278.
Η Ἡεράνεα 291.
 Ἡλέκτρων 335.
 Ἡπλησίον 200.
Θ Θάλασσα (αι) 252, 275, 277.
 Θαλασσίτης (θάκινθος) 283.
 Θυμέλη 208.
 Θυμελικόν (α) 202, 213.
 Θωράκια 205, 269, 291.
Ι Ἰαστά 275.
 Ἰατρειόν 196.
 Ἰδιοι 207.
 Ἰνοκοπητόν 238.
 Ἰμάτιον (α) 185, 228, 251, 265, 275, 280; ἱμ. μανιακάτα 185; ἱμ. σχιστόν 266.
 Ἰνδάλματα 46.
 Ἰοειδής, ἰοεῖς, 300.
 Ἴον 299.
 Ἰουστινιάνειον 221.
 Ἰππαλέκτρων 136.
 Ἰσαπόστολος 193.
Κ Καβ(β)άδιον (α) 204, 229, 230, 233, 265, 355.
 Καβαλλάριοι 271.
 Καθέδρα οἰκεία 201.
 Καισαρίκιον 182.
 Καλύπτρα 260.
 Καμάρα (αι) 201, 219, 222.
 Καμελαύκιον 195.
 Καμίσιον 228.
 Καμουχᾶς 352.
 Κανικλείου τοῦ (χαρτουλλάριος) 187.
 Καπιστράκια 211.
 Καστόριον (σκαραμάγγιον) 235.
 Κατακόλιον 251.
 Κατασειστά 201, 220, 280.
 Κατάστασις 180.
 Καταστάσεως τῆς δ 187.
 Κατασφραγίζειν 195.
 Κατοικέσια 207.
 Κελεύσατε 195.
 Κεφαλαρέον (α) 20, 285.
 Κισσόφυλλα 251, 268, 292.
 Κιτρίνα 215. [93, 202, 230,
 Κλητώρια 180; κλητώριον πολύτριχον
 Κλοιός 185; κ. χρυσοῦς 184.
 Κλούβιον 212.
 Κοιτών 187.
 Κόκκινος 188, 293; κόκκινον (σκαρα-
 νικον) 239.
 Κολόβια 264.
 Κομβίνα 209.
 Κόμης τοῦ στάβλου 186.
 Κόμποσις 285.
 Κοντομάνικα 205, 228.
 Κουράτορ τῶν μαγγάνων 187.
 Κουρόσυνα 207.
 Κουρετζουβράκια 205, 228.
 Κράκται 182.
 Κρεμαστάρια 220.
 Κρινωνία 221.
 Κρίται 186. [197.
 Κυριακή τοῦ πάσχα ἡ ἅγια καὶ μεγάλη
Λ Λαμπρός, λαμπρά 289, 290, 292.
 Λαμπρότατοι (πραιπόσιτοι) 188; λαμ-
 πρότατος πρόεδρος 292.
 Λαμπροφορεῖν 225, 290, 291.
 Λαμπροφόρος ἑορτή ἡ 290.
 Λαός 182, 209.

- Λαπατζᾶς 267.
 Λεπτόζηλα 275.
 Λευκά (οдежда) 292; λ. στέμματα 221.
 Λευκολέοντες 252, 301.
 Λευκοφόροι 202, 290.
 Λευχειμονεῖν 291.
 Λιθοκόλλητον (ὄχημα) 283.
 Λιτά 273.
 Λόγου διὰ (ἀξίαι) 181; λ. διὰ βασιλικοῦ (ἄ.)
Μ Μαῖστορ 68. [190.
 Μανδύον, μανδύη 221.
 Μανιακάτα (ἱμάτια) 185, 275; μ. (σκα-
 ραμάγγια) 238.
 Μανιάκια 211; μανιάκης 185.
 Μάνικα 228; μάνικος 251.
 Μαντεῖα 297.
 Μαργαριτάρια (σκαράνικα) 238.
 Μαργέλλια 192, 228, 278, 295.
 Μασουρωτά 290.
 Ματζούκα 295.
 Μαφόριον 184.
 Μεγαλόζηλα 275.
 Μεγίστανοι 205.
 Μέλος οἰκείον τό 68.
 Μεσοκάρδια 201.
 Μεσοσκούτελλα 201.
 Μεταμόρφωσις ἡ ἅγια 197.
 Μεταξωτά 301.
 Μητατώριον 196, 225.
 Μίνσος τῶν δουλικίων 204.
 Μινσοῦρια 201.
 Μονόκερως 160.
 Μύϊνα 300.
 Μυστική 191.
 Μυστικός ὁ 191.
 Μυστικωτέρα 207.
Ν Νιψιστιάριοι 188.
Ξ Ξένια 199, 274.
 Ξενοδόχοι 190.
 Ξέστα 195.
Ο Οἰκειακοί 295.
 Ὄνομαστήρια 207.
 Ὄξύ 206; ὄξυς 289, 297; ὄξεα 298;
 ὄξεον σκαραμάγγ. 235.
 Ὄργανάριοι 196.
 Ὄρφανοτρόφος 187.
 Ὄσφράδια 198.
 Οὔννοι 275.
 Οὐράνιος 223.
 Ὄφρικια 186.
 Ὄχημα 283.
Π Παγανά 270.
 Παιγνία θυμελικά 213.
 Παιγνιώται 202, 208, 216.
 Παλαιστρας τῆς οἱ 196.
 Παλάτια τῆς θαλάσσης 205.
 Παπούτζια 229.
 Παραγάβδιον, παραγῶδαι 279.
 Παράδοσις 273.
 Παρακοιμώμενος 190, 207; π. τοῦ κοι-
 Παρασυρτά 284. [τῶνος 239.
 Παστοποιοί 200.
 Πατρίκιοι περιβλεπτοὶ 183.
 Πενταπόργιον 201.
 Πέπλος 272.
 Περιβαλλεῖν 274.
 Περιβλεπτοὶ πατρίκιοι 183.
 Περιβλήματα 239.
 Περιβόλαια 297.
 Περικάλυμμα 219.
 Περίκλειστα (σαγία) 291.
 Περιλεύκιος 283.
 Περίχυτα 238.
 Περόνη 278.
 Πέταλα χρυσᾶ 283.
 Πέτασοι πρᾶνδιοι 250, 272.
 Πιγκέρνης (ἐπιγκέρνης) 191.
 Πλάκες ἐλεφάντιναι 183; πλ. πατρικιότητ.
 Πλατόνια 200. [188.
 Πλωῖμων τῶν (δρουγγάριος) 187.
 Πνικτάρια 201.
 Πολύτριχον (κλητώριον) 93, 202, 230.
 Προκαθήμενος τοῦ κοιτῶνος 239.
 Πορφύρα 296; πορφυρά χρυσᾶ σκαρα-
 μαγγ. 235.

- Πορφυρογεννήτοι** 207; πορφυρογενήτων τῶν τὸ ὄνομα 296.
Πραγματευταί 213.
Πραιπόσιτοι 281. [221.
Πράσινα (сапоги) 294; πρ. στέμματα
Πρασινορόδιнос, -ον 209, 301; πρασινορόδινοι ἀετοί 252; πρασινορόδινα σκαραμάγγ. 234, 252.
Προαγωγή 182.
Πρόβλησις 222.
Προέλευσεις 193.
Προπόλωμα 184.
Πρόσωπα 68.
Προσώπου τῶν σχολῶν οἱ ἐκ 186.
Προτοβεστιάριος 207.
Πῶλος 282, 283.
Ρ **Ῥάβδος** ἐρυθροδανωμένη 186; ρ. μωσαϊκή 194, ρ. χρυσᾶ 186.
Ῥόδα χρυσᾶ 274.
Ῥοήσιον (πλατῆ) 251, 292; ῥ. (отгѣнокъ краснаго цвѣта) 293.
Ῥοιά 293.
Ῥουσαῖος, ῥούσεος 297; ῥούσιον (διβητήσιον) 271; ῥούσια (στέμματα) 221.
Ῥοῦχον 221; ῥ. κόκκινον 294.
Ῥόγαι 230.
Ῥῶς 214.
Ῥωσθήλιον 209.
Ῥωσία 213.
Σ **Σαβάνια** 280.
Σαγίον 183; σαγίον (α) ῥοῆς 251, 293, 294.
Σαγίσματα 211.
Σακελλίου τοῦ (χαρτουλλάριος) 187.
Σαλίβα 280.
Σαλπύγκται 208.
Σάξιμον 201, 204, 205, 211; σ. τὸ τακτικόν 207.
Σάρακας 229.
Σαρακηνοί 237.
Σάρκα 229, 292.
Σαρκίνα 228, 229, 292.
Σάρξ 228.
Σεία 220, 294.
Σειρομάστης 280.
Σεκρέτα 194.
Σεκρητικοί 186.
Σελήνη 211.
Σεληνίσκον 278.
Σενδές 200, 352.
Σημεῖα 279, 280.
Σήμεντα 280.
Σκαραμάγγιον (α) 204, 232—240; σκ. διάσπρον 237; σκ. διβένετον 237; σκ. ἀμφισμένα ἀπὸ διβλαττίων 235; σκ. δικίτρινον 237; σκ. διροδίον 237; σκ. μεγάλα 252; σκ. ὄξυν πρασινοτριβλάτων 251; σκ. μετὰ τριβλαττίων 235; σκ. χρυσᾶ 235; σκ. χρυσοκέντητα 235.
Σκαράνικον 233, 238; σκ. βερικοκκόχροον 238; σκ. κόκκινον 239; σκ. σурματεῖνον 238, 239; σκ. χρυσοκίτρινον 239; σκ. χρυσοκλαβαρικόν 239. σκ. χρυσοκόκκινον 238; σκ. χρυσοχοικόν 238.
Σκιάδιον 281; σκ. κλαπατόν 295; σκ. ολομάργαρον 219.
Σουρουλίσται 208.
Σπέκια 215, 280.
Σταυρίτζια 205.
Στέμμα 219.
Στεμματογύριον 219, 223.
Στέφανος 219, 222, 223.
Στηθοκαράκαλα 210.
Στρατωρίκια 280.
Στρατηλατίκια 280.
Στιχάριον 232.
Στίχος 232.
Στολίς 272.
Στρατάρχαι 186.
Στρατηγοί 186.
Στρατιώτης 221.
Στρατιωτικοῦ τοῦ (λογοθέτης) 187.
Στρεπτόν 225.
Συρματεῖνον (σκαράν.) 238.
Σφαιροδρόμιον 213.
Σφενδόνη 191.
Σφενδόσθλαβος 214.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
111	20 св.	Гелеополя	Гелиополя
135, прим. 1		Εвриπιδα, Ἰων, 1158—9) 61—2	Εвриπιδα Ἰων, 1158—62
136	8 св.	ипотамахъ	ипопотамахъ
136	10 св.	ἱππαλέκτροων	ἱππαλεκτροών
138	7 сн.	Калисѳенъ	Каллисѳенъ
138, прим. 1		partie	partie
138, прим. 2		Калисѳена	Каллисѳена
142, прим. 1		Mittelalter	Mittelalters
143, прим. 1		Imp.	Imp.
150		III.	3.
153, прим.		ἐκαστοῦ	ἐκαστου
155	6 св.	Ефратъ	Евфратъ
160	подъ рис. 55	Борнзвая	Бронзовая
161	20 св.	зрѣря	звѣря
165	13 сн.	множество	во множествѣ
180	на поляхъ	Клиторогій	Клиторологій
181	на поляхъ	Курополатъ	Куропалатъ
191	12 сн.	(πιγέρνες)	(πιγέρνης)
194	11 св.	Константинъ и Тиверій	Тиверій — Константинъ
195, прим. 1		Χερνιβοξέστα	Χερνιβοξέστα
201	8 св.	та	τὰ
203	8 св.	прилашають	приглашають
238, прим. 2		ἔχον	ἔχον
239	7 св.	κοιτώνουσ	κοιτώνους
243	4 сн.	мелочно-персидскій	мелочно персидскій
251	16 св.	ζώνην	ζώνην
252, прим. 3		θαλάσσας	θαλάσσας
265, прим. 6		Савватовъ	Савваитовъ
267	5 св.	браслетъ	браслетовъ
268, прим. 4		comptuaires	comptuaires
270	подъ рис.	Рис. 79	Рис. 81
281	3 сн.	рѣка	вѣка
298	6 св.	μαφορία	μαφορία
300	11 св.	Юстина	Юстина
312	21 сн.	Уллись	Улиссъ
320	15 св.	индускій	индусскій
353	2 сн.	Македонина	Македонянина
357, прим. 2		Архол.	Археол.
396	II столб.	Кубечи	Кубачи
421	II столб.	Семибратскіе	Семибратніе

- Σφιγκτούρια 259, 275.
 Σφραγίδια 205. [204.
 Σχήμα ἔθνικόν 202, 229, 230; σχ. δικεῖα
 Σχολῶν τῶν ἐκ προσώπου οἱ 186.
 Σωληνοκέντητος 272.
 Σωμάτιον 229.
Τ Ταβλίον 251; ταβλία ἀπὸ ὀξέων 274.
 Ταγηνάρια 360.
 Ταμπάριον 294.
 Τάξις 179, 197; ἡ τῶν ἀλλαξιμῶν τ. 195.
 Τατάς τῆς αὐλῆς 191.
 Τάων 200.
 Ταώνιον 200.
 Τειχέων τῶν (δομέστικος) 186.
 Τετράδιον πορφυροῦν 183.
 Τετράφυλλον (φόρεμα) 221.
 Τζάγγια, τζάγγαι 268, 275, 297.
 Τζιτζάκιον 225.
 Τζουκανιστήριον 213.
 Τοῦφα μικρὰ κοκκίνη 239; τουφία 285.
 Τριβῶν 265, 279.
 Τριβώνιον 265.
 Τρίκλινον 205.
 Τρίκομβον (μανιάν.) 185.
 Τρίφυλλον 295.
 Τροπαιονχία 221.
 Τρυγητικόν 68, 203.
 Τύρεα (μαντιῖ) 212; τ. χλανίδια 273,
 274, 294; τ. — пурпуръ 297.
 Τυροφάγος (ἔβδομας) 203.
Υ Ὑάκινθος 283.
 Ὑδρωψ 155.
 Ὑψηροσία 189.
 Ὑποκάμισα 228, 293; ὑποκαμίσιον 228.
 Ὑποῦέλιος 296.
 Ὑποχιτώνες 229.
Φ Φαιόν 238, 294.
 Φακεωλίδα 221.
 Φακεώλιον (φακεωλῖς) 282.
 Φάργανοι 230.
 Φεγγία 211.
 Φθέγμα 202.
 Φιάλη (φυσάλη) 260.
 Φίβλαι 297.
 Φίλοι 93, 194, 203, 230, 236.
 Φοινίκια τά 285, 297.
 Φόρεμα (—ματα) 191, 221, 267; φ. Περ-
 σικόν 192.
 Φράγγοι 230.
 Φραγέλιον χρυσοῦν 185.
 Φυαλῖς 221, 231.
 Φύλαξ 200.
 Φώτων τῶν ἡμέρα 197, 203.
Χ Χάζαροι 230.
 Χαιώματα 284.
 Χαράδριος 157.
 Χαρακτήρ 198.
 Χειμευτόν 284.
 Χειρονομία 202.
 Χειρόρτιον — χειροθήκη 280.
 Χερνιβόξεστα = χέρνιβα 195.
 Χιτών διφώδινος καὶ χρυσόθετος 251.
 Χιτωνίσκοι 229, 293.
 Χλαῖνα 277.
 Χλαμύδα 251.
 Χλανίδια 273, 274, 294.
 Χόρευσις 205.
 Χρυσόθετος (χίτ.) 292.
 Χρυσόκλαβα 215.
 Χρυσοποίκιλος (χίτων) 294.
 Χρυσοπράσινον (δικανί.) 296.
 Χρυσοσήμεντα 211.
 Χρυσοφεγγῆς (χλ.) 272.
 Χώρα τῶν μακάρων 139.
Ψ Ψελλία 278.
 Ψευδοξέα 297, 298.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ

	Стр.
I. Рис. 1. Нащечникъ Краснокутскаго кургана	19
„ 2. Фалары Александропольскаго кургана	24
„ 3. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (оборотная сторона)	26
„ 4. Бронзовая пластинка магическаго содержанія (лицевая сторона)	27
„ 5. Магическій знакъ фурбу (по Schlagentweiß)	30
„ 6. Пряжка Александропольскаго кургана	31
„ 7. Фалары Александропольскаго кургана	32
„ 8. Золотая бляха (накладка на ремень) изъ Александропольскаго кургана	33
„ 9. Фаларъ изъ Янчокракскаго клада	35
„ 10. Бляха неизвѣстнаго происхожденія	36
„ 11. Золотой олень (накладка налучія) изъ Куль-Оба	37
„ 12. Золотой олень изъ Костромской станицы	38
„ 13. Золотой олень найденный въ Венгріи (Tápiószentmárton)	39
„ 14. Фигуры животныхъ изъ фриза Старобѣльскаго фалара	40
„ 15. Фаларъ изъ Старобѣльскаго клада	41
„ 16. Бляха изъ Истяцкихъ юртъ на р. Тоболѣ	46
„ 17. Бронзовые олени изъ Сибири	47
„ 18. Золотая фигурка лани изъ Аму-Дарьинскаго клада	48
„ 19. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	49
„ 20. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	50
„ 21. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	50
„ 22. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	51
„ 23. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	52
„ 24. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	53
„ 25. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	54
„ 26. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	55
„ 27. Золотая бляха Сибирской коллекціи Эрмитажа	56
„ 28. Бронзовая пластинка изъ Минусинскаго округа	57
„ 29. Золотая бляха Сиверской станицы (Историческій Музей)	59
II. Рис. 30. Діадема новочеркаскаго клада	73
„ 31. Наконечники ремней изъ Венгріи	76
„ 32. Наконечникъ ремня изъ Венгріи (Mindszent)	77
„ 33. Золотая накладка на ремень изъ Венгріи	78

	Стр.
III. Рис. 34. Голова грифона изъ Брѣзова	84
„ 35. Пластинка изъ Брѣзова	84
„ 36. Архангелъ Уриилъ. Живопись гробницы въ Софіи	95
„ 37. Капитель изъ развалинъ Прѣслава	102
„ 38. Поливное блюдо изъ Херсонеса. Схватка грифа со змѣей	103
„ 39. Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада	104
„ 40. Плита собора Св. Марка въ Венеціи	105
„ 41. Шиферная плита изъ Старой Загоры	106
„ 42. Шиферная плита изъ Старой Загоры	107
„ 43. Шиферная плита изъ Старой Загоры	109
„ 44. Рельефъ на соборѣ Св. Марка въ Венеціи	114
„ 45. Шиферная плита изъ старой Загоры	115
„ 46. Изразцовая икона св. Феодора („Керамиченъ образъ“) изъ Патлейна	126
IV. Рис. 47. Золотая пластинка съ изображеніемъ пары драконовъ Сибирской коллекціи Эрмитажа	140
„ 48. Бронзовый акваманиль въ видѣ дракона	141
„ 49. Голова дракона изъ бронзы. Собраніе Высоцкаго Казань. (По рисунку Д. В. Айналова)	142
„ 50. Обратная сторона бронзы собранія Высоцкаго	143
„ 51. Рельефъ съ изображеніемъ дракона въ Коніи	144
„ 52. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Нью-Йоркъ, собр. Е. Мейеръ)	146
„ 53. Китайская бронзовая ваза въ видѣ дракона (Парижъ Музей Чернуски)	147
„ 54. Рельефное изображеніе слона на стѣнѣ собора въ Юрьевѣ-Польскомъ	155
„ 55. Бронзовая фигурка единорога въ музеѣ Чернуски въ Парижѣ	160
„ 56. Бронзовая курильница въ видѣ единорога	162
„ 57. Капитель изъ церкви Св. Евтропія въ Saintes, Charente Inférieure	166
„ 58. Русскія монеты XIV—XV в. в.	171
V. Рис. 59. Сцена ипподрома (раздача царемъ вѣнцовъ). Изображеніе на базѣ обелиска Феодосія	210
„ 60. Изображеніе „каѳисмы“ на фрескѣ лѣстницы Св. Софіи въ Кіевѣ	217
„ 61. Изображеніе Хозроя I (въ „кабатѣ“?) на рѣзномъ камнѣ сассанидскаго блюда въ Луврѣ	231
„ 62. Чаша съ триумфальнымъ изображеніемъ императора изъ Керчи	234
„ 63. Медальонъ Юстиніана, обратная сторона (по копіи Британскаго Музея)	237
„ 64. Золотая фигурка всадника	240

	Стр.
V. Рис. 65. Серебряное „сассанидское“ блюдо	242
„ 66. Китайская ткань монастыря Нара (Японія)	244
„ 67. Греко-египетская ткань. Худ. Пром. Музей въ Берлинѣ	245
„ 68. Бронзовая статуэтка, найденная въ Саратовской губерніи	246
„ 69. Мѣховая куртка. Афганистанъ	246
„ 70. Куртка-кафтанъ татарской женщины. Шемаха	246
„ 71. Кафтанъ-бешметъ туркменской женщины	277
„ 72. Ткань изъ Мозака	248
„ 73. Ткань собора въ Бамбергѣ	249
„ 74. Ткань въ Маастрихтѣ	254
„ 75. Ткань съ изображеніемъ амазонокъ. Худ. Пром. Музей въ Берлинѣ	255
„ 76. Джентиле де Фабріано. Поклоненіе волхвовъ	256
„ 77. Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Средній волхвъ (Императоръ Іоаннъ Палеологъ)	258
„ 78. Беноццо Гоццоли. Рождество Христово. Младшій волхвъ (Лоренцо Медичи)	259
„ 79. Изображеніе палача по альбому Гефнера фонъ-Альтенека	262
„ 80. Младшій волхвъ на картинѣ припис. Антоніо Виварини (по альбому Гефнера фонъ-Альтенека)	263
„ 81. Сассанидская ткань съ изображеніемъ барана (Музей Guimet въ Парижѣ)	270
„ 82. Изображеніе на сосудѣ Миклошскаго клада	287
VI. Рис. 83. Ткань изъ Антинои. Музей тканей въ Ліонѣ	307
„ 84. Ткань изъ Антинои. Рисунокъ въ Музеѣ Guimet въ Парижѣ	312
„ 85. Ткань изъ Латеранской сокровищницы. Ватиканъ	315
„ 86. Ткань Художественно-Промышленнаго Музея въ Прагѣ	317
„ 87. Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ	318
„ 88. Ткань въ Музеѣ Cluny въ Парижѣ	319
„ 89. Ткань изъ Ахмима. Берлинъ. Худ. Пром. Музей. (По Лессингу)	321
„ 90. Ткань изъ Ахмима. Берлинъ. Худ. Пром. Музей. (По Лессингу)	322
„ 91. Ткань Діоскуровъ. Маастрихтѣ	323
„ 92. Ткань изъ Египта	328
„ 93. Ткань въ Музеѣ Cluny. Парижъ	329
„ 94. Фреска, передающая рисунокъ ткани, изъ Кизила (ок. Кучи). Этнографическій Музей въ Берлинѣ	330
„ 95. Персидская ткань (библіотека въ Wolfenbüttel)	331
„ 96. Ткань Латеранской сокровищницы	334
„ 97. Ткань изъ Антинои. Музей Guimet въ Парижѣ	336
„ 98. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ	340
„ 99. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ	341
„ 100. Ткань съ Кавказа. Историческій музей въ Москвѣ	342

	Стр.
VI. Рис. 101. Ткань съ Кавказа. Историческій Музей въ Москвѣ	343
„ 102. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Историческій Музей въ Москвѣ	344
„ 103. Ткань изъ одной испанской церкви (Берлинъ, Музей Худ. Пром.).	345
„ 104. Ткань въ Берлинѣ. (Музей Худож. Пром.)	346
„ 105. Ткань съ Кавказа (изъ Сванетіи). Истор. Музей въ Москвѣ	348
„ 106. Ткань въ соборѣ Тулузы	350
„ 107. Ткань въ ризницѣ собора въ Сансѣ	359
„ 108. Ткань изъ Кедлинбурга въ Берлинѣ (Худ. Пром. Музей)	360
„ 109. Ткань изъ Успенскаго собора во Владимірѣ	361
„ 110. Ткань въ Шинонѣ	362
„ 111. Ткань въ Зигбургѣ	363

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Предисловіе Проф. Л. Г. Нидерле	I—III
I. Древности восточныхъ кочевниковъ и южной Россіи (скифо-сарматскія)	1—60
Введеніе: Общий взглядъ на научную постановку исторіи искусствъ. 1. Древности Восточной Европы. Изученіе скифо-сарматскихъ древностей. 3. 1. Связь кочевниковъ Азии и Восточной Европы. 5. Быть кочевниковъ. 6. Культурный уровень кочевниковъ. 7. Государственность у кочевниковъ. 8. 2. Религиозныя вѣрованія кочевниковъ. 10. Кудесничество. Магія. 12. Шаманство. 14. 3. Погребальныя обряды. Могильный инвентарь. 17. Конскій уборъ. 19. Фалары. 21. Втулки-наконечники. Характеръ орнаментаций предметовъ. Значеніе отдѣльныхъ формъ. Символы, амулеты, талисманы. 22. Рыба. 25. Грифъ. 29. Символическіе знаки. 30. Композиціи звѣринаго стиля. Южно-русскіе курганы. 31. Типъ витязя-богатыря. Кубанскіе курганы. 41. 4. Извѣстія Геродота о массагетахъ. 42. Кочевники Сибири и Средней Азии. 43. Сибирскія древности. 44. Звѣриный стиль у азиатскихъ кочевниковъ. 45. Древности Пермскаго края. 57.	
II. Искусство средневѣковыхъ варваровъ въ Европѣ	60—81
Научная постановка исторіи средневѣковаго искусства. 61. Звѣриный стиль въ средневѣковомъ искусствѣ. 63. Византія и варвары. Роль варваровъ въ византійской имперіи. 64. Древности готовъ. 67. Готѣиконь. 68. Варварскіе некрополи Россіи. Ананьинскій могильникъ. Кавказскія древности. 69. Древности Донской области. Новочеркасскій кладъ. 72. Звѣриный стиль въ Азии. 74. Древности Венгрии. 75. „Олифанты“. 77. Приложеніе къ II очерку: Древности Крыма. 79. Древности Великихъ Болгаръ. 80.	
III. Древности Болгаріи	82—132
1. Древности Болгаріи (могильныя). 82. 2. Рельефъ всадника въ с. Мадара. 86. 3. Барельефъ съ изображеніемъ цирковыхъ игръ. 90. 4. Роспись древне-христіанской гробницы въ Софії. 94. Почитаніе ангеловъ. 97. 5. Болгарскіе каменные рельефы. Грифъ. 101. Капитель съ изображеніемъ грифа, терзающаго слона. 104. Плита съ изображеніемъ грифа. 106. Плита съ изображеніемъ льва. 107. Павлинь. 108. Связь павлина съ фениксомъ. 109. Фениксъ. 110. Плита съ изображеніемъ павлиновъ. Памятники съ изображеніемъ того же сюжета. Мозаика Аквилеи. 112. Рельефы Равенны и Рима. Рельефы св. Марка въ Венеціи. 113. Плита съ изображеніемъ двуглаваго орла 115. Двуглавый орелъ какъ эмблема, ея смыслъ и исторія. 116. Общий характеръ болгарскихъ древностей. 119. Вопросъ о ханской усыпальницѣ. 120. Декоративныя рельефы Прѣслава. 121. Христіанскіе памятники. Мозаика св. Софії. 122. Находки въ Патлейнѣ. 124. „Керамичень образъ“. 125. Орнаментальныя изразцы. 126.	

Приложеніе къ III очерку: Варианты изъ предыдущаго очерка: Мадарскій конникъ. 129. Рельефы Ст. Загоры. Рельефы изъ Дренова. 131. Рельефы Ст. Загоры. 132.	Стр.
IV. О звѣриномъ стилѣ въ средневѣковомъ искусствѣ	133—177
1. Научная постановка вопроса о звѣриномъ стилѣ и его опредѣленіи. 113. Источники звѣринаго стиля. 134. Смыслъ изображеній звѣринаго стиля. 135. Сказочная литература. „Александрія.“ 136. Версіи легенды объ источникѣ жизни. 138. 2. Драконъ. 139. Эмблематическое значеніе дракона въ Китаѣ. 144. Дальне-восточный типъ дракона. 145. Значеніе дракона въ восточной мифологіи. 147. Персидское и китайское представленія о драконѣ. 148. Библейскій образъ дракона. Представленіе о драконѣ въ христіанскую эпоху. Драконъ въ русскихъ памятникахъ и лѣтописныхъ свидѣтельствахъ. 149. 3. Изображенія звѣрей въ искусствѣ эпохи эллинизма. 150. Физиологи и бестиаріи. 152. Символическія значенія звѣрей. 153. Древность физиолога. Русскій физиологъ. 154. Звѣри. 155. Птицы. 156. Гады. Сложныя формы гадовъ. 158. Чудища. 4. Единорогъ. 159. Восточный типъ единорога. 161. Реальныя черты въ основѣ представленія объ единорогѣ. 163. Обезьяны. 5. Общая характеристика романскаго звѣринаго стиля. 164. Буслаевъ. 165. Шнаазе. 167. Приложеніе къ IV очерку. 1. Рельефы ц. св. Мины въ Солуни. 168. 2. Восточныя ковры. 169. 3. Изображенія на русскихъ монетахъ. 171. 4. Извѣстіе о поморскихъ славянахъ въ житіи Оттона, еп. Бамбергскаго. 173. 5. Фрески потолка Палатинской капеллы. 174.	
V. Византійскія одежды	178—301
Введеніе: Значеніе византійскаго двора. Книга о церемоніяхъ Константина Багрянороднаго. 178. Клиторологія Филоея. 180. 1. Чины византійскаго двора. Высшіе чины. Куропалатъ. 181. Кесарь. Новелиссимъ. Магистръ. 182. Стратиги. Патрици. Анѳипаты. Опоясанная патрицианка. 183. Доместики. Спаѳаріи. 184. Гривна. Маніакъ. 185. Дѣленіе чиновъ. Военныя чины. 186. Придворныя чины. 187. Препозиты. Евнухи. Папій. 188. Значеніе дворцовыхъ чиновъ. 189. Сочиненіе Кодина. 190. Измѣненія въ спискѣ чиновъ. Измѣненія въ характерѣ чиновъ. 191. 2. Царя. Ихъ отношенія ко двору. 192. Отношеніе царей къ церемоніалу. 193. Церемоніаль. Царскій выходъ. 194. Выходъ на Вознесеніе. 197. Приѣмы у царя. Приѣмы пословъ. 198. Приѣмъ пословъ халифа и эмира Тарса. Украшенія дворца. 199. „Пентапиргіи.“ Царскіе приѣмы. Перечень пировъ. 201. Рождественскіе пиры. 202. Пасхальныя пиры. 204. Врумали. 206. 3. Игры и представленія. 207. Ипподромъ. 209. „Фенгіи“. 211. „Вотъ.“ Луперкаліи. 212. Циканій. Приѣмъ Ольги. 213. Фрески лѣстницъ Св. Софії въ Кіевѣ. 214. Театральный характеръ церемоній. 218. 4. Корона. Стемма. Кесарскій вѣнецъ. 219. Вотивныя вѣнцы. 220. Измѣненія въ формѣ стеммы. Иныя царскіе головныя уборы. Тиара. 221. Головные уборы приближенныхъ чиновъ. Складій. 222. Царскія облаченія. 223. Лоръ. 224. Цицакій. 225. 5. Перемѣна въ одеждѣ. 226. Заимствованія отъ „варваровъ“. „Аллаксимы“. 227. „Иматіи.“ Рубашка. Сорочка. Камисій. 228. Кабать. Кавадій. 229. Кафтанъ. 231. Стихарій — дивнтисій. Скарамангій. 232. Скараникъ. 238. Ыздовой кафтанъ по археологическимъ даннымъ. 239. Древности кочевниковъ. 240. Сассанидскія блюда. 241. Восточныя ткани. 242. Восточныя одежды. 244. Восточныя миниатюры. 247. Византійскія ткани. 248. Скарамангій проэдра синклита. 251. Александрійскія ткани. 252. Изображенія волхвовъ въ западной живописи. 255. Мантии и плащи. 264. „Эпилорикъ.“ Ферязь. 265. Одежды русскаго царскаго двора. 266. „Гранаца.“ „Лапаца.“ 267. Обычай	

стоять скрестивши руки. 268. „Тампарій.“ 6. Общій типъ облачений IX—X в. в. Облачения царя. 269. Облачения чиновъ. Характеръ и цѣль записей. 271. Облачения на праздничныхъ выходахъ. 272. Облачения препозитовъ. Облачения новеллиссима и магистра. Записи даримыхъ облачений. 274. Свидѣтельство Прокопія. 275. Свидѣтельства Свят. Іоанна Златоуста о роскоши. Варварскій характеръ роскоши. 276. Смыслъ и значеніе даренія одеждъ варварамъ. Поясъ. 277. Значки. Коймы. 278. Парагауда. Положеніе изучения вопроса. Σήματα. 279. Σειρομάστις чауша. Χειρόβουλον. Отличія и ихъ число. 280. Головные уборы. 281. Клубукъ Θεодора Метохита. 282. Скипетры, жезлы и т. д. Перилевкій. Яхонтъ. 7. Конская сбруя. Кареты. 283. Воркади. 284. Конскія кисти на археологическихъ памятникахъ. 285. Втулки для кистей у кочевниковъ. 286. Конскій уборъ въ Россіи. 287. Ворворка. 288. 8. Цвѣтъ одежды. Значеніе яркости красокъ. Бѣлая одежды. 289. Красный цвѣтъ. Его оттѣнки. 293. Переходъ къ красному въ поздней Византіи. Пурпуръ. 296. Черный цвѣтъ. 299. Двухцвѣтная одежды. 301.

VI. Византійскія и восточныя ткани средневѣковья 302—364

1. Значеніе тканей для изученія исторіи ср. вѣк. искусства. 302. Назначеніе тканей 303. Принципіальные вопросы классификаціи тканей. Сущность художественной эволюціи въ тканяхъ. 304. Характеръ римско-эллинистическаго орнамента. 305. Роль тканей при изученіи орнамента. Геометрической орнаментъ. 306. 2. Растительный орнаментъ. 307. Флора эллинистическаго міра. 308. Ея отраженіе въ искусствѣ. Лавръ и миртъ. Кипарисъ. 309. Гранатовый плодъ. Шелковица. 310. Тыква 311. Растенія избранныя для орнамента. 3. Пальма. 312. 4. Виноградная лоза. 316. Плющъ. 318. Аканеъ 319. Бетель. 320. 5. Роза. 323. Лилія. 324. Розетка. 6. Звѣриныя сюжеты. 325. Общая постановка вопроса. 327. Павлины. 329. Утки. Львы. 330. Геральдическое значеніе сюжетовъ. Магическое значеніе сюжетовъ. 332. Крылатый конь. Пѣтухъ. 333. Общій характеръ сюжетовъ. 336. 7. Ткани, найденныя въ Россіи. 337. Кавказъ. 338. Находки гр. Уваровой въ Сванетіи. 343. Ткани со слонами. 344. Ткань съ грифами. 347. Характеръ культурнаго импорта съ Востока. 349. Богатства халифовъ. 351. Названія тканей. 352. Ткани въ древней Руси. 354. Одежды древней Руси. Одежды въ былинахъ. 355. „Регалии.“ 356. Ткани изъ гробницъ князей. 357. Изображенія грифа на тканяхъ. 358. Ткань съ изображеніемъ гепардовъ. 360. Ткани изъ старой Рязани. 362.

Указатели 365—445

Русскій 365. Латинскій 437. Греческій 440.

Списокъ рисунковъ 446

Оглавленіе 450

Добавленія и печатки 453

ДОБАВЛЕНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ

Стр. 4, прим. 1: Отчеты Имп. Арх. Ком. 1889—1898 и за 1898—1915 г. г. Тамъ же: Записки Имп. Русск. Арх. О-ва.

Стр. 26, прим. 1: Также: M. Rostowzew. Fische als Pferdeschmuck. Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata. Holmiae MCMXIII. S. S. 223—231.

Стр. 29, стр. 3 снизу слѣдуетъ читать: японскихъ микадо, то понятна и т. д.

Стр. 31, прим. 1: См. также: П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М-а П-д 1923, рис. на стр. 175.

Стр. 55, прим. 1: Также: G. Borovka. Scythian art. London 1928. M. Rostovtzeff. The Animal Style in S. Russia and China. Princefon 1928 и М. И. Ростовцевъ. Срединная Азія, Россія, Китай и звѣриный стиль. ЗКУΘΙΚΑ. 1. Прага 1929.

Стр. 69 къ стр. 16—19 примѣч.: Библиографію объ Ананьинскомъ могильникѣ см.: Tallgren. L'époque dite d'Ananino. Helsingfors. 1919, также M. Ebert. Real-Lexicon der Vorgeschichte, s. v. Anan'ino.

Стр. 86 къ стр. 7 снизу примѣч. см. о Мадарскомъ рельефѣ: Мадарскія конникъ. Изд. на Нар. Муз. въ Софія. С. 1925. Кр. Миятевъ. Мадарскія конникъ. Изв. на Бѣлг. Арх. Инст. V 1928/29, стр. 90—126.

Стр. 87, прим. 2; См. также статью Г. Кацарова „Heros“ въ III Supplementband Pauly—Wissowa—Kroll, Real-Encyklopädie, Sp. 1132—1148, гдѣ сопоставлены исчерпывающія данныя о еракійскомъ конникѣ.

Стр. 91, стр. 19: слово (bestiarii) слѣдуетъ выпустить. Bestiarii назывались не содержатели звѣрей, а тѣ, кто боролись съ ними.

Стр. 119, прим. 1: Воспроизведеніе плиты въ Марковомъ монастырѣ см.: Dr. Л. Мирковић. Мрњавчевићи. Старице. III серија. III кн. (1924—25) Београд 1925, стр. 24.

Стр. 129, стр. 14: слова Но такъ какъ слѣдуетъ выпустить и читать: По обѣ стороны и т. д.

Стр. 160, прим. 3: Ib. (Ibidem), рис. 133 относится къ сочиненію O. Keller. Antike Tierwelt.

Стр. 161, къ стр. 14—18 прим.: Воспроизведеніе см.: Н. П. Кондаковъ. О научныхъ задачахъ исторіи древне-русскаго искусства (Памятники древней письменности и искусства СXXXII). 1899, табл. 9 (ср. стр. 41).

Стр. 185, прим. 1, стр. 2: послѣ 91, 411. слѣдуетъ читать: О возложеніи маниака кампидуктора на Анастасія см. тамъ же I, 92, 423, на Юстина — I, 93, 429.

- Стр. 201, стр. 1—3: слѣдуетъ читать пятибашенный шкапъ..., по пяти сторонамъ котораго, въ нишахъ, устраивалась выставка... вещей, подвѣшенныхъ и т. д.
- Стр. 220, прим. 1: Аналогичный фактъ отмѣченъ тѣмъ же Теофаномъ и въ отношеніи Юстина (А. М. 6019; *ibidem*, col. 401).
- Стр. 221, прим. 5, стр. 3: слѣдуетъ читать акакія, о которой см.: Н. П. Кондаковъ. Миѳическая сума съ земною тягою. Списание на Българската Академия на наукитѣ. XXII, 53—66.
- Стр. 224, прим. 2, стр. 2 снизу: послѣ Фибула въ Византіи слѣдуетъ читать *Seminarium Kondakovianum* III, 1929, стр. 49 и слѣд.

О П Е Ч А Т К И

Страница:	Строка ¹ :	Напечатано:	Слѣдуетъ:
7	2 сн.	Кубечи	Кубачи
8	22 св.	Фирдуси	Фирдоуси
11	11—12 сн.	Аттиллою	Аттилою
14	12 сн.	Аттиллы	Аттилы
23	15 сн.	скиѳскихъ утварей	скиѳской утвари
42	13 св.	Семибратскіе	Семибратніе
46	1 св.	<i>ivdalmata</i>	<i>ivdalmata</i>
67	16 св.	крайнѣ	крайне
70	2 св.	Новочеркасскими	Новочеркасскимъ
75	1 св.	Идію	Индію
77	4—5 св.	арабесковъ	арабесокъ
80	3 сн.	озображая	изображая
81	1 св.	. Три	; три
81	4 св.	. И наконецъ	; и наконецъ
83	13 св.:	послѣ настоящихъ пропущено слово предметовъ	
83, прим. 1		<i>Veure</i>	<i>Seure</i>
88	22 св.	вслѣдъ	вслѣдъ
94	16 сн.	0,16 см.	0,16 м.
96, прим. 1		<i>Pedrizet</i>	<i>Perdrizet</i>
104	7 св.	двевноствямъ	древноствямъ
110, прим. 2		<i>ave fabulose</i>	<i>an fabulose</i>
110, прим. 2		<i>circo</i>	<i>circa</i>
110, прим. 2		<i>destinguentibus</i>	<i>distinguentibus</i>

¹) При счетѣ снизу строки примѣчаній не принимаются во вниманіе.